

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

ПОЛНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ГОСУДАРСТВ ДВОР
ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ И ЦАРЕЙ

РОССИЙСКАЯ
ИМПЕРИЯ

ПОЛНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ГОСУДАРСТВ ДВОР
ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ И ЦАРЕЙ

Ирина Воскресенская

ПОЛНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

❧ ГОСУДАРЬ ДВОР
ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ И ЦАРЕЙ ❧

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
В76

Рецензенты:

А.В. Лубков, доктор исторических наук, профессор,
проректор Московского института открытого образования;
А.А. Парпара, лауреат Государственной премии России,
профессор МГУКИ, основатель и главный редактор «Исторической газеты»;
Л.Г. Свитич, доктор филологических наук, старший научный сотрудник
факультета журналистики МГУ, профессор ИМПЭ;
И.Г. Леонова, руководитель центра «Социальное партнерство»

Особая благодарность за помощь в подготовке и оформлении книги
Н.О. Воскресенскому, Г.Г. Ушаковой, А.Н. Воскресенской,
Е.В. Татаринцевой, Н.И. Коаленковой

Компьютерный дизайн: *С.Е. Власов*

Воскресенская, И.В.

В76 Российская империя : Полная энциклопедия : Государев двор великих князей и царей / Ирина Воскресенская. — М.: Астрель: Олимп, 2010. — 526. [2] с.: 16 л. ил.

ISBN 978-5-271-26554-9 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 978-5-7390-2435-0 (ООО «Агентство «КРПА Олимп»)

Эта книга — первая полная энциклопедия титулов, чинов и званий допетровской Руси. Структура русского общества XI—XVII веков и деятельность людей, вовлеченных в управление Русским государством, находятся в центре внимания автора. Книга, несмотря на серьезность затрагиваемых вопросов, написана живым, увлекательным языком.

В ней также поднимается и тема повседневной жизни обитателей государственного двора — от царевен в тереме до воеводы, отправляющегося в далекий поход.

Подробности биографий таких ключевых в истории России фигур, как Александр Невский, Дмитрий Донской, Алексей Михайлович, также найдет любознательный читатель на страницах этой книги.

Книга предназначена для всех, кто интересуется историей Отечества.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Книга посвящается:

Воскресенскому Никите Олеговичу

Улановой Галине Геннадиевне

Воскресенской Анастасии Никитичне

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Введение	9
Звание	11
Разряд	14
Сан	23
Титул	24
Чин	31
Государев двор	35
Титулы верховной власти	55
Великая княгиня	57
Великий князь Древней Руси	83
Великий князь Московский и всея Руси	117
Князь	152
Царевич	161
Царевна	179
Царица	220
Царь	279
Чины Государева двора	345
Боярин	347
Боярыня	371
Боярышня	386
Конюший	391
Кравчий	397
Ловчий	401
Наместник	404
Окольничий	407
Оружничий	415
Подсокольничий	420
Посадник	425
Постельничий	427
Рында	433
Сокольничий	436
Спальник	442
Стольник	445
Стряпчий	450

Чашник	459
Ясельничий	462
Царицын дворовый чин	465
Верховая боярыня	467
Боярыня-мама	473
Казначей	477
Кравчая	480
Постельница	482
Светличная	484
Низшие женские чины	487
Мужские царицыны чины	492
Воинские звания	499
Воевода	501
Голова	508
Сотник	515
Тысяцкий	519
Библиография	525

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу.*

А.С. Пушкин

*Гордиться славою своих предков не только
можно, но и должно; не уважать оной
есть постыдное малодушие.*

А.С. Пушкин

Книга-словарь «Государев двор великих князей и царей» является частью серии под названием «Слова — хранители былого».

Как и в других книгах-словарях этой серии, «Государев двор» состоит из отдельных статей с заглавными словами, которые обозначают титул, чин или звание, бытовавшие при государевых дворах в Древней Руси, Московском и централизованном Российском государствах.

Задача данной книги «Государев двор» — показать в более широком масштабе жизнь и деятельность русских людей, вовлеченных в государственное управление России, осуществлявшееся через его центр, государев двор, в период с IX по XVII век. Эту задачу определила более чем сорокалетняя педагогическая практика автора в самых разных учебных заведениях, начиная со средней школы и кончая академией, притом как в нашей стране, так и за рубежом. Преподавание русской классической литературы показало, что, к сожалению, наша классическая литература, особенно на исторические темы, все более и более становится недоступной для понимания современным молодым людям, потому что многие слова-историзмы, особенно титулы, титулование, чины и звания, связанные с ними должности и обязанности тех, кто находился на государственной службе в те далекие времена, большинству молодых людей незнакомы. Современные учебники по истории, естественно, включают прежде всего сведения о войнах, восстаниях и бунтах, о реформах, проводимых в различные исторические времена. И очень кратко, в общих чертах, сообщают о состоянии культуры и особенностях русского быта на протяжении целого века. Подробности жизни отдельных людей, их участие в создании и обустройстве государства, их имена и судьбы остаются за страницами учебника. Что касается исторических сведений в курсах истории литературы, то они тем более ограни-

ченны и касаются только писателей и их литературного творчества, оставляя в стороне их государственную и благотворительную деятельность, получение ими чинов, званий и наград именно за эту деятельность. Особенно мало сведений получают учащиеся школ и студенты гуманитарных вузов по истории Древней Руси и Московского государства, а потому их представления о жизни людей в этот период времени, кроме Ледового побоища и Куликовской битвы, вообще весьма скудны.

Желание дать более глубокие исторические знания нашей молодежи, в большинстве своем интересующейся гуманитарными науками, пополнить их лексикон новыми, хоть и старинными словами и вспомнить не только об известных всем героях, но и рядовых людях, которые своим трудом помогали строить Русское государство, Россию, — все это и подвигнуло автора на труд, предлагаемый вниманию читателя.

Чтобы не было разночтений в основных понятиях, употребляемых в книге, читателю предлагается ознакомиться с Введением, в котором дается авторское понимание слов: «звание», «разряд», «сан», «титул», «чин». Кроме того, имеется статья «Государев двор», в которой раскрывается понятие этого исторического явления русской жизни.

Конечно, без упоминания о крупных событиях: войнах, стрелецком бунте, о пожарах, о победах русского воинства, о строительстве в Москве, о создании новых городов и присоединении новых земель, — обойтись было нельзя. Но главное, что отличает эту книгу-словарь под названием «Государев двор»: в ней рассказывается о том, что входит в понятие «Государев двор», рассматриваемого как центр управления государством через Приказы, особенно через Разрядный приказ, через Разряд и Дворовую книгу — системы учета личного состава государева двора и его войска, а также перемен в этом составе, наконец, через людей, имевших чины и воинские звания, в том числе и чины царицына дворового чина.

В книге «Государев двор» говорится также о том, как возникали титулы, чины и звания, как менялось их понятийное содержание и что за люди были носителями этих реалий на протяжении большого отрезка времени — с IX по XVII в.

В данную книгу введены статьи о высших титулах верховной власти — «великий князь», «великая княгиня», «царь», «царица», «царевна», «царевич». В статьях, им посвященных, представлена галерея всех правителей Русского государства, всех русских царей, цариц, царевен и царевичей, освещена история возникновения и

развития титулов русских государей и государынь, показаны чины государева двора: «боярин», «окольничий», «стольник», «спальник», «постельничий» и другие, — люди, носители этих чинов-званий, и их предназначение в жизни государства.

Каждая статья с заглавным словом, обозначающим титул и чин-звание при государевом дворе, имеет грамматические и этимологические пометы. В статье по возможности рассказывается об истории возникновения заглавного слова-понятия. Все статьи расположены в алфавитном порядке.

Имена царей, цариц, царевен и царевичей представлены так, как они употреблялись в те далекие времена, а не так, как их стали писать во времена революционных настроений и преобразований. Например, Алексей Михайлович, а не Алексей Михайлович; Феодор Иоаннович, а не Федор Иванович; Феодор Алексиевич, а не Федор Алексеевич; Иоанн Грозный, а не Иван Грозный. Имя царя или патриарха имело написание АлексѢй, или Алексій, то есть Алексей. И было два имени: Михаил — Михайлович, и простонародное Михайло — Михайлович. Царю простонародное имя не подобало. Имя Феодор (европейское Теодор — дар Божий) по-русски писали не через букву «ферт» — «Ф», а через «фиту», которая изображалась как буква «О», но с волнистой перекладиной в ее центре.

Именованье представителей верховной власти с их титулами, отличное от имен их подданных, с древнейших времен было особой заботой всех правителей, потому что это была одна из форм возвышения престижа не только государя, но и Русского государства среди других государств. Все вышесказанное учтено в предлагаемой читателю книге-словаре.

В главу «Титулы верховной власти» не включены титулы великая княжна и великий княжич, потому что они не имели прямого отношения к верховной власти.

Все книжные серии «Слова — хранители былого», в том числе и книга-словарь «Государев двор», предназначены для широкого круга читателей — молодых людей, учащихся старших классов средних школ, педагогических техникумов и колледжей, для студентов гуманитарных университетов, институтов и факультетов, для всех, кто интересуется историей России, отраженной в судьбах ее вершителей и исполнителей.

Автор надеется, что в этой книге читатель найдет для себя много нового, интересного и даже, возможно, поучительного.

Введение

ЗВАНИЕ, -я, с.

(от «зваться», «называться»)

У современного человека слово «звание» ассоциируется с такими словосочетаниями, как «звание Героя социалистического труда», «генеральское звание», «звание Мать-героиня», «звание Заслуженный деятель культуры» и с другими подобными. Современный человек знает еще, что есть звания, которые люди присваивают выдающимся деятелям литературы, культуры, военным героям. Например, А.С. Пушкину присвоено звание **великий русский поэт**, А.В. Суворову — **великий русский полководец** и так далее.

В Древнерусском и в Московском государствах слово **звание** в современном понимании не употреблялось. Однако звания имелись, и это были прежде всего наименования лиц по их принадлежности к сословию или сословной группе (например, **дети боярские, дворянин, жилец, стрелец, опричник, помещик** и т.п.). Звания эти надо было заслужить. Дворянином становился тот, кто исполнял службу при великокняжеском и царском государевых дворах. В дети боярские зачислялся тот, кто служил при государевом дворе в великокняжеской, а затем и царской охране. Жильцом становился дворянин, приехавший в Москву из дальнего города и принятый на жительство при государевом дворе для исполнения всякого рода поручений. Чтобы стать стрельцом, нужно было записаться в стрелецкое войско и взять на себя определенные обязательства, за которые можно было получить в аренду небольшой участок земли и жалованье, а чтобы стать опричником, необходимо было вступить в опричнину и исполнять карательные обязанности. Звание помещика получал дворянин, награжденный поместьем, землей.

В дружине древнерусского князя тоже имелись звания: его дружинники именовались по их значимости: наиболее заслуженных и почитаемых называли **болярами**, другие носили наимено-

вание **гридей (гридней)**, здоровые статные парни — телохранители государя назывались **рындами** и так далее.

Ввиду того что уже в Древнерусском государстве у каждого великого князя был свой государев двор, то при дворе также появились звания — наименования лиц по должности или исполняемым им обязанностям (например, **спальничий, постельничий, крайчий**).

В Московском государстве, даже когда при государевом дворе Иоанна III Васильевича должности стали называться чинами, звания сохранились. Так, например, **воевода** не являлся чином государева двора, это было воинское звание, причем воевода имел несколько званий: **воевода большого полка, воевода передового полка, воевода правой руки, воевода левой руки, засадный воевода** и пр. И другие наименования военных также являлись званиями, например, **стрелецкий полковник, тысячный, сотник, десятник**. Званиями можно считать наименования таких гражданских должностей, как **наместник, посадник, воевода какого-либо города**.

Самый храбрый из казаков, самый сильный и крепкий духом, умевший подчинить себе вольных казаков, получал звание **атамана**.

Все перечисленные воинские звания-наименования нельзя назвать чинами, потому что их носители не служили при государевом дворе.

По-видимому, разумно прислушаться к В.И. Далю, который в «Толковом словаре великорусского языка» отметил, что «звание человека, сословное состояние его, например, *духовное, дворянское, купеческое* и пр., или должность, обязанность: *член, председатель, управитель, прикащик*; менее правильно относят звание к сану или к чину». Это последнее замечание В.И. Даля показывает, что понятие «звание» чаще всего смешивается с «чином». И это смешение ведет нас в XV век, к государеву двору Иоанна III Васильевича, когда «чинами» стали называть звания и должности.

Современные звания, которые присваиваются особо выдающимся людям, как о том говорилось выше, имеют традиционные глубинные корни. Уже в Древней Руси с развитием древнерусской литературы, основой которой был фольклор и церковные философские произведения — слова, поучения, а также жития святых, — стали награждать званиями — эпитетами особо отличившихся героев. Илью Муромца, Добрыню Никитича, Алешу Поповича и Ермака Тимофеевича в русских былинах величают «богатырями святорусскими». Например, в былинах «Илья Му-

ромец, Ермак и Калин-царь» Алеша Попович называет «богатырем святорусским» Ермака:

Поскорешенько Алеша поворот держал,
Приезжал на Скат-гору высокую,
Говорил Алеша таковы слова:
«Ай же, старый казак Илья Муромец!
Хоть-то был я во раздольице чистом поле,
То я не мог приунять богатыря святорусского
И не мог укротить его силушки великия;
Он трои храпы мои пооборвал.

(Впоследствии это звание-метафору использовал Н.В. Некрасов, назвав одну из глав поэмы «Кому на Руси жить хорошо» — «Савелий — богатырь святорусский»).

Широко пользовался подобными званиями в своем ораторском искусстве (в жанре «слово») Симеон Полоцкий, служивший учителем царевича Феодора и царевны Софьи при государственном дворе царя Алексея Михайловича (XVII век). В «Слове о взыскании премудрости», обращаясь к царю, он присваивает ему звания: «теплый еси рачитель премудрости» («теплый покровитель премудрости»), «солнце сый России» («солнце России»):

«О твоей богом дарованной ревности, благочестивейший, тишайший, самодержавнейший Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всей Великой и Малой и Белой России самодержец, знаем мы, **теплый рачитель премудрости**, подобный Соломону в любви к ней. Потому и даровал тебе Господь по желанию сердца твоего умение все разумно и премудро делать, строить и всем управлять. Только о том твой царский пресветлый престол умоляем: как солнце месяц, звезды, планеты и все поднебесье освещает, так и ты, **солнце России**, освети даром премудрости своей, свыше тебе дарованным, всех подвластных тебе. Положи отныне в сердце своем начать создавать училища, как греческие, так и славянские и иные, ученых милостями, благодеяниями умножать, учителей умелых привлекать, всех почестями за трудолюбие поощрять» (в переводе на современный русский язык; выделено мною. — И.В.).

Разумеется, в Древней Руси, в Московском государстве и в Российском царстве никто не пользовался самим термином звание. Оно определялось специальными словами, обозначающими сословную принадлежность человека или его должность, обязанность, а в литературных произведениях, особенно в ораторском искусстве, известные выдающиеся люди и герои награждались особыми званиями — метафорическими эпитетами.

РАЗРЯД, -а, м.; др.-рус.

Для лучшего понимания системы управления и состава государственного двора в XV — XVII вв., необходимо иметь представление о том, что такое «Разряд».

В Московском и в централизованном Российском государстве слово «разряд» имело двойное значение:

1) Разрядный (Розрядной) приказ — одно из государственных органов центрального управления, ведавшее военными, гражданскими и придворными чинами государственного двора;

2) Разрядные книги, включающие списки чинов государственного двора, назначаемых воевод и голов в военных походах, наместников и воевод в города, местнические дела и записи важнейших для страны событий.

Возникновение приказов ученые-историки датируют концом XV столетия, времени царствования Иоанна III, когда государственный двор сформировался в общих чертах. Тогда слово «приказ» в значении «учреждение» в памятниках еще не встречалось. Приказы назывались палатами, избами, дворами, двориками, третями или четвертями (четями). Впервые слово «приказ» встречается в 1512 г. в грамоте великого князя Василия Иоанновича Успенскому монастырю г. Владимира, хотя в обиходе оно было известно значительно раньше.

Разрядный приказ (Разряд) или, как его называет Г. Котошихин в книге «О России в царствование Алексея Михайловича», Розрядной приказ, по мнению ученых-историков С.М. Соловьева и М.Ф. Владимирского-Буданова, появился не сразу, сначала для учета чинов государственного двора и назначений им поручений были приставлены разрядные дьяки, а затем возник и приказ. Первые упоминания Разрядного приказа в памятниках встречаются с 1535 г. Г.Котошихин, рассказывая о приказах времени Алексея Михайловича (XVII в.), пишет: «Розрядной приказъ; и в томъ Приказѣ сидятъ околничей, да думный дьякъ, да два дьяка. А въдомы въ томъ Приказѣ всякіе воинскіе дѣла, и города строеніемъ и крѣпостями и починкою и ружьемъ и служивыми людьми; также въдомы бояре, околничіе, и думные и ближніе люди, и столники, и стряпчіе, и дворяне Московскіе, и дьяки, и жилцы, и дворяне городовые, и дети боярскіе, и казаки и салдаты, всякою службою; кого куды лучится послати на службы, въ войну и въ воеводства въ города и во всякіе посылки, и за службы о жалованьѣ и о чести и о прибавкѣ денежного жалованья указъ въ томъ же Приказѣ, также и о сыску чести и о бесчестіи и

о наказании, как о том писано выше сего; а кого царь куды посылает и что кому за службы бывает чести и жалованья и бесчестия, и то записывают в книги».

Таким образом, разряд, как один из органов центрального управления государева двора, в лице окольничего, думного дьяка и двух дьяков-помощников составлял по указам государя списки состава военных, гражданских и придворных чинов, отмечал их статус с указанием жалованья, помечал движение чинов государева двора, указывая, кто выбыл из списков (умершие, бежавшие в другие государства) и кто вновь прибыл, поступил на службу при Государевом дворе. Следуя указам царя, разряд отмечал, кто, куда и когда послан и с каким поручением, кому за что полагается повышение в чине и в жалованье, а кому — порицание («бесчестие»). И хотя Котошихин упоминает здесь только мужские чины государева двора, но регистрация чинов касалась и царицына двора, царицына дворового чина, о котором, кстати, Котошихин рассказывает в своей книге, только в другой главе.

Разряд, или Разрядные книги, дополнением к которым можно считать Дворовую тетрадь и Тысячную книгу, — это плод деятельности Разрядного приказа. И эти записи, как основные документы, представляют собой официальную редакцию Разряда — «Государев Разряд».

Следует заметить, что Разрядные книги в XVI и XVII вв. переписывались частными лицами с официальной редакции для личного употребления, при этом, разумеется, корректировались в сторону возвышения своего рода, для упрочения своих «честь и места».

Поэтому ученые, изучавшие различные редакции Разряда (Д.Н. Альшиц, В.И. Буганов, А.А. Зимин, Б.Н. Флоря и другие), выделили 3 основные редакции Разрядов: официальную (с 1556 г.), которая создавалась в Разрядном приказе; частную (до 1556 г.) и компилятивную, которая со второй половины XVI в. составлялась как разрядными дьяками в соответствии с указаниями государя, так и частными лицами.

Помимо этой классификации есть и другая. Многочисленные списки Разряда по развернутости записей можно разделить на три группы: **пространные, сокращенные и краткие.**

Разряд стал изучаться более 250 лет назад историком и государственным деятелем В.Н. Татищевым.

Впервые Разрядные книги и документы Древней Руси были опубликованы знаменитым просветителем XVIII в. Н.И. Новиковым в 20 частях под названием «Древняя Российская Вивлиофика». Разумеется, этой книгой документов Н.И. Новиков внес огромный вклад в историческую науку, но, к сожалению, эта публикация па-

мятников истории не дает ответа на вопрос: в какой редакции, официальной или частной, представлены документы Разряда.

Списки «Книги разрядной Великих князей и Государей Московских» в официальной редакции были обнаружены в 30-е годы XX в. исследователем Д.Н. Альшицем.

Эти списки, относящиеся к XVI—XVII вв., явились ценнейшим источником для изучения личного состава чинов государева двора, государева войска, детей боярских, государственных учреждений (приказов, палат и др.), родственных связей чиновных людей, для уточнения личного и количественного состава Боярской думы, состава и истории формирования опричного двора Иоанна Грозного, для представления о возвышении родов и о служебной карьере наиболее именитых лиц из верхушки московских феодалов. Разряд включал даже списки бояр, «сидевших» (присутствовавших) при составлении духовных завещаний великих князей московских.

Разрядные книги официальной редакции, которые начали вестись с 1492 г., признаны самыми полными и достоверными списками. Они включают в основном точные данные, что подтверждается данными вкладных книг монастырей, актовыми материалами и записями в посольских книгах.

Официальная редакция Разрядной книги, составленная в Разрядном приказе, служила не только целям разрядной «памяти», но и справочным материалом для царя и его правительства. Имеются сведения, что думный разрядный дьяк Семен Заборовский в середине XVII в., имея непосредственное отношение к разрядным книгам, сам лично два раза носил Разряд «наверх», к царю Алексею Михайловичу, пожелавшему навести какие-то справки.

Но даже официальные редакции Разрядных книг в царствование Иоанна Грозного могли носить компилятивный характер. На основе политики царя дьяки Разрядного приказа, переписывая записи XV в., стремились внести в них новые нормы отношений между государем и подданными, установленные в XVI столетии при Иоанне Грозном. Приведем пример сравнения речи князей Дмитрию Донскому перед Куликовской битвой в Московском своде XV в. и в Разрядной книге XVI в., представленные в работе А.А. Зимина:

Московский свод XV в.

«Господине княже великий, нестави ся наперед битися, но назади или на криле, или инда в опришном мѣсте».

Разрядная книга XVI в.

«Наперед мы главы свои положим за святыя божии церкви и за православную крестьянскую веру и за тебя, государя».

Русский перевод:

«Господин Великий князь,
не вставай биться впереди,
а назади или сбоку,
или даже вне поля боя».

«Прежде всего мы головы свои
положим за святые божии
церкви и за православную
христианскую веру и за тебя,
государя».

Как видим, тексты этих речей князей и воевод не совпадают в смысловом, а тем более в идеологическом плане: в Разрядной книге XVI в. текст при переписке стал «огосударствленным» — в битвах головы свои нужно класть за церковь, за веру и за царя.

Разряд содержал не только списки чинов, но и включал, как уже говорилось, летописные известия, такие как поход великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского на Тверь в 1375 г., закончившийся перемирием с князем Михаилом Тверским; полный разгром князем Владимиром Андреевичем татарского войска во главе с мурзой Бегичем на реке Воже 11 августа 1378 г.; в том же году татарский набег на Рязанскую землю; описание Куликовской битвы и прочие важнейшие события русской жизни.

Разряды времен Иоанна Грозного и Феодора Иоанновича (1576—1586) включали как рассказ о военных событиях, так и роспись воевод, кто в каком полку, кому где стоять с войском, кто будет наместником или воеводой в завоеванных городах. Например, известно, что с 1558 по 1583 год Иоанн Грозный вел Ливонскую войну сначала с Ливонским орденом, а потом с Литвой и Швецией, вступившими в эту войну. Разряд отразил ход этой войны следующим образом:

«Лета 7084 (1576) зимою былъ въ Немецкой земле подъ Ливонскими городами Намѣстникъ Юрьевской и Воевода Князь Афонасей Шейдяковичъ, и Бояре и Воеводы по полкомъ.

В Большомъ полку Намѣстникъ Юрьевской и Воевода Князь Афонасей Шейдяковичъ, да Боярин Петр Васильевич Морозов, да в Большом же полку у наряду Князь Юрьи Ивановичъ Токмаковъ.

В Передовомъ полку Воеводы ... (перечисляются поименно).

В Сторожевомъ полку Воеводы ... (перечисляются поименно)».

Далее идет перечисление воевод по всем имеющимся полкам.

«И ходили Воеводы подъ Немецкіе города, къ Коловери, къ Лиговери, къ Апслу, къ Падцъ, къ Выголь мызъ, и тѣ города и мызу взяли и въ войну на морские острова послали воевать.

А как Воеводы города Немецкіе поимали (захватили), и оставлены въ тѣхъ городѣхъ Воеводы.

Въ Коловери Иванъ Волынской, да Максимъ Перетрутовъ

Въ Лиговери ... (поименно)

Въ Апслу ... (поименно) ...
В Падцу... (поименно)...
В Выголю мызу (поименно) ...»
«Тогожъ лета роспись.

Государю Князю Ивану Васильевичу и сыну его Князю Ивану Ивановичу Московскимъ стояти въ Колугѣ со всѣми людьми. А с ними на берегу Великий Князь Симѣонъ Бекбулатовичъ.

Бояре и Воеводы на берегу по полкомъ».

Необходимо отметить, что запись в Разряде о царе Иоанне Васильевиче Грозном без его титула «Великий Князь и Царь всея Руси» объясняется тем, что в этот период времени Иван IV по какому-то, одному ему ведомому соображению передал почти на год власть, титул великого князя всея Руси и венец хану из города Касимова, правнуку хана Ахмата и племяннику царицы Марии Темрюковны — Сани-Булату, который принял при крещении в июле 1573 г. имя Симеон Бекбулатович. Поэтому разрядный дьяк именует царя и его сына Ивана «Князьями Московскими», а Симеона Бекбулатовича «Великим Князем».

Далее в Разрядной книге XVI в. идет роспись, какому полку где стоять:

«А стояти Большому полку в Серпуховѣ» ... и т.д.

Эта роспись прерывается челобитными: «И били челомъ Государю Бояре и Воеводы о мѣстѣхъ» ... Суть челобитных: «не вмѣстно» боярину и воеводе стоять в списке после другого боярина и воеводы, потому что его род выше и «честнее», чем у того.

Заметим, что эти местнические челобитные были поданы во время войны, в период подготовки к боевым операциям. В тексте приводится и ответ Иоанна Грозного на челобитные. «Государь съ сыномъ Царевичем Иваномъ и со всеми Бояры» приговорил: когда окончатся военные действия, тогда государь и рассмотрит подробно все эти челобитные. Ясно, что другого ответа не могло и быть. Царю на Ливонской войне было не до челобитных, требующих подтверждения «чести и места» отдельных частных лиц. Тем более что война эта, как и предсказывали члены «Избранной рады», была для России весьма неудачной.

Далее опять идет роспись по полкам, только теперь уже не воевод, а голов, но тоже поименно. А затем роспись, где кому собираться со своим полком:

«Сбираться Дѣтямъ Боярскимъ у Воеводъ

Въ Новѣгородѣ у Воеводы у Князя Федора Ивановича Мстиславского.

Кашинцы, Бѣжечане, Ярославцы. У Князя Василья Федоровича Шуйского Скопина» и так далее. А следом опять идут челобитные по поводу теперь этой росписи.

Челобитные, в которых упоминаются челобитчиком в подтверждение своей «чести и места» указы царя, документы, родословные связи, прежде не известные ученым, представляют собой ценнейший дополнительный исторический материал, и в то же время они показывают, как местничество разъедало российское привилегированное общество, стоявшее у вершин правления государством и защиты его от недругов.

Разрядные книги 1556 г. представляли роспись воевод не только в отношении назначения их в полки (Большой, Передовой, Правой руки,левой руки, Засадный, Сторожевой и другие), но их наличие по городам, где они проживают, дается поименная перепись наместников с указанием их общего количества, также окольничих, дьяков, рынд, оружничих, казначей. Причем рынды делятся на группы по их предназначению: рынды с большим саадаком (чехлом для лука и колчан для стрел), с писаным (разрисованным) саадаком, с нохтармянным (из собачьей шерсти) саадаком, с копьем, с рогатиною, то есть для похода, для праздников, для охоты, для травли медведя.

Помимо этого Разряд содержит указы и распоряжения великих князей и царей. Н.И. Новиков опубликовал в «Древней Российской Вивлиофике» ряд таких документов, относящихся к XV — началу XVI в.:

- «1) Отпуск Великия Княжны Елены Ивановны, дочери Великого Князя Ивана Васильевича, всея Руси Самодержца, в супружество за Великого Князя Александра Литовского в 1495 году.
- 2) Поездка Великой Княжны Елены Ивановны в Литву, ради брачного сочетания.
- 3) Грамматы и другія бумаги, найденныя въ Библіотекѣ Іосифова монастыря:
 - 1) В лето 1416 г. о Григории Цембуль;
 - 2) Грешнаго Инока сказаніе о ереси;
 - 3) Духовная грамота Іосифа Игумена (1507 г.)
 - 4) Грамота Архієпископа Великаго Новагорода и Пскова Макарія об искоренении скверныхъ мольбищъ (1534 г.)
 - 5) Грамота Архієпископа Великаго Новагорода и Пскова Феодосія в г. Корелу о хождении около города и посада молебновъ пеши».

И другие грамоты архиепископов и игуменов.

Вошли в Разряд и документы XVII столетия. К ним относятся: — Крестоцеловальная запись первая: «приводить по ней къ Государеву Цареву и Великому Князю Михаилу Феодоровичу всеа Русіи крестному целованию Бояръ, и Околни-

чихъ, и Думныхъ людей, и Стольниковъ, и Стряпчихъ, и Дьяковъ и жилцовъ нынешнего 1626 г.».

- Вторая крестоцеловальная запись: «приводить по ней къ Государеву Цареву и Великому Князю всея Руссии крестному целованию Бояръ, и Околничихъ, и Думныхъ людей, и Стольниковъ, и Стряпчихъ, и Дьяковъ, и жилцовъ нынешнего 1645 г.».
- Грамата Царя Алексѣя Михайловича всеа Руссии об уничтожении мыта (налога) с мостовъ, перевозовъ, в домахъ всякихъ вещей и иныхъ всякихъ мелкихъ промысловъ и проч. (1654 г.).
- Извещение Церковного Собора 1666 г. о низложении патриарха Никона.
- Записка о приезде Грузинского царя Теймураза Давидовича (1660 г.).
- О преставленіи отъ земнаго царства въ небѣсное блаженныя памяти Божию Милостию Государя Царя и Великаго Князя Феодора Алексѣевича (1682 г.).
- Чинъ возведения на Всероссийскій престолъ Патриаршескій Великаго Господина Святѣйшего Киръ Адриана Московскаго, всея России и всехъ северныхъ странъ Патриарха (1690 г.).
- Чинъ погребѣнія Царевны Татианы Михайловны (1706 г.).

Многочисленные списки Разрядныхъ книгъ XV — XVII вв. в пространныхъ и краткихъ редакціяхъ содержатъ большей частью росписи чиновъ государева двора. А частныя и компилятивныя редакціи содержатъ болѣе полныя и болѣе древнія записи и отличаются регулярностью ихъ веденія. Пространныя записи велись для «памяти», для исторіи. Краткіе служили цели управленія чинами и государствомъ и включали прежде всего росписи чиновъ государева двора, ихъ «мѣста и чести», жалованья, данныхъ порученій и ихъ выполненія. А сокращенныя в болѣе степени использовались в мѣстническихъ спорахъ, для установленія личнаго «мѣста и чести».

Новиковская «Вивлиофика» включила разрядные списки, представляющіе свадебныя чины, или розряды, подробныя описанія свадебъ. Это росписи всехъ участниковъ свадебнаго обряда поименно: кто является посаженными отцомъ и матерью, кто конюшій, кто долженъ говорить рѣчь, кто входитъ в списокъ сидячихъ бояръ и боярынь, кто будетъ поезжанами, кто провожаетъ молодыхъ в церковь на венчаніе, кто «окручиваетъ» невесту, кто несетъ хлебъ, кто сопровождаетъ молодыхъ в опочивальню, кто несетъ свечи, кто является к молодымъ в опочивальню с вопросомъ, свершилась ли любовь. И такъ далее с подробностями и указанием именъ.

Списки свадебных чинов начинаются с XV в., и первый свадебный чин представил свадьбу князя Василия Даниловича Холмского с дочерью великого князя Иоанна III Васильевича, всеа Руссии Самодержца, великой княжной Феодосией (Софьей).

Затем идет свадебный чин 1526 г. — свадьба великого князя, Самодержца всеа Руссии Василия III Иоанновича с великой княжной литовской Еленой Васильевной Глинской.

Далее Розряд свадьбе князя Андрея Ивановича, брата великого князя, Самодержца всеа Руссии, Василия III Иоанновича.

Представлен свадебный чин 1547 г. — первой свадьбы царя и великого князя Иоанна IV Васильевича с Анастасией Романовной, дочерью боярина Юрьева-Захарьина.

Имеются также записи свадеб XVII в. — вторая свадьба царя Михаила Федоровича Романова с Евдокией Лукьяновной Стрешневой и первая свадьба царя Алексея Михайловича с Марией Ильиничной Милославской. Свадьбу Алексея Михайловича запечатлел также в своей книге Григорий Котошихин, но он представил только чин царской свадьбы, как бы традиционный свадебный сценарий, подробно описывающий все действие, но без имен. Даже Алексея Михайловича он именует просто «царь», а его невесту сначала «царевной», потом «великой княгиней», а затем «царицей». Что касается гостей, то их имена и чины не упоминаются почти совсем. Это описание свадьбы Алексея Михайловича представляется как описание чина, обряда любой царской или боярской свадьбы XVII в.

Разрядные дьяки записали в Разрядную книгу первые комедии на библейские темы для театра Алексея Михайловича в селе Преображенском: «Притча о блудном сыне» Симеона Полоцкого, «О Навуходоносоре Царе». По-видимому, были и другие записи. Царевна Наталья Алексиевна, сестра Петра I, большая любительница театра и имевшая свой театр в Петербурге, собирала тексты комедий, и ее собрание имело внушительное количество пьес, возможно, первоначально почерпнутое из Разряда.

В Разрядные книги вписывались и литературные произведения того времени: «Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 г.», «Описание похода на Югру в 1499—1500 гг.», «Сказание о смерти Феодора Иоанновича и воцарении Годунова» и другие.

Как уже говорилось выше, дополнением к Разрядным книгам служили Тысячная книга и Дворовая тетрадь. Тысячной книга называлась потому, что она содержала 1000 имен бояр, окольничих и детей боярских — князей, которым Иоанн Грозный даровал поместья и отчины. Этот акт царской милости был закреплен указом царя, который назывался «Грамота Царя и Великого Кня-

зя Иоанна Васильевича о дачѣ Боярамъ, Окольнічимъ и дѣтямъ Боярскимъ помѣстья и отчинъ 1550 году». Этим милостивым жестом молодой царь Иоанн IV хотел заручиться поддержкой главных думных чинов и детей боярских — личных охранников государя.

Тысячная книга содержала три статьи.

В статье 1 были перечислены дети боярские — князья, которым дарованы были поместья по 200 четвертей. К ним относились поименно по городам: «князи Оболенские, Ерославские, Стародубъ, Переславль, Коломна, Таруса, Калуга, Ржева, Вязьма, Тверь, Кашинъ, Кострома».

К статье 2 были отнесены также поименно и по городам те, которым дарованы были поместья по 150 четвертей.

Статья 3 включала списки тех, кто получал по 100 четвертей поместья и сенаж.

В Тысячной книге было примечание: «А за которыми бояры и за детьми Боярскими в Московском уезде, или в ином городе близко Москвы верстъ за 50, или за 60, и тѣмъ помѣстья не давать».

Дворовая тетрадь, составленная в начале 1550-х годов, служила для учета наличного состава государева двора, всех его чинов. Она являлась главным документом, регистрирующим перемены в составе Государева двора: отчисление погибших в Ливонской войне, которая велась в течение 15 лет (1558—1583), учет отчисленных и прибывших в связи с переселением на Московские земли из Новгорода и Пскова и из Москвы в Новгород и Псков, запись лиц, вновь получивших чин при Государевом дворе.

Дворовая тетрадь содержала списки придворных чинов государева двора, верхушки господствующего класса Российского государства XVI в. Эти списки были разбиты на рубрики: 1) списки под заголовками «бояре», «окольнічие», «стольники» и так далее представляли наличный состав государева двора; 2) списки землевладельцев бояр, детей боярских, окольнічих по городам под заголовками «Москва», «Кашинъ», «Ерославль» и так далее регистрировали распределение земель вокруг Москвы.

Покуда в России существовали государев двор, а затем императорский двор, регистрация состава придворных и перемен в нем всегда оставалась насущной необходимостью, а потому опыт Разряда и Дворовой тетради не мог быть не учтен ни при дальнейших царствованиях XVI—XVII вв., ни при императорском дворе, как бы ни считалось, что Петр I создавал императорский двор по иностранному образцу. Этот иностранный образец, по сути, коснулся лишь наименований воинских, гражданских и придворных чинов. Но сама система управления государством осталась

прежней: хоть приказы и были заменены коллегиями, да только дьяки, как их ни назови, оставались теми же. Важнейшей заслугой петровских преобразований стала Табель о рангах, но и она не могла бы возникнуть без предшествующего ей Разряда.

Разрядные книги стали достоянием истории и явились ценнейшим материалом для изучения и осмысления государственного управления в Российском государстве XV—XVII столетий через систему чинов и званий государева двора.

САН, -а, м.; др.-рус.

(возможно, из др.-инд. «высота, вершина»).

Сан — это обозначение знатного положения человека в обществе благодаря его титулу, высокому чину, званию или должности по пожалованному ему достоинству.

В самом слове сан («высота, вершина») уже заключено значение почета, уважения к тому, кто достиг высокого положения в обществе.

Корень «сан» произвел в русском языке несколько слов. Слово «сановник» обозначает вельможу, имеющего высокий сан, то есть занимающего высокую должность в государственной структуре. Его жена — «сановница». «Сановничество» — собирательное значение: все сановники вообще. Словом «сановный» определяют человека, достигшего высокого государственного поста. «Сановная особа» — сановник. «Сановитый» — это определение человека, похожего на сановника своей особой статью, величавым поведением, размеренной речью. «Сановность» — качество, свойство человека, умеющего держать себя важно, с достоинством сановника. Словом «осанка» обозначается умение или неумение держаться прямо, с достоинством, стройность, красота тела, изящество его движения. Определение «осанистый» относится к человеку, стройному телом, величавому в движениях, всем своим видом показывающему свое достоинство, важность. Глагол «приосаниться» означает — придать себе вид важного, значительно человека.

Недаром русские пословицы гласят: «Каков сан, таков и почет», «По сану и почет».

В Древней Руси и в Московском государстве не было чинов в том понимании, которое они приобрели с учреждением Табели о рангах в начале XVIII в. Поэтому такие придворные звания, как **боярин, окольничий, спальник**, с современной точки зрения можно рассматривать не столько как чин, сколько как сан. При этом

нужно иметь в виду, что в Древней Руси и в Московском централизованном государстве слово «чин» означало не только порядок, установленный обряд, но и должность человека и, кстати, исполнение этой должности, достоинство человека, его деятельность («чин по чину»). Вот почему этим словом назывались придворные. А так как сан понимался как занимаемое положение в кругах верховной власти, в ближайшем окружении государя или, с XV в., в Боярской думе, то есть занимаемое место в иерархии чинов, то «сан» и «чин» воспринимались как одно понятие.

Как уже говорилось, в повседневной, мирской жизни сан не означал ни определенного титула, ни чина, ни звания, ни определенной должности. Но слово сан могло быть синонимом каждого из этих слов.

В церковной иерархии сан, как в прошлом, так и в настоящее время, — это чин и соответствующая ему должность духовного лица, священнослужителя. У духовенства выражение «принять сан» означает вступление в новый церковный чин и должность.

Серебряному пришлось сидеть недалеко от царского стола, вместе с земскими боярами, то есть с такими, которые не принадлежали к опричнине, но, по высокому сану своему, удостоились на этот раз обедать с государем.

А.К. Толстой. «Князь Серебряный»

«(Марина - Самозванцу) ... Тебе твой сан дороже должен быть всех радостей, всех обольщений жизни».

А.С. Пушкин. «Борис Годунов»

ТИТУЛ, -а, м.; лат.

А также **ТИТЛ, -а, м.; лат.**

(«надпись, почетное звание»)

Это особое наименование, которое присваивалось и присваивается отдельным лицам, чтобы подчеркнуть их исключительное, привилегированное положение в обществе.

Официальное, а также и неофициальное присвоение такого особого звания какому-либо лицу существовало с древнейших времен.

В Древнерусском государстве титул искони был родовым и, следовательно, наследственным, передаваемым от отца к детям. Разумеется, в те далекие времена он не воспринимался как ти-

тул и даже не имел такого названия, а потому при рассмотрении истории образования и развития титулов это обстоятельство нужно иметь в виду. Прежде всего это был титул **князь**, ведущий свое начало от наименования главы славянского племени. Князь был главным лицом сначала в своем родовом племени, потом на территории этого племени, затем и на других территориях тем или иным способом захваченным им в качестве личной вотчины или на чужих территориях как представитель своего племени. А там, где был князь, должна была быть и **княгиня**. Дети их в те времена титулов не имели. В Древней Руси князья фактически владели всей русской землей и распоряжались ею, награждая своих дружинников, а потом бояр за верную их службу. Можно даже сказать, что вся территория Древней Руси была вотчиной русских князей.

В древние времена, когда старший князь был выделен как главный в ряду других князей, его стали называть великим князем. Так появился титул **великий князь**, а вместе с ним и **великая княгиня**. Уже Юрий Долгорукий и Владимир Мономах титуловались великими князьями. А Иван Калита в официальных памятниках употреблял титул **Великий князь всея Руси**.

В летописях, договорных грамотах и других документах в отношении великих князей употреблялись и такие титулы: **великий государь земский, великий государь русский, великий государь, самодержец**.

Из титулов великих князей можно отметить еще три наиболее распространенных: **господин, государь, государь**.

Господин — ед. число от **господа**, свое происхождение ведущего от святого слова **Господь**, считался наиболее значимым титулом. Недаром, замечает С.М. Соловьев, новгородцы в своих отношениях с Иваном III категорически были против его наименования **господин**.

Слово **господарь** происходит от древнеславянского корня **оспода** (семья), таким образом, **осподарь, господарь** — глава семьи, главный в семье, в сообществе. По сути, это синоним слова **князь**. Так, например, в Молдавии и Валахии слово **господарь** имеет значение **князь**.

Фонетическое сокращение слова **господарь** привело к образованию его краткой формы — **государь**. Дальнейшее фонетическое сокращение привело к появлению новой формы — **осударь**, а затем — **сударь**.

Следует заметить, что титул **великий князь** с течением времени четырежды менял свое понятийное значение, а потому в разные периоды жизни Русского государства это словосочетание не

являлось синонимом, и разумнее было бы различать титулы: 1) великий князь Киевской Руси; 2) великий князь в монгольский период; 3) великий князь Московского княжества-государства; 4) великий князь Российской империи.

В Древнерусском государстве высшим титулом был титул великого князя, затем супруги его, великой княгини. Наименование князь тоже было титулом, который носили родственники великого князя, супруги которых имели титул княгиня.

Свободный феодал, крупный землевладелец носил наименование боярин, и в те времена, возможно, это тоже был титул.

В период раздробленности русского государства и образования удельных княжеств, а также во времена татарского ига удельные князья, во-первых, чтобы подчеркнуть свою независимость, а во-вторых, чтобы возвысить себя в глазах татарского хана и получить у него ярлык на великое княжение, стали именовать себя великими князьями, присвоив себе этот титул. Так появились великий князь владимирский, великий князь московский, великий князь тверской, великий князь рязанский и пр. Естественно, жену великого князя стали титуловать великая княгиня, а детей — княжич и княжна. Но титул великого князя удельного не имел такого значения, как титул великого князя старшего. Великих князей стало много, как и великих княгинь, и княжичей с княжнами. Удельный князь хоть и именовал себя великим князем, но не был в полной степени самостоятельным, каким был, например, великий князь киевский. Удельный князь зависел прежде всего от великого князя на всей, в том числе и его, территории и от хана Золотой Орды, да и от родни, от князей-соперников, которые могли перехватить ярлык на княжение в уделе, где он княжил ранее. Например, великий князь московский Иоанн Данилович Калита более десятка раз вынужден был посетить Золотую Орду, чтобы упрочить свое положение и удержать великокняжеский ярлык.

С возвышением Москвы, с процессом собирания земель вокруг нее, когда удельные княжества и земли присоединялись к Московскому государству, а удельные князья стали служить московскому князю, главным великим князем становится великий князь московский. И титул великий князь получил новое понятийное содержание — как титул одного, главного монарха, а великая княгиня — как титул только одной его супруги. А потому только у Великого князя московского к наследникам-сыновьям стал применяться титул великий княжич, а к дочерям — великая княжна.

Титул великого князя московского, таким образом, по своему значению приблизился к царскому титулу. В соединении с таки-

ми государственными символами, как царский трон, двуглавый орел, печать с изображением на одной стороне двуглавого орла в коронах с распростертыми крыльями, а на другой — всадника, попирающего дракона и копьем поражающего его, с надписью «Иоанн, Божиею милостию государь всея Руси», великий князь московский Иоанн III Васильевич хотя и не короновался на царство, имел право в грамотах именовать себя царем.

Великие князья московские не ограничивались простыми титулами. Так, великий князь московский Василий Темный, княживший в 1425—1462 гг. с перерывами, отец великого князя московского Иоанна III Васильевича, стал пользоваться в договорных грамотах для внешних сношений полным титулом, в те времена у других князей не встречавшимся. В договорной грамоте с польским королем Казимиром он использовал такой титул: «По божьей воли и по нашей любви, Божьею милостью, се яз князь великий Василий Васильевич, московский и новгородский, и ростовский, и пермьский и иных». Этот титул заложил традиции полного титулования сначала великих князей московских, потом царей, а затем и императоров всероссийских. Каждый великий князь, царь и император вносил в полный свой титул новые элементы, касающиеся тех земель, княжеств и других территорий, владельцем и государем которых он становился. Так что, знакомясь в хронологическом порядке с полными титулами российских государей, можно составить представление о постепенном присоединении русских княжеств к государству Московскому, а затем о расширении территории Российского государства.

Великий князь московский Иоанн III Васильевич продолжил, как традицию, употребление полного титула самодержца, и его титул выглядел уже так: «Великий государь Иоанн III Васильевич Божью милостию Государь всея Руси и Великий князь владимирский, московский, новгородский, псковский, смоленский, тверский, югорский, пермьский, вятский, болгарский и иных».

Его сын, Василий III Иоаннович, восприняв полный титул своего отца, дополнил его, включив в него упоминание тех земель, которые он присоединил к Московскому государству: «Великий государь Василий III Иоаннович Божью милостию Государь всея Руси и Великий князь владимирский, московский, новгородский, псковский, смоленский, тверский, югорский, пермьский, вятский, болгарский и иных, Государь и Великий князь Новгорода Низовской земли и черниговский, и рязанский, и волоцкий, и ржевский, и бельский, и ростовский, и ярославский, и белозерский, и удорский, и обдорский, и кондинский, и иных».

В XVII в. полный титул русского царя Алексея Михайловича имел уже такой вид: «Божію милостию Великий Государь, Царь и Великий князь, Алексій Михайлович, всея Великой и Малой и Белой России Самодержец, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский и Великий князь Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий князь Новгорода Низовской земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский и всей Северной стороны Повелитель и Государь, Иверской земли, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинской земли, Черкесских и Горских князей, и иных многих Восточных и Западных и Северных владений и земель Отчич и Дедич и Наследник, Государь и Обладатель». В этот титул вошло также обозначение преемственности власти по наследству и права на собственность всех указанных земель и владений.

Впоследствии формула полного царского титула была воспринята и, естественно, дополнена российскими императорами.

Полный титул Василия III Иоанновича, принятый от отца, но и дополненный упоминанием о присоединенных им землях к Московскому государству, не только давал право на титул царя ему лично, но и предоставил возможность его сыну, Иоанну IV Васильевичу, венчаться на царство и официально приобрести титул **царь**.

С венчанием Иоанна IV Васильевича на царство появились новые высшие титулы: **царь, царица, царевич, царевна**. Однако предыдущие титулы не перестали употребляться, потому что долгое время русские цари не расставались с титулом «великий князь», а величали себя даже и в XVII в. — **Великий князь, Царь и Самодержец, Государь всея Руси**.

Употреблению титула в дипломатических отношениях с другими странами придавалось огромное значение как одной, так и другой стороной партнеров. Интересны с этой точки зрения отчеты посольств Василия III Иоанновича к «Максимилиану, цесарю Римскому» (1518 г.) и царя Бориса Феодоровича к «Сигисмунду Королю Польскому» (1601 г.).

В первом случае послы: дьяк Володимер Семенов сын Племянников, Петр Баскуп и толмач (переводчик) Истомин Малой — рекомендовали себя титулом послов «Великого Начальника и Государя всея Руси, Василия, брата его (Максимилиана. — *И.В.*) дражайшего». В полученном ответе Максимилиана Василий III титуловался так: «А воспоминает и молит Брата своего дражай-

шего Господа Василья Великого, Начальника и Государя всеа Руси».

Во втором случае в статейный список «Великого Посольства в Польшу, отправленного от Царя Бориса Федоровича Годунова в 7109 (1601) годъ, к Сигисмунду Королю Польскому» входили «Боярин и Наместник Суздальский Михайло Глебович Салтыков-Морозов; дворянин и Наместник Рязкой Василий Тимофеевич Плещеев и Дьяк Афанасий Иванов сын Власьев». Послы говорили: «Великий Государь Царь и Великий Князь Борис Феодорович, всея Руси Самодержец и многих государств Государь и Обладатель, послал нас, своих Великих Послов к Государю вашему Жигимонту Королю по перемирным грамотам за крестным целованием...»

Царь Алексей Михайлович своим послам строго наказывал, чтобы по прибытии в страну при первом и последнем обращении к государю этой страны употребляли полный его, русского царя, титул и при случае полные титулы царицы, царевичей и царевен. В отчетах 1-го Посольства в Италию (1667 г.) и 2-го Посольства во Францию (1667 г.) Стольника и Наместника Боровского Петра Ивановича Потемкина везде указывается, что и в грамотах, и в речах использовались полные титулы государя и членов его семьи. В отчете писали: «И пили за столом про многолетнее здравие Великого Государя, Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белыя Руси Самодержца, Его Царского Величества; и Великия Государыни, Благоверныя Царицы и Великия Княгини, Марьи Ильиничны, и Их Государских Благородных чад: Благородного Государя, Царевича и Великого Князя, Алексея Алексиевича, всея Великия и Малыя и Белыя Руси; Благородного Государя, Царевича и Великого князя, Феодора Алексиевича, всея Великия и Малыя и Белыя Руси; Благородного Государя, Царевича и Великого Князя Симеона Алексиевича, всея Великия и Малыя и Белыя Руси; Благородного Государя, Царевича и Великого Князя, Иоанна Алексиевича, всея Великия и Малыя и Белыя Руси...»

Титул царевны «Благоверныя Царевны и Великия Княжны, (имярек) всея Великия и Малыя и Белыя Руси» употреблялся только при необходимом упоминании о царевне, но не в застолье, не в тостах.

Русские послы и посланники всегда очень беспокоились о том, чтобы в ответных их царю грамотах был написан полный титул Алексея Михайловича. Стольник Петр и Дьяк Семен во время своего посольства во Францию говорили французскому приставу: «Скажи Ближним людям, чтоб донесли до Королевского Ве-

личества: список с Грамоты Королевского Величества, какову шлет с нами к Великому Государю нашему, к Его Царскому Величеству, чтоб указал прислать к нам прежь нашего отпуска дни за четыре и больше; надобно нам ведать подлинно, с чем Королевское Величество к Великому Государю нашему, Его Царскому Величеству, нас отпускает, и сполна ль Великого Государя нашего, Его Царского Величества, именование и титулы в Его Королевского Величества Грамоте будут написаны, чтоб нам про то совершенно ведать прежь отпуска». Эти опасения русских послов оправдались. В отчете они сообщают: «А у подлинной Грамоты на подписи в первых великих самых титулах Государя нашего, Его Царского Величества, написано не сполна, и самые высокие титулы не прописаны: Самодержца, Отчича, и Дедича, и Наследника, и Государя, и Обладателя на подписи не написано». После обращения послов к французским дипломатам, чтобы исправили ошибку, те пришли в замешательство: король уже подписал грамоту, и они не смеют к нему обратиться вторично с этим вопросом. Послы пишут: «В грамоте французы подчистили и на подчищенном поле написали эти титулы». Такую грамоту послы не могли представить Алексею Михайловичу, это было бы воспринято как бесчестье для русского царя и позор для послов. И тогда пошли излюбленным и беспроигрышным путем: Стольник Петр подарил Маршалку дорогую свою шапку, «бархатную двоemorхую с соболем, запона на ней с камнем, петли жемчужные, цена той шапке со всем больше седмидесять рублей». Король благодарил. Грамота была переписана с указанием всех титулов.

Все эти традиции сохранились даже тогда, когда Россия стала империей и управлять ею стали император и императрица, их дети получили титулы великий князь, наследник, цесаревич, цесаревна, а их родственники — великий князь, великая княгиня, великая княжна.

Как это повелось от Петра I, который был царем, а потом стал императором, неофициально все равно люди называли его по-прежнему царем, а его супругу, Екатерину I, царицей. И всех последующих российских императоров и императриц называли царями и царицами. Екатерину II величали не иначе как Царица-матушка. До самого конца жизни и царствования императора Николая II он именовался «царем» и в устной, и в письменной форме, а его правление называлось «царизмом», и большевики боролись не с империей, а с «царским режимом».

Слово титул имеет и другое значение — наименование, которое люди присваивают кому-либо в знак его особых заслуг, во-

инских побед, таланта. Такие наименования-титулы присваивались с давних времен, и известны нам с XI в., как только на Русь пришли византийские книги и обычай произносить и писать речи, поучения, так называемые «слова». Возьмем, к примеру, «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя руського». Как известно, Дмитрий Иванович Донской не был царем, но неизвестный автор «Слова» (XIV в.) присваивает ему титул **царя руського** за его ратные и государственные дела, важные для Руси.

В этом значении слово титул синонимично слову **звание**.

ЧИН, -а, м.; др.-рус.

(«порядок, правило, должность, поступок, собрание, достоинство»)

Слово **чин** имеет в русском языке несколько значений, сложившихся исторически и в разное время обозначавших разные понятия.

В древнерусском языке оно обозначало принятый, устроенный порядок, устав, церемониал и даже действие, поступок. Это нашло отражение в выражениях «чин чином», «все по чину», означающих, что сделано что-либо в соответствии с принятым порядком, уставом. В связи с этим и какой-либо церемониал обозначался словом **чин**, например «чин венчания», «чин коронования». Порядок совещания, собрания князя с дружинниками, когда они садились «думу думати», в Древней Руси тоже назывался **чином**. С течением времени участника такого собрания тоже стали называть **чином**. Так слово «чин» стало употребляться применительно к человеку, занимающему высокое место в окружении князя, и стало обозначать цену человека, его достоинство. Отсюда, возможно, и возникло выражение «чин по чину». Так и в Евангелии сказано: «Куда предтечею для нас вошел Иисус, сделавшись Первосвященником навек по чину Мельхиседека» (Евр. 6. 20).

Естественно, что в применении к человеку слово **чин** получило оценочное определение, больший это чин или меньший. Эта оценка могла исходить из понятия занимаемого места сначала в дружине князя (болярин он или рядовой дружинник, гридень), затем при государевом великокняжеском дворе, а потом и исходя из древности рода и степени приближенности к государю, что и привело к такому явлению, как местничество.

Обозначение словом **чин** порядка, устава связано с тем, что в Древней Руси так называли установленный Византией порядок богослужений и так называемых треб (например, чин погребения, чин отпевания), а в светской жизни — установившийся порядок, обряд вступления великого князя во власть, впоследствии ставший церемонией, или «чином венчания на царство».

Словом **чин** называли и свадебный церемониал, идущий из глубины веков. Был установлен свадебный чин, а в нем — «чин поезда к невесте» и «чин поезда от дому невесты», определявшие состав участников «поезда» — поезжан, порядок распределения обязанностей (дружка, шафер, посаженные отец и мать и др.), порядок «окручивания» невесты, одаривания ее подружек, гостей и другие связанные с этим правила.

В Московском и в Российском централизованном государстве чины в позднейшем и современном понимании этого слова не существовали. При дворе великого князя, особенно в правление Иоанна III Васильевича, когда более четко оформилась система государева двора, а затем и при дворах царей имелись называвшиеся словом **чин** придворные должности и звания (боярин, окольничий, постельничий, кравчий и др.), связанные с выполнением обязанностей, но прежде всего с поручениями государя. Они воспринимались как должность, достоинство, сан, степень приближенности к царю и ступень к достижению боярского звания, дававшего доступ в Боярскую думу.

«Чины» государева двора регистрировались в Разрядных книгах с указанием жалованья, полагающегося вновь прибывшему придворному или как бы повышаемому в «чине». Например, стольник становился окольничим.

И касалось это не только мужской придворной части государева двора, но и царицына дворового чина, когда казначея или светличная становилась мамою царевича (царевны), а затем верховой боярыней.

Кроме того, в Московском государстве имелись военные и гражданские должности и звания (воевода, тысяцкий, голова и др.), которые не назывались «чинами». И только в конце XVI столетия в царской военной службе появились действительно чины: «полковник», «стрелецкий голова», «стрелецкий сотник».

В петровские времена с введением Табели о рангах в 1722 г. слово **чин** стало обозначать степень служебного положения, достоинства, ранг или класс в Табели о рангах. Именно это нововведение Петра I определило то значение слова «чин», которое отличает его от значения слова «чин» при государевом дворе, что важно для понимания как уклада жизни в Московском и центра-

лизованном Российском государстве, так и в жизни общества Российской империи. Это значение слова **чин** вошло в словари русского языка.

В.И. Даль дал два определения: первое представило значение слова **чин**, бытовавшее при Государевом дворе, а второе — введенное Петром I вместе с Табелью о рангах. Вот эти определения:

«1. Степень, на коей человек стоит в обществе, звание, сан, сословие, состояние;

2. Чин, степень жалованного служебного значения, достоинства, класс, коих у нас 14».

В первом значении, представленном В.И. Далем, **чин** синонимичен «званию» и «сану», во втором значении — «рангу».

Второе значение сформулировано в Малом и Большом Толковых словарях АН СССР: «В дореволюционной России: присваиваемое государственным служащим и военным звание по Табели о рангах, связанное с предоставлением определенных прав и преимуществ». В этой формулировке «чин» синонимичен «званию», но в принципе для дореволюционного времени это неверно, потому что в Российской империи чин мог переходить в звание, а звание могло закрепиться в Табели о рангах как чин.

Более полное определение слова **чин** мы находим в книге «Дворянские роды Российской империи» (ч. 1): «Чин — служебный разряд военных и гражданских служащих, с которым были связаны определенные права. В Российской империи присвоение чинов с 1722 г. производилось в соответствии с «Табелью о рангах» за усердие в несении службы, за отличие, за выслугу лет, в связи с окончанием курса в соответствующих учебных заведениях или с приобретением ученой и академической степеней. Получение чина связывалось с предоставлением определенных словных прав и преимуществ».

Этим и отличался чин от звания, присвоение которого не имело такой системы и не предполагало жалованья, а тем более от сана, имеющего общее значение высокого положения в государстве и обществе. **Чин**, понимаемый как служебный разряд, был в Российской империи синонимом слова **ранг**. Заметим, что в представленном определении чина не упомянуты придворные «чины» Табели о рангах. И это понятно, потому что их можно считать званиями: они присваивались лишь тем особам, у которых уже имелся военный или гражданский чин, притом они даровались по желанию государя, а не в результате несения определенной придворной службы, как у военных и гражданских, и связаны были с выполнением определенных обязанностей лишь в исключительных случаях.

И наконец, словом «чин» обозначалось, да и теперь обозначается, какое-либо должностное лицо, занимающее высокое положение, или, собирательно, группа таких лиц, например: «приехал какой-то чин», или «был здесь весь министерский чин».

Итак, если бы совершенство достигалось посредством левитского священства, — ибо с ним сопряжен закон народа, — то какая бы еще нужда была возставать иному священнику по чину Мелхиседека, а не по чину Аарона именовать.

(Евр. 7. 11)

Чины сделались страстью русского народа... Конечно, уничтожение чинов представляет великие выгоды; но сия мера влечет за собою и беспорядки бесчисленные, как и вообще всякое изменение постановлений, освященных временем и привычкою.

А.С. Пушкин (из записки «О народном воспитании», 1826 г.)

(Димитрий) — Приказывай! Назначь нам день и час, Я прикажу собраться духовенству, И ныне же напишем чин венчанья.

А.Н. Островский. «Дмитрий-самозванец и Василий Шуйский»

Что было бы с нами, если бы вместо общеудобного правила: *чин чина почитай*, ввелось в употребление другое, например: *ум ума почитай*?

Н.В. Гоголь. «Шинель»

Бульба по случаю приезда сыновей велел созвать всех сотников и весь полковой чин, кто только был налицо...

Н.В. Гоголь. «Тарас Бульба»

Государев двор

ГОСУДАРЕВ ДВОР, — а, м.; др.-рус.

Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.

А.С. Пушкин. «Борис Годунов»

В историческом понимании **государев двор** — это не только великокняжеские или царские палаты, дворец с его хозяйственными постройками и территория вокруг них, но, **прежде всего**, совокупность лиц, окружавших монарха, а также все его управленческие связи, отражавшиеся в индивидуальных назначениях придворных на различные «пути», на наместничество, воеводство, посольства, а в конце XIV — начале XV в. — через приказы и служившие в них чины.

Каждый великий князь Древнерусского государства и тем более самодержец — царь Московского, а затем централизованного Русского государства — имел свое близкое окружение, то есть двор, получивший историческое название **государев двор**. Двор великого князя и царя как совокупность лиц, его окружавших, состоял из двух взаимосвязанных частей: 1) **великокняжеского или царского дворового чина** со всей иерархией чинов, должностей, подвластных ему князей и бояр, дружины, а в более позднее время личной охраны (детей боярских), дворцовой службы из иногородних дворян, именовавшихся жильцами, и служивых людей при дворе, впоследствии названных дворянами; и

2) **дворового чина великой княгини или царицы**, хоть и в меньших масштабах, но также представлявших иерархию чинов и должностей, прислуги и охраны.

В период раздробленности государства и удельные князья, называвшие себя великими князьями, также имели свои малые дворы, конечно, не такие многолюдные, но по сути повторявшие структуру **государева двора**.

Когда удельные княжества одно за другим стали терять свою самостоятельность, удельные князья со своими дворами отправились служить великому князю, влившись в состав государева двора.

В XI—XII вв. наиболее пышными и сложившимися были дворы великих князей киевских. Но четкой иерархической структурой они не обладали, как не имели они и того государственного и политического значения, которое приобрели впоследствии государевы дворы Московского государства.

На протяжении XIV в., в процессе возвышения Москвы и формирования Московского централизованного государства, основные традиции двора великого князя киевского были перенесены ко двору великого князя московского.

С образованием Московского государства в XIV—XVI вв. двор великого князя московского все более разрастался, в царствование Иоанна III Васильевича превратился в двор «государя всея Руси», а при Иоанне IV — в царский государев двор. К середине XV в., в правление Иоанна III Васильевича, особенно после его женитьбы на византийской царевне Зое (Софье) Палеолог, государев двор стал представлять собой сложную иерархическую систему, которую составляли придворные должности и так называемые чины, в том числе и новые, введенные Иоанном III.

Итак, в основном структура государева двора оформилась к середине XV века, когда великим князем московским стал Иоанн III Васильевич и когда государев двор стало возможным называть не только государевым, но и царским двором, так как к этому времени появились царские реликвии (герб, печать с титулом царя, царское знамя и др.) и сложились основные традиции возвеличивания и почитания великого князя как царя: дорогие царские одежды, шапка Мономаха, венчающая голову монарха, жезл и держава (яблоко) в руках государя, прием им посольств сидя на троне, окруженном рындами с серебряными топориками, целование его руки, земные и поясные поклоны, а также порядок присвоения чина, в том числе боярского, чин венчания на царство, свадебный чин, чин проведения застолья в присутствии государя, церемониал приёма иностранных послов и прочее.

К последней трети XV века Московия стала обширным государством, все более и более пополняющимся за счет мирного и немирного присоединения удельных княжеств и Новгородской земли, требующим установления внутренней системы управления страной. С этой необходимостью и было связано формирование Иоанном III государева двора с его «чинами».

Великий князь привлек бояр на службу при государевом дворе не как представителей феодального сословия, свободно выбирающих себе сюзерена, а как подданных «Государя всея Руси».

Все чины государственного двора должны были не только традиционно, как издавна повелось при великокняжеских дворах, обслуживать великого князя и его семью, но во главе с великим князем вершить государственные дела: военные и управленческие. Традиционно, как это было заведено у князей Древней Руси, за государеву службу великий князь московский и «всея Руси» расплачивался раздачей земель, но добавил к этому денежные оклады.

Таким образом, государев двор становился центром защиты государства и главой управления им. Для охраны и защиты государства служили княжеские дружины, дворянские и народные ополчения, назначались воеводы, строились города-крепости, привлекались на службу казаки.

В целях укрепления системы управления, по мере назначения боярина или окольничего на «путь», стали учреждаться в помощь ему так называемые «приказы», которые затем, с течением времени, становились самостоятельными чиновничьими объектами, выполняющими функции одного из множества подразделений государственного управления. Конечно, несовершенная, с очень расплывчатой структурой, но все же была создана, говоря современным языком, исполнительная система управления.

Как уже говорилось, в царствование Василия III Иоанновича была учреждена Боярская дума и определены думные чины. Так возникла и система, так сказать, совещательно-законодательная. Тоже ещё несовершенная, раздираемая местническими спорами, но сначала опирающаяся на законы «Русской правды» Ярослава Мудрого и Ярославичей, а затем, с течением времени, — на Судебник 1550 г., на «Стоглав», на указы царей и боярские приговоры, а позже — на Соборное Уложение 1649 года, принятое в царствование Алексея Михайловича.

Иоанн Грозный продолжил совершенствование иерархии чинов Государева двора и его управленческих функций. Развивалась при нем и система Разряда. Его сын, царь Феодор Иоаннович, укрепил систему управления государством учреждением на Руси патриаршества, неразрывно связанного с государем и государевым двором.

Долгие годы Смутного времени прервали развитие государственного двора, фактически разрушенного нашествием самозванцев, поляков и шведов, правлением Семибоярщины.

Следуя уже имевшей место в жизни Российского государства иерархии чинов и званий, а также исполнительной, карательной и совещательно-законодательной систем государственного управления, государев двор при царе Михаиле Феодоровиче Романове почти полностью был восстановлен. А в царствование Алексея Михайловича, благодаря Соборному Уложению 1649 года, еще более четко оформился и укрепился.

В начале XVIII в., в царствование Петра I, государев двор уступил место новой иерархической системе — императорскому двору, оставив ему в наследство основной костяк своей системы, основную структуру — придворные должности, чины и звания при императоре, и придворные «чины» (звания) при императрице, и те и другие переименованные Петром на иностранный лад.

Временем упразднения государева двора можно считать 1713 г., когда Петром I был учрежден Сенат и была прекращена документация о персональном составе государева двора.

Какова же была иерархическая структура государева двора, сложившаяся к середине XV в.?

Государев двор составляли лица, получившие придворные звания, так называемые чины, и те, кто чинов не имел, а занимался бытовым обслуживанием государя, государыни и их двора, а также те, кто осуществлял их безопасность — рынды, жильцы, дети боярские, — а в царствование Иоанна Грозного еще стрельцы и опричники.

Напомним, что при государевом дворе состояла Боярская дума, которая, как официальный совещательный орган при монархе, оформилась в первой четверти XVI в., при великом князе московском Василии III. Необходимо заметить, что Дума как совет при великом князе существовала еще во времена Древнерусского государства, когда великий князь «думал» со своими старшими дружинниками о делах княжества. Совещания великих князей с подручными им князьями и с боярами происходили в Русском государстве и в период его раздробленности, и в период начала его централизации. Но в первой четверти XVI в. Боярская дума приобрела официальный статус совещательного органа с четким разграничением думных чинов — боярина, окольничего и думного дьяка. С развитием Боярской думы она стала включать в себя четыре думных чина: думные бояре, окольничие, думные дворяне и думные дьяки.

Боярская дума была невелика. В разное время в нее входило от 5 до 12 бояр и не более 12 окольничих.

Государственное управление, кроме Думы, осуществляли также Приказы, находившиеся в прямом подчинении государева

двора, путем назначения главами Приказов лиц из состава придворных чинов. Назначение на посты глав наместничеств и воеводств также осуществлялось государем из числа придворных государева двора.

Высшим чином в иерархической лестнице государева двора был чин думного боярина, а вторым — боярина.

В X—XI вв. бояре, владевшие землей, составляли независимое правящее сословие и служили великому князю как своему сюзерену. А в таких «народных державах», как Новгород и Псков, бояре являлись высшей властью. Тогда, по свидетельству П.Н. Петрова, составителя «Истории родов русского государства» (1886), «это был сан наследственный, делавший из представителей боярских родов замкнутое сословие, в которое инородным нелегко было проникнуть или возвыситься личными заслугами до включения в боярство». Слово «боярин» в те времена было сословным званием и служило титулом землевладельца, вотчинника, опоры князя, которому он служил.

Но со временем, с усилением монархической власти, уже в Московском государстве, сан боярина стал при государевом дворе самым высоким чином, который нужно было заслужить. Он перестал передаваться по наследству, быть родовым, вследствие чего перестал быть титулом.

Мужчины из боярского рода, чтобы получить «боярскую шапку» должны были несколько лет служить государю в более низших чинах. По пожалованию великого князя становились боярами даже князья прежде независимых государств, удельных княжеств. И это «обояривание» превратило князей из независимых вассалов в зависимых подданных великого князя московского. Чин боярина могли заслужить и «худородные» придворные — московские дворяне, жильцы и дети боярские, так как получение чина зависело прежде всего от воли государя.

Иерархия чинов при государевом дворе, запечатленная в Разряде, — предтеча Табели о рангах, и система военных и гражданских званий (воеводы полков, воеводы городов, полковники, наместники, посадники) давали в руки великому князю и царю бразды управления не только государевым двором, но и всем государством. Конечно, эта иерархия чинов была далеко не совершенной; должности, номинально называвшиеся чинами, не имели четких обязанностей, но это была еще не четкая, но система, служившая целям продвижения людей по службе, а главное, управления государством.

Итак, главным чином был чин боярина. Это были в основном думные бояре и бояре, занимавшие важные должности при го-

сударевом дворе и руководящие воинские обязанности. Но главное, боярство входило в состав государева двора, так как служило великому князю и царю.

После бояр вторым чином Боярской думы и государева двора был **окольничий**. Название чина связано с тем, что окольничему поручалось заведование «окольными местами», то есть приграничными областями. Посланный туда воеводой, он правил воеводством и вершил там суд и расправу. «Окольными местами» были и чужеземные страны, и некоторые окольничие получали посольские поручения.

При государевом дворе Московского государства в иные годы бывало до 70 окольничих. За свою службу они получали свыше 1000 десятин земли и деньгами от 300 до 570 рублей в год. Оплата зависела от срока службы и воли государя.

Далеко не все окольничие могли дослужиться до боярства. Да и служить нужно было много лет. Поэтому 16 наиболее знатных боярских родов добились у великого князя права получать боярский чин, минуя чин окольничего. Но остальные боярские роды такой привилегии не имели. Г.К. Котошихин, долгое время работавший при государевом дворе царя Алексея Михайловича, дает такую характеристику боярским и княжеским родам:

«1. Прежние большие роды, князей и бояр, многие без остатку миновались. Ныне же по тех родах роды, которые бывают в боярах, а в окольничих не бывают: князей Черкасских, князей Воротынских, князей Трубецких, князей Голицыных, князей Хованских, Морозовых, Шереметевых, князей Одоевских, князей Пронских, Шеиных, Салтыковых, князей Репниных, князей Прозоровских, князей Буйносовых, князей Хилковых, князей Урусовых.

2. Роды ж, которые бывают в окольничих и в боярах: князей Куракиных, князей Долгоруковых, Бутурлиных, князей Ромодановских, князей Пожарских, князей Волконских, князей Лобановых, Стрешневых, князей Борятинских, Милославских, Сукиных, Пушкиных, Измайловых, Плещеевых, Львовых.

3. Роды ж, которые бывают в думных дворянах и окольничих, из честных родов и из середних, и из дворян; и те роды больше чести не доходят. Есть потом и иные многие добрые и высокие роды, только еще в честь не пришли, за причиною и за недослужением».

Третьей категорией в Боярской думе был сначала чин **думного дьяка**, но потом стал чин **думного дворянина**, входившего в элитарную верхушку государева двора.

Современный ученый О.Е. Кошелева в своей статье «Слово историка», опубликованной в Каталоге книжной выставки «Го-

сударев двор в России», предположила, что «чин *думного дворянина* появился в Боярской думе, по-видимому, лишь в 60-х гг. XVI в. и был немногочисленным». Так, «если при Иване Грозном максимум дворян в Думе — 8, то при Михаиле Феодоровиче — 1—2. В него жаловались лица не самых знатных, но «хороших» родов «за придворную службу». Всем известно, какие местнические баталии происходили в Боярской думе, и потому понятно, почему в Царскую думу первого Романова назначались всего лишь 1—2 думных дворянина: меньше людей, меньше шума и больше дела.

Лица из незнатной родни цариц получали чин думного дворянина и попадали таким способом в Боярскую или даже в Тайную думу.

Думный дворянин мог довольно быстро занять чин окольничего, но получить боярский чин, минуя окольничего, он не мог. А потому зачастую, много лет прослужив в чине окольничего, так и не получал заветной «боярской шапки».

В царствование Иоанна Грозного думные дворяне несли придворную службу в каком-либо чине, помогали окольничим выполнять посольские поручения или управлять воеводством. А потому число думных дворян, помощников и членов Тайной или Ближней думы, доходило порой до 40. Их денежный оклад, в зависимости от занимаемого чина, составлял не свыше 250 рублей в год.

Думные дьяки, которые вели всю документацию Боярской думы, составляли указы царя, в том числе и касающиеся пожалования в новый чин, в Боярской думе больше четырех человек не присутствовали. По мнению Котошихина, который сам имел при дворе чин посольского дьяка, «из тех думных дьяков посольский дьяк, хотя породы бывает менши, но по Приказу и по делам выше всех...».

Большую роль при государевом дворе играли *стольники*. Их обязанности состояли в служении государю за столом, что и отразилось на наименовании их чина. При великокняжеском дворе в Древней Руси эту роль выполняли *отроки*, которые в гриднице готовили стол и подавали еду великому князю и его дружинникам. Стольник должен был подавать государю кушанья и питье. Но с годами стольники стали разделяться на разные категории с различными обязанностями. Так, стольник, подававший питье, стал называться *чашником*. Особые поручения: обеспечивать стол государя и даже иностранных послов напитками, в том числе и выписанными из-за границы, следить за производством медовухи, кваса и других исконно рус-

ских напитков, — выполнял служивший при дворе **кравчий**, или **крайчий**.

Стольники обслуживали непосредственно царя и царицу, а потому по признаку близости к царской особе появились так называемые **комнатные стольники**, вхожие в царские покои.

В комнатные стольники царь жаловал чаще всего 10—12-летних мальчиков из княжеских и старомосковских боярских родов. Такие же мальчики-стольники приносили еду в терем царицы. Они начинали свою государеву службу в чине стольника, а затем многие из них — выходцы из упомянутых уже 16 особо древних и известных родов — без предварительной службы в сане окольничего получали чин боярина и возможность стать членами Боярской думы.

Часто государь из комнатных стольников выбирал полюбившегося ему подданного и переводил его в **спальники**, которым доверялся вход в государеву опочивальню и личное обслуживание царя. Главным над спальниками был **постельничий**.

Далее следовали **стряпчие**, получившие свое название в связи со «стряпней», то есть различной работой по хозяйству, что было их основной обязанностью.

По роду придворной службы стряпчие делились на **стряпчего с ключом**, **стряпчего с платьем** и **стряпчего с путем**.

Особое место при государевом дворе занимал до середины XVI в. **конюший**, отвечавший за государевы выезды, за экипажи, в которых выезжали великий князь и великая княгиня, за весь набор личных государевых коней и их уборов.

Кроме уже перечисленных чинов, к высшим придворным чинам Московского государства причислялись также следующие должности и чины: **дворецкий**, который отвечал за порядок и материальное состояние государева двора как резиденции великого князя и царя; **оружничий**, заведовавший государевым оружием; **ловчий московского пути**, в обязанности которого входила организация и проведение царской охоты; **сокольничий** и **подсокольничий** — устроители царской птичьей охоты; **казначей**, в ведении которого находилась государева казна; **ясельничий**, которому до первой трети XVI в. поручалось в основном содержание царских лошадей в конюшнях и заведование штатом конюхов и возниц, но после 1538 г. все обязанности конюшего были переданы ясельничему; **шатерничий**, в обязанности которого входило устанавливать государев шатер во время походов и поездок государя; **печатник** — хранитель государственной печати и всех письменных указов и распоряжений государя.

Окружали царя также и служивые люди. Это были **дети боярские** как личная охрана государя и государыни; **московские дворяне**, имевшие поместья в Москве и Московском уезде. Те из них, которые проявили себя с лучшей стороны, переводились в **детей боярских**, так как всегда могли потребоваться государю для его личной охраны. Были и **городовые дворяне**, которые несли государеву службу по наряду.

Еще ниже по служебной лестнице считались **жильцы**, которые были приезжими из других городов, жили при дворе и несли службу по найму. Их служба оплачивалась сотнями четей (четвертей) «в поле» (то есть земельными наделами) и денежными окладами от 10 до 12 рублей в год. Несмотря на такое низкое служебное положение, некоторым лицам из жильцов удалось «войти в случай» и в результате своей службы сначала перейти в разряд **детей боярских** или получить чин **стольника (чащника)**, а затем стать представителем боярского, а в петровское время — уже и княжеского рода.

По мнению П.Н. Петрова, высказанному им в книге «История родов русского дворянства», ниже жильцов считались **дети боярские**. Правда, по этому вопросу нет единого мнения. Вероятно, дети боярские не были ни чином, ни должностью. Сначала это были отпрыски боярских семей, не имевшие права на отцовские земли и потому вынужденные идти в услужение к великому князю и выслуживать чин боярина и земли собственным многолетним трудом. Боярские дети служили государю и государыне и по найму, и как придворные, и как служилые люди. Затем за малочисленностью охраны государя и государыни из детей боярских к ним стали присоединять и других приходивших на службу к государю, так что они вместе с другими служилыми людьми по найму составляли особое войско, как бы государев конвой, который носил общее наименование «дети боярские». Употреблялось это наименование и для обозначения сословной группы. Государь относился к детям боярским со всем вниманием. На это указывает хотя бы «Грамота Царя и Великого Князя Иоанна Васильевича о даче Боярам, Окольников и детям Боярским поместья и отчин в 1550 году», опубликованная впервые Н.И. Новиковым в «Древней Российской Вивлиофике» (М., 1789). В ней Иоанн Грозный, видимо отдавая дань родовитости, ставит детей боярских в один ряд с боярами и окольными. Так же относился к детям боярским и Иоанн III, который, отняв у бояр новгородских за их непослушание земли, передал их московским детям боярским.

Представленная здесь схема иерархической лестницы государева двора может быть верной лишь в общих чертах, так как воп-

рос, кто выше и главнее, решался, во-первых, в разное время по-разному, а во-вторых, волею и желанием великого князя и царя. Кто, несмотря на чин, был ближе к государю, тот и был важнее. Главное было — милость государя, ведь чины приходили по государеву волеизъявлению. Поэтому радовались великокняжеским и царским подаркам: повышению в чине, пожалованию вотчины или поместья, денежному вознаграждению и шубе с государева плеча или перстню как показателям царской милости и предвестникам повышения в сане (чине), а следовательно, и в денежном вознаграждении.

Картина иерархии чинов государева двора была бы неполной без упоминания великокняжеского и царского терема — важной его составляющей. Надо иметь в виду, что в понятие терема входит не только семейная половина дворца, но также и двор, или **дворовый чин** великой княгини или царицы, который, по-видимому, зародился еще в Древней Руси. Так, С.М. Соловьев в «Истории России с древнейших времен» отмечает, что «Великая княгиня, мать Иоанна III Васильевича, супруга Василия Темного — Мария, в иночестве Марфа (ум. 04.07.1485), имела свой двор, который во время похода присоединялся к Великокняжескому двору под особым своим воеводою». В исторических исследованиях это упоминание о дворе великой княгини или царицы — редкое явление. В основном же историки, описывая государев двор, обычно не упоминают о тереме и его обитателях, как будто их вовсе и не было.

Даже в Каталог книжной выставки Государственной публичной исторической библиотеки «Государев двор» не включено ни одной работы, посвященной терему. Нет там упоминания и книги А. Иконниковой «Царицы и царевны из дома Романовых» (Киев, 1914), репринтное издание которой было осуществлено в наши дни, между прочим, той же Исторической библиотекой.

А между тем великокняжеский терем, а тем более царицын дворовый чин, особенно когда его хозяйками были София Палеолог, правительница Елена Глинская, венчанные супруги Михаила и Алексия Романовых, царевна Софья, играли значительную роль во внутренней политике государева двора и даже в политике государственной, а потому не могут быть исключены из общего понятия «государев двор». Используя архивные документы и описание государева двора царя Алексия Михайловича Г.К. Котошихиным, замечательный русский историк И.Е. Забелин воспроизвел жизнь терема, причем не только в территориальном плане, как женскую часть палат терема или дворца, но как совокупность всех лиц, окружавших царицу, ее сыновей и дочерей, ее малолетних детей, ее родни, боярынь и боярышен, служивших при дворе и всей

теремной обслуги. Это был царицын дворовый чин, как уже говорилось выше, вторая иерархическая система государева двора, в которую входили **верховые боярыни, боярыни-мамы, боярыни-казначей, светличные, крайчие, постельницы, судьи**. Более низкую ступень, по мнению И.Е. Забелина, в иерархии царицына дворового чина занимали **мовницы**, которые мыли, стирали платье и белье; **постельницы**, «которые постели постилают под царицу и под боярынь» (Котошихин); **верховые боярышни и боярышни сеньные** — дочери высших чинов государева двора; **кормилицы, няни, дядьки при малолетних государевых сыновьях, учительницы, уставщица, комнатные бабы, мастерицы, портомой, стиравшие постельное белье, и другие прислужницы терема**.

Был на службе у царицы и мужской дворовый чин: **дворецкий, приказный, крестовый, стольник, походный, истопничий, мастерской**. Служили ей и знатные бояре из ее рода, ее верные советники, окружали ее и близкие родственники. В царствование Алексея Михайловича царицын терем обслуживал специальный Приказ, которым заведовала боярыня-казначей. Он назывался Царицына мастерская палата; там изготовлялись и хранились дорогие выходные платья для царицы, царевичей и царевен. Существовал и особый двор в Москве для приема полотен из московской Кадашевской слободы и из Берейтова, где они изготовлялись для пошива царской одежды. Ведала этим особым приказом боярыня-вдова, которую называли **хамовная, или Кадашевская, боярыня**.

Во время дальних выездов великой княгини и царицы охраняли ее **дети боярские**.

Совершенно естественно, обитатели терема, а тем более государыня, его хозяйка, не могли не влиять напрямую или косвенно через своего супруга и взрослых сыновей на жизнь и даже политику государева двора.

Как же при всем этом можно не включать в понятие «государев двор» терем великой княгини или царицы, их дворовые женский и мужской чины?

Вообще в Русском государстве отношение к женщине, даже если это великая княгиня или царица, было странно двойким.

С одной стороны, женщин при государевом дворе как бы вовсе не было, что отразилось и на современном подходе историков к изучению и описанию государева двора.

Действительно, терем и в Древней Руси, и в Московском государстве был закрыт от посторонних глаз и недоступен для многих людей. Он и строился при палатах и дворцах зачастую как отдельная башня, теремной дворец.

Но, с другой стороны, с древних времен за женщиной признавалось право быть даже правительницей государства. Женщине-правительнице подчинялись все чины государева двора, служа ей верой и правдой. И свидетельствуют об этом исторические факты, не признавать которые невозможно.

В X в. в Древнерусском государстве великая княгиня Ольга после гибели своего мужа Игоря взяла в свои руки правление и отлично справилась с этим делом, не только приведя государство в надлежащий порядок, но и весьма остроумно, хоть и жестоко, отомстив древлянам за смерть своего супруга. Она установила связи с Константинополем путем личного контакта. Православная церковь причислила ее к лику святых за то, что она первая приняла христианство и сделала попытку распространить его среди народа. Можно возразить, что это было давно, еще в языческий период истории Русского государства, когда к женщине было иное отношение, чем позднее, после принятия христианства. Однако история приводит нам и другие примеры.

Во второй четверти XVI в., то есть в христианский период, великая княгиня Елена Васильевна Глинская (?—1538), жена великого князя, «государя всея Руси» Василия III Иоанновича, после смерти супруга в 1533 г. стала правительницей Московского государства при малолетнем сыне — Иоанне IV.

Она вместе со своим дядей и боярами правила Московским государством в течение пяти лет, с 1533 г. вплоть до своей смерти в 1538 г. Она заботилась не только о хозяйственной жизни государева двора и государственном устройстве Русского государства, но и об обороне Москвы на случай нападения врага.

И таких примеров женской государственной и общественной службы можно привести много. Достаточно вспомнить царевну Софью, ставшую правительницей Российского государства.

Понятно, что государев двор в периоды правления Русским государством женщинами преображался: уже не было (да и не могло быть) такого четкого разделения между мужской и женской половинами двора и такой закрытости терема.

Разумеется, государев двор, как и все Русское государство, исторически развивался, испытывая влияние Запада. И терем постепенно освобождался от строгих правил закрытости.

А. Иконникова в книге «Царицы и царевны» указывает «на три периода в жизни русской женщины, довольно резко различающихся между собою: *языческий и христианский*: а) *под влиянием византизма* и б) *под влиянием культуры Запада*».

По мнению А. Иконниковой, в языческий период жизни Древнерусского государства женщина была свободной и воспринима-

лась наравне с мужчиной. С принятием христианства жизнь женщины, в том числе в великокняжеском и царском тереме, становится затворнической, теремная женщина как бы заживо погребена, так как терем был закрыт от постороннего взгляда. «При встрече царицы подданные должны были падать ниц и опускать глаза, а осмелившийся взглянуть на царицу нередко (!) подвергался казни». «...Даже врач не мог лицезреть ее, и при входе его занавешивались окна, а руку при исследовании пульса окутывали кисеей».

Приведенные выше примеры женского правления государством не только в языческий, но и в христианский период развития Русского государства, естественно, опровергают приведенную Иконниковой схему. Не всегда даже в византийский период христианства терем был настолько закрыт, что его обитатели были «как бы заживо погребены в нем», как это принято считать.

Лариса Васильева в книге «Жены русской короны» (М.: Атлантида, 1999. Кн. 1) высказала «женский взгляд» на историю: если государевой женой была иноземка, то и жизнь в тереме при государевом дворе была под влиянием культуры Запада. И только редкие великие княгини и царицы, так сказать, «отечественного производства», тоже старались вести жизнь по западному образцу. Да и то, с точки зрения автора, если покопаться, то можно найти в таких смелых государынях иноземную кровь.

На наш взгляд, как первая, так и вторая точки зрения на терем отличаются схематичностью, прямолинейностью и не признают его как часть государева двора. В них не учитываются тесная связь терема с мужской «половиной» государева двора, воспитание и природный ум женщины, ставшей во главе терема и царицына дворового чина, черты ее характера, природный такт по отношению к мужу, тем более государю, а главное, особенности характера государя, степень его воспитанности и образованности, проводимая им внешняя и внутренняя политика государства, степень влияния на него жены. Конечно, при таком государе, каким был Иоанн Грозный, царицын терем был закрыт, и находиться там было страшно. Из семи его жен три умерли, причем Марфа Васильевна Собакина скончалась через месяц после свадьбы, еще три жены — Анна Колтовская, Анна Васильчикова и Василиса Мелентьева — были отвергнуты, сосланы в монастырь, а последняя его жена Мария Нагая в последние годы жизни царя не допускалась ему на глаза. И невестку свою, жену царевича Ивана Ивановича, он избил так, что, будучи в то время беременной, она лишилась ребенка. А сына своего, заступившегося за жену, убил во гневе. О какой жизни в таком тереме можно говорить? И даже в

таких условиях первая царица, супруга Иоанна Грозного Анастасия Романовна, кстати, вполне «отечественного производства», имела если не огромное, то очень сильное влияние на царя, так что летописец отметил: «Предобрая Анастасия наставляла и приводила Иоанна на всякие добродетели».

Если принять основной тезис — полную в византийский период закрытость терема, где женщина «как бы заживо погребена», где она занимается только молитвами, рукоделием, прогулками вдали от чужих глаз и редкими выездами из терема в основном для посещения монастырей, то сразу возникает ряд вопросов.

И прежде всего такой вопрос: как же русские великие княжны, жившие в византийский период, воспитанные в условиях закрытого терема с его жесткими правилами, выйдя замуж за иностранных правителей и став королевами, сумели в чужом для них государстве (!) занять не последнее место в решении государственных вопросов?

Королева Франции Анна Ярославна — дочь Ярослава Мудрого, выданная замуж за французского короля Генриха I, — обнаружила знание нескольких языков, умение грамотно писать, вести тонкую политическую борьбу при французском дворе и сумела прочно войти в историю Франции.

Ее сестра Елизавета стала женой норвежского принца Гарольда Смелого, с которым познакомилась при дворе своего отца, Ярослава Мудрого (978—1054). Впоследствии Гарольд получил королевский трон и возложил и на жену королевскую корону.

Их родная сестра Анастасия, осчастливив венгерского короля Андрея I, стала королевой Венгрии и политической советницей своего супруга.

Великие княжны Мария и София, дочери великого князя Владимира II Всеволодовича Мономаха (1053—1152), выйдя замуж за иностранных принцев: Мария за византийского царевича Леопа, а София — за венгерского принца, ставшего королем Венгрии Бела II, тоже, как говорится, «не посрамили земли Русской».

И внучки Владимира Мономаха прославили Русское государство и сыграли не последнюю роль в чужеземной стране. Одна стала норвежской королевой, супругой короля Сигурда, а затем, вторым браком, — королевой Дании, супругой датского короля Эрика Эдмунта. Вторая вышла замуж за Капута Святого Оботритского и стала матерью Вальдемара, короля Дании. Третья — сочеталась браком с греческим царевичем и получила известность при европейских дворах.

И другой вопрос: как же случилось, что не вышедшие замуж русские великие княжны, только молясь и сидя за пядьцами, так

сказать, «заживо погребенные» в тереме, впитали в себя дух служения своему Отечеству и самозабвенно отдали себя этому служению?

Исторические факты, эти упрямые вещи, показывают, что некоторые великие княжны, жившие в византийский период, не выйдя замуж, не сидели в тереме, а проявляли себя как государственные лица. Так, дочь великого князя киевского Всеволода I Ярославича (1030—1093) Анна Всеволодовна (Янка), родная сестра Владимира Мономаха и внушка Ярослава Мудрого, не только не сидела в закрытом тереме, но проявила себя и как дипломат, и как просветительница.

Интересно, как бы могла все это сделать великая княжна Анна, если бы она в закрытом от чужих глаз тереме только бы молилась и вышивала?

Все это было именно в период христианства, именуемый византийским, когда митрополитами были на Руси греки и другие чужеземцы, присылаемые Византией.

Почему такое стало возможно со времен Ярослава Мудрого? Потому что таков был характер великого князя и такова была его внутренняя и внешняя политика. Ярослав недаром был прозван Мудрым. Это был образованный человек, знал многие языки, делал переводы с греческого, участвовал в составлении «Русской правды» — свода законов Древнерусского государства, основал первую значительную библиотеку при Софийском соборе. При таком правителе и великокняжеский терем не был столь закрытым, как это представляется многим. Предвижу, что Лариса Васильева возразила бы, отстаивая свою позицию, что Ярослав был сыном грекини Рогнеды. Но и Рогнеда не смогла бы установить такие порядки в тереме, если бы ее муж и государь не одобрял этого. Продолжали политику Ярослава Мудрого и его сыновья, при которых также терем не был полностью закрыт, и в нем не только молились и вышивали, но и получали образование и воспитание, направленное на служение русской земле.

И в последующие века воспитанницы великокняжеских теремов становились известными русской истории.

В XIII в. в тереме государева двора черниговского князя Михаила II Всеволодовича, женатого на дочери великого князя владимирово-волынского и галичского Романа Мстиславича, жили и воспитывались их дочери, великие княжны Феодулия и Мария. История сохранила сведения об их образовании. Они учили Священное Писание, читали жития святых, а также произведения греческих и римских писателей и философов — Гомера, Верги-

лия, Аристотеля, Платона, приобщались к врачеванию, изучая Галена и Эскулапа.

Волею судьбы у Феодулии Михайловны во время ее свадьбы в 1233 г. умер жених — суздальский князь Федор Ярославич, родной брат Александра Невского. Феодулия постриглась в монахини в суздальском монастыре и прославилась как пророчица, ясновидящая, покровительница Суздаля. Мощи ее хранились в суздальском монастыре, излечивая притекающих к ним верующих «от бесов», то есть от душевных болезней.

Ее сестра Мария Михайловна стала летописцем. Она вышла замуж за князя Василия Константиновича (1209—ок.1238), сына первого князя ростовского Константина Всеволодовича. Князь погиб в 30-летнем возрасте. После битвы с татарами на берегах реки Сити (притоке реки Калки), состоявшейся 4 марта 1338 г., Василий Константинович попал в плен. Он вел себя мужественно и гордо отказался изменить своей отчизне — вступить в татарское войско, за что и был убит.

Героически погиб и отец Марии — черниговский князь Михаил II Всеволодович. Он приехал в Орду к Батыю, чтобы получить ярлык на княжение в Чернигове. Ему было предложено пройти очистительный огонь, то есть поклониться языческим богам и отказаться тем самым от христианской веры. Великий князь Михаил предпочел мученическую смерть. За этот подвиг, как христианин-страстотерпец, погибший за христианскую веру, он был канонизирован Русской православной церковью как святой.

Великая княжна Мария описала христианский подвиг своего отца в летописи «Житие Михаила Черниговского», оставив потомкам историческое свидетельство жизни русских князей в XIII веке.

Разумеется, были и такие великие княгини и великие княжны, царицы и царевны, которые никак не проявили себя не столько в силу строгих законов терема, сколько в силу своего характера, своих способностей. Ведь даже лютый Иоанн Грозный подпадал под влияние своих жен. Царица Анастасия, первая его жена, смягчала его нрав, влияла на проводимую им политику. Другая его жена, царица Мария Темрюковна, наоборот, ожесточала его сердце, подбивала его на разгул, дикие увеселения, казни подданных.

А вот бесцветность некоторых (кстати, немногочисленных) хозяек государева терема, а также их дочерей-царевен, а в силу этого их затворничество, как бы погребение заживо, и породили представление о тереме как о некоей тюрьме, где погибали женские души.

То, что многое зависело от характера, способностей и образованности женщины царского терема, история продемонстрировала на соперничестве Натальи Кирилловны Нарышкиной, вдовы, а стало быть, прямой наследницы престола царя Алексея Михайловича при малолетнем своем сыне-царевиче, и царевны Софьи Алексиевны, всего лишь незамужней дочери Алексея Михайловича, и притом не старшей. Победил сильный характер Софьи, ее образованность, ее решительность. Именно она стала правительницей Московского государства при малолетних царях, а не Наталья Кирилловна, мать одного из этих царей, имевшая больше прав на престол, но менее решительная, то и дело прибегавшая к покровительству то боярина Артамона Матвеева, то своих братьев Нарышкиных. И все же и она, когда Петр стал править самостоятельно, в отсутствие сына возглавляла его правительство. Удивительно, но первая жена Алексея Михайловича — царица Мария Ильинична Милославская — тоже не сидела без дела: когда Алексей Михайлович развернул в Измайлове работы по созданию образцового хозяйства, она взяла на себя управление производством льняного полотна, в том числе и тончайшего, и пошива из него изделий и для дворцовых нужд, и на продажу.

Так или иначе, но приведенные нами только некоторые примеры деятельности женщин великокняжеских и царских теремов показывают, что терем был неотъемлемой частью государева двора, а его обитательницы могли играть немаловажную роль в жизни и политике не только Русского государства, но и других стран. И об этом подробно можно ознакомиться в других статьях этой книги.

Таким образом, государев двор как совокупность лиц, окружавших государя, включал в себя обе половины — официальную, государственную, назовем ее мужской, и неофициальную, теремную, назовем ее женской.

Естественно, возникает еще один вопрос: а где располагался государев двор? Государев двор был там, где находился сам государь и его семья. А это прежде всего Московский Кремль. Все московские великие князья и цари уделяли центру Руси самое пристальное внимание — укрепляли его как крепость, окружая его каменными неприступными стенами, украшали его церквями и соборами, среди которых были колокольня Ивана Великого, Успенский и Архангельский соборы, окружали его неприступной кремлевской стеной с надвратными башнями. Но главным для государства во все века был Успенский собор, где проходило венчание на великое княжество и на царство, и на императорство в

последующие годы, на бракосочетания, крещения и отпевания усопших государей и государынь, усыпальницей для которых служил издревле Архангельский собор. На территории кремлевского государева двора строили дворцы и палаты, украшали их изнутри, разводили вокруг них диковинные растения.

Но были и другие места, где располагался государев двор: например, в селе Преображенском, где рос Петр I; в Измайлове, где предположительно родился Петр; в Коломенском, где держал свой двор Василий III и где, по одному из преданий, родился Иоанн Грозный, в честь рождения которого там же была выстроена сохранившаяся до наших дней колокольня. Иоанн Грозный после учреждения им опричнины долгое время держал свой двор в Александровской слободе под Москвой.

Однако Московский Кремль оставался главным местом государева двора. Кремль хорошо охранялся, в него не допускались люди, не имевшие отношения к обслуживанию дворца и его обитателей. Прислуга могла ходить по дворцу только по определенному для нее маршруту и входить во дворец только с определенного крыльца. Г. Котошихин подробно описал московский царский дворец, палаты царя Алексея Михайловича и терем, палаты царицы. И даже изобразил кремлевский дворец, тогда еще деревянный, с его крыльцами и теремами, а также начертил план расположения в нем комнат и переходов.

И все же главными в государевом дворе были «милостию божию самодержец всея Руси» великий князь и царь, его супруга великая княгиня и благоверная царица, с их детьми и царицыным дворовым чином, а также очень важными — чины государева двора, с помощью которых осуществлялись повседневная жизнь его обитателей и управление Русским государством.

Об этом и пойдет рассказ в последующих главах этой книги.

Титулы верховной власти

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ, -и, ж.; др.-рус.
(от «великий князь»)

Титул супруги великого князя в Древнерусском и Московском государствах IX — начала XVI в.

Надо заметить, что титул «великая княгиня» существовал и в Российской империи, но по своему статусу и своему содержанию он представлял собой иное явление, так как, во-первых, в Российской империи был не один великий князь, а такой титул носили и сыновья, и братья, и племянники, и внуки императора, а потому принадлежал не одной супруге великого князя, а всем супругам всех великих князей августейшей семьи.

Титул великая княгиня появился сразу, как появился титул великий князь, однако в летописях долгое время жену великого князя именовали просто княгиней.

Ошибочно распространенное мнение, что великая княгиня Древней Руси и Московского государства — это жена великого князя, которая сидела в своем тереме с детьми и прислугой, вышивала, молилась и изредка ездила в монастырь. На самом деле великая княгиня как Древней Руси, так и Московского государства была обладательницей многих своих личных земель, следила за производствами в своих деревнях (в основном льна, шерсти, изделий из них, но и крупных, как, например, солеварение), распоряжалась доходами от них, могла иметь свою дружину, соперничая в этом деле с мужем, и в случае смерти великого князя, ее мужа, брала управление государством в свои руки, и в известных случаях прекрасно с этим справлялась.

Так что в историю становления и развития нашей страны внесли вклад не только выдающиеся великие князья, бояре и иные государственные люди, но и великие княгини и даже княжны.

Первой известной нам великой княгиней Древнерусского государства, личностью яркой, неординарной, была жена великого князя киевского Игоря Рюриковича — Ольга (в летописях также Вольга, Волга), в крещении Елена, святая Русской православной церкви.

Точная дата ее рождения неизвестна, где-то между 890—894 гг., умерла в 969 г. Она стала правительницей Руси после гибели ее мужа, князя Игоря, в 945 г., при пятилетнем своем сыне Святославе I Игоревиче и правила единолично страной приблизительно до 955 г., до возмужания Святослава, однако, как говорят летописи, она помогала своему сыну в его княжении до самой своей смерти, даже можно сказать, что она и в его княжение управляла государством, потому что он то воевал с греками, то пребывал в болгарском Переяславце на Дунае. Его не было в Киеве даже тогда, когда на Киев напали печенеги и Ольга с внуками сидела в осаде.

Первое упоминание об Ольге в летописи значится под 903 г., когда князь Олег привез Игорю из Пскова девушку по имени Ольга. Конечно, это одна из версий, высказанная в Лаврентьевском списке «Повести временных лет». Есть и другая версия, что Игорь, будучи в Пскове, сам познакомился с красавицей Ольгой.

Имя Ольги окружено легендами настолько плотно, что трудно отделить правду от вымысла. Если считать, что она родилась в 890 г., то в 903 г. ей было 13 лет, но если считать годом ее рождения 894 г., то это была девятилетняя девочка. Вероятно, в 903 г. состоялось только ее обручение с Игорем, а супружество началось значительно позже, потому что иначе получается, что Святослав родился только через 37 лет их супружества. Конечно, возможно еще, что и из-за постоянных походов Игоря и его пребывания в плену совместная их жизнь уместилась всего в несколько лет, не достигающих и десятка.

Различные исторические изыскания привели ученых к мысли, что Ольга была псковитянкой из вполне обеспеченной боярской семьи или семьи варяжского наместника — князя. У одних есть даже предположения, что это была дочь (а может быть, и правнучка) Гостомысла, у других — что она была дочерью князя половецкого Тмуторокана (Торокана). Приписывают ей и болгарское происхождение.

По преданию, это была необыкновенно красивая и, особенно, очень умная женщина, что подтверждалось ее действиями при мщении древлянам и дальнейшими ее деяниями.

Став «честной вдовой», Ольга, по законам того времени, должна была отомстить древлянам за смерть своего мужа, а заодно и за отказ платить дань. Тем более что она уже знала о замысле древлян, который летописец передал такими словами: «се князя убихомъ рускаго, поимемъ жену его Вольгу за князь свой Малъ и Святослава, и створимъ ему, якоже хощемъ».

Конечно, в Лаврентьевском, например, списке летописи очень красочно рассказывается о том, как к Ольге в Киев пришли древлянские послы сватать ее за князя Мала, как она просила их не ехать с нею вместе в древлянскую землю на конях и повозках и пешими, а плыть на ладье, а чтобы в ладью эту ее посадили у ее палат и понесли к реке на руках.

Слуги ее тоже участвовали в этой игре и говорили древлянам, что Ольга ждет их сидя вся избоченившись, «в перегахъ и в великихъ сустугахъ» («нарядная, в металлических нагрудных пряжках»), гордящаяся, хочет идти за князя Мала.

А между тем Ольга приказала вырыть около своих княжьих палат огромную яму, и когда пришли древляне к ней вместе со своей ладьей, их сбросили вместе с ладьей в эту яму и заживо закопали.

Но Ольга якобы продолжала играть лукавую роль. Она послала к древлянам сказать им, чтобы они прислали к ней важных, знаменитых воинов, чтобы она вышла замуж за их князя в великой чести, иначе киевляне не отпустят ее. Древляне послали к ней самых лучших своих воинов, которые охраняли всю древлянскую землю.

Когда древлянские мужи (дружина древлянская) пришли к ней, она попросила их сначала помыться в бане. А когда они начали в бане мыться, она приказала поджечь эту баню от дверей, и все они сгорели. Но и этой мести ей было мало.

Она обратилась к древлянам с такой речью: «Я уже иду к вам, а вы заготовьте побольше меду в своем городе, в котором убили моего мужа, а я поплачу над гробом его и сделаю тризну мужу своему». Древляне свезли очень много меду и сварили из него, видимо, медовуху. Ольга же, взяв с собою небольшую дружину, идущую налегке, пришла ко гробу и плакала по своему муже. А потом приказала своим людям насыпать большой холм и велела «тризну творити». Древляне сели пить медовуху, а Ольга повелела своим отрокам (столяникам) им служить. Древляне спросили Ольгу: «А где же наша дружина, которую мы послали к тебе?» Ольга ответила, что их дружина идет к ней вместе с дружиной ее мужа. Это был очень тонкий, жестоко остроумный (конечно, не понятый древлянами) ответ, потому что обе дружины уже давно на том свете: древляне убили Игоря вместе с его дружиной, а она сожгла их дружину.

Когда же древляне уже хорошо упились, Ольга велела своим отрокам «пить за ня», то есть провозгласить тост за здоровье древлян, чтобы свалить их окончательно, а сама отошла прочь и приказала своей дружине сечь мечами всех древлян.

Летопись утверждает, что тогда были иссечены 5000 древлян. А Ольга возвратилась в Киев и стала готовиться к походу на остальных древлян.

На следующий, 946 год Ольга с сыном своим Святославом, собрав многих храбрых воинов, пошла войной на древлянскую землю. Древляне выступили ей навстречу. Обе дружины спешили и встали напротив друг друга. И шестилетний Святослав кинул свое копье на древлян, но у него были детские силенки, и копье пролетело между ушами коня и ударилось в конские ноги. Но воевода Свенелд и воспитатель Святослава Асмолд сказали: «Князь уже начал, потягайтесь, дружина, с князем». И киевская дружина победила древлян. Древляне разбежались и спрятались в своих укрепленных городах. А Ольга пошла к Искоростеню, жители которого убили ее мужа. Она осадила город, где заперлись древляне и отчаянно сопротивлялись, понимая, что за убийство Игоря им не будет от Ольги пощады. А Ольга, видя, что ей осадой не взять Искоростенья, пошла снова на хитрость. Она предложила древлянам мир, заявив, что уже достаточно отомстила за мужа. Дань медом и шкурами она с них не возьмет, потому что знает, что у них ничего этого нет, они и так изнемогли в осаде, а потому просит самую малость: пусть от каждого двора ей дадут в качестве дани по три голубя и по три воробья. И древляне собрали с каждого двора по три голубя и по три воробья и с поклоном послали их ей.

А Ольга раздала своим воинам кому по голубю, кому по воробью и велела привязать к лапкам птиц тряпицы, пропитанные серой. Когда стемнело, воины зажгли тряпицы у птиц и выпустили их. И они полетели: голуби в свои голубятни, а воробьи под застрехи домов. И не было ни одного дома, который бы не загорелся. Люди побежали из города, а Ольга приказала их ловить. Они схватили старейшин, а людей — одних побили, других взяли в плен как рабов, а третьих оставили, чтобы они платили ей дань. А дань она возложила на них очень тяжелую: две части дани — для Киева, а третья Вышегороду, то есть Ольге, потому что Вышгород принадлежал лично ей. Затем Ольга с сыном своим и с дружиной прошла по всей древлянской земле, установила свои уставы населению (кому, когда и сколько платить дань), дала им уроки (то, что они для нее должны производить) и определила места для своих станом и охотничьих угодий. Затем Ольга объехала свои обширные владения и также определила оброки и дани. О владениях Ольги летописец говорит так: «Ловища ее суть по всей земле, знаменья и места и повосты и по Днепру перевесеца и по Десне».

Но главным деянием великой княгини Ольги, за которое она удостоилась имени святой, было принятие ею христианства и попытка распространить его на Руси. Где и когда приняла она православное христианство, на эти вопросы нет единого мнения. Летопись считает, что ее крещение произошло в Константинополе, но в записях императора Константина Багрянородного о приеме Ольги в Царьграде нет упоминания, хотя такое событие не могло показаться ему незначительным. Однако в этих записях есть упоминание о сопровождавшем ее священнике. Отсюда делается вывод, что она крестилась в Киеве и приехала в Константинополь в 957 г. уже под крестильным своим именем Елена. Эти выводы простираются и далее, что Ольга якобы под влиянием киевских христиан крестилась еще при жизни Игоря, но после его смерти стала открыто исповедовать православие. Она пробовала склонить своего сына Святослава креститься, но он не захотел, боясь, что дружина будет насмехаться над ним. Он не препятствовал отправлению Ольгой христианских обрядов, но и не одобрял их всенародно. Время христианства еще не пришло. В летописи дается оценка ее христианской деятельности: «Это была предтеча христианской земли, как денница перед солнцем и как заря перед светом... Мы же говорим ей: радуйся, Русской земли познание, начало примирения с богом. Она первая вошла в царство небесное от Руси, и ей хвалу возносят русские сыновья как начавшей этот путь, потому что она первая после смерти своей молить бога за Русь».

Ольга просила сына не совершать над нею тризны, а похоронить ее по православному обычаю. Неизвестно, где была погребена святая Ольга. Но известно, что при ее внуке Владимире Святославиче Святом, крестившем Русь, мощи Ольги были перенесены в Десятинную церковь и положены в раку, но когда пришли монголы, мощи пришлось спрятать под спудом церкви, а по прошествии длительного времени они затерялись.

Великая княгиня киевская Ольга правила Русью наравне с другими князьями; она выступает в поход во главе дружины, собирает дань с населения и следит за выполнением ее «уроков», строит города и села, производит суд и охотится наравне с мужчинами. Она заключает торговые договоры, ведет дипломатические переговоры, отказывает в помощи константинопольскому императору, отвергает посланных на Русь императором Оттоном I Великим священнослужителей и совершает много других самостоятельных поступков. И все это у ее современников не вызывало удивления, потому что тогда женщина, тем более великая княгиня, была равноправна с мужчиной.

Многие поступки Ольги говорят, что она несла в себе черты и языческие (ее месть за Игоря, безжалостное отношение к своим подданным), и христианские (просьба о христианском погребении и др.). Но она первая показала пример отхода от язычества и крещения в православие, а потому почти все жители Киева, следуя примеру почитаемой ими княгини, откликнулись на призыв великого князя Владимира, во множестве пришли на берег Днепра и крестились.

Святой Русской православной церкви стала и великая княгиня Евдокия Дмитриевна Суздальская-Московская, жена великого князя владимирского и московского Дмитрия Ивановича, за победу над татарами на Куликовом поле прозванного Донским. Дмитрий Донской за защиту Руси и борьбу против татаро-монгольского ига был удостоен канонизации как святой Русской православной церкви. После смерти великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского, супруга его, великая княгиня Евдокия Дмитриевна, по сути, стала правительницей Московского государства при сыне своем — юном Василии I Дмитриевиче, получившем ярлык на Великокняжеский стол во Владимире от ханского посла Шахмата в 1389 г.

Княжна Евдокия (Авдотья, в иночестве Евфросиния) родилась в семье князя суздальского и нижегородского Дмитрия Константиновича и его жены Анны. Она получила религиозное воспитание и хорошее по тем временам образование. При этом она была от природы девушкой умной и кроткой.

После смерти великого князя владимирского и московского Ивана II Ивановича в октябре 1359 г. Владимирский и Московский стол должен был получить его старший сын Дмитрий, но ему было в то время только 9 лет, а потому князья, желавшие заполучить самое главное на Руси — великое княжение владимирское, съехались в Орду за ярлыком. Среди этих князей был и князь суздальский Дмитрий Константинович, отец Евдокии, которому хан Ходырь в июне 1360 г. вручил ярлык на великое княжение владимирское. Таким образом, князь суздальский Дмитрий Константинович и князь московский Дмитрий Иванович стали соперниками в борьбе за титул великого князя владимирского. Московские бояре, поддерживавшие Дмитрия Ивановича, сумели в 1362 г. добиться получения Дмитрием Московским ярлыка на великое княжение владимирское и московское. Дмитрию Константиновичу пришлось бежать из Владимира. В следующем году Дмитрий Константинович, стремясь вернуть себе титул великого князя владимирского, силой захватил Владимир и удерживал его в течение недели, но удержать не смог. Сын Дмит-

рия Константиновича, Василий Кирдяпа, привез своему отцу из Орды великокняжеский ярлык, но Дмитрий Константинович от ярлыка отказался, потому что все повернулось так, что теперь ему выгодно было не соперничать с Дмитрием Ивановичем, князем владимирским и московским, а обратиться к нему за поддержкой. Дело в том, что Борис, родной брат Дмитрия Константиновича, стал искать княжения в Нижнем Новгороде, отбирая его у Дмитрия Константиновича. Князь московский Дмитрий Иванович оказал ему поддержку, а Дмитрий Константинович за это отдал ему в жены свою дочь Евдокию. Для Евдокии это замужество не явилось трагедией: и она, и Дмитрий сразу понравились друг другу, и в дальнейшем супруги жили счастливо, в мире и согласии. Евдокия Дмитриевна подарила своему мужу восемь сыновей и четыре дочери.

Великая княгиня на Руси всегда пользовалась большим уважением и почетом. Русские великие князья в своих духовных грамотах самые лучшие свои земли и богатства завещали прежде всего своим княгиням, а детям своим перед смертью давали не только наделы для княжения, но и наказ слушаться матери, уважать ее и беречь. Великая княгиня была наделена правом суда над своими детьми и обитателями великокняжеского двора. А потому, как отмечает С.М. Соловьев, «этому богатому наделению соответствовало и сильное нравственное и политическое влияние, какое уступалось им по духовному завещанию их мужей».

Земли, которые оставлялись великим княгиням, были двойными: 1) которыми они не имели права распоряжаться в своих завещаниях; и 2) которыми могли распоряжаться свободно, так называемые **опричины**.

В Московском княжестве были такие волости, которые постоянно находились исключительно во владении княгини, потому что они предназначены были для содержания великой княгини. Великая княгиня была полною владельницей этих земель. Они и назывались **княгининскими пошлыми**. То есть «пошли» на ее содержание.

Не исключением была и Евдокия Дмитриевна. Великий князь Дмитрий Иванович Донской оставил за ней многие земли, а сыновьям и дочерям своим завещал держать его княгиню, с которой он прожил в мире, согласии и целомудрии (без измен. — *И.В.*) 20 лет и 6 месяцев, а их мать — в высокой чести, и надлежит слушаться ее и исполнять ее приказания. Он оставил ее хозяйкой земли Русской.

И его сыновья выполняли его завет. Так, договор великого князя Василия Дмитриевича с его братьями Юрием, Андреем,

Петром и Константином начинается такими словами: «По слову и благословению матери нашей Авдотьи». А в договор с братом Юрием, князем Галичским, Василий I внес следующие условия: «А мать свою нам держать в матерстве и в чести».

Для великой княгини Евдокии смерть любимого мужа была большой потерей и тяжелым переживанием. Ведь Дмитрий Донской прожил на свете всего 38 лет и ушел из жизни совсем молодым мужчиной. Из этих 38 лет 20 они прожили вместе. В день его смерти Евдокия ждала ребенка.

Горе великой княгини описал неизвестный автор в «Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского»: «Когда увидела его княгиня на постели мертвым лежащего, восплакалась горьким голосом, огненные слезы из очей потекли, все тело ее содрогалось и в грудь руками себя она бить начала и кричать то как труба, рать оповещающая, то как орган, сладко вещающий...» В плаче Евдокии представлены не только традиционные восклицания и вопросы, но оценка великой его личности, высоко значимой для Русского государства: «Царю мой! Како прииму тя или послужу ти? Где, господине, честь и слава твоя, где господство твое? Осподарь всей земли Русьской был еси, ныне же мертвъ лежиши, ни кемъ же не владееши; многы страны примирилъ еси и многы победы показалъ еси, ныне же смертию побеженъ еси (...) за многоценныя багряница худыя сии бедныя ризы приемлещи, за царский венецъ худым сим платомъ главу покрываеши, за полату красную гробъ приемлещи...»

После смерти мужа Евдокия родила своего последнего мальчика — Константина. Ее старший сын Василий, как уже говорилось, получил ярлык на великое княжение, но ему еще не исполнилось тогда и 17 лет, а потому великая княгиня, своим благочестием, разумом и добротой снискавшая любовь и доверенность и бояр, и окольничих, и служивых людей, стала помогать своему сыну в его княжении, по сути, стала великой княгиней всея Руси.

Участие в государственных делах не было для нее новым делом. На следующий год после свадьбы, в 1367 г., по ее совету Дмитрий Иванович начал строительство белокаменного Кремля, а особенно его стен. И совет ее был не напрасен: в 1368 г. пришлось ей пережить трехдневную осаду литовских войск Ольгерда. Благодаря укрепленным стенам, Кремль ему взять не удалось. В 1370 г. Ольгерд уже восемь дней осаждал Москву, но взять Кремль опять не смог.

Пока не было детей, Евдокия по традиции участвовала в поездках и походах мужа. Может быть, потому и погиб, едва родившись, ее первенец Даниил.

Она была знакома с преподобным Сергием Радонежским, благословившим ее мужа на победу в Куликовской битве. Сергей Радонежский крестил ее сына Юрия.

Когда в 1378 г. умер наставник великого князя митрополит Московский Алексей, впоследствии канонизированный Русской православной церковью, встал вопрос о его преемнике, Евдокия решительно взялась за разрешение этого вопроса и сумела во многом повлиять на мужа, хотя события порой выходили из-под контроля. Когда прибыл в Москву новый митрополит Киприан, Евдокия с радостью встретила его, потому что он славился своей ученостью, был знатоком Священного писания и даже имел литературный талант, а потому был хорошим собеседником на религиозные темы.

Став великой княгиней всея Руси, Евдокия Дмитриевна прежде всего установила мир, согласие и взаимоуважение между сыновьями: великим князем Василием и его братьями, удельными, подручными князьями, чтобы младшие не искали великого княжения и не было бы распрей и междоусобиц. А потому все договоры между ними составлялись при ее участии и с ее благословения.

Вторым важнейшим ее делом было — не потерять значения Москвы как центра православия на Русской земле.

На рубеже XIV—XV вв. на Руси было очень мало женских монастырей, а в Москве не было вообще ни одного. Имеющиеся малочисленные женские монастыри находились в подчинении игуменов мужских монастырей, и это обстоятельство создавало много проблем. Необходимость создания женского монастыря в Москве уже ощущалась явственно, потому что даже в женской половине великокняжеского двора боярыни-мамы, кормилицы, казначеи и другой персонал (а это были в основном вдовы), постарев и потеряв силы для продолжения службы великой княгине, хотели бы уйти в монастырь, постричься и принять схиму, а идти было некуда. Кроме того, в Москве было много и других вдов и девушек-сирот, для которых монастырь был бы выходом из их тяжелого положения.

И Евдокия решила, что в Москве, как центре православия и уже теперь главном городе Русского государства, необходимо построить женский монастырь. И при поддержке митрополита Московского Киприана и духовенства Евдокия основала женский Вознесенский монастырь в Кремле. Вместе с митрополитом и ду-

ховенством она разработала Устав женских монастырей, и он был одобрен и утвержден Собором. В то же время она добилась того, что женские монастыри были освобождены от опеки игуменов мужских монастырей. Даже с точки зрения современной, Евдокия провела огромную по значимости работу: основав в Кремле женский монастырь, она не только послужила православной церкви и людям, нуждающимся в этом, но и высоко подняла религиозное и политическое значение Москвы, не говоря уж о социальной значимости этого предприятия и о повышении общественной роли женщины, которой доверили самостоятельно руководить монастырем, его духовной и материальной частью.

К этому нужно добавить, что Евдокия постоянно курировала строительство монастыря: возведения его церкви, его звонницы, его монашеских келий. А на строительство, как известно, нужны деньги. Нам не известно, как финансировалось строительство Вознесенского монастыря, но вероятнее всего, в основном оно шло из личной казны великой княгини. Вот почему монастырь был построен, открыт и освящен в кратчайшие сроки.

Евдокия Дмитриевна, великая княгиня владимирская, московская и всея Руси умерла 7 июня 1407 г. Перед смертью она постриглась под именем Евфросинии в основанном ею московском Вознесенском монастыре, где и была похоронена. Русская православная церковь высоко оценила ее православный подвиг и канонизировала ее как русскую православную святую.

Женой сына Евдокии Дмитриевны — великого князя владимирского и московского Василия I Дмитриевича — с 1391 г. была великая княжна Литовская, дочь великого князя Литовского Витовта Ольгердовича — София Витовтовна (1371—1453), в замужестве ставшая великой княгиней владимирской и московской. Ее замужество тоже было связано с политическими событиями. Князь Василий Дмитриевич, сын Дмитрия Донского, с 1383 г. находился в Орде в качестве заложника. В 1386 г. ему удалось бежать из Орды. Сначала он прятался в Новгороде, но там стало оставаться опасно, и он уехал в Литву, к великому князю Витовту. Там он и познакомился с Софией и обещал жениться на ней. Но обстоятельства повернулись таким образом, что свадьба состоялась только 9 января 1391 г.

София Витовтовна на московской земле не чувствовала себя чужестранкой, потому что ее бабушка и ее мать были русскими княжнами.

Как и все великие княгини Московского государства, Софья Витовтовна имела обширные земли: и те, что она должна была в конце жизни передать семье, и те, что она имела в личное пользо-

вание, доходы с которых шли на ее личное содержание. Как и ее свекровь, Евдокия Дмитриевна, Софья участвовала советом в делах своего мужа, а после смерти своей свекрови помогала Вознесенскому монастырю, собирала со своих земель дань и уроки, которые она налагала на свои деревни и села, следила за доходами и расходами в ее хозяйстве. Вместе с Евдокией Дмитриевной они уговорили Василия Дмитриевича, и он в 1404 г. приказал монаху Лазарю установить на Фроловской (Спасской) башне Московского Кремля первые на Руси башенные механические часы.

Ее семейная жизнь протекала спокойно и счастливо, но неспокойно было в ее государстве: татарские набеги, сложные отношения ее мужа с другими князьями и даже с ее отцом, который в 1404 г. присоединил к Литве русский город Смоленск. В августе 1395 г. пришлось пережить нашествие Тимура (Тамерлана), который двигался на Москву и по дороге разорил и сжег Елец (под Липецком). Тогда Софья Витовтовна и Евдокия Дмитриевна вместе с духовенством организовали обнесение Москвы Владимирской иконой Божией Матери. И о, чудо! Тамерлан неожиданно повернул от Москвы и пошел в Среднюю Азию, где кочевала его Орда. В память об этом событии и в наши дни ежегодно 26 августа совершается празднование Сретения Владимирской иконы Божией Матери.

27 февраля 1425 г. Великая княгиня София стала вдовой. От Василия Дмитриевича у нее было пять сыновей и три дочери, но мальчики умирали во младенчестве, и к этому времени из сыновей остался только один, десятилетний Василий. По завещанию отца, Василия I Дмитриевича, он стал великим князем московским и всея Руси Василием II Васильевичем. Однако его родной дядя, брат его отца, второй сын Дмитрия Донского, князь Юрий Дмитриевич Галицкий и Звенигородский оспорил завещание Василия I. Он считал, что престолонаследие должно происходить от брата к брату, как завещал их отец, Дмитрий Донской. Этот спор легко могла бы разрешить его мать, Евдокия Дмитриевна, но ее уже не было в живых, а потому борьба за московский стол разгорелась нешуточная и перешла в Орду, на решение ордынского хана. Среди московских бояр был один очень хитрый и ловкий боярин, некий Иван Дмитриевич Всеволожский, который поехал в Орду вместе с Василием Васильевичем и сумел убедить хана дать ярлык на великое московское княжение сыну великого князя Василия Дмитриевича, а не его брату. Так что 5 октября 1432 г. в Москву прибыл царевич Мансыр-Улан, ордынский посол, и вручил Василию Васильевичу великокняжеский ярлык.

За свою великую услугу Всеволожский просил Василия II жениться на его дочери. Но Софья Витовтовна, женщина твердого и решительного характера, имевшая на своего сына огромное влияние, помешала этому браку. Она настояла, чтобы Василий женился на внучке князя серпуховского, знаменитого Владимира Андреевича Храброго, героя Куликовской битвы и близкого друга Дмитрия Донского и Евдокии Дмитриевны. Василий повиновался, и 8 февраля 1433 г. состоялась его свадьба с княжной Марией Ярославной, дочерью князя Ярослава (Афанасия) Владимировича Боровского, внучкой Владимира Андреевича Храброго.

Обидевшись, боярин Всеволожский перешел на службу к сопернику Василия — князю Юрию Дмитриевичу, что имело неприятные последствия.

На свадьбу Василия II и Марии Ярославны были приглашены двоюродные братья Василия, сыновья Юрия Дмитриевича, Василий Юрьевич Косой и Дмитрий Юрьевич Шемяка. Василий Косой явился на свадьбу в золотом поясе, украшенном драгоценными камнями. Софья Витовтовна слышала, что этот пояс якобы в 1366 г. на свадьбе Дмитрия Донского и Евдокии Дмитриевны был подменен тысяцким Василием Васильевичем Вельяминовым и передан им сыну своему Николаю, который был женат на Марии Дмитриевне, дочери нижегородского князя Дмитрия Константиновича, на родной сестре Евдокии Дмитриевны. Вельяминовы, Николай и Мария, отдали этот пояс в приданое своей дочери, которая вышла замуж за Ивана Дмитриевича Всеволожского. Всеволожские передали этот пояс в качестве приданого своей дочери, которая стала женой Андрея Владимировича (сына Владимира Храброго), а уж их дочь, вышедшая замуж за Василия Юрьевича Косого, принесла ему этот пояс в приданое. Вот он и пришел в нем на свадьбу своего двоюродного брата.

Софья Витовтовна, считая, что этот пояс по праву принадлежит ее сыну, внуку Дмитрия Донского, у которого фактически пояс украли, при гостях сорвала пояс с князя Василия Юрьевича и прилюдно осрамила семью князей звенигородских и галичских. И этот поступок ее имел тяжелые последствия для нее, для ее сына и его семьи. И для Москвы.

Двоюродные братья ушли со свадьбы не только обозленные, но и осрамленные и вынуждены были покинуть Москву и уехать в Галич, к отцу, чтобы с ним вместе искать отмщения.

Князь Юрий Дмитриевич, не согласный с решением хана, тая обиду за себя и своих сыновей, в апреле 1433 г., собрав войско, пошел с войной на своего племянника Василия II. Выиграв сра-

жение с ним на Клязьме и взяв в плен его новобрачную жену Марию Ярославну и мать Софию Витовтовну (самому Василию Васильевичу удалось скрыться в Костроме), Юрий Дмитриевич сел на московском столе. Но московские бояре не дали ему закрепиться в Москве, и в июне того же года Юрий Дмитриевич освободил Софию Витовтовну и Марию Ярославну и вернул великокняжеский московский стол Василию II. Но 20 марта 1434 г. Юрий Дмитриевич снова затеял битву с Василием в Ростовской земле, опять выиграл сражение, 31 марта того же года взял Москву и снова стал московским князем. Но 5 июня этого же года он скоропостижно скончался в Москве и был похоронен в Архангельском соборе Московского Кремля.

А его сыновья Василий Юрьевич Косой и Дмитрий Юрьевич Шемяка продолжили борьбу с Василием II. И потому несчастья и страдания Софьи Витовтовны, уже побывавшей в плену у Юрия Дмитриевича вместе со своей невесткой, пошли одни за другими с нарастающей силой.

После похорон отца в июне 1434 г. Василий Косой остался в Москве княжить, но через месяц, не принятый великокняжеским двором, вынужден был бежать из Москвы. Василий II вновь занял свое великокняжеское место, и его семья тоже вернулась в Кремль. Но братья Юрьевичи не унимались. Они снова пошли войной на московского князя. В сражении под Ростовом Василий II разбил войско Василия Косого, сам Косой был схвачен и привезен в Москву и 21 мая 1436 г., по совету Софьи Витовтовны и приказу Василия II, был ослеплен. И это имело еще более трагические последствия.

Прошло 10 лет, и февральской ночью 1446 г., когда великий князь московский Василий Васильевич со своим старшим сыном, шестилетним Иваном, был в Троицком монастыре на богомолье, Дмитрий Шемяка со своими подручными ворвались в Кремлевский дворец, ограбили казну и взяли в плен Софию Витовтовну и Марию Ярославну, в то время беременную. Шемяка послал к Троице своего подручного, Ивана Андреевича, князя Можайского, с отрядом. Они схватили там Василия Васильевича, привезли его в Москву и ослепили. А затем сослали вместе с женой в Углич, а Софию Витовтовну — в Чухлому. С этого времени Василий II Васильевич получил прозвание Темный (Слепец).

Как князей Юрия Дмитриевича и Василия Косого, так и Шемяку, тоже князя галичского, московские бояре не поддерживали, разгневан был и митрополит Иона за то, что Шемяка в борьбе с Василием Темным вовлек его в обман, недовольны им были и ка-

занские царевицы, сыновья хана Улу-Мухаммеда. В феврале 1447 г. Шемяке пришлось уступить великое княжение московское и всея Руси Василию II, который княжил в Москве с этих пор до самой своей смерти в 1462 г.

Великая княгиня София Витовтовна московская и всея Руси умерла 5 июля 1453 г., пережив своего супруга, Великого князя Василия I Дмитриевича, более чем на четверть века.

О том, чем владела великая княгиня София Витовтовна, мы узнаем из ее духовной грамоты, которую она составила перед смертью. Так как она имела право завещать только то, что принадлежало ей лично, поэтому своему сыну Василию Васильевичу она передавала прежде всего **прикупы**, или **купли**, то есть земли с деревнями, которые она лично купила. В основном это были деревни, села и угодья, расположенные вокруг Москвы, но были и дальние: «А за Волгою на Шестне даю сыну своему Великому князю свои волости, Устьуглу, да стан Веретейку со всеми деревнями, и с езы своими со всеми, и со всеми уходы, и с пошлинами со всеми, и с судом, как было за мною за Великою княгинею».

В своей духовной грамоте София Витовтовна оделяет всех своих близких, и сыновей, и внуков Ивана и Юрия, и снох, особенно она выделила Марию Ярославну: «А сноху свою Великую княгиню Марью благословляю, даю ей святую Икону оковану, на мусии святыи (святые мощи. — *И.В.*); а из сел из своих даю ей на Коломне село Бабышевское, да Лыццово, да село Ослебятевское, куплю своею свекрови, чем благословила моя свекры Великая княгиня Овдотья; а из прикупов из своих из Коломенских сел, на Севереце Григорьево село, Наумово, да у Малина, Ивановское село, Бункова».

София Витовтовна владела и дорогими вещами, и драгоценностями, полученными ею от мужа по его духовной грамоте. Хотя драгоценных вещей было не очень много, потому что деньги она тратила в основном на земельные прикупы, расширявшие Московское княжество.

После смерти Софии Витовтовны, прежде бывшей старшей великой княгиней в Московском княжестве, это место заняла Мария Ярославна (ум. 04.07.1485), супруга Василия Васильевича Темного и мать великого князя, государя всея Руси Иоанна III Васильевича, ставшая главной его советницей.

В качестве супруги великого князя Марию Ярославну выбрала Софья Витовтовна, расторгнув договор о женитьбе ее сына на дочери боярина Ивана Всеволожского, что, кстати напомним, имело неприятные последствия.

Выбор Софьи Витовтовны был вполне оправдан: дедушка невесты — знаменитый герой Куликовской битвы Владимир Анд-

реевич Храбрый, двоюродный брат и друг Дмитрия Донского, приходившегося дедушкой Василию II Васильевичу; бабушка невесты — Елена Ольгердовна, супруга Владимира Андреевича Храброго, родная тетка Софьи Витовтовны. Так что Мария Ярославна была из своего круга, не то что боярышня Всеволожская.

Как уже было рассказано выше, самое начало супружеской жизни Марии Ярославны было омрачено: на ее свадьбе Софья Витовтовна учинила скандал по поводу дорогого пояса, который она сорвала с Василия Косого.

Война против Василия Васильевича за великое княжение московское прошла по молодой великой княгине весьма ощутимо: ей пришлось дважды побывать в плену, отправиться как бы в ссылку в Коломну, пережить ослепление мужа, затем со слепым мужем заточение в Угличе, потом возвращение в разграбленную Москву.

Много горя принесли ей и дети. В 1440 г. она потеряла своего трехлетнего первенца Юрия, много страданий пришлось пережить из-за Ивана, который был с отцом в Троицком монастыре на богомолье, где схватили отца подручные Шемяки. Долго она не имела известий о нем и терзалась мыслью, не извели ли его князья Галичские? Были волнения и относительно женитьбы сына Ивана. Женился он не по своей воле. Когда ему было всего семь лет, его обручили с княжной Марией Борисовной Тверской, которой в то время было уже 25 лет. Это была плата Василия Темного князю тверскому Борису Александровичу за его помощь в борьбе с Шемякой. В 1452 г. Ивану исполнилось 12 лет, а невесте 30, и великий князь тверской потребовал выполнить данное ему обещание женить Ивана на его дочери. Пришлось против воли, но выполнить обещание, и 4 июня 1452 г. сыграли свадьбу. Иван и Марья прожили вместе до 1467 г., когда 45-летняя великая княгиня Мария Борисовна умерла при загадочных обстоятельствах. Вот почему великий князь и государь всея Руси Иван III Васильевич почти сразу объявил о своем намерении жениться второй раз. И его мать, Мария Ярославна, не препятствовала этому его решению и благословила выбор невесты из царской династии — Софьи Палеолог.

Из восьми сыновей, рожденных Марией Ярославной, ей пришлось похоронить пятерых. Но зато были и радости: замужество дочерей Анны и Марии, великое княжение Ивана, фактически царя, его уважительное отношение к ней, его первой и верной советчицы.

При жизни старшей великой княгини Софьи Витовтовны младшая великая княгиня Мария Ярославна оставалась как бы в тени.

Но получив после ее смерти по ее духовной грамоте не только земли, но и икону со святыми мощами, ранее принадлежавшую великой княгине св. Евдокии, супруге Дмитрия Донского, Мария Ярославна приняла на себя от Софии Витовтовны все обязанности старшей великой княгини и стала главной советчицей Василия Темного, а затем и сына, великого князя Ивана. Летописцы отметили, что Иоанн III Васильевич во всем советовался с матерью.

Мария Ярославна не сидела без дела. В ее княгинином дворежном чине боярыни помогали ей в большом хозяйстве: боярыни — мамы и кормилицы пестовали детей, в светлице пряли, вязали, шили, обшивая всю семью; постельницы отвечали за постели и все постельное белье и у княгини, и у княжичей, и у княжон. Боярыни-казначей следили за добром, за доходами и расходами. А глаз великой княгини-хозяйки должен был за всем следить. Приходилось выступать и в качестве судьи, ибо это была одна из обязанностей великой княгини. Обширные владения Марии Ярославны с селами, деревнями, производством льна и изделий из него, производство солеварения, которым владела Великая княгиня, доходы от всего этого тоже требовали внимания хозяйки.

О солеварении, которым занималась Мария Ярославна, известно из ее жалованной грамоты чухломскому Покровскому монастырю, в которой говорится: «Что их варница у Соли с Суспленскою варницею, и кто у них будет заказщик монастырской, и он в той варнице варит на монастырь, как и на меня, на великую княгиню, варят в моей варнице, без череду и без стоялиц. Да что тутو ж у них Соли монастырская же полварницы, на великом колодызе. Да и в иных варницах три четвертины, ино не надобе с них ни противень, ни плошкы, ни тамга, ни домытницы, ни иные им некоторые пошлины не надобе, ни явленное; а волости мои Усольские, и их тиуны и доводчики, у игуменовых варниц дров не емлют».

Эта жалованная грамота показывает, какие льготы получил монастырь вместе с солеварным производством. И это не единственная помощь, которую оказывала Мария Ярославна монастырям. Много ежегодных вкладов получал Кирилло-Белозерский монастырь в благодарность за то, что игумен этого монастыря Трифон освободил Василия Темного от клятвы Шемяке по «проклятой грамоте», оказал поддержку семье в самое тяжелое для нее время. Получали вклады и другие монастыри. А когда сгорел Вознесенский женский монастырь в Кремле, великая княгиня приложила немало усилий, чтобы его восстановить.

По традиции прибавления земель к Московскому государству Мария Ярославна тоже делала прикупы в разных волостях, и ближних, и дальних.

Неизвестно, как пережила Мария Ярославна приезд Софьи Палеолог, женитьбу сына на ней, новые порядки, которые завела молодая великая княгиня. Она прожила бок о бок со своей снохой, греческой принцессой, около 13 лет, и об их взаимной неприязни или вражде ничего не известно. По-видимому, Мария Ярославна, отличавшаяся терпением и уступчивостью, никакой неприязни не выказывала. И понимала, как велико значение для Московского государства женитьбы Иоанна на греческой принцессе.

А умная и дипломатичная Софья никогда не препятствовала любви и уважению Иоанна к матери.

Великая княгиня Мария Ярославна умерла в Москве 4 июня 1485 г. и была похоронена в Вознесенском женском монастыре, где незадолго до смерти она приняла схиму с именем Марфы. Все полученные ею земли в приданое и по духовной Софии Витовтовны, и все свои прикупы она завещала своему сыну, Иоанну Васильевичу, великому князю, самодержцу и государю всея Руси.

За 50 с лишним лет ношения ею титула великой княгини московской Мария Ярославна прошла вместе с Московской землей великий путь от татаро-монгольского ига, через междоусобную войну за великое московское княжение, через смелый поступок ее сына, порвавшего на глазах татарских послов ордынскую грамоту, через противостояние ордынскому хану Ахмату на реке Угре — к свободному от татаро-монголов независимому Московскому государству. И в этом движении к свободе и независимости ее «отчины и дедины» она сыграла не последнюю роль.

После смерти старшей великой княгини Марии Ярославны бразды женского правления при государевом дворе взяла в свои руки Софья (Зоя, Зинаида по Софийскому временнику) Фоминична Палеолог, дочь деспота Мореи — Фомы, племянница последнего византийского императора Константина XII Драгаша, византийская принцесса.

После венчания с великим князем Иоанном III Васильевичем 12 ноября 1472 г. Софья Палеолог стала великой княгиней московской и всея Руси в свободном от татарского владычества государстве, первой русской государыней фактически на правах царицы, сыгравшей огромную роль и в становлении российской государственности, и в формировании государева двора. Ее стараниями московский государев двор приобрел черты не столько

великокняжеского, сколько царского двора, по своей пышности и великолепию превосходившего даже королевские дворы некоторых европейских государств.

Софья Палеолог своей причастностью к византийскому императорскому дому послужила поводом для того, чтобы считать русскую православную церковь преемницей византийской церкви, Москву Третьим Римом, Московское княжество Русским царством, а его государя — царем, что и дало возможность ее внуку венчаться на царство и официально приобрести титул «царя всеа Руси». Она привезла на Русь символы царской власти: двуглавого орла, трон с его изображением. Под ее влиянием Иван Васильевич стал именовать себя Иоанном III Васильевичем, приказал обнести Кремль каменной стеной, навести порядок в кремлевских палатах. При ней государев двор пополнился новыми придворными чинами, установилась иерархия чинов, так называемый разряд, и придворный этикет, поклоны и целование руки государя. После смерти ее сына Ивана Молодого в 1490 г. она целенаправленно и мудро боролась за московский трон для сына Василия и, несмотря на то что Иоанн III уже венчал в Успенском соборе своего внука Дмитрия как наследника престола, сумела когда дипломатично, когда простой женской хитростью добиться, что великим князем московским, а фактически царем, стал ее сын Василий III Иоаннович.

Появление в Московском великом княжестве Софьи Палеолог связано с тем, что овдовевший в 1467 г. 32-летний Иван III объявил о своем намерении жениться вторично, и тогда итальянец Иван Фрязин, состоявший у него на службе, может быть, с согласия или великого князя, или великой княгини Марии Ярославны, сообщил духовенству Италии, что великий князь московский овдовел. В 1469 г. в Москву от римского папы и кардинала Виссариона прибыло посольство, в составе которого был старший брат Ивана Фрязина — Карл, их племянник Анатолий и грек Юрий. От имени кардинала Виссариона они сообщили, что в Риме проживает незамужняя племянница последнего византийского императора Константина, дочь его родного брата Фомы — Софья, Зоя (Зинаида) Палеолог, которую они рекомендуют великому князю как невесту. Давая разрешение на брак, папа римский Павел II предполагал, что влияние на супруга византийской царевны, воспитанной римско-католической церковью, откроет более легкий путь для проникновения католицизма в Московское государство. А потому дал разрешение на брак Зои Палеолог и благословил посольство в Москву, к великому князю Ивану Васильевичу. Послы привезли разрешение на брак

и портрет Зои Палеолог, который очень понравился Ивану III. Кроме того, великий князь считал, что породниться с Палеологами, вынужденными бежать из Константинополя в Рим и взявшими на себя сохранение основ византийского апостольского престола, открывает новые возможности для Руси: это сблизит Московское государство с европейским миром и через византийскую царевну сделает русскую православную церковь преемницей византийской церкви, разоренной нашествием иноверцев.

Иван Васильевич поспешил с ответом и в следующем же месяце отправил в Рим за невестой своего посла — итальянца Фрязина, который произвел в Риме хорошее впечатление. Фрязин ради такого великого дела взял грех на душу — скрыл, что давно принял православие, и усердно молился как католик, так что русское посольство во главе с таким католиком никаких препятствий не имело.

В июне 1472 г. Зоя Палеолог выехала из Рима в Москву. Ее сопровождал папский легат Антоний, видимо, получивший от папы указание с первых шагов на Руси насаждать католические обряды, а потому он при въезде в очередной город приказывал нести перед невестиним поездом латинский «крыж» (крест), а сам облачался в одежду католического кардинала — красное платье и красные перчатки, которые он не снимал даже во время благословения. Это удивляло и настораживало русских людей. Оповестили митрополита Филиппа, и он воспротивился поведению Антония, считая, что православным людям «неприлично (...) и слушать об этом, не только что видеть». Пришлось легату Антонию отменить свои поползновения на католическую окраску прибытия царевны, и в Москву Зоя въехала без латинского «крыжа» впереди.

12 ноября 1472 г. Зоя Палеолог прибыла в Москву, и в тот же день митрополит Филипп венчал ее с великим князем московским Иваном III Васильевичем и нарек великой княгиней Софьей Фоминичной, так что в дальнейшем за ней закрепилось имя Софья Палеолог. Само венчание православным митрополитом по чину греческой церкви делало Софью православной государыней.

Кардинал Антоний, продолжая выполнять указания папы, предложил митрополиту Филиппу провести диспут о том, какое направление христианства является более верным, православие или католичество, но московский митрополит поручил вести этот диспут книжнику Никите, а тот так рьяно повел спор, что Антоний не мог ему возражать и прекратил диспут, заявив, что он не

взял с собою необходимых книг. Это было воспринято как поражение.

Надежды папы римского на полное подчинение Московского государства католичеству через брак византийской царевны не оправдались с первых же дней ее прибытия в Москву.

Умная, хитрая, как ее характеризовали бояре, а на самом деле умелая дипломатка, европейски образованная и знакомая с имперскими традициями, Софья Палеолог оказала огромное влияние на своего супруга, а через него на государев двор как центр управления государством, а тем самым на Московское государство в целом. Принятие герба, трона и других символов государственной власти, преобразование Кремля изменило внешнюю обстановку власти, придав Московскому государству и его государю имперские черты и установив основы имперских традиций, что, безусловно ускорило процесс объединения отдельных княжеств вокруг Москвы. Изменились отношения великого князя с удельными князьями и с боярством, фактически перестала существовать дружина, преобразился государев двор, установились придворные традиции и возник первоначальный придворный этикет. Зодчие и живописцы, приглашенные из Западной Европы, построили вокруг Кремля каменные стены, стали украшать и Кремль, и Москву. Государь советовался с Софьей по всем вопросам, для него это был надежный консультант по государственным и придворным делам. Герберштейн так оценил эту обстановку: «Это была женщина хитрая, по ее внушению князь сделал многое». Разумеется, многим из их окружения не нравилось такое влияние жены на государя, и о Софье Палеолог, естественно, отзывались весьма неприглядно. Боярин Берсень уже после смерти Софьи, в правление Василия III, говорил Максиму Греку: «Как пришла сюда мать великого князя, великая княгиня Софья с вашими греками, так наша земля замешалась, и пришли нестроения великие, как у вас в Цареграде при ваших царях». Во многом обвинял Софью и князь Курбский, говоря, что в род русских князей «всеял диавол злые нравы, наипаче же женами их злыми и чародейницами, якоже и в израильстех царех паче же которых поимовали от иноплеменников».

Но мы, потомки, любуясь кремлевской стеной с ее башнями, Успенским, Благовещенским и Архангельским соборами Кремля, его Теремным дворцом и Грановитой палатой, не можем не воздать честь Софье Палеолог, которая приняла непосредственное участие в их создании.

В последнее время многие историки склонны признать Иоанна III Васильевича первым русским царем, ввиду проведенных

им преобразований государственного значения и атрибутов царской власти, благодаря которым Московское княжество получило признаки Российского царства. Так же с полным правом можно назвать Софью Палеолог не только великой княгиней, но и первой русской царицей, тем более что она в этом процессе принимала непосредственное участие.

В течение 20 лет (1505—1525) великой княгиней была первая жена Василия III Иоанновича — Соломонида (Соломония) Юрьевна Сабурова, боярышня из древнего боярского рода.

Несмотря на то, что в жены великим князьям избирали боярышню из хорошего рода, красавицу лицом и статную фигурой, и при этом старались определить ее плодность путем осмотра, Соломония Сабурова, пройдя все эти испытания, оказалась, по мнению окружающих и самого великого князя, неплодной. 20 лет замужества не принесли ни одного плода: Соломония не беременела. Никто даже и подумать не мог, что, возможно, в этом была не ее вина, а виноват был великий князь. Василий Иоаннович любил свою жену, надеялся, что наследник все же появится, а потому вместе с женой ездил по монастырям, молился, делал в монастыри богатые вклады, но ничего не помогало. Сама Соломония усердно, отчаянно молилась, но Бог не посылал ей ребенка. Бояре часто поднимали вопрос о разводе с неплодной супругой. Но Василий, любя супругу, не соглашался.

Терем великой княгини был пуст, не было там ни боярынь-мам, ни кормилиц, и все мысли великой княгини были заняты одним: как бы не разлюбил ее Василий Иоаннович, как бы не сослал в монастырь. Терзаясь, она приглашала к себе через своего брата Ивана Сабурова всяких гадалок, знахарок, чародеек. Но ничего не помогало.

А в это время, как принято у нас теперь говорить, «Аннушка уже пролила свое масло». По приглашению великого князя Василия Иоанновича (из дипломатических соображений) в Москву из Литвы приехал, скрываясь от наказания за совершенные им убийства, князь Литовский Михаил Львович Глинский со всею своею семьей, в которой была и малолетняя его племянница, княжна Елена Васильевна Глинская (рожд. 1508), дочь его родного брата.

К 1524 г. семнадцатилетняя Елена стала необыкновенной красавицей, в которой слились самые лучшие черты польской и татаро-монгольской крови. И когда великий князь, через служившего у него Михаила Глинского, увидел Елену, то влюбился в нее. И тогда неплодность Соломонии представилась в его

глазах огромным грехом и подвинула его к быстрому решению развестись с ней. Он собрал своих ближних бояр и высшее духовенство и поставил перед ними вопрос так, что они должны были одобрить его решение. Конечно, не все одобрили его развод с Соломонией, например, ученый и зограф Максим Грек, инок Вассиан Косой, князь Семен Федорович Курбский. Но большинство, особенно митрополит Даниил, поддержало великого князя, и дело было решено. Василий Иоаннович повелел постричь свою супругу и отправить ее в монастырь. В некоторых летописных списках дело представлено так, что Соломония якобы добровольно согласилась на пострижение в монахини, но в записках Герберштейна говорится, что ее постригли насильно, несмотря на ее сопротивление. Произошло это пострижение в 1525 г., в Москве, в Рождественском монастыре, остатки которого и теперь возвышаются над Трубной площадью, а стены его выходят на Рождественский бульвар. Постригал ее под именем Софьи Никольский игумен Давид в присутствии митрополита Даниила. Некоторое время инокиня Софья находилась в Рождественском монастыре, но ее стали навещать боярыни ее княгинино дворового чина, а потом и бояре. Боясь заговора и смуты, Василий приказал перевести ее в Суздаль, в Покровский монастырь.

А по Москве пошли слухи, что Соломония Сабурова беременна, а потом — что она родила сына Георгия, прячет его в надежном месте, якобы в Твери, чтобы через несколько лет он отомстил за свою мать. Люди, посланные Василием в Суздаль для следствия, ничего не выяснили. А в 30-е годы XX в. советские ученые раскопали могилу якобы умершего младенца, сына Соломонии Сабуровой, и нашли там захороненную куклу в княжеских одеждах.

Великая княгиня, а затем инокиня Софья, 17 лет протомившаяся в суздальском Покровском монастыре, умерла 18 декабря 1542 г., на 4 года позже Елены Глинской и на 9 лет пережив своего супруга Василия III.

Сослав свою первую жену в монастырь, великий князь всея Руси Василий Иоаннович через несколько месяцев, 21 января 1526 г. венчался, а затем сыграл свадьбу с княжной Еленой Васильевной Глинской.

Так при Василии Иоанновиче появилась еще одна великая княгиня Московская — Елена Васильевна Глинская (ум. 04.04.1538), которой судьба уготовила стать правительницей Московского государства при малолетнем ее сыне, будущем великом князе и царе Иоанне IV Васильевиче.

Литовская княжна Елена Васильевна Глинская стала великой княгиней Московской, когда ей было 18 лет, а ее нареченному 47 лет. Как отзывались о ней ее современники, она была необыкновенной красавицей, а ее жизнь и деятельность показывают, что она была умна, образованна, решительна и умела влиять на своего мужа, великого князя всея Руси. Так, например, она сумела вызволить из тюрьмы своего дядю Михаила Львовича Глинского, брошенного туда за его попытку бежать в Литву, что расценивалось как предательство. И не только освободить его из тюрьмы, но и восстановить его высокое положение при государе и государевом дворе. В 1533 г. став вдовой и правительницей при своем малолетнем сыне, великом князе Иоанне IV Васильевиче, несмотря на назначенных ей опекунов, она показала твердость характера и недюжинные способности к правлению, сумела расправиться с теми, кто мешал ей, не исключив и дядю Михаила Львовича, благодаря которому она стала супругой Василия III Иоанновича, и заняла первое место в государстве.

В детстве Елена Васильевна проживала в Литве, и в Москву прибыла вместе с отцом Василием Львовичем и родным дядей Михаилом Львовичем, поступившим на службу к великому князю московскому Василию III Иоанновичу.

Род литовских князей Глинских получил фамилию по названию города Глинска (в Северском княжестве), который был пожалован им как родовое гнездо их родоначальником, татарским мурзой Лексадой. Мурза Лексада был из рода темника Золотой Орды Мамаю, знаменитого нападением на Русь и жестоким разорением Русской земли; русские люди до сих поминают его недобрым словом и при виде какого-нибудь беспорядка и разорения говорят: «Здесь словно Мамай прошел».

По каким-то причинам Лексада выехал из Золотой Орды и поступил на службу к великому князю литовскому Витовту, крестился и при крещении получил имя Александр. Князь Михаил Львович, дядя Елены, служил у Александра, который, получив от Витовта в удел города Глинск и Полтаву, уступил своему родственнику Михаилу Львовичу город Глинск, таким образом подарив ему и его брату Василию фамилию Глинские.

Когда великий князь московский Василий III женился вторично, целью его развода с Соломонией Сабуровой и женитьбы на молодой красавице Елене было одно: иметь наследника. Но уже многие люди, в том числе и при государевом дворе, поняли, что государь как увидел Елену Глинскую, племянницу Михаила Глинского, бывшего своего верного соратника, а потом ставшего предателем, так сразу охладил к Соломонии и заторопился раз-

вестись с ней. Равнодушие великого князя к сбору красавиц для выбора великокняжеской невесты подтвердило, что выбор уже сделан.

Так княжне Глинской без всяких особых усилий удалось стать русской великой княгиней на уровне царицы. Василий Иоаннович был влюблен, и его современники отмечали, что в угоду молодой жене он даже сбрил бороду, стал тщательно следить за собой, хорошо одеваться, как щеголь, иногда даже по польской моде. И, конечно, он выполнял все просьбы Елены.

А вообще-то по установившейся на Руси традиции стать невестой, а потом женой русского государя было чрезвычайно трудно, и от самой девушки это почти совсем не зависело (разве что быть красивой и понравиться царю), потому что этот вопрос решало прежде всего Провидение, но и, конечно, ближние бояре и боярыни, а также родственники, отчаянно боровшиеся за место около государя и применявшие любые средства против соперниц.

Сначала нужно было стать великокняжеской (царской) невестой, а это значит — занять первое место в смотре, где на одно место претендовало 1500, а то и 2000 боярышен, дочерей бояр, окольничих, думных дворян.

В таком «конкурсе» Елена Глинская, полюбившаяся Василию Иоанновичу и заранее избранная им, не участвовала.

Свадьба была отпразднована пышно, по существовавшим тогда обычаям молодые, после застолья и обрядов благословения и подношения подарков знатым гостям, в сопровождении конюшего, в то время свадебного персонажа, которым был на этой свадьбе князь Федор Овчина-Телепнев-Оболенский, отправились в опочивальню, в отдельные покои, охраняемые придворными государева двора и конюшим. Во время свадебного пира конюший произносил речи, а потом всю ночь на коне с саблей в руке объезжал вокруг хором, где была опочивальня, охраняя покой новобрачных, никого не допуская даже близко к дворцу. Его сын, Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский, вместе с другими детьми боярскими охранял молодых внутри покоев, внизу.

Великая княгиня Елена Васильевна прожила в замужестве семь лет, до 4 декабря 1533 г., когда почил в Бозе ее супруг. С этого времени она стала правительницей Русского государства при малолетнем своем сыне.

С помощью своего фаворита Ивана Федоровича Овчины-Телепнева-Оболенского, которого Василий Иоаннович перед смертью возвел в чин конюшего, несмотря на противодействие бояр, в том числе ее родственников Глинских, Елена Васильевна правила

обширным Московским государством в течение пяти лет и сумела в его историю внести свой вклад правительницы. По завещанию Василия III, она должна была управлять государством совместно с опекунами-советниками и Боярской думой, но очень скоро она стала единоличной правительницей, опираясь только на своего фаворита. Смелая, она защищала свое регентство и своего фаворита (кстати сказать, первого в русской истории фаворита у престола) настолько решительно, что жестоко расправилась с претендентами на власть — дмитровским князем Юрием Ивановичем, родным братом Василия III, и даже с родным своим дядей Михаилом Львовичем Глинским, который опекал ее прежде и которому якобы Василий III, умирая, поручил заботу о жене и сыне. Князя Юрия Ивановича арестовали после похорон сразу, не дав ему уехать домой, и заточили в тюрьму. Михаил Глинский как только выразил неудовольствие по поводу связи Елены с Иваном Овчиной, несмотря на свое близкое родство, тоже оказался в темнице. В 1637 г. старицкий великий князь Андрей Иванович, дядя Василия III, от страха перед арестом поднял бунт, намереваясь захватить власть, но не был поддержан даже своими старицкими дворянами, и Елена Васильевна с Иваном Овчиной быстро справились с ним: они обманом заманили его в Москву, где он был арестован и посажен «в заточенье на смерть». На него надели «шляпу железную», и через полгода он умер в тюрьме. Старицкий его удел был присоединен к Москве. В темницу был брошен и князь А.И.Шуйский. Князю С. Бельскому, которому была уготована та же судьба, удалось бежать в Литву.

В пятилетнее правление Елены Глинской были проведены важные реформы в системе местного самоуправления, в 1535 г. была осуществлена денежная реформа, которая была необходима в связи с расширением товарооборота в стране и упорядочения обращения различных монет. Основной денежной единицей была признана новгородская серебряная деньга, получившая название **копейка**, что связано было с тем, что на старой московской деньге был изображен всадник с саблей, а теперь, на новой, — всадник с копьём, так что в отличие от старой деньги «сабляницы» в обиход вошла «копейка». Старые монеты были изъяты из обращения и перечеканены по единому образцу — в копейки.

Решены были и политические проблемы. Польский король Сигизмунд, узнав, что Русью управляет женщина, нашел, что это самое благоприятное время для нападения на Москву. Чтобы пресечь его притязания, Елена отправила навстречу Сигизмунду войско во главе со своим фаворитом Иваном Федоровичем Овчиной-

Телепневым-Оболенским, которому удалось полностью разгромить польские войска.

Показала Елена и свои дипломатические способности: она начала вести сложные дипломатические хитросплетения, для того чтобы мирным путем урегулировать отношения с Казанским и Крымским ханствами и подчинить их своему влиянию. Был заключен договор со Швецией, по которому Московское государство получило право свободной торговли на Балтийском море. В Москве был построен Китай-город.

У Елены Глинской было два сына — Иван (Иоанн IV) и Юрий. Ее первенец родился только через четыре года после выхода ее замуж, и ей с великим князем Василием Иоанновичем пришлось много постранствовать по монастырям с молитвами о всевышнем послании им наследника. После смерти Василия Иоанновича, когда Елена открыто призвала себе в помощь фаворита Ивана Овчину, возникли предположения, что наследник престола Иоанн IV, возможно, сын не великого князя, а Ивана Овчины. Второй ее сын Юрий (30.10.1532—25.11.1564) родился болезненным и сильно отставал в развитии. Получив Угличское княжество, он жил там, не претендуя на престол, и умер в возрасте 32 лет.

Елена Васильевна Глинская не пользовалась симпатиями окружающих ее бояр и других чинов государева двора, потому что все ее поведение не соответствовало принятым на Руси этическим нормам и осуждалось как еретическое, аморальное. Не любил ее и народ, воспринимавший ее как иноземку и распространявший позорящие ее слухи. В последний год своей жизни, несмотря на 30-летний возраст и большие честолюбивые планы, Елена Глинская стала постоянно болеть, и 4 апреля 1538 г. скоропостижно скончалась. Если верить свидетельству Герберштейна, она была отравлена. Иван Овчина был посажен в тюрьму, где и умер. Почти девять лет страной правили бояре.

Великие княгини земли Русской не сидели в своих теремах взаперти, «как будто заживо погребенные», они действовали, были советчицами при своих мужьях великих князьях, они рожали наследников престола, всячески помогали своим сыновьям, получившим бразды правления Московским княжеством и Русью, а когда им выпадало править Московским государством, не хуже мужчин справлялись с возложенными на них задачами.

В 1054 году на главный киевский престол взошел Изяслав II. Елизавета стала великой княгиней.

В 1408 году Витовт и Василий I примирились у реки Угры. Каждый остался при своих владениях. Мир, хотя и шаткий, сохранялся до конца их жизней, за этим зорко следила великая московская княгиня; она часто ездила к отцу в Смоленск не только для свиданий, но и для государственных переговоров.

Лариса Васильева. «Жены русской короны». Кн. 1

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Смысловое содержание титула **великий князь** не является однозначным: на протяжении более чем тысячелетней истории Русского государства оно менялось по крайней мере четырежды. Совершенно ясно, что титул «великий князь всеа Руси» неравнозначен титулу «великий князь Российской империи». Даже в Древней Руси титул «великий князь киевский» по своему содержанию, по своему статусу в домонгольский период имел иное значение, чем «великий князь владимирский» или «великий князь московский» в период татаро-монгольского ига.

Титул **великий князь** появился на Русской земле, конечно, значительно позже, чем титул **князь**. В середине IX в., когда поляне, братья Кий, Щек и Хорив основали Киев, а затем в Киеве княжили Аскольд и Дир (864—882), и Олег (882—912), а в X в., когда княжили в Киеве Игорь Рюрикович (912—945), Святослав I Игоревич (945—972) и Ярополк I Святославич, они не называли себя великими князьями. Эти первые князья в летописях называются просто князьями, а наиболее важные из них — старейшими. И только изредка, в особых случаях, употреблялся титул **Великий князь**. Например, в 912 г., в год смерти Олега, русские послы при заключении мира с греками в договорной грамоте написали: «от Олега, Великого князя русского» — по-видимому, для придания веса русскому князю, который «повеса щить свой въ вратехъ, показуа победу, и поиде отъ Царяграда».

В конце X — начале XI в., в княжение Владимира I Святославича (980—1015), принесшего на Русь христианство, титул **великий князь** в отношении этого князя используется чаще, потому что идея его употребления для выделения главного князя, «старейшего», уже возобладала, и этот титул стал получать все большее употребление, прежде всего в отношении князей киевского стола. Князья открыли серьезную борьбу за получение статуса князя киевского, как бы великого князя, по рангу стоящего выше всех других князей. Эта идея выделения главного, старшего князя среди других князей получила развитие и в связи с тем,

что с течением времени род князя новгородского Рюрика (ум. 879) размножился и разделился на большое количество ветвей, первую из которых возглавил правнук Рюрика — князь киевский Владимир I Святославич. Потомство его сына Ярослава Владимировича раздробилось на ветви, большое значение среди которых получили потомства второго его сына Святослава и третьего — Всеволода. В конце XII в. наибольшее влияние среди князей приобрели потомки правнука Святослава — Всеволода III Юрьевича Большое Гнездо, прозванного так за большую семью (у него было 12 детей: 8 сыновей и 4 дочери). Среди этого разветвленного потомства Рюриковичей необходимо было выделить главного князя, как бы «отца» всех других князей, присвоив ему титул **великий князь**.

Надо заметить, что в древнерусской литературе с XI—XII вв. и в «Словах», образцах ораторского искусства, и в «Повести временных лет, откуда есть пошла русская земля...», и в былинах, и в сказаниях, а уж тем более в современных исторических изданиях Рюриковичи, уже начиная со второго колена, князя Игоря Рюриковича, а за ним и все последующие князья называются великими князьями, хотя в X—XI вв. титул этот еще не утвердился, а в летописях этого времени великими князьями называли также и наместников князя в городах («по темъ бо городамъ седяху велиции князи»). Вероятно, титул «великий князь» стал более часто и определенно употребляться в отношении князя киевского в княжение Владимира I Святославича, причем чаще всего в летописях более позднего времени, когда ему слагались восторженные панегирики. Во всяком случае, в начале XIII в. этот титул в древнерусской литературе использовался часто. Например, в «Слове о погибели Рускыя земли», время написания которого можно установить достаточно точно между 1238 и 1246 гг., — Владимир Мономах называется великим князем: «Буртасы, черемиси, вьда и мордѣва бортьничаху на князя великого Володимера. И жюрь Мануилъ цесарегородский опасъ имея, поне и великыя дары посылаша къ нему, абы подъ нимъ великий князь Володимеръ Цесаря-города не взялъ» («Буртасы, чермисы, вьда и мордва бортничали на великого князя Владимира. А император царьградский Мануил великие дары посылал к нему, опасаясь, как бы великий князь Владимир Царьград у него не отнял»).

Титул «великий князь» в домонгольский период Древней Руси носил прежде всего почетный характер и имел особое значение, как дающий какие-то права над другими князьями на основе договорных грамот с ними. Если сын получал от отца княжение в принадлежащей отцу земле, то он, как наместник, должен был

на основе договора платить отцу дань, вооружаться против врагов отца, поддерживать его в войнах как своим личным участием, так и своей дружиной и ополченцами. В разветвленной сети сородичей многие князья не имели таких крепких или близкородственных связей с великим князем киевским, а потому великий князь киевский не мог вмешиваться в дела других князей, и присвоение ему титула великий князь, а его княжеству название великого рассматривалось как почетное звание, как старшинство «в отца место» (вместо отца).

Как старший, а потому главный, великий князь имел преимущество быть первым воеводой в общих походах, созывать по необходимости князей «думу думати», на этих съездах занимать почетное место. Но давать указания князьям в их управлении уделами, в их военно-оборонительных предприятиях, в их походах на врагов, да и в их семейных делах, он не имел права. Только в тех случаях, когда удельные князья просили его быть третейским судьей, потому что поведение какого-либо из князей затрагивало их интересы, или приглашали его для разрешения спора, только тогда великий князь, как бы «в отца место», мог вмешаться в дела того или иного удельного князя или нескольких удельных князей.

Власть великого князя киевского в те времена была еще довольно далека от монархической в полном смысле этого слова. Великий князь не мог решать дела единолично и постановлять приговоры относительно других, как бы младших князей. Если же это случалось, как, например, когда великий князь Святополк II Изяславич (1093—1113) вместе с Давидом Игоревичем ослепил Василка Ростиславича Требовльского, то князья Владимир Мономах, Олег и Давид Святославичи, назвав этот поступок злом, которого «не бывало есть в Русьской земли ни при дедехъ нашихъ, ни при отцехъ нашихъ», потребовали от него отчет о причине случившегося и выразили ему несогласие с его единоличными действиями: «Что се зло створилъ еси в Русьстей земли и ввергль еси ножъ в ны? Чему еси ослепил брат свой? аще ти бы вина кая была на нь, обличилъ бы и предъ нами, и упревъ бы и створилъ ему; а ныне яви вину его, оже ему се створилъ еси» («Такое зло сотворил ты в Русской земле, что всадил нож и в нас? Зачем ослепил брата своего? если какая-то вина была на нем, ты бы обличил его перед нами, тогда бы и переспорил его; а теперь объявляешь вину его, когда ты уже все совершил над ним»).

В домонгольский период великое княжество, которое признавалось за киевским столом, и титул великого князя передавались не по наследству, а по старшинству, причем не в одной семье, а

по родовому старшинству. В разветвленной сети Рюриковичей, а затем и смешавшихся с ними Гедиминовичей определить старшинство было весьма затруднительно, а потому каждый князь, посчитавший себя старшим, стал предъявлять свои претензии на обладание уделом, а потом и великим княжеством, а это приводило к распрям, кровопролитным междоусобицам, обману, предательству и убийствам. Надо учесть, что христианство, а с ним и христианская мораль пришли на Русь только в конце X в., и русские князья, не говоря уж о простых людях, имея варварское представление о нормах поведения, еще долго не могли постичь моральные устои христианства. (Впрочем, к великому сожалению, многие люди не сумели усвоить христианские моральные устои и в XXI в.)

Даже великий князь Киевский Владимир I Святославич (ум.1015), из рода Рюриковичей, сын князя киевского Святослава Игоревича и рабыни Малуши Любечанки, ключницы (по другой версии — боярышни, сестры боярина Добрыни), служившей у святой княгини Ольги, — даже Владимир, который причислен православной церковью к лику святых и равноапостольных за крещение им Руси, — и он не избежал ни вражды, ни убийства брата, ни применения коварства для самосохранения и достижения своей цели — быть великим князем киевским. Князь Владимир был почитаем народом, и, воспетый в былинах и летописных сказаниях как «Владимир — Красное солнышко», остался в народной памяти легендарным героем, лучшим древнерусским князем — «великим князем» конца X — начала XI в.

Часто задают вопрос: почему, несмотря на страшные злодеяния и непомерную похоть его, Владимир I Святославич признан был великим князем Русской земли, русской церковью причислен к лику святых и стал равноапостольным, то есть равным святым апостолам? Почему народ прославлял его и при его жизни, и далеко после его смерти, а во время церковных служб его поминуют и по сей день?

Следует сказать, что жизнь и деяния князя Владимира делятся довольно четко на два периода: языческий и христианский. Его жизнь язычника была продолжением жизни его предков, и именно в языческой своей жизни он совершал все свои злодеяния, не считавшиеся среди язычников таковыми. Жизнь христианская — это плод его личных деяний, лично его прославивших и в то же время коренным образом изменивших историческое движение Руси.

Языческая жизнь Владимира — не княжича, а князя — началась тогда, когда его отец, князь киевский Святослав Игоревич,

в 969 г., вознамерившись завоевать дунайскую Болгарию и навсегда поселиться там, разделил свою землю между своими тремя сыновьями — Ярополком I Святославичем, Олегом Святославичем (от Предславы, княжны венгерской) и им, Владимиром I Святославичем (от Малуши), оставив их на этих землях в качестве удельных князей, своих наместников. Ярополк стал княжить в Киеве, Олег — в Древлянских землях, а младшему, Владимиру, достался Новгород. По своему малолетству Владимир еще не мог быть самостоятельным правителем на уровне наместника, а потому в 970 г. вместе с ним на княжение в Новгород отправился брат его матери, его родной дядя Добрыня, который поначалу и распоряжался за него всеми делами.

Добрыня однажды решил, что Владимиру пора жениться, и стал сватать ему Рогнеду (Рогнедь), дочь варяга, князя полоцкого Рогволода. Но Рогнеда, по одной из версий, уже сосватанная за Ярополка, отказала ему, презрительно заявив, что никогда «не разует робичича» (не выйдет замуж за сына рабыни). Это было жестокое оскорбление не только для Владимира, но и для Добрыни, и они затаили обиду до лучших времен.

Князь Святослав Игоревич не вернулся на Русь: в 977 г. он погиб от рук грабителей-печенегов на днепровских порогах. Русской землей стал править старший брат, князь киевский Ярополк I Святославич. Прибирая земли к своим рукам, он поссорился с братом Олегом, пошел на него войной и в сражении убил его, а Древлянские его земли взял себе на княжение. Узнав об этом, Владимир понял, что Ярополк не остановится и двинется на Новгород. Не имея достаточных средств для защиты, Владимир с Добрыней уехали в Швецию, где они пробыли около двух лет. В эти годы Новгородом правили наместники Ярополка. Собрав варяжскую дружину, Владимир и Добрыня вернулись в Новгород и вместе с войми-новгородцами пошли на Киев против Ярополка.

Их путь проходил мимо Полоцка, где княжил Рогволод, и они захватили город. Час расплаты за оскорбление настал. Владимир убил князя Рогволода и двух его сыновей, а Рогнеду насильно взял себе в жены. Не уточняя, что значит «насильно», напомним, что в то время господствовали языческие нравы и все эти действия Владимира воспринимались как обычные. Что касается женитьбы, то никаких особых языческих брачных обрядов в то время не существовало, а потому «женился» — это значило: забрал себе женщину и стал жить с нею. А жениться при живой жене мужчина мог много раз, потому что у язычников многоженство было нормой жизни. Женой считалась женщина, которая жила официально в доме мужа, остальные, жившие на стороне, считались

наложницами. Если женитьба происходила по общему согласию, то девушка перед первой брачной ночью в знак своего согласия и покорности разувала жениха, снимала с него обувь.

Достигнув Киева, Владимир не стал сражаться с Ярополком на поле брани. Он воспользовался хитростью и предательством. Переманив на свою сторону ближайшего соратника Ярополка — Блуда, с его помощью вынудил Ярополка явиться к нему якобы для мирных братских переговоров, но когда Ярополк прибыл к нему и стал входить в гостеприимно распахнутые перед ним двери, из-за двери выскочили два варяга и на мечах, распоров ему грудь, подняли его вверх. Это произошло в 980 г. Владимир занял киевский стол и стал князем «в отца место». От Ярополка осталась его жена «грекия», бывшая монахиня, имя которой не сохранилось. Она ждала ребенка от Ярополка. Владимир взял ее себе в жены, а когда она родила, усыновил ее сына Святополка, которого воспитывал вместе со своими сыновьями, не делая явных различий. Но Святополк, за свои деяния получивший прозвание «Окаянный», видимо, всегда помнил, чей он на самом деле сын.

Летописцы отмечают, что первые годы языческого княжения Владимира в Киеве отличались его увлечением языческой религией, воинственностью и плотскими наслаждениями. К этому надо добавить еще его любовь к увеселениям и пирам, для которых он не жалел средств настолько, что своей щедростью превосходил самого царя Соломона, как, впрочем, он его превосходил и в плотских утехах.

Его ревностное увлечение язычеством выразилось в том, что на холме, близ своего теремного дворца, он поставил истуканов — языческих богов. Здесь расположил он главного языческого бога Перуна, выточенного из дерева, но с серебряной головой и золотым усом, здесь же поставил деревянных Хорса, Дажьбога, Симаргла, Стрибога, Мокошь. Жители Киева и других окрестных городов и селений приносили этим «богам» жертвы, иной раз и человеческие, и, по словам летописца, так осквернялась кровью земля русская на этом холме. Сам князь Владимир в 981—982 гг. принес Перуну в благодарность за свои воинские победы человеческие жертвы. Жертвами были варяги — христиане Федор и его сын Иоанн. Увлечение князя Владимира языческой религией длилось около семи лет.

Воинственность Владимира Святославича проявилась в его походах и войнах. В 981 г. он успешно воевал с польским королем Мечиславом, захватив города Нервен близ Хелма, Перемышль, Туров и другие города червенские в Галиции. В 985 г.

вместе с Добрыней, который княжил в Новгороде, Владимир одержал победу над волжско-камскими болгарами, с которыми потом заключил мирный «нерушимый» договор. В 988 г., воюя с греками, после довольно долгой осады захватил Корсунь (Херсонес), византийскую крепость на Черном море. Как герой, вошел князь Владимир с дружиной своей в крепость Корсунь и послал к византийским царям Василию и Константину свое требование отдать ему в жены их сестру-девицу, царевну Анну. Иначе, угрозил он, и с Константинополем сделает то же, что с Корсунью. На это он получил ответ, что Анна выйдет за него замуж лишь в том случае, если он крестится в православную веру, потому что христианка не может стать женой язычника.

Владимир внутренне, психологически был подготовлен к крещению в христианскую веру, потому что в Киев в предыдущие годы приходили представители разных религий и предлагали ему принять их веру. Бояре, посланные им для ознакомления с обрядами предлагаемых ему религий, рекомендовали выбрать православие, потому что моление в православных церквях и обряды понравились им своей торжественностью и красочностью. А потому он согласился на предложение византийских царей креститься, чтобы, по их словам, «получить в жены царевну Анну, жизнь вечную после смерти и помощь божественную при жизни». Летописи, видимо, уже позднейшие, рассказывают, что, когда царевна Анна прибыла в Корсунь, то выяснилось: Владимир еще не крестился, потому что разболелись глаза его, и он почти потерял зрение. Якобы Анна сказала ему, чтобы он поскорей крестился, и тогда пройдет его болезнь. И действительно, во время крещения, которое проходило в корсунской церкви св. Василия, как только епископ возложил на него руку, князь Владимир, нареченный в крещении Василием, под новым именем став как бы другим человеком, тотчас чудесным образом прозрел и прославил Бога.

Христианская жизнь князя Владимира (Василия) началась, когда он вернулся в Киев с царевной Анной, с корсунцем Анастасом, благодаря предательству которого удалось ему овладеть Корсунью, с корсунскими священниками, с иконами, церковными сосудами и облачениями и даже с мощами св. Климента. По прибытии он приказал уничтожить всех поставленных им идолов: одних сжечь, других порубить, а Перуна, привязав к хвосту коня, сбросить с горы к Днепру. Затем повелел оповестить всех жителей, чтобы они, и богатые, и нищие, и рабы, пришли завтра на Днепр для крещения, а кто не придет, тот будет князю врагом. Летописцы отмечают, что народ пришел без числа, хотя извест-

но также, что те, кто не хотел принимать православную веру, вместе с семьями ушли в леса.

Когда были крещены все киевляне, Владимир стал крестить остальной народ Киевской Руси, строить церкви и учить детей из знатных фамилий книжной грамоте, чтобы на Руси были не только греческие священники, но и русские. В самом Киеве Владимир построил церковь св. Василия и церковь Богородицы, которую называли «Десятиной», потому что на ее содержание Владимир приказал отдавать десятую часть своих доходов.

Крещение народа прошло относительно спокойно, и этому есть простое объяснение: идеи христианства уже владели многими жителями Киева. Христианкой была бабка Владимира — княгиня Ольга, а она пользовалась в народе особым уважением. В Киеве проживали христиане и уже была христианская церковь св. Илии. Основным препятствием для принятия новой веры было нежелание расставаться с правом язычников на многоженство. Но Владимиру, сознание которого, несмотря на принятое им христианство, продолжало еще оставаться языческим, вопрос о несовместимости многоженства с христианской моралью не мешал потакать его сластолюбию. У него было 5 жен и 800 наложниц: 300 — в Вышгороде, 300 — в Белгороде и 200 — в селе Берестове. У царя Соломона было 700 наложниц, а у князя Владимира — на 100 наложниц больше! В летописи отмечается, что, кроме того, к нему приводили замужних женщин, которых он бесчестил, и молодых девушек, которых он растлевал. Думается, что люди, в одночасье всем скопом окрещенные в Днепре, тоже не сразу изменили свое сознание, а потому не могли осудить за многоженство своего великого князя Владимира Святославича.

Народ любил своего князя особенно за то, что он устраивал веселые пиры, иногда многодневные, как, например, восьмидневный великий пир в Василеве, где была поставлена им церковь Преображения Господня. Пир устраивались по великим праздникам, и на них собирались, кроме бояр, посадников, старейшин и дружинников князя, люди из других городов и все, кто хотел участвовать в пире. А это был почти весь Киев. На княжий двор могли приходиться нищие и бедные и получать и питье, и пищу, и деньги. Даже тем, кто не мог ходить по убожеству или по болезни, князь приказывал отвозить на подводах питье и яства. Он стремился оделять всех, кто в этом нуждался. Конечно, за такие благодеяния народ прославлял своего великого князя и в летописях, и в былинах, и в песнях, и в сказаниях, сравнивая его с самым драгоценным на свете — с Солнцем, дающим жизнь людям. Заметим в скобках: французы сравнивали с Солнцем своего

короля Людовика XIV в XVIII в., а русские люди использовали это сравнение для великого князя Владимира в X в., на 800 лет(!) раньше.

В былинах часто упоминаются пиры князя Владимира:

*Во стольном-то городе во Киеве
Да у ласкового князя, да у Владимира,
У его было пированье, да был почестен пир.
А и было на пиру у его собрано:
Князья и бояра, купцы—гости торговы
И сильны могучи богатыри,
Да все поляницы да преудалые.*

Былина «Дунай Иванович — сват».

Богатый пир князя Владимира воспел и Пушкин в поэме «Руслан и Людмила»:

*В толпе могучих сыновей,
С друзьями, в гриднице высокой
Владимир-солнце пировал;
Меньшую дочь он выдавал
За князя храброго Руслана
И мед из тяжкого стакана
За их здоровье выпивал.*

В «Повести временных лет» о пирах Владимира сказано так: «Се же паки творяше людемъ своимъ, по вся неделя устава на дворе въ гриднице пир творити и приходити боляромъ и гридемъ, и съцьскимъ, и, десятицкимъ, и нарочитымъ мужемъ, при князе, и безъ князя; бываше множество от мяск, от скота и от зверины, бяше по изобилью отъ всего» («Для людей своих в каждое воскресенье при (великокняжеском) дворе, в гриднице, приказывал устраивать пир, на который могли приходиться бояре и гридни, и сотские, и десятские, и известные люди всегда: и при князе, и в отсутствие князя; на столе бывало много всяких мясных блюд, и от домашнего скота, и от дичины, и всяких яств в изобилии»). На этих пирах непременно присутствовала великокняжеская дружина, которую князь любил и с которой совещался «о строи земленемъ, и о ратехъ, и о уставе земленемъ».

В «Повести временных лет» говорится, что на пирах бывало, когда дружинники подвыпьют, то начнут роптать на князя, говоря: «бедные наши головушки, приходится нам есть деревянными, а не серебряными ложками». Однажды услышав это, Вла-

димир повелел выковать для дружины серебряные ложки и при этом сказал: «Ни серебром, ни золотом такой дружины не приобрести, а с дружиною получу и серебро, и золото, как мои дед и отец благодаря дружине приобрели и серебро, и золото».

В последние годы X в. великий князь Владимир Святославич, в связи с частыми набегами печенегов, стал укреплять подступы к Киеву, ставя по притокам Днепра, Десне и Суле, и по притокам Десны, рекам Остер, Судость, Трубеж, Стрый, укрепленные городки, такие как Остер, Стрый, Трубчевск и другие, которые существуют и поныне. Вновь построенные городки Владимир заселил лучшими славянскими мужами из кривичей, вятичей, чуди. Оградил он стеной и киевский Белгород, куда тоже переселил жителей из других городов.

Конец 900-х годов отмечен в летописях войной Владимира с хорватами (993 г.), и в особенности с печенегами, когда святую Русь отстоял Кожемяка (993 г.), когда печенеги подступили к Василеву на реке Стугне, а князь Владимир едва не погиб (996 г.), когда печенеги осадили Белгород. По сведениям, исходящим от исландского летописца Стурлезона, в последние годы своей жизни князь Владимир вел войну с норвежским принцем Эриком.

У великого князя Владимира от пяти официальных жен было 11 сыновей: Изяслав Полоцкий, Судислав, Вышеслав (ум. 1012), Позвизд, Всеволод, Станислав, Ярослав I Мудрый, Великий князь киевский (1019—1054), Мстислав Храбрый, князь тмутараканский; Святослав, князь древлянский; Борис, князь ростовский; Глеб, князь муромский и 12-й — пасынок, сын его брата Ярополка от «грекини» — Святополк Окаянный. Все они получили от Владимира уделы и платили ему дань. В 1014 г. князь Ярослав (сын Рогнеды) отказался платить дань отцу. Разгневанный Владимир хотел даже пойти на него войной, уже приказал мостить мосты и править дороги, но его отвлекли печенеги, опять напавшие на Русь. Владимир, уже немощный, вынужден был призвать сына Бориса и, дав ему свою самую лучшую дружину, послать его на защиту земли. А потом совсем разболелся и поехал, по совету Святополка, поправить здоровье в свое любимое село Берестово, где его ожидали 200 красавиц-наложниц. Отвез его в Берестово Святополк Окаянный, обещая, что плотские наслаждения с молодыми красивыми девушками поставят его на ноги. И действительно, первые два дня князь Владимир пировал и веселился, но потом ему стало очень худо, и 5 июля 1015 г. он умер. Святополк, боясь, что, узнав о смерти отца, его законные дети займут престол, попытался скрыть этот факт от всех, завернул его

тело в ковер и тайно привез в Киев, в Десятинную церковь, на отпевание и погребение. А сам, всячески показывая великую свою скорбь перед киевлянами, которые все равно прознали про смерть Владимира, заручившись их согласием своими обещаниями, занял киевский стол, возложив на себя титул великого князя киевского.

Великий князь киевский Владимир I Святославич был первым русским христианским князем. Православная церковь простила ему все его грехи язычника и за его подвиг отречения от языческих богов и крещения Руси возвела в сан святого и равноапостольного, присвоив ему наименование Святой. В посвященном его памяти величании, которое поется ежегодно на литургии 28 июля, говорится: «Величаем тя, святой равноапостольный великий княже Владимире, и чтим святую память твою, идолы поправшаго и всю Российскую землю Святым Крещением просветившаго».

Значение христианских деяний великого князя Владимира выходит за пределы только крещения Руси. Вся последующая жизнь Святой Руси, ее не только церковная, но и ее светская культура, просвещение, искусство своими истоками связаны с деятельностью святого Владимира. Благодарные русские люди поставили на берегу Днепра, на холме, где была построена Владимиром первая после крещения Руси церковь Пресвятой Богородицы, памятник святому Владимиру с золотым крестом в руке.

Но вернемся к Святополку Окаянному, захватившему киевский стол.

Княжить ему пришлось недолго: в 1016 г. его победил на поле брани сын великого князя Владимира — Ярослав I Владимирович Мудрый, который и сместил его с великокняжеского киевского стола. Через два года Святополк Окаянный сумел вернуть себе Киев, но Ярослав продолжал борьбу, и в 1019 г. прочно сел на киевском столе и княжил почти 35 лет.

Фигура великого князя Ярослава I Владимировича, названного Мудрым (978—1054), в истории Древней Руси домонгольского периода настолько значительна, что считаем необходимым остановиться подробно на характеристике его личности и его деяний. Ведь период княжения Ярослава Мудрого (1019—1054) для Древней Руси был периодом ее становления как самостоятельного, суверенного государства, не подвластного Византии, несмотря на ее желание подчинить Русь через управление русской церковью; как сильного государства, не только победившего врагов и расширившего свои границы, но и укрепившего свое внутреннее устройство и установившего множественные деятельные вне-

ские связи; как государства христианского, развивающего систему христианского служения через строительство церквей и монастырей, подготовку отечественного духовенства, распространения христианской культуры и морали путем размножения книг, наконец, через начало и развитие древнерусской литературы, зодчества и прикладного искусства.

Сын великого князя киевского Владимира I Святославича и полоцкой княжны Рогнеды Рогволодовны, Ярослав Владимирович сразу же после крещения Руси получил от отца Ростов. Когда же умер его старший брат, князь новгородский Вышеслав (1012 г.), Ярослав был посажен в Новгород с условием, что он, как наместник, будет собирать с населения 3 тысячи гривен и ежегодно платить отцу дань в размере 2 тысяч гривен, как это делали предыдущие новгородские наместники великого князя.

Желая быть самостоятельным государем и отложиться от Киева, Ярослав в 1014 г. отказался платить дань отцу. Он знал, что отец разгневется и пойдет на него с войском, но рассчитывал на поддержку новгородцев, тоже желавших отойти от Киева, и на варяжскую дружину, которую он привел с этой целью из Швеции. Надо сказать, что Ярослав был женат на шведской принцессе Ингигерде (в крещении Ирине), дочери шведского короля Олафа Скемконунга, а потому имел крепкие связи со Швецией.

И действительно, великий князь киевский пришел в ярость, когда узнал о решении сына не платить ему дань, и собрался идти на сына войной. Но, как уже говорилось выше, силы его оставляли, и 15 июля 1015 г. в сельце Берестове святого Владимира не стало, а находившийся рядом Святополк, заманчивыми обещаниями склонив на свою сторону киевских бояр, занял его место в Киеве.

Ярослав не имел никаких сведений о том, что происходило в Киеве и в сельце Берестове. Не знал он и о том, что Святополк уже занял великокняжеский киевский стол. Он готовился к сражению с очень сильной дружиной Владимира, состоявшей из знаменитых витязей-богатырей. Ожидание затянулось, и приведенные им варяги от безделья стали пьянствовать и бесчинствовать в городе. Новгородцы стали избивать и даже убивать распоясавшихся варягов, что могло привести Ярослава к разрыву отношений с варяжскими предводителями и потере военной помощи. Ярослав, чтобы прекратить нападения новгородцев на варягов, пошел на хитрость и обман: он объявил новгородцам, что хочет встретиться с наиболее активными из них, а когда они явились в назначенное время, приказал их окружить и всех перебить.

Когда же он получил от сестры Предславы известие о смерти отца, о захвате Святополком киевского стола и об убийстве им

двух его братьев — Бориса и Святослава, о присоединении им к Киеву Древлянской земли и о готовящемся убийстве младшего брата Глеба, то понял: Святополк хочет избавиться от всех претендентов на наследство отца и расширить за счет братьев свои владения. Нужно было немедленно двинуться на Святополка, но отношения с новгородцами были более чем испорчены. И все же Ярослав рискнул: собрал вече, покался перед новгородцами и сумел договориться с ними о совместном походе на Киев против Святополка. Новгородцы согласились пойти вместе с Ярославом и варяжскими дружинами на Киев, потому что они ненавидели Святополка Окаянного и не хотели иметь его «в отца место» и вообще не желали зависеть от Киева. Зная, что новгородцы хотят вернуть древнюю свою самобытность, Ярослав пообещал им, что, став великим князем киевским, он осуществит их желание и даст им льготную грамоту на самостоятельность и на земли. И не обманул их впоследствии. Льготную грамоту они получили. А Ярослав получил хороший урок: никогда не надо прибегать к хитрости и вероломству, потому что может настать такой момент, когда придется обратиться за помощью к людям, тобою обманутым. Словом, как гласит русская пословица: «Не плюй в колодец: пригодится водицы напиться».

Ярослав выступил в поход против Святополка в 1016 г. с четырехтысячным войском, состоявшим из воев-новгородцев и варяжских дружин, среди которых особенно отличались дружины двух норвежских витязей — Эймунда и Рагнара.

Святополк с войском из киевлян и печенегов двинулся навстречу брату, и они встретились под Любичем, стоя на разных берегах Днепра. По летописному сказанию, они около трех месяцев не решались начать боевые действия. Дело ограничивалось тем, что воины через реку переругивались друг с другом, а один из воевод Святополка все время насмешками донимал новгородцев. Наступала зима, и вода на реке и на близлежащем озере стала замерзать. Наконец, к Ярославу перебежал один из дружинников Святополка и посоветовал новгородцам начать действовать ночью. Новгородцы тихо переправились на другой берег и ночью, неожиданно, напали на киевлян. Застигнутый врасплох, Святополк не смог противостоять Ярославу: войско киевлян было разбито, а печенеги, стоявшие за озером, были далеко и не смогли ему помочь. Погибло очень много киевлян: они пытались спастись бегством по тонкому льду озера и тонули. Святополку удалось спастись, и он бежал к польскому королю Болеславу, на дочери которого он был женат.

Ярослав с войском отправился в Киев и сел на великое княжение. Но в 1018 г. Святополк вместе со своим тестем, королем Бо-

леславом, выступил против Ярослава. Столкновение произошло на Волыни, на берегу Буга. Натиск Болеслава и его дружины был настолько силен, что Ярослав вынужден был бежать в Новгород, а Святополк и Болеслав заняли свободный от князя Киев.

Ярослав хотел уже отправиться за море, к варягам, но новгородцы, теперь уверенные в крепком слове Ярослава, да к тому же не желавшие оставаться под властью Святополка, изъявили желание помочь ему, пойти на Киев против Святополка. Собрав деньги и многочисленное войско, новгородцы наняли для князя варяжские дружины и вместе с ними опять направились добывать для Ярослава великокняжеский киевский стол. И они разбили дружины Святополка. Тогда Святополк бежал к печенегам, потому что он уже не мог рассчитывать на помощь киевлян, собрал печенежское войско и двинулся навстречу Ярославу. Они сошлись на берегах реки Альты, и это была ожесточенная кровопролитная битва, в результате которой Святополк Окаянный был полностью разбит, бежал и в дороге умер. Это было в 1019 г. Ярослав окончательно, на многие годы стал великим князем киевским. Однако спокойно княжить, как старшему среди сыновей Владимира, не представлялось возможным. Оставшиеся в живых братья Мстислав и Судислав Владимировичи, а также племянник Брячислав Изяславич, князь полоцкий, сын Изяслава Владимировича, желали равного распределения волостей. Первым начал войну Брячислав Полоцкий. В 1021 г., пользуясь тем, что Ярослав находился в Киеве, Брячислав напал на Новгород, захватил в плен большое количество новгородцев, ограбил население, и все это хотел переправить к себе в Полоцк. Надо сказать, что в волостях не хватало рабочих рук и воинов, поэтому пленные очень высоко ценились. Узнав об этом, Ярослав бросился в погоню, на седьмой день догнал Брячислава на реке Судони, бился с ним и победил его дружину, а новгородцев и все награбленное имущество вернул в Новгород. Однако врагом Брячислава он не стал. Наоборот, как говорится в Софийской летописи, он призвал к себе племянника, выделил ему в уделы Витебск и Усвят и заключил с ним братский союз. Мудрость Ярослава проявилась и в этом вопросе: если бы он не добавил уделов к владениям Брячислава, тот постоянно бы совершал набеги на Новгород. Неизбежной оказалась и война с младшим братом Мстиславом, князем тмутараканским, желавшим получить долю от земель умерших братьев, по сути, разделить Киевскую Русь пополам. Воспользовавшись пребыванием Ярослава в Новгороде, Мстислав попытался завладеть Киевом, но киевляне его не пустили, и он завладел Черниговом. С помощью варяжских дружин Ярослав в

1024 г. вступил с Мстиславом в сражение в Северной земле, близ Листвена. В жестокой сече победил Мстислав, но он не стал воевать далее с Ярославом, а предложил ему разделить земли по Днепру и отдать ему восточную часть. Он уверял Ярослава, что готов подчиниться ему как старшему брату, великому князю киевскому, поэтому брат может княжить в Киеве спокойно. Но Ярослав не доверял ему, оставался в Новгороде, а управление Киевом поручил наместникам. И только в 1025 г., собрав большое войско, Ярослав пришел к Киеву и у Городца, под прикрытием военной силы, заключил мир с Мстиславом. Он отдал брату по его требованию восточную часть земель, а себе оставил западную. Главным столом восточной части стал Чернигов, а западной — Киев. И тогда, записал летописец, «перестали усобицы и мятеж, и была тишина великая в земли».

В 1036 г. на охоте умер Мстислав, и Ярослав, за неимением у брата наследников, присоединил его земли и стал единым властителем Русской земли, кроме Полоцка, где княжили потомки его брата Изяслава, да Пскова, где княжил его брат Судислав. После смерти Мстислава Ярослав, видимо опасаясь за свою жизнь, посадил Судислава в псковскую тюрьму, где тот находился в заключении до 1057 г., то есть 22 года. Его выпустили на свободу его племянники, сыновья Ярослава. Судислав постригся в монахи и скончался в 1063 г. в Киеве, в монастыре св. Георгия, построенном Ярославом и названном им по своему крестильному имени. Есть версия, что Ярослав заключил Судислава по чьему-то навету. Вряд ли Ярослав, политикой которого было мирное урегулирование отношений с родней, после того как он простил племянника Брючислава и брата Мстислава, явно выступивших против него, так жестоко обошелся бы с Судиславом только по чьему-то наговору. Вероятно, вина брата была для него очевидна.

Но не только междоусобица занимала великого князя киевского. Великий князь Ярослав Владимирович много воевал и против внешних врагов: в 1017 г. — против печенегов, напавших на Киев, в 1030 г. — против племени чуди, завоевав земли которого на берегу Чудского озера, он заложил город Юрьев, назвав его по своему крестильному имени (Георгий-Юрий). В том же году Ярослав предпринял поход в Польшу и взял Бельз, а в следующем, 1031 г., вместе с братом Мстиславом, собрав многочисленное войско, снова двинулся на Польшу. Братья вернули червенские города, прежде отнятые Польшей, захватили много пленных поляков, которых разделили между собой. Польский король Казимир возвратил им также 800 русских пленников, захваченных неког-

да Болеславом. Надо сказать, что союз Киевской Руси с Казимиром был закреплен, во-первых, родственными связями: сестра Ярослава — Мария, дочь святого Владимира и греческой принцессы Анны, была замужем за Казимиром, а сын Ярослава, Изяслав, был женат на сестре Казимира, и во-вторых, военной помощью Казимиру в его борьбе с Моиславом за Мазовию, которая окончилась победой Ярослава над Моиславом в 1047 г., гибелью Моислава и подчинением Мазовии Казимиру.

В 1036 г. Киев осадили печенеги, и Ярославу пришлось идти с киевлянами, новгородцами и варягами отбивать нашествие врагов. Битва была тяжелая, но Ярославу удалось победить печенегов.

В том же году Ярослав пошел в Новгород и посадил там княжить своего сына Владимира Ярославича. В 1042 г. Ярослав послал своего сына Владимира в поход на Ям воевать чудское племя на территории нынешней Финляндии. А в следующем году его сын Владимир, выполняя волю отца, возглавил большой флот и вместе с воеводой Вышатай отправился против греков в связи с убийством в Византии русского купца. Владимир истребил греческие корабли, посланные ему навстречу, но победа не была славной: сильнейший шторм рассеял русские корабли; неподалеку от Варны Вышата со товарищи были выброшены на берег, окружены, взяты в плен и ослеплены. В 1046 г. был заключен мир с греками, стороны обменялись пленными, вернулись домой и слепые воины. Для более крепких мирных связей с Грецией Ярослав женил своего сына Всеволода на греческой принцессе.

Победив врагов как внешних, так и внутренних, расширив свои владения, великий князь занялся внутренними государственными делами и весьма в них преуспел.

Прежде всего он стал укреплять Киев и для защиты его строить по реке Рось, где он расселил пленных поляков, захваченных им вместе с Мстиславом при возвращении ими червенских городов, новые крепости: Торческ, Корсунь, Треполь и другие. На Волге основал он город Ярославль, назвав его своим мирским именем.

Продолжая дело своего отца, Владимира Святого, Ярослав заботился о распространении христианства на Руси и выступал против проявления язычества. Он построил в Киеве храм св. Софии и монастыри св. Георгия и св. Ирины (по христианскому имени его жены Ингигерды), а в Василеве — церковь Преображения. Кроме того, его усилиями были созданы так называемые Золотые Ворота с надвратной церковью Благовещения.

Храм св. Софии, как и другие храмы и церкви, был построен греческими зодчими и украшен греческими художниками, —

уникальное архитектурное сооружение, построенное по образцу такого же храма в Византии. Несмотря на то что более чем за 1000 лет его существования храм св. Софии неоднократно перестраивался, он до сих пор украшает Киев и служит нам образцом византийского зодчества XI в.

Ярослав вел строительство церквей и в других городах. В Новгороде его сын Владимир построил храм св. Софии, уменьшенную копию киевского софийского храма. Этот храм, существующий и поныне, и теперь гордость и украшение Новгорода.

А чтобы на Руси было свое, а не только греческое духовенство, которое было проводником влияния Византии на политику Русского государства, Ярослав продолжил дело своего отца: и в Киеве, и в Новгороде, а затем и в других городах собирал детей из лучших семей и отправлял их для обучения грамоте, то есть фактически основал первые духовные школы-училища.

Конечно, Ярославу нужны были помощники в высших кругах духовенства. Иерархическая церковная система киевской митрополии на Руси возглавлялась митрополитом из греков, кандидатуру которого утверждал, а по сути назначал константинопольский патриарх. За довольно редким исключением, епископы и священники тоже были греками. Естественно, церковь стала проводником греческого влияния на политику Русской земли. И Ярослав решил освободиться от греческой опеки и влияния, тем более что к середине XI в. появились уже и русские епископы.

В 1035—1036 гг. он единовластно, без согласования с Византией, назначил новгородским епископом русского епископа Луку Жидяту, талантливого не только священнослужителя, но и писателя, владевшего ораторским искусством. До нас, правда, дошло только одно сочинение Жидяты — «Поучение к братии», но зато это первое, не переводное с греческого, а собственно русское произведение дидактической, учительной литературы, ознаменовавшее собой начало древнерусской литературы, ее прозы.

Стремясь к самостоятельности Руси, Ярослав в обход византийской патриархии добился от Собора русских епископов, чтобы они избрали своего, русского митрополита. И в 1051 г. Собор впервые поставил русского митрополита Илариона, человека весьма образованного, хорошо понимавшего и поддерживавшего политику Ярослава в распространении христианской идеологии, автора «Слова о Законе и Благодати», известного произведения древнерусской литературы, образца торжественного красноречия XI в., достойного стать рядом с лучшими произведениями византийского ораторского искусства.

Таким образом, в Русской земле среди высшего духовенства появились два помощника великого князя, два писателя и оратора, способных влиять и на политику церкви, и на просвещение народа, и на политику государства в целом, а главное — противостоять влиянию Византии.

Для возвышения Русского государства Ярославу Мудрому нужны были не только русские церкви, русские митрополиты и епископы, ему нужны были и русские святые. И первыми русскими святыми-страстотерпцами стали невинно убиенные Святополком Окаянным его братья Борис и Глеб. Для того чтобы признание их святыми было всенародным, Ярослав провел торжественное всенародное перенесение останков Глеба из Смоленска в Вышгород и захоронение их рядом с его братом Борисом. Народ для поклонения страстотерпцам стал стекаться к их могилам, и через какое-то время появились первые случаи чудодейственного исцеления больных, молившихся Борису и Глебу, а затем и другие чудеса. Спустя несколько лет было создано анонимным автором первое русское житийное произведение «Съказание и страсть и похвала святую мученику Бориса и Глеба», ставшее популярнейшим произведением древнерусской литературы. Все это подвигло церковь на причисление Бориса и Глеба к лику первых русских святых.

Великий князь киевский уделял много внимания просвещению, ведь именно оно способствовало развитию христианства на Русской земле, искоренению языческих, варварских обычаев, распространению культуры, патриотизма и в конечном счете возвышению Руси, ее значимости среди других государств.

Сам Ярослав I Владимирович был одним из образованнейших властителей в Европе. Он умел и читать, и писать, знал несколько иностранных языков, любил, собираясь с образованными людьми, вести беседы на религиозные и богословские темы и очень любил книги, особенно священные. Понимая, что Русь станет сильной только тогда, когда возрастет культура, а благодаря книгам умножатся знания, великий князь приглашал книгописцев и переводчиков с греческого и других языков для умножения числа книг с последующим их распространением в русском обиходе. Новые книги он отправлял в храм св. Софии, где люди могли бы брать их для чтения. Так была создана первая русская библиотека.

Строя церкви и монастыри, Ярослав Мудрый не жалел средств для их украшения и во внутреннем убранстве, и в облачении священников. Он приглашал в Киев и другие русские города византийских искусных мастеров, которые передавали свои знания в

зодчестве и в прикладном искусстве русским мастеровым умельцам. Так зарождались русские архитектура и изобразительное искусство.

Для устройства внутреннего государственного порядка Ярослав собрал свод законов «Русская правда», или «Устав», который впоследствии был дополнен его сыновьями и стал называться «Правда Ярославичей». Этот свод законов использовался в законодательной практике не только на Руси, но был принят и в Литве.

Киевская Русь, благодаря усилиям Ярослава Мудрого, имела широкие внешние связи с Западом. При великокняжеском дворе Ярослава Мудрого находили защиту иностранные короли и принцы. Так, некоторое время при дворе Ярослава жил норвежский король Олаф Святой, который был изгнан из своей земли датским королем Канутом за то, что Олаф склонялся к христианству. Младший брат Олафа Гаральд Смелый также скрывался при киевском дворе. Здесь он влюбился в дочь Ярослава — Елизавету, сватался к ней, но получил отказ. Огорченный, он уехал в Грецию, воевал в странах Средиземноморья, у берегов Африки, совершил много подвигов и уже героем вернулся в Киев. Свою любовь к Елизавете он воспел в написанной им саге. Оценив его геройство и любовь к ней, Елизавета дала свое согласие на брак. Сын Олафа Святого, Магнус Добрый, тоже жил и воспитывался при дворе Ярослава. Венгерские принцы Андрей и Леванта, сыновья Ладислава Плешивого и какой-то русской княжны, имени которой не запомнили, долгое время жили в Киеве. Андрей женился на Анастасии, дочери Ярослава. Именно здесь, в Киеве, он узнал о своем избрании королем Венгрии. Жили при киевском великокняжеском дворе, ища безопасности, и два английских принца — Эдвин и Эдуард, сыновья английского короля Эдмунда, изгнанные датским королем Канутом. Так что великокняжеский двор Ярослава Мудрого опекал властителей половины Европы. Но и этим не ограничивались западноевропейские связи великого князя киевского.

Напомним, что Ярослав был женат на шведской принцессе Ингигерде, дочери шведского короля Олафа. В отличие от своего отца, князя Владимира Святославича, он был подлинным христианином: имел одну жену и не создавал для себя гаремов с наложницами. У них с женой было шесть сыновей (Владимир, Изяслав, Святослав, Всеволод, Вячеслав, Игорь) и три дочери (Елизавета, Анна, Анастасия). Изяслав был женат на польской королевне, сестре польского короля Казимира III; Всеволод — на византийской принцессе Анне, дочери византийского императо-

ра Константина Мономаха; Вячеслав — на польской графине Оде Леопольдовне Штаденской; Игорь — на графине Кунигунде Орламиндской.

Как уже говорилось, дочери Ярослава Мудрого украсили собой европейские дворы: Елизавета была замужем за норвежским принцем Гаральдом Смелым, младшим братом норвежского короля Олафа Святого; Анастасия, выйдя замуж за венгерского короля Андрея I, стала королевой Венгрии; Анна, сосватанная за французского короля Генриха I, стала королевой Франции.

Таким образом, великокняжеский двор Руси имел родственные связи почти со всей Европой.

В начале 1054 г. Ярослав Мудрый занемог. Предчувствуя свой конец, он собрал своих сыновей и завещал им Святую Русь. Летописец так записал завещание Ярослава: «В лето 6562 (1054 год). Преставися великий князь русьский Ярославъ. И еще бо живущю ему, наряди (дал наставление) сыны своя, рекъ имъ: «се азъ отхожу света сего, сынове мои; имейте в себе любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере; да еще будете в любви межю собою, бог будет в вас, и покорить вы противных под вы (покорятся вам враги), и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно (с ненавистью) живуще, в распряхъ и которающесе (ссориться), то погыбнете сами и погубите землю отецъ своихъ и дедъ своихъ, юже налезоса (которую приобрели они) трудомъ своимъ великимъ; но пребывайте мирно, слушающе братъ брата».

Великокняжеский киевский стол Ярослав поручил вместо себя старшему своему сыну Изяславу (фактически второму сыну: старший, Владимир, умер в 1052 г.) и просил остальных четверых братьев слушаться его, как «в отца место». А Изяславу дал наказ: «Если кто захочет обидеть брата, то ты помогай обиженному».

Итак, киевский стол занял Изяслав, в Чернигове сел Святослав, в Переяславле — Всеволод, в Смоленске — Вячеслав, а Игорь — во Владимире Волынском.

Вначале братья исполняли завет отца. Они совместно участвовали в военных походах и перерабатывали Ярославову «Русскую правду», составив сборник законов, известный под названием «Правда Ярославичей». Дружба братьев продолжалась не очень долго: в 1073 г. их союз распался. Святослав Ярославич все же задумал завладеть Киевом, составил вместе с братом Всеволодом заговор против Изяслава, и они изгнали Изяслава из Киева, а киевский стол занял Святослав Ярославич. В 1076 г. Святослав умер, и киевский стол занял его брат Всеволод, но он в 1077 г. благородно уступил стол своему старшему брату Изяславу, да

поздно: тот княжил всего один год и 3 октября 1078 г. умер. На киевский стол сел великий князь Всеволод Ярославич, который княжил до 1093 г., года своей смерти. На киевском великокняжеском столе его сменил старший из сыновей старшего Изяслава Ярославича — Святополк II Изяславич. В 1113 г. он умер, и в Киеве началось народное волнение.

Киевские бояре, зная, как успешно проходили военные походы против половцев в 1103, 1107, 1111 гг. во главе с воеводой, переяславским князем Владимиром Мономахом, призвали его на княжение в условиях разгоревшегося восстания киевлян, в ходе которого велись грабежи и был разграблен дом великой княгини. Сначала Владимир не согласился на предложение киевлян, но они сумели убедить его, и в 1113 г. великим князем киевским стал Владимир II Всеволодович Мономах (в крещении Василий) (1053—1125), сын великого князя киевского Всеволода I Ярославича и византийской принцессы Анны, дочери византийского императора Константина Мономаха.

Владимир Мономах был неординарным князем. Как и его отец, великий князь киевский Всеволод Ярославич, который самостоятельно изучил пять иноземных языков и поощрял просвещение, Владимир Мономах был человеком просвещенным, тоже владел несколькими языками и в период своего великого княжения опекал русскую церковь и продолжал строительство храмов. Он не только умел читать, писать и был начитанным человеком, но явился автором одного из первых древнерусских произведений дидактического жанра, известного как «Поучение» Владимира Мономаха своим детям. Это произведение характеризует Мономаха прежде всего как человека высокой культуры, весьма начитанного и глубоко понимающего прочитанное им. И это возможно проследить по самому произведению, написанному талантливо и эмоционально. Так, например, восхваление Бога в «Поучении» Мономаха восходит к «Откровению» св. Иоанна Богослова (4,3 и 19,5); описание красоты и гармонии мира — к болгарскому «Шестодневу» Иоанна Экзарха. В нем цитируется Псалтирь (41,6): «...вземь Псалтырю, в печали разгнужь я, и то ми ся выня: «вскую печалуеши, душе? Вскую смущаеши мя?» и прочая». («Я взял Псалтырь будучи в печали, раскрыл ее: «что унываешь, душа моя, и что смущаешься?»»). А под «прочая» остались не процитированные им слова: «Уповай на Бога; ибо я буду еще славить его, Спасителя моего и Бога моего». Владимир Мономах не заканчивает цитаты из Псалтири, потому что знает: сыновья его — люди грамотные и начитанные, прекрасно помнят окончание этой цитаты.

«Поучение» Владимира Мономаха не ограничилось только наказом детям своим, каким надо быть христианином и как надо жить, оно явило также первый литературный опыт автобиографического повествования, и все это очень четко и явственно характеризует личность автора этого труда. Так, в той части «Поучения», которая посвящена детям, Мономах приводит, казалось бы, обычный перечень христианских дел и добродетелей: хвала Богу, покаяние, слезы и милостыня, помнить Бога, помогать убогим, сиротам и вдовицам, никого никогда не убивать и не приказывать убить, не клясться Богом и крестом и не давать гордыне овладеть сердцем. Но он дает и обычные житейские советы: не лениться в своем доме, самому все знать, а не через тиунa, чтобы не посмеялись гости ни над отсутствием порядка в доме, ни над угощением. А на войне не надо уповать на воеводу, самому, не ленись, в дозор ходить, рано вставать и ночью дежурить вместе с дружинниками и воями, а оружие никогда с себя не снимать, чтобы при нападении врагов быстро дать опор и не погибнуть. И советует еще не злоупотреблять питьем и едой и поменьше спать.

При этом он ни слова не говорит о богатстве и обогащении, о захвате у врага во время войны добычи, о других способах стать богатым. Как человек истинно верующий и умный, он умеет ценить и восхищаться всем, что его окружает, всем мирозданием и особенно природой, то есть тем, что дарует человеку Бог. И учит детей своих ценить именно эти непреходящие ценности и удивляться всему божественному устройству земного мира.

А в автобиографической части «Поучения» Владимир Мономах, говоря о своей жизни и поступках, ценит больше всего свой «труд» за 13 лет — 80 походов, из них три великих похода. Он считает важным, что добился от половецких князей и подписал с ними 19 мирных договоров. Он перечисляет половецких князей, с которыми воевал и заключал мирные договоры, и отмечает, что никого из них не убил, а взяв в плен, отпускал на волю, и все они живы. Вспоминая свою молодость, когда он с отцом, князем черниговским, а потом великим князем киевским Всеволодом «трусакхся» на охоте, Мономах рассказывает, сколько раз он подвергался опасностям, а Бог спасал его. Так, в Чернигове своими руками (видимо, арканом) поймал в пущах и связал диких коней, «10 и 20 живых конь»; езда по Руси, тоже ловил руками диких коней. Не раз он подвергался нападению диких животных. Два тура рогами метали и его, и лошадь; однажды два лося напали на него — один его ногами топтал, а другой рогами бодал; олень бодал рогами; вепрь сорвал с бедра меч; медведь укусил чепрак у колена, лютый зверь прыгнул ему на бедра и повалил его вместе

с конем. «И богъ невреждена мя съблюде», — заключает это повествование князь Владимир. Он вспоминает, что в юности не берег своей жизни и не щадил головы своей: много раз падал с лошади, дважды разбивал голову, ломал руки и ноги. Ночь и день он бывал на войне или на охоте, и в зной, и в холод, не давал себе покоя, и сам делал все, что было надобно. Никому, даже сильным, не давал в обиду ни самого плохого смерда, ни вдовицы. И все церковные установления и службы сам всегда соблюдал. «Да не осуждайте меня, дети мои, ни те, кто прочтет это, я не хвалю себя за дерзости эти, а хвалю бога и прославляю милость его, что он меня, грешного и неразумного, столько лет сохранял в самые смертельно опасные часы; и создал меня неленивым, готовым на все дела».

И в этой, автобиографической части «Поучения» Владимир Мономах ни словом не упомянул о своем богатстве или о приобретении богатства. Напротив, заключая мирные договоры с половецкими ханами, чтобы уладить и ускорить дело, он передал им много даров: и скота, и денег, и дорогой одежды.

Вся его деятельность, его мировоззрение, отраженные в «Поучении», говорят о том, что он был человеком смелым, сильным, деятельным («неленивым»), не с обывательским, стяжательным, а с благородным подходом к жизни и с христианским видением мира и мирских дел. Он жил не для собственной славы и обогащения, а для государственных дел: для освобождения Русской земли от нашествия половцев, для установления мира и укрепления границ, для устройства и украшения своей земли, установления в ней порядка.

Поразительно: в XII в. русский великий князь обладал государственным мышлением, которого, к сожалению, не имеют многие, даже и государственные люди XXI в., охваченные страстью к стяжательству.

При Владимире Мономахе Русь достигла мирной жизни и наивысшего расцвета. Прекратились набеги половцев и печенегов на Русь; под сильной рукой великого князя Владимира утихли междоусобицы; внесенные Владимиром на Общей думе в селе Берестово поправки в законодательство умили злоупотребления во взимании ростовщиками процентов, навели порядок в долговых взаимоотношениях, установив различия между тем должником, который стал таковым по не зависящим от него обстоятельствам, и тем, который сам испортил товар, пропил или проиграл его в зернь. Определены были законом три случая обращения человека в холопство, упорядочены закупы (поступление бедняка в наемники к богатому).

И это было время расцвета художественной и литературной деятельности русских людей. В Киеве и в других городах Древней Руси успешно велось строительство храмов и церквей, которые украшались иконами и настенной живописью. Церковь все более пополнялась русскими, а не греческими священнослужителями. Построенная Мономахом церковь на Альте, на месте гибели Глеба, еще более прославила первых русских святых Бориса и Глеба.

Стали создаваться свои, русские произведения литературы, и в жанре ораторского искусства (Наказ, Слово), и в жанре житийном, и апокрифы, и даже художественная литература, пока, правда, переводная. К этому времени относится составление первоначальной летописи, начало Печерского Патерика, написание по византийским образцам житий русских почитаемых людей, прославившихся святостью жизни: Антония и Феодосии, княгини Ольги, равноапостольного князя Владимира, Бориса и Глеба. Появились серьезные летописцы-монахи, собиравшие все предыдущие записи событий на Руси и дополнившие их своими.

В народном сознании образ Владимира Мономаха соединился с образом Владимира Святого. И того, и другого в былинах, народных песнях и сказаниях называют «солнцем» и наделяют одинаковыми, самыми лестными эпитетами, так что часто трудно бывает определить, о каком Владимире идет речь. Так, в былине «Ставр Годинович» Ставр, приехав из Нова-города в Киев к князю Владимиру, приветствует его такими словами: «Здравствуй, солнышко, Владимир-князь!» А в ответ: «Говорил тут ему солнышко Владимир-князь: «Уж ты здравствуй, удалой доброй молодец!» За невежливое поведение и неуважение к князю и княгине Владимир сажает Ставра в погреб. Выручает Ставра его молодая жена, приехавшая в мужской одежде его выкупить. Но княгиня сразу же узнает под этой одеждой женщину и догадывается, что это молодая жена Ставра. Владимир освобождает Ставра «безденежно». Казалось бы, Ставр приехал ко двору Владимира Святого — «солнышка». Однако источником для этой былины были реальные события, и они отражены в Новгородской летописи за 1118 г. В ней говорится, что Владимир Мономах, узнав о грабежах сотского Ставра и нескольких бояр, призвал их в Киев и посадил в погреб. Так что былина «Ставр Годинович» имеет в виду «солнышка» князя Владимира Мономаха.

Имя Владимира Мономаха связано с легендой о происхождении шапки Мономаха, символе царского достоинства на Руси. Якобы император византийский прислал Владимиру Мономаху

венеч в виде шапки, опушенной собольим мехом, украшенной драгоценными камнями и увенчанной золотым крестом, и бармы (оплечья) для венчания на великокняжеский стол, и митрополит Неофит якобы венчал в них Владимира Мономаха «на царство». Как бы там ни было, но всех последующих «великих князей всея Руси» и царей венчали на царство в бармах и с возложением на них шапки Мономаха.

О происхождении шапки Мономаха достоверных и точных сведений нет, но, по-видимому, эта легенда возникла не случайно, потому что она косвенно проливает свет на прозвание Владимира I Всеволодовича **Мономахом**, как бы признавая его потомком византийской императорской семьи Мономахов. Кстати сказать, и великую княгиню Анну, мать Владимира, тоже называли «мономахиной», потому что она была дочерью византийского императора Константина Мономаха.

Владимир Мономах скончался 19 мая 1125 г. и был погребен в Киеве, в храме св. Софии, рядом с гробницами отца, Всеволода Ярославича, и деда, Ярослава Мудрого. Он был женат трижды: в 1074 г. на Гиде, дочери английского короля Гаральда, после ее смерти — на половецкой княжне, имя которой не сохранилось, но известно, что она умерла в 1107 г. Третьей его женой была княгиня Евфимия. Она умерла 11 июня 1126 г., пережив Владимира Мономаха на один год.

Он оставил сыновей: Мстислава, Ярополка, Вячеслава и Юрия, прозванного Долгоруким, и двух дочерей: Марию, вышедшую замуж за византийского царевича Леона, и Софью, ставшую королевой, женой венгерского короля Бела II.

Киевский стол Владимир Мономах завещал своему старшему сыну Мстиславу I Владимировичу (в крещении Гавриилу), получившему прозвание Великий (1075—1132). Мстислав Владимирович отличался твердым характером, закаленным в битвах с половцами, усмирять которых он ходил со своим отцом Владимиром Мономахом в 1111 г., в победе над чудью в 1113 г., в захвате ливонского города Оденпе в 1117 г. Став великим князем киевским после смерти своего отца, он умело и твердо держал в строгом повиновении удельных князей, особенно Мономаховичей, своих братьев и племянников. И полоцких князей, попробовавших было стать от него независимыми, укротил и, пленив, отправил в Константинополь, а Полоцкую землю отдал своему сыну.

После смерти Мстислава I Владимировича в 1132 г. великое княжение в Киеве было передано киевлянами брату покойного великого князя — Ярополку II Владимировичу. По словам лето-

писца, Мстислав, умирая, просил брата своего Ярополка позаботиться о его детях, а Переяславль, где княжил Ярополк, передать его сыну, Всеволоду Мстиславичу. Конечно, Ярополк обещал выполнить это предсмертное пожелание брата и посадил на княжение Всеволода Мстиславича в Переяславле. Младший брат Ярополка — Юрий Владимирович Долгорукий, основатель Москвы, глубоко оскорбился тем, что первенство на княжение получил не он, брат и дядя, а его племянник. И началась смута.

На киевском столе великие князья стали сменяться один за другим, оставаясь на великом княжении по два-три года, а то и всего несколько месяцев. Все они заботились не о государстве и его людях, а о своем княжении. И, конечно, ни один из них не мог добиться такого расцвета государства, как это было при Владимире Святом, Ярославе Мудром и Владимире Мономахе. Удельные князья, устремившиеся к власти в Киеве, враждовали друг с другом, да и государственной цели, по-видимому, перед собой не ставили.

В таких условиях взаимной вражды, даже среди родных братьев, было невозможно осуществлять полноценное руководство княжеством, вести хозяйство и налаживать внешние связи, а потому значение княжества Киевского как великого стало постепенно умалаться, а идея получения титула великого князя только путем овладения киевским великокняжеским столом перестала быть главной. Тем более что в 1157 г. в Ростово-Суздальской и Владимирской волостях, в городе Владимире, объявился еще один великий князь — Андрей Юрьевич Долгорукий (Боголюбский) (1110 — 1174), сын Юрия I Владимировича Долгорукого, внук Владимира Мономаха. В 1176 г. власть в княжестве владимирском перешла к брату Андрея Боголюбского — Всеволоду III Юрьевичу Большое Гнездо (1154—1212), который вместе с Владимирской волостью также принял титул великого князя владимирского. Все последующие правители владимирского и московского великих княжеств принимали титул великого князя. Но вскоре князья — правители и других значительных удельных княжеств (например, тверского, рязанского) — стали величать себя великими князьями. Появление других великих княжеств и великих князей еще более умалило киевский великокняжеский стол и его главу — великого князя киевского.

Нападение татаро-монголов на Русь полностью низвело значение киевского великокняжеского стола. Киевская Русь под напором несметных полчищ Батыя была полностью разорена, города разрушены, села и деревни сожжены, Киев частью разрушен, частью сожжен и полностью разграблен. Тысячи убитых,

а из оставшихся в живых — тысячи обнищавших людей. С нашествием татаро-монгольских орд Киев пал и перестал быть желанным местом для великого княжения.

Последним великим князем киевским с 1248 по 1263 г. можно считать Александра Ярославича Невского (30.05.1220 — 14.11.1263), потому что после него до 1303 г. заправлял делами Киевский митрополит Максим, а потом до 1330 г. — князь Владимир Иванович, а за ним до 1362 г. — князь Федор Иванович, не имевшие уже титула великого князя.

Великое княжение Александра Ярославича Невского проходило в условиях монголо-татарского ига. И в этот период титул «великий князь» приобрел совершенно иной статус.

На киевский великокняжеский стол Александр Невский получил ярлык в 1248 г. от вдовы хана Гуюка — Огул Гаймиш, видимо, от той ханши, которая отравила его отца, Ярослава II Святославича. Его брат Андрей Ярославич, в результате совместного хождения братьев в Монголию на поклон к главному хану Гуюку, получил от Огул Гаймиш титул великого князя владимирского. Но княжение непокорного татарам Андрея Ярославича окончилось неудачей: в 1252 г. против него был выслан с войском татарский царевич Неврай, который варварски опустошил Владимиро-Суздальский край. Андрей бежал в Швецию. Александр Невский, находившийся в это время в Золотой Орде, получил ярлык на великое княжение владимирское от сына Батыея, хана Сартака. Имея титул великого князя киевского и владимирского, Александр Невский был также, по воле его отца, князем переяславским и новгородским.

Александр княжил в Киеве номинально, сам жил то в Переяславле, то в Новгороде и занимался делами во Владимире и Суздали. а в Киев даже не приезжал, оставив там править своих наместников и тиунов.

С приходом на Русь татаро-монгольского ига титул великого князя русские князья стали получать вместе с ярлыком на княжение из рук золотоордынских ханов, которые не принимали во внимание ни притязания князей, ни их старшинство, а давали и ярлык, и титул, и право собирать дань для хана только тем князьям, которые обращались в Золотую Орду с готовностью с нею сотрудничать, а главное, привозили хану, его жене и ханским вельможам богатые и многочисленные дары. Так что получалось, что титул великого князя стал просто покупным. Но купив титул и подчинившись хану-царю, служа ему, такой великий князь в любой момент мог быть убит в Орде по приказанию хана.

Таким образом, титул «великий князь» в монгольский период истории Руси приобрел совершенно иное значение. Древнерусский великий князь перестал быть независимым главным князем среди удельных князей. Он стал наместником золотоордынского хана, его слугой и действовал от его имени.

Как это ни странно звучит, но в период татарского ига, когда были разрушены не только города и сожжены села, перестал существовать самый уклад княжеской власти на Руси, а Русская земля как бы погибла, и ей был спет неизвестным автором гимн «Слово о погибели Рускыя земли» (написанный, по-видимому, под впечатлением поражения русских в битве с татаро-монголами в 1237 г. на реке Калке), — в это же время, при таких тяжелых обстоятельствах для разоренной и разграбленной татарами Руси, на северо-востоке стало возвышаться и укрепляться княжество Владимирское, а затем и Московское, и стало утверждаться великокняжеское достоинство князей владимирских (от Александра Ярославича Невского до его внука Ивана Даниловича Калиты), и младшей московской ветви по нисходящей линии потомков князя Ярослава II Всеволодовича. С одной стороны, русские князья были подчинены золотоордынскому хану, но, с другой стороны, слабые и малоземельные удельные князья вместе со своими землями подчинились сильному русскому князю, приобретшим от хана титул великого князя и право как бы наместника, исполняющего волю хана и потому главенствующего над остальными князьями.

Как уже говорилось, не в последних рядах вступил на путь сотрудничества с ханом великий князь Александр Невский, понявший, что противодействие золотоордынской силе со стороны малых, да еще и разобщенных русских сил приведет Русскую землю к окончательной гибели.

До него, как только Батый избрал местом своего пребывания территорию в низовьях Волги (около Астрахани) и основал здесь кочевой город Сарай, одним из первых в 1243 г. на поклон к хану пошел его отец, Ярослав II Всеволодович, отправив на поклон к главному хану в Татарию и своего сына Константина (ум. 1255). Это был вынужденный акт. В 1236—1238 гг. Ярослав был великим князем киевским. Услышав о поражении русского войска в битве с татаро-монголами на реке Сить (4 марта 1238 г.), гибели великого князя владимирского Юрия Всеволодовича и о страшном разорении города Владимира, городов и деревень Владимирской земли, он пришел во Владимир, принял титул великого князя, достойно похоронил своего брата, Юрия Всеволодовича, очистил церкви и улицы от трупов, собрал оставшийся в живых

народ, помог людям прийти в себя и организовал восстановление Владимира и других городов после нашествия полчищ хана Батыя. Второе нашествие Батыя на Русь в 1239—1240 гг., хоть и не затронуло Владимирских земель, но убедило Ярослава Всеволодовича, что обессиленная Русь не в состоянии противодействовать несметным полчищам татаро-монголов, а потому необходимо изъяснить покорность лично хану.

Батый с почестями принял Ярослава и дал ему старейшество по всей Руси. В «Истории государства Российского» Н.М. Карамзин отметил это так: «Батый принял Ярослава с уважением и назвал Главой всех Князей Российских». В 1245 г. Ярослав вместе с братьями и племянниками снова посетил Золотую Орду. Братья и племянники вернулись к себе домой, а Ярослав был направлен Батыем в столицу Монголии Каракорум, находившуюся южнее озера Байкал, к великому хану Гуюку. Но, прибыв на место, Ярослав встретил недоброжелательство со стороны боярина Федора Яруновича и матери хана Гуюка — ханши Турукина-хатун, которая во время приема у себя Ярослава под видом угощения преподнесла ему из своих рук яд. Возвращаясь домой из дальней стороны, он почувствовал себя очень плохо и через семь дней пути скончался. Это было 30 сентября 1246 г. Н.М. Карамзин отметил, что яд «явно обнаружился пятнами на теле умершего».

Получив титул великого князя и ярлык на княжение от Золотой Орды, став первым слугой хана, как бы его наместником, великий князь киевский и владимирский Александр Ярославич Невский стал пользоваться среди других князей, не имевших его преимущества, не только почетом, но и властью над ними: именем хана он имел теперь возможность вмешиваться в их дела, собирать с них дань, проводить у них перепись, а потом уже лично, как говорится, по собственному почину распоряжаться в их уделах, пользоваться их дружинами, то есть подводить их «под свою руку».

Жизнь показала, что политика Александра Невского по отношению к Орде оказалась верной и позволила ему во многом помочь русским людям, находившимся в тяжелых обстоятельствах варварского нашествия. Эту политику вели и другие великие князья, получившие от Орды свой титул и преимущества. Политика, проводимая Александром Невским, помимо всего, представляла возможности для объединения великих князей с удельными. Конечно, все это происходило не сразу, не вдруг, требовало от него и от последующих великих князей больших дипломатических усилий, да и средств на подарки хану и его окружению,

на частые необходимые поездки в Золотую Орду, иногда, рискуя, вместе со всей своей семьей. Но об этом потом.

Одновременно с великим князем владимирским были и другие значительные князья, приобретшие титул великих — великий князь тверской и великий князь рязанский. Равные по титулу, они не были равны с князем владимирским по статусу, потому что другие удельные князья признавали их великими князьями только в их волостях, а великий князь владимирский был великим князем «всех Руси». Удельные князья, да и сами великие князья тверской и рязанский, признавали своим «старейшим князем» великого князя владимирского, а потом, с возвышением Москвы, и московского.

Для золотоордынских ханов установленная ими система подчинения русских князей, а через их службу — владения завоеванными землями, выдача ярлыка на великое княжение только тем князьям, которых хан считал своими верными слугами, представлялась прочной и непоколебимой. А на самом деле эта система таила в себе неминуемую гибель Золотой Орды, потому что давала возможность великим князьям владимирским, а затем и московским именно через службу хану не только возвыситься над другими князьями и землями, но и подчинить их себе, собрать их земли вокруг себя и стать той силой, которая смогла освободить Русскую землю от татаро-монгольского нашествия. Правда, понадобилось для этого немалое время — почти 300 лет. Но, как говорится, «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается».

Почему все-таки Золотая Орда избрала великим князем «всех Руси» именно Александра Невского? Конечно, не только потому, что князь Александр I Ярославич в ответ на приглашение хана Батыя, «царя», как называли его русские люди, пришел к нему на поклон. Александр уже тогда носил имя **Невский** и был знаменит далеко за пределами Руси как отважный и умный воевода, организатор трех крупных побед над западными и северными врагами: над шведами на Неве (1240 г.), в Ледовом побоище на Чудском озере (1242 г.) и над литовцами, вторгшимися на Новгородскую землю (1245 г.). Вот почему, как говорит автор «Жизни князя Александра Невского», «некто царь силенъ на восточной стране, и покори ему богъ многи языки отъ востока до запада. Той же слышавъ князя Александра Ярославича храбра и славна, и посла къ нему послы рекуще: «Александро, веси ли, богъ покори мне многия языки, ты ли единъ не хоцещи покоритесь силе моей, но аще хоцещи съблюсти землю свою, то скоро прииде ко мне и узриши честь царства моего» («Александр, знаешь ли ты,

что бог покорил мне многие народы, а ты один не хочешь покориться силе моей; но если хочешь соблюсти землю свою, то приди скорее ко мне и увидишь славу царства моего»).

В глазах хана Александр был ценным сотрудником, ведь к нему обращался даже папа римский, пытавшийся через такого известного и уважаемого всеми человека насадить на Руси латинство. Познакомившись с Александром Ярославичем лично, хан Батый отметил его ум и то, что мы теперь назвали бы харизмой. Вот почему Батый и пригласил Невского к себе для сотрудничества.

Несмотря на тяжелое положение великого князя Александра Ярославича, постоянно находящегося под пристальным вниманием татарских чиновников и самого хана, Александр делал все, чтобы сохранить, насколько возможно, Русскую землю. Он собирал жителей, с их помощью поднимал из руин города, монастыри и церкви. Но гладко не было и со стороны русских. В Новгороде Александр посадил на княжение своего сына Василия, но новгородцы были недовольны его правлением, удалили его и в 1255 г. призвали к себе князя Ярослава Ярославича тверского. На новгородском вече Невскому удалось примирить новгородцев с собою, а в 1256 г. даже вызвать их благодарность за защиту от ожидаемого нападения на Новгород шведов, которые на Нарове уже выстроили крепость. Услышав, что сам Александр Невский, именем которого немецкие матери пугали своих детей, идет на них, шведы быстро покинули эту территорию. Чтобы таких поползновений более не было, Александр Невский опустошил часть Финляндии.

В том же году пришлось преодолевать новые трудности. Великий хан монгольский повелел в целях обложения русских данью провести перепись населения. Сарайский хан Берке, брат Батыя, поручил это дело родственнику своему Улавчею. Пытаясь освободить русских людей от переписи, в результате которой дань должны были платить не волость, а каждый учтенный переписью человек, что новгородцы не могли встретить спокойно, Александр вынужден был предпринять поездку и в Нижний Новгород, и в Орду, чтобы договориться с Улавчеем. Договориться удалось только о том, что Александр будет участвовать в этой переписи, но численников ханских все же должен принять.

Как и предполагал Невский, новгородцы встретили весть о переписи сопротивлением, но он не предполагал, что главным ослушником будет его сын — князь Василий. Татары всех непокорных, в том числе и окружение этих непокорных, наказывали со звериной жестокостью, и это неподчинение переписи могло привести к полному разгрому Новгорода и ко многим, в основном

невинным жертвам. Правда, как только Василий узнал, что с татарами идет отец, он тотчас сбежал в Псков. Чтобы спасти Новгород от сотен жертв, Александр Невский казнил зачинщиков сопротивления и с большим трудом уговорил татар на первый раз простить новгородцев, приняв от них богатые дары. Новгородцы просили, чтобы дань с них собирал великий князь, а не численники. И это было мудро, потому что, как только в 1259 г. появились ханские численники, у них начались столкновения с русским населением.

В 1262 г. нагрянула новая беда: ордынский хан отдал русскую дань на откуп среднеазиатским купцам, которые буквально выбивали эту дань у народа, а тех, кто не мог платить, уводили с собой в рабство. Особенной жестокостью отличались откупщики в Ростово-Суздальской и Владимирской волостях. Народ этих волостей, выйдя из терпения, созвал вече, на котором было решено не давать спуску откупщикам. Появились случаи избиения и даже убийства притеснителей и тех, кто не признает православную веру. В любую минуту могли вступить за откупщиков татаро-монголы, и тогда страшная беда могла постичь Русскую землю. Александр должен был предотвратить и эту беду, и новую: хан требовал от него, чтобы русские своей военной силою помогали татарам в их войнах с другими народами. И он поехал в Золотую Орду. Уезжая, он приказал своему сыну Дмитрию, которого посадил вместо Василия княжить в Новгороде, идти на Ливонию. Таким образом, русское войско предоставить татарам было невозможно, потому что оно находилось в походе, в важном и успешном походе: Василию удалось взять Дерпт. Благодаря великим дарам, Александр Невский сумел отвлечь и другие беды. Особенной его заслугой было то, что он добился освобождения от обязанности предоставлять военную силу Золотой Орде в ее войнах с другими народами. Далось это ему, по-видимому, нелегко: ему пришлось провести в Золотой Орде почти полтора года.

Возвращался Александр домой из Орды, как его отец когда-то от великого хана Гуюка, совершенно больным. Были предположения, что великого князя Александра Невского так же, как и его отца, Ярослава II Всеволодовича, отравили в Орде. Это вполне возможно, потому что такой наместник, который часто и по крупному заступает за свой народ, объединяет русских князей, ордынскому хану не только был не нужен, но уже и опасен.

Великий князь киевский и владимирский Александр Ярославич не доехал до дому, 14 ноября 1263 г. он скончался в пути, в Городце Нижегородской волости. Перед смертью он принял схиму с именем Алексея. Митрополит Кирилл, узнав о преставле-

нии великого князя Александра Невского, сказал: «Зашло солнце земли Русской». И это были не просто слова. Александр Невский был необходим русскому народу, на защиту которого он положил всю свою жизнь.

Похоронили великого князя во Владимире, в Рождественском монастыре. Проститься с ним пришло огромное количество простого народа. В 1380 г. его мощи были найдены нетленными и положены в серебряную раку. Митрополит Макарий I, святой (1495—1497), собрал о Невском сведения, составил ему службу в церкви, и благоверный князь Александр Ярославич Невский, своими военными победами, а затем мудрой политикой в период татаро-монгольского ига неоднократно спасавший Русскую землю от гибели, был признан святым Русской православной церкви.

По указанию императора Петра Великого в августе 1724 г. мощи святого благоверного великого князя Александра Невского были торжественно перенесены из Владимира в Санкт-Петербург, в Александро-Невскую церковь. По повелению императрицы Екатерины II в 1790 г. серебряная рака с мощами святого Александра Невского была перенесена в Свято-Троицкий собор Александро-Невской лавры. В 1922 г. по постановлению советского правительства серебряный саркофаг Александра Невского был помещен в ленинградском музее Эрмитаж, а извлеченный из него ларец с мощами великого князя отправлен в Казанский собор. В июне 1989 г. мощи святого благоверного великого князя были вновь перенесены в Свято-Троицкий собор Александро-Невской лавры.

У Александра Невского было четыре сына: Василий, Дмитрий, Андрей, Даниил, и дочь Евдокия.

Старшего сына Василия Александр Невский посадил княжить в Новгороде, но когда татаро-монголы стали проводить в Новгороде перепись, Василий, как уже было сказано выше, выступил против и оказался первым ослушником приказа хана, и Невскому с большим трудом удалось погасить этот конфликт. Пришлось удалить Василия из Новгорода, а на княжение посадить второго сына — Дмитрия. Впоследствии Василий, в 1272—1276 гг. носивший титул великого князя владимирского, княжил в Костроме, где и умер.

Второй сын Александра Невского — Дмитрий Александрович, великий князь владимирский, князь новгородский, тверской и переяславский, вынужден был вести кровавый спор за великое владимирское княжение с родным своим братом Андреем Александровичем, прозванным за его нрав Скоросым (Вспыльчивым).

Андрей получил в удел от отца Ярославль, княжил в Новгороде, а в 1281 г. вероломно, в результате интриг и жестокой войны с привлечением на свою сторону татаро-монгольских сил, свергнул брата Дмитрия с великокняжеского владимирского стола и сам сел во Владимире. Но в 1283 г. Дмитрию удалось через Орду вернуть себе титул великого князя и сидеть на владимирском столе почти до своей смерти в 1294 г. Андрей не унимался в желании захватить княжение во Владимире. В 1293 г. он сколотил «Дюденеву» рать, состоявшую в основном из войска ордынца Туденя, и вместе с татаро-монголами разорил 14 русских городов. И Дмитрий и, особенно, Андрей постоянно ездили к ордынскому хану жаловаться один на другого, пользовались татарскими полками против своих же русских жителей в городах, которые они захватывали. Андрей наводил татарские полки и на Владимир, сжег во Владимире Успенскую церковь. (Этот эпизод показан в кинокартине Андрея Тарковского «Андрей Рублев».) Победив в бою полки брата в 1294 г., Андрей утвердился на владимирском столе, отдав Дмитрию Переяславль, но его наместник Федор Черный, уходя из Переяславля, приказал сжечь его. Впрочем, Дмитрий и не доехал до Переяславля: в дороге он умер.

Даниил Александрович, четвертый, самый младший сын Александра Невского от полоцкой княжны Александры Брячиславовны, был двухлетним ребенком, когда умер отец, а потому получил в удел не от отца, а от брата, великого князя владимирского Дмитрия, Москву, в то время бывшую как бы пригородом Владимира, маленьким невзрачным городком.

Дочь Евдокия была выдана замуж за смоленского князя Константина Ростиславича. Эта чета оказалась родоначальницей дворян и графов Дмитриевых-Мамоновых, дворян Мусоргских, прямыми предками композитора М.П. Мусоргского, баснописца И.И. Дмитриева, писателя-драматурга Д.И. Фонвизина.

Когда возвысился город Владимир и стал сначала политическим, а затем и религиозным центром Руси (потому что в 1299 г. киевский митрополит Максим перевел митрополичью кафедру из Киева во Владимир и вместе со своим клиром переехал туда), то великие князья Древней Руси конца XIII — начала XIV в., увлеченные войной за великое княжение во Владимире, перестали думать о своей земле, о ее жителях, преследуя свои личные цели, ради которых они, выступая брат на брата, не брезговали соединением с татаро-монголами, чтобы вместе с ними разрушать, жечь, громить свою родную землю. Но эти личные цели имели в виду и присоединение соседних земель к своей земле, что явилось началом великого процесса объединения русских земель.

В этот период началась новая эпоха жизни Руси: Золотая Орда, раздираемая внутренними усобицами, шла к упадку; русский народ избавился от страха перед татарами, а великие князья московские, объединяя земли вокруг Москвы, становились великими князьями всея Руси.

Как и будет он в городе Киеве
Среди двора княженецкого,
Скочил Казаренин со добра коня,
Привязал коня к дубову столбу,
К дубову столбу, к кольцу булатному,
Походил во гридню во светлую,
Ко великому князю Владимиру,
Молился спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею
И на все четыре стороны.

Полина «Михайло Казарин»

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

В Древней Руси (X—XIII вв.), в домонгольский период, титул **великий князь** принадлежал только князю киевскому. Именовался этим титулом после великого князя св. Владимира тот, кто занимал киевский стол. После вторжения на Русь татаро-монгольской орды и падения Киевского древнерусского государства титул великого князя перешел к владельцу владимирского стола, но уже только на основании получения ханского ярлыка.

Титул **великий князь московский** официально, по получении ханского ярлыка, появился только в первой четверти XIV в., в монгольский период истории Руси, и его приобретение за великие дары хану, борьба за него русских князей, их деятельность явились истоком возникновения и развития Московского княжества, потом Русского царства, а затем и Российской империи. И сам этот титул явился основой сначала для развернутого титула **великого князя московского, государя всея Руси, самодержца**, а затем и полного его титула, отразившего многовековую историю формирования России.

Первым титул великого князя московского получил от ордынского хана в 1325 г. сын князя московского Даниила Александровича, внук Александра Ярославича Невского, Иван I Данило-

вич (1283—1340), прозванный Калитой за привычку всегда носить при себе кошель с деньгами (калиту).

Это было, можно сказать, официальное, скрепленное ханским ярлыком получение титула. В дальнейшем историки стали титуловать всех князей Древней Руси великими князьями, и потому стали приписывать титул великого князя московского и Юрию Долгорукому, и другим московским князьям, в том числе и отцу Калиты — Даниилу Александровичу (1261—1303), получившему в удел Москву в 1293 г. даже не от отца своего (Александр Невский умер в 1263 г., когда Даниил был еще ребенком), а от брата Дмитрия Александровича, великого князя владимирского (в ту пору главного князя Руси) и князя московского.

Даниил Александрович официально не имел титула великого князя. Он был князем московским и явился родоначальником московских князей, впоследствии великих князей и государей «всея Руси» — Иоанна III Васильевича, Василия III Иоанновича, а затем и царей — Иоанна IV Васильевича и Федора Иоанновича.

Даниил получил незначительный удел — маленькое, огороженное, а потому и называвшееся городом поселение, окруженное землями от реки Рузы при впадении ее в реку Москву до рек Ламы и Дубны на северо-востоке, Клязьмы на севере и реки Нары (притока Оки) на западе. Другими словами, в состав Московской волости входили в то время земли Московская, Звенигородская, Рузская, южная часть Дмитровской земли, а также Богородская, Бронницкая и Подольская. Это была именно волость, а отнюдь не княжество. Но князь Даниил Александрович первым начал дело усиления Москвы, превращения Московской волости в Великое княжество московское.

В те времена главным на Руси считалось великое княжение владимирское, и князья вели борьбу сначала за получение у хана ярлыка на великое княжение в своей волости, а потом начинали междоусобную войну за великое владимирское княжение. И это была такая же борьба, как в домонгольский период за великое киевское княжение, только тогда русские князья свергали великих князей киевских в союзе с русскими или литовскими князьями, а теперь, в монгольский период, стали привлекать на свою сторону хана и его войска.

Даниил Александрович не добивался у хана великокняжеского титула, понимая, что пока у него нет оснований для этого. Но чтобы сохранить свою независимость и не оказаться под полной властью великого князя владимирского, нужно было ослабить его власть. А для этого Даниил Александрович объединялся с млад-

шими, удельными князьями сначала в союзе с братом Андреем против брата Дмитрия, великого князя владимирского, а затем против своего брата Андрея, ставшего великим князем владимирским. Но Даниил Московский не только сохранял свои земли, он их и приумножал. В 1301 г. он пошел войной на князя рязанского Константина Романовича, разбил его войско у Переяславля рязанского и взял в плен. Тогда к Москве были присоединены Коломна и Серпухов.

Своей политикой князь московский Даниил Александрович сумел и сохранить московские земли, и приумножить их вдвое, и передать своим детям Московское княжество, подготовив их дальнейшие успехи в деле собирания земель вокруг Москвы и ее возвышения над другими волостями, а затем и великими княжествами.

Князь московский Даниил был похоронен в деревянной церкви святого Михаила (на ее месте ныне стоит Архангельский собор).

Русская православная церковь причислила Даниила Московского к лику святых и в 2003 г. торжественно отметила 800-летие его памяти. Считается, что Даниил Александрович основал Данилов монастырь, который был закрыт в советское время, а теперь снова населен монахами, успешно действует, и на его территории обосновались патриархии палаты и все учреждения Патриархата всея России.

У князя Даниила было пятеро сыновей: Юрий, Иван (Калита), Александр, Афанасий и Борис.

Московские земли наследовал после смерти отца в 1303 г. старший сын Даниила — князь Юрий III Данилович (1281—1325).

Добиваясь владимирского стола, князья шли на самые страшные преступления, которые в соответствии с идеей отмщения несли за собой одно убийство за другим и одно разорение жителей за другим. Не был исключением и князь Юрий Данилович. Но и великие князья владимирские не считались с жителями удельных волостей, пытались войной, разоряя и убивая их, присоединить их земли к своему княжеству да и пополнить свою казну.

Покушаясь на московские земли, великий князь владимирский, князь тверской Михаил Ярославич дважды, в 1305 и 1307 гг., предпринял походы на Москву, и хоть оба похода были для него неудачными, но принесли московской земле и ее жителям большое разорение.

В 1317 г. князь московский Юрий Данилович вместе с ордынскими войсками пошел в поход на великого князя владимирского, князя тверского Михаила Ярославича, но в битве у села Барте-

нева он был разбит, его жена Агафья (Кончака), сестра ордынского хана Узбека, и брат Борис были взяты в плен Михаилом Ярославичем. Юрию Даниловичу удалось бежать в Новгород. Агафья скончалась в плену у Михаила Ярославича, и из мести Юрий Данилович настроил хана Узбека против Михаила Ярославича, внушив ему, что это можно считать преднамеренным убийством его сестры, потому что князь Михаил Ярославич держал ее в плену в таких тяжелых условиях, что она не выдержала и умерла.

Хан Узбек приказал своим ордынцам убить великого князя владимирского Михаила Ярославича, после чего, в 1317 г., князь московский Юрий Данилович стал великим князем владимирским, а в 1323 г. и князем новгородским.

С этого времени между князьями московскими и князьями тверскими началась кровная месть.

Сын князя Михаила Ярославича, Дмитрий Михайлович Грозные Очи, не мог простить Юрию Даниловичу гибель своего отца и из мести 21 ноября 1325 г. убил его прямо в Орде, в ставке хана Узбека. По приказу хана Узбека Дмитрий Михайлович сразу же был взят под стражу и через год, пройдя великие муки, был казнен ордынцами.

Вот так обернулась борьба Москвы за сохранение независимости, а Твери — за первенство на Руси.

Но вернемся к первому великому князю московскому Ивану Даниловичу Калите. Примерно до 30-летнего возраста Иван Данилович не был самостоятельным, а просто помогал своему брату, князю московскому и великому князю владимирскому (1317—1322) Юрию Даниловичу, выполняя все его поручения, а потому деятельность его оставалась как бы в тени. Однако в 1304 г., в отсутствие брата, Иван отправился в Переяславль оборонять город от тверичан. Вместе с московским боярином Родионом Несторовичем он сумел не только отразить их нападение, но и нанести им полное поражение.

Когда князь московский Юрий Данилович получил великое княжение владимирское, он через год уехал в Новгород, а управление Москвой оставил на Ивана, который продолжил его политику присоединения земель и возвышения Москвы и Московского княжества над другими городами и княжествами.

В 1325 г., после гибели Юрия Даниловича, Иван Калита, похоронив брата, поехал в Орду с богатыми дарами и для хана, и для его жен, и для царевичей, и для ближайших к хану вельмож.

15 августа 1327 г. тверичане подняли восстание против ордынцев, во время которого погиб ближайший родственник хана Узбека — Чолхан. Взбешенный Узбек в наказание Твери послал туда

ордынскую «Федорчюковую рать», и Иван Калита присоединился к этой рати. Тверь была подвергнута страшному разорению. Великий князь владимирский, князь тверской и князь псковский Александр Михайлович, второй сын Михаила Ярославича, вынужден был бежать в Псков, а затем в Литву.

А Иван Калита в 1328 г., после своего участия в разгроме Твери в составе «Федорчюковой рати», получил великокняжеский стол владимирский и московский. Правда, хан Узбек разделил великое княжение владимирское между ним и князем суздальским Александром Васильевичем, тоже принимавшим участие в «Федорчюковой рати» против Твери, отдав при этом и столицу Руси, Владимир, Александру Васильевичу. Зато Калита добился у хана Узбека, весьма к нему благоволившего за постоянные великие дары, права «выхода», то есть сбора дани на Руси, что приносило сборщику немалые доходы.

В 1331 г. великий князь владимирский и князь суздальский Александр Васильевич умер, в связи с чем Калита получил и Владимир, и полное великое княжение владимирское.

Еще прежде, в 1299 г., киевский митрополит Максим вместе со своим клиром переехал из Киева во Владимир, и теперь Калита все свои усилия приложил к тому, чтобы в Москву из Владимира была переведена митрополичья кафедра, для чего в Москве было построено митрополичье подворье, потому что при этих условиях Москва становилась духовной столицей Руси. Для этого он сумел приобрести расположение митрополита Петра, наследовавшего кафедру митрополита Максима, создал для него лучшие условия в Москве, чем во Владимире, так что святитель больше время проводил в Москве, чем в других городах. Всеми почитаемый митрополит перевел свою кафедру в Москву. Если Владимир все еще числился столицей Руси, то Москва тоже стала столицей, центром церковной жизни, объединяющим верующих «всая Руси».

Митрополит Петр, признанный русской церковью святым, умер в Москве и был похоронен в Москве, в только что отстроенном и освященном Успенском соборе. Московский Успенский собор, где находился гроб святого Петра, стал святыней для верующих и главным собором Руси.

Преемник святого Петра, митрополит Феогност, вынужден был поселиться на митрополичьем подворье в Москве, потому что в глазах верующих он не имел права оставить Успенский собор с гробом святого Петра.

Все это делало Москву религиозным центром Руси, а великого князя московского главным, старшим великим князем над все-

ми остальными великими и удельными князьями. И это дало право Ивану Калите в своих грамотах присвоить себе титул великий князь всея Руси.

Иван Калита вел политику расширения Московского княжества за счет других волостей. Где подкупом, где куплей, где хитростью, он осуществлял свои замыслы. В 1329 г. ему удалось стать князем новгородским, и тогда он предпринял поход на Псков, где сидел князем его противник Александр Михайлович, князь тверской. Александр Михайлович не мог противостоять этой силе и вынужден был бежать в Литву. Осенью 1337 г. он вернулся в Псков, и хан Узбек простил его и «пожаловал» тверским княжением. В начале 1338 г. князь Александр стал княжить в Твери. Но Калита, по-видимому, помня о разорительных для москвичей набегах тверского князя Михаила Ярославича на Москву в 1305 и 1307 гг., о гибели Агафьи (Кончаки) в плену у Михаила Ярославича, об убийстве его брата Юрия Дмитрием Михайловичем, да и в рассуждении о первенстве Москвы перед Тверью, в очередную свою поездку в Орду очернил Александра Михайловича, князя тверского в глазах хана Узбека. По навету Калиты хан Узбек вызвал в Орду Александра Михайловича и приказал казнить его вместе с его сыном Федором. Приказ его был выполнен там же, в Орде, 28 октября 1339 г.

В княжение Ивана Калиты Москва возвысилась перед остальными городами, и владения ее значительно расширились. В то время как другие земли подвергались набегам ордынцев, результатом которых были ограбленные и сожженные дома, убийство жителей, пытавшихся оградить свои жилища от разграбления, дети, оставшиеся без родителей и пристанища, в это же время в Москве было тихо, спокойно, и летописец отметил в своем писании: «Перестали поганые воевать русскую землю».

Как же удалось князю московскому достичь всего этого?

Во-первых, Калита умел ладить с ордынскими ханами, особенно с ханом Узбеком, с которым он был в дальнем, но родстве: его брат Юрий был женат на Кончаке, сестре Узбека. То, что Калита был любимцем ордынского хана, да еще родственником, знали многие князья, а потому заискивали перед ним и подчинялись ему.

Во-вторых, он умел подчинить себе князей, вступив с ними в родственные связи. Старшую дочь Марию он выдал за князя ростовского Константина Васильевича; вторую, Евдокию, — за князя ярославского Василия Давыдовича Грозные Очи, а младшую, Феодосию, за князя белозерского Федора Романовича. Пользуясь своим титулом великого князя, как старший князь, да еще и

тесть князей Ростовского, Суздальского и Белозерского княжеств, Калита смело распоряжался их уделами и их ратями, считая все эти земли полными властными Москве.

В-третьих, умный и ловкий Иван Калита умел пользоваться обстоятельствами. Из сказанного выше ясно, как он очень ловко воспользовался обстоятельствами в своей борьбе за первенство с великими князьями владимирскими и князьями тверскими. Рязанских князей он заставил подчиняться себе, пользуясь тем, что их земли были расположены на окраине Руси, ближе всех к Орде, и в любое время могли подвергнуться нападению ордынцев. А великий князь Иван Калита, по их мнению, мог бы предотвратить это нападение и неминуемое разорение. Так что рязанские князья шли со своей ратью туда, куда пошлет их старший князь.

В-четвертых, богатый Иван Калита просто покупал и выманивал города и села. Он купил Углич, приобрел посредством купли и обмена села возле Костромы, Ростова, Владимира, на Киржаче, на реке Мсте и даже в Новгородской земле, где было запрещено продавать земли князьям, но ему было можно, потому что с 1329 г. он был князем новгородским, и новгородцы не могли ему это запретить. Да и жены его, великие княгини Ульяна, а потом и Елена, тоже делали прикупы к своим землям, что также расширяло территорию Московского княжества.

В конце княжения Ивана Калиты Москва фактически была уже не волостью, а Московским княжеством, а сам он великим князем московским, над всею Русью старшим.

Понимая, какой привлекательной, а главное, неприступной станет Москва обустроенная, Иван Калита 25 ноября 1339 г. начал строительство дубовых стен Московского Кремля. В знак старшинства Москвы перед Тверью он приказал снять колокол с церкви Святого Спаса в Твери и привезти его в Москву, в Кремль.

Иван I Данилович Калита умер, по одним сведениям, 31 марта 1340 г., а по другим — 31 марта 1341 г., и был погребен в Архангельском соборе Московского Кремля.

От его жен Елены и Ульяны у него было четыре сына: Симеон (Семен) Иванович, по прозвищу Гордый; Даниил, умерший в 16-летнем возрасте в 1336 г.; Иван II Иванович, получивший прозвание Красный, и Андрей Иванович.

По духовному завещанию Ивана I Даниловича Калиты Москву наследовал 23-летний старший его сын Симеон (Семен) Иванович (1317—1353), который получил прозвание Гордый за свой твердый и непреклонный характер. Отец завещал ему, кроме Москвы, еще 25 городов и селений, в числе которых были такие

крупные в то время города, как Можайск и Коломна. Оставил он своему сыну и большое богатство.

После смерти Калиты многие князья отправились в Орду, надеясь получить великое княжение московское. Это был весьма лакомый кусочек: Москва, много лет не разоряемая, была процветающим богатым городом, имевшим уже тогда первенствующее значение среди других городов, включая и Владимир. Но хан без лишних проволочек решил вопрос в пользу Симеона Гордого, сына известного всем и уважаемого великого князя владимирского и московского Ивана Калиты, да к тому же богатого наследника, одарившего хана и его окружение драгоценными дарами. Хан объявил Симеона Ивановича великим князем владимирским и московским. Таким образом, как отметили летописи, вместе с ханским ярлыком «все князи Русские под руце его даны».

Чтобы не было междоусобиц, Симеон заключил со своими братьями, Иваном и Андреем, договор, в котором он величался «Великим князем всея Руси». Братья дали обещание слушаться его и «бысть им за один до живота и безобидно владеть каждому своим», что означало, что всю свою жизнь они будут с братом воедино, но каждый из них «без обиды», то есть без вмешательства великого князя в их внутренние дела, будет владеть своим уделом.

Все князья, и великие, и удельные, в том числе и его братья, слушались его и не проявляли неудовольствия. Даже когда в 1346 г. он позволил себе оскорбительный жест, отослав свою жену Евпраксию обратно к отцу, князю смоленскому Федору Святославичу, то и тогда и сам Федор Святославич и все другие князья промолчали.

Он собирал князей на съезды, внушая им, как важно быть объединенной силой под руководством старшего князя, особенно в условиях татаро-монгольского владычества. Только тогда, говорил он, Русь сможет быть в славе и силе. Конечно, многие русские князья мечтали освободиться от татарского ига, и Симеон как бы подготавливал их к этому. Действительно, к середине XIV в. Золотая Орда потеряла прежнюю силу. На русских южных землях появилась еще одна Орда, враждовавшая с ней. Внутри Золотой Орды велись междоусобицы и распри; замена одного ханского клана другим через убийство не была большой неожиданностью; прежде единое и дисциплинированное татарское войско разделилось на отдельные войска, возглавляемые темниками, не спешащими выполнять все приказания хана. Но время для освобождения Руси еще не пришло. У русских князей не было большого, объединенного войска, и в их сознании была одна идея: «безобидно владеть каждому своим».

Настоящий сын своего отца, Симеон Гордый пользовался теми же средствами, что и Калита: он был в большой дружбе с татарами; а когда казна его истощалась, заставлял новгородцев под военной угрозой покупать у него мир дорогой ценой; и любое обстоятельство использовал в своих интересах.

Так, например, когда великий князь литовский Ольгерд, испугавшись возвышения Москвы и предвкушая богатства, которые он возьмет в Москве, начал против Москвы войну, но получил от Симеона достойный отпор, то решил попросить помощи у Орды и направил туда своего брата. Это была непростая ситуация. Но даже такое положение дел Симеон повернул в свою пользу. Он тоже поехал в Орду и настолько убедительно показал хану, какую опасность представляет для Орды усиление Литвы, что хан выдал ему брата Ольгерда. И Ольгерд вынужден был просить мира у Симеона, только чтобы спасти своего брата.

Великий князь владимирский и московский (с 1341 г.), князь новгородский (с 1346 г.), Симеон Гордый, продолжив политику отца, сумел поднять значение Москвы, уже ранее ставшей духовным центром Руси, до уровня **общерусской столицы**.

Как и в княжение его отца, в Москве и ее землях не слышно было ни о каких татарских набегах и опустошениях, ни о каких несправедливостях со стороны татарских чиновников. И это потому, что Симеон умел ладить с ордынскими князьями. Он ходил в Орду пять раз, то есть через два года на третий, и, конечно, с большими дарами для хана, его жен, детей и его ближайших вельмож, но самое важное — он всегда возвращался оттуда с почетом и пожалованием. Он очень успешно и счастливо княжил около 13 лет (1341—1353), но в 1352 г. из Европы на Русь пришла чума. Много русских людей скосила она. Сначала у Симеона умерли два его сына, а 27 апреля 1353 г. умер и он сам. Ему было тогда всего 36 лет. Его похоронили в Архангельском соборе, ставшем усыпальницей московских князей.

Наследником владими́ро-москoвского великокняжеского стола, преемником своего брата Симеона Ивановича, стал второй сын Ивана Калиты — Иван II Иванович (1326—1359), прозванный Красным за то, что родился на «Красную Горку».

В своей духовной грамоте Иван Калита выделил ему 23 города, в том числе из крупных городов Рузу и Звенигород. Поэтому в княжение Симеона Иван Иванович считался князем звенигородским.

Как и полагалось в то время, Иван Иванович после смерти своего брата Симеона отправился в Орду за получением ярлыка на великое княжение. Но оказалось, что у него объявились сопер-

ники. Первой проявила себя Рязань. В отсутствие Ивана рязанцы во главе со своим, тогда еще юным князем Олегом Ивановичем захватили город Лопасну, взяли в плен наместника, князя Михаила Александровича, и бросили его в тюрьму. Вернувшийся из Орды Иван Иванович освободил его, отдав за него солидный выкуп, и владельца Лопасни, племянника своего Владимира Андреевича вознаградил землями, тоже рязанскими, которые прежде купили его предшественники.

Вторым соперником оказался Константин Васильевич, из рода суздальских и нижегородских великих князей. За него усиленно хлопотали новгородцы. Однако ордынский хан поддержал идею наследования власти старшим сыном, видимо, потому, что и в ордынской практике хотел закрепить такое правило в пользу своих наследников. А потому дал ярлык на великое владимирское и московское княжение сыну Калиты, и тот обосновался во Владимире. Константин Васильевич почти год не признавал великое княжение Ивана Ивановича и примирился с этим только перед смертью, в 1354 г. А новгородцы, поддерживавшие князя суздальского, полтора года считали себя обиженными и не имели мира с великим князем владимирским и московским.

Летописи характеризуют Ивана II Красного как князя спокойного, с миролюбивым характером. За шесть лет своего княжения он не совершил ничего выдающегося, старался объединять земли через объединение князей и прилагал усилия для сохранения того, что передали ему отец и брат. Но при всем его тихом и миролюбивом характере в нем проявлялась иногда кровь его отца и брата. В 1358 г. татарский царевич Мамат-Хожа пришел в Рязань и потребовал от Ивана Ивановича точного разграничения рязанских и московских земель. Перед этим московского князя посетили один за другим два посла, приезжавших за данью. И требование царевича его раздражило. Иван Иванович твердо, ссылаясь на ханские грамоты, не пустил царевича в свои земли.

Как ни странно, но этот тихий милостивый великий князь пользовался у князей авторитетом, и к нему обращались за помощью как к третейскому судье даже такие уважаемые князья, как Василий Михайлович Кашинский и Всеволод Холмский.

Иван II Иванович, великий князь владимирский и московский, умер в Москве 13 ноября 1359 г. Перед смертью он принял схи-му. Погребли его по традиции в Архангельском соборе Московского Кремля.

У Ивана II было только два сына: старший Дмитрий (1350—1389) и Иван, умерший в 1364 г. Когда Иван Иванович покинул сей мир, его сыну Дмитрию было всего 9 лет, но окружавшие его

московские бояре не считали это препятствием для получения им великокняжеского ярлыка, так как он был наследником отца. Однако получил ярлык на великое владимирское и московское княжение не Дмитрий Иванович, а князь суздальский и нижегородский Дмитрий Константинович. Это было неожиданно, потому что до этих пор старшинство московским князьям давали ханы Узбек и его сын Чанибек, милостиво и с большим доверием к ним относившиеся.

Как отметил Н.И. Костомаров, «в это время в Орде произошел перелом, с которого быстро началось ее окончательное падение. Чанибека убил сын его Бердибек, а Бердибека убил полководец Наврус и объявил себя ханом». Именно тогда Дмитрий Константинович при поддержке новгородцев, которые были против московских князей, теснивших их поборами, обратился в Орду за ярлыком и получил титул великого князя владимирского. Он сел на великокняжеском столе во Владимире, предполагая вернуть этому городу его первенство, отнятое Москвой. Но распри в Орде продолжались, Наврус был убит полководцем Хидырем, который тоже объявил себя ханом. Московские бояре этим живо воспользовались: они повезли в Орду уже 10-летнего Дмитрия Ивановича, и хан Хидырь, конечно, отменил распоряжение убитого им предшественника и дал ярлык на великое княжение владимирское и московское Дмитрию Ивановичу, получившему впоследствии прозвание Донской. Но история с враждой и убийствами в Орде не окончилась. Хидырь был ликвидирован его сыном, потом и сына умертвили. В Орде образовались две враждующие партии: партия темника Мамай и партия сарайских вельмож. Жестокий и сильный темник Мамай объявил ханом какого-то Абдулу, а сарайские вельможи выдвинули ханом Мюрида, брата убитого хана Хидыря. Московские бояре, сильно заинтересованные в первенстве Москвы над Русью, поехали к Мюриду и выхлопотали у него ярлык на великое княжение для Дмитрия Ивановича, но потом, убедившись, что партия Мамай берет верх, обратились к Мамаю и у него тоже получили ярлык. Так что Дмитрий Иванович в 1362 г. получил великое княжение сразу от двух воюющих сторон: и от Мюрида, и от Абдулы, а потому Дмитрию Константиновичу пришлось Владимир покинуть. Но жажда быть великим князем владимирским не оставляла его, и в 1363 г. он силой захватил Владимир и в течение недели удерживал его. Дмитрий Иванович собрался уж идти на Дмитрия суздальского войною. Но в это время Дмитрий Константинович чуть было не лишился нижегородской земли, которую он хотел получить после умершего брата Андрея и на которую стал претендовать его

брат Борис. А потому посчитал разумным помириться с Москвою и с ее помощью получить Нижний Новгород. Этот мир должен был быть скреплен обязательством князя Дмитрия Ивановича жениться на дочери Дмитрия Константиновича, княжне Евдокии. Когда Дмитрий, князь московский, увидел Евдокию, он с радостью согласился выполнить это обязательство. Не возражала против замужества и Евдокия Дмитриевна, которой очень понравился статный и красивый молодой человек.

В 1365 г. московские бояре подготовили свадьбу 15-летнего великого князя владимирского и московского Дмитрия Ивановича с княжной Евдокией. В это время сын Дмитрия Константиновича Василий Кирдяпа привез своему отцу великокняжеский ярлык, но Дмитрий Константинович от него отказался, возможно, в пользу счастья своей дочери, не желая расстраивать ее свадьбу.

Евдокия Дмитриевна стала единственной и, надо думать, любимой женой Дмитрия Донского. За ее деятельность, направленную на строительство и поддержание женских монастырей, она была причислена Русской православной церковью к лику святых.

В том же году на Москву обрушилось большое несчастье: пожар уничтожил почти весь город. Но, как говорится, «нет худа без добра» — в 1367 г. Дмитрий Иванович предпринял строительство белокаменного Кремля.

Притязания на главный великокняжеский стол не прекращались. Князь тверской Михаил Александрович мечтал стать великим князем владимирским и московским. Он получал ярлыки на великое владимирское княжение осенью 1370, весной 1371 и летом 1375 г. Но все три раза Дмитрию Ивановичу, поддерживаемому московскими боярами и первопрестольником Русской церкви митрополитом Алексием, удавалось преодолеть попытки отнять у него титул великого князя. Это было не просто: сестра Михаила Александровича, Иулиания (Ульяна), была замужем за великим князем литовским Ольгердом, и тверской князь имел в лице зятя сильную поддержку.

События начались в 1368 г. В борьбе с великим московским князем Михаил, раздраженный своим неуспехом, уехал в Литву к Ольгерду и уговорил его идти войной на Москву. В Москве узнали о нашествии только тогда, когда Ольгерд со своим братом Кейстутом, племянником Витовтом, с тестем Михаилом Александровичем, литовскими князьями и смоленскою ратью подошел к московской границе.

Москва не была готова к встрече врага. Подручных, удельных князей, не успели вызвать. Пришлось обороняться только сила-

ми москвичей. Дмитрий выслал навстречу Ольгерду рать с воеводой Дмитрием Мининым, а его двоюродный брат Владимир Андреевич, князь серпуховский и боровский, послал рать с воеводой Акинфом Шубой. Литовцы, имея тысячные силы, на своем пути разрушали все: жгли села, грабили население, убивали людей. Московская рать не могла противостоять этой силе, и 23 декабря 1368 г. на реке Тростне она была разбита в прах, оба воеводы в этой сече были убиты. Ольгерд подошел к Москве.

Великий князь Дмитрий, его двоюродный брат Владимир Андреевич, митрополит Алексей, бояре, народ заперлись в Кремле за его новыми белокаменными стенами. Посад около Кремля москвичи заранее сожгли. Три дня зимой на выгорелом поле стояли войска Ольгерда под стенами Кремля, но белокаменных стен не смогли одолеть. Долго держать осаду в таких условиях было невозможно, к тому же могли подоспеть рати подручных Дмитрию князей. Возвращаясь назад, Ольгерд все сжигал и разорял, угонял скот и брал в плен людей. Он учинил Московской волости такой разгром, какой можно было сравнить с нашествием Батыя.

Чтобы восполнить урон, москвичи ограбили Смоленскую волость, как бы в отместку за то, что их рать шла на Москву с литовцами. Потом нанесли урон тверичанам: так же, как литовцы, все пожгли, ограбили население, угнали скот и взяли пленных для восполнения потерь в людях.

Вот тогда, в 1370 г., князь тверской Михаил Александрович отправился в Орду и получил ярлык на великокняжеское достоинство от очередного хана Мама-н-Салтана, посаженного Мамаем. Узнав об этом, москвичи поставили на дорогах заслон, чтобы изловить его, и Михаилу пришлось бежать в Литву.

Жена Ольгерда, Иулиания, уговорила мужа помочь ее брату и снова пойти на Москву. 6 декабря 1370 г. войско Ольгерда подошло к Москве. Ситуация повторилась, только теперь не за три, а за восемь дней литовцы взять Москву не смогли. Ольгерд посчитал за лучшее заключить с Дмитрием Ивановичем перемирие и даже предложил выдать свою дочь Елену за князя Владимира Андреевича.

Молодой великий князь Дмитрий Иванович, с молодых ногтей окруженный московскими боярами и придворными его государева двора, привык во всем советоваться с ними и со своим двоюродным братом, храбрым воином князем Владимиром Андреевичем. Многие историки считают, что Дмитрий Иванович не был самостоятельным в своих поступках, не обладал большим умом и имел противоречивый характер. «По некоторым чертам можно даже допустить, — пишет Н.И. Костомаров, — что он был че-

ловек малоспособный и потому руководимый другими, и этим можно отчасти объяснить те противоречия в его жизни, которые бросаются в глаза: то смешение отваги с нерешительностью, храбрости с трусостью, ума с бестактностью, прямоты с коварством, что выражается во всей его истории». Вслед за Костомаровым в своей «Энциклопедии» («Все монархи мира. Россия») Константин Рыжов слово в слово (почему-то без кавычек) повторяет эту характеристику.

Конечно, трудно угодить уважаемым историкам. Если советуется князь со своими приближенными, «думает с ними думу», то, с точки зрения одних, это демократия, а с точки зрения других, — отсутствие самостоятельности; а если все решает только сам, то, с точки зрения одних, это самостоятельность, а с точки зрения других, — самодержавие и тирания. А что касается «смешения» положительных и отрицательных качеств, указанных Н.И. Костомаровым, а затем и К. Рыжовым, то без серьезных доказательств эта характеристика неубедительна.

Наш народ ценит Дмитрия Донского за его решительность и смелость выступления против Орды, за победу в Куликовской битве, за его ум и способности великого князя.

Неумный человек не может быть способным полководцем, а князь Дмитрий Иванович в 1371 г. в походе на Рязань одержал победу в битве на реке Скрынице.

В ответ на вторжение на московскую землю князем Тверским Михаилом Александровичем и сожжение им Торжка великий князь московский Дмитрий Иванович в августе — сентябре 1375 г. предпринял поход на Тверь, осадил город и вынудил князя тверского заключить с ним перемирие.

Когда в 1378 г. Мамай отправил в поход на Москву ордынского князя Бегича с большим войском, Дмитрий Иванович, узнав о приближении врага, срочно собрал все возможные русские силы и выступил с ними в рязанские земли, за Оку. Там он встретился с войсками Бегича у реки Вожи. Как мудрый полководец, великий князь московский рассчитал расположение русских сил для битвы и потому, когда татары, переправившись через Вожу, с криками кинулись на русские полки, они попали как бы в котел: с одной стороны по ним ударил князь пронский Даниил, с другой — московский окольничий Тимофей, а сам великий князь встретил их лицом к лицу. Такой встречи татары выдержать не могли, они бросились бежать к реке. Одни утонули в реке, других перебили. На следующий день русские нашли в степи и захватили весь ордынский обоз. Мамай был взбешен, клялся не успокоиться до тех пор, пока не отомстит Дмитрию московскому.

И Дмитрий Иванович, теперь уже признанный великим князем всея Руси, стал зорко следить за действиями Мамай и готовится к великой битве.

Вожская победа русских войск над ордынцами под водительством великого князя московского показала русским, что они могут быть сильнее ордынцев, а потому стала предвестницей победы на Куликовом поле.

Летом 1380 г. до великого князя Дмитрия дошли известия, что Мамай перекочевал через Волгу и остановился при устье реки Воронеж, что с ним вступил в союз литовский князь Ягайло и обещал соединиться с ним 1 сентября. Великий князь всея Руси Дмитрий Иванович без промедления начал собирать полки подручных князей, к ним присоединился с войском тверским племянник великого князя тверского Иван Всеволодович Холмский. Дмитрий приказал всем полкам собраться в Коломне 15 августа. Перед выступлением из Москвы со своими московскими полками Дмитрий Иванович посетил Троицкий монастырь, где получил благословение преподобного Сергия Радонежского, основателя этого монастыря. Благословляя Дмитрия на войну, Сергий предсказал ему победу, которая достанется ему в тяжелом кровопролитном бою и с большими потерями. Преподобный Сергий послал с ним в поход двух своих монахов — Пересвета и Ослябю, которые до монашества отличались большой силой и мужеством.

В Коломне Дмитрий Иванович принял под предводительство огромную рать в 150 000 человек. Такой силы на Руси никогда еще не собиралось.

Мамай, то ли с целью выведать, какова собралась сила в Коломне, то ли кончить дело миром, прислал в Коломну своих послов с требованием дани в том размере, какую платила Русь при Узбеке и Чанибеке. Но Дмитрий Иванович решительно отверг это требование. Зная, что Мамай не пойдет на уступки, он предложил ему малую дань, какая была оговорена им и Мамаем в последнее их свидание в Орде.

В августе 1380 г., как и предполагалось, темник Мамай предпринял карательный поход на Русь. 20 августа Дмитрий Иванович, возглавив объединенную русскую рать, выступил из Коломны, направился на запад и стал на Оке, где присоединились к нему князь серпуховский Владимир Андреевич со своим войском и большой воевода московский Тимофей Васильевич Вельяминов с остальными полками и мужской частью государева двора.

Выслушав мнение своих соратников, Дмитрий Иванович принял решение переправиться за Дон и приказал мостить мосты и искать брод. 7 сентября поздно вечером полки переправились за

Дон, а 8 сентября утром при устье реки Непрядвы русские полки выстроились в ожидании прихода татар. Татары явились в полдень и стали спускаться с холма на Куликово поле. Русские сторожевые полки спустились тоже, и началась битва столь кровопролитная, что такой не видели ранее никогда. Когда татары стали одолевать, в битву с двух сторон ворвались свежие русские силы, стоявшие в засаде, с одной стороны под предводительством князя Владимира Андреевича, а с другой стороны — воеводы московского Дмитрия Михайловича Волынского-Боброка. Татары опять попали в «котел», да еще и со свежими русскими силами. Это решило участь битвы. Мамай, увидев с холма, что поражение его неминуемо, обратился в бегство. Русские воины гнали татар до реки Мечи и овладели всем их станом. Это была большая победа, но, как и предсказал преподобный Сергей, досталась она большой кровью. Много погибло на Куликовом поле русских воинов, погибли и монахи, посланные Сергием, — Пересвет и Ослябя, богатыри, одолевшие огромное количество татар и внесшие весомый вклад в победу. Из 150-тысячного войска осталось в живых только 40 тысяч.

Когда Владимир Андреевич велел протрубить победный сбор, все ратники, оставшиеся в живых, собрались вместе, но не было с ними великого князя Дмитрия Ивановича. Долго искали его и нашли под ветвями недавно срубленного дерева, оглушенного, едва дышащего, в измятом и избитом панцире, хотя тело его, к счастью, не имело смертельных ран.

А его любимец, Михаил Андреевич Бренк, на котором были надеты латы и шлем великого князя, погиб в сражении под великокняжеском черным знаменем. Вот на этом основании сделан был вывод, что Дмитрий Донской оказался трусом и, якобы сделав себе подмену, сам спрятался под срубленным деревом, чтобы спастись. Но это только предположение, а оно не является доказательством. И выдвинуто оно историком. Народ же прославил великого князя московского и всея Руси Дмитрия Ивановича, присвоив ему звание царя русского и закрепив за ним прозвание Донской.

В «Слове о житии и преставлении Дмитрия Ивановича Донского, царя русского», предположительно написанном Епифанием Премудрым, талантливым писателем конца XIV — начала XV в., Дмитрий Иванович Донской именуется «царем русским», что весьма показательно, потому что «царем» до этого русские люди называли только ордынского хана.

Основным важным значением деятельности Дмитрия Донского обычно считается его победа в Куликовской битве, хотя, надо

сказать, что больших сдвигов в отношениях Руси с Ордой она не принесла: русские князья и после победы на Куликовом поле ездили в Орду за ярлыком, и самому Дмитрию Донскому после его победы пришлось платить дань Орде, и Москва была захвачена войсками Тохтамыша и сожжена дотла, и даже сыну Дмитрия Донского — Василию Дмитриевичу после смерти отца пришлось получать ярлык от ханского посла Шахмата.

Но главное, что принесла Куликовская победа, — она подняла дух русского народа, угнетенного татарским игом, показала, что русские люди могут справиться с татарами, она освободила русских людей от страха перед ордынцами, вселила не только надежду, но уверенность в том, что Русь, когда придет время, сможет освободиться от татарского гнета.

После Куликовской битвы на долю Дмитрия Донского выпали не только радости победы, но и горе потери москвичей и полного разорения и сожжения Москвы.

В июле 1383 г. Тохтамыш осторожно и тайно двинулся на Русь, предполагая напасть на русских внезапно и тем обрести победу. Используя принцип осторожного подхода и внезапности нападения, он сумел ограбить и разорить города Юрьев Польский, Звенигород, Можайск, Боровск, Рузу, Дмитров. Дмитрий Донской, понимая, что Тохтамыш непременно пойдет на Москву, а дать ему достойный отпор невозможно, потому что в Куликовской битве погибло огромное количество москвичей, отправился сначала в Переяславль, а потом в Кострому набирать войско. В Москве, в отсутствие великого князя и ввиду приближения отрядов Тохтамыша, начались волнения. Народ, как обычно в таких случаях, сжег свои посады и переселся в Кремле. Оставаться в осажденной Москве было опасно, но из Кремля никого не выпускали. С большим трудом уговорили выпустить великую княгиню Евдокию, супругу Дмитрия Донского, и митрополита Киприана. Это и сохранило им жизнь.

23 августа войска Тохтамыша подошли к стенам Москвы и на следующий день попробовали взять город приступом. Тохтамыш понял, что взять город приступом ему не удастся, а потому пошел на хитрость. Он заставил нижегородских князей, предавших ему при условии, что татары обойдут стороной их волость, дать москвичам клятву, что Тохтамыш никого не тронет, если москвичи примут его с честью. Но как только москвичи открыли ворота и вышли навстречу ему с дарами, татары ворвались в Москву и стали убивать направо и налево всех, кто попадался под руку, а затем, пограбив город, сожгли его. Варвары сожгли огромную библиотеку, книги, привезенные из разных городов в Москву, считавшуюся местом безопасным.

Разорив и спалив Москву, Тохтамыш разослал в разные стороны свои отряды, чтобы пограбить и другие города. Один из таких отрядов под Волоком Ламским наткнулся на князя серпуховского и боровского, героя Куликовской битвы, Владимира Андреевича Храброго, двигавшегося с войском, по-видимому, на помощь Дмитрию Донскому. Владимир Андреевич вступил с этим отрядом в сражение и впрах разбил ордынцев. Тохтамыш, узнав о поражении, испугался и тотчас направился в Орду, по дороге захватив и разорив Коломну и опустошив рязанскую землю, тем самым обманув князя рязанского Олега Ивановича, которому обещал не трогать его волости за то, что Олег показал ему броды на Оке.

Вернувшись в сожженную Москву, Дмитрий Донской вынужден был начать свое княжение с очистки города от убитых. Ему пришлось похоронить около 24 тысяч человек.

Как отметил летописец, «оскудела вся земля Русская воеводами, и слугами, и всяким воинством», а потому еще и владычествовали татары на Руси.

Тверской князь Михаил, борющийся с Москвой за первенство, решил воспользоваться московским несчастьем и поехал в Орду получать ярлык на московское княжение. Дмитрий, чтобы удержать Москву с своих руках, вынужден был послать в Орду своего сына Василия. В Орде хан взял Василия в заложники и потребовал от Дмитрия Донского 8000 рублей выкупа. Дмитрию пришлось заплатить хану великую дань.

Великий князь рязанский Олег Иванович, сотрудничавший и с Мамаем, и с Тохтамышем, опасался наказания от великого князя всея Руси Дмитрия Донского и бежал в Литву. Дмитрий хотел было посадить в Рязани своих наместников, но увидел, что в этой ситуации им трудно будет там удержаться, а потому решил помириться с Олегом Ивановичем и заключил с ним договор. По этому договору князь рязанский признал себя младшим братом Дмитрия Донского и уступил ему некоторые рязанские земли, обязался порвать с Литвой и действовать с великим князем московским заодно. Однако в 1385 г., собрав войско, Олег Иванович снова двинулся на Москву. Неожиданно он захватил Коломну. Дмитрий послал на него свои войска, и они разгромили рязанцев. Стараясь остановить кровопролитие между соотечественниками, Дмитрий Донской обратился к преподобному Сергию Радонежскому, и тот сумел склонить Олега Ивановича к вечному миру. Новый договор скрепили брачным союзом Федора, сына Олега, с Софией, дочерью Дмитрия Донского.

Великий князь Дмитрий Иванович заключал договоры о мире и взаимопомощи со всеми князьями, даже со своим любимым

братом Владимиром Андреевичем, князем серпуховским и боровским, который всегда был опорой, деятельным помощником и единомышленником для него. По первому договору Владимир Андреевич обязался поддерживать великое княжение Дмитрия, служить «честно», без ослушания, в походы выступать лично вместе с князем, но если князь пошлет своих воевод, то и Владимир пошлет воевод. За ослушание серпуховских воевод в походе великий князь волен был их наказывать. Великий князь Дмитрий Иванович обязался кормить Владимира Андреевича за службу.

Второй договор был заключен в 1371 г. Он включал обязательство Владимира Андреевича не искать великого княжения ни при Дмитрии Ивановиче, ни при его сыновьях; старшего сына Василия считать своим старшим братом и повиноваться ему.

Прошло восемь лет, и в 1389 г. между братьями произошла ссора. Дмитрий Иванович решил воспользоваться своим правом наказывать серпуховчан, схватил провинившихся бояр серпуховских и заключил их под стражу. Это не понравилось Владимиру Андреевичу. Так возникла ссора. Но Дмитрий Донской повинился перед братом, они помирились и заключили третий договор, по которому Дмитрий назывался не старшим братом, а отцом Владимиру, старший его сын Василий старшим братом Владимира, второй сын Юрий братом, а младшие сыновья — младшими братьями. Этот последний договор говорит о том, что Дмитрий Донской уже готовился к смерти и потому подготавливал почву для будущих своих наследников. Теперь наследование княжения шло не по старшинству родственников-князей, а по старшинству наследников-сыновей, то есть не от брата к брату по старшинству, а от отца к сыну по старшинству. Именно этот принцип заставил Дмитрия Донского в 1383 г., когда умер его тесть Дмитрий Константинович, князь нижегородский, а его брат Борис получил ярлык на княжение, вступить за сыновей Дмитрия Константиновича и принудить Бориса уступить им Нижний Новгород. Правда, тогда он преследовал и еще одну цель — сыновья полностью подпадали «под руку великого князя».

Дмитрий Иванович Донской, великий князь владимирский и московский, великий князь всея Руси, умер 19 мая 1389 г. совсем молодым, 38 лет и 5 месяцев от роду, в доме своем, на руках своей великой княгини Евдокии Дмитриевны. Похоронен он был в соборе архангела Михаила (Архангельском соборе). Он завещал своим сыновьям и своим боярам служить великой княгине Евдокии, уважать ее и слушаться, подчиняться ей. Великое княжение он завещал своему сыну Василию и просил бояр служить мо-

лодому великому князю так же, как они служили все эти годы ему самому.

Автор «Слова о житии Дмитрия Ивановича Донского» показал значимость Дмитрия Ивановича Донского не только для Руси, но и для мира, сравнив его с самыми великими мировыми деятелями: «Восхваляет земля Римская Петра и Павла, Азиатская — Иоанна Богослова, Индийская — апостола Фому, Иерусалимская — брата господня Иакова, и Андрея Первозванного — все Поморье, царя Константина — Греческая земля, Владимира — Киевская с окрестными городами, тебя же, Великий князь Дмитрий, — вся Русская земля».

9 июня 1988 г. на Поместном Соборе Русская православная церковь канонизировала Дмитрия Донского как святого Русской земли.

У Дмитрия Донского и Евдокии Дмитриевны было восемь сыновей и четыре дочери.

Сыновья: Даниил (род. 1371 и, по-видимому, скоро умер), Василий I, великий князь владимирский и московский (1371—1425), Юрий, князь галицкий (род. 1374), Семен (Симон, ум. 1379), Иван (1380—1393), Андрей, князь Можайский (1382—1432), Петр, князь дмитровский (1385—1428), Константин, князь угличский (1389—1434). Дочери: София, с 1387 г. супруга князя рязанского Федора Ольговича; Мария (ум. 1399), с 1394 г. супруга князя Семена (Лугвения) Ольгердовича, из рода Гедиминовичей; Анастасия, с 1397 г. супруга князя Ивана Всеволодовича Холмского; Анна (род. 1389).

После смерти Дмитрия Донского владимирский и московский стол занял, по завещанию отца, старший его сын Василий I Дмитриевич (30.12.1371—27.02.1425), которому в то время было около 18 лет. Основной его советницей и наставницей стала его мать великая княгиня Евдокия Дмитриевна.

Напомним читателю, что в 1383 г. Василий по просьбе отца поехал в Орду, чтобы не дать тверскому князю Михаилу, пытавшемуся воспользоваться трудностями Москвы, получить ярлык на владимирское и московское великое княжение. Хан не дал ярлыка Михаилу, но задержал Василия Дмитриевича в Орде в качестве заложника и запросил за него у Дмитрия Донского выкуп в размере 8000 рублей. Пока решался вопрос не только о выкупе сына, но и о великой дани, прошло около трех лет, и в 1386 г. Василию удалось бежать из Орды. Спасаясь от преследования, он сначала скрывался в Молдавии, оттуда перебрался в Литву, к великому князю литовскому Витовту Кейстутовичу. Там он познакомился с дочерью Витовта, Софией, и обещал жениться на ней. Свое обещание

он выполнил только через пять лет, 9 января 1391 г. В Москву Василий прибыл 19 января 1387 г.

Через три месяца после смерти Дмитрия Донского ордынский хан, видимо, чтобы закрепить договор о дани, заключенный с его отцом, послал к князю Василию своего посла Шахмата с ярлыком на великое княжение во Владимире и Москве. Шахмат вручил ярлык Василию Дмитриевичу 15 августа 1389 г.

Став великим князем владимирским, Василий I Дмитриевич продолжил дело отца по возвышению Москвы, освобождению Руси от татарского ига и защите ее от немецких и литовских нашествий. По завещанию Василий получил от отца самые значимые города: Владимир, Кострому, Коломну, Переяславль. В 1390 г. Василий отправился в Орду и за большие деньги получил там ярлык на княжение в нижегородской земле, где, отстранив наследников, княжил Борис Константинович. Василий на основании полученного им ярлыка посадил в Нижнем Новгороде своих наместников, а князя Бориса Константиновича приказал заключить под стражу. Нижегородская волость дала ему также города Муром, Городец, Таруса и Мещера. Позднее была присоединена и Вологда.

Ордынские ханы и темники не удовлетворялись только получением дани, которая в основном оседала у хана, им хотелось получить и побольше, а потому они с целью ограбления русских княжеств, а заодно и устрашения населения один за другим предпринимали походы на Русь. Но наступили другие времена, и ордынцы, раздираемые междоусобицами и уже вкусившие горечь поражения от русских, перестали чувствовать себя на Руси в безопасности и стали действовать осторожно. А русские князья, напротив, приобретали все большую уверенность и после 1395 г., когда среднеазиатский правитель Тимур (Тамерлан) разгромил ордынских татар, с ханами вообще перестали считаться. Однако Василий Дмитриевич старался поддерживать с золотоордынскими ханами хорошие отношения.

В 1395 г. Москва была спасена от нашествия Тимура, который, двигаясь на Москву, 8 июля захватил, разграбил и сжег Елец. 26 августа он подошел к Москве, но по необъяснимой причине Москву не взял, а повернул войска и пошел в Среднюю Азию. Москвичи это таинственное и неожиданное решение Тамерлана объяснили тем, что защита пришла от Владимирской иконы Божией Матери, крестным ходом с которой накануне была обнесена Москва. В память об этом событии Православная церковь установила ежегодно 26 августа празднование Сретения Владимирской иконы Божией Матери.

В 1404 г. тесть Василия I — литовский великий князь Витовт Кейстутович — присоединил к Литве Смоленск.

Для Москвы этот год ознаменовался большим культурным событием: по указанию великого князя Василия Дмитриевича монах Лазарь установил на Фроловской (Спасской) башне Московского Кремля первые на Руси башенные механические часы. Надо отметить, что в княжение Василия I произошло много культурно-исторических событий. Так, успешно развивалась иконописная живопись в работах Феофана Грека (после 1405 г.), св. Андрея Рублева (после 1405 г.), Даниила Черного. Преподобный Савватий Соловецкий (ум. 14.11.1426) основал Соловецкий монастырь; Никон Радонежский, ученик преподобного Сергия Радонежского, восстановил Троицкую обитель (Троице-Сергиев монастырь) после разорения его Едигеем.

Зимой 1408 г. темник Едигей, решив восстановить ордынское владычество, двинулся на Русь с многотысячным войском. Понимая, что «идти на вы» ему опасно, он распространил слух, что идет воевать Литву. Он явился под Москвой внезапно и опустошил Переяславль, Верею, Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород, Городец и Клин. Татары с особой жестокостью перебили много жителей этих городов, пожгли их дома, а потому много людей, оставшихся зимой без крова, погибли от холода.

Василия I в Москве в это время не было, он уехал в Кострому, а Москву оставил на своего дядю Владимира Андреевича Храброго. Едигей подошел к стенам Кремля, но штурмовать Кремль не стал, а запросил выкуп в 3000 рублей. Владимир Андреевич распорядился выкуп ему выдать, но ворота Кремля не открывать. Взяв выкуп, Едигей удалился в степь. Так отстояли Москву от нашествия, погубившего много городов и их жителей.

В 1410 г. Василий I послал свое войско под командование польского короля Владислава II против войска Великого магистра Тевтонского ордена Ульриха фон Юнгингена. 15 июля 1410 г. состоялась Грюнвальдская битва. Против тевтонцев собрались объединенные польские, русские, литовские, татарские и чешские войска, которые окружили и разгромили войско Ордена.

Василий I Дмитриевич умер от моровой язвы 27 февраля 1425 г. Он похоронен в Архангельском соборе Московского Кремля.

Василий I с помощью матери великой княгини Евдокии Дмитриевны сохранил Москву как православный центр Русского государства, объединявшего через верующих все волости Руси, собрал вокруг Москвы много городов с их волостями, в том числе и Нижний Новгород в 1412 г. Но против татарского ига он не выс-

тупал, так что после его смерти Русь продолжала находиться под татаро-монголами.

У великого князя Василия I и его жены, великой княгини Софии Витовтовны, было пять сыновей и три дочери. Сыновья: Юрий (1393—1400), Иван (1396—1417), Даниил (1401—1402), Семен (род. и ум. 1405), Василий (II). Дочери: Василиса, Анна (1400—1417), Анастасия.

Почему-то у Софии Витовтовны сыновья рано умирали, так что ко времени кончины Василия I в живых остался только Василий, которому в то время было всего 10 лет. Однако Василий I завещал ему быть великим князем московским. И московские бояре одобрили это завещание.

Так внук Великого князя московского Дмитрия Донского, князь Василий II Васильевич (1415—1462), стал в 1425 г. великим князем московским по завещанию его отца Василия I Дмитриевича, великого князя владимирского и московского.

Но с этого времени началась междоусобная война Московской княжеской династии, которая продолжалась до 1453 г. и окончилась победой Василия II Васильевича, ослепленного его братом Шемякой и потому прозванного Темным.

А началась эта война так. Князь галичский и звенигородский Юрий Дмитриевич считал завещание родного брата несправедливым, потому что оно, по его мнению, разрушало, во-первых, старый порядок передачи стола от брата к брату, а во-вторых, противоречило завещанию его отца, Дмитрия Донского, который предполагал именно старый порядок замещения стола, а следовательно, после смерти Василия I московский стол должен был перейти к нему, следующему по старшинству брату, а не к его племяннику.

Исходя из этого, Юрий Дмитриевич, князь галичский (костромской) и звенигородский, не признал своего племянника Василия II великим князем и объявил великим князем московским себя, но встретил решительный отпор со стороны духовенства и московских бояр, не желавших пришествия в Кремль вместе с ним бояр галичских.

Чтобы закрепить сына на великокняжеском московском столе, великая княгиня София Витовтовна в 1427 г. поехала в Литву к отцу, великому князю литовскому Витовту, и поручила ему под надзор своего сына Василия и его Московское княжество. Юрий Дмитриевич не имел теперь возможности противостоять такой патронажной силе, а потому сделал вид, что смирился, и пообещал не искать великого княжения под Василием. Но в 1430 г. Витовт умер, и его место занял Свидригайло, что придало силы

Юрию Дмитриевичу в его искании великого княжения, и он обратился в Орду за поддержкой, но суд Орды не признал его притязаний, и 5 октября 1432 г. ордынский царевич Мансыр-Улан поставил на московский великокняжеский стол князя Василия II Васильевича. На решение ордынского суда повлияли доводы московского боярина Ивана Дмитриевича Всеволожского, ловкого, хитрого и весьма изобретательного в делах человека, который, по преданию, сумел уговорить хана поставить Москве великого князя в лице Василия II по своему ханскому желанию, самолично, а не идти на поводу каких-то древних русских традиций. За эту услугу Василий Васильевич обещал ему жениться на его дочери. Однако слова не сдержал не по своей вине, а о воле его матери Софии Витовтовны, женщины с весьма твердым характером, которая предпочла ему в жены Марию Ярославну, внучку Владимира Андреевича, который всегда был другом Василия I и его верным соратником. Но Всеволожский обиделся и, вспомнив древнерусское право боярина выбирать себе суверена для службы ему, перешел на службу к князю Юрию Дмитриевичу, чем еще более обострил ведущуюся междоусобную войну.

Князь звенигородский Юрий Дмитриевич, родной дядя Василия Темного, не согласился с решением Орды, которую тогда уже никто не боялся, а потому, решив силой захватить великое княжение, собрал большую рать и в апреле 1433 г. двинулся на Москву против великого князя московского Василия Васильевича, которому в ту пору было уже 16 лет. Застигнутый врасплох, Василий не смог собрать нужное количество ратников и послал своих бояр к Юрию просить мира. Бояре не добились мира в переговорах с Юрием, хотя, как отметила летопись, «и была между боярами брань великая и слово недоброе».

Василий, в спешке собрав не подготовленную к битве рать, двинулся навстречу дяде. В 20 верстах от Москвы, на берегу Клязьмы, произошла битва между дядей и племянником, потомками Дмитрия Донского и Ивана Калиты, завещавшими им мир и дружбу. Ратники Василия II были перебиты, сам он, его жена Мария Ярославна и мать София Витовтовна были взяты в плен. Сыновья Юрия — Василий Косой и Дмитрий Шемяка — стояли за то, чтобы от пленных избавиться тотчас же, но Юрий, по совету его боярина Семена Морозова, отверг это предложение, не решившись на такое преступление. Напротив, он отпустил пленных и дал Василию Васильевичу в удел Коломну, а себя провозгласил великим князем московским. Но люди не приняли его великокняжества.

По прибытии в Коломну вместе со своими боярами, Василий стал призывать к себе отовсюду людей, желающих служить ему. И к нему отовсюду стали прибывать князья, бояре, дети боярские, дворяне, воеводы, придворные чины и слуги великокняжеского двора. Не признав Юрия великим князем, даже окружавшие его люди стали переходить на службу к Василию. Юрию, опасавшемуся насилия, ничего не оставалось делать, как обратиться к Василию, вернуть ему великое княжение и отправиться к себе в Галич. Но его агрессивно настроенные сыновья Косой и Шемяка продолжали войну против Василия и на реке Куси разбили один из московских отрядов. Тогда Василий, узнав, что Юрий не сдержал данного слова и его рать билась на реке Куси вместе с войском его сыновей, принял решение действовать, и зимой 1434 г. пошел к Галичу, захватил город и сжег его. Юрий бежал на Белоозеро, а весной этого же года вместе со своими сыновьями направился войной на Москву. Василий двинулся ему навстречу, и в Ростовской волости, у горы св. Николы их войска встретились. Василий потерпел поражение. Ему пришлось бежать сначала в Новгород, а потом в Нижний Новгород, откуда он собирался идти в Орду, чтобы искать поддержки. В это время до него дошла весть, что Юрий Дмитриевич скоропостижно скончался и на московский стол сел Василий Юрьевич Косой, прозванный так за косоглазие. Но просидел Косой великим князем всего только один месяц, потому что его братья — Шемяка и Красный заключили с Василием II договор, по которому они изгоняют Косого с московского стола, Василий остается великим князем московским и за это наделяет их землями.

Косой был из Москвы изгнан, лишен уделов, но на этом война не окончилась. Косой собрал войско и опять пошел воевать Москву. Москвичи разбили его, взяли в плен и по приказу великого князя Василия ослепили его, выколов ему глаза. Такого его братья Шемяка и Красный простить не могли. И они стали ждать отмщения. Но ждать им пришлось более 10 лет.

В 1445 г. на Русь пошел войной хан Улу-Мухаммед. Он захватил Нижний Новгород и пошел к Мурому. Василий вышел ему навстречу, но хан стал лавировать, и битва не состоялась. Во второй встрече с татарами Василий проиграл сражение и, несмотря на его храбрость в битве, несмотря на то что он изо всех сил отбивался от татар, но окруживших его врагов было так много, что он, весь израненный, не смог устоять, был взят татарами в плен и привезен в Орду к Улу-Мухаммеду. Конечно, Улу-Мухаммед запросил за его жизнь большой выкуп, Василий обещал заплатить, и был отпущен на волю, а с ним и несколько отрядов татар, кото-

рые выехали то ли на службу к великому князю московскому, то ли за получением выкупа.

Когда Василий II вернулся в Москву, его ждала выгоревшая столица и множество бедствующих людей без крова. А он привез им тяжелую весть о новых податях, которые им надо платить, чтобы отдать татарам выкуп за него. Да еще привел с собой несколько отрядов татар, что очень не понравилось его боярам и служителям его великокняжеского двора. Этой атмосферой всеобщего неудовольствия и воспользовался князь галицкий Дмитрий Юрьевич Шемяка, столько лет мечтавший отомстить Василию за ослепление брата, Василия Косого. В 1446 г. он составил заговор против Василия, в который вошли князь Можайский Иван Андреевич, князь тверской Борис Александрович, московские бояре, несколько купцов и даже монахи. Выждав, когда Василий II поехал в Троицкий монастырь на молебен, заговорщики ночью 12 февраля врасплох овладели Москвой. Разграбив великокняжескую казну, они схватили мать Василия, великую княгиню Софию Витовтовну, его жену, великую княгиню Марию Ярославну, беременную и с двумя детьми: годовалым Семеном и двухлетним Борисом, и заточили их. (Пятилетний Юрий и шестилетний Иван были в это время с отцом на богомолье.) Схватили также всех верных Василию бояр, разграбили их дома и взяли их под стражу. А князь Можайский Иван в ту же ночь со своей дружиной отправился в Троицкий монастырь.

Несмотря на то, что Василий был предупрежден о надвигающейся беде, он не предпринял никаких мер, доверяя Шемяке и его друзьям. Он поверил, что предупреждение истинно только тогда, когда прискакавший в Троицкий монастырь Можайский князь Иван с большим отрядом схватили его и отвезли в Москву, где уже на его великокняжеском месте восседал Дмитрий Шемяка. Его ослепили и вместе с женой сослали в Углич. А мать, великую княгиню Софию Витовтовну, отправили в Чухому. С этого-то времени Василий Васильевич и получил прозвание Темный.

Дети Иван и Юрий, бывшие с ним в монастыре, были спасены князем рязанским, который сначала спрятал их в своем доме в селе Боярове, а потом отвез их в Муром, в княжескую крепость. Но меры эти оказались напрасными: Шемяка, прибегнув к помощи рязанского епископа Ионы, заставил рязанского выдать ему детей Василия Васильевича. Он поклялся, что пожалует их волостями и отпустит их отца на волю. Но слова своего он не сдержал, а заточил малолетних детей вместе с их отцом и матерью в Угличе. Возмущенные этим поступком Шемяки, князья рязан-

ловские, Стрига Оболенский, московские бояре, не желавшие быть под Шемякой, собрали свои дружины и двинулись: одни — на Углич, а другие — в Литву, где соединились с бежавшими туда князем Василием Ярославичем, князем оболенским и с боярином Федором Басенком, уже набравшими большие дружины.

Узнав об этом, Шемяка собрал своих бояр на совет с вопросом, что предпринять в отношении Василия Темного. Поставленный митрополитом Иона, которого Шемяка вовлек в свой обман, потребовал снять с него грех и освободить Василия Васильевича и его семью. Тогда Шемяка поехал в Углич на встречу с Василием Темным, покаялся перед ним, а Василий Темный, уже знавший коварный нрав своего двоюродного братца, тоже покаялся перед ним, всю вину за свершившееся взяв на себя, подписал так называемую «проклятую» грамоту, в которой отказывался от искания великокняжеского стола, а коли нарушит это слово и поднимет руку на Шемяку, то будет проклят навеки. Получив эту грамоту, Шемяка отпустил Василия II вместе его с семьей и дал ему в удел Вологду.

Когда Василий Темный приехал в Вологду, то игумен Кирилова Белозерского монастыря Трифон снял с него данную им клятву в «проклятой» грамоте. В Вологду стали прибывать приверженцы Василия II из Литвы и из других мест, присоединился к ним и великий князь тверской Борис Александрович, с которым Василий укрепил дружбу помолвкой своего сына Ивана с его малолетней дочерью Марией. Поддержали его и сыновья Улу-Махмета с казанскими татарами. Все они двинулись на Москву.

Перед такой силой Шемяке ничего не оставалось делать, как бежать из Москвы, признать Василия Темного великим князем московским и подписать «проклятую» грамоту. Но успокоиться он не мог, и в 1449 г. опять начал войну и осадил Кострому. Однако боярин Федор Басенок быстро расправился с его войском. Шемяка бежал в свой Галич, но в следующем году его достали и там: Шемякины войска были разбиты под Галичем, он бежал в Новгород, но упорно борьбы не прекращал, и было ясно, что он не прекратит эту междоусобицу до конца своей жизни. Тогда приверженцы Василия Темного решили избавиться от него одного, чтобы не проливать кровь многих. В 1453 г. они направили в Новгород дьяка Степана Бородатого, который склонил на свою сторону шемякиного ближнего боярина Котова, а тот подговорил повара, и с их помощью Шемяка расстался с жизнью, съев отравленную курицу.

Приверженцы Шемяки и его сын Иван бежали в Литву, Василий Ярославич, князь серпуховский, был заточен в Угличе, а потом переведен в Вологду, семейство его бежало в Литву.

Галич, князем которого был Шемяка, великий князь Василий Темный присоединил к Москве, а Новгород, который так ласково приютил Дмитрия Шемяку, был наказан войной против него. Новгородцы пытались сопротивляться, но воеводы князь Стрига Оболенский и Федор Басенок разбили новгородское войско под Русой, и Новгород подчинился великому князю московскому и всея Руси. По Яжелбицкому мирному договору Новгород отменил свои вечные (вечевые) грамоты и обязался писать грамоты только от имени великого князя. Новгородцы обязаны были платить Москве «черный бор» в своих волостях и судные пени. Это было началом потери Новгородским государством его самостоятельности.

Великий князь рязанский перед смертью в 1456 г. поручил своего сына Василия великому князю московскому, который взял его в Москву, а в Рязанскую волость послал своих наместников, так что малолетний князь рязанский Василий Иванович в будущем становился удельным князем, подчиненным Москве. Вот так и Рязань была присоединена к Москве.

А Псков уже во всем повиновался великому князю московскому и уже воистину великому князю «всея Руси».

Удалось в княжение Василия Темного окончательно освободить Русскую православную церковь от константинопольской зависимости. Присланный в Москву митрополит, грек Исидор, назначенный константинопольским патриархом, подписал в 1439 г. Флорентийскую унию, по которой главой вселенской церкви признавался папа римский. Собор русских епископов не принял Флорентийскую унию, изгнал Исидора из Москвы и 15 декабря 1448 г. без согласия константинопольского патриарха избрал московским митрополитом рязанского епископа Иону. Ныне Иона почитается святым Русской православной церкви.

Василий II Васильевич Темный, великий князь московский и всея Руси скончался в Москве 27 марта 1462 г. и был похоронен в Архангельском соборе Московского Кремля.

Чтобы не давать повода русским князьям к междоусобице и смутам, Василий Темный, прошедший через горнило таких смут и преступлений, еще при жизни своей объявил своего сына Ивана великим князем московским и всея Руси и в связи с этим все грамоты и указы подписывал вместе со своим сыном. И после его смерти Великое княжество Московское и всея Руси возглавил, не прибегая к ханскому ярлыку, старший сын Василия Темного

и великой княгини Марии Ярославны — Иван III Васильевич (22.01.1440 — 27.10.1505).

Иван Васильевич, помогая во всем своему отцу, незрячему великому князю Василию II Васильевичу Темному, за последние примерно 10 лет его княжения приобрел навыки политической борьбы, усвоил тонкости отношений с церковью и вместе с отцом продолжил дело собирания земель вокруг Москвы и возвышения Москвы как политического и религиозного центра Руси, ее столицы. Таким образом, к середине XV в., ко времени начала правления Ивана III (1462), Москва стала столицей Русского государства, а вступивший на московский престол 22-летний великий князь и государь всея Руси Иван III Васильевич был готов к управлению государством и решению даже самых сложных государственных проблем. Человек властолюбивый, расчетливый, строгий, Иван умел упорно и неуклонно достигать своих целей. А основной его целью было еще большее возвышение Москвы, присоединение к ней других княжеств и объединение их вокруг Москвы. И он начал вести работу по присоединению Ярославского княжества. Под нажимом Москвы ярославские князья уступили свою волость, и она вошла в состав Московского государства. Давней занозой для Руси был вольнолюбивый и богатый Новгород. Московские великие князья, как только истощалась московская казна, грозили Новгороду войной, заставляя его откупаться значительной суммой, а иногда и воевали его, как Василий Темный, когда он в феврале 1456 г. заставил новгородцев подписать Яжелбицкий мирный договор о ее подчинении Москве. Однако новгородцы искали средства Москве не подчиняться, а потому пригласили к себе на княжение литовского князя Михаила Олельковича и пытались заключить договор с королем польским Казимиром, по которому тот обязывался охранять Новгород от великого князя московского и всея Руси.

Узнав об этом, Иоанн Васильевич отправил в Новгород послов, которые объяснили новгородцам, что Москва не требует от них ничего более того, о чем уже был подписан договор. Но новгородцы под впечатлением от страстной речи боярыни-посадницы Марфы Борецкой, призвавшей сохранить независимость Великого Новгорода, выгнали московским послов с бесчестьем. И тогда великий князь московский и всея Руси пошел на Новгород войною. После битвы на реке Шелони в 1471 г., в которой победили московские войска государя Иоанна III, Новгород был покорен.

Великий князь Иоанн Васильевич четко определил свою политику и по отношению к Золотой Орде. В июле — сентябре 1476 г.

он в последний раз принял золотоордынское посольство в Москве. В 1480 г., через 100 лет после Куликовской битвы, Иоанн III нанес Орде сильный удар: в присутствии ордынских послов он порвал ханскую грамоту о выплате дани Ахмату. Хан Ахмат с большим войском двинулся на Русь. Русское войско встретило ханские орды на реке Угре. Состоялось знаменитое «стояние на реке Угре», которое продолжалось с 6 октября по 11 ноября 1480 г. Хотя силы были равные, сражение не состоялось: Ахмат, не начав битвы, неожиданно отступил, а вскоре он был убит в результате междоусобицы золотоордынских ханов.

Иоанну III, дальновидному и искусному политику, умеющему ждать, а при необходимости даже и отступать, удалось достичь целей, поставленных перед ним временем. Он завершил объединение северо-восточных земель, присоединив к московскому княжеству огромные территории, обрел суверенитет, начал строительство новой государственности. Великий князь московский и всея Руси стремился утвердить Москву как культурный центр Руси, что заметно возвышало бы ее над другими крупными княжествами и даже государствами. Пригласив из Италии архитектора Аристотеля Фиоравенти и заложив в 1472 г. в Кремле новый, каменный Успенский собор, он всячески помогал строительству, так что 12 августа 1479 г. собор был освящен и стал действовать. 19 июля 1485 г. началось строительство каменных стен и башен нового Кремля, а через 2 года — строительство Грановитой палаты. Для строительства были приглашены архитекторы Антон Фрязин, Пьетро Антонио Солари, Марк Фрязин, Алевиз Фрязин Миланец и др. Для перевода греческих книг на русский язык и разбора великокняжеской библиотеки был приглашен Максим Грек (1475—1556), афонский монах. В 1503 г. состоялся церковный Собор, на котором обсуждались идеологические проблемы Русской православной церкви и были поддержаны так называемые «иосифляне», главой которых явился основатель Волоколамского монастыря, преподобный Иосиф Волоцкий (1439—1515). Поддержка Иосифа Волоцкого Иоанном III объяснялась прежде всего тем, что преподобный провозглашал божественное происхождение власти самодержца, учил, что московские государи — наместники Бога на земле, государи всея Руси, посаженные Богом на престол и получившие его милость для того, чтобы они охраняли свой народ, а церковные иерархи — свою паству от еретиков.

Не стремясь к кровопролитию, с осторожностью прибегая к силе оружия, Иоанн Васильевич старался присоединять княже-

ства так, что население этих княжеств в большинстве случаев не оказывало серьезного сопротивления.

Присоединение северо-восточных земель Иоанн III начал, можно сказать, с первых лет своего правления. Как уже говорилось выше, без кровопролития было присоединено Ярославское княжество. По Коростынскому миру, заключенному 11 августа 1471 г. в результате победы в битве на реке Шелони, была присоединена Новгородская земля. В 1472 г. по приказу Иоанна III воевода Федор Давыдович Пестрый-Стародубский подчинил Великую Пермь и заложил город Чердынь. В 1474 г. у ростовских князей были выкуплены остатки их княжеских прав и таким образом без кровопролития было присоединено Ростовское княжество. 15 января 1476 г. можно считать датой окончательного присоединения Новгородской земли. Тогда было подавлено восстание в Новгороде, поднятое сторонниками независимости Новгорода от Москвы во главе с Марфой Борецкой и архиепископом Феофилом. Вечевой колокол, символ новгородской свободы, был снят и перевезен в Москву, Марфа Борецкая и Феофил арестованы, увезены в Москву и заточены, многие бояре и посадники переведены на московские земли, а их земельные владения переданы московским детям боярским и дворянам, все богатства новгородцев были взяты в московскую казну.

В 1499 г. был осуществлен поход за Урал воеводами Семеном Курбским, Петром Ушатым и Василием Бразником Заболоцким. Результатом этого похода было присоединение кондийской и обдорской земель, населенных вогулами, остяками, ханты и манси.

С апреля 1500 г. по март 1503 г. Московское княжество вело войну с Литвой, одерживая победы над литовцами. С 25 марта 1503 г. по 25 марта 1509 г., то есть на шесть лет, было заключено с Литвой перемирие. По перемирному договору Московскому государству были возвращены города Новгород-Северский, Стародуб, Гомель, Брянск, Торопец, Мценск, Дорогобуж и другие населенные пункты. Таким образом, Московское государство заняло огромные территории от Зауралья до западных городов Гомеля и Брянска, от Новгородской и Новгород-Северской земель до южных окраин.

В перемирной грамоте 1503 г., написанной от имени Иоанна III Васильевича, было использовано новое титулование: «Иоанн Божию милостию Государь всея Руси и великий князь владимирский, и московский, и новгородский, и псковский, и тверской, и югорский, и пермский, и болгарский, и иных». Заметим, что здесь вместо прежнего «Иван» употреблено имя Иоанн и дано пере-

числение владений «государя всея Руси». Такое развернутое титулование в дальнейшем вошло в традицию и использовалось также и в Российской империи вплоть до ее падения. И хотя Иоанн III не венчался на царство, все вело к тому, чтобы титул «царь» как синоним титула «государь всея Руси» получил широкое употребление. И этот титул сначала появился в грамотах Иоанна Васильевича, отражающих сношения Москвы с Ливонским орденом и мелкими владениями, такими, например, как владения сына Максимилиана, эрцгерцога Филиппа, который и сам в своих грамотах называл Иоанна III и его сына Василия, будущего великого князя Василия III, царями Владимира, Москвы и проч. В грамотах крымскому жиду Захарии Иоанн III называет себя «царем всея Руси» и «великим государем Русской земли». В грамоте короля Дании Иоанн назван даже «императором».

В 1472 г., 12 ноября, в Москве произошло знаменательное событие — венчание великого князя всея Руси Иоанна III Васильевича с племянницей последнего императора Византии Константина XII Драгаша, дочерью Фомы, деспота Мореи, Зоей (Софьей) Фоминичной Палеолог. Это событие явилось одним из важнейших, повлиявших на историческое развитие Московского государства и Русской православной церкви, становившихся наследниками византийских государей и византийской церкви.

В 1490 г., после смерти старшего сына Иоанна III — Ивана Молодого, в Москву прибыл посол от Максимилиана, Юрий Делатор, по поводу дружественного союза против Литвы и Польши, а также сватовства Максимилиана к дочери Иоанна Елене. Сватовство по вине Иоанна не состоялось, Максимилиан женился на британской принцессе Анне, но во время этих переговоров и сношений Максимилиан титуловал Иоанна Васильевича «царем» и даже «цезарем», а Иоанн именовал себя «Государем и Царем всеа Руси», а иногда «государем и великим князем всеа Руси».

Выдав свою дочь Елену замуж за литовского великого князя Александра, Иоанн рассчитывал наложить руку на Литву и в будущем расширить Московское государство за счет русских земель, подвластных Литве. А потому он постоянно придирался к своему зятю, укоряя его в несоблюдении договоренностей. Он, в частности, требовал, чтобы Александр именовал его титулом «государь всея Руси», по-видимому считая, что, титулованный таким образом, он имеет право заявить свои притязания на русские земли, находившиеся под властью Литовского государства. Счастье его дочери Елены в расчет не принималось.

К концу своего великого княжения Иоанн III совершил сословный переворот: задумав учредить Боярскую думу и реформировав великокняжеский двор в государев двор, он возвел свободных бояр, служивших ему как своему суверену, в придворный и думный чин боярина. Кроме того, Иоанн Васильевич учредил несколько новых придворных чинов, установил иерархию чинов думных и чинов государева двора. И вот уже среди придворных чинов государева двора громкие титулы «царь» и «государь» вошли в обычное употребление так же, как и церемония целования руки государя. И во всех грамотах Ивана Васильевича стали именовать Иоанн III Васильевич.

Однако Иоанн не венчался на царство, а потому основным официальным титулом, закрепившимся за ним, был титул «великий князь всея Руси». Гербом Руси стал двуглавый орел, символ имперской власти. Первым дошедшим до нас изображением двуглавого орла как государственной эмблемы было изображение его на государственной печати Иоанна III, датированной 1497 г.

Иоанн III Васильевич, имевший церковное имя Тимофей и прозвища Горбатый, Грозный, Правосуд, скончался 27 октября 1505 г. в Москве и был похоронен в Архангельском соборе. Его наследником, «великим князем всея Руси», стал Василий III Иоаннович, его сын от Софьи Палеолог.

Однако Иоанн III не сразу признал Василия своим наследником. Его помощником и фактически соправителем был его старший сын от первой жены, тверской княжны Марии Борисовны, Иван, которого для отличия от отца называли Иван Молодой. Тридцатидвухлетний Иван Молодой умер в 1490 г. от «болезни ног» (по-видимому, от гангрены).

Поссорившись с Софьей Палеолог и разгневавшись на сына Василия, Иоанн Васильевич по совету ближних бояр решил передать Московскую Русь не Василию, а своему внуку — Дмитрию Ивановичу, сыну Ивана Молодого от Елены, дочери Валашского господара Стефана III.

4 февраля 1498 г. в московском Успенском соборе по особо сочиненному чину состоялось венчание 15-летнего Дмитрия Ивановича (1483—1509) на великое княжение как наследника «великого князя всея Руси».

Разумеется, Софья Палеолог не могла смириться с этим положением и повела борьбу за наследование стола Московской Руси ее сыном Василием. Всего четыре года носил титул великого князя Дмитрий Иванович. Все это время он вместе с матерью жил в отдалении от Москвы, не принимал никакого участия в государственных делах, да и вообще не виделся с дедом. А за это время

Иоанн помирился с женой и сыном, назло которым он и венчал своего внука на великое княжение, и разгневался на своих ближних бояр, князей Семена Ивановича Ряполовского и Ивана Юрьевича Патрикеева, по интриге которых он отверг своего сына Василия. Ряполовскому он приказал отрубить голову, что и было исполнено, а Патрикеева и членов его семьи заключил в тюрьму.

11 апреля 1502 г. Иоанн Васильевич под воздействием жены, а в большей степени — духовенства, обвинившего Елену в «жидовской ереси», наложил опалу на внука Дмитрия и его мать Елену и приказал заключить их в тюрьму, где они и умерли: Елена — в 1504 г., а Дмитрий — 1509 г., уже после смерти деда.

14 апреля 1502 г. Василий Иоаннович был провозглашен наследником Иоанна III Васильевича, Великого князя всея Руси.

Назначив своим преемником Василия, Иоанн, имевший к этому времени еще четырех сыновей: Юрия (1480—1536), Дмитрия Жилку (1481—1521), Семена (1487—1518) и Андрея (1490—1537), — передал им во владение несколько уделов, однако не на правах независимых владетелей, что привело бы к раздроблению Руси, а на правах таких же подданных своему государю, как все другие князья и бояре. Их старший брат, великий князь Василий, не должен был вмешиваться в управление их владениями, как, впрочем, и во владения всех, кто получил от Иоанна III жалованные грамоты на земли. Конечно, великий князь всегда мог найти предлог, чтобы нарушить это правило. Но в принципе, несмотря на укрепление единовластия и самодержавия, право свободной частной собственности в Московском государстве соблюдалось.

По мнению многих историков, Василий III Иоаннович унаследовал в 1505 году не только московское великое княжение, титул великого князя всея Руси, государственную печать с титулом царя и двуглавого орла — символ императорской власти, но и политику своего отца, полностью в своей деятельности продолжив ее. Он так же, как и его отец, был занят проблемой расширения пределов Московского государства, соединением его частей под свою власть, притом так же стараясь делать это с наименьшей кровью. Он неуклонно пополнял казну, переданную ему отцом и хранившуюся в Москве, Твери, Новгороде и Белоозере. Он заботился о престиже своего государства за его пределами и о его экономическом росте, а потому устанавливал внешние связи с европейскими и восточными странами. Он придавал большое значение своему титулованию, употребляя титул царя в тех же случаях, в каких он применялся при Иоанне III, то есть прежде всего во внешнеполитических связях с некоторыми государствами Европы.

В целях расширения пределов Московского государства в январе 1510 г. Василию Иоанновичу удалось присоединить Псков. В результате войны с Литвой (1512—1514) был взят Смоленск, и 1 августа 1514 г. великий князь Московский и государь всея Руси Василий III торжественно въехал в этот город.

Бескровно ликвидировались и входили в состав Московского государства некоторые удельные княжества. Так, после смерти удельного князя волоцкого Федора Борисовича в 1513 г. его удельное княжество было упразднено, а земли его перешли во владение Московской Руси. После смерти в 1518 г. князя Семена Ивановича, родного брата Василия III, Калужское удельное княжество было ликвидировано и его земли были переданы не наследникам князя, а Московскому государству. Та же участь постигла и Угличское удельное княжество после смерти в 1521 г. Дмитрия Жилки, родного брата Василия III.

Однако присоединение удельных княжеств проходило не всегда спокойно. В 1520—1521 гг. было ликвидировано и присоединено к Московской Руси Рязанское удельное княжество, в результате чего последнему рязанскому удельному князю Ивану Ивановичу пришлось бежать в Литву. В 1523 г. было упразднено Новгород-Северское княжество. Для этого пришлось арестовать несогласного с этим князя Василия Шемячича, внука Дмитрия Юрьевича Шемяки. Василий Шемячич был схвачен в Москве и брошен в тюрьму, где он и умер в 1529 г. Его вдова и две дочери были насильно пострижены в монахини и умерли в суздальском Покровском монастыре.

Присоединив к Московской Руси огромные территории, Василий Иоаннович значительно раздвинул границы своего государства, тем самым оправдывая титулы «великого князя всея Руси» и «государя всея Руси». Титул царя, как уже говорилось выше, использовался осторожно, только в некоторых грамотах, хотя, как и у Иоанна III, у Василия Иоанновича имелась печать с царским титулом, а кроме того, были отчеканены и монеты с титулом царя.

Москва считалась Третьим Римом, а потому после падения Царьграда в русском общественном мнении государь всея Руси был преемником византийских царей, а стало быть, царь. Тем более что Василий III был сыном греческой царевны Софьи Палеолог, а значит прямой наследник. При государевом дворе укоренился обычай величать Василия III царем и целовать ему руку в знак почтения и смиренного подданничества.

И все же Василий Иоаннович не венчался на царство и официально титула царя не имел. Однако традиционно восприняв

развернутый титул Иоанна III, он титуловался так: «великий государь Василий Божию милостию государь всеа Руси и великий князь владимирский, московский, новгородский, псковский, смоленский, тверской, югорский, пермский, вятский, болгарский и иных, государь и великий князь Новгорода Низовской земли и черниговский, и рязанский, и волоцкий, и ржевский, и бельский, и ростовский, и ярославский, и белозерский, и удорский, и обдорский, и кондинский, и иных». Во вторую часть заимствованного у отца титула были включены земли, присоединенные к Московскому государству Василием Иоанновичем.

Утверждая Москву как церковный православный центр, Василий Иоаннович в 1505—1508 гг. построил в Кремле колокольню «Иван Великий» (арх. Бон Фрязин) и новый Архангельский собор (арх. Алевиз (Алоизио) Фрязин Новый).

Василий III Иоаннович (церковное имя Гавриил, в иночестве Варлаам) скончался в Москве 4 декабря 1533 г., оставив трехлетнего наследника, великого князя Ивана IV Васильевича и, поручив жене своей, великой княгине Елене Глинской, происходившей из рода темника Мамая, великое княжение при малолетнем сыне. Похоронен он был в Московском Кремле, во вновь отстроенном Архангельском соборе.

Это был последний великий князь московской Руси, государь всеа Руси, во внешнеполитических грамотах именовавший себя царем, имевший царскую печать, царскую государственную символику и полный, фактически царский, титул.

Его наследнику, великому князю всеа Руси, Иоанну IV Васильевичу оставалось только короноваться на царство и таким образом получить титул **царь**.

КНЯЗЬ, -я, м.

Прил. «княжеский», -ая, -ое,

также «князев», -а, -о

В древние времена словом «князь» славяне называли племенного вождя, защищавшего племя во главе войска, дружины. Об этом говорит первоначальное значение титула и признание существования исторических лиц — древлянского князя Мала и полянского князя Кия, основателя города Киева.

С течением времени титулом «князь» стали именовать и предводителя дружины, которым, как правило, был вначале только

племенной вождь — всадник на коне («кѣнь язѣ»), ведущий за собой племя.

Когда возникли феодальные отношения и племенные союзы стали складываться в отдельные земли — княжества, титул «князь» стал применяться к правителю княжества и стал синонимом слова «государь».

С приходом Рюрика на Русь и возникновением Древнерусского государства — Киевской Руси, титул «князь» стал принадлежностью рода Рюрика, оставаясь и принадлежностью племенных вождей.

Потомки Рюрика — его внук Святослав Игоревич и правнук Владимир Святославович — стали родоначальниками княжеских колен и ветвей Рюриковичей. Уже в Древней Руси было 20 колен Рюриковичей. Особенно много потомков было у великого князя Всеволода III Юрьевича Большое Гнездо, который имел 8 сыновей и 4 дочери.

Когда роды первых князей размножились и стали делиться на ветви, возникла необходимость выделить главного из них. Старшего, главного князя стали называть «великим князем». С возникновением Киевской Руси великим князем почитался тот, кто занимал киевский стол. Передавался престол по наследству от старшего брата к последующему по рождению брату или от отца к старшему сыну.

Великие князья киевские вынуждены были для кормления раздавать своим сыновьям земли, уделы. Так появились удельные князья. А в связи с этим в XII — начале XIII в. возникла феодальная раздробленность Руси. Удельные князья тоже имели сыновей, но выделять всем своим сыновьям землю, далее дробить свой небольшой удел, было невозможно. А потому наследовал удел только старший сын. Князья, не получившие земельного удела, становились князьями-изгоями. Те, кто не имел удела, земли, лишался титула «князь» и вынужден был идти в услужение к великокняжескому двору.

Основной задачей каждого удельного князя в Древней Руси было служение великому князю, которое на основе письменного договора заключалось в том, что удельный князь получал удел не как государь этой земли, а как наместник великого князя, поэтому обязан был, собрав дань с населения, одну часть отдать великому князю, а остальное оставить себе. Кроме того, он должен был помогать великому князю, как подручный его, дружиной и войском при отражении набегов врагов и в военных походах.

В своей вотчине удельный князь был полноправным хозяином, он имел дружину, окружал себя боярами, которые избрали его своим сюзереном, принимал на службу городских дворян, имел холопов, иногда даже из князей-изгоев или детей боярских. А к великому князю относился как «в отца место»: с уважением, выполняя условия договора о платежах и предоставлении воинской силы, но в остальном считая себя независимым князем.

Удельный князь имел свой княжеский двор, малую копию великокняжеского двора. При его дворе были и стольники, и чашники, и постельники, и гудошники, и скоморохи.

Его жена, княгиня, тоже имела своих прислужниц из числа городских дворянок, боярынь, жен служащих у него бояр, боярышен, боярских дочерей. Прислуживали ей и жены дружинников князя.

Основной заботой удельного князя был сбор дани и увеличение своего удела, которое осуществлялось за счет купли земли, получения земли за долги попавшего к нему в кабалу хозяина, а также за счет присвоения чужой земли в результате набега на соседей.

Несовершенные правила престолонаследия, когда великое княжение мог получить и брат умершего великого князя, и старший сын, стали причиной для братоубийственных междоусобных войн. Так как главным престолом в Древней Руси считался киевский стол, то князья, сыновья и братья киевского великого князя, стремились к его получению.

Желание получить киевский стол и стать великим князем киевским заставляло князей идти на разного рода преступления: обманы, подлоги, коварные убийства, разжигание междоусобных войн между родственниками и даже родными братьями.

Путь удельного князя к получению киевского престола был усыпан страшными деяниями. Но и получив, наконец, желаемое, князь не мог быть уверен, что это надолго, потому что другие претенденты не останавливались ни перед чем, чтобы его свергнуть и занять его место. Некоторые князья по 2—3 раза становились великими князьями киевскими, снова и снова борясь за престол. Например, Изяслав II Мстиславич, князь Владимиро-Волынский, занимал киевский престол в 1146—1149 гг., затем несколько месяцев в 1150 г., потом, свергнув Юрия (Георгия) Долгорукого, княжил еще 3 года — с 1151 по 1154 г. Трижды завоевывал киевский престол князь Черниговский Изяслав III Давидович — в 1155 г., в 1157 г. и княжил до 1159 г., когда был свергнут Рос-

тиславом Мстиславичем, князем Смоленским, но в 1161 году, победив Ростислава Мстиславича, снова княжил в Киеве, правда, опять только всего несколько месяцев, потому что князь Смоленский, не смирившийся со своим падением, сумел силой занять его место на киевском столе.

Даже такой князь, как Владимир I Святославич (в крещении Василий), которого Русская православная церковь за крещение Руси причислила к святым равноапостольным, на пути к киевскому княжению, когда он был удельным князем в новгородской земле, совершил много тяжких преступлений.

Ярослав Мудрый, известный в истории как просвещенный князь (недаром народ окрестил его Мудрым), княжил в Киеве до 1054 года, в течение 35 лет, и эти годы были годами высшего расцвета Древнерусского государства. Он первым из удельных князей отказался быть просто наместником великого князя, своего отца Владимира I, заявив, что не будет платить ему треть собираемой дани. Но пока он не достиг киевского стола, ему тоже пришлось проливать кровь — вести междоусобные войны против своих братьев, князей Святополка и Мстислава, а потом посадить в тюрьму своего брата князя Судислава.

И все же в принципе правление княжеством передавалось по наследству, от поколения к поколению, от отца к сыну. Титул «князь» тоже переходил по наследству, а потому явился частным родовым, наследственным титулом представителя правящего сословия Древнерусского государства.

По мнению некоторых историков, Древнерусское государство представляло собой «коллективную родовую собственность князей-завоевателей». Начало этой «коллективной родовой собственности» положил Олег, которому Рюрик поручил княжение в Новгороде ввиду малолетства сына Игоря Рюриковича. Князю Олегу принадлежит и начало формирования Древнерусского государства.

Борьба князей за обладание великокняжеским киевским престолом была, как уже говорилось, жестокой и знаменовалась подлогами, обманами и физическим устранением соперников. Но не она привела к распаду Древнерусского государства, потому что каждый князь, захвативший киевский стол, продолжал основную политику князей — объединение и укрепление государства. К распаду Древней Руси привели амбиции каждого удельного князя, желавшего быть независимым и самостоятельно вести политику. В результате Русь пережила удельный период, когда Древнерусское государство распалось на множество мелких кня-

жеств, количество и территория которых постоянно менялись. Эта раздробленность и нежелание князей сплотиться и оказывать друг другу поддержку и помощь привели Древнерусское государство к неспособности противостоять монгольскому нашествию.

В XI — начале XIII в., в домонгольский период, удельный князь был на принадлежащей ему земле законодателем, военным предводителем, причем не только дружины, но и воев, представителей народного ополчения. Он же был и верховным судьей, и тем лицом, кому предназначалась дань. Князь должен был «володеть и судить по праву». Его опорой во всех его делах была его дружина, а в войне также и народное ополчение — вои.

Писатели Древней Руси XII в. в произведениях ораторского искусства, в «Словах», осуждали братоубийственные распри князей, их своекорыстие и несправедливый суд. Таков памятник древнерусского ораторского искусства «Слово о князьях», возникший по времени прежде, чем «Слово о полку Игореве». Его автор, патриот Древней Руси, гневно обращается к русским князьям: «Познайте, князья, свое могущество и свою честь!.. Постыдитесь же вы, враждующие с братьями своими, с единовірцами своими!» И далее обличает князей за несправедливый суд, который творят тиуны, поставленные князем судьями над народом.

Отношения князя с дружинниками не были отношениями правителя и подданных. Недаром слово «дружина» произошло от слова «друг».

Князь жил с дружиной в одном подворье, вместе с ней пировал, ходил в походы, делил с ней дань и военную добычу, «думал» вместе с дружинниками, советовался с ними, считался с мнением тех из них, которых уважал и которым доверял. Когда княгиня Ольга предложила сыну своему, князю Святославу Игоревичу, принять христианство, он отказался из боязни, что дружинники будут смеяться над ним. Для него отношения с дружинниками были важнее всего.

Старшие дружинники, «боляре», прошедшие с князем через многие походы, уважаемые в их среде, вместе с ним «думали», составив княжескую «думу».

Все свое время князь проводил в битвах, собирании дани, «ловитвах» (охоте) и пирах. Охота на зверя, особенно на медведя, и птичья охота, в которой предпочтение отдавалось соколиной охоте, были любимым его развлечением. Для этого при его дворе, как и при великокняжеском дворе, содержались особые люди — ловчие и сокольники. Охота обставлялась с особой пышностью:

у мастеров заказывалось дорогое оружие, специально изготавливались охотничья одежда и доспехи, убранство для княжеского коня.

На княжеских пирах с дружинниками подавались не только мед и пиво, как тогда назывались напитки местного приготовления, но и вина, привозимые из восточных стран. На столе княжеского дружинного пира были и местные закуски, и привозные — диковинные южные фрукты. Все яства подавались на дорогих, иногда даже серебряных «торелах», как тогда называли тарелки. Кубки и ложки тоже могли быть серебряными. Дружинники вольны были упрекнуть князя в скупости и неуважении к ним, если бы к столу дружинного пира была подана деревянная или глиняная посуда.

Гостей на пиру увеселяли скоморохи и гудошники, к великому неудовольствию священников, которым церковь предписывала удаляться с пира, как только начнутся «бесовские игрище и пение».

Князь Древней Руси, как лицо особо важное в своем уделе, старался отличаться от окружающих его людей величественным, иногда и грозным видом, а также и своей одеждой. В походах удобнее всего был плащ-накидка, носивший наименование «корзно». Он делался из дорогих тканей, привезенных с востока. Его шили из бархата, аксамита, парчи, плотного шелка или шерсти, с подбоем из другой материи другого цвета. Он не застегивался полностью, а скреплялся на одном плече дорогой застежкой, украшенной драгоценными камнями. Корзно был длинным и теплым, хорошо защищал от ветра и холода. Яркий цвет плаща, чаще всего пурпурный, выделял князя на поле брани, был хорошо виден воинам, которыми он командовал, но... был в то же время и хорошей мишенью для врагов.

Зимой князь, как и другие князья, надевал кожух — недлинную шубу из дорогих материй, шитых золотом, подбитую дорогими мехами.

Сапожки его были из дорогой кожи хорошей выделки, «черленные сапоги», как их охарактеризовал Даниил Заточник, автор древнерусского памятника «Послание Даниила заточенаго к великому князю Ярославу Всеволодовичу». Княжеские сапожки украшали инкрустацией из драгоценных камней и цветной кожи или даже золотой вышивкой.

В Древней Руси, в период раннего христианства, князья еще не принимали христианство как свое мировоззрение, а потому ничего необычного не было в том, что и великий князь, и удель-

ные, и другие князья были многоженцами, имели жену и нескольких наложниц, детей от которых они воспитывали вместе со своими законными детьми. Притом брак князя с его женой зачастую не был освящен венчанием, потому что в те времена церковный брак не считался обязательным. Жена лишь номинально числилась супругой-княгиней, но в соответствии с христианским законом была такой же невенчанной женой, как и наложницы.

Отличало князя от его окружения и простого народа и его имя. Обычно он носил славянское имя, как правило, состоявшее из двух основ и имевшее магический смысл. Например, Святослав (Святая слава), Всеволод (Всею владеющий), Ярослав (Ярая, Могучая слава), Владимир (Владеющий миром), Святополк (Святой полководец), Ярополк (Ярый, Отважный полководец), Вышеслав (Высочайшая слава), Ратибор (Ратный борец) и т.п.

Дружинники князей, да и простой народ использовали в качестве имени любое существительное, прилагательное или сочетание существительного и прилагательного: Перенег, Волк, Добрыня, Дружина, Волчий хвост и т.п.

С приходом христианства князь после крещения получал другое имя, имя какого-нибудь святого, чаще всего греческого. То же касалось и великого князя. Традиция получать после крещения имя христианского святого, заложенная церковью во времена первых русских христиан, жива и теперь, только имя, включенное в святцы, теперь получают и некрещенные дети.

В IX веке, несмотря на то, что после крещения князь получил новое имя, он продолжал пользоваться своим «мирским» именем: христианство тогда еще не вошло в сознание людей, даже если этот человек был важным и владетельным князем.

Взаимоотношения князей с дружинниками, которые прочно установились в IX—X вв., отразились в дальнейшем и на их отношениях с боярами, которые с течением времени выделились в отдельное сословие. Получив земли («вотчины»), боярин стал самостоятельным владетелем, феодалом. Он стал набирать свою дружину из людей, живущих на его землях, и с этой дружиной служить князю. Боярин не был полностью зависим от князя, которому он служил, и мог сам выбирать князя, которому он желал служить. Крупные бояре-землевладельцы южных областей предпочитали служить великому князю киевскому, но на севере бояре служили удельным князьям. Они получали вотчины не только от князя, но и путем захвата земель, а также путем покупки их у соседних племен и у мелких землевладельцев.

Феодалы-бояре, имевшие полную власть в своих вотчинах, собиравшие довольно многочисленные дружины, составили особое сословие. Теперь уже не только князья являлись правящим сословием в Древнерусском государстве. Вместе с князьями стало правящим сословием и боярство. И князья вынуждены были считаться с этим.

В период феодальной раздробленности Древнерусского государства, перед монгольским нашествием, удельные князья в своих мелких княжествах стали называть себя великими князьями. Теперь уже был не один великий князь, главный над всеми удельными князьями, а множество великих князей, каждый из которых не хотел подчиняться ни великому князю киевскому, ни другому какому-либо князю. Титул «великий князь» приобрел новое понятийное содержание, он стал синонимом титула «удельный князь», или даже «князь». Такая независимость каждого великого князя, нежелание помочь другому великому князю привела к трагедии русского народа — трехвековому татарскому игу, к разорению русской земли.

В период татаро-монгольского нашествия русские князья оказались под ордынским игом. Чтобы владеть каким-либо княжеством, русский великий князь должен был получить у золотоордынского хана ярлык на княжение и на сбор дани со своих подданных. Таким образом, русский великий князь лишился своего статуса полного владельца земли и населения в своем княжестве. Собрав дань, он должен был почти полностью отдать ее ордынскому хану. Но надо заметить, что прежний статус князя понравился некоторым отпрыскам ордынских ханов и они тоже стали именовать себя князьями.

Стали называть себя князьями и некоторые потомки кавказских родов. С XIII века получили такое наименование на Руси литовские вожди и старейшины, правители на западно-русских землях. Один из них — великий князь литовский Гедимин (1316—1341) явился родоначальником русских князей — Гединовичей.

Таким образом, древние княжеские роды Российской империи ведут свое происхождение от Рюрика (Рюриковичи), от великого князя литовского Гедимина (Гедиминовичи), от ордынских князей (например, князья Юсуповы, Урусовы) и от некоторых кавказских родов (например, князья Черкасские).

С возвышением Москвы, с началом собирания земель вокруг Москвы Иоанном Калитой, Москва стала центром Руси, и междоусобные войны за престол, прежде за киевский, перенес-

лись теперь сначала на владимирскую, а затем на московскую почву. Великие князья удельные, именовавшие себя, например, великим князем тверским, великим князем рязанским, различая себя по названию принадлежащих им земель, теперь жаждали именоваться великим князем владимирским и московским.

В Московском государстве XV в., в правление великого князя Иоанна III Васильевича, титул великий князь приобрел новое значение: это был титул правителя, самодержца «всех Руси». При государевом дворе Иоанна Васильевича каждый князь должен был заслужить боярский чин, выполняя поручения и веления великого князя московского. Получив этот думный чин, князь теперь именовался боярином князем. Такое «обояривание» князей было понижением их социального статуса. Бывший удельный князь, некогда именовавший себя великим князем, становился на один уровень с боярином, предки которого когда-то были у князей его рода на службе. «Обояриванию» удельных князей способствовало также и то, что их исконные родовые земли, уделы, присоединенные к Московии, получили в Московском государстве статус вотчин, уравнившись с боярскими вотчинами. Наступило время боярского правления, в котором принимали участие бояре князья.

Боярский чин давал возможность князю решать важные государственные дела в Боярской думе, становиться ближним боярином при великом князе, а затем и царе, получать наместничества и воеводства, приносявшие большой доход, участвовать во внешнеполитических событиях, исполняя дипломатические поручения.

В процессе формирования и укрепления Московской Руси, а затем, начиная с XVI века, — Российского централизованного государства со столицей Москва, — князья несли ответственную военную, государственную и дипломатическую службу. Особо выдающиеся личности на службе у государя московского внесли большой вклад в дело развития и укрепления государства.

Князья Московской Руси и Российского централизованного государства были, прежде всего, военной опорой государства. Они служили воеводами полков и участвовали как военачальники в военных походах, чаще всего для защиты своего Отечества.

Петр I, став императором (1721 г.) и учредив Табель о рангах (1722 г.), не включил в нее чин боярина, и бояре с течением времени перестали существовать. Но древнейший титул князя не только сохранил, но учредил его высшую степень — «светлейший

князь» — и этими княжескими титулами награждал своих соратников за их воинские и гражданские подвиги.

*«А уж князь-то наш Московский Симеон Иванович,
Он и смотрит — сам рыдает — на погибший на народ,
Возрыдаючи речь он взговорил:
«Ох я грешный человек, прогневил Бога мово!
За грех-то мой Бог козни наслал!»*

Былина «Симеон Гордый»

*«Княже мои, господине! Кораблю глава кормникъ, а ты,
княже, людемъ своимъ. Видьхъ полцы безъ добра князя и ре-
кох: велик звър, а главы не имьеть. Женам глава муж, а му-
жем князь, а князем бог»*

«Моление Даниила Заточника».

ЦАРЕВИЧ, -а, м. (от «царь»)

Титул законнорожденного сына царя и царицы. Этот титул стал употребляться в Российском государстве с рождением первого законнорожденного сына царя Иоанна IV Васильевича и его первой жены царицы Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой.

Первый русский царевич родился осенью 1552 г. Рождение первенца-мальчика, наследника престола (у Анастасии Романовны до него родились две девочки-царевны, но обе они умерли во младенчестве), очень обрадовало царя Иоанна Васильевича, находившегося в то время в Казанском походе. Наследника ожидали около четырех лет, и вот теперь он явился на свет божий. Крестили младенца в Троице-Сергиевой лавре, у мощей святого Сергия, и дали ему имя Дмитрий в честь Дмитрия Донского, тем более что новорожденный оказывался полным тезкой русскому святому — Дмитрий Иоаннович. Крестил младенца архиепископ Никандр. Казалось, все должно было складываться счастливо. В начале ноября царь вернулся из похода с победой и три дня праздновал и рождение сына, и победу над Казанью. Но через несколько месяцев, в 1553 г., царь опасно заболел горячкой, да так, что несколько дней находился без сознания. А когда пришел в себя, то, чувствуя большую физическую слабость, приказал написать завещание, по которому он оставлял царство своему сыну, младенцу Дмитрию. Собрав ближних бояр, Иоанн Васильевич приказал присягнуть сыну в верности. Но некоторые бояре воспротивились. Отец Алексея

Адашева предложил избрать в цари кого-нибудь из именитых бояр, потому что за младенца, конечно, будут управлять государством Захарьины, родня царицы Анастасии, а печальный опыт такого боярского управления был уже всем известен. И хотя члены «Избранной рады» промолчали, но это было молчание в пользу выступавшего Адашева. Царица Анастасия во время этого спора поняла, что в случае кончины царя ни она, ни ее сын не будут иметь поддержки членов «Избранной рады», а сын ее не получит престола, и затаила неприязнь к ним, особенно к Алексею Адашеву и Сильвестру. Несмотря на разногласия, бояре присягнули царевичу Дмитрию, но неприятный осадок остался. Все знали мстительный характер Грозного. Было понятно, что пришло начало конца «Избранной рады».

После выздоровления Иоанна Васильевича царская семья решила совершить паломничество в Кирилло-Белозерский монастырь, чтобы возблагодарить Господа за избавление государя от тяжелой и опасной болезни и за рождение первенца-сына. На богомолье взяли с собой и царевича Дмитрия (не приняв во внимание, что ребенок родился слабым) и отправились в монастырь речным путем. По дороге, как это было принято, посещали и другие монастыри и церкви. Это был путь утомительный даже для взрослых. Когда возвращались обратно по реке Шексне, царевич Дмитрий уже не мог перенести тяжелого пути и скончался. Его брэнное тельце было привезено в Москву и погребено в Архангельском соборе.

28 марта 1554 г. царица Анастасия родила второго сына, наследника престола, — царевича Иоанна Иоанновича, а 31 мая 1557 г. у нее родился еще один сын — Феодор Иоаннович. В 1560 г., оставив на попечение царя 6-летнего сына Ивана и 3-летнего Феодора, скончалась царица Анастасия. Царь Иоанн Васильевич сам стал воспитывать своих сыновей, особенно наследника — сына Ивана. Уже с детства он стал приучать царевича к участию в правлении. Он брал его, несовершеннолетнего, с собой в различные поездки и на приемы иностранных послов. В 1670 г., когда царевичу Ивану было всего 16 лет, Грозный взял его с собой покорять Новгород и Псков, и царевич стал свидетелем войны царя против своего собственного народа: массового грабежа, особенно духовных лиц, убийства митрополита Филиппа, ограбления, полного уничтожения всего нажитого достояния людей, кровавой расправы над ни в чем не повинными людьми в Клину, Торжке, Вышнем Волочке, Валдае, Яжелбицах, Новгороде и Пскове. Юный Иван, стоя рядом с отцом, присутствовал при

святотатском, греховном поведении отца, не пожелавшего целовать крест из рук архиепископа Пимена и обругавшего духовных лиц, вышедших его встречать. В монастыре, куда царя с сыном и со всем его окружением архиепископ пригласил на обед, Грозный приказал избить духовенство и ограбить обитель, полностью опустошив ее казну и захватив даже те ценности, которые были переданы церкви на хранение ее прихожанами. Так царь-отец учил своего сына царствовать. Все это царь объяснял тем, что жители этих городов в прежние времена (почти 100 лет назад) выступали против московских князей. А на самом деле Грозный таким способом пополнял свою опустевшую казну. И 16-летний юноша все это понимал и, как говорится, «нама- тывал себе на ус».

Царь Иоанн Васильевич привлекал сына своего к участию в страшных своих оргиях, а потому царевич Иван уже с юных лет разделял развратный образ жизни отца. Как ни скрывали развратную жизнь царя и царевича, от народа ничего утаить нельзя. Ничего хорошего от царевича-наследника ни бояре, ни народ уже не ожидали.

В романе «Князь Серебряный» А.Н. Толстой через одного из персонажей дает такую характеристику царевичу Иоанну Иоанновичу: присутствуя на пире у Грозного, «Никита Романович обратил с вопросом к своему соседу, одному из тех, с которыми он был знаком прежде.

— Кто этот отрок, что сидит по правую руку царя, такой бледный и пасмурный?

— Это царевич Иоанн Иоаннович, — отвечал боярин и, оглянувшись по сторонам, прибавил шепотом: — Помилуй нас господи! Не в деда он пошел, а в батюшку, и не по младости исполнено его сердце свирепства; не будет нам утехи от его царствования!»

Когда царевичу исполнилось 17 лет и он уже вдоволь наслаждался развратом: вместе с отцом насиловал женщин, растлевал девушек, развлекался с женами бояр, насильно захваченными опричниками, — царь Иоанн Васильевич выбрал ему невесту, Евдокию Сабурову, из тех Сабуровых, из которых Соломония Сабурова, сосланная потом в суздальский Покровский монастырь, была первой женой его отца, Василия III.

28 октября 1571 г. царь женился на Марфе Васильевне Собакиной, а 4 ноября того же года состоялась свадьба царевича с Евдокией Сабуровой. Марфа Собакина умерла 13 ноября того же года. Так что во дворце шли то свадьбы, то поминки. Следуя примеру отца, Иван недолго жил с женою, развратная жизнь ему была боль-

ше по душе, да и отец придирался к невестке, и он отправил свою жену, как когда-то его дед Соломонию, в суздальский Покровский монастырь, где она была пострижена под именем Александры. Затем царь выбрал царевичу в жены Прасковью Соловую, но и она оказалась не ко двору, и спустя некоторое время было приказано заточить ее в женском монастыре на Белоозере.

В 1582 г. царевич Иоанн женился в третий раз. Его избранницей оказалась Елена Ивановна Шереметева. Но прожила она с мужем всего несколько месяцев. 16 октября того же года Иоанн Грозный в Александровской слободе, его опричной столице, во гневе ударил своего сына-наследника железным посохом в висок. На четвертый день, 19 октября, царевич Иоанн Иоаннович скончался. И.Е. Репин в картине «Иван Грозный убивает своего сына» с потрясающей правдивостью изобразил этот страшный исторический момент.

О причине этого трагического случая историки гадают до сих пор. Одни видят причину ярости Грозного в том, что царь стал опасаться своего сына как претендента на престол. Ему казалось, что народ больше любит царевича, чем царя, и на престоле хочет видеть не Иоанна Васильевича, а Иоанна Иоанновича. В романе «Князь Серебряный» говорится, что Малюта Скуратов, над которым потешался царевич со своими друзьями-опричниками, решил отомстить насмешнику и внушил Грозному, что царевич — это центральная фигура заговора против царя: «Малюта оправился. Он понял, что настала пора для решительного удара.

— Государь! — сказал он вдруг резко. — Не ищи изменников далеко. Супротивник твой сидит супротив тебя, он пьет с тобой с одного ковша, ест с тобой с одного блюда, платье носит с одного плеча!

Замолчал Скуратов и, полный ожидания, решил устремить на царя кровавые глаза свои.

Замолчал и царь. Руки его опустились. Понял он наконец Малюту».

Но не все историки принимают эту версию.

В сентябре 1681 г. Баторий осадил Псков, но Грозный не предпринял срочных действий, чтобы защитить русский город. А потому некоторые историки, особенно иностранные, склоняются к тому, что ссора, явившаяся трагедией, возникла оттого, что царевич напомнил отцу об обязанности царя помочь своему городу Пскову в его противостоянии Баторию. Третьи (прежде всего Поссевин, который прибыл в Москву через три месяца после случившегося) считают, что причина была семейная: накануне

трагедии царь проходил по дворцу и увидел жену царевича, беременную Елену, лежащую в одной рубаше на лавке. Считая такое появление в исподнем перед царем безнравственным и наглым, Грозный избил ее так, что у нее случился выкидыш. Узнав об этом, царевич пошел к отцу, чтобы сказать ему, что его поведение уже ни на что не похоже. Грозный, считая себя всегда и во всем правым, уже не привык себя сдерживать, разгневался на сына за его упрек и в ярости ударил его в висок металлической рукояткой своего царского посоха.

Если рассматривать вопрос с психологической точки зрения, то ясно, что одной из этих причин было бы недостаточно для такой безудержной ярости, и здесь могли сплестись в одно все три причины для возникновения, может быть, даже в полной мере неосознанной ненависти к сыну, а потому для такого безумного, яростного проявления этой ненависти было достаточно лишь одного непонравившегося слова, сказанного царевичем.

У Иоанна IV и царицы Анастасии Романовны был еще один сын — царевич Феодор Иоаннович, родившийся 31 мая 1557 г. Он был всего на три года моложе царевича Иоанна, но совершенно не похож на своего брата ни по характеру, ни по повадкам, ни по поведению. Феодор был религиозен, нрава был тихого, скромн во всем. Почти все свое время он проводил в молитвах. Отец не любил его, считал его малоумным, слабым головою. Но именно Феодору Иоанновичу суждено было стать царем Руси. И именно в его царствование русские люди жили в мире, покое и без боязни, что их убьют без вины, колесуют, четвертуют, разрубят пополам, привесив за ноги вниз головой, что опричники опозорят их и их жен и дочерей...

Иоанн Грозный, умирая, вынужден был оставить на царстве своего «слабоумного» сына, приказав ближним боярам, особенно шурина Борису Годунову, смотреть за ним и помогать ему. В том, что Феодор остался единственным наследником, был виноват сам царь Грозный. Царевич Дмитрий погиб из-за него, потому что упрямый царь непременно хотел взять с собой на богомолье слабого новорожденного ребенка. А второго, Ивана, убил, когда тот уже был взрослым мужчиной. Убил он и внука своего, избив Елену так, что она выкинула. Он знал, что у больного и слабого Феодора не может быть полноценных сыновей. С женитьбы царевича Феодора на Ирине Федоровне Годуновой в 1580 г. до кончины Грозного в 1584 г. прошло четыре года, а сыновей у царевича не было; единственная его дочь Феодосия умерла за три месяца до смерти Иоанна Васильевича. Знал он и то, что со смер-

тью бездетного Феодора пресечется в Москве прямая ветвь династии Рюриковичей на российском престоле.

В 1563 г. у второй жены Грозного, Марии (Кученей) родился сын царевич Василий, но он умер в том же году.

Оставался пятый сын Иоанна Грозного и царицы Марии Нагой — царевич Дмитрий (Уар), родившийся 19 октября 1582 г. Но его законнорожденность была под большим сомнением, потому что его мать была седьмой женой Иоанна Васильевича, хоть и венчавшейся в церкви, но вопреки закону, под нажимом царя, страшного для духовенства. И это понимали и сам царь, желавший при ней жениться на англичанке, и бояре, которые после смерти Грозного выслали Марию Нагую вместе с сыном в Углич. И только царь Феодор Иоаннович, в ситуации отсутствия наследников (особенно после смерти в 1594 г. его дочери Феодосии), признал Дмитрия царевичем и наследником.

Судьба царевича Дмитрия, святого Русской православной церкви, известна: он погиб в 10-летнем возрасте в Угличе во время игры в ножички, сам ли зарезавшись в приступе падучей болезни, или будучи зарезанным подосланными убийцами, на эти вопросы не могли четко ответить ни мать, Мария Нагая, ни мамка царевича. Его загадочная смерть позволила народу обвинить царя Бориса Годунова в убийстве Дмитрия, а Лжедмитриям I, II и III использовать его имя и его титул царевича для авантюристических походов на Москву за властью. Так царевич Дмитрий, десятилетний мальчик, ничем себя не проявивший, стал достоянием истории.

У царя Бориса Годунова и царицы Марии Григорьевны был сын Феодор, родившийся в 1589 г. Царь Борис готовил царевича Феодора к правлению Россией, подвигал его на овладение обширными познаниями в различных науках.

А.С. Пушкин в трагедии «Борис Годунов» запечатлел эти занятия царевича Феодора и одобрение этих занятий царем:

*(Царь) ... А ты, мой сын, чем занят? Это что?
(Феодор) Чертеж земли московской; наше царство
Из края в край. Вот видишь: тут Москва,
Тут Новгород, тут Астрахань. Вот море,
Вот пермские дремучие леса,
А вот Сибирь.
(Царь) А это что такое
Узором здесь виется?
(Феодор) Это Волга.
(Царь) Как хорошо! Вот сладкий плод ученья!*

*Как с облаков ты можешь обозреть
Все царство вдруг: границы, грады, реки.
Учись, мой сын, наука сокращает
Нам опыты быстротекущей жизни —
Когда-нибудь, и скоро, может быть,
Все области, которые ты ныне
Изобразил так хитро на бумаге,
Все под руку достанутся твою.
Учись, мой сын, и легче и яснее
Державный труд ты будешь постигать.*

Борис Годунов, умирая (есть версия о его самоубийстве 13 апреля 1605 г.), успел передать царевичу Феодору трон, и Феодор царствовал почти два месяца — с 13 апреля по 10 июня 1605 г., день, когда он был убит по приказу Лжедмитрия I вместе со своей матерью.

В 1610 г. у Марины Мнишек, венчанной русской церковью и нареченной титулом царицы, от третьего ее мужа — Тушинского вора Лжедмитрия II — родился сын Иван. Одни называли его царевичем, хотя отец его не был царем, а титул царицы его матери тоже вызывал большие сомнения, а другие прозвали его ворёнком. Тем не менее, когда в 1613 г. выбирали царя, одним из претендентов на русский престол был назван царевич Иван. Ему было всего четыре года, когда в июле 1614 г. в процессе очищения Русской земли от остатков Смутного времени он был повешен.

Надо заметить, что в Смутное время «царевичи» появлялись один за другим то как дети Иоанна Грозного, то как сыновья Феодора Иоанновича. Наиболее яркие примеры — Лжедмитрий I (Гришка Отрепьев), Лжедмитрий II (Тушинский вор), Лжедмитрий III (Псковский вор).

У первого царя дома Романовых — Михаила Феодоровича — и его второй супруги Евдокии Лукьяновны фактически был один сын — царевич Алексей (второй сын, Василий, родился и умер в 1639 г.). В 1645 г., после смерти отца и матери, Алексей Михайлович вззошел на трон и царствовал до 1676 г.

Царь Алексей Михайлович имел от первого брака с царицей Марией Ильиничной четырех сыновей: царевича Дмитрия, который в годовалом возрасте погиб в результате несчастного случая; царевича Алексея, прожившего всего 16 лет, царевича Феодора Алексиевича, ставшего царем, и царевича Иоанна, объявленного старшим царем Иоанном V Алексиевичем при младшем царе Петре I.

От второго брака с Натальей Кирилловной у Алексея Михайловича был один сын — царевич Петр, в 1682 г. объявленный младшим царем, после смерти Иоанна V в 1696 г. ставший полновластным царем, а затем в 1721 г. объявленный императором.

Царь Петр I имел от первого брака с Евдокией Федоровной Лопухиной трех сыновей, из которых только первенец-царевич Алексей прожил на свете 28 лет (его братья — царевичи Александр и Павел скончались во младенчестве). От второго брака с Мартой Самуиловной Скавронской (Екатериной I) были сыновья — царевичи Петр (1704—1707), Павел (1705—1707), Петр (1715—1719), Павел (род. и ум. 1717), Петр (1719—1723). В 1723 г. царевичей-наследников не осталось ни одного, и дети у Екатерины I больше не рождались. Почему-то осталось в тени, что царица Екатерина I родила 11 детей, из которых стали взрослыми только две дочери: Анна и Елизавета. Так что наследником-царевичем оставался только Алексей Петрович, сын сосланной в монастырь и лишенной титула царицы Евдокии Федоровны Лопухиной.

Последний российский царевич Алексей Петрович родился 18 февраля 1690 г. До четырех лет он воспитывался бабушкой Натальей Кирилловной и матерью Евдокией Федоровной, а после смерти бабушки в 1694 г. жил с матерью до 1698 г., и в эти четыре года осознанной жизни сильно привязался к матери. Когда ему исполнилось восемь лет, его мать была заточена в суздальский Покровский монастырь, и сам процесс насильственного заточения матери остался для царевича глубокой раной на всю жизнь. Отца он видел очень редко: царь был очень занят, не стремился к нелюбимым жене и сыну, а потому редко бывал дома, да и то недолго. Никакой любви и привязанности к отцу возникнуть не могло, особенно после насильственного пострижения матери, но неловкость за свое поведение, необходимость постоянно оправдываться и страх перед отцом у царевича укоренились навсегда. После удаления царицы Евдокии в монастырь царевич Алексей был передан в село Преображенское на попечение его тетки — царевны Натальи Алексеевны. Царевна прежде всего озаботилась его образованием, и к Алексею был приставлен дядька — Никифор Вяземский, который стал учить царевича грамоте по Часослову и букварю, а затем по грамматике Кариона Истомина. Общее наблюдение за ходом учения и воспитания было поручено А.Д. Меншикову, но Меншиков жил в Петербурге, а царевич — в Москве, Меншиков редко наезжал в Москву, так что это надзирание было чисто условным.

Царевич Алексей был уже изнежен матерью, не отличался крепким здоровьем и телосложением, от природы был ленив, а потому прилежанием и интересом ни к наукам, ни к каким-либо делам не отличался. А учитель его Вяземский и воспитатели Алексей Иванович и Василий Григорьевич Нарышкины от него ничего и не требовали, занимая его большей частью «избными забавами». Его духовник протопоп Яков Игнатьев, крутицкий архиерей Илларион и священник Леонтий Меньшиков, осуждали преобразования, которые проводил Петр, и исподволь настраивали царевича против государя — отца. Будучи человеком односторонне образованным, только в религиозном плане, ленивым и трусливым, царевич Алексей, не понимая устремлений отца, под влиянием своих духовников усвоил себе мысль, что царь — антихрист и помогать ему, участвовать в его делах — грех. Он сознавался протопопу Якову Игнатьеву, что хочет смерти отца. А Игнатьев отвечал ему, что все хотят этого.

При всей своей нерешительности, скрытности, бездеятельности и трусости, воспитанной страхом перед отцом, царевич Алексей способен был таить свои мысли, свои желания и быть непредсказуемым: то быть тихим, сговорчивым, со всем согласным, то проявлять своеволие и жестокость. Он драл бороду своему духовнику Игнатьеву, бил палкой своего воспитателя Никифора Вяземского, подражая своему отцу, который был груб с ним и порой бивал его палкой.

В 1699 г. Петр проверил знания сына, убедился, что его образовательный уровень для военных целей весьма низок, и хотел направить его на учение в Дрезден, но потом почему-то изменил свое решение и пригласил к царевичу учителя Нейгебауера из Саксонии, бывшего студента Лейпцигского университета. Нейгебауер не смог преодолеть сопротивления методам его преподавания со стороны своего подопечного и особенно его воспитателей, и в 1702 г. из-за постоянных жалоб на него царь Петр вынужден был отказать ему в должности. В следующем году Петр пригласил к царевичу в учителя Гюйссена (Гизена), но и тот по тем же причинам не смог вполне справиться с возложенной на него задачей. Однако под руководством Гюйссена царевич овладел французским языком, и предполагалось, что далее он будет изучать фортификацию и «политические дела» на французском языке. Но Петр хотел от сына прежде всего действительной помощи в делах. А потому просил его написать записку о необходимости выполнения предстоящих дел. И в этот период времени до 1708 г. Алексей написал записку с предложениями и выполнял

поручения отца по набору рекрутов, по отправке полонян в Петербург и другие подобного рода поручения, но делал это с видимой неохотой, без интереса к этим делам, часто жалуясь на нездоровье.

В 1705 г. Гюйссен ушел в отставку, а царевич продолжал постигать науки под руководством Вяземского. В 1707 г. царь Петр отправил Гюйсена за границу с дипломатическим поручением. На запрос Петра Никифору Вяземскому в 1708 г. о состоянии обучения царевича Вяземский ответил, что царевич Алексей продолжает изучать немецкий и французский языки, твердит склонения и спряжения, вникает в «четыре части цифири», пишет атлас и читает историю. За 10 лет индивидуального обучения царевич мало преуспел в науках, что говорит, помимо всего прочего, о его лени и весьма скромных способностях. Поразительное дело: в письме к одному из своих товарищей царевич советовал непременно отдать одного его мальчика на обучение, причем рекомендовал обучать его прежде всего иностранным языкам: латыни, французскому и немецкому, — что будет для него весьма полезно. Но сам не очень стремился к постижению каких-либо наук, особенно военных.

Петр еще верил, что сын будет ему помощником в делах. В 1708 г. Петр поручил ему набор полков в Смоленске, затем отправку в Петербург взятых в плен шведов, потом осмотр магазинов (военных складов) в Вязме. Алексей выполнял эти поручения, но опять-таки вяло, не проявляя к делам этим никакого особого интереса, что для кипевшего энергией царя было непонятно и видеть тяжело. Петр всеми силами хотел расшевелить сына, но чем дальше, тем холоднее относился к делам Алексей, а потом и вовсе отстранился от дел. Он стал предаваться пьянству, продолжал окружать себя лицами, недовольными преобразованиями, проводимыми царем. А таких было немало. Духовенство не одобряло действий царя, московские бояре, не привыкшие не только к бурной, а вообще ни к какой активной деятельности, тоже были против преобразований, стрельцы не одобряли большого количества иностранцев, которых приглашал Петр на работу; согнанные на строительства крестьяне проклинали царя и его преобразования, потому что десятками умирали, находясь в невыносимых условиях для жизни и работы. А те, кто находился вблизи царевича, показывали ему свою приверженность как к будущему царю и одобряли его желание после смерти Петра уничтожить все, им сделанное.

Когда царевичу исполнилось 18 лет, Петр поручил Гюйссену подыскать в Европе для царевича подходящую невесту. Гюйссен

предложил несколько вариантов, среди которых была кронпринцесса Шарлотта-Христина-София Бланкенбургская, внучка герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского. Ее сестра была замужем за австрийским герцогом Карлом, который стал к этому времени императором Карлом VI.

В 1709 г. Петр направил своего сына вместе с Александром Головкиным, сыном канцлера, и князем Юрием Трубецким в Дрезден, где они должны были стажироваться по немецкому и французскому языкам и изучать геометрию, фортификацию и политику. Но главной целью был выбор царевичем невесты. Из всех девушек, представленных царевичу на выбор, ему больше всех, как он сказал отцу, понравилась принцесса Шарлотта, по его отзыву, «человек добр и лучше ее здесь мне не найти». Во время этой стажировки, весной 1710 г., царевич Алексей виделся в Шлакенберге с принцессой Шарлоттой. Видя намерение отца заключить этот брак, Алексей не высказывал своего нежелания, а потому 19 апреля 1711 г. был подписан брачный контракт, по которому кронпринцесса оставалась в своей евангелическо-лютеранской вере, а наследники должны были иметь греческое вероисповедание. При совершении брака кронпринцесса должна была получить единовременно 25 000 рублей, а затем ежемесячно ей назначалось пособие в 50 000 рублей. 14 октября того же года была сыграна свадьба. Приехавшие на свадьбу высокородные родственники кронпринцессы Шарлотты были довольны приемом и отношением к Шарлотте со стороны царя и царицы.

По своим религиозным убеждениям царевич считал невозможным, греховным брак с принцессой, имевшей не православное вероисповедание. Но из боязни отца взял этот грех на свою душу.

Тотчас после бракосочетания Петр направил царевича в Польшу за провиантом для армии. Принцесса Шарлотта часто оставалась в одиночестве, жила некоторое время в Эльбинге, а затем переехала к отцу. И только по настоянию Петра в феврале 1713 г. она прибыла в Петербург, но с супругом свиделась почти через полгода — в августе. Все это время она чувствовала себя одинокой и несчастной. В письмах она жаловалась матери, что «если бы не была беременной, то уехала бы в Германию, где согласилась бы лучше питаться хлебом и водою».

В Петербурге у нее был небольшой двор, состоявший из 18 придворных, исключительно немецкого происхождения, и только один придворный, Бестужев, был русским. Этот двор с лютеранским духовенством отгораживал ее от России, да Шарлотта и не

стремилась к сближению с Россией и не проявляла желания стать русской великой княгиней. С ее религиозным, преданным православию супругом их разделяла вера. Друзьями царевича продолжали быть его духовник протопоп Яков Игнатьев и другие священники, его окружением были Ф. Дубровский, А. Кикин и камердинер Иван Большой, которые подогревали в нем ненависть к отцу и желание убежать за границу. И царевич в отношении царя стал проявлять упрямство, непослушание, открытое нежелание что-либо делать. Заметив эту перемену к худшему, Петр встревожился.

А в народе поползли слухи о разладе царевича с отцом, о том, что отец любит немцев, а царевич Алексей их ненавидит и, став царем, освободит страну от их засилья. Будущий царь Алексей не будет так спешно все строить и так заставлять всех работать, как это делается при царе Петре. И как всегда бывает в таких случаях, появились как бы две противостоящие политические партии — царя и царевича, будущего царя.

12 июля 1714 г. кронпринцесса Шарлотта родила дочь Наталью. Царица Екатерина и царь Петр (даже будучи нездоровым) навестили роженицу и поздравили ее с рождением дочери.

Через год, 22 октября 1715 г., у царевича Алексея и кронпринцессы Шарлотты родился сын, которого назвали в честь царя Петром. Казалось, роды прошли благополучно, но Шарлотта встала с постели на четвертый день, принимала поздравления, и вдруг ей стало плохо, врачи констатировали, что нужно ждать летального исхода. Петр, несмотря на плохое самочувствие, все же посетил кронпринцессу на ее смертном одре. Екатерина не смогла приехать, так как была уже на сносях. Через несколько дней после родов кронпринцесса Шарлотта скончалась, оставив двух малюток: годовалую Наталью и новорожденного Петра. Удивительное дело: царевич, довольно равнодушный к Шарлотте, смерть ее воспринял трагически: он рыдал, стонал и падал в обморок. А ведь в это время у него уже была любовница — крепостная девица Вяземского Евфросинья (Афросинья) Федорова (Федорова).

Царь Петр, более всего обеспокоенный тем, что царевич явно пренебрегает деятельностью, которой Петр посвящал все свои силы и время и которую считал главной не только для своего, но и для последующего царствования, много раз обращался к Алексею, но тот формально выполнял его поручения, а по сути в дела не вникал. Петр и беседовал с сыном, и писал ему укоризненные письма, и ругал его, и бил его палкой, но тот становился все уп-

рянее и вообще ничего не стал делать. Устав от этого, Петр перестал обращаться к сыну, а тот старался не попадаться ему и людям из его ближайшего окружения на глаза.

В день похорон кронпринцессы Петр передал сыну письмо, датированное еще 11 октября, в котором говорилось: «Объявление сыну моему. Егда же сию богом данную нашему отечеству радость рассматривая, обозрюся на линию наследства, едва не равная радости горесть меня снедает, видя тебя, наследника, весьма на правление дел государственных. Что все я, с горестью размышляя и видя, что ничем тебя склонить не могу к добру, за благо избрал сей последний testament тебе написать и еще мало пождать, аще нелицемерно обратишься. Ежели же ни, то известен будь, что я весьма тебя наследства лишу, яко уд гангранный, и не мни себе, что один ты у меня сын и что я сие только в утрастку пишу: воистину (богу извольшу) исполню, ибо за мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя, непотребного, пожалеть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный».

На другой день после получения этого письма, Екатерина тоже родила сына, которого тоже называли Петром. У царя теперь появилось еще два наследника — сын и внук.

В письме Петр готов был еще подождать с решением наследства. Но царевич, недолго думая, решил отказаться от наследства, чтобы жить в покое. Через три дня он отправил царю ответ: «Милостивейший государь батюшка! Сего октября, в 27 день 1715 г., по погребении жены моей, отданное мне от тебя, государя, вычел, на что иного донести не имею, только, буде изволишь, за мою непотребность меня наследия лишить короны российской, буди по воле вашей. Детей моих вручаю в волю вашу; себе же прошу до смерти пропитания. Сие все предав в ваше рассуждение и волю милостивую, всенижайший раб и сын Алексей».

Из-за тяжелой болезни Петр ответил сыну письмом только 19 января 1716 г.: «Что всем известно есть, но паче ненавидишь дел моих, которые я для людей народа своего, не жалея здоровья своего, делаю, и, конечно, по мне разорителем оных будешь. Того ради так остаться, как желаешь быть, ни рыбою, ни мясом, невозможно; но или отмени свой нрав и нелицемерно удостои себя наследником, или будь монах: ибо без сего дух мой спокоен быть не может, а особливо, что ныне мало здоров стал. А буде того не учинишь, то я с тобой, как с злодеем поступаю. Петр». На эту угрозу Алексей ответил в письме: «Милостивый государь батюшка! Письмо ваше я получил, на которое больше

писать за болезнию своею не могу. Желаю монашеского чина и прошу о сем милостивого позволения. Раб ваш и непотребный сын Алексей».

Петр мог бы сразу отправить царевича в монастырь, но он не хотел этого скандала, да и жалел все же сына, а потому решил отложить это неприятное дело. Перед отъездом за границу Петр навещил больного царевича, чтобы проститься с ним. На вопрос царя, как он все же решил поступить, Алексей ответил, что по слабости своей не может быть наследником и просил отправить его в монастырь. Последующие события показали, что говорил он это из трусости, а на самом деле желал стать царем и молил бога, чтобы отец скорее умер. Он давно замыслил побег за границу, но выехать из России без разрешения царя было невозможно. Но вот наконец граница открылась. Петр написал ему письмо, в котором звал к себе, на театр войны со Швецией, надеясь привлечь сына к делу. И царевич решил воспользоваться случаем и уехать за границу, надеясь получить там поддержку прежде всего от своего шурина, императора Карла VI.

26 сентября 1716 г., прихватив с собою свою любовницу Евфросинью, царевич выехал из Петербурга в Ригу, вроде бы направляясь к отцу. На самом деле, по совету Кикина, но и сам зная, что делать, Алексей отправился в Вену, где поздно вечером 10 ноября 1716 г. обратился к вице-канцлеру графу Шенборну. По свидетельству Шенборна, царевич стал просить защиты от отца, которого он якобы ничем не прогневил, но отец хочет лишить его и его детей короны и сослать его в монастырь. И он просит спасти ему жизнь, потому что он не хочет идти в монастырь. Это была ложь и, конечно, это была измена. Император и императрица не пожелали дать ему аудиенцию. Граф Шенборн, получив указание от императора, уговорил Алексея спрятаться, чтобы никто не знал, что он находится во владениях императора Карла VI, и предложил ему переехать из Вены в маленькое местечко Вейербург. В начале декабря в Вейербург был прислан императором один из министров, чтобы подробнее узнать об обстоятельствах дела. И царевич повторил министру свою ложь, показав свою неспособность мыслить в государственном масштабе. Ведь он затевал международный скандал.

Петр сначала стал беспокоиться о пропаже царевича, а потом, поняв его замысел, послал своих дипломатов Веселовского и Александра Румянцева на розыски его за границей и в то же время написал письмо императору. Император, естественно, ответил, что в пределах его земель царевича нет. И приказал перевез-

ти царевича в тирольскую крепость Эренберг и держать его там под видом государственного арестанта. Русские сумели выйти на след цесаревича, и Веселовский обратился к цесарю с государственной грамотой, в которой его уличали в криводушии. Чтобы избежать скандала, царевичу было предложено переехать в Италию, в Неаполь, на что он согласился. Афросинья ездила с ним везде в мужском платье под видом пажа, хотя все уже знали, что это любовница царевича.

Поняв, что цесарь решил не выдавать царевича с его любовницей, Петр направил к цесарю тайного советника Петра Андреевича Толстого и Александра Румянцева. Получив аудиенцию у императора, они добились разрешения на свидание с царевичем. Царевич долго сопротивлялся, не желая возвращаться в Россию, но Петр обещал простить его и разрешил ему жениться на Афросинье, но не за границей, а в пределах русских земель.

31 января 1718 г. царевич прибыл в Москву. Афросинья отстала в пути еще за границей, потому что ей пришла пора родить. Петр прибыл из-за границы на встречу с сыном раньше него. Перед ним стояла непростая задача: простить, отправить, как он просит, в деревню? Это ненадежно, это зародыш смуты, угроза жене и детям, разрушение будущего России. Сам, в одиночку, царевич никогда бы не решился на бегство из России. Значит, у него были те, кто направил его, на чью поддержку рассчитывал Алексей, кто готов его поддерживать против царя Петра и не просто как царевича Алексея, а как будущего царя.

В понедельник, 3 февраля 1718 г., были собраны в Кремлевском дворце высшее духовенство и важнейшие светские сановники. На этом совете присутствовал и сам царь. Царевич был введен на совет без шпаги, что означало его разжалование как преступника. Петр обратился к нему с упреками. Царевич, охваченный страхом, бросился перед отцом на колени, со слезами признал себя во всем виновным и стал умолять его о помиловании. Царь обещал его помиловать, если он откажется от наследства и назовет всех людей, которые ему советовали уехать и помогали в побеге. Царевич был согласен на все и написал повинную: «Понеже, узнав свое согрешение пред вами, яко родителем и государем своим, писал повинную и прислал оную из Неаполя, так и ныне оную приношу, что я, забыв должность сыновства и подданства, ушел и поддался под протекцию цесарскую и просил его о своем защищении. В чем прошу милостивого прощения и помилования». После этого царь пригласил сына в другую комнату, где Алексей сообщил ему имена всех своих сообщников: Ки-

кина, Вяземского, царевны Марьи Алексиевны, князя Василия Владимировича Долгорукого, Ивана Афанасьева.

После этой беседы царя с сыном, где царевич из трусости называл даже тех, о ком и не спрашивали, все отправились в Успенский собор. Там царевич, положив руку на Евангелие, отрекся от престола, а затем подписал клятвенное обещание никогда на престол не претендовать.

Розыск по всем названным царевичем лицам начался незамедлительно. Кикин не успел скрыться, был схвачен и под пытками сознался, что часто встречался с царевичем, знал про его отъезд, виделся с ним в Либаве, что советовал ему ехать в Вену и обратиться к цесарю и ни в коем случае не возвращаться к отцу. Кикин был приговорен к жестокой смертной казни. К смертной казни был приговорен Иван Афанасьев и дьяк Федор Воронов, на которого показал Афанасьев. Василий Владимирович Долгоруков был схвачен в Петербурге и в оковах привезен в Москву. Но за ним не нашли такой большой вины, и он был сослан в Соликамск. Вяземский был сослан в Архангельск. Полтора месяца длился розыск. 18 марта Петр уехал в Петербург и взял с собой сына. Царевич мечтал только об одном: быть рядом с Афросиньей и скорее сочетаться с ней браком. Он умолял об этом царицу, стоя перед ней на коленях. Казалось бы, дело закрыто, царевич от престола отрекся и устно принародно перед Евангелием, и в письменной форме, он прощен, а его советчики, бывшие друзья жестоко наказаны.

Но вот в середине апреля в Петербург приехала Афросинья. Ее вызвали на допрос, и она показала, что царевич в Эрленберге писал цесарю письма по-русски, и она их прочитала. В них он жаловался на государя, плохо отзывался о царице Екатерине, писал, что царь хочет лишить его наследства и отправить в монастырь, а он не хочет этого и просит его защитить от произвола отца. Царевич говорил ей, что в газетах и в письмах к нему пишут, что в русском войске бунт, около Москвы волнение, и радовался этому. Он говорил о том времени, когда станет царем: «Я старых всех переведу и изберу себе новых, по своей воле; когда буду государем, буду жить в Москве, а Петербург оставлю простым городом; корабли держать не буду; войско стану держать только для обороны, а войны ни с кем иметь не хочу, буду довольствоваться старым владеньем, зиму буду жить в Москве, а лето в Ярославле» (С.М. Соловьев). Афросинья рассказала, что когда царевич читал в газетах о каких-нибудь видениях и тишине, он считал, что это недаром: «Может быть, отец мой умрет или бунт

будет; отец мой не знаю за что меня не любит и хочет наследником сделать брата моего, а он еще младенец, и надеется отец мой, что жена его, моя мачеха, умна и когда, сделавши это, умрет, то будет бабье царство! И добра не будет, и будет смятение: иные станут за брата, а иные за меня» (С.М. Соловьев).

Когда Петр прочитал и услышал эти показания, он был ошеломлен: перед ним открылось все трусливое представление, которое сын разыгрывал перед ним, а на самом деле он мнил себя законным наследником с готовой программой действий — смести все, что потом и кровью завоевал для России его отец и «птенцы гнезда Петрова», как потом охарактеризовал поэт его сподвижников. Он готов был использовать любое волнение и возмущение, чтобы сбросить отца с престола, он желал его смерти, чтобы скорее занять престол. Было ясно, что Алексей не пожалеет царицу и ее детей, что они погибнут или в угоду ему, или по его приказу.

Петр понимал, что оставлять царевича Алексея с его Афросиньей в деревне нельзя, потому что вокруг него начнут плестись заговоры. Но казнить родного сына, решать дело по-семейному — тоже недопустимо. Царя мучило, что он, призывая Алексея вернуться, обещал ему прощение. Но дело обернулось так, что семейное дело стало государственным: его сын оказался предателем России, государственным преступником. 14 июня царевич был взят под стражу и заключен в крепость.

И Петр, как он всегда решал тяжелые дела, обратился к Сенату и духовенству. Духовенство, тайно не одобрявшее преобразований царя, в своих выступлениях делало упор на прощение, о котором говорится в Евангелии, игнорируя то, что Петр требовал очищения своей совести, потому что Алексей вернулся, поверив его обещанию простить его. Но это обещание было дано в ином контексте, теперь же на карту жизни выдвинулась измена сына своему государю и своей отчизне.

Сенаторы, чтобы определить меру наказания, хотели удостовериться, действительно ли царевич оказался изменником. 17 июня царевича привезли в Сенат из крепости, где он содержался. 19 июня царевича Алексея пытали, дали ему 25 ударов. Он признался, что выдал всех своих советчиков, никого не утаил.

24 июня был объявлен приговор суда: «Сенат и стану воинского и гражданского по неколикократном собрании, по здравому рассуждению и по христианской совести, не посягая и не похлебствуя и несмотря на лица, по предшествующим голосам единогласно и без всякого прекословия согласились и приговорили, что он, царевич Алексей, за все вины свои и преступления главные

против государя и отца своего, яко сын и подданный его величества, достоин смерти» (С.М. Соловьев).

О последнем дне царевича Алексея Петровича имеется свидетельство в «Записной книге С.-Петербургской гарнизонной канцелярии», опубликованное С.М. Соловьевым: «26 июня пополудни в 8-м часу начали собираться в гварнизон его величество, светлейший князь, князь Яков Федорович (Долгорукий), Гаврило Иванович (Головкин), Федор Матвеевич (Апраксин), Иван Алексеевич (Мусин-Пушкин), Тихон Никитич (Стрешнев), Петр Андреевич (Толстой), Петр Шафиров, генерал Бутурлин; и учинен был застенок, и потом быв в гварнизоне до 11 часа, разъехались. Того же числа пополудни в 6-м часу, будучи под караулом в Трубецком раскате в гварнизоне, царевич Алексей Петрович представился».

Царевич Алексей Петрович не был казнен, он умер сам. Эта версия вполне устраивала царя Петра и его сподвижников. В расчет не принималось то, что царевича били и пытали с 19 по 26 января, то есть в течение целой недели, и что умер он через семь часов после того, как ему «учинен был застенок».

На пятый день после смерти царевич Алексей был похоронен в Петропавловском соборе. На похоронах присутствовали царь Петр I и царица Екатерина I.

Царевичу Алексею не суждено было стать царем. Его сын от Софии-Шарлотты Брауншвейгской, внук Петра Великого — Петр Алексеевич — стал императором Петром II. Но ненадолго.

Еще в самое то время, как начался разговор между царем и Скуратовым, царевич со своими окольными въехал во двор, где ожидали его торговые люди черных сотен и слобод, пришедшие от Москвы с хлебом-солью и с челобитьем.

Увидав царевича, они все встали на колени.

— Чего вы просите, аршинники? — спросил небрежно царевич.

— Батюшка! — отвечали старшины, — пришли мы плакаться твоей милости! Будь нам заступником! Умилосердись над нашими головами! Разоряют нас совсем опричники, заедают и с женами и с детьми!

А.К.Толстой. «Князь Серебряный»

Акростих царевичу Алексею Петровичу
на слова «Алексий царевич, вечно живи»

(из Букваря Кариона Истомина)

Аминь буди слава
Любовь чиста права
Единому богу
К себе в слогах многу.
Израиль нелестный,
Избранный и честный
Царев сын царевичь,

Алексей Петрович
Радуйся блаженно
Емли жизнь спасенно,
В господе изрядствуй,
Известно изрядствуй
Челвеком в пользе,
В златых летах долзе
Езди умне в книгах,
Чти мудрость в веригах,
Носит она златы,
Общит в любовь браты.
Жити с нею благо,
Имство (свойство. — *И.В.*) всем предраго,
Взрасти тя бог в славе
Имети ю здраве.

ЦАРЕВНА, -ы, ж.; рус. (от «царь»)

Прил. «царевнин», -а, -о

Титул законнорожденной незамужней дочери царя и царицы. Этот титул в Русском государстве появился вместе с титулами царя и царицы, когда Иоанн IV Васильевич 16 января 1547 г. венчался на царство, был объявлен первым русским царем и 3 февраля того же года женился на Анастасии Романовне Захарьиной-Юрьевой, ставшей первой венчанной русской царицей, и когда у них родилась дочь, первая царевна.

Вофициальных случаях при упоминании царевны употреблялся титул «благородная царевна» или «благоверная царевна». Такой титул был принят и при письменном обращении к царевне с добавлением «великая княжна».

Первой царевной, родившейся 1549 г. от брака царя Иоанна Васильевича с царицей Анастасией Романовной, была Анна, которая прожила на свете всего один год. За ней — царевна Мария, но она и родилась и умерла в 1551 г. Третья царевна, Евдокия, прожила около двух лет (1556—1558).

У царя Феодора Иоанновича и царицы Ирины Феодоровны после долгих многолетних ожиданий в мае 1592 г. родилась царевна Феодосия, но она умерла в двухлетнем возрасте.

Первой царевной, не сразу покинувшей этот свет, была Ксения Борисовна (1581—1622), дочь царя Бориса Годунова и царицы Марии Григорьевны, внучка Малюты Скуратова. Это была очень красивая, но на редкость несчастливая девушка. Кто знает, может, преступления Малюты Скуратова, да и Бориса Годунова, отразились на ее судьбе?

Сначала жизнь Ксении складывалась счастливо: к ней посватался датский королевич, и между ними возникло даже взаимное чувство приязни. Царь Борис был очень доволен этим сватовством, потому что выдать замуж царевну в своем отечестве было весьма затруднительно: среди молодых бояр неженатых не было, а бояре-вдовцы не годились в женихи молодой царевне, а уж боярские дети тем более не могли составить достойную партию для титулованной царской особы. Так что европейский королевич, ставший женихом Ксении, был действительно счастьем для юной царевны.

Однако судьба переменчива: вскоре было получено известие о смерти королевича, и Ксения глубоко переживала свое «вдовство» до замужества. А.С.Пушкин в трагедии «Борис Годунов» рисует сцену в царских палатах, когда Ксения плачет о своем умершем женихе, а мамка утешает ее. Вошедший в палату Борис Годунов винит во всем себя:

*Что, Ксения? Что, милая моя?
В невестах уж печальная вдовица!
Все плачешь ты о мертвом женихе.
Дитя мое! Судьба мне не судила
Виновником быть вашего блаженства,
Я, может быть, прогневал небеса,
И счастье твое не мог устроить.
Безвинная, зачем же ты страдаешь?*

Но самые страшные ее несчастья начались 13 апреля 1505 г., когда скоропостижно скончался ее отец, царь Борис, а 10 июня того же года во дворец пришли люди и по приказу Лжедмитрия I на ее глазах убили ее брата Федора, избранного царем после смерти отца, и ее мать, царицу Марию Григорьевну. А ее оставили в живых, чтобы передать в утеху Лжедмитрию. Лжедмитрий больше месяца наслаждался красавицей, а что было в ее душе от этого насилия, понять нетрудно. Он не отпускал свою наложницу до тех пор, пока Марина Мнишек, ожидавшая венчания и русской короны, не стала требовать, чтобы он выгнал «эту девку». Бедную Ксению, теперь уже бывшую царевну, опозоренную и с растоптанной душой, Лжедмитрий приказал сослать в Княгининский монастырь под Владимиром и постричь в монахини. Она стала инокиней Ольгой и прожила в монастыре в горести и печали до 30 августа 1622 г., даты ее смерти. Похоронена она была рядом с отцом, царем Борисом Феодоровичем, и братом, царем Феодором Борисовичем, в Троице-Сергиевом монастыре.

У царя Василия Ивановича Шуйского и его второй супруги Екатерины Петровны Буйносовой-Ростовской были две дочери — царевны Анна и Анастасия, но обе они умерли во младенчестве.

Царь Михаил Феодорович и царица Евдокия Лукьяновна имели семь дочерей, но четыре из них — Пелагея (1628—1629), Марфа (1631—1632), Софья (1634—1636) и Евдокия (род. и ум. 1636) умерли едва родившись.

Однако три царевны: Ирина (1627—1679), Анна (1630—1693) и Татьяна (1636—1706) Михайловны прожили соответственно 52, 63 и 70 лет.

Царевны Ирина, Анна и Татьяна Михайловны свой век прожили в теремных светлицах, сначала при дворе своей матери Евдокии Лукьяновны, а после ее смерти и женитьбы царя Алексея Михайловича в 1648 г. — при дворе молодой царицы Марии Ильиничны Милославской. Каждая из царевен имела свой дворовый чин, который составляли верховые боярыни, боярыня-мама, крайчая, казначея, постельница, светличная и обслуживающий персонал: портомоя, истопник и другие подобные. Если царевна куда-нибудь уезжала или шла в монастырь, весь ее дворовый чин следовал за нею.

После Смутного времени, когда не только государственная, но и бытовая жизнь русских людей была перевернута, изменились порядки при государевом дворе, несколько по-иному стала протекать и жизнь в тереме.

При дворе царицы Евдокии Лукьяновны ее дети, царевичи и царевны, стали воспитываться несколько в иной атмосфере, чем это было прежде: меньше стало предрассудков, больше добрых порывов души, обозначилось большее движение к открытости. Конечно, оттого, что у Евдокии Ильиничны из 10 детей шестеро умерли во младенчестве и остались только четверо — царевич Алексей и три царевны, — в тереме веяло страхом: уж нет ли тут какого-нибудь злокозненного человека, истребляющего царских детей? Но для детей, тем более для наследника Алексея, этого страха не существовало, перед ними стояли примеры подлинной самоотверженности и самопожертвования, которые в борьбе за самобытность и самостоятельность Русского государства показали миру Александр Невский, Дмитрий Донской, патриарх Гермоген, князь Пожарский, гражданин Минин, Иван Сусанин и другие.

В царствование Михаила Феодоровича, которому во многом помогал его отец, патриарх Филарет, а особенно в царствование Алексея Михайловича, государев двор пополнился новыми людьми, образованными и одаренными. К ним относился родной дядя

царя, брат Филарета, Никита Иванович Романов, который желал приблизиться к культурной жизни Запада, а потому весь свой придворный штат одел в ливреи, как это было принято в западных странах, купил в Англии бот, который для Петра I стал отправной точкой в создании им речного и морского флота (хотя непонятно, почему изображение Петра так поразили этот дядин бот, а не огромный военный корабль «Орел», построенный в Де-динове его отцом).

Это был А.Л. Ордин-Нащокин, известный политик, талантливый администратор, считавший, что от Запада нельзя открещиваться, а надо брать от него то, что полезно для отчизны, особенно то, что хорошо для нее в культурном отношении.

К ним примыкал О.М. Ртищев, подлинный общественный деятель с государственным мышлением и высокими моральными качествами, образованный человек, который почитал необходимым помогать людям прежде всего в получении ими знаний (а потому в 1649 г. он открыл школу при Андреевском монастыре), в улучшении жизни убогих и нищих (а потому построил богадельню), в их недугах (а потому открыл больницу для бедных).

В их числе был боярин А.С. Матвеев, убежденный в том, что от Запада надо брать культуру, а для этого иметь с Европой и торговые, и культурные связи; принимавший у себя иностранных гостей, создавший в своем доме театр и украсивший свой дом западными новинками: часами, зеркалами, картинами.

Среди них был и высокообразованный для того времени, на западный манер культурный человек — боярин князь В.В. Голицын, который свой роскошный московский дом устроил по европейскому образцу: с зеркалами в простенках, с часами, термометром, с географическими картами на стенах, с изображением планетной системы на потолке одной из зал, с картинами, с библиотекой.

Разумеется, появление при государевом дворе таких просвещенных людей отразилось на жизни государева двора и на политике государей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича, которая включала не только восстановление разрушенного в Смутное время хозяйства страны, но и сближение с европейскими государствами. Правда, многие каноны, унаследованные от старины, еще цепко держали в своих руках и царя, и его окружение. И это сказалось, к сожалению, прежде всего на судьбах царевен.

В меньшей степени новые веяния отразились на жизни терема, и в царицыных палатах Евдокии Лукьяновны еще продолжал царить древний дух. Однако маленького царевича Алексея

его воспитатель Борис Морозов, правда, изредка, но одевал в немецкое платье. Да и сам царь Михаил, что видно на одном из его портретов, оставляет на своем лице от огромной бороды только подстриженные усики и бородку-эспаньолку с небольшими бачками.

Царевны-сестры Ирина, Анна и Татьяна Михайловны воспитывались в условиях царицына дворового чина, который усвоил традиции, идущие от великокняжеских дворов, особенно дворов Иоанна III и Василия III.

К каждой царевне от ее рождения была приставлена верховая боярыня-мама и кормилица, у каждой была своя постельница, своя казначея, своя учительница, которая обучала царевну не только читать и писать, но и другим премудростям; псаломщица читала с ней Библию и Евангелие; светличная боярыня со своими мастерицами учили царевну всякому рукоделию и шили для нее платья, и верхние, и нижние. Приходили к царевнам для игр сенные девушки, а когда царевны подросли, то стали к ним приезжать для игр верховые боярышни. На ночь, чтобы царевне хорошо спалось, бахарки (сказительницы) рассказывали ей сказки. Бывали в тереме и развлечения: дурки и дураки смешили их своими выходками.

С родителями они ездили на богомолье в церкви и знаменитые монастыри. А летом ездили на отдых в подмосковные села — Преображенское, Семеновское, Рубцово, Хорошево, Воробьево. Там они смотрели хороводы и слушали песни крестьянок, гуляли, веселились на свежем воздухе, а царь устраивал соколиную охоту и ходил с ловчими охотиться то на зайца, то на косулю, то на медведя.

Но все эти развлечения могли радовать в детстве, а когда царевны пришли в возраст невесты, то радости стало мало: выйти замуж за раба, за холопа своего (а все придворные были рабами царя, а следовательно, и царевны) было позорным делом, а из-за моря королевичи не сватались, уже в прежние века выяснилось, что главным препятствием является православная церковь, которая требует, чтобы жених поменял свою католическую веру, а королевичи на это не шли, потому что и католическая церковь считала переход в другую веру большим грехом. Православная церковь категорически запрещала переходить в католичество, а католические священники не одобряли переход в веру православную.

И все же царь Михаил Феодорович, как только старшей из царевен Ирине исполнилось 13 лет, послал своих боярина, окольничего и дьяка в Швецию, ко двору шведского короля, но это по-

сольство оказалось безуспешным. Затем в 1640 г. были отправлены послы к датскому двору короля Христиана IV, у которого был сын, правда, от морганатического брака, двадцатидвухлетний Вольмер, или Вольдемар. И хотя послам было повелено сначала навести справки об этом королевиче и привезти портреты всей королевской семьи, но они привезли только описание королевича: «волосом рус, ростом не мал, собою тонок, глаза серые, хорош, пригож лицом, здоров и разумен, умеет по-латыни, по-французски, по-итальянски, знает немецкий верхний язык, искусен в военном деле». Портреты королевской семьи послы добыть не сумели и в общем вернулись, как казалось, без видимого результата. Но летом следующего, 1641 г., в Москву прибыло посольство с самим королевичем под именем Вольдемара, графа Шлезвиг-Голштинского. Долго велись переговоры, Вольдемар требовал, чтобы в датской грамоте королевское имя писалось прежде царского. Михаил Феодорович на такое унижение его достоинства не пошел, и датское посольство отбыло к себе на родину.

Можно себе представить, как переживала царица Ирина такой исход дела. Царь тоже понимал, что другого случая может и не представиться. А потому сразу же вслед за королевичем послал новое свое посольство в составе окольного Степана Матвеевича Проестева и дьяка Ивана Патрикеева с предложением брачного союза между королевичем Вольдемаром и царевною Ириной. На этот раз послы везли с собой подарок королевичу пять сороков (связок) соболей и окружавшим его лицам — соболей на 200 рублей. Но и соболя не помогли, потому что явились опять неразрешимые проблемы: кого из государей первым упоминать в договорной грамоте, примет ли королевич православную веру, какие города будут даны в качестве приданого для содержания молодой семьи — Суздаль, Ярославль с уездами или какой-нибудь другой, более богатый город. Не приняв никаких предложений датской стороны, послы отправились домой. Но все же оставили королевичу, которого в то время не было в Копенгагене, царский подарок — пять сороков соболей. Неожиданно вернувшийся королевич встретился с послами, благодарил их за воистину царский подарок, но на вопрос о женитьбе ответил, что во всем полагается на волю короля, своего отца.

Когда послы вернулись в Москву ни с чем, царь очень гневался на них, говоря, что они вели «государственное дело» неумно и неумело.

В это время в Москве проживал датский комиссар Петр Марселис. Его уговорили поехать в Данию и уладить это «государствен-

ное дело». Результатом его переговоров явилось то, что в январе 1644 г. в Москву приехал сам королевич Вольдемар с целью бракосочетания с царевною Ириной. Встретили его торжественно и радушно в Грановитой палате, его приветствовал царевич и наследник Алексей Михайлович, затем его принял сам царь, показавший свою милость: он сошел со своего места и подал королевичу руку, а затем спросил о здоровье. Датские послы говорили, что король датский прислал своего сына, чтобы ему, по царскому желанию, сочетаться браком с царевною Ириной и чтобы условия брачного договора были скреплены. Думный дьяк ответил на их речь, что царь желает, чтобы на этот раз Бог привел бы их к доброму соглашению.

Царевна Ирина потаенно могла видеть королевича в Грановитой палате. Но королевич не видел своей невесты.

Договора, желаемого обеими сторонами, добиться все же не удалось: королевич не согласился переменить свою веру, а о перемене веры Ириной не могло быть и речи.

И дальше начались уговоры и переговоры с Вольдемаром о перемене им веры на православную: 4 февраля царь посетил королевича, говорил с ним о перемене веры, но ничего не добился; 8 февраля патриарх прислал своего посла уговорить королевича; 13 февраля царь пригласил королевича к себе и объяснил ему, что если царь и королевич исповедуют разную веру, то царь не может отдать ему свою дочь, потому что на Руси «муж с женой в разной вере быть не может». Тогда королевич попросил отпустить его домой, но царь ответил, что отпустить его не может, потому что это «непригоже и не честно, что во всех государствах будет стыдно».

Видно, королевич, как бы попав в плен, очень заволновался: он начал переписку с царем, прося его отпустить в Данию, обращался к влиятельным боярам, в частности, пытался прибегнуть к помощи боярина Ф.И. Шереметева, но все бесполезно. А со стороны Михаила Феодоровича наступления на Вольдемара продолжались. 21 апреля патриарх Иосиф послал королевичу письмо, в котором убеждал его покориться воле царя, принять крещение «в три погружения». Бояре пытались воздействовать на королевича через его послов, но послы ответили, что не могут рисковать своими головами, потому что им такого приказа не было. Чем больше давили на королевича, тем больше он сопротивлялся. Он даже обратился к патриарху Иосифу разрешить царевне Ирине вступить в брак без перемены веры с его стороны, а если это грех, то пусть этот грех падет на него.

А бояре, уговаривая Вольдемара, заявили ему, что «быть может онъ думаетъ, что царевна Ирина не хороша лицом, такъ былъ бы покоенъ, онъ будетъ доволенъ ее красотою; чтобы такъ же онъ не думалъ, что царевна Ирина подобно другимъ женщинамъ московскимъ, любить напиваться допьяна: она девица умная и скромная, во всю жизнь свою ни разу не была пьяна...» А Ирине в ту пору было всего 17 лет.

Несмотря на все уговоры, и королевич, и послы просили отпустить их в Данию. 9 мая королевич и его послы предприняли попытку вырваться из Москвы с оружием в руках, но не смогли этого сделать. Они были задержаны у Тверских ворот превосходящими силами стрельцов. В отчаянии Вольдемар заявил, что если его не отпустят, он пойдет на все. А ему ответили, что нужно еще снестись с королем Христианом. А тем временем вокруг места пребывания королевича усилили стрелецкую стражу.

Вся эта история со сватовством уже тянулась более полугода — с января 1644 г. до конца июля, когда датские послы передали с литовскими купцами из Смоленска тайное послание королю Христиану. Был у них также и план — провезти королевича тайком с купеческими товарами за границу литовскую, но план этот провалился. Однако 29 ноября (!) датские послы пришли к царю с грамотой от Христиана, в которой датский король требовал, чтобы царь исполнил брачный договор, заключенный Марселисом. А если это невозможно, то с честью отпустил бы королевича и послов обратно. Но и в этот день царь опять просил царевича переменить веру. Это обращение настолько раздражило Вольдемара, что он пишет царю (а это уже 9 января 1645 г.), что если его не отпустят немедленно, то он будет стараться силой получить свободу, даже если ему придется за это поплатиться жизнью, что так с ним не могли бы поступить даже татары и турки.

Польский посол Стемпковский, очень сочувствовавший Вольдемару, но и хотевший в своих интересах услужить русскому царю, советовал подчиниться воле русского царя, а иначе русский царь соединится со шведским государем против Дании и его, королевича, заточат и отправят в дальние страны. Королевич ответил ему письменно: «Великий князь грози сколько хочет — пусть громом и молниею меня изведет, пусть сошлет меня на конечный рубеж своего царства, где я жизнь свою с плачем скончаю, и тут от веры своей не отрекусь, хотя он меня распни и умертви, я лучше хочу с неоскверненною совестью честною смертью умереть, чем жить со злою совестью». Он писал далее, что может уступить только по следующим пунктам: он согласен, чтобы его дети принимали греческую веру; он обещает, что будет соблюдать посты, но

без повреждения здоровья; что будет носить платье в соответствии с желанием царя; что будет подчиняться во всем, что не противно совести, договору и вере. А больше ни в чем не уступит. Но от веры своей не отречется. После этого в Москве пронесся слух, что королевич заболел.

Царь Михаил Феодорович, уже давно начавший часто хворать, 12 июля 1645 г., в день своих именин, благословив своего единственного сына Алексея Михайловича на царство, скончался. А молодой царь Алексей Михайлович с честью отпустил Вольдемара в Данию. По дороге домой королевич отправил новому царю письмо с благодарностью «за его великую любовь и за то, что отпустил его и послов королевских с честью».

Так королевич полтора года потратил в Московии на сватовство и уехал неженатым. Благодаря недалёковидности царя, патриарха и косности бояр, не сумевших выйти из ситуации, из которой с честью выходили древнерусские великие князья, использовавшие своих дочерей для внешнеполитических связей с Европой, царевна Ирина осталась «девкой-вековухой», вынужденной всю свою жизнь проводить в царицыных палатах рядом со своими сестрами Анной и Татьяной в кругу семьи своего брата-царя. А Российское государство упустило случай установить родственную связь с одним из европейских государств.

После смерти царя Михаила Феодоровича и царицы Евдокии Лукьяновны в 1645 г., а затем женитьбы царя Алексея Михайловича на Марии Ильиничне Милославской, царевна Ирина стала считаться старшей в царской семье. Царь Алексей Михайлович во время своих отъездов поручал ей свою семью, а потому все свои письма к семье адресовал прежде ей, а потом уже Анне и Татьяне: «Государыне моей матушке благоверной царевне и великой княгине Ирине Михайловне и государыням моим сестрам», а за ними именовал жену и всех членов семьи, в том числе и новорожденного. Надо заметить, что Алексей Михайлович был очень нежным и заботливым человеком, любил своих сестер, и свою жену, и своих детей.

В своих письмах из походов на Польшу он не стеснялся показать свою любовь к семье: «А потом всем, всем с любовью поклон, и челом бью всею душою и со всем сердечным своим хотением и радостью...» И семья отвечала ему такой же любовью. Когда он возвращался из похода, семья выезжала ему навстречу в Вязьму, только чтобы поскорее с ним свидеться и показать ему свою любовь. Так, после победы и освобождения от поляков в июле — августе 1654 г. городов Ростиславля, Дорогобуша, Полоцка, Мстиславля, Орши, Гомеля, Чечерска, Нового Быхова, а в сен-

тябре этого года Смоленска, царь написал семье 14 ноября 1654 г. о своем возвращении домой и об их встрече его на пути со всей теплотой, на которую был способен Алексей Михайлович, в писаниях своих романтически настроенный: «А что едете ко мне и зело о том радуюся и жду вас, светов, как есть слепой свету рад».

Для него царевна Ирина была особенно почитаемым человеком. Она была старше его на два года, и когда они лишились родителей, ей было уже 18 лет, а ему только 16. В этот период жизни человека два года считается большой разницей. Возможно, обращение к Ирине «государыня моя матушка» не случайно: своим теплым вниманием она действительно заменяла ему мать. А когда его воспитатель Борис Морозов познакомил его с сестрами Милославскими и он выбрал Марию Ильиничну, он привел свою невесту до свадьбы к сестрам и поручил ее царевне Ирине Михайловне. И это старшинство Ирины для него непререкаемо, в письмах к Ирине он не забывает просить ее: «Да, пожалуйста, не покиньте моей жены и вашей невестки, и своих племянников и племянниц, а моих детей...», тем самым поручая ей все самое для него дорогое.

У царя не было секретов от сестер и жены, а особенно от Ирины. Он пишет на имя Ирины и о своих военных делах: «...молитвами угодников Бориса и Глеба и других святых и счастьем царевича Алексея Алексиевича большой город взяли за полчаса до света, а меньший городок зажгли гранатами» и далее: «...на приступе было 3400 чел., а убито и ранено немного...» (3 августа 1656 г.). И о стихийных бедствиях, о необычном разливе Днепра: «...да буди вам ведомо: на Днепре был мост 7 сажен вверх над водою, и на Фоминой неделе прибыло (воды. — И.В.) столько, что уже с мосту черпают воду...», «...а в ширину немерно разлился, чаю, на версту...», «...смоленские сидельцы говорят, что с 30 лет такой большой воды не запомнят» (30 апреля 1655 г.). Он передает в письме к Ирине и своим близким самые разные сообщения, например, «...да буди вам, государыням, ведомо, что привезли к нам из Афонския горы крест царя Константина, да главу Иоанна Златоуста...» (10 июня 1655 г., из Шклова). Чтобы сделать приятное своей сестре, царевне Ирине, он пишет о том, как в день ее именин он и его близкие бояре и воеводы «по чину радостно пировали», «точию о том скорбилися, что лицом к лицу не видалися, но духом всегда нераздельны николиже» (5 мая 1655 г.). Да, духовно они были близки и нераздельны. Но когда Алексей Михайлович женился на молодой Наталье Кирилловне Нарышкиной, да еще и родился Петр, к Ирине и к сестрам, да и к детям своим от Марии Ильиничны Милославской он заметно охладел.

Теперь он адресует письма не на имя благоверной царевны Ирины, а на имя любимой жены Натальи Кирилловны.

Царевне Ирине Михайловне принадлежало лично село Рубцово (Покровское), где она родилась. Оно досталось ей от ее бабушки по отцовской линии, инокини Марфы. Ирина часто уезжала из Москвы в Рубцово и подолгу там жила, занимаясь насаждением садов, устраивая каскады прудов — словом, всячески украшая свою землю. Отношения ее с невесткой Марией Ильиничной были самыми сердечными. Сохранилось предание, что в 1653 г. Ирина пожертвовала на постройку женской Успенской обители 30 рублей с приказом молить Бога за царицу Марию Ильиничну, чтоб у нее родился сын. И действительно, в 1654 г. у нее родился сын Алексей, правда, он умер 16 лет от роду в 1670 г., но царица об этом не узнала, она скончалась на несколько месяцев раньше него.

В 1654 г. в Москве началась эпидемия моровой язвы (чумы), царевна Ирина Михайловна со всем царским семейством и патриархом Никоном спасались от страшной болезни в Калязин-Макарьевом монастыре.

В мае 1672 г. Ирина Михайловна крестила младшего царевича Петра. Она умерла в 1679 г., в царствование своего племянника Феодора Алексиевича, пережив своего брата, царя Алексея Михайловича, на неполных три года.

Вторая дочь царя Михаила Феодоровича и царицы Евдокии Лукьяновны, урожденной Стрешневой, царевна Анна, была полностью подчинена сначала своей старшей сестре Ирине, а затем более деятельной, чем она, хоть и младшей сестре Татьяне. Годы, прожитые ею в тереме, были полны трагических событий: когда ей было 15 лет, умерли и отец, и мать. Покуда была жива царица Мария Ильинична, царевна Анна, уж и не мечтавшая о своей семье, полностью растворилась в заботах о своих племянниках. Когда Алексей Михайлович женился на Наталье Нарышкиной, Анна, как и все ее сестры и племянницы, очень холодно приняла появление «мачехи» в царицыных палатах и, что называется, душой и телом примкнула к партии Милославских.

После смерти брата-царя царевна Анна в скандальной атмосфере борьбы Милославских с Нарышкиными старалась быть незаметной, держась сестры и подчиняясь ее решениям и поступкам. Когда Анне Михайловне исполнилось 62 года, она, как бы почувствовав приближение смерти, решила уйти в монастырь. 18 октября 1692 г. царевна Анна Михайловна постриглась в Девищем Вознесенском монастыре и стала инокиней Анфисой.

Но инокиней она была всего девять дней: 27 октября того же года она скончалась и погребена была там же, при Девичьем Вознесенском монастыре.

Царевна Татьяна Михайловна имела более энергичный характер. Когда скончались ее родители, ей было всего девять лет. Детство и юность ее прошли в теремной обстановке. Имея перед глазами историю неудачного сватовства ее сестры Ирины, царевна Татьяна не думала уже о своем семейном счастье, а больше приобщилась к вере и церковным делам.

Когда патриарх Никон стал проводить церковные реформы, царевна Татьяна поддержала его нововведения, она была, что называется, «на его стороне». Имея к нему особое расположение, она искренно ему сочувствовала, особенно тогда, когда Собор лишил его патриаршества и приговорил к ссылке в Кирилло-Белозерский монастырь. По ее просьбам Алексей Михайлович писал письма сосланному Никону, посылал ему посылки с теплыми вещами и сладостями. Не исключено, что с согласия царя посылки посылала ему и Татьяна Михайловна. Когда престол занял ее племянник Феодор Алексеевич, царевна Татьяна обращалась и к нему, прося о снисхождении к Никону, о переводе его в построенный им Воскресенский монастырь, где условия содержания были значительно лучше. Решение о переводе Никона зависело не от царя: патриарх Иоаким считал, что «свержен он не нами, а великим собором и вселенскими патриархами; мы не можем возвратить его без их ведома». Собор, созванный по велению царя, не вынес положительного решения. По просьбе Татьяны, переживавшей эту неудачу, царь написал Никону утешительное письмо. Царевна Татьяна Михайловна до самого конца была верна своему другу и бывшему ее духовнику Никону. Ей удалось все же добиться перевода его в Воскресенский монастырь в 1681 г., но по дороге в этот монастырь Никон скончался. По ходатайству Татьяны Михайловны тело бывшего патриарха Никона было погребено в Воскресенском монастыре, в одном из приделов главного храма, под так называемую Голгофскую гору, где внизу была устроена церковь, в которую вели 33 ступени, символизирующие 33 года земной жизни Христа. Через 10 лет после захоронения Никона, в 1691 г., Татьяна Михайловна принесла в дар Воскресенскому монастырю серебряный позолоченный ковчежец со святыми мощами — десницей (правой рукой) мученицы Татианы, тем самым как бы отдав должное Никону, который построил в этом монастыре храм Воскресения Христова, подобный Иерусалимскому храму, и в то же время через мощи своей святой

покровительницы Татианы как бы соединив себя с бывшим ее духовником и другом.

После смерти царевен Ирины и Анны Татьяна Михайловна становится старшей в царской семье, а это значит, что она пользуется большим почетом и уважением среди всех членов царской семьи, к ее мнению прислушиваются, в семейных торжествах и погребальных церемониях ей принадлежит первое, самое почетное место; именно она является хранительницей обычаев царицыных палат и царицына дворового чина. Ей принадлежит право делать выговор за неправильные, с ее точки зрения, поступки при государевом дворе. Так, например, когда царица Наталья Кирилловна во время похорон царя Феодора Алексеевича увела царевича Петра домой до окончания погребальной церемонии, царевна Татьяна Михайловна послала монахиню к Наталье Кирилловне с выговором. И царица вынуждена была оправдываться перед царевной.

Татьяна Михайловна в 1652 г. крестила свою племянницу, царевну Марфу, а в 1690 и 1691 гг. вместе со своим младшим племянником Петром Алексеевичем стала восприемницей дочерей царя Иоанна Алексеевича, царевен Феодосии (1690) и Екатерины (1691).

В борьбе Милославских и Нарышкиных царевна Татьяна держала сторону Милославских, клан которых со всей решительностью возглавляла царевна Софья, а потому Татьяна тоже стояла за совместное правление Ивана и Петра Алексеевичей и за то, чтобы Софья стала правительницей при малолетних царях. И Софья была благодарна царевне Татьяне Михайловне, которая «была у нея в милости, пользовалась влиянием и почетом и получала значительные средства для широкой жизни; во время известного диспута с раскольниками в Грановитой палате (5 июля 1682 г. — *И.В.*) она сидит рядом с правительницей Софьей на царских тронах, а Наталья Кирилловна, Мария Алексеевна и патриарх сидели пониже, в креслах».

После падения Софьи и пострижения ее в Новодевичьем монастыре Татьяна Михайловна уже не имела такого влияния при государевом дворе, как прежде, утратила она и материальные средства, позволявшие ей и самой жить на широкую ногу, и помогать своим близким. И все же она не теряет своего лица помощницы и благодетельницы в семье Романовых. Надо сказать, что царь Петр относился к Татьяне Михайловне с большим почтением и, как он привык с детства, признавал ее старшинство в царской семье.

Одновременно с царевной Софьей царь Петр отправил в монастырь и ее родную сестру, царевну Марфу, которую постригли под именем инокини Маргариты.

В заточении инокиня Маргарита очень нуждалась: ее братец царь Петр Алексиевич не считал нужным благодетельствовать «преступнице». Царевна Марфа Алексиевна, зная, что ее тетя и крестная мать Татьяна Михайловна непременно поможет ей, писала ей из монастыря слезные письма с просьбой ходатайствовать за нее перед царем Петром о послаблении в суровых условиях монастырской жизни. Называя царевну Татьяну самыми ласковыми и почтительными именами: «радость моя», «государыня тетушка и матушка, благородная царевна», она часто просила ее одолжить ей деньги, когда 300, когда 500 рублей. И Татьяна Михайловна, несмотря на скудость собственных средств, посылала ей деньги и ходатайствовала за нее, откликаясь на все ее просьбы, в том числе и на просьбу прислать ей доктора.

Царевна Татьяна Михайловна скончалась в 1706 г. и была погребена в Девичьем Вознесенском монастыре, где были похоронены ее сестра царевна Анна Алексиевна, в иночестве Анфиса, и другие царевны, ее сестры и племянницы, умершие во младенчестве и в детстве.

У царя Алексея Михайловича от первого брака с Марией Ильиничной Милославской родились восемь дочерей-царевен, две из которых покинули мир сей в раннем детстве: царевна Анна (1655—1659) скончалась в четырехлетнем возрасте, а Евдокия родилась и умерла во младенчестве в 1669 г.

Но шесть царевен из клана Милославских достигли внушительного возраста, и одна из них, Софья, сыграла в истории Российского государства значительную роль.

Старшей из царевен была Евдокия (1650—1712); она явилась на свет после смерти первенца царской четы — царевича Дмитрия, который умер в годовалом возрасте в 1649 г. Ждали сына, а «дал Бог дитятко моленное, да не прошенное» — в конце декабря 1650 г. родилась дочь.

Хоть и было чувство разочарования у царя Алексея Михайловича, но рождение дочери-царевны было отмечено по чину: в церкви прошел торжественный молебен, и народ был оповещен, что царица родила «дщерь, благоверную царевну, великую княжну Евдокию».

Царевну Евдокию крестили в Чудовом монастыре в присутствии царя и его сестер-царевен. С 28 января 1651 г. к ней была приставлена мама, княгиня Фетинья Володимировна Сицкая, в 1653 г. возведенная в боярыни. Затем ее мамой стала боярыня

княгиня Аксинья Хилкова, а позже — Пелагея Ивановна Ивашкина.

Когда умерла ее мать, царица Мария Ильинична, царевне Евдокии было 19 лет. Через год царь женился вторично, и 20-летняя царевна Евдокия не приняла, что называется, ни душою, ни телом мачеху Наталью Кирилловну, которой в ту пору было тоже 20 лет. Надежды на замужество, приобретение семьи и собственных детей у нее не было. Царь, памятуя неудачный опыт сватовства с королевичем датским Вольдемаром, не обращался к европейским королевским семьям с этим вопросом, а потому у царевен Алексиевн не было никакой надежды выйти замуж.

Когда в царицыных палатах появилась молодая царица Наталья Кирилловна, царевны Евдокия и Марфа жили уже в верхних светлицах для совершеннолетних царевен. Как старшая, Евдокия должна была заботиться о младших сестрах. Царевне Софье шел тогда 13-й год, царевне Екатерине было 11 лет, Марии — 9 лет, Феодосии — 7 лет. Разумеется, при наличии большого штата царицына дворового чина Евдокии не приходилось ухаживать за ними, но Евдокия постоянно была в царицыных детских палатах и, пользуясь этим, противодействовала царице Наталье.

Новые веяния времени, деятельность уже упомянутых выше прогрессивных людей, просвещение и творчество Симеона Полоцкого при дворе не коснулись царевны Евдокии. Она уже не подлежала обучению и была полностью растворена в теремной атмосфере государева двора. А потому она подчинялась своей младшей сестре, образованной и умной царевне Софье и принимала ее политику без рассуждений.

Царевна Евдокия Алексиевна умерла в 1712 г., на 62-м году своей жизни, когда ее сводный брат Петр I расширял пределы своего царства и с невиданной доселе энергией проводил политику реформаторства.

Царевна Марфа (1652—1707) родилась вслед за Евдокией, и Алексею Михайловичу снова пришлось разочароваться: опять родилась дочь. Так же, как и в первом случае, по чину отслужили торжественный молебен в храме и оповестили народ, что родилась «дщерь, благоверная царевна, великая княжна Марфа Алексиевна».

4 сентября 1652 г. новорожденную девочку крестили в Чудовом монастыре. Крестной матерью ее стала, как уже говорилось, царевна Татьяна Михайловна. Девочку называли Марфой в честь прабабушки Ксении Ивановны, в инокинях носившей имя Марфы. После крестин царевну Марфу передали на попечение боярыне-матери Ульяне Петровне Шереметевой. В 1659 г., когда Мар-

фе шел седьмой год от рождения, у нее и у царевны Евдокии появилась своя крайчая, верховая боярыня Артюхина Марья Андреевна. Затем к ней приставили учительницу, ею была мастерица Авдотья Пыпина, которая обучала царевну грамоте, чтению Часослова и Псалтыри, а также рукоделию.

При жизни родителей Марфа довольно часто выезжала с ними из дворца на богомолье или в загородные поездки, чаще всего в Измайлово, где Алексей Михайлович налаживал образцовое хозяйство, где был прекрасный парк с диковинными растениями, яркими беседками, прудами и особым образом разбитыми огородами. Были и вынужденные поездки. В 1654 г., когда в Москве началась эпидемия чумы, Марфа (в то время ей было два года от роду) вместе со всей царской семьей выезжала из Москвы и по пути в Калязин останавливалась в Александровой слободе, в женской Успенской обители, которая впоследствии стала ее последним пристанищем. По обычаю ее сопровождала боярыня-мама Ульяна Петровна, а затем, когда царевна вошла в возраст отроковиц, — и учительница Авдотья.

Марфе не пришлось набираться свежих знаний, которые давал учитель царевичей Алексея и Феодора — Симеон Полоцкий, потому что, когда он появился при дворе, Марфе уже было 16 лет, и она, как уже говорилось выше, была переведена в светлицу для совершеннолетних царевен, а потому не могла уже приобщиться к его просветительскому воспитанию.

5 июня 1668 г. царевна Марфа в числе других царевен была представлена («объявилась») патриарху антиохийскому Макарию, который прибыл из Палестины в Москву на Вселенский собор для рассмотрения дела патриарха Никона. По этому случаю велись записи, и в них царевна Марфа показана как 16-летняя рослая, дородная, полная цветущей красоты девушка. Тогда Марфа получила от патриарха Макария благословенную грамоту.

В следующем году скончалась ее мать, царица Марья Ильинична, и Марфу стала опекать ее крестная мать — царевна Татьяна Михайловна.

Первый год после смерти жены царь с особенной нежностью и вниманием относился к царевнам, но когда женился вторично и родился царевич Петр, в отличие от хилых мальчиков Милославских, сильный, смысленный крепыш, Алексей Михайлович большее внимание стал уделять новой семье, чем возбудил ревность у царевен к мачехе и особенную к ней нелюбовь. Марфа, как и весь царицын дворцовый чин, предалась толкам и пересудам относительно новой царицы.

Нельзя сказать, что царевны были «заживо погребены» за стенами терема, в царицыных палатах, и в кремлевских садах, и в загородных поместьях практиковались всякого рода развлечения: хороводы, игры, медвежьи потехи, органная музыка, фокусники. Царь Алексей Михайлович построил специальные палаты для театра, и царевны сначала потаенно наслаждались театральными зрелищами, а когда царем стал их брат Феодор, то смотрели спектакли, уже не таясь. Царевна Марфа была девушкой очень жалостливой, сочувствующей чужому горю, а потому пригрела у себя не дурку, как царевна Ирина Михайловна, не кошечку, не собачку, а малолетнюю безногую девочку-сиротинку.

Ей жаль было братца, царя Ивана, и она боролась за него вместе с Софьей, хотя и знала, что Иван «скорбный головой». Она всей душой поддерживала Софью во время ее семилетнего правления, а Софья предоставляла ей большие привилегии и хорошо ее финансировала, так что Марфа жила на широкую ногу.

Эти ее качества характера — жалостливость и сочувствие, особенно ко всеми царевнами почитаемой Софье, желание помочь сестре и привели ее к трагическому для нее концу. Правда, к этому сочувствию и желанию вернуть Софье власть примешивались и личные меркантильные интересы вернуть себе богатую и беззаботную жизнь. Когда Софья, отправленная царем Петром в монастырь, оказалась в тяжелых условиях, но еще не теряла надежды на освобождение ее стрельцами, царевна Марфа, всем сердцем сочувствовавшая ей, оказалась для нее связной, она продолжала сноситься со стрельцами и передавала сестре, что стрельцы желают снова видеть ее правительницей. На допросе Марфа чисто-сердечно призналась во всем Петру, и за это была сослана в Успенский монастырь и пострижена в инокини под именем Маргариты. Ей было тогда 46 лет. В Успенской обители инокине Маргарите предоставили перенесенные с государева дворового места хоромы, которые поставили у большой колокольни Распятной церкви времен Иоанна Грозного. По свидетельству Н.С. Стромилова, эти хоромы-кели из белого тесаного камня стояли отдельно от других келий, были крыты тесом, невысоки, с маленькими окнами, внутри их было темно и мрачно. Инокания Маргарита поселилась в них не одна, а со всем своим дворовым чином: боярынями, казначеей, постельницами. Кроме того, ей прислуживали молодые монахини-послушницы монастыря. Караула у ее келий не было, только особым указом царя игуменье монастыря был поручен бдительный надзор за ней.

Несмотря на то что царь Петр давал на содержание инокини Маргариты ту же сумму, что получала царевна Марфа до пострижения, — 2649 рублей в год, Маргарита, привыкшая ни в чем себе не отказывать, испытывала нужду и в деньгах, и в продовольствии. Дело в том, что из-за медлительности исполнителей поставки продовольствия из подведомственных Приказу Большого дворца разных московских приказов — сытного, хлебного, запасного, из овощной палаты и других — продукты сильно задерживались и приходили в Успенскую обитель уже совершенно испорченными. А потому царевне-инокине приходилось просить денег взаймы, чтобы не голодать. Она постоянно писала об этом своей тетке царевне Татьяне Михайловне с просьбами то ходатайствовать перед царем Петром об улучшении условий ее содержания, то, чтобы вместо продуктов, которые присылают зимой «перемерзлые», а летом «протухшие», давали бы деньги, то дать ей взаймы денег, то прислать к ней доктора. И Татьяна Михайловна, уже старая и больная, как уже говорилось, исполняла ее просьбы, всеми правдами и неправдами помогая своей крестнице.

Нуждаясь в самом необходимом, Маргарита писала и младшей сестре своей Марье Алексиевне, прося дать ей взаймы 500 рублей, и дядьке Петра, «кесарю» Федору Юрьевичу Ромодановскому, с просьбой вместо протухших продуктов присылать ей деньги, и к царскому дяде Льву Кирилловичу Нарышкину, чтобы он помог ей в ее нужде, и даже самому царю Петру, прося его приехать вместе с царевичем Алексеем и пожаловать ей и ее сестрам деньги блаженной памяти царевны Татьяны Михайловны из большой казны.

В результате ей была прислана грамота с указанием, из каких монастырей и в какие сроки будут поступать ей деньги. Но проходили все сроки, и ни денег, ни продовольственных запасов она не получала. А когда получала — все было уже протухшее и заплесневелое.

Царевна-инокиня Марфа-Маргарита провела в монастыре девять лет жизни (1698—1707). Монастырская ее жизнь протекала по сути однообразно: большая часть дня посвящалась молитвам и чтению священных книг, а в остальное время домашним заботам, письмам и рукоделию — вышиванию то ризы, то стихаря, то еще каких-нибудь даров для церкви. Пока она была здорова, то вместе с другими инокинями носила кирпичи на строительстве в монастыре, трудилась на уборке сена, а чаще работала в своем садике около кельи, сажая цветы и ухаживая за ними. Ве-

чером за чаепитием велись беседы с ее боярынями и другими приближенными, обсуждались новости из Москвы о нововведениях молодого царя Петра. Эти новости черпались из приходявших к ней писем и от богомольцев, останавливающихся в обители. Очень редко, но бывали и посещения ее родными и знакомыми. В 1699 г. ее посетила бывшая комнатная девица царевны Софьи — Марья Васильевна Головина (рожденная Мещерская), приезжали и родные сестры, царевны Марья и Феодосия Алексиевны, которые оставались у нее на некоторое время.

По монастырскому преданию, однажды ее посетил царь Петр. Неожиданно приехав в монастырь, он отстоял обедню, а затем прошел прямо в келью инокини Маргариты. Она сидела в кресле, тучная и дряхлая, и читала акафист своему ангелу. Этот вид его «преступной» сестры весьма ему понравился.

В конце 1706 г. царевич Алексей тайно навестил ее. Он ехал в Суздаль, чтобы свидеться с матерью, находящейся в заточении в суздальском Покровском монастыре под именем инокини Елены, и по дороге навестил свою тетку, тоже заточенную в монастыре.

Царевна Марфа, в иночестве Маргарита, тихо почил в жаркий день 19 июня 1707 г., прожив на свете 54 года, 9 месяцев и 25 дней.

По ее желанию ее погребли в Успенском монастыре «без чина», без церемониала, полагавшегося ей как царевне, в общей усыпальнице с простыми монахинями. Через пять лет, в 1712 г., царевны Марья и Феодосия Алексиевны посетили Успенский монастырь и перенесли прах своей сестры в «царевнину усыпальницу», то есть в особую подвальную палатку.

Третьей царевной (если не считать Анну, усопшую в четырехлетнем возрасте) и шестым ребенком в семье Алексия Михайловича была Софья (1657—1704). Она родилась под знаком Девы 17 сентября 1657 г. Ее матери, царице Марии Ильиничне, шел тогда 31-й год от роду. Алексей Михайлович был человеком мягким, благодушным, восприимчивым, страстным, но отходчивым и романтически настроенным. Он никогда «не посягал ни на чье имущество, ни на чью жизнь, ни на чью честь». Мария Ильинична — «красавица, воспитанная в старинных обычаях, чванливая, но ума не выдающегося».

Как и при рождении царевен Евдокии и Марфы, в честь появления на свет царевны Софьи был отслужен торжественный молебен, и народу возвестили, что царица Мария Ильинична родила «дщерь, благоверную царевну, великую княжну Софью Алексиевну».

Софья в большей степени похожа была на отца, но была более живой, страстной, порывистой и впечатлительной, что по характеру сближало ее со сводным братом Петром. И к тому же она была «принцесса ума великого». Несмотря на то что Софья родилась под знаком Девы и должна была бы во всем отдавать первенство другим, она, напротив, имела властный, честолюбивый характер и желание быть всегда первой, главной, лидером.

По обычаю царицына дворового чина, после крещения и первоначального кормления младенца кормилицей, Софья была отдана под неусыпное наблюдение боярыни-мамы, княгини Анны Никифоровны Лобановой-Ростовской.

Надо сказать, что царицы Евдокия Лукьяновна и Мария Ильинична не кормили своих младенцев грудью, а поручали это кормилицам, но не для того чтобы сохранить грудь, как это делалось при европейских дворах, а для того чтобы быть способной к новому зачатию. Потому-то интервал между родами у них и составлял один-два года.

Правила и обычаи для женщин на Руси еще с XII в. были близки правилам и обычаям, установленным Моисеем (Библия, Левит, 2—5). Казалось бы, эти законы жестоки и дискриминируют женщину, но если рассматривать их с точки зрения гигиенической, то они были не только не жестоки, но просто необходимы. Так, «с женщиной, родившей дитя, нельзя вместе есть». Это было важно для того, чтобы не заразить женщину, кормящую мать, какой-нибудь болезнью, а вместе с ней и ребенка. Если женщина «родит младенца женского пола, то во время очищения своего она будет нечиста две недели и шестьдесят шесть дней должна сидеть, очищаясь от кровей своих». «Ни к чему священному она не должна прикасаться и к святилищу не должна приходить, пока не исполнятся дни очищения ее». И это весьма разумно, потому что при общении с людьми в храме она может подхватить вирус, который пагубно скажется на ней и ее ребенке. Тем более что организм ее еще не оправился полностью после родов.

В царицыном тереме, следуя этим правилам, царское дитя выдерживалось до крещения вместе с матерью и находилось в руках кормилицы, а уж потом передавалось боярыне-маме, которая в некоторых случаях продолжала приглядывать за «дитятей» даже и тогда, когда «дитя» стало уже взрослым.

Но вернемся к царевне Софье, детство которой протекало в условиях терема, правда, уже в обновленной обстановке, которая позволяла девочке, царевне, благодаря ее смелости, покидать терем и приходить к братьям своим Алексею и Феодору на муж-

скую половину государева двора и вместе с ними учиться у просветителя Симеона Полоцкого (1629—1680), который прибыл в Москву около 1664 г. Ее способности к учению и желание познавать и создавать новое пленили учителя, и он с радостью стал не просто ее учителем, но и наставником в ее литературном творчестве. Софья изучила грамматику, риторику, пиитику, латынь и польский язык. Ввиду того что при Алексии Михайловиче в селе Преображенском начал действовать придворный театр, а пьесы для него стал писать Симеон Полоцкий, Софья увлеклась театром и тоже стала писать театральные пьесы под руководством своего учителя. А Полоцкий, восхищенный своею ученицею, посвящал ей свои произведения.

Но в большей степени Софью привлекала история Византии, Рима, других стран, и особенно ей нравились русские летописные сказания. В царской библиотеке было много книг по истории на греческом, латинском и польском языках, было много переводных книг и на русском языке. И Софья, руководимая Полоцким, увлеченно читала эти книги.

Симеон Полоцкий был плодовитым писателем. Его перу принадлежат сборники виршей (стихов) и комедий, написанных силлабическим стихом, — «Рифмологион», а также «Вертоград многоцветный» и «Венец веры кафолической» (католической), которые он посвятил царевне Софье, затем «Жезл правления», «Обед душевный», «Вечеря душевная», «Псалтырь рифмотворная», драматические произведения: «Комедия о Навуходоносоре-царе», «Комедия притчи о блудном сыне» и другие. Его вирши в «Рифмологионе» посвящены различным событиям из жизни царской семьи или представляют собой назидания в поведении людей. Так, например, им написано стихотворение, посвященное окончанию реставрации царского дворца в селе Коломенском. Оно называется «приветство благочестивейшему, тишайшему, самодержавнейшему великому государю царю и великому князю, всея великия и малыя и белыя России самодержцу о вселении его благополучном в дом, велиим иждивением, предивною хитростию, пречюдною красотою в селе коломенском новосозданный». И начинается оно так:

*Добрый обычай в мире содержится:
В дом новозданный аще кто вселится,
Вся дружи его ему приветствуют,
Благополучно жити усердствуют,
И дары носят от серебра и злата
И хлеб, да будет богата полата.*

Подобные стихи пытались писать и его ученики: наследник-царевич Алексей, умерший в 1670 г., будущий царь Феодор Алексеевич и царевна Софья. Но преуспел в этом деле его самый ревностный ученик Сильвестр Медведев (1641—1691), после смерти своего учителя сменивший его на поприще придворного стихотворца. Вместе с ним творил и один из ученийших людей конца XVII в. Карион Истомин, автор «Большого букваря», изданного в 1692 г., возможно, при поддержке царевны Софьи Алексеевны. Перу Истомина принадлежит обширное «Приветствие царевне Софье Алексеевне», в котором в первую очередь прославляется ее мудрость:

*Благородная София царевна,
Госпожа княжна Алексевна!
Пречестна дева и добросиянна,
В небесную жизнь богом произбрана!
Мирно и здраво от господа света
Буди хранима во премнога лета...
Убо мудрость есть росски толкована,
Еллински от век Софиею звана.*

Уже это окружение Софьи, особенно обучение царевны вместе с царевичами, учитель Симеон Полоцкий, который первым из особ мужского пола беспрепятственно вошел в царский терем, показывает, какие изменения претерпел терем в конце XVII в. К этому нужно напомнить дорогому читателю, какие просвещенные люди, о которых уже говорилось выше, появились на русской земле. Это прогрессивное начало в русской жизни явилось основой для того, чтобы царевна, девица из закрытого терема, смогла выйти на международную арену как политик и правительница огромного государства.

Несмотря на то что среди царевен Алексеен Софья по рождению занимала третье место, она, благодаря своему властолюбию, твердости характера и учености, заняла первое место, подчинив своей воле и старших, и младших сестер и объединив их общей идеей непризнания мачехи и борьбы против Нарышкиных за престол Милославских на престоле.

После смерти царя Алексея Михайловича для Софьи важно было, чтобы посадили на трон пусть больного, слабого, с больными ногами царевича Феодора Алексеевича, но только не супругу умершего царя, как это уже практиковалось в Русском государстве, только не Наталью Кирилловну с сыном Петром. На трон посадили как старшего сына царя Феодора Алексеевича, и Ми-

лославские получили главенство при государевом дворе. Тетки и сестры, а прежде всего Софья, окружили царя Феодора, и царице Наталье Кирилловне с царевичем Петром пришлось удалиться в Преображенское.

Презрев все традиции и условности терема, Софья постоянно бывала в палатах царя Феодора, сама за ним, больным, ухаживала, подносила ему лекарства, вместе с его боярыней-мамой Анной Петровной Хитрой фактически от него не отходила.

На равных с царем и его (и ее) любимцем Василием Васильевичем Голицыным Софья участвует во всех самых важных государственных делах, например, в продлении на 13 лет договора с Польшей на основе Андрусовского перемирия (1678), в разработке проекта Славяно-греко-латинской академии (1681), в уничтожении местничества (1682).

Нарушения законов терема шли у Софьи одно за другим. У нее, девицы, царевны, появился «галант», «аматер», фаворит в лице Василия Васильевича Голицына.

Правда, это был не первый случай при государевом дворе: Елена Васильевна Глинская довольно открыто, не очень-то и таясь, имела фаворита Ивана Федоровича Овчину-Телепнева-Оболенского. Но это была царица, а царевна Софья была девицей, но тоже не устрасилась ни огласки, ни осуждения.

Первой советчицей, как бы заменив отца и мать, она становится и в личной жизни брата-царя. Она одобрила брак Феодора Алексиевича с Агафьей Семеновной Грушецкой и вела дружбу с ее польскими родственниками, благо по-польски говорила хорошо.

По смерти царя Феодора Алексиевича патриарх и бояре созвали Земский собор по вопросу о том, кого избрать на царство. Выборные люди в это время были в Москве по призыву еще царя Феодора, собиравшегося созвать собор, а потому выборы состоялись незамедлительно. Все чины государства и государева двора высказались в пользу царевича Петра, потому что всем было известно, что царевич Иоанн Алексиевич слабоумен и править государством не в состоянии. Это решение Земского собора не устраивало Софью, и она, боясь, что царица Наталья Кирилловна станет правительницей как мать малолетнего наследника Петра, уже на похоронах брата начала решительные действия в борьбе за власть. Но как оспорить и отменить законное, волею Земского собора избрание Петра царем? Казалось бы, это невозможно. Но Софья пошла в своей борьбе буквально напролом.

Обычай терема уже давно не стали для нее преградой. И хотя за гробом покойного царя должен был идти один только вновь

избранный царь, а царевнам вообще не полагалось выходить на люди, Софья, в противность обычаям, пошла за гробом рядом с царем, да при этом так громко вопила и причитала, что заглушала целую толпу черниц, которые по погребальному церемониалу призваны были плакать и причитать об усопшем. А когда возвращались обратно после погребения, «она всенародно вопила и причитывала:

— Брат наш, царь Федор, нечаянно отошел со света отравкою от врагов. Умилосердитесь, добрые люди, над нами, сиротами. Нет у нас ни батюшки, ни матушки, ни брата царя. Иван, наш брат, не избран на царство. Если мы чем перед вами провинились, отпустите нас живых в чужую землю к христианским королям...» (Н.И. Костомаров).

Эти слова быстро стали достоянием и народа, и стрельцов. Стрельцы давно были недовольны своими начальниками, их обманами в начислении им жалованья, в их бесчинном отношении к стрельцам. Достаточно было искры, чтобы поднялся стрелецкий бунт, «бессмысленный и беспощадный», страшный в своей звериной жестокости. Намек Софьи на отравление царя «врагами», конечно, Нарышкиными, действия сторонников Софьи: Ивана Михайловича Милославского, двоих Толстых, князя Ивана Хованского, не только распускавших разные слухи, но и впрямую подстрекавших стрельцов к бунту против Нарышкиных, — все это сделало возможным изменить решение Земского собора и снова избрать нового царя. По мнению Софьи и ее сторонников, царем должен быть избран Иоанн, а регентшей, правительницей при нем, должна стать Софья. А потом, как знать, может, Софье удастся стать и царицей.

И они «разбудили зверя» — спровоцировали стрелецкое восстание, в котором погибли достойные люди — сторонники царевича Петра, среди них самый страшный Софьин враг — умный, образованный, верный Наталье Кирилловне друг и советчик Артамон Сергеевич Матвеев, царицын брат Иван Кириллович Нарышкин, Афанасий и Иван Фомичи Нарышкины, князья Михаил и Юрий Долгоруковы, князь Григорий Ромодановский и много других. Пьяные стрельцы, озверев, пролили много крови и в Кремле, и на улицах Москвы, и, ворвавшись в «святое святых» — в комнаты младших царевен, в присутствии цариц Натальи Кирилловны, Марфы Матвеевны, царевны Софьи и младших царевен своим неповиновением, наглым пьяным поведением, сквернословием фактически совершили надругательство над «Верхом», теремом и его обитателями.

С большим трудом, с помощью В.В. Голицына стрелецкий бунт был погашен. Но Софья, все время помня о «потешных полках» царевича Петра и боясь их, видела опору в стрельцах и продолжала вести с ними игру, по сути играя с огнем.

На волне стрелецких требований и угроз 23 мая 1682 г. свершилось невозможное: физически неполноценный, слабоумный царевич Иоанн Алексиевич был объявлен царем «Великия, и Малыя, и Белая России». Опомнившись, что это позор Русской земли, через три дня, 26 мая 1682 г., решение переменяли и объявили Иоанна Алексиевича старшим, первым царем, а Петра Алексиевича младшим, вторым царем.

29 мая 1682 г. царевна Софья, а не царица Наталья Кирилловна, была объявлена правительницей при государях царях Иоанне и Петре, потому что Иоанн старше по возрасту и избран первым царем. Так энергичным, сильным напором и хитросплетениями победила сомнительная логика Софьи: правительницей стала не царица при сыне царевиче, крепком, здоровом, умном, а царевна, не старшая в ряду царевен, притом незамужняя, девица, при малоумном и больном брате-царевиче.

Софья приблизила к себе И.А. Хованского, человека злого, честолюбивого, способного на все и тоже мечтавшего о власти, и назначила его начальником надворной пехоты. Он имел большое влияние на стрельцов и, будучи старообрядцем, снова возбудил раскольникское дело, так что Софье в самом начале ее правления пришлось выслушать челобитную от раскольников и 5 июля 1682 г. собрать Совет с патриархом, духовенством, боярами и допустить даже прения о вере новой и старой. Но патриарх пригласил для разговора в Грановитую палату только главных зачинщиков из раскола. Несмотря на уговоры Хованского не ходить в Грановитую палату, Софья приняла участие в этом споре. А с ней пришли туда царица Наталья Кирилловна и царевны Татьяна Михайловна и Марья Алексиевна. Раскольники, выступая против новой православной веры, стали называть церкви хлевами, священников, как бы обличая, весьма дурными словами, приправляя свою речь всякого рода ругательствами. Уж этого Софья не могла допустить. Она буквально, говорят, вскочила со своего тронного места и закричала: «Если Никон и Арсений были еретики, так и отец и брат наш были еретики! Значит, цари не цари, архиереи не архиереи, мы такой хулы не хотим слышать. Мы пойдем прочь из царства». Ее стали успокаивать, но среди стрельцов раздались голоса: «И пора вам, государыня, давно в монастырь. Полно-да царством мутить! Нам бы здоровы были отцы наши государи, а без вас-то пусто не будет!» Это было первое на-

поминание об эфемерности ее мечтаний стать царицей и первое провидение относительно монастыря.

Споры о вере продолжались до самых сумерек. Раскольникам объявили, чтобы они расходились, что указ будет после, но «после», по указанию царевны Софьи, стрельцы схватили шестерых главарей-расколоучителей, Никите Пустосвяту, больше всех выступавшему, отрубили голову, остальных отправили в ссылку.

В последующие дни стрельцы, руководимые Хованским, самовольничали, а сам Хованский рассорился со всей Царской думой, не одоббившей его предложения о налоге с дворцовых волостей по 25 рублей с каждого человека в пользу стрельцов. Появились слухи, что Хованский хочет уничтожить всю царскую семью и сам сесть на престол. Царская семья, в том числе и Софья, жили в страхе, что опять разнузданные стрельцы ворвутся в Кремль, а бояре боялись, что будут новые погромы их домов, грабежи и убийства. 3 сентября в селе Коломенском Софья получила на свое имя подметное письмо, в котором говорилось о планах Хованского. Она немедленно со всем царским семейством переехала в Можайск, в монастырь Саввы Сторожевского, и разослала письма всем служилым людям с просьбой защитить отечество от воров и изменников. 13 сентября царская семья переехала в село Воздвиженское, как будто к престольному празднику Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, и оттуда послала указ, чтобы к 18 сентября съехались к царям все чины государева двора: бояре, окольные, думные дворяне и дьяки, стольники, стряпчие, дети боярские, московские дворяне и жильцы. 17 сентября, в день именин Софьи, село Воздвиженское и окрестные села наполнились множеством государевых чинов. После торжественного богослужения Софья собрала Думу и велела прочитать подметное письмо. Думные люди приговорили Хованского к смертной казни. И Софья послала боярина князя Лыкова с отрядом схватить на дороге Хованских, отца и сына, и привезти в Воздвиженское. Хованских схватили, думный дьяк Шакловитый прочитал им приговор, и в тот же день 17 сентября 1682 г. у стен Троице-Сергиева монастыря князю Ивану Андреевичу Хованскому с сыном отрубили головы.

Боясь мести стрельцов за их «батюшку», Софья разослала думных людей по городам, чтобы служилые, не мешкая, шли к Троице, и сама вместе с царским семейством отправилась в Троицу, где было безопасно: пушки на стенах, стены крепкие, а оборонять их будет ближний боярин и друг Софьи — Василий Васильевич Голицын.

Софья все рассчитала правильно: младший сын Хованского Иван, бывший комнатным стольником у царя Петра, убежал в Москву и известил стрельцов о казни его отца. Он говорил, что бояре идут на Москву, чтобы перебить всех стрельцов. Стрельцы заволновались. Решив обороняться, они захватили Кремль, пущечный двор, приготовили орудия и порох, расставили у всех московских ворот караулы. И стали ждать нападения. Но шли дни, а нападения не было, тогда стрельцы, узнав, что цари в Троицком монастыре, просили патриарха послать туда архимандрита Адриана звать царей и Софью в Москву. Но на этот призыв Софья, сидя за крепкими стенами, охраняемыми Голицыным, приказала, чтобы стрельцы прислали к ней по 20 человек выборных от каждого полка. Стрельцы растерялись и струхнули, предполагая, что теперь их ждет ужасное наказание. Выборные, явившись к Софье, повалились ей в ноги, прося о помиловании. После небольшого нравоучения стрельцам Софья потребовала, чтобы все полки надворной пехоты (стрельцов) подали ей челобитную за общим рукоприкладством (подписью или отпечатком пальца). Стрельцы выполнили требование Софьи, доставили челобитную и обещали больше никогда не своевольничать и не вмешиваться в чужие дела. Это была победа, и 6 ноября этого же года Софья с царским семейством вернулась в Москву.

Начальником Стрелецкого приказа (бывшей надворной пехоты) Софья назначила Федора Леонтьевича Шакловитого, которому было приказано реорганизовать стрелецкие полки. Семь самых надежных полков было оставлено в Москве, а остальные 12 были разосланы по границам. Взамен из пограничных полков выбраны были «лучшие люди», из них были сформированы пять полков и отправлены в Москву. Таким образом, правительство Софьи получило надежную опору. А чтобы прекратить всякие разговоры относительно стрелецких бунтов, Софья 21 мая 1683 г. издала указ и приказала повсеместно разослать его, чтобы «всякихъ чиновъ люди прошлаго смутнаго времени никакъ не хвалили, никакихъ непристойныхъ словъ не говорили и затѣйныхъ дѣлъ не вѣщали».

В годы своего правления (1682—1689) Софья в основном занималась внутренними делами государства и приведением в порядок самой Москвы. Во всех своих делах она опиралась на советы князя В.В. Голицына, которого характеризовала как «человѣка ума великого и любимого от всѣхъ».

Боярин князь Василий Васильевич Голицын был назначен ею первым министром, возглавившим правительство, хранителем государственной печати и главным воеводой государства. Пер-

востепенным делом правительства оказалось возвращение беглых холопов к их хозяевам. Это было важно особенно потому, что беглые холопы под влиянием стрелецких и раскольниковых брожений начали нежелательное движение недовольства и протеста. По представлению князя Голицына, 13 февраля 1683 г. Софья издала указ, повелевающий «ловить, наказывать и возвращать ихъ владѣльцамъ всѣхъ бѣглыхъ холопей, а тѣхъ, кого господа обратно взять не пожелаютъ, ссылатъ на поселеніе въ Сибирь». Для того чтобы этот указ мог быть выполнен, впервые правительство потребовало от помещиков списки принадлежащих им холопов и крестьян и вынесло решение: всех бродяг, не приписанных к помещикам, ловить и ссылатъ в Сибирь, а для выявления беглых холопов и бродяг назначить специальных фискалов.

Правительство Голицына обратило внимание и на тяглых людей, которые ушли из деревень в городские посады, и распорядилось оставить этих тяглых людей в посадах, потому что посадские без них не могли полностью выплачивать подати. Это распоряжение правительства вызвало большой поток деревенских в посады, так что уже 17 декабря 1684 г. пришлось издавать указ о том, что эти выходы из деревень строго воспрещаются.

По распоряжению правительства стали путем размежевания наводить порядок в определении точных границ между помещичьими и монастырскими землями.

Не забыла Софья и выступлений раскольников на Совете, их наглое поведение и хула непристойными словами в адрес духовенства и православной церкви, а потому в 1684 г. своим указом повелела повсюду ловить раскольников и их вероучителей, а тех, кто упорствует в старой вере, сжигать. Разумеется, это привело к бегству раскольников в Польшу, Швецию или за Дон, где они построили себе Кузьмин-городок.

При царе Алексии Михайловиче по Уложению 1649 года за принародное употребление непристойных и затейных слов полагалась смертная казнь. Софья заменила смертную казнь за это преступление ссылкой. Уложение также предписывало казнить женщин, убивших своих мужей, «окапыванием», то есть закапыванием женщины заживо в землю, оставляя на поверхности только ее голову, чтобы она умирала медленно, в тяжелых мучениях. Правительница Софья отменила эту ужасную казнь.

Сильвестр Медведев сравнивал царевну Софью с княгиней Ольгой, говоря, что Ольга явила миру свет веры, а Софья — свет науки. Как бы оправдывая это сравнение и свое имя София (муд-

рость), российская правительница продолжила дело создания Славяно-греко-латинской академии, начатое с ее участием царем Феодором и Симеоном Полоцким, и в 1685 г. Академия была открыта: братья Лихуды, Иоанникий и Софроний, начали читать в Академии свой курс. В науке стали царить латинский и польский языки.

В 1686—1688 гг. при поддержке Софьи была создана Бархатная книга — официальный родословец высших слоев русского государства. В Бархатную книгу записывались русские княжеские роды и Рюриковичей, и Гедиминовичей, и западных, и восточных фамилий.

Много сделано было для украшения Москвы. Было построено около 300 каменных домов. В центре Москвы в 1685 г. были выстроены трехэтажные палаты для царевен Татьяны Михайловны, Евдокии Алексиевны, Екатерины Алексиевны, Марии Алексиевны и Феодосии Алексиевны. Несколько лет проживала в этих палатах и царевна Марфа до пострижения ее в инокиню Маргариту в 1689 г. В этих палатах было предусмотрено помещение для заседаний Царской думы. Но Царская дума собиралась редко, а все здание было в распоряжении царевен, живших в этих палатах широко и вольготно. Здесь их жизнь очень сильно отличалась от жизни в тереме Московского Кремля.

Царевны Екатерина, Анна и Прасковья Иоанновны, дочери царя Иоанна V Алексиевича, жили отдельно, вместе с матерью царицей Прасковьей Феодоровной в Измайловском дворце.

Для обеспечения царевен красивыми тканями для платьев, а в том числе и себя, Софья открывала фабрики для выделки бархата, атласа, разных видов сукна, выписывала из-за границы мастеров, владевших секретами производства, то есть хлопотала о развитии отечественного текстильного производства.

Правительнице Софье приходилось заниматься и внешними делами. В 1685 г. Российскому государству пришлось заплатить Крымскому ханству последнюю дань (отголосок татарского ига), так называемые «поминки», или «тыш». Официальная отмена «поминок» состоялась в правление Петра I в 1700 г. по Константинопольскому договору.

6 мая 1686 г. посольство во главе с князем В.В. Голицыным заключило с Польшей «вечный мир», по которому за Россией закреплялись города Киев и Смоленск, а также Левобережная Украина. Но этот, на первый взгляд, удачный договор предполагал и участие России в войне с Турцией, чем были вызваны Крымские походы князя В.В. Голицына с войском в мае — июне 1687 г. и в апреле — мае 1689 г. Оба похода были неудачные и показали,

что как воевода, полководец, князь Голицын не смог показать себя талантливым и удачливым. Несмотря на восторженные встречи войска, возвращавшегося из похода, несмотря на награды и приветствия, организованные Софьей, неудачи русского войска и его предводителя князя В.В.Голицына были для всех очевидны.

27 августа 1689 г. русские дипломаты заключили Нерчинский договор с Китаем, по которому впервые была установлена русско-китайская граница.

Все шло как будто хорошо. Софья с помощью В.В. Голицына, верного друга и любимого человека, вполне справлялась с возложенными на нее задачами правительницы России. По ее указанию была отпечатана литография с ее изображением в короне, со скипером и державою, с соответствующей повторяющейся надписью вокруг портрета, как это было принято для царей. Придворные государева двора, стихотворцы, особенно Сильвестр Медведев, и близкие Софье люди славословили ее, клялись в верности. Но ненавистный братец Петр со своими «потешными» полками стоял на пути к желанной цели. И с этим надо было что-то делать.

В августе — сентябре 1689 г. противостояние царевны Софьи и царя Петра обострилось настолько, что грозило перейти в вооруженный конфликт.

Петру не нравилось, что его сестра, хоть и правительница, но царевна и девица, нарушает принятые при государевом дворе законы и постоянно делает открытые выходы из дворца. 8 июля 1689 г., когда в память годовщины избавления от поляков в 1612 г. должен был состояться крестный ход из Кремля в Казанский собор, Петр просил Софью не участвовать в этой процессии *особым лицом* рядом с царями. Но Софье, примерявшей на себя царскую корону, как раз и нужны были такие выходы на глаза людские. И она игнорировала предупреждение Петра и пошла с крестным ходом. Во гневе Петр оставил процессию и уехал в Коломенское. А Софья продолжала делать выходы в церкви и в монастыри. 19 июля она всенародно встречала и награждала В.В. Голицына и его войско, вернувшееся из похода. 27 июля она участвовала в празднике иконы Смоленской Божией Матери в Новодевичьем монастыре. И всюду ее сопровождали стрелецкие начальники. И она имела возможность жаловаться им на притеснения со стороны Нарышкиных, Натальи Кирилловны и царя Петра, предупреждать их об опасности со стороны «потешных конюховъ преобращенскихъ», советовать, как им нужно действовать. Помогал ей мутить стрельцов ее преданный слуга Шакловитый, который

подбивал стрельцов расправиться с царской семьей Нарышкиных и затем избрать Софью царицей. Но прежние времена прошли, и не все стрельцы слушали эти речи, а кто слушал, тот ночью с 7 на 8 августа и предупредил царя Петра о замысле Софьи и Шакловитого.

Когда Софья узнала, что братец Петр уже в Троице, за крепкими стенами и к нему уже съехались и его семья, и его полки, и все его приверженцы, она должна была понять, что фортуна повернулась к ней спиной. Приходившие к ней одна за другой вести подтверждали это: начался розыск о заговоре Шакловитого в пользу Софьи, затем розыск между стрельцами, затем казнь Шакловитого и других, близких к нему лиц, замешанных в этом деле.

Вести о князе В.В. Голицыне тоже были неутешительными. Надеясь на защиту со стороны своего двоюродного брата, воспитателя царя Петра, Бориса Алексеевича Голицына, Василий Васильевич наивно предполагал, что удастся примирить Петра и Софью и все обойдется миром. Но когда дело пошло о Шакловитом, о заговоре в пользу Софьи, он не бросился к Софье защищать ее, а срочно уехал в свое подмосковное имение. Вызванный к царю Петру, он вместе с сыном Алексеем поехал к Троице давать показания и выслушать приговор, смягченный благодаря брату Борису, о ссылке в Яренск, а затем в Пустозерск. А Софья не предала его и в тяжелейшие для нее минуты она послала все же своему любимому письмо, полное ласковых и ободряющих слов, и деньги.

Схвачен был и восхвалитель Софьи — Сильвестр Медведев, попытавшийся бежать в Польшу. Он был расстрижен и посажен в застенки с тяжелыми обвинениями в ереси латинской, в подписании под портретом Софьи крамольных слов: «вседержавнейшая самодержица», в том, что он якобы говорил, будто Софья хочет выйти замуж за Голицына, а его, Сильвестра, возвести в сан патриарха.

Все близкие и преданные Софье люди, вольно или невольно, но покинули ее. И тогда, еще надеясь на что-то, она решила обратиться за помощью к патриарху, но патриарх Иоаким не протянул ей руку помощи. Оставалось крайнее средство — помириться с братом Петром. Ей казалось, что, собрав всю свою волю, ум, находчивость, умение убеждать, она сумеет при личной встрече объясниться с братом и помириться с ним. И Софья отправилась к Троице. Но Петр не захотел видеть ее, и Софью не допустили к нему, вернули с пути обратно.

А вскоре Софья узнала, что Петр прислал брату Ивану письмо, в котором он обвинял царевну в том, что она вершит дела «своею

волею», и писал, что «настало время им править самим, понеже пришли в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей (...) с нашими двумя мужескими особами в титулах и расправе дел быти не изволяем...». Далее в письме говорилось, что Софья «и царским венцом для конечной нашей обиды хотела венчаться» (Соловьев).

Братец Иоанн Алексиевич, «скорбный главою», был согласен со всем, что решил Петр.

Через несколько дней к Софье явился И.Б. Троекуров с повелением от царя Петра идти ей в монастырь. И она была принуждена под стражей отправиться на жительство в Новодевичий монастырь. У ее келий был установлен за нею надзор, была представлена стража из преображенцев под начальством Ф.Ю. Ромодановского.

Неукротимый нрав царевны Софьи не позволял ей смириться даже в условиях монастырского заточения. Она надеялась, что Петр в своих поездках «уходит себя», что он умрет как-нибудь неожиданно, и все разрешится, что ее освободят стрельцы. Действительно, стали приходить известия от сестер-царевен, навещавших ее. К ним приходили жены стрельцов, так наладилась связь со стрельцами. Неизвестно, сама Софья написала «призывное письмо» освободить ее или это сделали ее сестры либо стрельцы, но было и письмо, и челобитная стрельцов к Софье с приглашением ее на царство. Между стрельцами началось волнение. С южных окраин, куда московские стрельцы были назначены на службу, они своевольно пошли на Москву. Посредством оружия их удалось усмирить и расправиться с зачинщиками. Но неожиданно вернулся из-за границы Петр, приказал вернуть стрельцов из ссылки и начал повторный розыск. А потом начались жесточайшие казни, в которых участвовал и сам молодой царь.

Петр самолично допрашивал и Софью, и сестер, особенно Марфу, самую преданную Софье сестру. Марфа созналась, что она передавала Софье желание стрельцов видеть Софью на престоле. Софья от «призывного письма» категорически отказалась, а желание стрельцов объяснила просто: они же знали, что она семь лет была при правительстве.

11 октября 1698 г., на второй день казней, Петр созвал Всесословный собор для суда над Софьей. Прямых улик против нее не было, но собор все же приговорил постричь царевну Софью в Новодевичьем монастыре в инокини под именем Сусанны, караул стражи увеличить, сестрам разрешить видаться с нею только по великим праздникам и во время ее болезни. Даже певчих мужчин не велено было пускать в монастырь, чтобы не проникли не-

желательные люди. По этому поводу Петр сказал: «Поют и старицы хорошо, лишь бы вера была, а не так, что в церкви поют *Спаси от бед*, а на паперти деньги на убийство дают».

Вся дальнейшая жизнь Софьи протекала без надежды, с видом из окна на повешенных стрелцов с челобитными в руках, не снимавшихся с петель в течение пяти месяцев. Злоба против брата душила ее. Забвение было только в трудах: Софья оставила много памятников уставным почерком, с рисунками ею сделанными, пером, тушью, красками с золотом. По свидетельству Строилова, в Каргопольском монастыре хранилось Евангелие трудами Софьи.

Софья скончалась 3 июля 1704 г. и похоронена в соборном храме Новодевичьего монастыря. В надгробной эпитафии сказано, что она дочь царя Алексия Михайловича и царицы Марьи Ильинишны «Великая Государыня царевна и Великая княжна Софья Алексиевна от рождения имела 46 лет, 9 месяцев, 16 дней, в монашестве прожила 5 лет, 8 месяцев и 12 дней, въ схимонахиняхъ переименовано имя ей прежнее Софья».

Всего на один год моложе Софьи была дочь царя Алексия Михайловича и царицы Марии Ильиничны Милославской, царевна Екатерина Алексиевна (1658—1618). Несмотря на это, она не получила такого образования, как Софья, что лишний раз доказывает, что дело не в теремных устоях, а в характере и уме царевны. Екатерина меньше всех своих сестер вмешивалась в дела политические, она больше интересовалась своими делами сердечными. За теремными стенами Кремля царевна Екатерина не хранила целомудрия: у нее был любимый «друг сердешный», костромской священник Егорий Елисеев, с которым она вела переписку и которого принимала в своих комнатах, когда жила в доме, выстроенном Софьей для ее сестер-царевен. Как всякая любящая женщина, она дарила ему деньги и даже дворцовую дорогую посуду. Когда Петр начал стрелецкий розыск, она очень боялась, что откроется ее тайна, а потому всегда старалась сохранить с Петром хорошие отношения. Сохранившиеся ее письма показывают, что закрытость терема и удаленность царевен от внешнего мира — это миф, может быть, специально поддерживаемый, чтобы скрыть теремные тайны. Эти «заживо погребенные» царевны-девушки шли на всякие ухищрения и изобретения, чтобы иметь контакты с миром, находившимся за пределами дворца. Да это было не так уж и трудно: окружавшие царевну псаломщицы, постельницы, спальницы, боярышни, приходившие для игр и развлечений, сказительницы, старицы, богомол-

ки всегда за определенную мзду готовы были услужить царевне и стать ее связной с внешним миром.

Царевна Екатерина была ближе к царю Петру, чем все другие царевны Алексиевны. Она вместе с царевичем Алексеем была восприемницей при крещении второй супруги Петра — Екатерины Алексеевны. И царь Петр отвечал ей взаимностью.

Царевна Екатерина Алексиевна скоропостижно скончалась в 1718 г., когда ей было 60 лет. Петр приказал ее тело забальзамировать и похоронить в Новодевичьем монастыре.

Царевна Мария Алексиевна родилась в 1660 г. и была только на два года моложе Екатерины Алексиевны. Ей шел 11-й год, когда в терем пришла новая царица, мачеха Наталья Кирилловна. Разумеется, ее симпатии были на стороне Софьи, и она всегда была готова поддержать ее сторону. Но больше всего она симпатизировала первой жене царя Петра, царице Евдокии Феодоровне Лопухиной, которая томила в Покровском суздальском монастыре. Марья Алексиевна навещала бывшую царицу и не раз передавала ей письма от царевича Алексея, ее сына. Перед своим бегством за границу Алексей передал матери через царевну Марью 500 рублей. Когда царевич Алексей, решив бежать за границу, ехал из Риги в Либаву, он встретил в пути свою тетку царевну Марию Алексиевну. Они долго говорили в ее карете о сложившейся обстановке, и она потребовала, чтобы Алексей написал матери письмо, видимо, предполагая его передать Евдокии. Он заколебался, не повредит ли ему это письмо, но Мария Алексиевна его укорила: «хотя б тебе и пострадать — ведь за мать, никого иного».

В 1718 г., когда царевич Алексей был найден за границей и фактически препровожден в Москву, Петр начал розыск по его делу, и сестрица царевна Мария Алексиевна попала в поле зрения как одна из соучастниц, а потому была вызвана на допрос. После допроса Петр распорядился посадить ее в Шлиссельбургскую крепость. Но затем ее перевели в Петербург под домашний арест, под надзор.

Царевна Мария прожила на свете дольше всех своих сестер. Она умерла в марте 1723 г., когда ей было от роду 63 года.

Царевна Феодосия родилась в 1662 г. и была моложе Марии Алексиевны на два года. Она ничем не выдвинулась среди сестер. Когда умерла ее мать, Мария Ильинична, Феодосии было семь лет, она была самой младшей из сестер, а потому ее удел был — слушаться сестер и поступать, как ей скажут. Как сестры, она не приняла мачеху Наталью Кирилловну, сочувствовала Софье и жалела Марфу-Маргариту, откликаясь на ее просьбы и

помогая ей, как только могла. Как уже говорилось, инокиня Маргарита завещала, чтобы ее похоронили в Успенской обители не как царевну, а как простую монахиню в общей усыпальнице «со убогими монахинями». Через пять лет после ее погребения, в 1712 г., царевна Феодосия со своей сестрой царевной Марией посетили Успенскую обитель и распорядились перенести прах царевны Марфы в церковь Сретенья Господня в «царевнину усыпальницу», в особую подвальную палатку. Это распоряжение имело под собой почву: царевна Феодосия Алексиевна пожелала после ее смерти быть погребенной рядом с сестрой-инокиней. И желание ее исполнилось: 56-летняя царевна Феодосия скончалась в следующем, 1713 г., и Мария Алексеевна перевезла ее тело в Успенскую обитель, где она была погребена в «царевниной усыпальнице», рядом со своей многострадальной сестрой, инокиней Маргаритой, в миру царевной Марфой.

Дочери царя Иоанна V Алексиевича и царицы Прасковьи Федоровны — царевны Екатерина, Анна и Прасковья, после смерти отца в 1696 г. были еще малолетними: Екатерине было пять лет, Анне — три года, Прасковье — два года. Они жили вместе с матерью в Измайловском дворце, вотчине Романовых. У царицы Прасковьи был свой двор, но он не впитал в себя новых веяний, и жизнь в нем протекала по старине. Петр, приезжая в Москву, всегда навещал семью своего умершего брата Ивана, заботился об этой семье. Но воспитание царевен Иоанновен ему очень не нравилось. Шло время, и царевны вошли в невестин возраст. Тогда царь Петр перевез царицу Прасковью и царевен в Петербург. Он отвел им дом рядом с домами самых видных вельмож. И решил через замужество этих молодых царевен породниться с европейскими семьями, установить крепкие зарубежные связи. Для подготовки царевен к замужеству (имея в виду высокородных женихов) Петр сначала привлек учителей для их воспитания и образования в соответствии с новыми требованиями. А затем стал заниматься поиском для них женихов сообразно их статусу царских дочерей. Это было трудно, потому что девушки не блистали ни красотой, ни изысканностью, ни тонкостью поведения.

Первой удалось выдать замуж среднюю по возрасту царевну — Анну. А было это так. В октябре 1709 г. царь Петр, будучи в Мариенвердере, при встрече с прусским королем сумел договориться с ним о брачном союзе племянника прусского короля Фридриха-Вильгельма, герцога Курляндского, и русской царевны Анны. Этот брак должен был укрепить политический союз Пруссии и России. В начале июля 1710 г. в Россию прибыли послы от герцога Курляндского, и 10 июля был

заключен брачный договор, по которому русская царевна, став герцогиней Курляндской, будет иметь право для себя и для своей русской прислуги держать церковь византийской (православной) веры; ее будущие дочери получат религиозное воспитание византийской веры, а будущие сыновья — лютеранской веры. В качестве приданого Петр назначил царевне Анне 200 000 рублей, а в случае смерти герцога и отсутствия у него наследников герцогиня Анна должна будет получать на свое содержание ежегодно 400 000 рублей и в личное пожизненное владение герцогское имение с замком.

В августе 1710 г. прибыл в Петербург жених, Фридрих-Вильгельм, герцог Курляндский, пышно и с затеями была отпразднована свадьба, и новобрачные отправились в Курляндию. Но по какому-то странному обстоятельству, проехав всего лишь 40 км от Петербурга, на мызе Дудергоф, молодой герцог неожиданно скончался. Предположительно причиной смерти оказалось многодневное свадебное потребление крепких напитков, к которому герцог был непривычен, а потому сердце его отказало. По повелению царя Петра, которым прежде всего владели политические соображения, Анна Ивановна, теперь уже вдова, герцогиня Курляндская, должна была жить во владениях своего несостоявшегося мужа. Петр предложил царице Прасковье Федоровне с дочерьми Екатериной и Прасковьей тоже отправиться в Курляндию, в Митаву, на постоянное там пребывание, но царица Прасковья дипломатично уклонилась от этого предложения, так что план Петра не осуществился. Прасковья Федоровна предпочла вернуться в Измайлово, где стала принимать не только иерархов русской церкви, своего священника и иноков, но и, следуя времени и желанию царя Петра, устраивать приемы для иностранцев.

Пребывание в Митаве вдовствующей герцогини Курляндской Анны Ивановны давало праву Петру распоряжаться всем Курляндским краем, присоединив его к России бескровным путем. Чтобы политика царя в отношении Курляндии осуществлялась неукоснительно и точно, в Митаву в 1712 г. был послан в качестве гофмейстера при дворе герцогини Петр Михайлович Бестужев, которому царь Петр в 1701 г. дал разрешение называться Бестужевым-Рюминым.

Через посредство Бестужева-Рюмина царь Петр и управлял Курляндией: он посылал Бестужеву приказы и повеления и получал от него необходимые сведения о состоянии дел в Курляндии. В ведении Бестужева было все хозяйство герцогини Анны,

и он должен был давать царю Петру по этому хозяйству полный финансовый отчет.

Вскоре царица Прасковья Федоровна получила из Митавы от своего брата, Василия Федоровича Салтыкова, сообщение, что Петр Бестужев стал фаворитом, любовником Анны. Прасковья Федоровна вознегодовала, да так, что грозила Анне даже материнским проклятием. Она пожаловалась царю Петру и просила его отозвать Бестужева из Митавы, чтобы прекратить это nepотpeбcтвo. По повелению Петра ей был послан письменный ответ, что Бестужев послан не только для того, чтобы находиться при дворе Анны Ивановны, но и для других, государственных дел, а потому отозван быть не может. Анна Ивановна не скучала в Митаве. Ее двор имел европейские черты, а потому там никто не удивлялся фаворитизму. Вскоре у Анны Ивановны появился еще один любимец — барон, а затем герцог Эрнст-Иоганн Бирон.

19 января 1730 г. в Москве скончался император Всероссийский Петр II. Верховный тайный совет после недолгих споров, кого приглашать на престол — Елизавету Петровну или Анну Иоанновну — отдал предпочтение последней ввиду того, что Елизавета Петровна была рождена вне брака Екатерины I и Петра I, а потому считается незаконнорожденной и не является законной царевной и наследницей престола.

21 января 1730 года герцогиня Курляндская Анна Иоанновна как царевна, дочь царя Иоанна V Алексиевича, была приглашена на российский престол Верховным тайным советом и приняла условия (кондиции) Совета. Через месяц своего пребывания на престоле, 25 февраля 1730 г., Анна Иоанновна отказалась от выполнения кондиций, ограничивавших ее власть, и публично их разорвала. А по прошествии всего восьми дней, 4 марта того же года, Анна Иоанновна издала Манифест об упразднении Верховного тайного совета.

28 апреля 1730 г. в Успенском соборе Московского Кремля Анна Иоанновна была коронована и стала императрицей Всероссийской.

В 1716 г. царю Петру удалось выдать замуж старшую дочь царицы Прасковьи и царя Иоанна Алексиевича — царевну Екатерину Иоанновну за Карла-Леопольда, герцога Мекленбург-Шверинского.

Брачный договор включал в основном политические обязательства сторон и скорее был похож на договор между странами, чем на договор между женихом и невестой. Здесь Петр тоже соблюдал политические и военные интересы своего государства.

Бракосочетание состоялось 8 апреля 1716 г. в Данциге, после подписания союзного договора. Присутствовали на венчании и свадьбе царь Петр, царица Екатерина Алексеевна, король польский, множество русских и иностранных сановников. Вечером в честь бракосочетания был устроен фейерверк. Герцогиня Мекленбург-Шверинская Екатерина Иоанновна осталась жить в Данциге, во владениях своего супруга.

Брак этот был неудачным: Карл-Леопольд оказался грубым, неуравновешенным и злым человеком. Он постоянно издевался над женой и устраивал над нею всякие «казни»: запирали ее в темной комнате и сутками не выпускал оттуда, оскорблял, иногда позволял себе и рукоприкладство. Екатерина жаловалась Петру, но царю важны были не ее радости и горести, а государственные интересы.

Несмотря на эти личные переживания царевны Екатерины Иоанновны, ее судьба нашла отражение в истории России. От ее брака с герцогом Мекленбург-Шверинским в 1718 г. родилась дочь Елизавета-Екатерина-Христина, впоследствии при крещении в православие получившая имя Анна Леопольдовна. В 1740 г., после смерти Анны Иоанновны, ее младенец-сын Иоанн VI Антонович по завещанию императрицы был объявлен императором Всероссийским, а Анна Леопольдовна стала при нем правительницей России.

Так что царевна Екатерина Иоанновна, герцогиня Мекленбург-Шверинская, вошла в историю как мать правительницы России и бабушка несчастного царя Иоанна VI Антоновича.

Скончалась Екатерина Иоанновна 14 июня 1733 г., 42 лет от роду.

Царевна Прасковья тоже была выдана Петром I замуж, однако не только не получила герцогского титула, но потеряла свой титул царевны. Брак ее был мorganатическим: она, русская царевна, сочеталась браком с простым дворянином, сыном стольника и полкового воеводы Иваном Ильичем Дмитриевым-Мамоновым, впоследствии генерал-аншефом, дипломатом, государственным деятелем, соратником Петра I. Это был первый мorganатический брак в Российской империи.

Но и судьба Прасковьи Иоанновны, хоть косвенным образом, но оказалась связанной с историей России. Род Дмитриевых-Мамоновых, в который она вошла через замужество, выдвинул из своих рядов Александра Матвеевича Дмитриева-Мамонова, ставшего фаворитом Екатерины II.

25 августа 1673 г. появилась на свет царевна Наталья Алексеевна, дочь царя Алексея Михайловича и его второй жены, цари-

цы Натальи Кирилловны, родная, единоутробная сестра царя Петра Алексиевича. Между братом и сестрой была небольшая разница в годах: Наталья была моложе Петра всего лишь на 1 год и 3 месяца (Петр родился 30 мая 1672 г.). Отношения между Натальей и Петром были доверительными, дружескими не только потому, что они были ровесниками, но прежде всего потому, что Наталья полностью разделяла и увлечения брата, и его реформаторские дела, а Петр с уважением и должным вниманием относился к ее увлечениям. Их дружба, начавшаяся в детстве, не померкла и в зрелые годы. Будучи детьми 10 и 9 лет, они вместе с матерью Натальей Кирилловной пережили страшные дни стрельцкого бунта 1682 г. На их глазах был сброшен на пики стрельцов друг их семьи боярин Артамон Сергеевич Матвеев, погибли и другие родные и знакомые им люди; в комнате царевны Наталья пряталась ее дед и дядя, Иван Кириллович Нарышкин, а стрельцы в это время шарили вокруг в поисках Ивана. В их присутствии их мать, царица, умоляла пьяных стрельцов чуть ли не на коленях пощадить ее отца, а их деда, вместе они видели страдания матери и узнали о страшных мучениях и гибели их дяди, Ивана Нарышкина.

Когда царевна Софья стала правительницей, Наталья Кирилловна с детьми вынуждена была жить в Преображенском. Там, на свежем воздухе, под присмотром матери брат и сестра все время проводили вместе, они всегда были неразлучны. Наталья искренно поддерживала брата в его играх с «потешными полками». Не исключено, что Петр вместе с сестрой строил планы потешных игр. У брата не было тайн от сестры, а потому он брал ее с собой в Немецкую слободу, не раз встречал ее на Плещеевом озере, где строил первый свой ботик. Он знал, что сестра всегда разделит с ним его радости и его горести.

Вместе с матерью пережили брат и сестра тяжелые дни августа 1689 г., когда Петру пришлось бежать в Троицкий монастырь, а им спешно ехать туда же. Все это сплотило Наталью и Петра настолько, что после смерти Натальи Кирилловны в 1694 г., царь Петр в трудные минуты его личной жизни обращался за советом и помощью прежде всего к сестре. А царевна Наталья всячески старалась заменить ему любимую ими матушку. Когда он был в походе на Азов, она писала ему письма, умоляла его быть осторожным, быть подальше от ядер и пуль. А он в ответ шутил в письмах к ней: «по письму твоему я къ ядрамъ и пулямъ близко не хожу, а они ко мнѣ ходять, но по ся поры вѣжливо».

Имела ли царевна Наталья Алексиевна влияние на царя Петра? Безусловно. Но это было не одностороннее влияние, а взаи-

мовлияние. Их современники считали, что именно под влиянием сестры Петр охладил к своей первой жене, Евдокии. Вряд ли Наталья настраивала брата против его жены и уговаривала отправить ее в монастырь, просто брат и сестра одними глазами смотрели на необразованную, не очень умную Евдокию, не понимавшую устремлений мужа. Евдокия не сумела стать другом своему мужу, таким близким и любимым другом была для него сестра-царевна. Не жена, а сестра, царевна Наталья Алексиевна, поехала в 1700 г. в Воронеж, на спуск на воду корабля «Предестинация». Не жена, как это было принято на Руси, а сестра проводила царя Петра до Путивля, когда он шел походом на Полоцк. И всегда, когда он возвращался из походов, сестра встречала его, разделяя с ним радость победы и горечь неудачи.

Благоверная государыня царевна Наталия Алексиевна всегда была опорой и поддержкой Петра в его семейных делах. После заточения царицы Евдокии в монастырь Петр поручает царевича Алексея заботам своей сестры, и царевич довольно продолжительное время жил на попечении царевны Наталии в Преображенском. А когда, родив Петра, «надежду внука» царя, будущего Петра II, кронпринцесса Шарлотта скончалась, младенец тоже был поручен заботам любимой сестры. Петр и крестил младенца Петра, сына царевича Алексея, вместе с царевной Натальей. Когда Петр брал с собой в поездки и походы вторую свою жену, Екатерину Алексеевну, маленьких дочерей своих он тоже оставлял на попечение своей умной, доброй, любимой сестры, помогавшей ему как мать.

Царевна Наталья была ангелом для своих сестер, дочерей Марии Ильиничны Милославской. Ей часто приходилось ходатайствовать за них перед Петром. К ней обращалась инокиня Маргарита то за деньгами, то с просьбой о снабжении продовольствием, то об улучшении условий в монастыре. С просьбами обращались к ней и царевны-сестры Мария и Феодосия. И царевна Наталия, забыв прежнюю вражду Милославских против Нарышкиных, всегда помогала всем им насколько могла.

Оба они, царь и царевна, с детства посещавшие «Комедийную хоромину» в селе Преображенском, полюбили праздники, красочное действо: Наталья увлеклась театром, а Петр все праздники, все свои победы отмечал веселыми и торжественными действиями. Царевна писала для своего театра пьесы, и не исключено, что она помогала Петру сочинять программы для его праздников. Да и в разработках планов Летнего сада, парка Екатерининского дворца, Петергофа и Парадиза ощущается не только мужской

характер регулярной парковой архитектуры, но также мягкость и милое лукавство женской эстетики.

Когда царевна Наталья переехала в Петербург, при ее дворе был создан театр. Петр предоставил для ее театра пустой дом, в котором были устроены партер и ложи. Чтобы театр имел репертуар, Наталья собирала пьесы, заказывала переводы пьес и переделки в основном из польских романов. Среди этой коллекции театральных пьес, которая, кстати, дошла до наших дней, были не только пьесы на религиозные темы, на библейские сюжеты, но и пьесы светского характера. Любопытно, что действия большей части этих пьес представляли всякие процессии, сражения, празднования победы, то есть то, что так было любимо Петром.

Н.И. Костомаров пишет, что Петр I не любил театр. В это трудно поверить, потому что по распоряжению царя Петра в Москве, на Красной площади, была построена «Комедиальная хоромина» для людей всех сословий, где русские актеры немецкой выучки разыгрывали комедию Мольера «Доктор принужденный». Кроме того, в Петербурге Петр постоянно посещал театр своей любимой сестры. И сам устраивал театрализованные праздники. Если бы он не любил театр, то, благосклонно относясь к увлечению сестры, сам бы его не посещал. А вот запись в камер-фурьерском журнале от 26 февраля 1715 г. : «прибывъ въ Петербургъ в 3-мъ часу пополудни и въ 6-мъ изволили идти къ государынѢ царевнѢ Наталѣи Ал. въ комедію». Только приехал, и уже через три часа отправился в театр.

Но вернемся к царевне Наталии. Она была автором нескольких пьес, которые разыгрывались на ее театре. Ее перу приписываются пьесы «Стефанотокос», «Екатерина Великомученица», «Евдокия Великомученица», «Хрисанф и Дарья», «Цезарь Оттон». В первой пьесе Наталья в аллегорической форме с придуманными именами показала заговор Шакловитого против царя Петра. Сюжеты других взяты из житий святых, но в аллегорической форме намекавших на российскую историю. Есть предположение, что пьеса «Евдокия Великомученица» написана царевной в оправдание себя от обвинения, что она якобы остудила любовь Петра к его первой жене, царице Евдокии. Однако содержание пьесы никак не соотносится с этой идеей. Разве что в самом конце — «эпilog просит прощения». У кого? У зрителя? А при чем здесь царица Евдокия? И о каком прощении у Евдокии может идти речь, если с самого начала пьесы Евдокия представлена блудницей?

Не только брат посещал театр царевны Наталии. Придворные государева двора, а затем и императорского двора проявляли боль-

шой интерес к театру и с удовольствием его посещали. Так что благородная государыня царица Наталия Алексиевна явилась одним из создателей русского национального театра. Она хотела создать и школу для обучения своих актеров. Но этого не случилось.

Государыня царица Наталия Алексиевна скончалась 22 августа 1716 г., на 43-м году жизни. Она была похоронена в Лазаревской церкви, но в 1723 г. Петр перенес ее останки в Благовещенскую церковь Александро-Невской лавры.

Царица Наталия была последней русской царицей, помнившей царицын терем государева двора. Но ей довелось увидеть и новую жизнь, жизнь императорского двора.

Став христианином, Владимир неузнаваемо изменился. Он жил праведником, строил монастыри и церкви, любил одну-единственную свою греческую царицу, подарившую ему двух прекрасных сыновей Бориса и Глеба.

Лариса Васильева. «Жены русской короны»
кн. 1

ЦАРИЦА, -ы, ж. (от «царь»)

Прил. «царицын», -а, -о,

а также «царицынский», - ий, -ая, -ое

Титул жены, вдовы и матери царя, государя и самодержца «всея Руси», традиционно перешедшее на неофициальное наименование жены, вдовы и матери Всероссийского императора.

Если в Московском государстве было 10 царей, не считая самозванцев, то количество цариц превышало это число, так как цари женились по два раза, а то и больше, как, например, Иоанн Грозный, у которого было семь жен. Правда, у царя Феодора Борисовича Годунова не было жены: он царствовал всего два месяца и был убит в 16-летнем возрасте будучи не женат.

Двадцать русских цариц (не считая Марины Мнишек, жены царей-самозванцев Лжедмитрия I и Лжедмитрия II) были женами:

1) **первого русского царя Иоанна IV Васильевича Грозного:**

— Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева (13 лет: с 03.02.1547 по 07.08.1560),

— княжна Мария (Кученей) Темрюковна Черкасская (8 лет: с 21.08.1561 по 01.09.1569),

— Марфа Васильевна Собакина (16 дней: с 28.10.1571 по 13.11.1571),

— Анна Алексеевна Колтовская (5 месяцев: с 29.04.1572 по 09.1572), без церковного венчания, умерла 05.04.1626),

— Анна Григорьевна Васильчикова (несколько месяцев: с 01.1575 по ? 1575), без церковного венчания, умерла 07.01.1626,

— Василиса Мелентьева Иванова, вдова дьяка, без церковного венчания (около 2 лет: с 16..? по 16..?).

— Мария Федоровна Нагая (3,5 года: с 06.09.1580 по 18.03.1584), фактически без благословения митрополита и церковного венчания;

2) царя Феодора Иоанновича:

— Ирина Федоровна Годунова (почти 9,5 лет: с 31.05.1584 по 29.10.1603);

3) царя Бориса Федоровича Годунова:

— Мария Григорьевна Скуратова-Бельская, дочь Малюты Скуратова (Григория Лукьяновича Скуратова-Бельского) (более 7 лет: с 21.02.1598 по 10.06.1605, убита по приказу Лжедмитрия I);

4) царя Василия Ивановича Шуйского:

— княжна Елена Михайловна Репнина (несколько месяцев: с 01.06.1606 по ? 1607),

— княжна Екатерина Петровна Буйносова-Ростовская (2,5 года: с 17.01.1608 по 17.07.1610, в иночестве Елена, умерла в 1626);

5) царя Михаила Федоровича Романова:

— княжна Мария Владимировна Долгорукова (около 4 месяцев: с 19.09.1624 по 6.01.1625),

— Евдокия Лукьяновна Стрешнева (19 лет: с 05.02.1626 по 18.08.1645);

6) царя Алексея Михайловича Романова:

— Мария Ильинична Милославская (21 год: с 16.01.1648 по 03.03.1669),

— Наталья Кирилловна Нарышкина (5 лет: с 22.01.1671 по 29.01.1676; вдовствующая царица до 1694);

7) царя Феодора Алексиевича Романова:

— Агафья Семеновна Грушецкая (2 года: с 18.07.1679 по 14.07.1681),

— Марфа Матвеевна Апраксина (2 месяца: с 15.02.1682 по 27.04.1682, вдовствующая царица до 31.12.1715);

8) царя Иоанна V Алексиевича Романова:

— Прасковья Федоровна Салтыкова (12 лет: с 09.01.1684 по 29.01.1696, вдовствующая царица до 13.10.1723);

9) Петра I Алексиевича Романова:

— Евдокия Федоровна Лопухина (9 лет: с 27.01.1689 по 23.09.1698, сослана в монастырь; в 1726 г., при Петре II, объявлена царицей-инокиней, умерла 27.08.1731);

— Марта Самуиловна Скавронская (12 лет: с 19.02.1712 по 07.05.1724; с 07.05.1724 императрица, супруга царя и императора Петра I; с 1725 императрица Екатерина I Алексеевна, умерла 06.05.1727).

Если принимать во внимание мнение других исследователей, то список этот окажется неполным.

Например, Л.Н. Васильева в книге «Жены русской короны» упоминает еще одну жену царя Иоанна Грозного, как бы его пятый брак, княжну Марию Долгорукову, с которой он, «назло церкви» устроил пышную свадьбу, но не венчался, так как «ни о каком разрешении и думать не приходилось».

У Грозного было много наложниц, к их числу относилась и княжна Мария Долгорукова, по легенде, утопленная в проруби на другой день после «свадьбы». С ней получалось восемь, а не семь, как считается, жен «Синей бороды» — Иоанна IV Васильевича.

Следует заметить, что некоторые исследователи истории России не всех упомянутых в представленном здесь списке считают царицами. Так, С.М. Соловьев, знаменитый русский историк, в книге «История России с древнейших времен» написал: «Не имеем права двух наложниц царя, Анну Васильчикову и Василису Мелентьеву, называть царицами, ибо он не венчался с ними, и в современных им памятниках они царицами не называются; в пятый и последний раз Иоанн венчался в 1580 году с Мариею Федоровною Нагою, от которой имел сына Дмитрия, но мы видим, что он считал делом легким расторгнуть этот брак и сватался к англичанке». Относительно Марии Нагой некоторые ее современники говорили, что ее сын — незаконный царевич, потому что ее брак не был освящен митрополитом по принятому церковному чину для цариц. Потому-то и царь Иоанн Грозный в последний год своей жизни гнал Марию Нагую со своих глаз и сватался к Марии Гастингс. После смерти царя полузаконное положение Марии Нагой и явилось причиной быстрого ее удаления от государева двора в Углич, вотчину Нагих.

Кем же они были, подлинные русские царицы? Избранницами судьбы, повлиявшими на ход русской истории? Или, по мнению некоторых историков и писателей (С.М. Соловьев, Л.Н. Васильева и др.), некими детородными органами, призванными только производить на свет царских наследников и чад царского дома? Какова их подлинная роль в жизни Русского государства?

Считается, что венчанной 3 февраля 1547 г. и официально признанной первой царицей на Руси, как уже говорилось выше, была супруга первого венчанного на царство русского царя Иоанна IV Васильевича Грозного — Анастасия Романовна Захарьина-Юрь-

ева, дочь окольного Романа Юрьевича Захарьина, которой суждено было стать как бы родоначальницей династии царей и императоров дома Романовых.

16 января 1547 г. великий князь Иоанн IV Васильевич венчался на царство в Успенском соборе Кремля и получил титул царя. Вскоре он сообщил митрополиту о своем решении жениться, и духовенство поддержало его в этом желании.

Уже стало традицией объявлять по всей Руси, чтобы представляли «без утайки» всех красивых девушек из благородных семейств на смотр сначала для отбора местными властями, затем более высокими персонами государева двора, потом матерью царя, а уж потом из 10—15 претенденток выбор осуществлял сам царь. Великий князь Иоанн Васильевич был сиротой, а потому помогала ему в выборе невесты боярыня Турунтай-Пронская. Обычно в таких случаях должна была ему помогать его мама, которой у Иоанна Васильевича была Аграфена Федоровна Челядина, но она была удалена из царицыных покоев и сослана в монастырь как родная сестра Ивана Федоровича Овчины-Телепнева-Оболенского, фаворита Елены Глинской.

Какие только препятствия не воздвигали соперничающие родственные кланы при государевом дворе для отстранения неугодных им красавиц! Объявляли их больными падучей болезнью (эпилепсией), а для того чтобы это выглядело убедительно, надевали на них украшенные крупными драгоценными камнями, а потому тяжеленные платья и головные уборы, под которыми от тяжести, да еще духоты и волнения девушка падала в обморок. А иногда шли на преступление и просто подсыпали отраву.

Но вернемся к царю Иоанну IV Васильевичу, объявившему о своем намерении жениться. Ему на выбор было представлено 2000 претенденток на звание царской невесты. Но из 15 претенденток, представленных лично ему, Иоанн Васильевич выбрал царской невестой боярышню Анастасию Романовну Захарьину-Юрьеву. Она и стала супругой первого русского царя и первой венчанной царицей «всея Руси».

Анастасия Романовна была москвичкой и родилась в семье окольного Романа Юрьевича из рода Захарьиных-Юрьевых, впоследствии получивших прозвание Романовых. Ее отец, служивший при государевом дворе Иоанна III Васильевича в думном чине окольного, умер вскоре после ее рождения. В одних источниках говорится, что по смерти отца она жила со своей матерью Иулианиею Федоровною, в других — что отец умер после смерти своей жены и Анастасия воспитывалась нянею в богатом

доме сестры своей, княгини Анны Романовны, супруги князя Сицкого.

По одной из легенд, царь Иоанн познакомился с Анастасией раньше, чем был объявлен смотр невест. Елена Тончу в книге «Россия — женская судьба» рассказывает об этом так: «Однажды, когда она в сопровождении няньки и рынды Лукьяша шла в церковь, на нее налетел дядя Ивана Грозного, боярин Глинский. Анастасия, к счастью, не пострадала, вовремя вмешался Лукьяш. Но от страха она упала в обморок. Возвращавшийся с охоты великий князь увидел девушку и поразился красоте Анастасии. Он тут же пообещал настоятелю храма, возле которого это случилось, сан протоиерея, если благодаря его молитвам боярышня очнется живая и невредимая.

С этого дня он зачастил в гости к князю Сицкому и распорядился прекратить поиски невесты. Он подносил Анастасии дорогие подарки. Боярыня Турунтай-Пронская по его поручению даже ходила с Анастасией в баню. Все выведала вплоть до того, не храпит ли девица во сне, а то великий князь побаивался, если в опочивальне по ночам раздавался шорох.

В итоге смотрины прошли весьма просто. Девушек с прислужницами развели по разным комнатам. К каждой зашел Иван и внимательно осмотрел. Одни, сильно накрашенные, в ярких нарядах, пытались произвести на царя наилучшее впечатление. Другие, не выдержав нервного напряжения, падали в обморок. Анастасия встретила Ивана совершенно спокойно. Для себя она решила так: чему быть — того не миновать. Если написано на роду стать царицей, значит, она ею станет. Несомненно, Анастасию успокаивало и предсказание святого старца из Костромы, и сообщение братьев о том, что она уже выбрана».

Выбором царя были все довольны: и бояре, потому что отец невесты всего лишь окольныйчий и никому из бояр никогда не досаждал, и народ, потому что о невесте шла добрая слава «кроткой голубицы».

3 февраля 1547 г. митрополитом Макарием Анастасия Романовна была обвенчана в церкви с «Божью милостию великим князем и царем, самодержцем всея Руси» Иоанном IV Васильевичем и стала его первой женой и царицей.

Женившись, Иоанн IV преобразился, превратившись из жестокого бесшабашного удалого молодца, творившего в Москве со своими товарищами всякие безобразия, в государя, занятого наведением порядка на Руси. Летопись отметила, что «предобрая Анастасия наставляла и приводила Иоанна на всякие добродетели». Сам Грозный после смерти Анастасии не раз говорил своему

окружению и впоследствии писал Андрею Курбскому, что Анастасия была самой сильной и единственной его любовью. Видимо, вначале, до ее болезни, он действительно любил ее по-настоящему, глубоко и преданно. Будучи развращенным и необузданным еще с ранней юности, он, как это ни странно, был верен Анастасии до самой ее смерти. Что касается его добродетельного поведения, то нельзя, на наш взгляд, все приписывать только влиянию Анастасии: именно в год женитьбы царя появились при государственном дворе протоиереи Благовещенского собора Сильвестр и сын боярина Алексей Федорович Адашев, вокруг которых сформировалась «Избранная рада», включавшая образованных и достойных родовитых молодых людей, готовых послужить своей Отчизне. Силою обаяния своих личностей, знаниями и смелостью Адашев и Сильвестр руководили не только «Избранной радой», но и самим царем, сильно напуганным страшным московским пожаром 21 июня 1547 г. и вспыхнувшим затем бунтом. Сильвестр гневно и страстно обличал царя, уверяя, что все эти несчастия вызваны недостойным поведением Иоанна, его грехами, необузданностью, невыполнением своих обязанностей государя всея Руси. И это производило на восприимчивого и темпераментного Иоанна сильнейшее впечатление и заставляло его вместе с «Избранной радой» заниматься делами государства.

Незаметно прошли 13 лет супружеской счастливой жизни, в радости и в горести. В первые годы ждали наследника, но в 1549 г. у царской четы родилась дочь Анна, которая умерла в годовалом возрасте. В 1551 г. родилась опять девочка, названная Марией, и она, не прожив и нескольких месяцев, умерла в том же году. Анастасия страдала и как мать, и как царица, не выполнившая своего долга — дать миру наследника. Царь и царица ездили по монастырям и молились, чтобы Бог дал им сына. Но вот в 1552 г., через пять лет их супружества, когда Иоанн ушел в поход завоевывать Казанское царство, наконец родился крепыш-сын, царевич-наследник Дмитрий, получивший имя в честь Дмитрия Донского. Анастасия была счастлива и рождением сына, и возвращением супруга с победой над Казанью. Однако горе опять обрушилось на царскую семью. В начале 1553 г. Иоанн так тяжело заболел тифом, что Анастасия, переживая за его жизнь, уже готовилась к худшему. Прощаясь с жизнью, Иоанн созвал бояр и просил их присягнуть на верность царевичу Дмитрию. Но бояре, и особенно Сильвестр и Федор Григорьевич Адашев, отец Алексея Адашева, воспротивились этому, предложив избрать царем старицкого удельного князя Владимира Андреевича. И хотя Алексей Адашев проголосовал за младенца Дмитрия, злопамят-

ный и мстительный Иоанн Васильевич запомнил это предложение как обиду. А Анастасия, поняв, что ждет ее в случае смерти царя, потеряла доверие к Адашевым и особенно к Сильвестру.

Выздоровев, царь решил отправиться с женой и сыном, которому было всего шесть месяцев от рождения, на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь. И Сильвестр, и Адашев уговаривали царя не предпринимать этого путешествия с младенцем, но упрямый Иоанн никого не послушал, тем более что и Анастасия хотела помолиться за благополучное выздоровление супруга, за здоровье царевича и передать богатые дары монастырю, в котором молились за них. После богомолья возвращались в Москву по реке; прибыв на место, царский струг причалил к берегу, и все стали выходить на берег по сходням. Неожиданно сходни перевернулись, и все находящиеся на них, в том числе и няня с ребенком на руках, оказались в воде. Младенца, выпавшего из рук няни, сумели вроде бы быстро вынуть из воды, но было уже поздно: Дмитрий был мертв. Можно себе представить, какое горе пережила Анастасия, потерявшая своего сына, царевича Дмитрия.

28 марта 1554 г. Анастасия благополучно разрешилась от бремени мальчиком. Праздновали рождение наследника, царевича Иоанна Иоанновича, будущего царя Иоанна V. К счастью, не довелось Анастасии пережить страшное потрясение: видеть, как ее любимый муж убивает ее сына и своего наследника ударом посоха по голове, так как произошло это через 21 год со времени ее кончины. Но в течение шести лет по рождении Ивана она была счастлива тем, что дала супругу и царю наследника-царевича.

Через два года, в 1556 г., у Анастасии родилась дочь Евдокия. Она прожила всего два года. Любая мать понимает, что значит потерять ребенка. Царица Анастасия со смертью Евдокии пережила потерю своего дитя в четвертый (!) раз. Но Бог дал ей еще одного ребенка: 31 мая 1557 г. под Переяславлем-Залесским, куда царская семья поехала на богомолье, Анастасия не в царских палатах, а в походных условиях родила сына Феодора, которому суждено было стать царем Феодором Иоанновичем, учредившим на Руси патриаршество. Вероятнее всего, при родах, проходивших в какой-нибудь избе, не были соблюдены правила элементарной гигиены, что привело к послеродовым осложнениям. Царица начала болеть. Да и ребенок родился больным и хилым. Анастасия после рождения Феодора, несмотря на свою молодость, в течение последующих трех лет уже более не имела детей. Она была больна, и недуг ее все более и более развивался. Возможно,

под видом лечения ее медленно отравляли небольшими дозами солей ртути. Весь народ молился за ее здоровье, все монастыри, и женские, и мужские, молили Бога о здравии царицы. Призванный Иоанном врач-англичанин констатировал, что заболевание Анастасии весьма опасно. 7 августа 1560 г. первая на Руси царица Анастасия Романовна скончалась.

Иоанн на глазах своих подданных тяжело переживал ее смерть. Он утверждал, что царицу отравили ртутью злые люди. И вину эту он взваливал то на Сильвестра, то на Адашевых, то еще на кого-нибудь, кого он хотел уничтожить. То, что Анастасия действительно была отравлена, было установлено российскими учеными в конце 90-х годов XX в. В журнале «Наука и жизнь» (1997 № 4) была опубликована статья «Химик уточняет историю: жена Ивана Грозного царица Анастасия была отравлена». Это смог установить после экспертизы химик. А откуда Иоанн Грозный так точно знал, что Анастасия была отравлена именно солями ртути? Не сам ли он это сделал? Или тайно повелел кому-то? Жена его долго болела, а он долго ждать не умел. Больная Анастасия ему была не нужна. Снимая с себя подозрения, Грозный довольно часто всех уверял, что Анастасия была его единственной любовью. Однако Н.И. Костомаров в труде «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» позволил себе усомниться в этом. Он писал: «Обыкновенно думают, что Иван горячо любил свою первую супругу. Действительно, на ее погребении он показался вне себя от горести, и спустя многие годы после ее кончины вспоминал о ней с нежностью в своих письмах. Но тем не менее оказывается, что через восемь дней после ее погребения Иван уже искал себе другую супругу и остановился на мысли сватать сестру Сигизмунда-Августа, Екатерину, а между тем, как бы освободившись от семейных обязанностей, предался необузданному разврату; так не поступают действительно любящие люди». Отмечено это и в летописи: «Умершей убо царице Анастасии нача царь быть яръ и прелюбодействие зело». Царь словно вырвался на волю из оков семейной жизни, от благочестивой царицы Анастасии. Не нужен был ему кружок Адашева, Сильвестра, Андрея Курбского, князя Серебряного, не нужны никакие реформы и умные речи, он окружил себя развратниками, потакающими его диким страстям. В течение года, положенного на траур, он не женился, якобы сохраняя свое вдовство, свою верность Анастасии, а сам в это время одну за другой приводил в царские покои наложниц и издевался над ними, как хотел.

Поведение Иоанна сразу после смерти Анастасии еще раз в глазах людей подтвердило, что именно Анастасия благотворно вли-

яла на грозного царя, в чьих жилах бурлила кровь Мама, полученная в наследство от матери.

Какую роль играла царица Анастасия при государевом дворе? Была ли она просто «самкой» (по выражению Н.И. Костомарова), назначением которой было рожать наследника и потомков для царя? Только ли она шила и вышивала то пелены и покрывала, дары для монастырей, то какие-нибудь вещицы для супруга и детей? Или все же участвовала в управлении государством, давая советы мужу, подвигая его на те или иные действия?

Да, за 13 лет своего замужества Анастасия родила шестерых детей, то есть почти ежегодно вынашивала и рожала. Но согласиться с Костомаровым, что она была только «самкой», тем не менее нельзя. Иоанн постоянно советовался с женой, и ее влияние было, по-видимому, настолько сильно, что члены «Избранной рады» иногда не могли его преодолеть, что и вызвало их расхождение прежде всего с царицей, а уж потом с царем. Потому и уничтожение Сильвестра, Адашева и других, не успевших скрыться в Ливонии, произошло после кончины царицы, чтобы вину за ее преждевременную смерть можно было свалить на них. Понимали силу влияния Анастасии на царя и удельные князья, и бояре, и окольничие, а потому постоянно обращались к ней с устными просьбами, а народ с челобитными, и рассказывали ей обо всем, что делалось в государстве. Да и боярыни царицыных дворовых чинов, мамы ее детей приносили ей известия и о москвичах, и о псковичах, и о новгородцах. Царица, таким образом, была в курсе всех событий, особенно тех, что совершались при государевом дворе. Сильвестр укорял царя в том, что только одна царица говорит ему правду, а простой человек никогда не посмеет явиться к нему с жалобой. Даже Адашев и Сильвестр в пору их хороших взаимоотношений с царицей не раз обращались к ней с просьбами повлиять на царя, который почему-то не обращает внимания на жалобы по поводу произвола наместников, да и на падение нравов в Московском государстве.

Царица, наблюдая хозяйство в царских покоях и занимаясь детьми, не оставляла и своих планов. До нас не дошли точные сведения, когда были открыты Мастерский приказ и Царицына мастерская палата, в которой изготовлялась великокняжеская и царская парадная одежда, отделанная серебром, золотом, жемчугами и драгоценными камнями, постельное и нижнее белье, украшавшееся вышивками, и другие изделия для великокняжеского и царского обихода. Первые упоминания об этих особых палатах относятся только к царствованию Алексея Михайловича, но некоторые историки считают, что учреждение их состоялось

благодаря заботам царицы Анастасии. Вполне возможно, потому что о царских одеяниях могла позаботиться только женщина.

По законам того времени, каждая великая княгиня, а тем более царица, должна была владеть землями и производством на этих землях льняного полотна, кружев и других народных изделий. Вероятно, царица Анастасия тоже имела свои земли, и забота о них ложилась на ее плечи. Так что без хозяйственных дел царица не сидела, занимаясь только родами, молитвами, шитьем и вышиванием. Круг ее обязанностей и забот был значительно шире, чем то, что обычно себе представляют наши современники.

Едва дождавшись окончания траура по Анастасии (ум. 7 августа 1560), через год и 14 дней после ее смерти, 21 августа 1561 г., Иоанн женился на черкасской (кабардинской) княжне Кученей Темрюковне (Темгрюковне) Черкасской, получившей при переходе в православие имя Мария. Она была дочерью старшего князя Кабарды Темрюка (Темгрюка) Айдарова. Красавицу «из черкас пятигорских девиц» привезли царю из Кабарды царские дипломаты. Венчание состоялось в Успенском соборе Московского Кремля митрополитом Макарием, который произнес напутственное слово новобрачным. Брачный пир продолжался три дня, и некоторых гостей выносили из царских хором мертвецки пьяными.

Царица Мария была полной противоположностью Анастасии. Типичная дочь Востока, необыкновенная красавица и дикая, темпераментная и мстительная женщина, далекая от мысли о России и русских людях, даже, может быть, ненавидевшая их. Она не нравилась ни придворным государева двора, ни тем более народу. В Грозном она возбуждала его дикие наклонности, заставляя принимать участие то в травле диких зверей, то в травле людей дикими зверями. Она подстрекала его на месть и на казни даже невиновных людей. Видимо, она была довольно способной на учение и вскоре по прибытии в Москву выучила русский язык, что дало ей возможность общаться с самыми жестокими людьми царского окружения.

Под влиянием жестокости и злой силы царицы Марии Иоанн Грозный стал еще более вспыльчивым, нетерпимым и жестоким.

В дела государства Мария Темрюковна вроде бы не вмешивалась, но казни любила и поощряла супруга на проведение кровавых расправ.

В 1563 г. Мария родила сына Василия, но в том же году он умер. Более у нее детей не было в течение шести лет. За это время Грозный, не получавший с ней духовного общения, как это было с

Анастасией, уже охладил к ней. В конце лета 1569 г. Иоанн Грозный с женой поехал в Вологду. Там царица Мария заболела. В это время пришло известие о «заговоре» в Новгороде, и царь спешно отправился в Москву, чтобы собрать рать для подавления смуты. Он приказал отправить Марию Темрюковну в Александровскую слободу. Она недолго болела: 1 сентября 1569 г. ее не стало.

После смерти Марии-Кученей Иоанн Грозный в течение не одного, а двух лет выдержал положенный траур, но объяснялось это не скорбью по Марии Темрюковне, а тем, что он, получив донес о якобы готовящемся предательстве новгородцев и псковичей, отправился с войском сначала в Новгород, где ограбил и потопил в крови этот древний город, уничтожив несколько десятков тысяч (!) новгородцев: и стариков, и женщин, и детей, и богатых, и среднего достатка людей. Прибыв в Псков, он ограбил псковичей, но по какой-то случайности не тронул его жителей в такой степени, как это было в Новгороде.

Мысль о женитьбе не покидала Иоанна, и он распорядился об объявлении сбора невест. После традиционного последовательного смотра 2000 невест его выбор пал на красавицу Марфу Васильевну Собакину, дочь псковского купца. Став царской невестой, Марфа занемогла. Больную невесту должны были отвергнуть, но Иоанн настоял на свадьбе, считая, что ее болезнь — явление временное. 28 октября 1571 г. Иоанн с ней венчался и пышно отпраздновал свадьбу. Однако Марфа чувствовала себя все хуже и хуже, и 13 ноября того же года, то есть на 15-й день после свадьбы, царица Марфа (Мария) скончалась. Прежде всего в царицыной смерти стали подозревать родственников прежних цариц, заинтересованных в том, чтобы у царя не появилась новая супруга, а с ней новые родственники, которые, естественно, оттеснят прежних. Так думал и царь. «Иван Васильевич, — писал Н.И. Костомаров, — послал на кол брата Марии Темрюковны, Михаила Темрюковича, одного из кровожадных исполнителей царских приговоров. Умерщвлен был и другой любимец — Григорий Грязной, казнено было несколько знаменитых лиц. (...) Царь вопил, что ее извели лихие люди».

Григорий Грязной был казнен, потому что он давно и безнадежно был влюблен в красавицу-псковитянку Марфу, а потому вполне мог ее отравить по принципу: «Так не доставайся же ты никому!» Эта история Марфы легла в основу сюжета оперы М. Мусоргского «Псковитянка».

Существуют и другие версии причины гибели царицы Марфы. Одна из них гласит, что мать Марфы передала ей какие-то травы

для «чадородия». Возможно, и сама царская невеста, не желая стать женой чудовища, потопившего в крови новгородцев и ограбившего псковичей, приняла какие-нибудь яды. Теперь это, конечно, выяснить невозможно, но вскрытие гробницы Марфы в 1930-е годы привело русских ученых в изумление: царица Марфа лежала в гробу совершенно не тронутая тлением. А ведь она пролежала под землей почти 360 лет! Так сохраниться умерший человек мог только под воздействием каких-нибудь сильных ядов, забальзамировавших его останки.

Не прошло и года, а Иван Васильевич уже стал просить у духовенства разрешения на следующий брак. По законам того времени можно было жениться не более трех раз, а царь посягал уже на четвертый брак. Иоанн стал слезно молить митрополита и Церковный собор о разрешении вступить в четвертый брак, уверяя, что он делает это не для себя, а детей своих ради, что он не виноват в том, что предыдущие его три жены были «изведены и отравлены врагами», и приводил как бы в свое оправдание то, что царица Марфа умерла девственницей, а потому его третий брак можно не считать. Наложив на царя необременительную епитимью, собор разрешил как бы последний, четвертый брак.

На сей раз Иоанном была избрана Анна Алексеевна Колтовская. Презрев положенный срок, по крайней мере, годового траура, 29 апреля 1572 г., то есть спустя всего лишь пять месяцев после кончины Марфы, царь Иоанн Васильевич сыграл свадьбу с Анной Колтовской. Разрешенный духовенством брак был закреплен венчанием и, как положено, напутственным словом митрополита Антония, так что мы не можем считать Анну Колтовскую, как это сделал Н.И. Костомаров, всего лишь наложницей, а не царицей. Играла ли какую-то роль в жизни русского государства царица Анна? Лариса Васильева в книге «Жены русской короны» рассказывает об этом так: «Боярышня Анна Колтовская, девка колдовская, оказалась находкой для Ивана и для России. Стремительная, вся заостренная — послы находили в ней сходство с королевой Англии Елизаветой, — умная, властная, развитая Анна быстро подчинила Ивана своему влиянию. Прекратились массовые пытки и казни.

Целыми днями царь сидел в тереме царицы: она забавляла его, развлекала вместе со своими девушками, готовыми на все ради улыбки государя. Анна не ревновала Ивана, равнодушная к нему, но зорко следила за переменами царского настроения. В женском обществе Иван забыл своих опричников, а когда вспомнил о них, Анна повела себя так, что внушила ему необходимость уничтожить ненавистную ей опричнину.

Она вышла за Ивана IV восемнадцати лет, уже пройдя через любовное переживание — ее избранник, молодой князь Воротынский, был замучен опричниками.

За год царствования Анны Иван казнил и сослал почти всех опричных главарей. Новую царицу полюбил народ — опричники возненавидели. Князь Воротынский, думая, что его сын Андрей погиб за свою любовь к Анне, поклялся свергнуть царицу. Он уговорил своего племянника, очень женственного юношу Бориса Ромодановского, недавно появившегося в столице, проникнуть в покои Анны под видом девушки, боярышни Ирины и через такую связь приобрести влияние при дворе. Воротынский рассчитывал, что Иван раскроет подмену, заподозрит жену в измене и расправится с нею.

Глупый Ромодановский согласился. Воротынский расхвалил Ирину царю, и тот допустил переодетого юношу в покои Анны. Борис с приклеенной косой и в женском платье отлично вел свою роль — никто не догадывался. Царь захотел видеть «боярышню», она понравилась, и он выдал ей из казны жемчужное ожерелье.

Через несколько дней, в присутствии царицы Анны, Иван приказал «боярышне Ирине» постелить ему постель. Сегодня же вечером.

Борис в испуге кинулся к дяде.

— У него так водится, — махнул рукой князь, — постелишь, поговоришь и все, у него уже все боярышни перебивали, царь наш ослаб от излишеств, приставать не будет.

Вечером «боярышня Ирина» прошла в покои Ивана, а около полуночи кремлевский дворец огласили крики. Царь бегал по дворцу, размахивая посохом, бросился на половину Анны, распахнул дверь и упал в припадке.

Это спасло Анну от смерти. После припадка наступила апатия, Ивана понесли в опочивальню. Там, на полу, в луже крови лежал Борис Ромодановский, в женском платье, с царским ожерельем на шее. Он был мертв.

Царь обвинил Анну в заговоре против него. Опричники с удовольствием подогрели его подозрения.

Конечно, трудно целиком поверить в эту версию. Колтовская была царицей всего 5 месяцев, с 29 апреля 1572 г. по сентябрь того же года, когда Грозный сослал ее в монастырь, где ее постигли в монахини под именем инокини Дарьи. Конец июля — август 1572 г. ознаменовался вторым походом на Москву Девлет-Гирея, который за год до того сжег Москву, но теперь, 2 августа 1572 г., был полностью разгромлен войском князя М.И. Воротынского в битве при Молоди, под Серпуховым, в 50 км от Москвы.

Осенью того же года была отменена опричнина. Вряд ли опричникам, казни которых уже начались, было дело до Анны Колтовской. А главное сомнение вызывает необдуманное решение князя Ромодановского, который должен был отлично знать, что его представление царю «боярышни Ирины» явится прямым обвинением его самого в измене и казнью.

Сослав царицу Анну в монастырь, Иоанн Грозный покарал и ее родню: он отнял у них земли, что означало их разорение.

Анна Алексеевна Колтовская, инокиня Дарья, умерла 5 апреля 1626 г., почти ровно через 54 года с того дня, когда она стала царицей всего на 5 месяцев, а инокиней более чем на полвека.

Отправив Анну Колтовскую в монастырь, Иоанн совсем разнуздан: наложницы во дворце сменялись одна за другой, а царь демонстрировал полное глумление над ними. Одна из них, княжна Мария Долгорукая, обвиненная в потере девственности до царя, была утоплена в пруду вместе с повозкой и лошадьми. Прелюбодейство царя, его разнузданность, сопровождавшиеся казнями и издевательствами над подданными, продолжались три года, пока он не решил остепениться и жениться в пятый раз, уже не спрашивая разрешения духовенства, с которым расправлялся так же, как и со всеми другими его рабами.

В январе 1575 г. царь Иоанн женился на Анне Григорьевне Васильчиковой, дочери московского дворянина и помещика. Венчания не было, да и не могло быть, так что Анна Васильчикова не может считаться русской православной царицей, а скорее всего ее можно воспринимать как наложницу, удостоенную скромного свадебного пира в присутствии только ее родственников Васильчиковых и Колычевых, так как в то время фаворитом царя был Василий Умой-Колычев. Он и сосватал Анну Васильчикову царю, который увидел светловолосую красавицу, когда навещал Петра Васильчикова. Анна Григорьевна была сослана в монастырь на третий день после казни бывшего царского фаворита.

Умерла Анна Григорьевна Васильчикова в монастыре 7 января 1626 г., по какому-то мистическому совпадению, в том же году, что и Анна Колтовская, только на три месяца раньше. Обе они пережили в монастыре времена царствований Феодора Иоанновича, Бориса Федоровича Годунова, Василия Ивановича Шуйского, период Смутного времени с его «царями» Лжедмитрием I и Лжедмитрием II, Семибоярщину и правительство «Совета всей земли», избрание Михаила Федоровича Романова царем, возвращение Филарета из польского плена и поставление его московским патриархом.

Правда, существует еще одна версия относительно судьбы Анны Васильчиковой. Она опубликована в книге Ларисы Васильевой «Жены русской короны»: «Церковный брак был невозможен — никто Анну царицей не считал. Но три месяца она жила во дворце, никак себя не проявляла — там и умерла от «грудной жабы», хотя на нездоровье не жаловалась. Тело ее тайком ночью вынесли из Кремля и отправили для погребения в Суздаль».

Где-то между 1575 и 1580 гг. Иоанн Грозный, разменявший уже пятый десяток жизни и, по отзывам его современников, значительно одряхлевший, встретил красавицу дьячиху Василису Мелентьеву Иванову, мужа которой Мелентия Иванова убил опричник, и сильно увлекся ею. Это была зрелая русская женщина, «зело урядна и красна, таковыхъ не бысть в девахъ, киихъ возяща на зрение царю», как обрисована она в «Хронографе о браках Иоанна IV Васильевича». Разумеется, венчаться с нею царь не мог, но наградить ее был должен. И вот в писцовой книге XVI в. по Вяземским землям записано: «Государь и Царь и Великий Князь Иван Васильевич всея Руси летом 7087 году... поместьем пожаловал Федора да Марью Мелентьевых детей Иванова в вотчину». А вотчина имела 1500 десятин пашни, леса и луга, и получили ее не княжеские и не боярские дети-сироты, а дети безвестного дьяка Мелентия Иванова. Вся их заслуга состояла в том, что их мать жила во дворце как пятая жена царя Иоанна Грозного.

Исчезновение Василисы Мелентьевой из дворца, ее смерть или иной конец доподлинно неизвестны. А.Н. Островский в драме «Василиса Мелентьева» рассказал о трагическом конце Василисы, у которой в комнате под кроватью царь обнаружил молодого сокольничего Колычева.

Конечно, Василиса Мелентьева Иванова не была русской царицей, она тоже принадлежала к числу многочисленных наложниц Иоанна Васильевича Грозного, что справедливо отметил Н.И. Костомаров.

Елена Тончу в книге «Россия — женская судьба», говоря о Василисе Мелентьевой, заметила: «Вдова Василиса сравнительно рано умерла. Но этот кратковременный брак для Грозного совпал с полосой его наибольших успехов». О каких «успехах» здесь может идти речь? Это было время, когда Грозный от страха потерять престол стал снова вести игру и отдал власть, титул царя и венец «великого князя всея Руси» хану из г. Касимова Саин-Булату, принявшему при крещении в июле 1573 г. имя Симеон Бекбулатович. Это был племянник второй жены Грозного Марии Темрюковны, правнук хана Ахмата. Почти год потешался таким

образом Грозный, униженно подписывая свои письма Симеону, вроде бы становясь его холопом. А потом сослал его в Тверь, правда, присвоив ему титул великого князя тверского, и забыл о нем. Кроме того, это было время, когда польский король Стефан Баторий двинулся на Русь и захватил Полоцк. И это можно назвать «успехами»?

Последней, седьмой женой Иоанна Грозного с 6 сентября 1580 г. была Мария Феодоровна Нагая. По сути, брак этот был незаконным: он был заключен в нарушение церковных правил и благословения духовенством не получил. Видимо, и сам Грозный не считал Нагую своей законной женой: несмотря на то что 19 октября 1582 г. у них родился сын Дмитрий, что Мария жила во дворце как царица, он сватался к Марии Гастингс и искал другие партии для своего восьмого брака. Если бы королева Англии пошла ему навстречу и отдала за него Марию Гастингс или другую какую-нибудь родственницу (он был согласен на все), судьба Нагой была бы сразу же определена: седьмая жена была бы насильно сослана в монастырь и пострижена в монахини. Но судьба посмеялась над самим Грозным: царь-жених скончался 17 марта 1584 г.

Марию Феодоровну Нагую не считали законной царицей и придворные, и духовенство, а потому после смерти Грозного предложили ей выехать вместе с царевичем в Углич, родовую вотчину Нагих. После гибели царевича Дмитрия в Угличе 15 мая 1591 г. Мария Нагая в том же году ушла в монастырь, получив в иночестве имя Марфа. Однако судьба не дала ей тихо и безвестно прожить остаток дней в монастыре. Лжедмитрий I призвал ее, чтобы она всенародно подтвердила, что он доподлинно ее сын Дмитрий. И она, после переговоров с Лжедмитрием наедине, при всем народе подтвердила, что это действительно ее сын. А спустя небольшое время после гибели Лжедмитрия Нагая так же всенародно объявила, что это был не ее сын.

Она умерла в 1612 г., когда закончилась Смута, поляки были изгнаны из России и начинался новый период жизни русского государства — Россия Романовых.

Ирина Федоровна Годунова, супруга царевича, а затем и царя Федора Иоанновича, сына Иоанна IV Васильевича Грозного и Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой, стала венчанной великой княгиней в 1580 г.

Сам царь Иоанн Грозный выбирал для сына супругу с учетом, что сын его слабоумный и ему нужна жена умная и кроткая. И выбор его оказался весьма удачным. Ирина была дочерью Федора Ивановича и Степаниды Ивановны Годуновых, из семьи не очень

родовитой и знатной, но у нее был брат Борис Федорович, которого Грозный уже приблизил к себе и которому пока доверял. А потому сразу после свадьбы сына Иоанн Васильевич оказал Ирине почет и пригласил ее посаженной матерью на свою собственную свадьбу с Марией Нагой.

Отношения между Ириной и царевичем Феодором сложились тихими и гармоничными, причем главной в семье оказалась Ирина, которой Феодор полностью доверял и потому слушался ее беспрекословно. Царь Иоанн Васильевич к Ирине относился уважительно. Но когда Ирина, благодарная за его отношение к ней, стала ухаживать за тестем во время его предсмертной болезни, он стал грубо к ней приставать. Ирина сумела так тонко и дипломатично пресечь его домогательства, что царь на нее не обиделся. Но ухаживать за ним она больше не стала.

19 марта 1584 г. Феодор Иоаннович был венчан на царство, и Ирина стала царицей. В те времена женщину на царство не венчали, достаточно было венчания ее в жены царю.

Ввиду неспособности Феодора Иоанновича управлять обширной Русской державой, Ирина с помощью своего брата Бориса Федоровича Годунова фактически стала главой государства. Умная, достаточно образованная, царица Ирина участвовала в управлении государственными делами, тактично не отодвигая на задний план ни своего мужа-царя, ни брата, хотя в некоторых вопросах могла действовать и совершенно самостоятельно. Так, например, сохранились грамоты об освобождении преступников из тюрем только за ее подписью, хотя нет сомнений в том, что решение этого вопроса было согласовано и с царем, и с братом как представителем Боярской думы. В управлении государством сложился некий триумvirат: царь Феодор Иоаннович, царица Ирина и глава Боярской думы Борис Годунов. Во многих грамотах того времени подпись Ирины стоит рядом с подписью Феодора Иоанновича и Бориса Годунова, которого до сих пор считают подлинным правителем России в царствование Феодора Иоанновича, хотя это, учитывая вышесказанное, не соответствует действительности в полной мере. Следует иметь также в виду, что именно под влиянием царской четы Борис Годунов вел дела в добром ключе, не позволял себе кому-либо мстить, злонамеренно кого-либо преследовать, потому что таков был стиль царствования Феодора Иоанновича и царицы Ирины. Когда же он стал царем, его действия приобрели совсем иной характер.

Царица, как добрая, чрезвычайно порядочная, умная и очень набожная женщина, понимая нужды людей, привнесла большую долю положительного влияния на государственную политику, что

отразилось на перемене к лучшему в стране, где недавно все жили в страхе перед Грозным-царем. Если Феодор Иоаннович был действительно «слабоумен», как отзывался о нем его отец, Иоанн Грозный, и из угождения царю некоторые бояре, то Ирина во многом исправляла этот, так сказать, недочет своим умом и дипломатическими способностями. Ирина Феодоровна умело укрепляла отношения с выдающимися людьми и Запада, и Востока. Она продолжала укреплять начавшиеся при Иоанне Грозном дипломатические и торговые отношения с Англией, вела переписку с королевой английской Елизаветой, которая поняла значимость русской царицы и в письмах своих давала ей самую высокую оценку как равной с государем всея Руси и пыталась сблизиться с Ириной по-женски, предлагая ей хорошего врача, специалиста по женским заболеваниям.

Вела Ирина Феодоровна переписку и с александрийским патриархом Мелетием Пигасом, а всех, кто приезжал с православного Востока, она принимала радушно с самой высокой степенью гостеприимства. Нет сомнения, что установление патриаршества на Руси в 1589 г. стало возможным во многом благодаря стараниям царицы Ирины, которая умела сердечно дружить с православными патриархами, посылая им не только любезные письма, но и богатые дары. Летом 1586 г. она принимала участие в торжественной встрече приехавшего в Москву за милостыней константинопольского патриарха Иеремию. Именно по совету Ирины Феодор Иоаннович начал тайно вести переговоры об учреждении патриаршества в Российском централизованном государстве. Свидетельством тому, что Ирина играла немаловажную роль в деле учреждения патриаршества, может послужить тот факт, что в 1591 г. она получила из Константинополя царский золотой венец с камнями и с жемчугом и, главное — часть мощей святой Марии Магдалины. Это было признание ее как действующей государыни-царицы (царский венец) и награда за укрепление Русской православной церкви (мощи Марии Магдалины — сподвижницы Христа).

Когда началась война со Швецией (1590 г.), царь Феодор Иоаннович, возглавив русское войско, отправился на войну. Царица Ирина проводила его до Новгорода, где снаряжалась армия. Как ни странно, но армия, которую возглавлял «слабоумный» государь, принимавший во внимание советы жены и шурина, победила в этой войне. По Тязвинскому мирному договору Россия вернула себе территории, захваченные Швецией в результате той войны, которую вел очень умный, все знающий Иоанн Грозный.

Многие знатные бояре при государевом дворе были недовольны возвышением брата Ирины — Бориса Годунова. На эту тему велись тайные разговоры еще при жизни Иоанна Грозного, который приблизил к себе Бориса, бывшего царского стремянного, женившегося на дочери Малюты Скуратова. И хотя Борис старался всем им оказывать безвозмездные услуги, его роль при царе и царице, да и в Боярской думе, вызывала зависть и глухое недовольство. Ропот заговорщиков во главе с И. Шуйским, которые настойчиво уговаривали царя развестись с нею, неплодной, были известны царице Ирине, но, как истинная дипломатка, она умела терпеть.

О женской половине государева двора, о царицыном дворцовом чине времен царицы Ирины (конец XVI в.) сведений до нас дошло очень мало. Конечно, первое место в нем занимали верховые боярыни; светличные, руководившие светлицей, где работали мастерицы — швеи, вышивальщицы, белошвейки, которые изготавливали платье и белье для нужд царской семьи. Затем царицыны казначеи, которые отвечали за денежную казну царицы и за казну вещевую, хранившуюся в сундуках; постельницы, постилавшие постель царице и хранившие все постельные принадлежности, и другие составлявшие штат царицына дворцового чина.

Долгое время, 12 лет, не было в царицыном дворцовом чину верховых боярынь-мам, кормилиц, постельниц и казначей для цариц и царевен, потому что у царицы Ирины не было детей. Это было одно из самых тяжелых страданий царицы — ее неплодность. От нее ждали наследника, а он не появлялся. Шли годы, а детей все не было. Венценосная чета ездила на моления из одного монастыря в другой, и все безрезультатно. Как уже говорилось, бояре стали уговаривать Феодора Иоанновича последовать примеру его деда, Василия Иоанновича, и развестись с царицей Ириной. Но Феодор Иоаннович не мог себе и представить жизни без любимой своей жены. И вот наконец 29 мая 1592 г. Ирина Феодоровна родила, но... не наследника, а наследницу. И все же радости было много: отпала необходимость разводиться. Назвали девочку Феодосией, что означает «божественный дар», подумывали о том, чтобы, по совету Бориса Годунова, издать указ о возможности царствования на Руси государыни-царицы Феодосии, однако девочка прожила на свете всего 1 год и 8 месяцев. 25 января 1593 г. она умерла.

Для Ирины Феодоровны, да и для царя Феодора, это был страшный удар судьбы. Последующие пять лет детей так и не было, а в конце декабря 1597 г. Феодор Иоаннович заболел, и 7 января 1598 г. его не стало.

Последняя воля царя о престолонаследии в различных источниках трактуется по-разному. Одни свидетельствуют, что он передал царский жезл в руки своему двоюродному брату Федору Никитичу Романову, но тот якобы заколебался, стал передавать его своим братьям, а Борис Годунов схватил этот жезл и отдал его Ирине. Другие вспоминают, что Феодор Иоаннович сказал: «В царстве волен Бог»; третьи — что он просил Ирину уйти в монастырь.

После кончины царя ближние бояре во главе с Борисом Годуновым принесли присягу царице Ирине. Но Ирина, отметив по православному обычаю 9 дней по смерти мужа, удалилась в Новодевичий монастырь. Духовенство и народ просили ее остаться на царстве, но она отвергла это предложение в пользу своего брата Бориса. Пока уговаривали Бориса, кланялся ему в ноги патриарх Иов, утверждали его кандидатуру в Боярской думе и на Соборе, а Годунов, по словам А.С. Пушкина, «поморщился немного, как пьяница пред чаркою вина», но царский венец принял, — все это время Ирина выполняла царские обязанности. Как только Борис венчался на царство, она приняла постриг и иноческое имя Александра.

Возникает вопрос: почему царица Ирина отказалась от престола, хотя она могла при поддержке Бориса царствовать не хуже, чем это было при жизни Феодора Иоанновича? По всей видимости, она не могла отклонить просьбу брата: при помощи Бориса она стала царицей, теперь пришла очередь помочь ему стать царем. Если бы она ему отказала, он не стал бы ей помогать под самыми разными предлогами, а одной ей с царскими обязанностями в окружении всегда недовольных бояр справиться было бы невозможно.

Царица Ирина Феодоровна пережила своего венценосного супруга на пять лет, все эти годы прожив в своей келье Новодевичьего монастыря и выходя из нее только в церковь. Она скончалась 29 октября 1603 г. и была погребена в Москве, в кремлевском Вознесенском монастыре. Могила ее не сохранилась.

После отречения от царского престола царицы Ирины в 1598 г. Собор избрал царем ее брата Бориса Федоровича Годунова, а патриарх Иов венчал его на царство в Успенском соборе Московского Кремля. Царицей стала его супруга Мария Григорьевна Скуратова-Бельская, дочь известного палача при Иоанне Грозном — Малюты Скуратова (Григория Лукьяновича Скуратова-Бельского). Борис Годунов венчался с нею еще при жизни Иоанна Грозного, и эта женитьба помогла ему стать боярином, занять одно из первых мест при государевом дворе и стать любимцем царя. Став

ближним боярином, Годунов смог рекомендовать свою сестру Ирину в невесты царевичу Феодору Иоанновичу.

Напомним, что в те времена царицу не венчали на царство, достаточно было того, что она была венчанной супругой царя.

Мария не была боярышней до замужества, потому что, как ни старался Малюта Скуратов лить кровь боярскую в угоду царю, Иоанн Грозный так и не пожаловал его шапкой боярской. Но, выйдя замуж за Бориса Годунова, она стала боярыней Годуновой, а потом и царицей, не проходившей унижительного смотра царских невест, а просто в силу своего супружества.

Жизнь царицы Марии Годуновой прошла незаметно для людских глаз, мы не знаем, как проходили ее дни в кремлевских теремных хоромаш, чем она занималась все дни, какое влияние имела она на мужа. Ясно одно: в царствование Бориса Годунова на государственную жизнь России явно она не влияла, а на историю России повлияла через своих детей — Федора Борисовича Годунова, ставшего царем на два с небольшим месяца и убитого 10 июня 1605 г., и царевну Ксению Борисовну Годунову, несчастную девушку, потерявшую жениха, опозоренную Лжедмитрием I и остаток своей жизни проведшую в монастырском затворничестве, но вошедшую в историю России.

Мы можем предположить, что царицын дворцовый чин Марии Григорьевны состоял из верховых боярынь, мам царевича и царевны, светличных боярынь, нескольких, не менее трех, казначей: у самой царицы, у царевича и царевны. В царицын дворцовый штат входили также постельницы, учительницы, стольницы, кравчие, псаломщицы, сенные девушки и боярышнии, как жившие в царицыных хоромаш, так и приезжавшие во дворец для игр с царевной и царевичем. Служил царице и мужской пол: мальчики-стольники, приносящие еду, приказный, крестовый, походный, истопничий, мастерской. В поездках в монастыри и в дальние церкви царицу окружали охранники — дети боярские.

Можно предположить с достоверностью, что царица Мария много молилась в своей домашней церкви (и у нее была псаломщица, возможно, из казначей, как наиболее грамотных), посещала церковь и ездила в монастыри, готовила (вышивала или шила) дары для церквей и монастырей, делала богатые подарки и вклады в монастыри, словом, соблюдала все традиции, установившиеся при государевом дворе с XV в. Но о ее характере, ее вкусах и взаимоотношениях с боярынями ее дворцового чина мы не знаем ничего. И все-таки, если в рассказе какого-то неизвестного голландца, жившего в ту пору в Москве, что передал Н.И. Ко-

стомаров в книге «Русская история», содержится правда, то на этом основании можно сделать глубокие выводы. Вот как передает это свидетельство голландца Н.И. Костомаров: «Царь Борис, вероятно, рассчитывал, что лучше помедлить с решительным заявлением об Отрепьеве, так как сам не был уверен в его тождестве с названным Димитрием. Он приказал привести мать Димитрия и тайно допрашивал ее, жив ли ее сын или нет.

— Я не знаю, — ответила Марфа.

Тогда царица, жена Бориса, пришла в такую ярость, что швырнула Марфе горящую свечу в лицо.

— Мне говорили, — сказала Марфа, — что сына моего тайно увезли без моего ведома, а те, что так говорили, уже умерли.

Рассерженный Борис велел ее отвезти в заключение и содержать с большою строгостью — так повествует живший в то время в Москве голландец».

Эта сцена говорит прежде всего о том, что у Бориса не было тайн от жены и потому на допросе Марии Нагой, в то время инокини Марфы, присутствовала и царица. То, что Мария Григорьевна «пришла в такую ярость, что швырнула Марфе горящую свечу в лицо» (а свеча, должно быть, была на тяжелом шандале), показывает ее по-скуратовски злой, несдержанный характер и позволяет предположить ее гневливое и вседозволенное отношение к дворовому чину, несовместимое с характеристикой: добрая, ласковая, отзывчивая царица. Совместный допрос, учиненный Марфе Нагой, показывает единство интересов царской четы и наводит на мысль о совместных их планах на овладение русским престолом и совместном страхе перед его потерей.

Жизнь царицы Марии Григорьевны, всегда проходившая под счастливой, от года к году возвышающей ее звездой, оборвалась трагически: 10 июня 1605 г., когда сын ее Федор Борисович Годунов уже два месяца был царем, а она вдовствующей царицей-матерью, ее зверски убили вместе с сыном по приказу Лжедмитрия I.

До 1613 г. длилось Смутное время, когда не было не только царей, но и цариц, когда были только самозванцы, лжецари — Лжедмитрий I и Лжедмитрий II — и лжецарица Марина Юрьевна Мнишек, которая несмотря на ее коронацию в Успенском соборе и православный обряд, давший ей русское имя, не может считаться подлинной русской царицей, потому что после своей коронации в качестве супруги Лжедмитрия I она вышла замуж за Лжедмитрия II, а затем и вообще за атамана Заруцкого.

21 февраля 1613 г., после победы Второго ополчения и изгнания поляков из Москвы, Земский собор избрал царем 16-летнего

Михаила Феодоровича Романова, сына Феодора Никитича Романова (патриарха Филарета) и Ксении Ивановны Шестовой (в иночестве Марфы).

В 1616 г. царю Михаилу Феодоровичу пошел 20-й год, его мать, инокиня Марфа и думные ближние бояре, во все предыдущие годы его царствования помогавшие ему в государственных делах, решили, что молодому царю пришла пора жениться.

По давнему обычаю, был объявлен смотр девиц из семейств боярских, окольных, дворянских и детей боярских. Царю Михаилу понравилась дочь дворянина Ивана Хлопова — Марья. Избранная царская невеста была, по традиции, взята в кремлевские теремные хоромы цариц, на «верх», как тогда говорили. Ее, как царскую невесту, нарекли Анастасией, как бы в честь первой русской царицы Анастасии Романовны. Было велено оказывать ей почести, как царице; поминать ее имя за здравие на ектинях в церкви; дворовым людям целовать ей крест в верности. Отца и дядю Хлоповых, по личной милости царя, призвали во дворец.

Некоторым боярам, а особенно братьям Салтыковым, игравшим при государевом дворе первостепенную роль и имевшим свою, выгодную им кандидатуру на царицын венец, такие почести для малозначительного рода Хлоповых были не по нраву. Надо заметить, что мать Салтыковых, старица Евникия, подвизавшаяся в том же Вознесенском монастыре, что и инокиня Марфа, была подругой и самой главной советчицей Марфы. Она и ее сыновья Салтыковы стали чернить Марью Хлопову и ее родню перед царской матерью и сумели внушить ей такую неприязнь к ее будущей невестке, что она и слышать о ней не хотела.

Марья Хлопова через несколько дней после своего поселения в царицыных палатах вдруг занемогла: открылись тошнота и рвота, расстройство желудка, головная боль, слабость. Было поручено крайнему Салтыкову привести к ней доктора. Иноземец-доктор опасности в болезни не нашел и посчитал, что и «чадородию от этого порухи не бывает». Салтыкова такой диагноз не устроил, и он пригласил другого доктора — Балтыря, но и тот установил, что болезнь вполне излечима. Однако Салтыков доложил царю, что Хлопова больна опасной и неизлечимой болезнью. Бояре, отлично понимая, что хочет услышать мать царя, вынесли приговор, что Марья Хлопова «к царской радости непрочна».

И в самый разгар приготовления к свадьбе невесту удалили из царицыных покоев и поселили на подворье ее бабки Федоры Желябужской. А через 10 дней, разлучив ее с отцом, сослали в Сибирь, в Тобольск, с ее родственниками Желябужскими: с бабушкой Федорой, теткой и двумя дядями.

Условия проживания для бывшей царской невесты были настолько непригодными, что даже инокиня Марфа согласилась перевезти Хлопову в более подходящее место. В 1619 г. Марью Хлопову, по особой милости, перевезли в Верхотурье, на Урал, словно в насмешку: с «верха» — в Верхотурье. Там был построен специально для нее двор, из которого она, как подлинная ссыльная, не имела права никуда отлучаться.

Михаил, видимо, страдал, но не мог послушаться матери: он любил ее и привык во всем ей подчиняться.

В июне 1619 г. вернулся из польского плена отец царя Михаила — Филарет, с этим именем возведенный в патриарший сан. С его прибытием влияние инокини Марфы на сына заметно ослабело, и братья Салтыковы — крайчий боярин Борис и окольничий Михайло — потеряли былую значимость при государевом дворе.

Марья Хлопова жила в Верхотурье до 1620 г., когда под именем Анастасии была переведена в Нижний Новгород. За все время ссылки (а это около трех лет) она никаких признаков болезни не проявляла, была вполне здорова, и ясно стало, что ее болезнь в царицыных палатах была вызвана каким-то отравлением.

Патриарх Филарет, теперь вместе с сыном правивший страной, решил женить сына сначала на польской королевне, потом на датской, но сватовство ни в первом, ни во втором случае не удалось: как всегда, препятствием явилась разность вероисповедания. Царь Михаил, долго молчавший в угоду матери, наконец решился и сказал отцу, что ни на ком, кроме Хлоповой, жениться не хочет. И тогда Филарет начал расследовать дело о болезни Марьи-Анастасии. На очной ставке с врачами выяснилось, что Борис и Михайло Салтыковы и их мать Евникия оговорили Марью Хлопову, донесли царю не то, что постановили врачи. Салтыковы были сосланы в их дальние вотчины, однако без лишения их чинов боярина и окольничего, а старицу Евникию перевели в другой монастырь.

Но инокиня Марфа продолжала воевать против невинной несчастной девушки. Она заявила, что если Михаил женится на Хлоповой, то она не останется в его царстве. Царь испугался этой угрозы и в очередной раз уступил матери. По преданию, Филарет потом укорял сына в слабодушии.

В ноябре 1623 г. (почти через 6 лет!) Иван Хлопов получил царскую грамоту об отказе царя жениться на его дочери с приказанием Ивану Хлопову жить в своей вотчине в Коломне, а Марье Хлоповой вместе с дядей Желябужским оставаться в Нижнем Новгороде, в предоставленном ей царской милостью дворе, прежде принадлежавшем Козьме Минину, а затем, как выморочном,

взятом в царскую казну. Там и нашла свой последний приют несостоявшаяся русская царица.

Инокания Марфа Ивановна нашла сыну-царю новую невесту — княжну Марию Владимировну Долгорукову, дочь боярина князя Владимира Тимофеевича Долгорукова (1569—1633). Конечно, это была партия, достойная царского титула: князь Долгоруков в 1591 г., в царствование Феодора Иоанновича, был первым воеводой передового полка в походе к Нарве во время войны со Швецией. Под Гдовом потерпел поражение и попал в плен, но был выкуплен. Затем несколько лет был воеводой в новом городе Койсе. В 1605 г., последнем году царствования Бориса Годунова, город Койс был осажден турками и лезгинами, количество которых значительно превышало число защитников города. Владимир Тимофеевич со своими воинами ушел на судах в Терский городок, а свою крепость, чтобы не доставалась врагам, предал огню. В 1608 г. был воеводой в Коломне, при нападении на город поляками под командованием Лисовского был взят в плен, но князь Куракин со своим отрядом сумел отбить его у врага. В 1610 г. по приказу царя Василия Шуйского подавлял восстание в Пскове. В 1615 г. во время отсутствия царя Михаила Феодоровича оставался в Москве вторым по старшинству. С 1615 по 1629 г. был послан царем Михаилом Феодоровичем воеводой сначала в Казань, а потом в Вологду.

Разумеется, княжна Мария, дочь такого достойного человека, по своей, так сказать, «анкете» вполне могла быть одобрена, но речь шла о супружестве, о создании семьи.

Против своего желания, смолодушничав в угоду матери, царь Михаил Феодорович в сентябре 1624 г. женился на княжне Долгоруковой. 19 сентября прошло венчание в церкви, а на следующий день молодая царица слегла. Через три месяца с небольшим, 6 января 1625 г. царица Мария скончалась. Многие приписывали эту загадочную кончину яду. Но отравили ее недруги при государевом дворе или сама она отравилась, не желая предавать свою страстную любовь к другому, — этого никто не знает: расследование не проводилось.

Но царю Михаилу, которому шел уже 30-й год, все же нужно было жениться, и потому через год, положенный для траура, был объявлен новый смотр претенденток на царицын титул. Традиционно в Москву были присланы на выбор царю уже отобранные на местах красивые девушки из знатных фамилий. Каждой девушке полагалась прислужница, которая, конечно, не участвовала в смотре, но, нарядив свою боярышню, обязана была присутствовать при выборе царя.

Михаил Феодорович, знакомясь с представленными ему на выбор 60 девушками, отобранными из 500 претенденток, заметил одну прислужницу, и она приглянулась ему. Это была Евдокия Лукьяновна Стрешнева, дочь небогатого дворянина из Можайска, которая даже и не помышляла о том, что может стать царской невестой. Она прибыла к государеву двору как прислужница своей родственницы, девушки из богатой и знатной семьи, и стояла на смотринах тихо, да и одета была скромно. А вот по воле providения увидел и выбрал царь Михаил именно ее.

Конечно, инокине Марфе выбор сына не понравился: девушка из бедной незнатной семьи, никаких связей не имеет, а потому царю не пара. Михаил Феодорович всегда слушался матери и в угоду ей проявил малодушие и в случае с Марией Хлоповой, и с избранной ею Марией Долгоруковой, но теперь, памятуя укор отца патриарха Филарета в его малодушии, настоял на своем и женился на Евдокии Лукьяновне Стрешневой, несмотря на ее неродовитость и нежелание матери видеть ее своей невесткой.

Этот брак оказался весьма счастливым. Царица Евдокия Лукьяновна имела очень покладистый характер, крепко любила своего мужа и сумела смягчить в отношении к себе даже суровую (и чего греха таить) вздорную и упрямую свекровь — инокиню Марфу.

Евдокия Лукьяновна подарила своему царю троих мальчиков и семерых девочек, правда, из мальчиков до зрелого возраста дожил только Алексей, родившийся 9 марта 1629 г. и ставший царем. Иван прожил всего шесть лет, а Василий не дожил и до года. Из девочек выжили только Ирина (1627—1679), Анна (в иночестве Анфиса) (1630—1693) и Татьяна (1636—1706). Пелагея умерла в годовалом возрасте, Марфа в годовалом возрасте, Софья прожила около двух лет, а Евдокия побыла на белом свете всего несколько месяцев.

Эта сухая статистика скрывает за собой тяжелые переживания царицы Евдокии: первыми родились две девочки, а уж потом, только в 1629 г., на третий год ее замужества, пришло счастье — рождение сына Алексея, царевича-наследника. Ей пришлось похоронить шестерых (!) детей, из них предполагаемую опору престола — двух мальчиков. За 19 лет, прожитых с мужем, Евдокия Лукьяновна родила 10 детей, то есть почти ежегодно носила во чреве ребенка. Во всяком случае, пятерых первых рожала каждый год. И при этом она была хозяйкой царицыных хором, где не только дети, но и весь царицын дворцовый чин требовал внимания, а в его составе было свыше 100 человек.

При возникавших конфликтах и обидах обращались к царице. Правда, в серьезных делах, касавшихся «честа и чести», пи-

сали челобитную царю. Но и ей тоже, так как она славилась своей доброжелательностью и милосердием, подавали челобитные бедные и обездоленные, и она, как усердная благотворительница, помогала всем, кому могла помочь.

Царица Евдокия Лукьяновна постоянно трудилась. Помимо ежедневных молитв в домашней церкви при царских палатах с помощью псаломщицы, она ходила в кремлевские соборы на литургию и совершала пономнические поездки в дальние монастыри и церкви, где молила о здравии царя Михаила Феодоровича, своих детей и родственников, о победах царя в войнах со шведами и поляками, о благополучии Русского государства.

Как всякая великая княгиня и царица, Евдокия Лукьяновна имела свои земли с селами и деревнями и свое хозяйство, одно из которых находилось в Кадашеве, где выращивали и обрабатывали лен, ткали льняное полотно и шили из него изделия. Это было большое и серьезное предприятие, приглядывать за которым было поручено кадашевской боярыне, но и царица уделяла ему немалое внимание: это полотно шло не только на нужды царской семьи, но и на продажу. За сметами и за всеми расчетами следила сама царица.

Царь Михаил Феодорович, добродушный и не очень энергичный человек, живший счастливой семейной жизнью с умной, красивой и хозяйственной женой, находился под ее влиянием, особенно после смерти своей матери, инокини Марфы, и смерти отца, соправителя его и патриарха Филарета.

Евдокия Лукьяновна до последних своих дней была верна своему мужу и царю. Она умерла тотчас вслед за мужем. Михаил Феодорович скончался 12 июля 1645 г., а Евдокия Лукьяновна, будучи намного его моложе, едва прожив без него один месяц, умерла 18 августа 1645 г. Все, как в сказке Грина: «они любили друг друга и умерли в один день».

Царь Михаил Феодорович и царица Евдокия Лукьяновна не дожили до счастливого дня 16 января 1648 г. — женитьбы своего сына Алексея Михайловича на Марии Ильиничне Милославской.

Историю женитьбы Алексея Михайловича подробно описал Г.К. Котошихин. После венчания Алексея Михайловича на царство в Успенском соборе Кремля, состоявшемся 28 сентября 1645 г., молодой 16-летний царь, посоветовавшись с патриархом Иосифом, объявил боярам и думным людям о своем желании «сочетаться законнымъ бракомъ»; и патриархъ и власти на такое доброе дело къ сочетанию законныя любви благословили, а бояре и думные люди приговорили». Не называя имен и фамилий, Кото-

шихин рассказывает, что Алексею Михайловичу понравилась дочь ближнего его человека, и он эту «девицу добру, ростом и красотою и разумом исполнену, велел взять к себе на дворъ, и отдати в бережение къ сестрамъ своимъ царевнамъ, и честь надъ нею велелъ держати яко и надъ сестрами своими царевнами, доколь сбудется веселие и радость». Но из зависти и в надежде, что, если ее извести, то царь возьмет другую, возможно, из их семьи девушку, эту избранную царевну «упоиша ее отравами».

По другой версии, в 1647 г. был объявлен традиционный при государевом дворе смотр невест государя, и из 200 боярышен и дворянок была выбрана и одобрена царем Марья Всеволожская. Готовя ее для встречи с царем, боярыни, чьи интересы были затронуты этим выбором, надели на невесту очень тяжелое от обилия драгоценных камней платье, крепко затянули ей волосы и на голову водрузили головной убор, сплошь украшенный крупными драгоценными камнями. От этой непомерной тяжести, от волнения и духоты помещения Марья Всеволожская лишилась чувств. Боярин Борис Иванович Морозов, который оставался для Алексея Михайловича, по просьбе умирающего Михаила Феодоровича, самым близким человеком, да и другие, так же заинтересованные бояре, объявили, что Всеволожская больна, и по имеющейся уже традиции несостоявшаяся невеста была вместе с семьей сослана в Сибирь. Борису Ивановичу Морозову было необходимо устранить эту невесту, потому что в его планы входило породниться с царем.

У московского дворянина Ильи Даниловича Милославского были две дочери с небольшой разницей в возрасте. Борис Морозов решил, что на одной женится царь, а на другой он сам. Котошихин пишет, что в скором времени царь Алексей пошел в Успенскую церковь на молитву, увидел там молящихся сестер Милославских и повелел привести их к себе на «верх», то есть в палаты царевен, его сестер — Ирины, Анны и Татьяны. Одна из Милославских, Марья, ему особенно понравилась, и он, несмотря на то что она была на три года старше его, избрал ее своей невестой.

По-видимому, эту «неожиданную» встречу в церкви организовал Морозов, который своей невестой избрал Анну, родную сестру Марии.

Морозов давно знал Милославского и, как позже оказалось, связан был с ним разного вида совместными сделками, так как не считал для себя зазорным обогащаться любым способом.

Далее Котошихин рассказывает, как царь готовился к свадьбе: вместе со своими боярами, князьями, окольными и думными людьми, из ближних людей и их жен (sic!) стал думать, кому

из придворных государева двора в каком свадебном чину быть по его, цареву избранию, а не по роду, по чину и по месту. И повелел, чтобы дьяки составили такую роспись: кто где на свадьбе должен сидеть и какой свадебный чин иметь, подписать ее тем же дьякам и поднести ему. И велел всем сказать, что в те дни, когда у него будет радость, «кто из нихъ бояръ и околничихъ и думныхъ и ближнихъ людей учинять въ свадебном деле, порою своею или местами или чиномъ, какую смуту, и въ томъ свадебномъ деле учинится помешка, и того за его ослушание и смуту казнити смертию, безо всякого милосердия, и поместья его и вотчины взяти на царя; а также и после свадьбы никому никого никакими словами о свадебныхъ чинехъ не поносить, и въ случаи не ставити, кто кого въ чину выше ни былъ, — а кто кого учнетъ поносить, а себя высити, и про то сыщется, и тому отъ царя быти въ великой опале и въ наказании».

Котошихин перечисляет все свадебные чины: первый чин — с царской стороны отец и мать, а если их нет, то сидячие (близкие люди, приглашаемые вместо отца и матери). Второй чин со стороны царя — поезжане, протопоп с крестом, тысяцкий, который был главным в свадебном поезде. Как ни странно, но только «потом царь; восемь человекъ бояръ, и техъ поезжанъ чинъ таковъ: бывають с царемъ и съ царицею у венчанья в церкви, и за столами сидятъ выше всехъ людей». Затем дружка и поддружье, которые должны созывать гостей на свадьбу, рассылать дары, а во время свадьбы говорить речи от имени тысяцкого и царя. Далее свахи, дружковы жены, они укручивают царицу-невесту особой тканью перед венчанием (таков обычай) и оберегают царицу, надевают на нее платье и снимают его. Особый чин — свечник, в обязанности которого входило держать зажженную свечу во время укручивания царской невесты и у постели, когда молодых провожают в опочивальню. Отсюда и выражение: «Ты над ними со свечой не стоял (не стояла)», когда речь идет о чьей-то любовной связи. Каравайники на специальных носилках, обитых золотным бархатом и покрытых шитою пеленою и соболями, носили хлеб в церковь и из церкви. Конюший во время свадебного застолья ходил с саблей наголо вокруг стола, как бы оберегая царя и царицу, а потом, когда молодые отправлялись в опочивальню, всю ночь ездил на коне с саблей наголо вокруг тех хором, где была опочивальня. Третьим чином Котошихин называет сидячих 12 бояр и 12 боярынь. Они как гости сидят за столом рядом с царским отцом и матерью. В церковь на венчанье они с царем ходить не должны. И последний, четвертый чин — это дворецкий со своим чином: «у поставца у ествы и у питья».

С царицыной стороны первым чином считались родные отец и мать; вторым — сидячие бояре и боярыни; третий чин — дружка, свахи, дружкины жены; для исполнения обычая — свечник и коровайники. Во время свадебного пира царя и царицу и всех гостей едой и питьем обносят стольники.

Накануне свадьбы, 15 января 1648 г. вечером, у царя Алексея Михайловича и у царевны Марии Ильичны, по обычаю, было обручение и застолье, на которое были приглашены отец и мать Марии и ближайшие бояре и боярыни. Царь с невестой сидели за особым столом, а бояре и боярыни за другими столами. Перед началом пира царский духовник, протопоп, благославил царя и царевну крестом и попросил их совершить целование, после этого бояре и боярыни поздравили царя и царевну с обручением. После застолья Марию Ильичну царь отпустил к своим сестрам, а бояре и боярыни разъехались по домам.

На следующий день, день венчания, рано утром, царь Алексей Михайлович отправился в первую соборную церковь — Успенский собор, где совершил молебствие, после чего патриарх Иосиф благословил Алексея Михайловича крестом и окропил святою водою, царь приложился к образам и к святым мощам, а затем просил у патриарха благословения на свою женитьбу, и Иосиф благословил его напутственным словом. Из этой церкви царь пошел в другую соборную церковь, Архангельский собор, где погребены прежние цари. Там он отправил панихиду по своим предкам и просил у них прощения.

В тот же день в свадебной палате, которую готовят заранее: стены обивают бархатом, всюду стелят турецкие и персидские ковры, ставят впереди красиво украшенное царское место для царя и царицы, а перед ним — особый для них стол, устанавливают столы с хлебом и солью для бояр и боярынь, — был проведен обряд подготовки к венчанию.

Царь облачается в парадное царское одеяние, как при короновании, приказывает новую царевну нарядить в царственное платье, но надеть на нее не корону, а девичий венец, а все свадебные чины и гости тоже должны надеть праздничную золотую одежду. Когда все готовы, дают знать царю, и Алексей Михайлович приказывает невесте, всей ее родне и ее свадебному чину идти в эту приготовленную палату и ждать там его «пришествия».

А далее царь говорит своему духовнику-протопопу, что ему «идти час», и духовник начинает читать молитву, а Алексей Михайлович и весь его свадебный чин молятся образам, затем духовник благославляет царя и его свадебный чин крестом, а

свадебный чин еще благословляется у посаженных царских отца и матери, которые говорят: «Благослови Бог!» И затем все идут в палату, где ждет их невеста со своими родителями и всем ее свадебным чином. Впереди идут каравайники, на богатых бархатных носилках несут хлеб. «А какъ приходить к той полате где устроено, и протопопъ учнетъ свадебный чинъ и царя благословляти крестомъ, и входитъ напередъ въ полату протопопъ, и чинъ, и царь; а царевна въ то время и ея чинъ стоятъ».

Войдя в палату, протопоп, чин и царь сначала молятся на образа, а затем дружки и поддружья подходят к отцу и матери невесты, и те благословляют новобрачных словами «Благослови Бог!», чтобы они сели на царское место на одну подушку вдвоем. Тогда садятся за столы и бояре и весь свадебный чин по росписи, а стольники начинают носить яства. Когда стол приготовлен, все встают, и протопоп читает «Отче наш». По окончании молитвы протопоп и свадебный чин приступают к трапезе «не для того, чтобы наестся, но для чину такого». Перед царем тоже ставят еду, разрезают и отдают со стола, а он не ест. (Этот обряд как традиция перешел к императорскому двору, где в середине XIX в. был даже учрежден придворный чин обер-форшнейдера, разрезывателя.)

Дружки и поддружья, благословившись у родителей невесты на обряд расчесывания косы новобрачной, опять благословляются у них словом «Благослови Бог!» на укручивание ее. Во время исполнения обряда укручивания царя и царевну свещники закрывают покровом, на котором вышит крест, и некоторое время держат над ними этот покров. Не отсюда ли и в наше время говорят: «Смотри, а то окрутят тебя» (в смысле — заставят жениться); или «они его быстро окрутили», то есть женили?

В то же время перед царем ставят большое блюдо, а на нем хлеб и сыр, их режут и раскладывают по тарелкам посаженных отца и матери царя и родителей царевны, всех гостей сидячих, и на эти же тарелки кладут дары по росписи — ширинки от новобрачной: сначала священнику, отцу и матери невесты, тысяцкому, потом царю и поезжанам, царевнам — сестрам Алексея Михайловича, сидячим боярам и боярыням, свахам, конюшему, дворецкому, берут себе дары и дружки с поддружьем. Невестины ширинки не простые, они из дорогой белой тафты, одни шиты кругом золотом и серебром, у других золотые и серебряные кисти, третьи — золотом и серебром с шелком — все по росписи, кому что положено. А патриарху, кроме того, передают белого полотна «сколько доведется».

Укрутя новобрачную, покрывают ее тем же покровом с крестом, снимают с нее венец девичий и отдают его на сохранение.

После третьей перемены блюд протопоп, встав из-за стола, читает благодарственную молитву за обед, а затем дружки просят у отца и матери благословения идти царю с царевною и поезжанами к венчанию, и те их благословляют. После этого царевы посаженные отец и мать благословляют новобрачных образами в драгоценном окладе с камнями и жемчугом. А отец и мать царевны, взяв свою дочь за руку, отдают ее царю в руки и прощаются с нею.

Перед тем как идти в церковь к венчанию, протопоп благословляет всех крестом, а подойдя к церкви, он опять благословляет крестом всех участников обряда венчания.

Царь, держа царевну за правую руку, вместе с нею выходит из палаты и направляется к церкви, в это время во всех церквах начинают весело и торжественно звонить во все колокола и молить Бога о здравии царя и царевны и о счастливом бракосочетании.

Войдя в церковь, новобрачные становятся поближе к алтарю посреди церкви на заранее подложенный им под ноги коврик из золотной обьяри. С одной стороны царя держит под руку дружка, а с другой стороны царевну держит под руку сваха.

Котошихин пишет, что венчал царя и царевну протопоп. Видимо, он забыл, что сам же написал, что на свадьбе присутствовал патриарх. Как же в присутствии патриарха венчать царскую чету будет протопоп? Да и по чину это было не положено, и такое протопопово венчание не считалось законным браком для царицы. Все-таки вероятнее всего, венчал царя Алексея Михайловича с Марией Ильиничной Милославской патриарх Иосиф.

Далее Котошихин пишет, что, приступая к венчанию, укрупненную царевну открывают, возлагают на жениха и невесту церковные венцы, а после венчания подносят новобрачным пить из одного сосуда красного французского вина, снимают с них церковные венцы и на царя возлагают корону. И протопоп (а по-видимому, патриарх) поучает молодых, как им жить: жене быть у мужа в послушании, друг на друга не гневаться, иногда за какую-нибудь вину муж может слегка поучить жену жезлом, так как муж жене, как глава на церкви, чтоб жили в чистоте и богобоязни, в воскресенье, среду и пятницу постились, в церковные праздники не творили бы греха, в церковь Божию чтоб ходили и подавание подавали и чаще бы советовались с отцом духовным.

После поучения патриарх берет молодую царицу за руку и передает ее мужу и просит их поцеловаться. После целования царицу покрывают, и патриарх, протопоп и весь свадебный чин

поздравляют молодоженов с венчанием. По выходе из церкви протопоп всех благословляет крестом, и все возвращаются в царские палаты, перед которыми опять царь и царица и их венчальный чин получают благословение крестом. В палате родители и царя и царицы встречают их с окладными образами и благословляют их с венчанием, как мужа и жену. После этого царь с царицей садятся за свой стол, а свадебный чин за свои столы по росписи, и начинается свадебный пир и веселье.

По мнению некоторых историков, в частности Н.М. Соловьева, свадьба Алексея Михайловича отличалась от предыдущих царских свадеб тем, что, будучи человеком набожным, он вместо игры на трубах и органах, на накрах (литаврах) включил в чин своей свадьбы хор дьяков, которые распевали стихи из церковных праздников и триодей.

По установившейся царской свадебной традиции царь с царицей присутствуют на пире до тех пор, пока не принесут третью перемену блюд — лебедя. Тогда дружка благословляется словом у отца, матери и тысяцкого идти новобрачным опочивать. Отец, мать и немногие гости по росписи провожают царя и царицу до опочивальни, а затем возвращаются к столу и продолжают пировать до той поры, как от царя будет известие. В это время конюший выехал на коне с мечом наголо и стал всю ночь до света объезжать палату, где опочивали новобрачные, охраняя их покой.

Примерно, через час отец, мать и тысяцкий посылают дружку к царю спросить о здоровье. По обычаю, если царь ответит, что в добром здоровье, то это означает, что «доброе меж ними совершилось». А если нет, то царь приказывает придти во второй, а то и в третий раз, и дружка ходит и спрашивает столько раз, сколько прикажет царь.

Когда царь ответит, что в добром здоровье, тогда он велит быть к нему отцу, матери, тысяцкому и свадебному чину по росписи. А они, прибыв к нему, поздравляют молодых с законным браком, царь жалует их кубками и ковшами вина, а затем и царица угощает гостей вином, после чего царь просит принести им с царицей какую-нибудь легкую еду: ведь они весь день постились. Им приносят заранее приготовленную еду, и новобрачные едят вместе. А затем царь просит свадебный чин разъехаться по домам и приглашает всех приехать на следующий день к нему на обед, на княжий стол.

Следующий день царя и царицы начинается с мыльни (бани), куда они идут раздельно: царь с дружкой и постельничим, а царица с сестрами, ближними боярынями и свахой. По выходе из

мыльни царь надевает новое платье, и нижнее, и верхнее, и просит постельничего сохранить его сорочку первой брачной ночи. И пока царица в мыльне, он идет на заутреню в церковь.

В мыльне мать, сваха и боярыни осматривают сорочку царицы, а потом эту сорочку и простыни показывают царской матери, свахе и некоторым близким родственницам как доказательство царицыной девственной чистоты. Сорочки царя и царицы и их простыни кладут в тайное место на сохранение.

Когда Алексею Михайловичу доложат, что царица готова к выходу, он со всеми своими поезжанами идет к ней. Царица Мария предстает перед ними в царском одеянии и в царском венце. Снова все поздравляют новобрачных, и царица одаривает «мыльными дарами» царя, бояр, и боярынь, и весь свадебный чин. Мыльные дары — это сорочки и порты, тафтяные и полотняные, шитые золотом и серебром.

После этого все идут к патриарху, который благословляет царя и царицу с законным браком, затем идут по церквам служить молебны и прикладываться к образам.

Обед проходит в той же палате, где была свадьба, царь с царицей сидят вместе за отдельным столом, а все гости по росписи, как они сидели на свадьбе. Начинается обед с благословения царя и царицы накладными образами, сначала мать и отец посаженные, потом царевны, сестры царя — Ирина, Анна и Татьяна, сидячие бояре и боярыни, тысяцкий и другие поезжане. Потом гости одаривают царя и царицу бархатами и атласами, камками и объярами, золотными и серебряными, и соболями, и перстнями золотыми с камнями, и серебряными сосудами. А затем приступают к еде и питью. На столах овощи всякие (что в то время весьма ценилось, потому что в России еще не было овощей и их везли из-за границы), «сахары и ягоды и иные диковинки». После застолья гости разъезжались по домам.

На третий день по обычаю опять съезжались на обед, на княгинин стол, от новобрачной царицы для бояр и всего свадебного чина. Теперь царя и царицу благословляют окладным образом царицыны отец, мать, сродичи, сидячие бояре и боярыни царицына свадебного чина. И так же одаривают царя, царицу и всех гостей. После веселого застолья гости разъезжаются по домам.

В четвертый день царь и царица устраивают обед для патриарха, митрополитов, архиепископов и епископов, игуменов и келарей — словом, для священнического чина. Патриарх и все приглашенные благословляют новобрачных образами, а затем одаривают всякими дарами. В свою очередь царь и царица оде-

ляют патриарха и с ним священнический чин «милостинами»: деньгами, полотняными подарками и подачами (едой и напитками с собой).

Котошихин отмечает, что в те же дни устраиваются столы для придворных государева двора: стольников, стряпчих, спальников и других, а также для московских дворян, жильцов, гостей (торговых людей), сотенных старост, городских выборных посадских людей и прочих, которые также приносят царю и царице дары. Их принимает только царь, потому что в этих столах царица не должна участвовать.

Во время этих свадебных празднеств на царском дворе кормили церковный чин, раздавали всем деньги, чтобы они молили Бога за здоровье государя и государыни. Во все русские города были разосланы царские грамоты с приказом раздавать священнослужителям и церковнослужителям деньги из городских доходов. Из Москвы в ближние и дальние монастыри были посланы стольники, стряпчие и жильцы с милостыною и молебными деньгами. Им приказано было одаривать не только священнослужителей высокого сана, но и чернецов (монахов), устраивая им кормление и давая деньги — от полтины до 5 рублей.

После свадебного веселья царь с царицею отправились по монастырям, где молились, прикладывались к чудотворным иконам, кормили чернецов и давали милостыню: «архимандритомъ, и игуменомъ, и келаремъ по 20 и по 15 и по 10 рублей человеку, соборнымъ и рядовымъ по 5 и по 4 и по 3 и по рублю человеку, да по полотенцу, да по два платка». А монастырские люди благословляли царя и царицу окладными образами и подносили им хлебы.

После этого царь и царица посетили богадельни и тюрьмы, где тоже раздавали милостыни и простым людям, и убогим, и нищим, кому по рублю, кому по полтине, а кому и меньше.

Во время свадебных торжеств царь Алексей Михайлович приказал освободить из тюрем заключенных, кроме тех, кто совершил «самые великие убийственные дела».

И в связи с этим радостным событием царь пожаловал своего тестя, Илью Даниловича Милославского, отца царицы, и всех ее родственников, возведением рода Милославских в высокую степень, и одним помог деньгами, другим дал назначение на прокормление воеводами в разные города, третьим предоставил место главы Приказа, а иных одарил вотчинами и поместьями. И, конечно, самые близкие родственники имели право бывать на «верху» у царя и посещать царицу в ее тереме. Некоторые из них получили чин при государевом дворе, а женщины — сан царицына дворового чина. Так, у царицы Марии Ильиничны мамой первен-

ца, царевича Дмитрия, была ее родная мать, Катерина Федоровна Милославская, возведенная в сан верховой боярыни царицына дворового чина. Служили при царицыном дворе и другие ее родственницы.

Царь Алексей Михайлович женился очень удачно: он нежно любил свою жену, и она отвечала ему взаимностью и верностью. За 21 год своего царствования Мария Ильинична подарила мужу 13 детей, почти каждый год вынашивая и рожая по ребенку. Мы не склонны называть ее «самкой», «родильным аппаратом», как это позволяют себе некоторые писатели и историки, потому что она жила в XVII в., была набожной и исполняла жизненные предначертания своего века и церкви: она, как и все ее современницы всех сословий, рожала столько, сколько рожалось, без ухищрений, свойственных нашему веку. Дети в царской семье, особенно мальчики, царевичи, ценились как дар Божий, а не как дар «самки». К тому же надо понимать, что Мария Ильинична, может быть, и хотела бы когда-нибудь отдохнуть, но как не принять мужа-царя? И хотя царь и царица жили в разных покоях, и в праздники, и в воскресные дни, и во время поста опочивали порознь, но они любили друг друга и, наверное, не всегда соблюдали этот порядок.

У царицы Марии не было проблем с бесплодностью: первый ребенок, царевич, родился в конце того же 1648 г., когда она вышла замуж. Это была огромная радость: родился наследник. Но через несколько месяцев жизни младенца царица испытала тяжелое горе: несмотря на то что боярыней-мамой царевича Дмитрия была его родная бабушка, как бы гарантия, что с ребенком ничего не случится, но он погиб по роковой случайности. Мария Ильинична потеряла здорового сына, наследника, первенца. Через год родилась девочка Евдокия, еще фактически через год опять девочка Марфа. И вот, наконец, в 1654 г. родился сын Алексей, наследник, которому — увы! — не суждено было стать царем: в 1670 г., будучи шестнадцати лет отроду, он скончался. Мария Ильинична не узнала о смерти сына: она умерла на год раньше, в 1669 г. В 1655 г., сразу после Алексея, родилась Анна, прожила она всего около трех лет. В сентябре 1657 г. появилась на свет царевна Софья, та, что в мае 1682 года была провозглашена правительницей России при малолетних царях Иоанне и Петре. В 1658 г. родилась опять девочка, Екатерина, за ней в 1660 г. — Мария. А на следующий год, в 1661 году, царица подарила миру мальчика, Феодора, оказавшегося волею провидения царем. В 1662 г. родилась Феодосия. И наступил небольшой перерыв до 1665 г., когда снова родился мальчик, Симеон, но он прожил все-

го около трех лет. А за ним в 1666 г. еще мальчик, Иван, хоть и считавшийся слабоумным, но ставший первым царем совместно со вторым царем, Петром, Нарышкиным сыном. Последней в 1669 г. родилась Евдокия, она умерла в том же году, не прожив и двух месяцев.

Для Алексея Михайловича 1669 г. оказался трагическим: он потерял сына Симеона, дочь Евдоксию и любимую жену — царицу Марию Ильиничну, которая 21 год дарила ему радость отцовства и радость мужа, нежно его любила, направляла на добрые дела, помогала ему в создании образцового хозяйства в их Измайловской вотчине и была советчицей в других, не менее важных делах.

Из 13 детей Марии Ильиничны выжили только семь, почти половина. И почему-то мальчики рождались хилыми, больными, а Иван и вовсе слабоумным. Если учесть, что проблема рождения детей, особенно наследников, очень остро стояла перед царицами, то они, окруженные всякими знахарками и повивальными бабками, советчицами верховыми боярынями и мамами, пили всякие разные настои и «для чадородия», и «чтоб муж любил», а как это сказывалось на здоровье женщины, а особенно ее плода, никто не знал. Не соблюдались и элементарные гигиенические правила, что приводило женщину к женским недомоганиям, и такая не очень здоровая женщина каждый год ходила беременной и переносила роды — тяжелое испытание, даже если роды считались легкими. Вот дети и рождались больными и умирали, не прожив и нескольких месяцев. Девочки, как известно, более жизнеспособные, были покрепче здоровьем, а мальчики, отравленные всякими травными настоями, рождались уже заведомо больными. Пили травы и кормилицы царевичей, «чтоб молоко было полезнее». А в результате плодили больных людей.

Надо заметить, что издавна женщины знали приметы на то, кто родится: мальчик или девочка? Но эти приметы не всегда срабатывали. По-видимому, когда примечали, что родится у царицы мальчик, тогда особенно рьяно принимались за его еще внутриутробное оздоровление, что приводило к обратному результату. Возможно, когда Евдокия Лукьяновна носила во чреве Алексея Михайловича, приметы показывали, что родится девочка. Возможно, потому-то он единственный из трех ее сыновей и выжил, и стал царем. Может быть, у Марии Ильиничны, наоборот, в основном приметы показывали, что родится мальчик, потому она и потеряла шестерых детей, а все остальные рожденные ею мальчики оказались больными.

Помимо рождения, а затем крещения детей, праздников по этим случаям, забот об их здоровье, поездок по церквям и монастырям с молебствиями о здравии царя, царицы, их детей и новорожденного, царица Мария Ильинична имела много и других забот. Как всякая великая княгиня и царица, она владела лично ей принадлежавшими землями с деревнями, обширным хозяйством, связанным в основном с выращиванием льна, его обработкой, выделыванием полотна и пошива изделий из этого полотна. Разумеется, непосредственно за всеми работами следила одна из ее верховых боярынь, но личный царицын пригляд за делами, несомненно, должен был быть.

Когда Алексей Михайлович затеял организацию в Измайловской вотчине образцового хозяйства, Мария Ильинична приняла в этом деле горячее участие. На землях, примыкавших к Измайлову и принадлежавших царице, сеяли лен, потом его обрабатывали в деревнях, расположенных на этих землях, затем жители других ее деревень ткали льняное полотно, причем разных сортов — и тонкое, тафтяное для белья, для сорочек, и плотное для верхнего платья, и парусинное, и совсем грубое — для мешков. Этими изделиями покрывались прежде всего нужды семьи, но также изготовлялись и подарки для гостей на именины царя, царицы, царевичей и царевен, на рождение царских детей, на крестины и прочие царские «столы». Мастерицы в светлицах царицыных покоев и в светелках деревенских изб шили и белье, и повседневную одежду, и даже форменную для стрельцов. Вышивали золотом, и серебром, и шелком, выполняя особые заказы и на царскую семью, и на продажу, которую царица осуществляла в московских торговых рядах. Это было не одно производство, а целая производственная и торговая система, которая существовала под руководством царицы Марии.

Царицын дворовый чин тоже требовал внимания и заботы. То возникала необходимость замены боярыни, умершей или ушедшей по старости в монастырь, то нужно было отправить в монастырь бывшую боярыню-мату за смертью царевича или царевны, а то и в связи с их совершеннолетием. Требовалось внимание и время и при подборе новой боярыни царицына дворового чина, при утверждении ее кандидатуры царем, при ее оформлении в Разряде и торжественном объявлении о принятии ею сана боярыни.

К каждому новорожденному ребенку (а их было 13) нужно было подобрать и оформить в Разряде маму, кормилицу, няню, казначею, постельницу, портомою, то есть целый штат прислужниц.

Многие обращались к царице с просьбой походатайствовать о них перед царем, зная, что она имеет влияние на царя и он не откажет ей в просьбе. Так, например, она ходатайствовала перед царем Алексием Михайловичем за боярыню Феодосию Морозову, которая была арестована с конфискацией имений и всего ее имущества и содержалась в тюрьме за резкое неприятие ею никоновских церковных реформ. Ярая старообрядка-раскольника, Морозова была последовательницей протопопа Аввакума, известного воинствующего раскольника. У Морозовой был сын, который был не причастен к этим делам; после конфискации имущества он оставался нищим. Родственники Морозовой — двоюродный брат Федор Михайлович Ртищев, дядя Михаил Алексеевич Ртищев, его дочь Вельяминова Анна Михайловна, в девичестве Ртищева, — защищали никоновские реформы и уговаривали Феодосию отказаться от жесткой позиции непреклонности, пожалеть сына. По-видимому, с просьбой о возвращении имений и всего имущества Морозовой в пользу ее сына обратилась к царице Анна Михайловна Вельяминова, которая с 14 апреля 1648 г. занимала место верховой боярыни-казначей в царичьном дворцовом чину. Благодаря хлопотам царицы Марии Ильиничны конфискованные имения Морозовой и ее другое имущество были возвращены, хотя сама она освобождена не была и умерла в тюрьме.

Разумеется, как все великие княгини и тем более царицы (за исключением царицы Марии Темрюковны, жены Иоанна Грозного), Мария Ильинична занималась благотворительностью и милосердными делами, делала большие вклады в церкви и в монастыри, специально для церкви вышивала полотна.

Вероятно, только в редкие часы, в отсутствие царя, Мария Ильиничне удавалось послушать сказительницу и посидеть за рукоделием. Так что нельзя сказать, что царица занималась только молитвами и вышиванием и никак не влияла на ход событий. Есть предположение, что, когда патриарх Никон стал решать не только церковные, но и светские дела и подписывать грамоты «Патриарх и Государь всея Руси», Мария Ильинична первая открыла глаза Алексея Михайловича на избранное Никоном направление — не только уравнивать сан патриарха с саном царя, но и возвысить патриаршество над царским тронem, то есть поставить церковь над светской властью, над самодержавием. С этого времени Алексей Михайлович стал предпринимать меры против этих действий ближайшего друга Никона. Известно, к каким последствиям это привело и как повлияло на исторический ход событий.

Закрытость терема была прежде всего мерой безопасности со стороны внешнего мира. Но внутри дворца, как это показали многочисленные примеры, гарантия безопасности была очень слабой.

После смерти Марии Ильиничны 3 марта 1669 г. царь очень горевал и не женился почти два года.

У царя Алексея был близкий друг — боярин Артамон Сергеевич Матвеев, которого царь очень уважал, любил и бывал у него в гостях. Это был просвещенный боярин, дом которого был обставлен в европейском вкусе, с зеркалами и часами. Имелся даже домашний театр. У Артамона Сергеевича находилась на воспитании девица — Нарышкина Наталья Кирилловна (1651—1694). В доме боярина Матвеева и познакомился с нею царь Алексей Михайлович.

К этому времени род дворян Нарышкиных был значительно ниже боярских родов, особенно рода Милославских. Но все же это был один из старинных родов, известных с XVI в. Дед Натальи Кирилловны — Полуэкт Иванович Нарышкин — участвовал в войне с Польшей за возвращение Смоленска и был убит в 1633 г. в битве за Смоленск. В боярской книге 1627 г. он был записан как тарусский дворянин со значительным окладом. Отец Натальи Кирилловны, Кирилл Полуэктович, и ее родной дядя Федор Полуэктович, рязанские дворяне, служили в полку Артамона Сергеевича Матвеева и даже были ему дальними родственниками: жена Федора Полуэктовича, англичанка Гамильтон, приходилась жене Матвеева племянницей.

Решив жениться на полюбившейся ему Наталье Кирилловне, Алексей Михайлович тем не менее приказал объявить смотрины для избрания царской невесты. Смотрины состоялись, и из 70 девиц, прибывших в Москву, Алексей Михайлович выбрал двадцатилетнюю дворянку Нарышкину, которая была моложе него на 20 с лишним лет. Уже сам факт женитьбы царя был воспринят Милославскими в штыки, а потому ими была предпринята попытка расстроить этот брак. Во дворце были обнаружены подметные письма, порочащие царскую невесту. Но проверка указанных в письмах фактов показала их несоответствие с действительностью. И 22 января 1671 года Наталья Кирилловна Нарышкина стала царицей.

Воспитанная в доме боярина Матвеева, где не только домашняя обстановка имела европейские черты, но и образ мыслей склонялся к европейской культуре более, чем это было в других боярских домах, Наталья Кирилловна не сидела взаперти в тереме и не всегда соблюдала стринные теремные обычаи. Арта-

мон Сергеевич принимал у себя иностранных гостей, владел иностранными языками. И эта атмосфера деловых переговоров и европейского культурного общения не могла не повлиять на молодую девушку. Наталья Кирилловна отличалась веселым нравом, простотой обхождения, культурой общения, но большими знаниями не обладала и к научным познаниям не стремилась. Это была красивая, очень милая и спокойная девушка. И Алексею Михайловичу эти черты его жены были по душе, для него этот брак был вполне счастливым. Счастлива была с мужем и Наталья Кирилловна. Но в царицыных покоях покоя ей не было. Молодая девушка, она сразу стала мачехой детям Милославским, и уже взрослым — Евдокии (21 год), Марфе, в иночестве Маргарите (22 года), Софье (14 лет), и малолетним — Екатерине (13 лет), Марии (11 лет), Феодору (10 лет), Феодосии (9 лет) и Ивану (5 лет).

Ее двор составляли верховые боярыни, которые прежде служили Марии Ильиничне Милославской: Анна Петровна Хитрая, Анна Андреевна Мещерская; Анна Михайловна Вельяминова, урожденная Ртищева, начавшая служить при дворе с 1638 г., еще при царице Евдокии Лукьяновне; Агафья Романовна Горчакова, служившая в царицыном дворе в чину с 1667 г., княгиня Домна Никитична Волконская, княгиня Анна Фирсовна Ухтомская (с 1667 г.), бывшая мамой царевича Ивана, и другие.

Привыкшие к порядкам, установленным Марией Ильиничной, они, по крайней мере, с неодобрением встретили новую царицу, а некоторые из них, например Анна Петровна Хитрая, затаенно враждебно, придумывая всякие наветы и разнося невероятные слухи. Сын Артамона Сергеевича был уверен в том, что первопричиной гибели его отца была именно Анна Петровна Хитрая, пустившая слух, что царевича Ивана задушили Нарышкины.

Через 1 год и 4 месяца после свадьбы, 30 мая 1672 г., Наталья Кирилловна родила здорового сына-крепыша, которого назвали Петром. Он родился в Измайлове, вотчине Романовых, любимом детище Алексея Михайловича, где он создал на удивление иностранцам образцовое великокняжеское хозяйство. По преданию, рождение сына в Измайлове случилось так: Алексей Михайлович поехал из Преображенского, где находился со своей царицей, в Измайлово на любимую им птичью охоту, и там заболел. Когда Наталья Кирилловна получила известие о его болезни, она, несмотря на то что была уже на сносях, тотчас же отправилась из Преображенского в Измайлово. На проселочных дорогах с ухабами ее растрясло и, когда она приехала в Измай-

лово, у нее начались роды. Так появился на свет будущий царь и император Петр I.

За пять лет своей замужней жизни Наталья Кирилловна родила троих детей: кроме царевича Петра еще царевну Наталью (1673—1716) и царевну Феодосию, которая, родившись в 1674 г., умерла в трехлетнем возрасте, в 1677 г. А за год до ее смерти, 29 января 1676 г., Наталья Кирилловна стала вдовой.

На царский престол взошел старший сын Алексея Михайловича пятнадцатилетний Феодор Алексеевич, больной, слабый юноша, добрый в отца, но окруженный Милославскими, жаждущими крови Нарышкиных.

Лишившись своей главной опоры — мужа-царя, а через короткое время и своего воспитателя и советника Артамона Сергеевича Матвеева, сосланного по наветам Милославских, царица Наталья все свои силы, все свое внимание сосредоточила на сохранении жизни своих детей, и прежде всего царевича Петра.

Теперь началась новая для нее жизнь — в страхе, в тревоге, в постоянном напряжении. И эта атмосфера страха, боязни за свою жизнь самым пагубным образом повлияла на ее сына, на всю жизнь оставшегося нервным, быстро возбудимым, подверженным приступам неукротимого гнева.

Вдовствующей царице Наталье Кирилловне, оказавшейся в центре борьбы Милославских и Нарышкиных за власть, пришлось пережить страшные события. В начале мая 1682 г. по наущению боярина Ивана Михайловича Милославского и князя Ивана Хованского среди стрельцов начались волнения против Нарышкиных. Эти волнения нарастали день ото дня из-за слухов и сплетен, которые распространяли люди Милославских. 14 мая распространился среди стрельцов слух, что брат царицы, 23-летний Иван Кириллович Нарышкин, недавно незаслуженно возведенный в чин боярина и оружничего, якобы надевал на себя царские одежды, а на голову себе возлагал царский венец и говорил, что он идет ему лучше, чем кому-либо другому. Царица Марфа Матвеевна, царевна Софья и царевич Иван якобы стали его за это укорять, а он в бешенстве кинулся на царевича Ивана и задушил бы его, но царица громко закричала, прибежали караульные и вырвали царевича из его рук. 15 мая, в день памяти об убийстве царевича Димитрия, стрельцы уже кричали, что Иван Нарышкин задушил царевича Ивана. Поднялась тревога, стрельцы взяли за оружие, ворвались в Кремль и в ярости стали все крушить вокруг, требуя выдачи им всех Нарышкиных. По совету Артамона Сергеевича Матвеева, вернувшегося из ссылки всего четыре дня назад, царица Наталья, замирая от страха, взяла

за руки царевичей Ивана и Петра и в сопровождении патриарха и бояр вышла на высокое Красное крыльцо Кремля. Несмотря на то, что царевич Иван отвечал стрельцам, что он жив и ни на кого не жалуется, стрельцы, ослепленные злостью и яростью, продолжали требовать на расправу Нарышкиных, а царицу Наталью отправить в монастырь. Они буквально вломились на крыльцо. Большинство бояр от страха убежали, но начальник Стрелецкого приказа Михаил Юрьевич Долгорукий, Артамон Сергеевич Матвеев и Михаил Алегукевич Черкасский на бросили царицу Наталью с царевичами. Долгорукий попробовал прикрикнуть на стрельцов, но они его сбросили с крыльца на расставленные внизу копыя, а затем изрубили его тело на куски. Потом бросились на Матвеева, но он отодвинулся к царице и взял за руку царевича Петра. Тогда стрельцы оторвали его от царевича. Князь Черкасский стал отбивать Матвеева от стрельцов и закрыл его своим телом, но они избили князя, вытащили из-под него Матвеева, потом сбросили его вниз на копыя, где его тоже изрубили на куски. И все это на глазах царицы и царевичей. Царица Наталья с царевичами в ужасном страхе убежала в Грановитую палату. Но на этом ее страшные мучения не кончились. Вооруженные стрельцы со списком сорока обреченных на смерть, среди которых были прежде всего Нарышкины, ворвались теперь во дворец. «Стрельцы бегали по царским покоям, — пишет Н.И. Костомаров, — заглядывали в чуланы, шарили под кроватями, переворачивали постели, тыкали копьями в престол и жертвенники в придворных церквях, везде искали Нарышкиных и, принявши за Афанасия Нарышкина молодого стольника Федора Салтыкова, убили его, а узнавши свою ошибку, послали тело убитого с извинением к его отцу. Думный дьяк Ларионов спрятался, по одним известиям, в трубу, по другим — в сундук; его вытащили, сбросили с крыльца на копыя и рассекли на части. (...) Наконец, стрельцы добрались до Афанасия Нарышкина, брата царицы Натальи; они нашли его под престолом церкви Воскресения на Сенях: его указал им карлик царицы Хомяк. Стрельцы вытащили Афанасия, поволокли на крыльцо и сбросили на копыя. Но Ивана Нарышкина никак не могли найти. Он запрятался в терем восьмилетней царевны Натальи, младшей сестры Петра». Страшно даже себе представить, что пережила в этот день царица Наталья Кирилловна: на ее глазах проткнули копьями, разрубили на куски близких, родных ей людей, искали братьев, чтобы их зверски убить.

Не только в Кремле — везде в Москве кровь лилась рекой. В этот день были также убиты стрельцами: отставной стрелецкий

начальник Горюшкин и с ним Юренев, попытавшиеся преградить стрельцам вход во дворец; сын растерзанного ими Ларионова — Василий, князь Григорий Ромодановский с сыном Андреем, князь Юрий Долгорукий и по ошибке его сын Михаил. При этом, озверевши, они не просто убивали, а изощренно истязали свои жертвы. Так, у старого князя Ромодановского, прежде чем его убить, они рвали волосы и бороду, а больного старика Юрия Долгорукого, к которому стрельцы пришли извиниться за убийство его сына Михаила, они изрубили, выбросили за ворота на навозную кучу, поверх его труп наложили соленой рыбы и приговаривали: «Ешь, князь, вкусно! Это тебе за то, что наше добро ел». Тогда же стрельцы замучили Ивана Фомича Нарышкина в его собственном доме на Замоскворечье. Известия об этих убийствах одно за другим приходили во дворец, и царица Наталья замирала от ужаса, потому что знала: стрельцы ищут души ее родного брата Ивана Кирилловича Нарышкина, а, возможно, и отца, Кирилла Полуэктовича. Но и это было не все. На другой день стрельцы опять ударили в набат и явились к дворцу с барабанным боем. Они требовали выдачи Ивана Нарышкина. И снова они ворвались во дворец, ища Ивана Нарышкина, по дороге убивали ни в чем не повинных людей, изощренно бесчинствовали. Они хотели убить иностранного врача Даниэля, обвинив его в отравлении царя Феодора Алексиевича, но, не найдя его, в досаде убили сначала его помощника Гутменьша, а потом его сына Михаила, ни в чем не виновных людей, и хотели убить заодно и жену Даниэля, но царица Марфа Матвеевна уговорила их не делать этого. Спутав с Иваном Нарышкиным, убили внешне похожего на него Филимонова. А потом вознамерились убить и отца царицы Натальи. Царица, стоя перед ними на коленях, слезами молила ему жизнь, и стрельцы согласились оставить его в живых только на условиях, чтобы он немедленно с тремя своими малолетними сыновьями отправлялся в ссылку, в Кирилло-Белозерский монастырь, и постригся там в монахи.

Бесчинства и убийства продолжались по всей Москве. Тогда же стрельцы отсеки на площади голову Языкову, любимцу царя Феодора Алексиевича. 17 мая в Немецкой слободе поймали несчастного доктора Даниэля, пытавшегося спастись, переодевшись в нищего. Несмотря на утверждения царицы Марфы Матвеевны и царевны Софьи, что его лекарства не были ядовитыми, и их просьбу отпустить его, невиновного, стрельцы бросили Даниэля в застенок, пытали, а потом рассекли на части.

Но дальнейшие события для царицы Натальи оказались еще более страшными. Стрельцы упорно продолжали требовать вы-

дачи им Ивана Нарышкина и в конце концов заявили, что не уйдут из дворца до тех пор, пока его не выдадут им. И тут царевна Софья сказала Наталье Кирилловне: «Никоим образом нельзя тебе избыть, чтоб не выдать Ивана Кирилловича Нарышкина. Разве нам всем пропадать из-за него?» Перед царицей Натальей встал ужасный вопрос: отдать своего родного брата на растерзание стрельцам и сохранить царевича-сына или сохранить брата и, возможно, погибнуть вместе с сыном, потому что стрельцы, пьяные, озверевшие, уже не останавливались ни перед чем? И она приняла предложение царевны Софьи — выдать брата Ивана. В кремлевской церкви Спаса царица с царевной вызвали Ивана из закоулка, где он прятался, и Наталья с болью в сердце объявила ему об их решении. Он причастился святых Тайн, соборовался, Софья выразила свои сожаления и передала ему через царицу Наталью Кирилловну образ Богородицы, предполагая, что это его может спасти. Но когда Иван Нарышкин вышел из церкви, стрельцы вырвали у него из рук икону и отбросили ее прочь, не стесняясь ни царицы, ни царевны, грязно ругаясь, схватили Ивана за волосы и поволокли через весь Кремль в застенок. И это все на глазах его сестры — царицы. Они долго мучили его в застенке, подвергнув адской пытке, потом повели на Красную площадь, подняли его на копыта вверх и, сбросив с копий, изрубили на куски.

И вы представьте себе, какому страшному потрясению подверглась царица Наталья в эти дни. Единственным утешением для нее была мысль, что она осталась жива и, главное, — Слава Богу! — сохранила жизнь будущему царю.

Когда двое стрельцов ночью, разбудив Петра, сказали ему, что Софья готовит покушение на него, и Петр в одной рубашке, босиком ускакал сначала в лес, а потом в Троице-Сергиеву лавру, Наталья Кирилловна, прихватив невестку Евдокию, тут же помчалась за ним вслед. Она знала, что с Софьей шутить нельзя, что эта царевна имеет мужской характер и в борьбе за власть способна на все. За все время после кончины Алексея Михайловича и в царствование Феодора Алексеевича, а особенно после его смерти, царица Наталья Кирилловна подвергалась унижениям со стороны Милославских. В ней не было той твердости и боевитости, какой обладала Софья, но с взрослением Петра, обладавшим сильнейшей энергетикой, невозмутимой силой и твердостью характера, Наталья Кирилловна получила прилив сил. По ее настоянию и выбору невесты Петр женился на Евдокии Лопухиной. Пока Петр пребывал за границей, она вместе с боярами фактически управляла государством. Сына она любила до самозабве

ния и во всем потакала ему. Пожалуй, Наталья Кирилловна была самым преданным соратником Петра I, всей душой и всем телом приветствовавшим все, что Петр, младший, однако же царь, ни делал при ее жизни.

Она скончалась 25 января 1694 года, на 43-м году жизни, войдя в историю России как царица — мать Петра Великого, царя и императора Всероссийского.

Несмотря на то что царь Федор Алексеевич был человеком больным и слабым, притом настолько, что порой не мог самостоятельно выходить из своей палаты, он 18 июля 1679 г. (по другим источникам, в июле 1680 г.) женился на Агафье Семеновне Грушецкой, происходившей из польской дворянской семьи, приехавшей в Россию из Польши при царе Федоре Иоанновиче. Ее отец, Семен Федорович, был дворянином московским и служил воеводой в Чернавске.

Агафья Семеновна была избрана царем на традиционном смотре невест. Выйдя замуж, она стала царицей, но не единственной в России: в селе Преображенском в то время жила вдовствующая царица Наталья Кирилловна, мачеха царя Федора Алексеевича и, стало быть, свекровь Агафьи Семеновны.

Польские родственники царицы не успели занять главенствующее положение в Кремле особенно потому, что в течение тех полутора лет, когда Агафья Семеновна была царицей, на первом плане вокруг Федора Алексеевича стояли Милославские, особенно близка ему была сестра его Софья, которая уже тогда имела сильное влияние на царя в его государственной деятельности. И были еще Нарышкины с наследником, царевичем Петром. И хотя польские историографы, естественно, возвеличивают свою соотечественницу на русском троне, Агафья Семеновна не играла при дворе той роли, которую они ей отводят. Царица Агафья опоздала с разрешением брить бороды и носить кунтуши, до нее это уже было при царе Борисе Годунове, и до ее появления уже многие придворные государева двора имели проевропейские настрояния. Что касается закладки польских и латинских школ, то в то время готовился проект не школ, а Славяно-греко-латинской академии, и горячее участие в этом проекте принимали царица Софья и князь В.В. Голицын.

Говорить о том, что в тереме царицы Агафьи Семеновны звучала польская речь, «и стиль московской жизни стал напоминать времена Лжедмитрия I», не приходится, потому что в царицыном дворцовом чине значилась только одна полька — получившая чин боярыни Грушецкая Марья Матвеевна, а остальные боярыни остались служить еще со времен цариц Евдокии Лукьяновны

и Марии Ильиничны и служили и Наталье Кирилловне, и Агафье Семеновне. Это были известная всем Хитрая Анна Петровна, затем Мещерская Анна Андреевна, княгиня Ухтомская Анна Фирсовна, княгиня Горчакова Агафья Романовна, Плещеева Федора Ивановна, Полтева Анна Ивановна, Свиньина Авдотья Ивановна; светличная Вельяминова Арина Федоровна; казначея Неелова Федосья Ивановна, бывшая казначея царевича Феодора, теперь царя. Кто же из них мог наряжаться в польское платье и все время говорить по-польски? Ведь это были в основном вдовы, свято хранившие теремные обычаи.

Царь Феодор Алексиевич хорошо говорил по-польски и, вероятно, с родственниками Агафьи Семеновны он говорил на их родном языке, но остальные бояре, особенно Милославские, вряд ли поддерживали польский стиль в кремлевских палатах, зная, что царь серьезно болен и, по-видимому, протянет недолго.

Царица Агафья Семеновна умерла от родов 14 июля 1681 г. За три дня до того, 11 июля, она родила сына Илью, который тоже скончался через несколько дней, 21 июля 1681 г.

В течение нескольких месяцев после смерти царицы Агафьи любимцы царя Иван Максимович Языков и Алексей Тимофеевич Лихачев, мама царя, боярыня Анна Петровна Хитрая, и другие окружавшие его люди, видимо, желая пробудить в Феодоре Алексиевиче надежду на выздоровление и интерес к жизни, а главное, конечно, укрепить свои позиции у царского трона, стали его уговаривать жениться. Языков и Лихачев рекомендовали ему и, возможно, представили Марфу Матвеевну Апраксину (1664—1715), родственницу Ивана Максимовича Языкова и (что не входило в их планы) крестницу боярина Артамона Сергеевича Матвеева. Марфе тогда шел семнадцатый год, и она была незнатного дворянского происхождения.

В январе 1682 г. царь объявил Марфу Матвеевну Апраксину своей невестой. А уже 15 февраля 1682 г. сыграли свадьбу царя Феодора Алексиевича с Марфой Матвеевной Апраксиной, и в Российском государстве появилась еще одна царица. Она оказалась второй по счету царицей в России, хотя и царствующей, потому что в это время жила еще одна, вдовствующая царица Наталья Кирилловна. Но в том же году Марфа Матвеевна стала вдовствующей царицей. А с 9 января 1684 г. на русском престоле появилась новая царствующая царица — Прасковья Федоровна, ставшая супругой царя Иоанна V Алексиевича. А через три года, 27 января 1689 г. женился Петр I, и появилась еще одна царствующая царица — Евдокия Федоровна Лопухина. Так что

в эти годы у русского престола было четыре царицы: две царствующие и две вдовствующие.

Марфа Матвеевна была очень умной девушкой и очень доброй. Несмотря на то что ее пребывание в царицыных палатах волею судьбы продолжалось всего около двух месяцев, а далее она пополнила ряд вдовствующих цариц, Марфа Матвеевна успела положительно повлиять на царя и сделать много добрых дел. Будучи крестницей Артамона Сергеевича Матвеева, помня его доброту к ней, царица Марфа посчитала себя обязанной вернуть его, ни в чем не повинного, из незаслуженной им ссылки. Ее доброта и душевная мягкость заставили царя сначала объявить, что он признает Матвеева совершенно невинным и ложно оклеветанным и даже отправить в ссылку врача Давида Берлова, одного из клеветников. Потом Феодор Алексеевич смягчил условия ссылки для Матвеева, а затем приказал его освободить. Правда, когда Матвеев вернулся, царя уже не было в живых, а через четыре дня после своего возвращения он и сам погиб на пиках стрельцов.

Сумела царица Марфа примирить царя с Натальей Кирилловной и с царевичем Петром. Феодор даже полюбил Петра и с удовольствием с ним общался. Этого примирения было добиться очень трудно, потому что рядом с царем Феодором постоянно находились его сестры-царевны, а среди них властная царевна Софья, сильно влиявшая на брата и люто ненавидевшая Наталью Кирилловну и ее сына Петра, наследника трона.

В страшные майские дни стрелецкого бунта 1682 г. царица Марфа Матвеевна, как могла, уговаривала стрельцов усмириться и не брать греха на душу, убивая невинных людей. Помогая Наталье Кирилловне, она приняла участие в сокрытии от стрельцов ее брата Ивана Нарышкина. Конечно, озверевшие от крови стрельцы, почуя свою безнаказанность, не внимали уговорам царицы Марфы и ее плачу, но все же не тронули ни Наталью Кирилловну Нарышкину, ни царевича Петра, отпрыска рода Нарышкиных, ни ее, царицу Марфу, заступницу за Нарышкиных, хотя убивали и рубили на куски всех Нарышкиных и тех, кто за них заступался.

Рассказ о доброте царицы Марфы Матвеевны, об ее участливом отношении к людям вошел даже в «Деяния Петра Великого»: у вдовствующей царицы Марфы Матвеевны был молодой паж Лаврентий Юрлов, сын нижегородского дворянина. Он рано остался сиротой, и князь Троекуров взял его к себе в дом, заботился и воспитывал его наравне со своими сыновьями. Пришла пора, Лаврентия записали в полк, он служил, участвовал в походах, а потом, уже в царствование Петра I, был определен пажом к цари-

це Марфе Матвеевне. Однажды вместе с царицей Марфой Юрлов присутствовал на ассамблее у голландца Гоппи. Во время пира он спрятал на себе серебряный кубок, из которого пил государь. Это было замечено, и если бы царю Петру донесли об этом, разгневанный Петр, ему, как вору, приготовил бы ужасное наказание. Царица Марфа Матвеевна, жалея своего пажу, прикрыла его от царского гнева. Она дала Лаврентию деньги и посоветовала спастись, как знает. Юрлов скрылся, а царица приняла на себя удар: и выговор, и царский гнев. Позже выяснилось, что для Лаврентия Юрлова этот случай не прошел даром. Доброта царицы пристыдила его, и он посчитал, что он не может и не должен более жить в миру. Он ушел в монастырь и постригся под именем Льва.

Когда Софья в сентябре 1689 г. была сослана в Новодевичий монастырь, Марфа Матвеевна вместе с царицей Прасковьей Федоровной навещала ее, но часто ездить к ней не стала. Видимо, Софьиная злоба, гордыня, неженское желание мести не принимались душой доброй, чистой и целомудренной.

Царица Марфа Матвеевна умерла в 50-летнем возрасте в Санкт-Петербурге 31 декабря, под новый, 1715 год. Петр I повелел похоронить ее в Петропавловском соборе.

Как уже отмечалось выше, 9 января 1684 г. стала одновременно третьей по счету царицей, супругой царя Иоанна V Алексиевича двадцатилетняя боярышня Прасковья Федоровна Салтыкова (12.10.1664—13.10.1723), избранная в результате традиционного смотра невест, вероятно, не самим царем Иоанном, никогда ничего не решавшим самостоятельно, а скорее всего его сестрой, царевной Софьей.

Прасковья Федоровна слыла первой красавицей на Москве. Сохранился ее портрет, написанный по повелению Петра живописцем Брюином. Она действительно необыкновенно хороша; не просто миловидная, как царицы Евдокия Лукьяновна, Мария Ильинична и Наталья Кирилловна, а подлинно красавица. И характер у нее был вполне подходящий для того, чтобы быть супругой больного, малоумного царя, а в последующей жизни, оставшись вдовой, уметь ладить со своим деверем и государем — царем Петром.

Прасковья Федоровна была из рода Салтыковых (Солтыковых), известного с начала XIII в., когда «муж честен из Прусс» Михаил Прушанин поселился в России и стал родоначальником этой семьи. И семья эта стала служить московскому великому князю. Его сын, Терентий Михайлович, стал боярином при дворе великого князя Александра Невского и со своей дружиной участво-

вал в Невском сражении в 1240 году. Один из пяти его прапра-внуков, прозванных Морозовыми, имел сына, Михаила Игнатьевича, получившего прозвание Салтык, или Солтык, и ставшего непосредственным родоначальником Салтыковых. Уже тогда род Салтыковых стал возвышаться: сын Салтыка, Андрей Михайлович (ум. 1522), дослужился до чина оружничего при государевом дворе великого князя московского Василия III Иоанновича, а его сыновья Яков и Лев Андреевичи Салтыковы получили думные боярские чины у царя Иоанна IV Васильевича. Михаил Михайлович (ум. 1608) служил окольничим при государевом дворе Бориса Годунова. Михаил Глебович Салтыков, по прозвищу Кривой (ум. 1611), имел чин боярина. Вообще в XVII в. боярский чин имели девять представителей рода Салтыковых (Солтыковых).

Царица Прасковья Федоровна была дочерью боярина Федора-Александра Салтыкова (ум. 1697). Его настоящее имя было Александр, но когда дочь стала царской невестой, он, по принятому тогда обычаю, изменил свое имя на Федор, и дочь Прасковья стала Федоровной.

Называясь царствующей царицей, Прасковья Федоровна не играла никакой значимой роли в жизни государства, потому что и ее супруг, «царь всея Руси» Иоанн V Алексиевич, хоть и считался первым, старшим царем, но по причине умственной неполноценности, или «слабоумия», как тогда это принято было называть, не участвовал ни в каких делах государственного значения. А потому никогда не перечил ни сестре своей царевне Софье, ни своему брату, царю Петру, и соглашался на все, что ему предлагали.

Прасковья Федоровна родила ему пятерых девочек, и первую — не сразу, а только через пять лет после свадьбы. И вот волею судеб или Провидения через двух своих дочерей она значительно повлияла на государственную жизнь России. Первая из дочерей Прасковьи Федоровны — царевна Мария (1689—1692) умерла на третьем году жизни; вторая — Феодосия (1690—1691) прожила всего несколько месяцев; но третья — Екатерина прожила долго и дала миру правительницу российскую Анну Леопольдовну, правившую при малолетнем сыне Иоанне VI Антоновиче; четвертая — Анна (1693—1840) стала императрицей Всероссийской Анной Иоанновной, а пятая — Прасковья (1695—1731) была выдана замуж за генерал-аншефа Ивана Ильича Дмитриева-Мамонова (1680—1730), сына стольника и полкового воеводы. Так как Прасковья Иоанновна была царевной, дочерью царя и племянницей государя Всероссийского Петра I, это был

первый случай морганатического брака в императорском доме Романовых.

Царь Петр I после смерти своего брата, царя Иоанна V Алексеевича, случившейся в январе 1696 г., стал заботиться о его семье — вдовствующей царице Прасковье Федоровне и ее оставшихся в живых трех дочерях (первые две ее дочери, как уже было сказано, умерли во младенчестве): Екатерине, Анне и Прасковье. Царь Иоанн с семьей проживал в унаследованной им от отца вотчине Измайлове, и после его смерти Петр оставил царице-вдове и ее дочерям дворец Романовых в Измайлове, окруженный когда-то, в царствование Алексея Михайловича, великолепными парком, прудами, садами и огородами и являвший собой образец передового хозяйственного комплекса, именно комплекса, включавшего не только выращивание различных сельскохозяйственных культур, но и связанные с ними производства. Вдова имела еще и другие вотчины, получала от Петра немалое пособие и жила в общем безбедно.

Как у всякой русской царицы, у Прасковьи Федоровны был свой царицын дворцовый чин, состоявший из верховых боярынь-мам, боярынь-казначей, боярынь-светличных, кормилиц, сенных боярышень, постельниц, учительниц, псаломщиц, мастериц, портомой, комнатных баб. Обслуживали ее и мужские дворцовые чины: стольники, приказный, крестовый, истопничий, мастерской, походный. Воспитанная в старинном духе, царица Прасковья имела при своем дворе огромное количество всяких шутов, шутих, дураков и дурок, сказительниц, гадалок и знахарок. Кроме того, царица Прасковья Федоровна была очень религиозной и считала своим долгом помогать нищим и сирым, а потому в ее дворце ютилось много всякого рода калек, больных, убогих, да и притворяющихся таковыми.

Петр, когда бывал в Москве, ездил в Измайлово, навещал свою невестку и племянниц, выполнял все просьбы Прасковьи Федоровны, но образом их жизни доволен не был. Двор Прасковьи Федоровны представлял, по его выражению, «госпиталь уродов, ханжей и пустосвятов». А потому в марте 1708 г., когда его племянницы вошли в возраст, перевез вдовствующую царицу с царевнами в новую столицу — Петербург — и занялся устройством судеб своих принцесс-племянниц. Надо сказать, тогда же, с этим поездом карет, колымаг и возков, выехавших из Москвы в Петербург, по приказу царя переехали в новую столицу и вдовствующая царица Марфа Матвеевна, и царские сестры-царевны Наталья, Мария и Феодосия, и князь Федор Юрьевич Ромоданов-

ский со своей супругой Анастасией, родной сестрой царицы Прасковьи, со всей прислугой всех названных господ.

Царица Прасковья Федоровна умела ладить с Петром, она выполняла его пожелания и, хотя душой не воспринимала его нововведения, но вместе с дочками надевала иноземный наряд и посещала ассамблеи, где танцевали ее Екатерина, Анна и Прасковья, и вела себя так, как было предписано Петром. И даже там, где с церковной точки зрения это был грех, она, подчиняясь желанию царя написать с нее и царевен портреты, позировала живописцу Брюину и позволяла позировать своим дочкам.

По приезде в Петербург вся царская родня должна была по прихоти Петра обозреть весь Петербург, проехать по окрестностям, посмотреть новостроенные городки Копорье и Ямбург, отпраздновать в Нарве именины царя, а уж только потом заняться новосельем. Петр подарил царице Прасковье дом на Петербургской стороне, на берегу Невы, возле Петровского домика (где теперь стоит на вечной стоянке «Аврора»). Это был поистине царский подарок и проявление особого уважения к вдове своего брата-царя, потому что рядом жил сам Петр и его ближайшие соратники-сановники: Меншиков, Головкин, Остерман, Шафиров и другие знатные лица, в том числе и иностранные.

К концу жизни царицы Прасковьи характер у нее стал злым, и она перессорилась со всеми своими дочерьми, и только Анне удалось получить у нее прощение. Плохо воспитанная, необразованная, царица Прасковья Федоровна, как настоящая спесивая барыня, бывала не только злой, но и очень жестокой. Не уступая мужчинам в жестокости и грубости, она позволяла себе ужасные поступки, которые в те времена называли «предерзостями». Так, в 1722 г. в Тайной канцелярии содержался дворцовый стряпчий Деревнин, к которому у царицы Прасковьи были свои претензии. Ночью она явилась со своими служителями в Тайную канцелярию, отняла Деревнина у караульных, не посмевших перечить царице, и стала его бить, потом приказала своим служителям жечь его свечами, облить его голову и лицо водкой и поджечь. Если бы караульные не спасли его, он заживо бы сгорел.

Петр I знал истинную суть этой царицы, понимал, что все идет от бескультурия и необразованности, а потому старался дать образование своим дочерям Анне и Елизавете, чтобы они не были похожи на царицу Прасковью Федоровну.

Царица Прасковья Федоровна, вдова царя Иоанна V Алексеевича, скончалась в 1723 г. в Петербурге и по велению Петра была похоронена в Петропавловском соборе.

Принято считать, что последней русской царицей с 27 января 1689 г. была первая жена Петра I — Евдокия Федоровна Лопухина. И почему-то не принимается в расчет, что 19 февраля 1712 г. Петр I, пока еще царь, а не император, сочетался законным браком с Мартой Самуиловной Скавронской, которая стала русской царицей Екатериной Алексеевной и носила этот титул до 7 мая 1724 г., когда она была коронована Петром I в Успенском соборе Московского Кремля как императрица, супруга императора Всероссийского, Петра Великого, отца народов. И что Евдокия Федоровна Лопухина имела статус царствующей царицы девять лет (с 27.01.1689 по 23.09.1698), а Екатерина Алексеевна носила титул царствующей царицы 12 лет (с 19.02.1712 по 07.05.1724).

Но вернемся к предпоследней русской царице Евдокии Федоровне Лопухиной (30.07.1669 — 27.08.1731). Ее первоначальное имя было Прасковья. Когда она стала царской невестой, по традиции имя ее было изменено на «Евдокия». В данном случае это было даже необходимо, потому что уже в течение трех лет в России существовала царствующая царица Прасковья, супруга Иоанна V Алексиевича. К слову сказать, в то время в Российском государстве были еще две царицы, правда, вдовствующие: Наталья Кирилловна и Марфа Матвеевна. Так что, став супругой младшего царя, Евдокия оказалась второй царствующей царицей и четвертой царицей при государевом дворе.

Евдокия была дочерью окольничего Илариона Лопухина, служившего при государевом дворе Петра I (в то время государев двор при двух царях, Иоанне и Петре, разделился надвое). По установившейся традиции, когда дочь его стала царской невестой, Иларион Абрамович Лопухин переименовал свое имя и стал Федором. Так избранная царской невестой Прасковья Иларионовна стала Евдокией Федоровной.

Выбор царской невесты принадлежал царице Наталье Кирилловне. Петру в то время не было еще и 17 лет, но Наталья Кирилловна спешила с женитьбой сына в очень непростой обстановке открытой вражды царевны Софьи и всех Милославских. В те времена в России зрелость мужчины определялась женитьбой, а потому женитьба царя Петра при его твердом характере, необыкновенной энергии и работоспособности выдвигала его на первое место не только перед царем Иоанном, но и перед царевной Софьей.

Многие знатные бояре предлагали невест из княжеских родов, но Нарышкины во главе с Тихоном Стрешневым и в согласии с царицей Натальей Кирилловной выбрали дочь мелкопоместного

дворянина, в чине окольного служившего при государевом дворе.

Почему именно Евдокию Лопухину избрала Наталья Кирилловна царской невестой? Видимо, не раз и не два отмеряла она по старой русской пословице: «Семь раз отмерь — один раз отрежь». В расчет принималось все: возвышение рода Лопухиных, связь Лопухиных со стрельцами (многие Лопухины занимали в стрельческих полках начальствующие должности), их участие в Боярской думе, а также красота девушки, ее кротость, чистота, близость к царицыному дворовому чину (есть свидетельства, что Евдокия бывала в царицыных палатах для игр с царевной Натальей). Словом, совпадали все интересы — и политические, и личные. Не учтен был только характер Петра, его ум, его воля, его сумасшедшая энергетика, его жесткость, направленные на достижение личных интересов и целей государственных. Не придали значения степени образованности и культуры красавицы Евдокии, отсутствие у нее стремления учиться, познавать, что, напротив, было характерной чертой Петра.

Считается, что первые пять лет царь с царицей прожили более или менее благополучно, до сближения Петра с Францем Лефортом и особенно до знакомства его с Анной Монс. Приводятся цитаты из писем Евдокии к мужу с ласковыми словами, хотя это не может служить доказательством любви Петра к ней. Приводятся цитаты из писем Петра к жене с ничего не значащими словами, которые интерпретируются как ласковые и даже любовные. А между тем уже в самом начале их супружеской жизни Петр постоянно был в разъездах, был занят своими корабельными и потешными делами, к которым Евдокия была весьма равнодушна, не понимала их, да, видимо, и не стремилась понять. И ясно, что Петр в угоду матери просто терпел эту супружескую связь, тем более что она его особенно и не тяготила, потому что он постоянно находился в отъезде, вдали от своей супруги.

Двор царицы Евдокии содержался в старых традициях терема, а сама она большую часть времени проводила за молитвами, вышиванием и шитьем. Она была воспитана в благочестии, целомудрии, религиозности, почитании святых. А к этому добавилось обожание мужа, если не на деле, то на словах, нежных, ласковых словах в письмах к нему. Наталья Кирилловна, которая выбрала Евдокию, думая, что она остепенит Петра, вечно куда-то рвущегося и неугомонного, теперь увидела, насколько далеки друг от друга Евдокия и ее сын и по характеру, и по устремлениям: воистину «лед и пламень не столь различны меж собой». И по-

няла, что такая женщина, как Евдокия, не может быть истинной спутницей его жизни, не понимает своего мужа, а потому и повлиять на него не может. И это очень раздражало Наталью Кирилловну: это был ее промах, она сама выбрала Петру такую невесту и жену. Не могла же Наталья Кирилловна сказать это своему Петруше. Тем более что в ее представлении ничего сделать уже нельзя, потому что «жена не рукавица, с белой ручки не смахнешь, да за пояс не заткнешь».

Раздражало Наталью Кирилловну и еще одно обстоятельство. У молодой царицы оказалось более 30 родственников, которые съехались в Москву как искатели при дворе прибыльных мест, чинов и всяких льгот. Воспитанные вдали от двора, они не были знакомы с принятым этикетом и вызывали насмешки и презрение у дворовых чинов. Очень скоро Наталья Кирилловна пожалела, что согласилась выбрать Лопухину.

А сын, подружившийся с Францем Лефортом и начавший посещать Немецкую слободу, где чистенькие хорошенькие девушки были, как мы теперь говорим, «без комплексов», в 1692 г. познакомился с сестрами Монс и влюбился в одну из них — Анну. И, естественно, с этих пор царица Евдокия, которую он и раньше не любил, теперь стала ему просто ненавистна. Но пока была жива царица Наталья Кирилловна, тронуть Евдокию он не смел. Да это ему было и не нужно: он дома почти не бывал, отъезжая то в Переславль, то в Архангельск. В январе 1694 г. Наталья Кирилловна скончалась, и Петр, погоревав, отправился в следующем 1695 г. в поход на Азов, потом уехал в Воронеж для строительства флота, в 1696 г. предпринял второй поход на Азов. В 1697 г. Петр, у которого роман с Анной Монс был в самом разгаре, отправился с Великим посольством (Ф.Я. Лефорт, Ф.А. Головин, П.Б. Возницын и др.) в Западную Европу. Под влиянием милого друга Франца царь начал все же дело о разводе с Евдокией Федоровной Лопухиной. Несколько раз в письмах из-за границы он просил ее добровольно уйти в монастырь, освободив его от супружеских обязательств, но Евдокия решительно отказывалась от его предложения. Вернувшись домой, он сам лично стал ее уговаривать постричься в монахини, четыре часа он уговаривал ее сделать это добровольно, но Евдокия говорила, что не может покинуть сына Алексея (из троих рожденных ею сыновей двое умерли: годовалый Александр в 1692 г., Павел родился и умер в 1693 г.). Тогда Петр приказал отправить ее в монастырь насильно. И ее отправили в суздальский Покровский монастырь, куда была заключена в давние времена и

пострижена под именем Софьи великая княгиня Соломония Юрьевна Сабурова, первая супруга Василия III.

Первое время 29-летняя инокиня Елена, бывшая царица Евдокия Федоровна, содержалась в отдельной келье, и ей не разрешалось куда-нибудь выходить. Но прошли годы, царь Петр за своими делами забыл о своей бывшей царице, и епископ Илларион, курировавший Покровский монастырь, человек образованный и подлинно гуманный, перевел ее в надвратную светлицу и разрешил свободно перемещаться по территории монастыря и даже вне монастыря. Говорили, что она иногда даже позволяла себе надевать царское платье, в котором ее привезли в монастырь.

Эта более-менее свободная жизнь привела Евдокию к знакомству с неким молодым красавцем Степаном Глебовым, а затем к большой романтической любви и связи с ним.

Конечно, бояре, недовольные реформаторской деятельностью «атихриста» — царя Петра, не прочь были, избавившись от Петра, объявить Евдокию законной царицей и посадить на престол царевича Алексея. И некоторые из них делали такие попытки и плели заговоры против царя. Царевич Алексей, окруженный такими людьми, навещал мать и, страшно боясь отца, вынашивал план отъезда за границу и обращения за помощью к европейским государям. Был ли Степан Глебов, подобравшийся вплотную к бывшей царице, участником заговора или нет, неизвестно. Но побег Алексея за границу и сближение Евдокии с Глебовым Петр рассматривал как звенья одной цепи — заговора против него. А потому со всей своей энергией и жестокостью вернул царевича Алексея из-за границы, провел дознание с пытками и казнил своего сына. А в Суздале посадил на кол Степана Глебова, казнил несколько близких людей к Евдокии Федоровне и перевел свою бывшую супругу, теперь инокиню Елену, в Ладожско-Успенский монастырь, где были суровые условия содержания.

После смерти Петра Великого в 1725 г. и восшествия на престол Екатерины I инокиня Елена была объявлена государственной преступницей, участницей заговора против царя, а затем императора, и переведена в каземат Шлиссельбургской крепости. Через полтора года императрица Екатерина I скончалась, и на трон был избран внук Петра I и царицы Евдокии Федоровны, сын царевича Алексея и принцессы Шарлотты Кристины Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской Петр II Алексеевич, который освободил свою бабушку из заключения, обласкал ее, восстановил ее статус царицы, дал ей двор, хорошее содержание, равное с содержанием его любимой сестры Натальи.

Привыкшая к уединенной келье, к тишине, Евдокия Федоровна не захотела жить в чужом ей Санкт-Петербурге, а потому предпочла ему свободное проживание со своим двором в Новодевичьем монастыре. Пока император Петр II находился в Москве, он часто навещал царицу Евдокию Федоровну и баловал ее подарками и всякими сладостями. Но 19 января 1730 г. его не стало: он умер в четырнадцатилетнем возрасте по одной версии от оспы, по другой — от простуды.

Когда в январе 1730 г. на престол взошла Анна Иоанновна, жизнь Евдокии Федоровны не изменилась: императрица относилась к Евдокии Федоровне с уважением, как к вдовствующей царице, а потому продолжала содержать и ее, и ее двор на прежних условиях.

Но жить царице Евдокии оставалось недолго: она умерла 27 августа 1731 года, 62 лет от роду.

Последней русской царицей была вторая жена царя Петра I, литовка, урожденная Марта Самуиловна Скавронская, по первому мужу Краузе (?), дочь литовского крестьянина Самуила Скавронского и Доротеи Ган.

25 августа 1702 г. Марта, в то время служанка (по другой версии воспитанница) пастора Глюка в г. Мариенбурге была взята в русский плен и препровождена к генерал-фельдмаршалу Б.П. Шереметеву для обслуживания. Участвовавший в этой войне со шведами А.Д. Меншиков увидел у фельдмаршала хорошенькую Марту и взял ее себе в наложницы. А когда царь Петр пришел в гости к Александру Даниловичу, он увидел Марту, она понравилась ему, и он взял ее наложницей к себе. Любовь царя к Марте крепла, и в 1704 г. Марта была крещена в православие под именем Екатерины Алексеевны. Ее крестной матерью была сестра царя Петра — царевна Наталья Алексеевна, а крестным отцом — царевич Алексей, чем и объясняется выбор отчества для Екатерины. В том же году Екатерина Алексеевна родила сына Петра, но он прожил всего около трех лет и умер в 1707 г. В 1705 г. родился сын Павел, но и он умер в 1707 г., прожив всего около двух лет. В 1706 г. появилась на свет дочь, названная Екатериной, но и она умерла, прожив тоже около двух лет. В 1708 г. Екатерина подарила Петру еще одну дочь — Анну, которая прожила на свете 20 лет, вышла замуж за Карла Фридриха герцога Голштейн-Готторпского и стала матерью императора Петра III Федоровича. Третьей дочерью Екатерины Алексеевны и царя Петра была Елизавета, родившаяся в Москве 18 декабря 1709 г. и ставшая императрицей Елизаветой Петровной. Она родилась после

Полтавской битвы, в которой ее отец со своей армией одержал блестящую победу над шведами, считавшимися непобедимыми. В 1713 г. Екатерина родила дочь Наталью, но та умерла в двухлетнем возрасте. Родившаяся в 1714 г. Маргарита скончалась, будучи годовалой. В следующем, 1715 г. родился мальчик, которого назвали Петром, но он прожил всего три года; следующий мальчик, Павел, родился и умер в 1717 году, еще одна Наталья прожила семь лет и последний, опять названный Петром, задержался на свете четыре года.

Екатерина Алексеевна все время находилась рядом со своим царем и повелителем. Весной — летом 1711 г. она сопровождала Петра в Прутском походе; тогда его армия была окружена турками, и Екатерина Алексеевна отдала все подаренные ей Петром бриллианты, для того чтобы турки выпустили русскую армию из этого котла. Петра просто пленил этот благородный поступок, и по возвращении из похода он 19 февраля 1712 г. венчался со своей незаконной женой, и она стала царицей Екатериной Алексеевной. Кроме того, он учредил орден св. Екатерины, первоначально им названный орденом Свобождения (Освобождения) с девизом «За любовь и отечество». При Петре I этим орденом был награжден только один человек — царица Екатерина Алексеевна.

Екатерина Алексеевна родила царю Петру 10 детей — пять мальчиков и пять девочек, но в живых остались у нее только две девочки: Анна и Елизавета. Обе они родились в незаконном, не освященном церковью браке. Вот почему дочь Петра I и Екатерины I Елизавета Петровна, которая была старше Петра II на шесть лет, не была избрана на императорский трон, и ей пришлось его завоевывать путем переворота.

Законными детьми были царевна Наталья, родившаяся в 1713 г., и последующие за ней дети — Маргарита, Петр, Павел, Наталья и Петр, но они все умерли во младенчестве.

Если смерть царевичей и царевен в тереме часто объяснялась чародейством и происками недоброжелателей, то у Екатерины Алексеевны это скорее можно было объяснить походными условиями, в которых она постоянно пребывала.

7 мая 1724 г. Екатерина Алексеевна официально перестала быть царицей. В Успенском соборе Московского Кремля она была коронована императором Петром I и получила титул императрицы Екатерины I, хотя народ продолжал называть ее царицей, а императора Петра I царем.

После смерти Петра Великого в 1725 г. императрица Екатерина I была избрана на российский трон и стала императрицей Всероссийской.

Она была последней царицей и стала первой императрицей на российском престоле.

О тяжелой доле царицы, которую разлюбил царь и потому сослал в монастырь, насильно заставив постричься в монахини, народ слагал песни-былины. Одна из них — «Пострижение царицы» была записана собирателем русского фольклора Фаворским. Эта песня-былина может относиться к трем царицам: 1) великой княгине, а фактически уже царице Соломонии Сабуровой, супруге Василия III Иоанновича, сосланной в суздальский Покровский монастырь в 1525 г.; 2) царице Анне Алексеевне Колтовской, супруге Иоанна Грозного, которая тоже была сослана в суздальский Покровский монастырь где и скончалась; 3) царице Евдокии Федоровне Лопухиной, первой супруге Петра I, которая, как и предыдущие царицы, насильно была пострижена в монахини в том же суздальском Покровском монастыре.

Ахти во Москве у нас, братцы, не здорово!
Заунывно во царь-колокол благовестили:
Видно, царь на царицу прогневился
И хочет сослать ее в ссылку,
Во славной Суздаль-городочек,
Во пречестной монастырь во Петровской.
Тут заплакала благоверная царица,
Во слезах говорит такое слово:
«Ох вы гой естя, мое белокаменны палаты!
Уж мне в вас, палатушки, не бывати,
От свова царя ласкова слова не слыхати!»
Собирал-та царь возочек,
Высылал царицу в городочек.
Тут возговорит благоверная царица:
«Ой вы гой естя, извозчички мое молодые!
Вы потише поезжайте, не свищите.
Авось ли царь да на меня не умилился,
Не велит ли мне назад воротиться».
Подъезжают они к Петровским воротам.
Встречат ее изуменья с сестрами.
Тут возговорит благоверная царица:
«Отойдись ты прочь, изуменья, с сестрами:
Не на час я к вам пришла часовати,
Не на едну темну ночку ночевати -
Я пришла к вам веки вековати».

ЦАРЬ, -я, м.

(от лат. «*ceasar*» — «цезарь»)

Прил. «царский», -ого, -ой

а также «царев», -а, -о

Титул верховного правителя какой-либо земли и населяющего ее народа или монархического государства; титул неограниченного монарха, государя, самодержца.

Наименование титула «царь» ведет свое начало от имени верховного правителя Римской империи — Цезаря (*Caesar*), после правления которого это имя стало нарицательным, так как римские и византийские императоры стали именовать себя **цезарями**, или, по-гречески, **кесарями**.

Слово **цезарь** пришло в русский язык из Византии более 1000 лет назад, со времен крещения Руси, вместе с христианством, греческими и латинскими книгами и славянской письменностью — кириллицей, заменившей русскую глаголицу.

Титул верховного правителя «цезарь» в русском языке получил славянизированную форму сначала «цесарь», затем, следуя фонетическому закону — редукции гласного в предударном слоге, — «цъсарь», а потом для удобства произношения (с выпадением согласного «С») — «царь».

Русские князья вместе с христианством восприняли слово **царь** как обозначение неограниченного, богоустановленного владыки. А потому великие князья Киевской Руси, а тем более раздробленного на отдельные княжества Русского государства, не могли даже помыслить о применении этого титула в отношении себя, особенно во время татаро-монгольского ига, когда царем принято было называть татарского хана, правителя Золотой Орды, у которого русские великие князья получали ярлык на княжение.

Процесс утверждения в Русском государстве титула царя для русского верховного владыки проходил долго и трудно, так как был связан с борьбой против татаро-монгольского ига, с процессом собирания земель московскими великими князьями, с созданием централизованного Московского государства.

Великие московские князья (от Андрея Боголюбского до Василия II Темного) и великие князья и государи всея Руси Иоанн III Васильевич и Василий III Иоаннович подготовили почву для венчания на царство с титулом **царь** наследника Василия III — Иоанна IV Васильевича.

В декабре 1533 г., после кончины великого князя и государя всея Руси Василия III Иоанновича, был объявлен великим кня-

зем всея Руси и государем всея Руси малолетний Иоанн IV Васильевич, а регентшей при сыне — Елена Васильевна Глинская (1508—1538).

Великая княгиня Елена Глинская пережила мужа всего лишь на четыре года с небольшим и скончалась, по некоторым предположениям, отравленная солями ртути, оставив 7-летнего великого князя московского Ивана на боярское попечение. Началось боярское правление борьбой двух враждующих группировок: бояр Шуйских и бояр Бельских, продолжавшееся в течение почти девяти лет.

В конце 1546 г. 16-летний великий князь всея Руси Иван Васильевич, не посоветовавшись ни с кем, как говорили при государевом дворе, объявил о своем намерении венчаться на царство и жениться. Митрополит Макарий с энтузиазмом поддержал его намерение. (Возможно, он и был инициатором этого решения.)

Идея преемственности Московю церковно-гражданских принципов павшего Константинополя к тому времени достаточно созрела в сознании русского общества, и митрополит Макарий полностью разделял это мнение.

Теперь Московская Русь представляла собой Российское централизованное государство, которое достойно было стать Третьим Римом, а следовательно, «царством». По мнению многих, а особенно митрополита Макария, Русская церковь стала единственной наследницей славы и чести церкви Византийской, чистой выразительницей христианской истины — православия, а потому с помощью православного царя должна явить миру свои добродетели и богатства истины.

16 января 1547 г. в Успенском соборе Кремля состоялось торжественное венчание Иоанна IV Васильевича на царство с возложением на него шапки Мономаха и царских барм в знак официального признания Российского государства **царством**, а его, государя, — **царем**. Чин венчания был в основном повторением церемонии, происходившей в Успенском соборе 4 февраля 1498 г., когда был венчан на великое княжение внук Иоанна III — Дмитрий Иванович.

Венчание на царство Иоанна IV — это особое, знаменательное событие в истории России. Впервые за всю предшествовавшую историю российский государь принял на себя титул **царя**, тем самым возвысив не только свою власть, но и значение Российского государства в мире. «Боговенчанный царь», по примеру царей Византии, с этих пор принял на себя попечение о Русской православной церкви.

К тому времени сложилась практика использования трех видов царского титула: краткий «великий князь и царь всея Руси», а также «великий государь и царь всея Руси»; сокращенный «Божией милостью великий государь и царь всея Руси, великий князь Московский, Владимирский, Новгородский и прочая» и полный, в котором полностью перечислялись все земли, являющиеся владениями царя. В случаях завоевания или присоединения новых земель их наименования прибавлялись к царскому полному титулу.

После венчания на царство Иоанн IV Васильевич приобрел все царские титулы, в том числе и полный титул, перешедший к нему от отца, Василия III Иоанновича. В полный титул Иоанна Васильевича по мере присоединения им новых земель добавлялись соответствующие наименования, в том числе, например, царство Казанское, а также царство Сибирское.

Получив титул царя от митрополита Макария и русского духовенства, Иоанн IV все же решил добиться утверждения этого высокого сана византийской церковью, а потому направил патриарху Иоасафу грамоту, в которой просил о соборном благословении на свое царское венчание. При этом прошении Иоанн Васильевич послал патриарху Иоасафу соболей на 2000 золотых рублей. Ответная грамота была прислана в 1562 г. В ней Собор восточных святителей признал Иоанна достойным царского имени, потому что он ведет свое происхождение от царицы Анны, сестры самодержца Василия Багрянородного и матери Софьи Палеолог.

Митрополит Макарий и бояре одобрили решение Иоанна IV жениться: женатый царь — это свидетельство зрелости великого мужа.

3 февраля 1547 г. в том же Успенском соборе состоялось венчание, церковное освящение брака царя с дочерью окольничего Романа Юрьевича Захарьина, — Анастасией Романовной Захарьиной-Юрьевой, которая была царской невестой, избранной из 1500 российских девиц.

Царь Иоанн был счастлив. Но продолжалось его счастье всего около четырех месяцев. 21 июня в Москве вспыхнул пожар, поглотивший почти всю Москву. Погибло 1700 москвичей, без крова осталось 80 тысяч. Как обычно, о причине пожара распространились самые нелепые слухи. Утверждали, что князья Глинские, а особенно княгиня Анна Глинская, родственники царя по материнской линии, виновны в этом страшном несчастии. Они якобы убивали младенцев, вырезали у них сердца, мочили их в воде и этой водою кропили Москву. От этого колдовства и начался по-

жар. Как следствие этих слухов, 26 июня в Москве вспыхнул бунт с требованием казнить Глинских. Князь Юрий Глинский пытался укрыться от бунтовщиков в церкви, но его схватили на паперти, выволокли на улицу и убили. 29 июня разъяренная толпа попыталась ворваться в резиденцию царя в селе Воробьево. Иоанн отреагировал быстро и грозно: он приказал схватить зачинщиков и казнить их. Толпа тотчас рассеялась. С этих пор за ним закрепилось прозвание «Грозный».

Под влиянием митрополита Макария, надеявшегося на то, что, став царем, Иоанн Васильевич серьезно примется за государственные дела, чтобы сделать Россию достойной ее нового, высокого звания, Иоанн начал свое царствование весьма обнадеживающе.

Пожар и бунт москвичей, требовавших выдать Глинских, особенно бабу Иоанна — княгиню Анну Глинскую, убийство Юрия Глинского — все это должно было произвести на молодого царя тяжелое впечатление. Вероятно, с подачи митрополита Макария в Воробьево явился к царю священник Благовещенской церкви Сильвестр, недавно приехавший из Новгорода, откуда был родом и Макарий. Сильвестр во всем случившемся обвинил Иоанна. Со Священным Писанием в руках он доказывал, что и пожар, и гибель людей, и бунт произошли по его вине, потому что это Божие наказание за его тяжкие грехи, за его распутство, за те безобразия, которые он, будучи молодым великим князем, творил с группой своих сверстников, за казни неугодных ему людей. Это смелое обличение царя Сильвестром, которое ко всеобщему удивлению не подверглось наказанию, влияние митрополита Макария и молодой жены Анастасии, умевшей успокаивать гневливого супруга, положительно сказались на характере и поведении Иоанна IV. В этом же 1547 г. соратником царя оказался умный, образованный и верный своему государю и отечеству человек — Алексей Федорович Адашев (ум. 1561). Вокруг Сильвестра и Адашева сплотился кружок наиболее прогрессивных и образованных бояр и князей, среди них — князья Андрей Курбский, Воротынский, Шереметевы, Одоевский, Серебряный, Горбатый и другие. Они называли себя «Избранной радой» и были фактически правительством России, мозговым центром царя, предлагавшим мероприятия по усовершенствованию государственного устройства России. Большую помощь в государственных делах оказывал талантливейший человек, думский дьяк Висковатый.

В этой атмосфере желания служить своему Отечеству Иоанн IV выступил с Лобного места перед собравшимся народом и в своей речи обещал спасти народ от притеснений и грабительств со сто-

роны боярства, призвал всех оставить ненависть и вражду и объединиться на основе христианской любви. «Отныне я судья вам и защитник», — заявил он, обращаясь к народу.

«Избранная рада» с одобрения царя начала свою деятельность с законодательства, и в июне 1550 г. был созван Земский собор, на котором был принят новый свод законов «Судебник» — переработанный и дополненный вариант «Судебника», составленного при Василии III Иоанновиче. Вторым шагом был созыв в январе — мае 1551 г. Стоглавого собора Русской православной церкви, названного так потому, что на нем решались 100 вопросов церковного устройства. Решения собора были изданы под названием «Стоглав».

Для устройства быта российских людей, повышения их культуры Сильвестр, основываясь на Евангелии, переработал уже имевшиеся литературные поучения, добавил к ним вновь написанное им «Послание от отца сыну Анфиму» и таким образом создал сборник «Домострой» — свод житейских правил, в том числе по вопросам воспитания детей, взаимоотношений между членами семьи, включающий также полезные советы по экономному ведению домашнего хозяйства, политическому и деловому общению.

После двух неудачных походов на Казань, проведенных Иоанном Васильевичем, был предпринят третий поход, в котором приняли самое деятельное участие, в том числе и в военных действиях, члены «Избранной рады». Алексей Адашев участвовал в штурме Казани, проводил переговоры, постоянно находясь при государе как его ближайший советник. 2 февраля 1552 г. Казань была взята, Иоанн Грозный торжественно въехал в город. Казанское ханство, причинявшее много бед пограничному российскому населению и готовое было соединиться с Крымским ханством, чтобы воевать против русского царя, прекратило свое существование. Это событие было отмечено в 1555—1561 гг. строительством на Красной площади в Москве русскими архитекторами Бармой и Посником Яковлевым Покровского собора, известного нам как Храм Василия Блаженного. Тогда же завершилось восстановление московского Свято-Данилова мужского монастыря, основанного в 1282 г. святым благоверным московским князем Даниилом, которому выпала святая доля — положить начало мощной Московской державе.

Устанавливались и зарубежные связи. В 1553 г., благодаря дипломатическим усилиям «Избранной рады», был установлен контакт с английскими открывателями новых земель Хью Уиллоуби и Ричардом Ченслором, открыт торговый путь из Англии

в Москву через пристань Архангельск и учреждено первое английское посольство в России.

В январе 1555 г. по просьбе хана Едигера Иоанн Васильевич принял под свою власть Сибирское ханство, в том же году была основана крепость Чебоксары (Шупашкар), которую заселили стрельцами. Едигер, обещавший платить дань, на самом деле хотел использовать Россию как щит против своих врагов. Настоящее присоединение Сибири было осуществлено только после 1582 г. в результате похода казацкого атамана Ермака (Ермолая) Тимофеевича.

В июле 1556 г. была присоединена Астрахань и ликвидировано Астраханское ханство.

Все эти завоевания нашли отражение в полном титуле царя.

1560 год оказался переломным годом в личной жизни и в деятельности Иоанна Грозного. Переломным и трагическим годом оказался он и для многих членов «Избранной рады».

7 августа этого года умерла царица Анастасия Романовна, как уже теперь доказано, отравленная солями ртути. К этому времени у царя назрело раздражение против членов «Избранной рады», а особенно против Сильвестра, который продолжал пугать Иоанна наказанием Божиим и стал вмешиваться в политические дела страны. Не сложились отношения у Сильвестра и с царицей Анастасией, что впоследствии привело Грозного к мысли, что именно Адашев и Сильвестр отравили Анастасию. К тому же рядом с умными и высокообразованными людьми царь не чувствовал своего превосходства, и ему стало казаться, что государственные дела решаются без его участия. Во всяком случае, именно так он представлял ситуацию в переписке с Андреем Курбским. Самолюбивый Иоанн считал, что самодержец не должен держать рядом с собой людей умнее, чем он. Самым умным должен быть царь. Да и по природе своей он никому полностью не доверял. Еще в 1553 г., когда Грозный тяжело заболел тифом, он потребовал, чтобы бояре и окольные присягнули на верность сыну его, годовалому царевичу Дмитрию, который, кстати сказать, и умер в том же году. Но члены «Избранной рады» без энтузиазма приняли это предложение, а отец Алексея Адашева, Федор Адашев, прямо высказал нежелание присягать младенцу, вместо которого будут править бояре из числа родственников царицы, повторяя ситуацию, имевшую место при малолетнем Иоанне IV. Свою кандидатуру предложил двоюродный брат Иоанна Грозного — князь Владимир Андреевич Старицкий, чьи притязания поддержал бояр. Эти факты вызвали у Иоанна обостренное чувство не-

доверия к членам «Избранной рады». А защищаться он умел только насилием.

Внешне отлучение, а затем и уничтожение членов «Избранной рады» началось как бы с разногласия ее с царем: Алексей Адашев, Андрей Курбский, Сильвестр и другие предлагали начать войну с Крымским ханством, весьма досаждавшим южным окраинам Российского государства и стремившимся к восстановлению завоеванного Иоанном Казанского ханства, чтобы затем совместно выступить против русского царя. Но главное — крымские ханы постоянно совершали походы на Москву. Так было и при Иоанне III, и при Василии III. Необходимо было оградить Москву от этих рецидивов в духе Золотой Орды. Требовалось укротить и разгулявшихся в этих областях вольных казаков, грабивших не только турецкое побережье, но и торговые караваны русских купцов, особенно на Волге.

Но Иоанн настаивал на начале войны с Ливонским орденом. И он начал ее в 1558 г.

Первым почувствовал изменение в поведении царя Сильвестр и добровольно удалился в Кирилло-Белозерский монастырь, но «милость царя» и там догнала его. Он был сослан в Соловецкий монастырь, где, по одной из версий, и умер. А в 1561 г. был арестован, подвержен пыткам и заточен в тюрьму Алексей Адашев, который в страшных застенках в том же году заболел горячкой, приведшей его к смерти. Начались зверские пытки и казни, которые продолжались до самой смерти Иоанна Грозного. Царь уничтожал прежде близких ему людей целыми семьями, не щадя ни женщин, ни детей, ни стариков. Все родственники Адашева были уничтожены, казнен Владимир Андреевич Старикский, убиты или умерли в заточении члены его семьи. Пытки и казни были изощренными: например, дьяк Висковатый, талантливейший дипломат и государственный деятель России, хранитель государственной печати, верой и правдой служивший царю, был подвешен к потолку вниз головой с раздвинутыми ногами и сверху до низу разрублен топором пополам. Грозный часто присутствовал при казнях: он любил смотреть на муки людей. Были замучены представители старинного боярства Воротынский, Репнин, Морозов, Колычевы и другие, якобы готовившие смуту против царя. По приказу Грозного убивали и простых, ни в чем не повинных людей.

Развязанная Грозным война с Ливонским орденом, как и было предсказано членами «Избранной рады», не была удачной. Как только были развернуты боевые действия, Литва и Швеция, как и предупреждал царя Адашев, выступили на стороне Ливонии.

Эта война длилась около 25 лет и окончилась в 1583 г. не в пользу России, которая потеряла значительные территории и утратила города Нарву, Ям, Копорье, Иван-город и другие крупные населенные пункты.

В январе 1565 г. Иоанн ввел опричнину и тем самым разделил население своего государства на опричную и земскую, и опричнина стала уничтожать земскую Россию. Это единственный в мире пример, когда сам царь выступил против собственного народа, затеяв в своей стране террор, похожий на гражданскую войну. На ведение войны в Ливонии и на опричнину нужны были средства. Вероятно, потому Иоанн и начал повсеместный грабеж, а для прикрытия этой цели — уничтожение земского населения, прежде всего богатых бояр и князей.

Это был массовый террор с целью передела собственности, пополнения царской казны за счет грабежа, прикрытого якобы политическими целями уничтожения заговорщиков. Уничтожались все: и богатые, и не очень богатые люди, даже ближайшие родственники царя, даже духовные, в том числе митрополит св. Филипп (Колычев).

Сотнями (!) были истреблены и ограблены жители в Клину, совершенно опустошен Новгород, обвиненный в подготовке к смуте на основе кем-то подброшенной и кем-то найденной грамоты. С какой-то яростью и беспределом убивали новгородцев в каждом доме, топили людей в реке, насиловали девушек и женщин, а затем их удавливали. Река и ее берега, площадь и улицы были красными от крови и переполнены телами убитых. Тогда погибло несколько тысяч (!) российских граждан, убитых их царем, обещавшим когда-то быть их защитником. После новгородской кровавой вакханалии по какой-то случайной перемене настроения у Грозного не подвергся зверской расправе Псков, но ограблен был полностью. Такого примера правления, которое представил первый русский «царь всея Руси» Иоанн Грозный, уничтожавший свой народ, не знала всемирная история до 1917 г. А между тем в переписке с Андреем Курбским, бежавшим в Литву в 1564 г. и тем спасшим себе жизнь, Иоанн лицемерно писал: «Чтобы охотиться на зайцев, нужно множество псов, чтобы побеждать врагов — множество воинов; кто же, имея разум, будет без причины казнить своих подданных!» А сам казнил, да как изощренно, с выдумкой! И в массовом порядке.

Даже на царских пирах при государевом дворе, который был перенесен в Александровскую слободу, как бы столицу опричнины, среди земских бояр царяла тяжелая атмосфера постоянного страха. Это напряжение, бессильное ожидание жестоких дей-

ствий Грозного достоверно передал А.К. Толстой в романе «Князь Серебряный»:

«Напротив Серебряного сидел один старый боярин, на которого царь, как поговаривали, держал гнев. Боярин предвидел себе беду, но не знал какую, и ожидал спокойно своей участи. К удивлению всех, кравчий Федор Басманов из своих рук поднес ему чашу вина.

— Василий-су! — сказал Басманов. — Великий государь жалует тебя чашею!

Старик встал, поклонился Иоанну и выпил вино, а Басманов возвратился к царю, донес ему:

— Василий-су выпил чашу, челом бьет!

Все встали и поклонились старику, ожидали себе и его поклона, но боярин стоял неподвижно. Дыхание его сперлось, он дрожал всем телом. Внезапно глаза его налились кровью, лицо посинело, и он грянулся оземь.

— Боярин пьян, — сказал Иван Васильевич, — вынести его вон! — Шепот пробежал по собранию, а земские бояре переглянулись и потупили очи в свои тарелки, не смея вымолвить ни слова.

Серебряный содрогнулся. Еще недавно не верил он рассказам о жестокости Иоанна, теперь же сам сделался свидетелем его ужасной мести. «Уж не ожидает ли и меня такая же участь?» — подумал он. (...) Князь хотел было обратиться с вопросом к проходившему слуге, но вдруг услышал за собой:

— Никита-ста! Великий государь жалует тебя чашею!

Серебряный вздрогнул. За ним стоял, с наглою усмешкой, Федор Басманов и подавал ему чашу.

Не колеблясь ни минуты, князь поклонился царю и осушил чашу до капли. Все на него смотрели с любопытством, он сам ожидал неминуемой смерти и удивился, что не чувствует действий отравы. Вместо дрожи и холода благотворная теплота пробежала по его жилам и разогнала на лице его невольную бледность».

Дальнейшее правление первого русского царя, до самой смерти творившего казни, не принесло многострадальной стране ни славы, ни прибыли. Славные времена царствования Иоанна IV Васильевича окончились вместе с гибелью «Избранной рады». Как и предупреждали царя прежние его советники Адашев и Сильвестр об опасности со стороны Крыма, так и случилось. Крымский хан Девлет-Гирей напал на незащищенную Москву, так как все военные силы были заняты в Ливонской войне, и 23 мая 1571 г. сжег ее дотла. Не успела Москва оправиться, как

в 1572 г. Девлет-Гирей снова оказался почти у ее ворот, под Серпуховым. Выручил талантливый полководец и дипломат, воевода князь Михаил Иванович Воротынский (ок.1510—12.06.1573), который год назад сумел создать «Приговор (уложение) о станичной и сторожевой службе» — первый документ о создании пограничной службы Российского государства, принятый 16 февраля 1571 г. Теперь воевода князь М.И. Воротынский встретил Девлет-Гирея с его войском и, не допустив его до Москвы, разгромил в битве при Молодях под Серпуховым. А уже 12 июня 1573 г. по чьему-то доносу князь М.И. Воротынский был арестован и умер под пытками. Вот так царь Грозный «наградил» спасителя Москвы.

Все более и более проявляя признаки параноика, Грозный в октябре 1575 г. почти на год передал власть, титул и венец «великого князя всея Руси» Саин-Булату, хану из г. Касимова. Это был правнук хана Ахмата, племянник второй жены Грозного, царицы Марии (Кученей) Темрюковны, за два года до этого события крещенный под именем Симеон Бекбулатович и известный в истории как царевич Симеон. Когда эта игра, в которой Иоанн, по-видимому, пытался уйти от страха потерять власть, показалась ему слишком далеко зашедшей, он сделал Симеона великим князем тверским. По предположению некоторых историков, Иоанн знал, что первая жена его отца, Соломония Юрьевна Сабурова, сосланная в суздальский Покровский монастырь, родила мальчика прежде, чем родился Иоанн, а потому он всю жизнь боялся появления своего старшего брата, имеющего больше прав на царский титул, и как бы боролся с его тенью. Знал он, возможно, и о том, что его мать, Елена Глинская, имела любовника, конюшего при государевом дворе Василия III — Ивана Телепнева-Овчину-Оболенского еще до смерти царя и что, возможно, он не царский сын, а сын бывшего конюшего, а потому на царский венец и в том, и в другом случае не имеет никакого права. Возможно, именно поэтому Иоанн Грозный постоянно метался от развязанной им кровавой вакханалии и постоянно устраиваемых оргий к тяжелому религиозному фанатизму с моральным самобичеванием и покаянием.

В 1579 г. пришла новая беда: 29 августа польский король Стефан Баторий захватил русский Полоцк. Город удалось отбить, но с 7 сентября 1581 г. по 4 февраля 1582 г. Баторий снова осадил Полоцк. Героическими усилиями осажденных город Баторию отдан не был.

Иоанн был уже очень болен. По свидетельству летописцев, 48-летний царь выглядел дряхлым стариком, он как-то изнутри

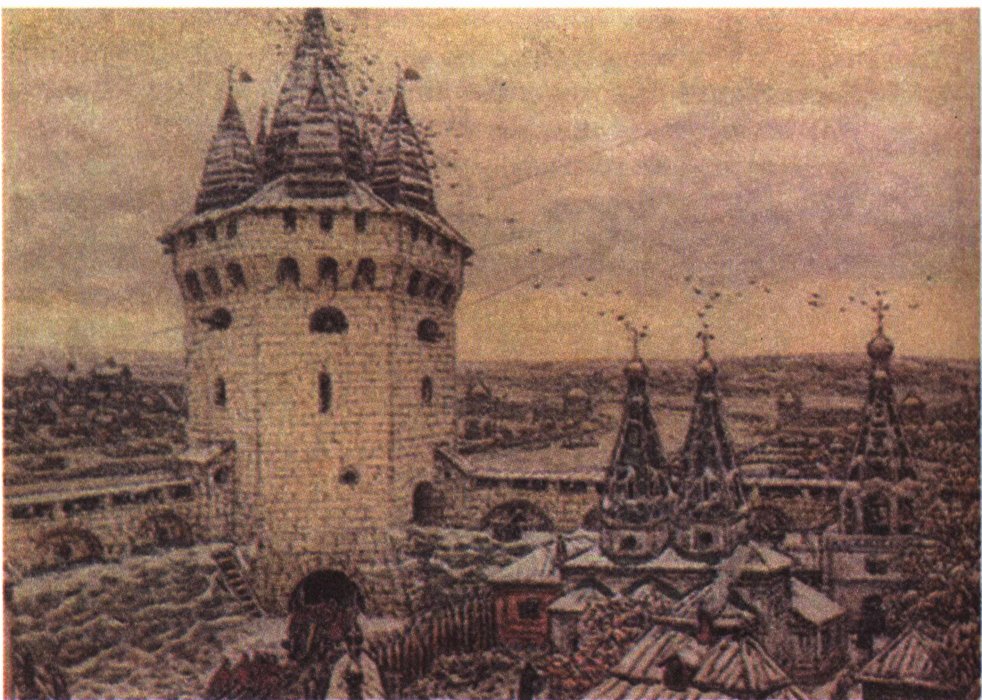
В.И. Суриков. Посещение царевны женского монастыря. 1912 г.

А.М. Васнецов. Московский Кремль при Иване Калите. 1921 г.

А.М. Васнецов. Спасские (Водяные) ворота Китай-города. XVII в. 1907 г.

А.М. Васнецов. Семиверхая угловая башня Белого города в XVII в. 1924 г.

А.М. Васнецов. Площадь Ивана Великого в Кремле. XVII в. 1903 г.

А.Д. Литовченко. Итальянский посланник Кальвуччи зарисовывает любимых соколов царя Алексея Михайловича. 1889 г.

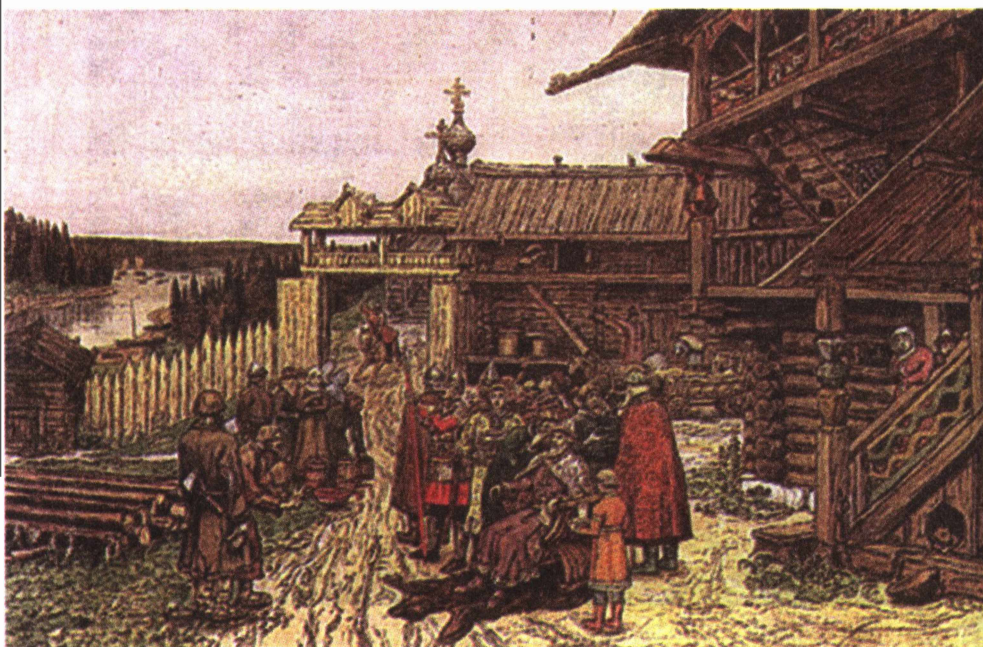
К.Б. Вениг. Иван Грозный и его мамка. 1886 г.

В.М. Васнецов. Царь Иван Грозный. 1897 г.

А.М. Васнецов. Медведчики (развлечение). 1911 г.

А.М. Васнецов. Двор удельного князя. 1896 г.

А.И. Козухин. Девичник. 1889 г.

Б.М. Кустодиев. Земская школа в Московской Руси. 1907 г.

К.Е. Маковский. Боярыня у окна. 1885 г.

С.В. Иванов. Царь. XVI в. 1902 г.

С.В. Иванов. Семья. 1907 г.

М.П. Клодт фон Юргенсбург.
Терем царевен (Мария Милославская). 1878 г.

Князь Владимир. Миниатюра из титулярника. XVII в.

К.В. Лебедев. К боярину с наветом. 1904 г.

А.Д. Литовченко. Иван Грозный показывает сокровища английскому послу Горсею. 1875 г.

Царица и боярыня.
Рис. XIX в.

Царь и бояре.
Рис. XIX в.

К.Е. Маковский. Поцелуйный обряд. 1895 г.

*А.П. Рябушкин. Сидение царя Михаила Федоровича с боярами
в его государевой комнате. 1893 г.*

К.Е. Маковский. Под венец. 1884 г.

К.В. Лебедев. Пляска. 1900 г.

С.В. Иванов. Приезд иностранцев. 1901 г.

В.Г. Шварц. Сцена из домашней жизни русских царей
(игра в шахматы). 1865 г.

заживо разлагался, от него очень дурно пахло гниением. На ногах были незаживающие язвы, на животе выпирала опухоль. Безудержный гнев овладевал им, и сдерживаться он уже не мог. В 1581 г. произошло страшное событие. Проходя по царским палатам, Грозный увидел свою невестку Наталью, беременную жену наследника, царевича Ивана, которая в ночном платье лежала на лавке. Иоанн с яростью набросился на нее за то, что она не была одета как подобает, усмотрев в этом разврат. Он избил ее до полусмерти, отчего у нее произошел выкидыш. Иван, естественно, пошел к отцу и сказал ему об этом, разгорелся спор, во гневе царь ударил сына посохом по голове и убил его. Фактически Грозный убил не только сына, но и внука. Поняв, какую непоправимую утрату он нанес не только себе, но и государству, Грозный хотел уйти в монастырь, но его уговорили остаться на царстве. В последние годы своей жизни им овладевали то муки раскаяния, то приступы яростного гнева и кровавой жестокости. Это душевное состояние царя Иоанна Васильевича психологически достоверно передал А.К. Толстой в пьесе «Смерть Иоанна Грозного».

К моменту кончины Грозного из его наследников остался только Феодор Иоаннович, о котором Иоанн говорил, что он по своему слабоумию не способен править государством. Сын Василий от Марии Темрюковны умер младенцем, сын Дмитрий от Марии Нагой был полуторагодовалым ребенком. Притом сама царица Мария Нагая уже не пользовалась расположением мужа.

Иоанн IV Васильевич Грозный, первый венчанный русский царь, умер 18 марта 1584 г., завещав свое царство сыну, царевичу Феодору, о котором все знали, что он не способен управлять обширной державой. Чтобы укрепить власть своего сына, Грозный перед смертью в помощь ему назвал пятерых бояр и дьяков Щелкаловых и предостерег его от самостоятельного принятия решений. Главным советником был назван Никита Романович Захарьин-Юрьев, родной дядя царевича Феодора Иоанновича.

После смерти Грозного началась открытая борьба за власть между различными боярскими группировками. Во-первых, оставалась вдова Мария Нагая с четвертым сыном Грозного — царевичем Димитрием. Ее поддерживал клан Нагих. Но позиции их были слабы, потому что, во-первых, царь не венчался с ней, так как это был уже седьмой его брак, не утвержденный церковью; во-вторых, в последние месяцы своей жизни царь невзлюбил Марию Нагую и постоянно гнал ее со своих глаз; а в-третьих, он сам не признавал брака с ней, потому что при ней, живой жене, начал сватовство к английской принцессе Марии Гастингс. Приняв все это во внимание, бояре сразу же пресекли претензии На-

гих на трон, сослав Марию Нагую с младенцем в Углич, их родовые земли.

Опираясь на знатность рода и большое влияние при государственном дворе, на власть претендовали Шуйские, поддерживаемые княжеско-боярской знатью. Им противостояла партия хоть и «худородных», но бывших фаворитов покойного царя, привыкших к почету и власти. Среди них более всех возвышался Б. Бельский. Но наиболее сильной своими родственными связями с Грозным, а потому и наиболее влиятельной оказалась группировка Романовых — Годуновых. Она и победила.

Таким образом, наследником царского престола после гибели от руки Грозного царевича Иоанна Иоанновича явился третий сын царя от брака с Анастасей Романовной Захарьиной-Юрьевой — Феодор Иоаннович (1557—1598), чрезвычайно набожный, тихий и застенчивый человек. Он был истинным христианином и хотел мира и любви между людьми, предполагая, что его окружают люди совестливые и боящиеся Бога. Иоанн Васильевич Грозный рассматривал эти черты характера своего сына Феодора как слабоумие. Этой точки зрения придерживалось и большинство бояр. Однако у Феодора Иоанновича была большая поддержка сначала со стороны его дяди Никиты Романовича, а после его смерти в 1586 г. — со стороны его жены Ирины Феодоровны Годуновой, с которой он сочетался браком в 1580 г., и его шурина Бориса Федоровича Годунова, который еще при Грозном, женившись на дочери Малюты Скуратова-Бельского, получил боярский чин, вошел в Боярскую думу и стал влиятельным лицом, любимцем царя.

Таким образом, на Земском соборе под влиянием митрополита Дионисия, при поддержке бояр Романовых и боярина Бориса Федоровича Годунова царевич Феодор Иоаннович был избран царем. 31 мая 1584 г. в Успенском соборе Феодор Иоаннович был венчан на царство. Чин венчания повторял церемонию возведения на царство первого русского царя: торжественно были возложены на него шапка Мономаха и бармы, были вручены в правую руку скипетр, в левую — держава, как символы царской власти. Митрополит Дионисий произнес поучение, призвав молодого царя «иметь веру ко святым церквам и честным монастырям, повиноваться ему, митрополиту, и духовенству, его богомольцам, ибо честь, воздающаяся святителю, к самому Христу восходит; бояр и вельмож жаловать и беречь, по их отечеству, и ко всем князьям и княжатам, к детям боярским и ко всему воинству быть приступну, милостиву и приветну; всех православных христиан блюсти, жаловать и попечение о них иметь от всего сердца; быть

любомудру или мудрым последовать». С этого дня Феодор Иоаннович приобрел все три формы царского титула: краткую, сокращенную и полную.

Феодор Иоаннович строго следовал завещанию отца, предостерегавшего его от самостоятельного правления. Фактически его правление не было самодержавным, его в большей степени можно назвать коллегиальным. В его царствование с 1596 г. всеми государственными делами заведовал Борис Годунов, а самой близкой советницей была ему жена — царица Ирина, сумевшая снискать уважение и даже любовь народа. Роль царицы Ирины в управлении государством была настолько велика, что если сначала царские грамоты объявляли дела решенными по челобитью царицы, то затем ее имя, как соправительницы, стали писать рядом с именем царя. Даже королева английская Елисавета, получив сведения от купца Горсея о состоянии дел при московском дворе, послала грамоту не только Феодору Иоанновичу, но и царице Ирине, и Годунову.

В грамоте Борису Годунову королева Елисавета тоже называла его кровным приятелем и не с царем, а с ним выясняла вопрос о разрешении английским купцам торговать беспошлинно в Русских землях английскими товарами. И такое разрешение с некоторыми дополнительными условиями было дано.

Нельзя все же, на наш взгляд, сказать, что царь Феодор Иоаннович полностью отстранился от дел и только молился и посещал монастыри да наслаждался зрелищем борьбы с медведем, «медвежьей комедией». Он постоянно присутствовал на заседаниях Боярской думы с Освященным собором и, будучи богомольным и весьма воцерковленным, интересовался церковными вопросами. Занимался он и вопросами строительства, много внимания уделял дворцовому хозяйству и украшению Кремля. Уже в 1585 г. он призвал к себе церковного и палатного мастера Федора Савельевича Коня и поручил ему строительство Белого, или Царева, города в Москве. В следующем, 1586 г., Андрей Чохов отлил Царь-пушку, которой мы любуемся и по сей день. По велению царя была расписана Грановитая палата в новом для Руси живописном жанре, с изображением самого Феодора Иоанновича и Бориса Годунова. Был выписан из Италии мастер изготовления бархата Марко Чинопи, положивший начало производству бархата в России.

В царствование Феодора Иоанновича большое внимание уделялось строительству сторожевых крепостей и городов. В 1584 г. был основан Архангельск с деревянными стенами. В 1586 г. были заложены как сторожевые крепости города Самара и Воронеж.

Продолжалось начатое Ермаком освоение русскими Сибири. Был основан как острог город Тюмень. В 1587 г. Данила Чулков с отрядом казаков основал г.Тобольск. В 1589 г. впервые в документах упомянут г. Царицын. В том же году в Астрахани построена каменная крепость, такая же — в Смоленске в 1596 г. В 1593 г. были основаны города Обдорск (Салехард) и Белгород. В 1594 г. на реке Оби был построен г. Сургут, и в том же году князь Андрей Васильевич Елецкий основал г. Тары на реке Иртыш. Заложены и построены были также города Курск, Ливны, Кромы, Шаншурин, или Санчурск, Саратов, Переволока, поставлен город на реке Яике (Урале).

Царь Феодор Иоаннович остался в истории как государь, способствовавший установлению на Руси патриаршества. Летом 1586 г. в Москву впервые прибыл патриарх константинопольский Иоаким. Целью его визита было обращение к русскому царю за денежной помощью. К этому времени Константинополь был завоеван турками, почти полностью разграблен и, естественно, окончательно утратил свое значение главы православной церкви. Митрополит московский Дионисий и другие русские иерархи считали, что теперь главой православной церкви должна стать русская церковь, а потому у нее должен быть патриарх. Однако установление патриаршества на Руси должно было быть оформлено как передача его из Константинополя. Феодор Иоаннович, по совету царицы Ирины, начал тайные переговоры по этому вопросу с патриархом Иоакимом, и тот, в надежде на получение денег, как бы обещал решить этот вопрос в Константинополе.

Через два года, так же летом, в Москву приехал патриарх константинопольский Иеремия. Встретили его весьма торжественно, но оказалось, что никакого решения он не привез. Тогда Феодор Иоаннович передал ему через приехавших с ним людей предложение стать патриархом Руси. Иеремия согласился, но когда узнал, что патриарший двор будет не в Москве, а во Владимире, отказался. Но отказать в учреждении патриаршества, да еще и ввиду богатых даров, он уже не мог, и когда ему предложили кандидатуру митрополита Иова, он вынужден был согласиться. 17 января 1589 г. был созван Собор из иерархов русской церкви. На Соборе было решено, что дело назначения первого русского патриарха должен решить царь. Иеремия представил Феодору Иоанновичу чин поставления патриарха, но царь не одобрил его и поручил боярину Андрею Щелкалову составить другой чин, более торжественный. Архиереи назначили трех кандидатов в патриархи: митрополита московского Иова, новгородского архиепископа Александра и архиепископа ростовского Варлаама —

и представили их царю на выбор. Феодор Иоаннович избрал митрополита Иова. 26 января 1589 г. в Успенском соборе Кремля состоялось посвящение митрополита московского Иова в первого русского патриарха.

В русской исторической науке принято считать, что царь Феодор Иоаннович не играл никакой роли в государственных делах и практически не участвовал в важнейших событиях своего времени. Это мнение распространено настолько, что даже в учебнике для исторических факультетов вузов «История России с древнейших времен до 1861 года» под редакцией Н.И. Павленко (Москва: Высшая школа, 1998) в главе VI царь Феодор Иоаннович и царица Ирина Феодоровна упоминаются только один раз, да и то в связи с желанием бояр развести царя с женой ввиду ее неплодности. Весь текст посвящен Борису Годунову и его деятельности. А между тем помимо активной роли царя Феодора и царицы Ирины в установлении патриаршества в Российском государстве можно отметить и его активное участие в войне со Швецией в 1590—1595 гг., когда он возглавил русское войско, сумел отвоевать утерянные Иоанном Грозным в войне с Ливонией русские земли с городами Нарва, Ивангород, Ям, Копорье и другие и заключить Тявзинский мир (18.05.1595), по которому Россия укрепила свои позиции на Балтике. Когда летом 1591 г. крымский хан Казы-Гирей совершил набег на Москву, Феодор Иоаннович не впал в отчаяние, а спокойно утешал плачущего Василия Григорьевича Годунова, говоря, что завтра же татар в Москве не будет. И действительно, 4 июля, услышав ночью шум и крики в Москве, татары, решив, что подошли основные русские войска, не дождавшись рассвета, бежали из Москвы. Конечно, Василий Григорьевич Годунов всем рассказал о предсказании Феодора Иоанновича, но царь по скромности своей повелел официально объявлять, что изгнание Казы-Гирея — заслуга Бориса Годунова.

Утверждение, что царь Феодор Иоаннович не участвовал в решении важнейших государственных дел, также беспочвенно. Для решения важнейших дел, касающихся прежде всего политики в отношении европейских государств, особенно пограничных, таких как Польша, Литва, созывались соборы, или заседания Думы, на которых царь лично присутствовал почти всегда. С.М.Соловьев о таких заседаниях пишет так: «Соборы обыкновенно созывались по пятницам, в Столовой палате; царь садился на троне, недалеко от него, за небольшим четырехугольным столом, за которым могло поместиться человек двенадцать, садился патриарх с духовенством и некоторые из знатнейших членов

Думы с двумя дьяками, которые записывали все, что происходило; прочие члены садились на скамьях около стены».

Феодор Иоаннович царствовал в течение 13 лет, с 31 мая 1584 г., дня венчания на царство, по 7 января 1598 г., дня своей кончины. В эти годы не было продолжительных войн, массовых казней, арестов и застенков, а потому были предоставлены условия для строительства и обустройства городов. Борис Годунов должен был считаться с волей незлобивого, доброго царя и показывать свое усердие в делах и попечение об общем благе. Это было в целом мирное жительство, которое граждане Российского государства вполне могли считать счастливыми годами.

Но было два события, которые нельзя отнести к счастливым. 15 мая 1591 г. в Угличе погиб царевич Дмитрий, наследник царского престола, сын Иоанна Грозного и Марии Нагой. Это событие считается началом движения русского общества к Смутному времени. В 1597 г., в продолжение политики Иоанна Грозного, отменившего «Юрьев день», то есть возможность перехода крестьян от одного хозяина к другому, в последние месяцы царствования уже больного Феодора Иоанновича вышел указ об укреплении крестьян, то есть о прикреплении их к хозяевам, и об «урочных летах», предполагавших сыск беглых крестьян в течение пяти лет и возвращение их к прежнему хозяину. Тогда же последовало и обращение в холопы вольных слуг, если они работали на хозяина в течение хотя бы полугода.

Эти законы, возвестившие начало крепостного права, стали одним из важнейших явлений в истории русского народа.

Царь Феодор Иоаннович умер в Москве 7 января 1598 г., не дожив до 41 года всего 4 месяца, оставив право наследования только своей благоверной супруге и соправительнице — царице Ирине. С его смертью пресеклась прямая ветвь династии Рюриковичей на российском престоле.

Феодор Иоаннович и царица Ирина Феодоровна имели только одну дочь Феодосию, которая родилась 29 мая 1592 г. и умерла во младенчестве 25 января 1594 г. Таким образом, царь умер бездетным, наследник царевич Дмитрий умер или был убит, наследовать трон могла только царица Ирина, которую любили, уважали, а потому против продолжения ее царствования никаких возражений не было. Много раз ей били челом, предлагая трон и в помощь — дальнейшее участие Бориса Годунова как подлинного правителя государства.

Но царица Ирина Феодоровна отказалась взять скипетр, вручаемый ей царем Феодором Иоанновичем. Несмотря на уговоры патриарха и бояр, она твердо решила принять пострижение в

монастыре. По-видимому, в ее планы входило передать правление и царский титул брату — Борису Федоровичу Годунову. По слухам и записям иностранных гостей, Ирина уговаривала царя Феодора передать скипетр Годунову, но Феодор считал, что ближайшее право на престол имеет Федор Никитич Романов, старший из двоюродных его братьев. Федор Никитич, как и его братья, отказались от престола в пользу царицы Ирины.

Среди претендентов на престол были, конечно, князья Шуйские, но их притязания были отвергнуты. Царица Ирина, отметив 9 дней по смерти мужа, удалилась в Новодевичий монастырь, где и постриглась под именем Александры. Решено было, что в течение 40 дней со дня кончины царя Феодора Иоанновича все государственные дела будут вершиться по ее указу, что и выполнялось, несмотря на ее пребывание в монастыре.

Царский скипетр и трон был предложен Борису Годунову, но тот отказался, заявляя, что никогда не помышлял о такой великой чести. Умный и хитрый Борис, уже 12 лет правивший Российским государством, разумеется, жаждал быть царем, но он хотел, чтобы трон достался ему не по его согласию, а по всенародному приговору.

Патриарх Иов после 40 дней положенных поминок по усопшем царе созвал Земский собор, на который прибыли со всех областей выборные, «совестные» лица — бояре, окольничие, придворные чины государева двора, духовенство, думные дворяне, дьяки, — всего 474 человека. Собор открылся 17 февраля 1598 г., в пятницу, перед масленицей. В своей речи патриарх Иов, обнародовав историю передачи власти царице Ирине, ее отказа от царствования и желания постричься в монастыре, предложил избрать на царский трон Бориса Годунова, перечислив его похвальные качества и заслуги перед государством. Собор большинством своим избрал царем Бориса Федоровича Годунова (ок. 1551 — 13.04.1605). Это первое всенародное избрание главы Российского государства.

В это время Борис находился вместе с сестрою в Новодевичьем монастыре. Решено было крестным ходом отправиться к нему за получением согласия. Вот как этот момент описывает С.М.Соловьев в своей книге «История России с древнейших времен»:

«21 февраля, во вторник, двинулся крестный ход в Новодевичий монастырь; к нему навстречу при звоне колоколов вынесли из монастыря икону смоленской Богородицы, за иконою вышел Годунов. (...) Годунов сказал: «Буди святая воля твоя, Господи». Патриарх и все присутствовавшие пали на землю, воссылая бла-

годарение богу, после чего отправились в церковь, где Иов благословил Бориса на все великие государства Российского царствия». Все это было зафиксировано в утвержденной грамоте об избрании Бориса Годунова на царство, составленной в августе 1598 г., то есть почти через полгода после этого события.

И все же Борис не отказался и от обряда венчания на царство. Венчание его на царство патриархом Иовом состоялось 1 сентября 1598 г. в Успенском соборе Кремля по традиционному чину. На Бориса Годунова были возложены шапка Мономаха и бармы, вручены ему царский жезл (скипетр) и яблоко-держава. Патриарх Иов произнес наставление новому царю. С этого дня Борис Годунов получил право на все царские титулы, утвердившиеся до него.

Вступление на царство Бориса Годунова заложило новую традицию отмечать вступление на престол нового государя: это событие сопровождалось не только придворным пиром и проведением различных праздников с угощением народа, но и большими государевыми милостями для всех членов государева двора, которым были пожалованы новые чины и звания, а служилым людям было выдано двойное годовое жалование, гильдийным купцам было даровано право беспошлинной торговли в течение двух лет, на год были освобождены от пошлин земледельцы и иногородцы, вдовы и сироты получили денежное и продуктовое вспомоществование, несправедно заключенные в темницы получили освобождение и вспоможение. Заложенная Годуновым традиция жила вплоть до царствования последнего императора Всероссийского Николая II.

После всех принятых мер: выбор Годунова царем народным собором, приглашение его на трон высшим духовенством во главе с патриархом, притом с коленопреклонением, венчание его на царство патриархом Иовом — все это, казалось бы, полностью подтвердило законность принятия Годуновым титула «государя и царя всея Руси». У нового царя уже был многолетний опыт правления государством, а потому его царствование должно было быть спокойным и счастливым. Но самое начало царствования Годунова совпало с катастрофически несчастливыми тремя годами неурожая и, как следствие, со страшными голодом и эпидемиями, унесшими не одну сотню тысяч человеческих жизней, с голодными бунтами, людоедством, воровством, спекуляциями, появлением бесчисленных шаек воров и бандитов. Годунов, как мог, боролся с голодом, отдавал свои личные средства на раздачу хлеба голодным, но размеры бедствия были настолько огромными, что эта помощь казалась ничтожной.

Годунов продолжал государственную политику, осуществлявшуюся при царе Феодоре Иоанновиче. Он завершил присоединение Сибири, начатое еще атаманом Ермаком со товарищи. Андрей Матвеевич Воейков в сражении на Оби разгромил войско хана Кучума и тем самым прекратил существование Сибирского ханства. В 1604 г. был основан, как форпост в Сибири, г. Томск. Продолжалось строительство городов и крепостей в южных, степных районах. Надо сказать, что впервые усилиями Бориса Годунова были созданы не только приграничные засеки с городовыми казачками, но пограничные линии городов-крепостей. И эта идея продолжала осуществляться в позднейшие времена, в царствование дома Романовых.

Не Петр I, а Борис Годунов первым послал несколько родовитых юношей на учебу за границу. К сожалению, этот эксперимент оказался неудачным: никто из них, выучившись, не вернулся на родину.

Много внимания и сил Годунов затратил на установление связей с европейскими странами и их властителями. Идея породниться с государями зарубежных стран через выдачу замуж красавицы дочери Ксении владела Годуновым до последних его дней. Но все предприятия в этом направлении оказались тщетными.

В последние годы жизни Годунова им, как некогда Иоанном Грозным, овладел болезненный страх перед свержением его с трона. И так же, как и Грозный, он включил систему доносов, опал, пыток и ссылок. Конечно, в таких размерах, как при Грозном, это не происходило, но подозрительность Годунова росла с каждым днем. Несмотря на все подтверждения его законности пребывания на троне, мысль о незаконном присвоении ему царского титула в силу его «худородного» происхождения постоянно владела Борисом Федоровичем. И он понимал, что эта мысль живет и в боярстве, и в народе. О Борисе ходило много всяких слухов, и все отнюдь не благоприятные для него. Его прежде всего обвиняли в убийстве царевича Дмитрия, а также и в других смертных грехах: и в смерти Феодора Иоанновича, и даже в умышленном поджоге Москвы якобы для того, чтобы потом милостью своею к погорельцам снискать любовь москвичей.

В 1604 г. поползли слухи о чуде спасшемся законном и добром царевиче Дмитрие, сыне Иоанна Грозного, который идет с войском из Польши, чтобы вернуть себе престол. 21 января 1605 г. войска Лжедмитрия I были разгромлены под селом Добрыничи. Но самозванец снова собрал войско и пошел на Москву.

В самый разгар борьбы с самозванцем, 13 апреля 1605 г., Борис заболел и фактически скоропостижно скончался, успев толь-

ко передать власть сыну, царевичу Федору Борисовичу, и принять постриг под именем Боголепа. Ходили слухи, что Годунов покончил жизнь самоубийством. Сначала царь Борис был похоронен в Архангельском соборе Кремля, затем его прах был отправлен на погост Варсонофьевского монастыря, а в сентябре 1606 г. перезахоронен в Троице-Сергиевой лавре.

Его сын, Федор Борисович, царствовал всего около трех месяцев, с 13 апреля по 10 июня 1605 г., когда в ходе восстания в Москве он был убит по приказу Лжедмитрия I вместе со своей матерью Марией Григорьевной Годуновой, в девичестве Скуратовой-Бельской. Его сестра, красавица Ксения, на замужество которой большие надежды возлагал Борис Годунов, была отдана Лжедмитрию I на поругание как наложница, а затем пострижена в монахини под именем Ольги.

Лжедмитрий I, предположительно галицкий дворянин Юрий Богданович Отрепьев, сын стрелецкого сотника Богдана Ивановича (Борислава) Отрепьева, выдавал себя за чудом спасшегося царевича Дмитрия, сына Иоанна Грозного и Марии Нагой. До этого он служил в Чудовом монастыре иноком под именем Григория. В 1602 г. Григорий Отрепьев бежал из России в Речь Посполитую, где объявил себя царевичем Дмитрием и получил поддержку, тайную — со стороны польского короля Сигизмунда III — и явную — со стороны польских магнатов, которых прельщали обещания Самозванца свергнуть с престола Бориса Годунова, отдать Речи Посполитой Смоленск и Северскую землю, а невесте Марине Мнишек — Новгородскую землю. А главное, папская курия увидела в появлении «царевича Дмитрия» прекрасный предлог для обращения населения Русского государства в католичество. А потому было собрано небольшое, в основном польское войско, и 13 октября 1604 г. Григорий Отрепьев во главе этого войска перешел русскую границу. Вначале успех сопутствовал ему: города открывали ему, «царевичу Дмитрию, законному наследнику русского престола», ворота, его войско увеличивалось, так как к его войску присоединялись донские и запорожские казаки, а также люди, поверившие в легенду или жаждущие наживы в сложившейся ситуации. Повезло ему и в том, что 13 апреля 1605 г. неожиданно скончался Борис Годунов, а новый царь Феодор Борисович, неопытный и растерявшийся отрок, не мог противодействовать нашествию. И по приказу Самозванца, а может быть, и Сигизмунда III, 10 июня 1605 г. царь Феодор Борисович был убит вместе со своей матерью. 20 июня 1605 г. Самозванец вступил в Москву и обосновался в Кремле. 21(30) июля 1605 г. он короновался в Успенском и Архангельском соборах с титулом русского

царя, а 8 мая 1606 г. обвенчался с Мариной Юрьевной Мнишек, дочерью польского магната, воеводы Сандомирского Юрия Мнишека. Несмотря на то что и Лжедмитрий, и Марина Мнишек исповедовали католичество, венчание было совершено по православному обряду. В тот же день Марина Мнишек была коронована в Успенском соборе как русская царица.

Неправославная царица (люди не знали, что и «царь Дмитрий Иванович» перешел из православия в католичество, чтобы заручиться поддержкой папы римского), надменное и наглое поведение наехавших в Москву католиков — польских магнатов и шляхтичей, оскорблявшее национальное и религиозное чувство русских людей, вызвали, естественно, негодование и, как следствие, заговор, а затем восстание москвичей против поляков и Лжедмитрия I, вспыхнувшее 17 мая 1606 г. Заговорщики по приказу князя В.И. Шуйского ворвались в кремлевские палаты Лжедмитрия и убили его.

Через два дня после этого события, 19 мая 1606 г., был созван Земский собор, на котором царем был провозглашен боярин князь Василий Иванович Шуйский (1552—1612). 1 июня 1606 г. он был венчан на царство. По прежнему чину венчания на него были возложены шапка Мономаха и бармы, вручены скипетр и держава. Василий Иванович царствовал всего четыре года, в течение которых ему пришлось бороться с Лжедмитрием II, с польско-литовским нашествием и с войском Ивана Исаевича Болотникова, который с октября по 2 декабря 1606 г. безуспешно осаждал Москву. В июне 1607 г. Шуйский осадил Тулу, и к октябрю этого же года ему удалось разгромить движение Болотникова и появившегося еще одного самозванца — Лжепетра. В 1608 г. Иван Болотников был казнен.

22 февраля 1609 г. воевода Михаил Васильевич Скопин-Шуйский от имени царя Василия Ивановича подписал со Швецией договор, по которому в обмен на уступку Карельской волости шведы должны были оказать России военную помощь против Лжедмитрия II. В результате этого договора войска Лжедмитрия II были полностью разбиты. Сам царь-самозванец обосновался в Калуге, и в сентябре 1610 г. во время загородной прогулки погиб от руки Петра Араслановича Урусова.

В марте 1610 г. М.В. Скопин-Шуйский торжественно, как герой, вернулся в Москву. Видимо, его слава была не по душе Шуйским, и через месяц после его чествования, 23 апреля 1610 г., Скопин-Шуйский был отравлен. По слухам, его отравила жена брата Василия Шуйского, Екатерина Скуратова-Шуйская.

Царь Василий продолжал бороться с польско-литовскими интервентами. В январе 1609 г. окончилась героическая оборона Троице-Сергиева монастыря от польско-литовских войск Яна Сапеги и А. Лисовского, начавшаяся в сентябре 1608 г. В сентябре 1609 г. войска польского короля Сигизмунда III Ваза осадили Смоленск, который полтора года оборонялся под руководством воеводы М.Б. Шеина, но все же пал 3 июня 1611 г. Но еще 24 июня 1610 г. войско князя Дмитрия Ивановича Шуйского потерпело жестокое поражение в сражении с войсками польского гетмана Станислава Жолкевского у села Клушино близ Можайска.

Царь Василий за время своего правления так и не смог остановить польско-литовскую интервенцию и своей беспомощностью вызвал недовольство бояр. В результате 17 июля 1610 г. царь Василий Иванович Шуйский был свергнут с престола и насильно пострижен в монахи. Дальнейшая судьба бывшего русского царя Василия была трагичной. В сентябре 1610 г. польский гетман Станислав Жолкевский вывез его в Речь Посполитую и заключил в тюрьму Гостынского замка, где теперь уже не царь, а монах Василий Иванович Шуйский умер или был убит 12 сентября 1612 г. Позже его останки были привезены в Москву и захоронены в Архангельском соборе Кремля.

С сентября 1610 г. по февраль 1613 г. Русское государство не имело избранного и венчанного царя. Однако претендентов на русский престол в Смутное время было множество: одних «царевичей», мнимых детей и внуков Иоанна Грозного, насчитывалось 12 человек. Помимо Лжедмитриев I, II и III, большую известность приобрели мнимый сын Феодора Иоанновича Лжепетр — казак Илейка Иванов Коровин Муромец (казнен в январе 1608 г.), Иван-Август, якобы сын Иоанна Грозного и Анны Колтовской, и некий Лаврентий, именовавший себя сыном царевича Ивана Ивановича, внуком Иоанна Грозного.

После свержения царя Василия Ивановича Шуйского власть в свои руки взяли бояре, и наступило время, которое в истории получило наименование «Семибоярщина», потому что правительство Российского государства составили семь бояр: князь Федор Иванович Мстиславский, князь Иван Михайлович Воротынский, князь Андрей Васильевич Трубецкой, князь Василий Васильевич Голицын, князь Борис Михайлович Лыков-Оболенский, боярин Иван Никитич Романов, боярин Федор Иванович Шереметев.

Ровно через месяц после свержения царя Василия Ивановича Шуйского, 17 августа 1610 г., «Семибоярщина» заключила с Ре-

чью Посполитой договор о признании русским царем сына польского короля Сигизмунда (Жигимонта) III Ваза — Владислава Жигимонтовича Ваза, которому было в то время всего 15 лет. Правда, бояре выдвинули условия: Владислав должен был принять православие, жениться на русской боярышне, сохранить привилегии русских феодалов и др.

27 августа 1610 г. присягу на верность Российскому государству принял вместо отсутствовавшего Владислава гетман Станислав Жолкевский. Владислав в Москву так и не приехал, потому что его отец, король польский Сигизмунд III, решил сам занять русский трон на правах победителя. В результате Владислав, принадлежавший к шведской королевской династии Ваза (Васа), не был венчан на царство Российское. Однако этот акт «Семибоярщины» о признании русским царем Владислава Ваза долго горестно отзывался на судьбе России: Владислав, в 1632 г. ставший королем польским, отказался от русского престола только в 1634 г. Как одно из следствий правления «Семибоярщины», 16 июля 1611 г. началась шведская интервенция: шведы заняли Новгород.

В сентябре 1610 года «Семибоярщина» разрешила полякам ввести в Москву польские войска. Начались бесчинства поляков в Москве и других городах. Для борьбы с польско-шведской интервенцией и правительством «Семибоярщины» было создано Первое ополчение, выдвинувшее правительство «Совета всей земли». Руководителями Первого ополчения были: воевода Прокопий Петрович Ляпунов (убит 22.07.1611), князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой (ум. 24.06.1625), атаман Иван Мартынович Заруцкий (казнен осенью 1614 г.). Первое ополчение окончилось бесславно: из-за внутренних распрей «Правительства всей земли» Прокопий Ляпунов был убит казаками, Первое ополчение присягнуло Лжедмитрию III, Иван Заруцкий, казачий атаман, бежал сначала в Коломну, где скрывалась Марина Мнишек с сыном Иваном, затем с ней и ее сыном — в Астрахань, где он сделал попытку создать государство, в котором, женившись на Марине, стал бы царем.

В апреле 1612 г. было создано Второе ополчение, руководителями которого стали князь Дмитрий Михайлович Пожарский, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, земский староста Козьма Минин Захарьев и др.

Еще раньше, в сентябре 1611 г. в Нижнем Новгороде Козьма Минин призвал посадских людей освободить Русскую землю от польско-шведского нашествия. В начале апреля 1612 г. в Ярославле было образовано новое правительство «Совета всей земли». После ожесточенных боев и полного разгрома войск польско-

шведских интервентов и помогавших им казаков, осуществленное Вторым ополчением под водительством князя Дмитрия Михайловича Пожарского и Козьмы Минина, наконец, 26 октября 1612 г. Москва была освобождена. В ноябре 1612 г. руководители Второго ополчения разослали по русским городам грамоты о созыве Земского собора для выборов нового русского царя.

Земский собор, который проходил в январе — феврале 1613 г. в Москве, на Красной площади, составляли представители 50 крупных русских городов. В нем принимали участие бояре, дворяне, думные люди, служилые люди, стрельцы, приказные, есть предположение, что на Соборе присутствовали и крестьяне. Различными группировками боярства, дворянства и казачества были выдвинуты следующие кандидатуры на русский престол: князь Д.Т. Трубецкой, князь В.В. Голицын, князь Ф.И. Мстиславский, Михаил Романов, князь И.М. Воротынский, князь Д.М. Пожарский, князь Д.М. Черкасский, польский королевич Владислав, шведский принц Карл-Филипп; Иван, малолетний сын Марины Мнишек и Лжедмитрия II, а также сыновья татарских ханов.

Выбор пал на шестнадцатилетнего Михаила Федоровича Романова (1596—1645) на том основании, что мать царя Феодора Иоанновича — Анастасия Романовна — была родной сестрой Никиты Романовича, который был отцом патриарха Филарета и дедушкой Михаила Романова, а следовательно, Михаил был потомком, двоюродным племянником Феодора Иоанновича, последнего русского царя из московской ветви Рюриковичей. Но не только это послужило причиной избрания Михаила Романова царем. Представитель боярской династии Романовых, молодой и, естественно, неопытный, никому не навредивший, ни с кем в деловых отношениях не состоявший, фактически устраивал всех: и бояр, и думных людей, и приказных, и придворных чинов государева двора, и казаков, считавших, что он не будет их казнить за измену, за их военную поддержку поляков и Лжедмитриев, и народ, страдавший от Смуты и шведско-польских захватчиков.

21 февраля 1613 г. всенародный Земский собор присягнул Михаилу Федоровичу, избрав его русским царем. Михаил с матерью инокиней Марфой (Ксенией Ивановной Шестовой) в то время находился в Костроме, в Ипатьевском монастыре. Узнав о его избрании, поляки попытались его убить, но не знали точно, где находится монастырь, в котором укрылся избранный Земским собором царь. Крестьянин Иван Осипович Сусанин дал согласие привести польский отряд к месту, где жил Михаил. Но привел он

их в дремучий лес на болота. Даже после пыток Сусанин не показал им дорогу к монастырю. Разозленные поляки зарубили Сусанина, но покушение на новоизбранного царя сорвалось.

14 марта 1613 г. Михаил дал согласие и был наречен «Божией милостью царем и государем всея Руси». Архиепископ казанский и муромский Феодорит и келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын вручили ему царский посох — знак царской власти.

2 мая 1613 г. Михаил, приветствуемый народом, торжественно въехал в Кремль. 11 июля 1613 г. в Успенском соборе Московского Кремля состоялось венчание на царство Михаила Феодоровича Романова. Михаил, первый царь из боярского дома Романовых, которому было суждено стать основоположником царско-императорской династии Романовых, в этот день вступил на московский престол и получил титулы: «Божией милостию великий князь и царь всея Руси» и «государь всея Руси». В 1625 г. ему был присвоен также титул «самодержец Всероссийский».

Михаил Феодорович Романов получил царство с пустой казной, совершенно разоренное, разграбленное врагами внешними и внутренними, еще не победившее полностью Смуту. Главной задачей молодого царя стал сбор разоренной казны, хлеба и имущества для содержания войска, которое, изгнав врагов внешних и частично победив врагов внутренних, должно было продолжать борьбу с остатками Смуты, истощавшими разоренное государство. Фактически все царствование Михаила Феодоровича прошло в непрерывной борьбе с врагами внешними и внутренними. Молодой неопытный царь не смог бы один справиться с тяжелой задачей, выпавшей на его долю, но ему сначала (с 1613 по 1619 г.) помогали его мать, старица Марфа, и ее родственники бояре Салтыковы, но большей частью в сложных ситуациях вопросы решал Земский собор, который в эти времена превратился в постоянно действующий орган. С 1619 по 1633 г. вместе с Михаилом правил его отец, митрополит Филарет (Федор Никитич Романов), вернувшийся из польского плена. При такой поддержке царю Михаилу удалось справиться с остатками Смуты: в июне 1614 г. были разгромлены казацкие разбойничьи отряды атамана Ивана Заруцкого, мечтавшего через женитьбу на Марине Мнишек и через ее сына Ивана, наследника Лжедмитрия II, якобы «царевича», получить доступ к российскому престолу. В том же 1614 г. атаман Иван Заруцкий и «царевич» Иван «Дмитриевич», прозванный народом «воренком», были казнены, Марина посажена в тюрьму. Осенью того же года были уничтожены воровские от-

ряды атамана Баловня, сжигавшие городки и селения, попавшие на их пути, грабившие и убивавшие население целых районов. В 1616 г., наконец, был изгнан из российских пределов польский воевода Лисовский, совершавший рейд по русским городам, деревням и селам, грабя, разоряя и сжигая все на своем пути.

В 1615 г. шведы опять вторглись на русскую землю и осадили Псков. Война со шведами продолжалась почти два года и была приостановлена 27 февраля 1617 г. заключением Столбовского мира, по которому России были возвращены Новгород, Старая Русса, Ладога, Порхов, Гдов и другие города, а к Швеции отошли Иван-город, Орешек и другие прибалтийские города, что фактически отрезало выход России к Балтийскому морю.

Не успели закончить войну со шведами, как в том же 1617 г. на Москву двинулся польский королевич Владислав Жигимонтович Ваза, считавший себя русским царем, так как ему присягала «Семибоярщина» и многие русские люди. В сентябре 1618 г. войска Владислава достигли уже Арбатских ворот в Москве, но воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарский во главе ополчения вторично спас Москву, изгнав из нее поляков.

1 декабря 1618 г. с поляками было заключено Деулинское перемирие на 14 лет и 6 месяцев. Россия потеряла смоленские и северские земли с городами Смоленск, Белая, Дорогобуж, Рославль, Чернигов, Стародуб, Городище Монастыревское (Муром), Трубчевск, Путивль, Новгород-Северский и др. Но зато в перемирной записи поляки признали титул русского царя Михаила, что до сей поры Польшей отвергалось, и согласились, правда, с оговоркой, со снятием притязания на русский престол королевича Владислава. В перемирной грамоте говорилось: «Божию милостию великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всея Руси самодержца, его царского величества бояр и всех его царского величества думных людей и всего великого Российского царствия великих государств великие послы (имена) говорили с (имена) о королевиче Владиславе отказали накрепко, что то ныне и вперед статься не может, а паны-рада и великие послы то дело на суд божий положили; приговорили между великого государя нашего великими российскими государствами и между великими государствами — Короною Польскою и Великим княжеством Литовским перемирие на 14 лет и 6 месяцев». Договорились и о размене пленных. За отказ Владислава от русского престола поляки запросили 100 000 рублей, но после согласились на 20 000.

ряды атамана Баловня, сжигавшие городки и селения, попавшие на их пути, грабившие и убивавшие население целых районов. В 1616 г., наконец, был изгнан из российских пределов польский воевода Лисовский, совершавший рейд по русским городам, деревням и селам, грабя, разоряя и сжигая все на своем пути.

В 1615 г. шведы опять вторглись на русскую землю и осадили Псков. Война со шведами продолжалась почти два года и была приостановлена 27 февраля 1617 г. заключением Столбовского мира, по которому России были возвращены Новгород, Старая Русса, Ладога, Порхов, Гдов и другие города, а к Швеции отошли Иван-город, Орешек и другие прибалтийские города, что фактически отрезало выход России к Балтийскому морю.

Не успели закончить войну со шведами, как в том же 1617 г. на Москву двинулся польский королевич Владислав Жигимонтович Ваза, считавший себя русским царем, так как ему присягала «Семибоярщина» и многие русские люди. В сентябре 1618 г. войска Владислава достигли уже Арбатских ворот в Москве, но воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарский во главе ополчения вторично спас Москву, изгнав из нее поляков.

1 декабря 1618 г. с поляками было заключено Деулинское перемирие на 14 лет и 6 месяцев. Россия потеряла смоленские и северские земли с городами Смоленск, Белая, Дорогобуж, Рославль, Чернигов, Стародуб, Городище Монастыревское (Муром), Трубчевск, Путивль, Новгород-Северский и др. Но зато в перемирной записи поляки признали титул русского царя Михаила, что до сей поры Польшей отвергалось, и согласились, правда, с оговоркой, со снятием притязания на русский престол королевича Владислава. В перемирной грамоте говорилось: «Божию милостию великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всея Руси самодержца, его царского величества бояр и всех его царского величества думных людей и всего великого Российского царствия великих государств великие послы (имена) говорили с (имена) о королевиче Владиславе отказали накрепко, что то ныне и вперед статься не может, а паны-рада и великие послы то дело на суд божий положили; приговорили между великого государя нашего великими российскими государствами и между великими государствами — Короною Польскою и Великим княжеством Литовским перемирие на 14 лет и 6 месяцев». Договорились и о размене пленных. За отказ Владислава от русского престола поляки запросили 100 000 рублей, но после согласились на 20 000.

1 июня 1619 г. у речки Поляновки русские послы встретили освобожденного из польского плена митрополита Филарета и других русских пленных. 14 июня возле речки Пресни встретил Филарета сам царь. Это была радостная встреча. Михаил поклонился отцу в ноги, и Филарет тоже пал перед своим сыном и царем на колени, и долго оба от переполнявших их чувств не могли ни встать, ни говорить.

Патриарший престол был свободен; в Москве в то время жил иерусалимский патриарх Феофан, приехавший за материальной поддержкой. Вместе с русскими владыками Феофан предложил патриарший престол Филарету как достойному этого сана на том основании, что Филарет был царский отец по плоти, а потому «будет царствию помощатель и строитель, сирым защитник и обидимым предстатель». 24 июня 1619 г. Филарет был посвящен в патриарший сан.

Возвращение Филарета из польского плена стало знаменательным событием для русского народа и было отражено в народных песнях и былинах:

*Зрадовалоя царство Московское
И вся земля Святорусская:
Умолил государь православный царь,
Князь великий Михайло Федорович.
А что скажут, взехал батюшко
Государь Филарет Микитич
Из неверной земли из Литовской;
С собою он вывез много князей-бояр,
Еще он вывез государева боярина,
Князя Михайла Борисовича Шеина...
Не красное солнце катилося,
Пошел государь православный царь
Встречати своего батюшка,
Государя Филарета Микитича...*

Филарет стал действительно «царствию помощатель и строитель», он стал вторым государем Руси с титулом «великий государь». При таком двоевластии государственные грамоты того времени писались от имени «Божию милостию великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всея Руси самодержца» и «великого государя и святейшего патриарха Московского Филарета всея Руси». И это не было просто формой вежливости по отношению к отцу и патриарху. Все дела решались совместно двумя государями, а потому и докладывались и

тому и другому, оба государя вместе принимали иностранных послов, вместе согласовывали и внешнюю, и внутреннюю политику с Думой, вместе решали финансовые дела. Иностранные государи посылали грамоты и тому, и другому государю, то же было и с дарами из иных королевств и княжеств. Продолжалось это до 1633 г., когда скончался великий государь и святейший патриарх Филарет. Далее Михаил Феодорович правил страной, опираясь на Земский собор и ближних бояр.

Одним из насущных дел Филарет считал женитьбу сына: женатый царь имел в мире больший вес как уже взрослый, серьезный муж.

Попытки найти невесту в Дании и Швеции не имели успеха: непреодолимым препятствием явилась разность вероисповеданий и нежелание ни той, ни другой стороны менять свою религию. Решили вернуться к невесте Марии Ивановне Хлоповой, которая была сосватана еще в 1616 г., но объявлена М.М. Салтыковым больной, а потому отставлена и сослана в Тобольск. По расследовании была установлена вина кравчего Михайлы Михайловича Салтыкова, объявившего Хлопову неизлечимо больной, и его родни. Салтыковых разослали по деревням, мать Михайлы отослали в более отдаленный монастырь, а все поместья и вотчины отобрали в царскую казну. Но жениться на Марье Хлоповой Михаил Феодорович отказался. По старому обычаю состоялся выбор невесты, и царской невестой стала княжна Марья Владимировна Долгорукова. 19 сентября 1624 г. состоялось венчание и была сыграна царская свадьба. Но княжна Долгорукова оказалась слабой здоровьем, и через три месяца после свадьбы, 6 января 1625 г., умерла. Ходили слухи, что ее извели. Михаил Феодорович после годового траура женился вторично на Евдокии Лукьяновне Стрешневой. Венчание и свадьба состоялись 5 февраля 1626 г. Это был счастливый брак, принесший 10 детей, в основном девочек, но и троих мальчиков, старший из которых Алексей Михайлович стал наследником и царем. Евдокия Лукьяновна была настолько верной женой, что умерла ровно через месяц после смерти Михаила Феодоровича.

Внешняя политика, которую проводили два великих российских государя, царь и патриарх, была направлена прежде всего на возвращение утраченных земель. С июня 1632 г. по июнь 1634 г. велась война с Польшей за возвращение Смоленска. Главным воеводой был назначен Михаил Борисович Шеин, а первым воеводой — А.В. Измайлов. Воевода Шеин побывал в польском плену, был возвращен на родину в 1619 г. вместе с Филаретом. Он хорошо знал военачальников вражеской стороны и даже во

время войны общался с ними. Война за Смоленск окончилась полным поражением и капитуляцией русских войск. «Государево дело» стряпчего Ивана Андреевича Бутурлина, переданное царю, обвиняло Шеина и Измайлова в измене. Проведенное расследование подтвердило это обвинение, и 28 апреля 1634 г. воеводы М.Б. Шейн и А.В. Измайлов были казнены.

В мае и июне 1634 г. были проведены переговоры с Польшей и заключен второй Поляновский мир, по которому границы определялись по Деулинскому соглашению 1618 г. Бывший претендент на титул русского царя, теперь король польский Владислав IV официально отказался от претензий на российский престол.

Еще шла война с Польшей, когда в российские южные пределы в 1633 г. вторглись крымские татары; они дошли до Тулы, Каширы, Калуги и были остановлены в окрестностях Москвы.

В 1637 г. царю и патриарху доложили, что 18 июня донские казаки самовольно захватили сильно укрепленную турецкую крепость Азов. Казаки рассчитывали на благодарность со стороны царя Михаила Феодоровича, но на самом деле этот захват вошел в противоречие с внешней политикой государства, направленной на укрепление дружеских связей с другими странами. Земский собор, созванный в январе 1642 г., повелел казакам возвратить туркам крепость Азов.

В царствование Михаила Феодоровича были возобновлены сношения с иностранными державами, в частности, с Англией, которая еще в правление Иоанна Грозного заключила торговый договор с Россией и имела по этому договору в Москве подворье для постоянного английского посольства. Смутное время разрушило эти связи, и теперь Россия Романовых снова стала устанавливать деловые торговые отношения с европейскими странами, и многие иноземцы получили привилегии на торговлю и учреждение заводов на российской земле. В результате этой политики, провозглашавшейся в грамотах российских правителей, которые направлялись в другие страны, в 1639 г. кахетинский князь Теймураз I присягнул русскому царю на верность.

Внутренняя политика русского государства состояла прежде всего в освоении Сибири и Дальнего Востока: осенью 1618 г. на сибирской земле был основан Енисейский острог, ставший затем городом Енисейском; в 1628 г. построен острог Красный, ставший основанием для города Красноярска; в 1631 г. учрежден Братский острог — основа города Братск; осенью 1632 г. Петр Иванович Бекетов основал город Якутск; в 1638 году землепроходцем Перфильевым было освоено Верхоянское зимовье, впо-

следствии ставшее городом Верхоянском. В Сибири и на Дальнем Востоке не только осваивались завоеванные Ермаком и другими землепроходцами земли, но и открывались новые. В 1633—1636 и в 1638—1641 гг. тобольский казак Иван Иванович Ребров открыл Оленекский залив в Восточно-Сибирском море, был открыт также пролив Дмитрия Лаптева и сделано несколько других открытий. В мае 1639 г. была направлена экспедиция во главе с Иваном Юрьевичем Москвитиным к Охотскому морю. Эта экспедиция, окончившаяся в июле 1641 г., открыла выход к Тихому океану. В июле 1643 г. была организована экспедиция в Приамурье, которую возглавил Василий Данилович Поярков и которая продолжалась до июня 1646 г.

На юге, в основном на Белгородской пограничной черте, возводились новые города. Там был основан г. Тамбов и ряд других городов. Велось строительство и в Москве: в 1635—1636 гг. архитекторы Бажен Огурцов и Трефил Шарутин возвели Теремной дворец в Кремле. Внимание уделялось и культуре: 1621 г. явился началом составления первой, пока еще рукописной газеты «Куранты».

Войны с Польшей и Литвой показали необходимость реорганизации полков детей боярских и ополчения в более управляемую, регулярную армию. С 1630 по 1632 г. были созданы первые солдатские полки иноземного строя и среди них — первый рейтарский конный полк.

В 1645 г. Михаил Феодорович начал болеть и, по одним сведениям, 12 июля этого года, в день своего рождения, а по другим — 13 июля скончался от водянки (болезни сердца) в возрасте 49 лет. Российский трон он передал своему старшему сыну, единственному оставшемуся к этому времени в живых (Иван и Василий умерли малолетними в 1639 г.), Алексею Михайловичу Романову. Никаких возражений против этой кандидатуры избрания на российский престол не было. 13 июля 1645 г. в Москве 16-летний Алексей Михайлович был всенародно избран царем, а 28 сентября был венчан на царство в Успенском соборе Кремля по старинному чину: на него были возложены шапка Мономаха, бармы (оплечья), усыпанные драгоценными камнями, вручены знаки царской власти — скипетр и яблоко (держава). В знак того, что венчается православный царь, защитник Русской православной церкви, патриарх Иосиф надел на него большой нагрудный крест.

В течение первых трех лет своего царствования, до июня 1648 г., Алексей Михайлович, уделяя внимание лишь внешней политике, урегулированию отношений с польским королем Владисла-

вом и самозванцем Лубой, внутренними государственными делами почти не занимался, передав их в ведение бывшего своего воспитателя, боярина Бориса Ивановича Морозова, которого Михаил Феодорович, будучи на смертном одре, просил служить его сыну, новому царю, так же, как Морозов 13 лет служил ему.

Надо сказать, что боярин Борис Иванович Морозов был человеком образованным, умным, понимавшим государственные запросы времени, но ловким, не считавшим зазорным думать прежде всего о своих личных интересах. Алексей Михайлович, в течение одного месяца оставшийся сразу без отца и без матери, был очень сильно привязан к Морозову, а потому беспредельно ему доверял. Борис Иванович к тому же очень ловко сумел породниться с молодым царем. В 1647 г. Алексей Михайлович решил жениться. Из 200 боярышен и дворянок была выбрана и одобрена царем Марья Всеволожская, но когда для встречи с царем ее одели в очень тяжелое от обилия драгоценных камней платье невесты, крепко затянули ей волосы и на голову водрузили тяжелейший, весь в крупных драгоценных камнях головной убор, она от этой тяжести и сильного волнения лишилась чувств. При дворе объявили, что она подвержена падучей болезни и потому быть царицей не может. Ее и всю ее семью тотчас сослали в Сибирь. Эту проделку с устранением невесты народ и придворные приписали Морозову и, видимо, не без оснований, потому что через год с подачи Морозова царь женился на Марье Ильиничне Милославской, а сам Морозов на ее родной сестре — Анне Ильиничне Милославской, что сделало его близким родственником царя. Их тесть, князь Илья Данилович Милославский, сразу получил высокую должность и чин и стал наживаться без зазрения совести. Он устроил своих родственников, окольничих Леонтия Плещеева и П.Т. Траханиотова, первого — судьей Земского приказа, а второго — главой Пушкарского приказа. Будучи в сговоре с Милославским и Морозовым, они брали взятки, затягивали дела по челобитным, а некоторые челобитные просто уничтожали, а царю докладывали о делах в совершенно ином свете. Народ быстро понял эту «политику» и 1 июня 1648 г. попытался передать свои жалобы в челобитных непосредственно царю, когда царь возвращался с богомолья. Но стрельцы не допустили до царя челобитчиков, а приверженцы Плещеева и Траханиотова, как только царь отъехал, напали на толпу, стали избивать людей плетьюми, давить лошадьми. И народ расвирипел: люди стали кидать в них камнями, ловить их, требовать казни Плещееву.

Так начался всеобщий бунт московских горожан. На следующий день, 2 июня, горожане ворвались в Кремль и вновь попыта-

лись передать царю челобитную, но бояре разорвали и бросили ее в толпу челобитчиков, а Морозов приказал стрельцам выгнать их из Кремля. И тогда люди отказались повиноваться, и вся Москва бросилась на обидчиков. Были разгромлены дворы боярина Б.И. Морозова, П.Т. Траханиотова, гостя Василия Шорина. Убили дьяка Назария Чистого, который был правой рукой Морозова. Жене Морозова, Анне Ильиничне, сказали, что если бы она не была сестрой царицы, то ее бы тоже растерзали на куски. Восставшие требовали выдачи им на расправу Леонтия Плещеева и его покровителей Морозова и Траханиотова.

Чтобы успокоить народ, Алексей Михайлович с боярами решились предать Плещеева казни. Но 4 июня, когда палач вывел его на Красную площадь, толпа в ярости вырвала его из рук палача и тут же растерзала. На следующий день был предан казни П.Т. Траханиотов. Царь едва спас своего «дядьку» Морозова, срочно отправив его в ссылку, в Кирилло-Белозерский монастырь.

С этих дней московского восстания 2—4 июня 1648 г. все правление государством 19-летний царь Алексей Михайлович взял в свои руки. Это народное возмущение в Москве охватило, можно сказать, все слои населения, потому что недовольны политикой правительства Б.И. Морозова были все: и посадские, и купцы, и дворяне.

Московский бунт 2—4 июня 1648 г. носит название Соляного, но на самом деле недовольство вызвала не только финансовая реформа — обложение соли дополнительной пошлиной вместо взимания стрелецких и ямских денег и, как следствие этой реформы, повышение цены на соль. Тогда из-за высокой цены на соль пострадало все население: и купцы, и посадские, и стрельцы — торговцы рыбой, солониной, грибами и другими разносолами. Население стало скупно потреблять соль, что сказалось и на качестве изготавливаемых продуктов питания, и на экономике страны в целом. Посадское население черных слобод, считавшее торговлю своим исключительным правом, было недовольно своим неравным положением с ремесленниками белых слобод и требовало уравнивания в правах. Дворянство давно, еще с 1637 г., просило установить неограниченный срок сыска беглых крестьян и перенести судебные разбирательства провинциальных дел из Москвы в провинцию. Их челобитные были удовлетворены весьма скромными мерами: срок сыска увеличился всего на пять лет (с 5 до 10 лет).

В ходе народного возмущения сложился временный союз московских посадских людей, дворян (служилых людей по отечеству) и стрельцов, и его участники потребовали от царя срочно созвать

Земский собор. Алексей Михайлович повиновался, и 16 июля 1648 г. на Земском соборе было вынесено решение составить новый свод законов — Уложение. При непосредственном участии царя Алексея Михайловича специальная комиссия, возглавляемая князем Никитой Ивановичем Одоевским, в короткий срок, основываясь на «Русской Правде» и судебныхниках, составила новый законодательный акт. Уже 1 сентября 1649 г. Земский собор утвердил свод законов, получивший наименование «Соборное уложение 1649 года». И хотя Соборное уложение 1649 г. было составлено в кратчайший срок — всего за 1,2 месяца, оно явилось универсальным кодексом феодального права, установившим нормы во всех сферах жизни российского общества — социальной, экономической, судебной, административной, семейной, духовной, военной и др. Российское государство вплоть до 1826 г., когда судили декабристов, использовало многие статьи Уложения 1649 года.

Соборное уложение в своих главах отразило сословную структуру общества (вотчинники и помещики, посадские, крестьяне и холопы, стрельцы), установив законы для каждого сословия и при этом учитывая отношения между представителями сословий как к верховной власти, так и между собой. Оно навечно прикрепило крестьян к землевладельцу: сыск беглых крестьян от помещика или вотчинника сроком не ограничивался. Крепостнические отношения были перенесены и на посадских, прикрепив посадского также навечно к месту его проживания, к посаду. Оно удовлетворяло требование посадских в их челобитных и уничтожало белые слободы и институт закладчиков. Светская власть брала под защиту чистоту веры: в главе «О богохульниках и церковных мятежниках» за богохульство определялось жестокое наказание — сожжение на костре. Соборное уложение ликвидировало многие прежние привилегии церкви и ее иерархов, сохранив привилегию автономного управления только за патриаршими владениями и передав под юрисдикцию вновь созданного Монастырского приказа все остальные монастырские вотчины, тем самым усилив зависимость церкви от светской власти, так как Монастырский приказ был светским учреждением.

Соборное уложение, в редактировании которого принимал участие сам царь, явилось одним из первых и весьма примечательных шагов самостоятельного правления царя Алексея Михайловича. Надо сказать, что Алексей Михайлович был одним из образованнейших людей своего времени. Он сам писал и редактировал многие важные указы и другие документы, первым из русских царей собственноручно подписывал их. Его перу при-

надлежит замечательный, романтическими красками овеянный документ, созданный в 1668 г. и известный как «Уложение сокольничья пути», который в поэтическом стиле излагает порядок (урядок) проведения птичьей охоты. Полное название этого документа — «Книга, глаголемая Урядник: новое уложение и устройство сокольничья пути». Написаны эти правила и обряд (чин) птичьей охоты с большой любовью к птичьей охоте и птицам-охотникам. Вот примеры тому из Уложения: «И зело потехасия полевая утешает сердца печальныя, и забавляет веселием радостным, и веселит охотников сия птичья добыча». «Красносмотрителен же и радостен высокова сокола лет».

По распоряжению Алексея Михайловича в 1648 г. был издан первый учебник русского языка — «Грамматика» Мелетия Смотрицкого.

По указу царя в 1652—1666 гг. мастера Степан Резанец и Симон (Пимен) Ушаков с артелью восстанавливали «письмом против прежнего» утраченную за 100 лет роспись Архангельского собора Кремля. Созданная ими роспись дошла до наших дней.

В июле 1661 г. по личному приглашению царя в Москву приехал просветитель и литератор Симеон Полоцкий, ставший учителем детей Алексея Михайловича — Феодора Алексиевича, будущего царя, и царевны Софьи, будущей правительницы России. Симеон Полоцкий, человек просвещенный и знавший европейскую культуру и литературу, оказал сильное влияние на культурную жизнь Российского царства как при Алексии Михайловиче, так и в царствование Феодора Алексиевича, и в правление царевны Софьи. Его идеи сближения России с культурой Европы были восприняты и по мере возможности находили свое воплощение в жизни. Так, в 1666 г. по указу царя была учреждена первая российская регулярная почта.

3 марта 1669 г. умерла 43-летняя супруга Алексея Михайловича — царица Мария Ильинична из рода Милославских. Их брак был удачным, и для царя это было большое горе. У них было 13 человек детей: пять мальчиков и восемь девочек. Но мальчики почему-то рождались болезненными и хилыми, так что к моменту ухода Алексея Михайловича из жизни в живых от первого его брака остались только двое: 15-летний Феодор и 10-летний Иоанн.

Как положено, два года Алексей Михайлович выдерживал вдовство, но потом, познакомившись в доме своего друга Артамона Сергеевича Матвеева с его воспитанницей Натальей Кирилловной Нарышкиной, венчался с ней 22 января 1671 г. Ей было тогда 19 лет, а ему шел 41-й. 30 мая 1672 г. царица стала матерью преобразователя России Петра Великого. У царской

четы было еще две девочки: одна, Наталья, родившаяся в 1673 г., до самой своей смерти (1716) всегда была поддержкой своему брату, а другая, Феодосия, прожила всего три года — с 1674 по 1677 г.

Культурное устройство русской жизни Алексей Михайлович воплощал постепенно, но целенаправленно.

В 1672 г., может быть, в отраду и веселие своей молодой жене, царь разрешил устроить при государевом дворе в селе Преображенском театр под руководством пастора Иоаганна Готфрида Грегори, которого затем сменил Юрий Гивнер. 17 октября 1672 г. в комедийной хоромине села Преображенского был поставлен первый спектакль «Артаксерксово действо», в котором была разыграна библейская история о том, как мудрая красавица Эсфирь спасла свой народ от гибели. Вместе с мужем спектакль смотрела и царица Наталья Кирилловна, которая и ранее, в доме своего воспитателя Артамона Сергеевича Матвеева, у которого был домашний театр, присутствовала на театральных представлениях.

Через три года в этой же комедийной хоромине села Преображенского был представлен и первый в России балет.

Стали работать в России и первые отечественные иконописцы — Гурий Никитин, Сила Саввин, Дмитрий Семенов.

Наряду со многими начинаниями в области культуры и, в частности, искусства, царь Алексей Михайлович занимался экономикой и культурой ведения сельского хозяйства в соединении с производством. Интерес к этой проблеме возник у царя не случайно. Ему в наследство достались экономика и сельское хозяйство страны, разрушенные в годы Смуты и не успевшие окрепнуть за годы правления его отца. Особенно трудно восстанавливалось сельское хозяйство в наиболее пострадавших центральных районах страны. Ко времени правления Алексея Михайловича количество распаханной, окультуренной земли в центральных уездах России составляло лишь половину тех угодий, которые возделывались до начала Смуты.

Третья четверть XVII в. стала временем, когда и светские, и духовные феодалы стали поднимать свои разоренные Смутой хозяйства, стараясь довести их до более высокого экономического уровня, чем это было прежде.

Царь Алексей Михайлович, к 1660-м годам ставший хозяином подмосковной Измайловской вотчины, задумал создать на ее базе необычное для патриархальной Руси дворцовое хозяйство, некий образец самого высокого уровня ведения экономики и сельского хозяйства в соединении с промышленными предприятиями.

В 1663 г. по его велению начались работы в его вотчине Измайлово. Предполагалось превратить сельское хозяйство царского двора с его полями, огородами, садами и скотными дворами в товарную отрасль, которая служила бы и для поставки продовольствия к царскому столу, и для продажи излишков, но и была бы связана с производствами по переработке полученных продуктов сельского хозяйства, например, с мануфактурным производством, выделкой кож и мехов, швейным производством, пекарным и другими. Новые методы хозяйствования должны были послужить образцом для внедрения их в сельское хозяйство России.

Управляющим дворцовым хозяйством в Измайлове царь назначил Приказ тайных дел, который являлся личной канцелярией царя и контролировал работу других важных в этом деле приказов, что обеспечивало легкость и простоту личного надзора царя.

И вот в 60—70-е годы XVII столетия всего в четырех километрах от Москвы развернулись хозяйственные работы, охватившие всю измайловскую округу: ее деревни, леса, пашни, пустоши, луга и даже реки и пруды. В архиве Древних актов сохранились некоторые измайловские чертежи и планы, в те поры только входившие в употребление в русском строительстве. Они дают представление об устройстве «царской фермы» и удивляют продуманностью и связанностью всех частей хозяйства. Сохранившиеся чертежи и планы Аптекарского огорода, Просяного и Виноградного садов, Птичьего двора показывают, что все части сельскохозяйственных угодий Измайловского дворцового комплекса строились по регулярному плану в виде кругов (иногда с внутренними концентрическими кругами), разделенных на сектора, в которых размещались соответствующие назначению здания, лужайки, посадки лекарственных и иных растений, редких парковых и плодовых деревьев и кустарников, среди которых был и виноград, загоны для птицы и скота и т.п. Можно сказать, что в дворцовом хозяйстве царя Алексея Михайловича впервые в России была применена парковая архитектура, в осуществлении которой участвовали не только садовники, огородники, птичники и животноводы, но и плотники, резчики, зодчие, живописцы, украшавшие территорию царского дворцового хозяйства красивыми расписными постройками. Мастеров своего дела приглашали на строительство Измайловского хозяйства со всех русских губерний и уездов и даже выписывали из-за границы.

Центром царской образцовой усадьбы был остров, искусственно возведенный на основе реки Серебрянки, русло которой углу-

били, дно и берега укрепили «досками байдашными», создав Виноградный пруд. К этому добавили несколько естественных прудов, питаемых рекой Серебрянкой, ручьями и речкой Хохловкой в месте ее впадения в Серебрянку и так же их дно укрепили «досками байдашными», не гниющими веками. В центре соорудили насыпной холм, и таким образом мастера «водоводного дела» создали остров, со всех сторон окруженный рекой и прудами с каменными сооружениями Виноградской, Вислой, Измайловской плотин и двумя мельницами. На остров можно было попасть через специально выстроенные мост и нарядно декорированную мостовую башню (сохранилась до наших дней). На территории острова располагался прямоугольный государев двор с деревянными боярскими хоромами и шатровый Покровский собор (1671—1679), в верхней своей части украшенный рельефными полихромными изразцами.

Не только россияне — современники царствования Алексея Михайловича восхищались его хозяйственными заведениями, но и приезжавшие в Россию иностранцы, которым охотно показывали царское хозяйство, даже письменно выражали свое восхищение. Самуил Коллинз, приглашенный к Алексею Михайловичу в качестве врача, в своих заметках отметил, что царь «выстроил в семи верстах от Москвы для обрабатывания пеньки и льна красивые дома, которые находятся в большом порядке, очень обширны и будут доставлять работу всем бедным в государстве. На это он назначил несколько миль порозжей земли. Царица будет заведовать женщинами в этом заведении, для своих польз и выгод».

У Виноградской плотины в 1668 г. был выстроен стеклянный завод, который выпускал стекло «потешное и фигурное», «хрустальную» посуду с гравировкой и золочением и стеклянную посуду прозрачную и зеленого стекла. Изделия шли на дворцовые нужды, на подарки и на продажу в московском Гостином дворе.

Соблюдался порядок и украшалась территория государева двора и в Московском Кремле, который хорошо охранялся: посторонним вход в него был строго воспрещен.

Внутренняя политика Алексея Михайловича продолжала политику его батюшки, царя Михаила Феодоровича, и его дедушки, патриарха Филарета: осваивалась Сибирь и проводились экспедиции по открытию новых земель. В августе 1648 г. экспедицией Федота Алексеевича Попова и Семена Ивановича Дежнева был открыт пролив между Азией и Америкой, который ныне называется Берингов пролив. В той же экспедиции 1648 г. С.И. Дежнев вместе с Ф.А. Поповым открыл также Чукотку, обойдя ее мыс, носящий и поныне наименование мыс Деж-

нева. Попов открыл также и Камчатку. В том же году воевода Б.М. Хитрово основал крепость Синбирск. В 1780 г., при Екатерине II, эта крепость, превратившаяся в большой город, была переименована в Симбирск, а в 1924 г. в связи со смертью В.И. Ульянова-Ленина — в Ульяновск.

С осени 1649 г. до августа 1653 г. экспедиция Ерофея Павловича Хабарова-Святитского обследовала берега Приморья. В 1652 г. землепроходец Иван Похабов основал город Иркутск. В октябре 1653 г. был основан Читинский острог. Петр Иванович Бекетов в мае 1654 г. основал Нерчинск. Как сторожевой пункт в 1663 г. появился город Пенза.

Продолжал Алексей Михайлович и выяснение отношений с Польшей и со Швецией. Оставалась давняя проблема и на юге, где крымцы постоянно совершали набеги на русские земли. Перед царем стояла задача — с чего начать: с войны с Польшей, к этому времени весьма ослабленной, но продолжавшей отстаивать свои права на русские города в Малороссии, прежде завоеванные ею; с войны со Швецией, чтобы пробиться к Балтийскому морю и открыть себе свободный выход в Европу, или двинуться к Черному морю, чтобы прекратить набеги на русские земли, что неизбежно привело бы к войне с крымскими татарами, а следовательно, и с Османской империей. Глава Посольского приказа боярин Ордин-Нащокин стоял за то, чтобы начать войну со Швецией и завоевать выход к Балтийскому морю, «прорубить окно в Европу», пожертвовав при этом интересами жителей русских городов в Малороссии, оставив их под властью Польши. Царь Алексей Михайлович смотрел на этот вопрос с других позиций. Он считал, что интересы малороссийских жителей, в основном православных, для России дороже всего остального. Тем более что необходимость выхода к морю осознавалась очень немногими людьми, а идея освобождения родных братьев, терпевших за православную веру, была близка сердцу основной массы россиян. Недавний захват поляками российских территорий, их пребывание в Кремле и бесчинства, их притязания и ненависть к ним со стороны русских людей — все это не сулило прочного мира с Польшей до тех пор, пока Польше не будет нанесен сильнейший удар и не будут освобождены русские города, среди которых Киев и Смоленск, имевшие важное стратегическое значение. Война со Швецией, в ту пору достигшей наивысшего расцвета своего политического и военного могущества, не могла принести России победных плодов. О походе на юг не могло быть и речи: Россия не справилась бы с этой задачей по многим причинам.

1 октября 1653 г. Земский собор принял решение о воссоединении Левобережной Украины, находившейся под властью Унии, с Россией. 8 января 1654 г. на Переяславской Раде гетман Украины Богдан Хмельницкий провозгласил воссоединение части Украины с Россией. В июле — августе 1654 г. сам царь Алексей возглавил войско, двинулся на поляков и освободил захваченные ими русские города Ростиславль, Дорогобуж, Полоцк, Мстиславль, Оршу, Гомель, Чичерск, Новый Быхов. Успехи русского войска продолжались. 23 сентября 1654 г. после штурма и осады поляки не выдержали и сдали Смоленск, а в июле — августе 1655 г. русские вытеснили поляков из русских городов и освободили Витебск, Минск, Гродно, Вильно, Ковно. Успехам русских войск способствовала политика царя Алексея Михайловича: к населению освобожденных городов русские воины относились милостиво, как к братьям, и одаривали царским жалованием тех, кто помогал русскому войску. А тем, кто не хотел оставаться на службе у русского царя, давали возможность беспрепятственно отбыть в Польшу. Так что не только простой народ, но и польская шляхта готова была присягнуть русскому царю.

Конец 1655 г. для Польши ознаменовался полным крахом, так называемым «Потопом». Шведский король Карл X Густав, видя ослабление Польши в войне с Россией, вмешался в эту войну. Он быстро овладел всею Польшей, захватил Варшаву и Краков. Поляки были вынуждены признать его своим королем. После этого он посягнул на Литву и Белоруссию, чьи земли были уже освобождены русскими. Этого нельзя было допустить, и в мае 1656 г. Россия объявила Швеции войну. 15 мая царь Алексей Михайлович, как главный воевода, выступил с войском в новый поход. Вначале поход был успешным. Русские взяли города Динабург и Кокнес, а затем осадили Ригу и начали штурм города. Но неожиданно шведы ударили по осаждавшим и нанесли им сильное поражение. К тому же пошли слухи, что сам Карл X собирается приехать в Ригу, а потому местные крестьяне перестали продавать корм для русских лошадей и даже стали нападать на русские маркитантские отряды. Алексей Михайлович почел за лучшее прекратить осаду Риги и отступить в Полоцк. В октябре 1656 г. русские взяли Юрьев и Ниеншанц, осадили Орешек. В том же году с Польшей были проведены в Вильне мирные переговоры, на которых рассматривался даже вопрос о провозглашении русского царя королем Польши. Но неожиданно на волне народного патриотизма и национального воодушевления Польша изменила свою политику в отношении России, желая вернуть отобран-

ные у нее земли. В этой ситуации продолжение войны со Швецией стало нежелательным. Чтобы сохранить за собой города, отвоеванные у Польши, Алексей Михайлович стал изыскивать возможности для заключения мира со Швецией, и 20 декабря 1658 г. было достигнуто Валиесарское перемирие на три года. Все занятые в ходе этой войны земли отошли к России. Но когда перемирие закончилось, то в июне 1661 г. в городе Кардисе был заключен со Швецией Кардисский договор, по которому России пришлось отказаться от завоеваний в Ливонии, предоставлявших выход к Балтийскому морю. Решить этот важный для России вопрос суждено было только сыну Алексея Михайловича — будущему царю и императору Петру I Алексиевичу.

Война с Польшей продолжалась 13 лет. Оба государства были обессилены этой продолжительной войной и, конечно, вынуждены были искать мира. 30 января 1667 г. по Андрусовскому перемирию, подписанному в деревне Андрусово близ Смоленска, Польша признала воссоединение Левобережной Украины с Россией. К России отошли, кроме того, города Смоленск, Дорогобуж, Невель, Белая, Себеж, Вележ, Красное и, главное, Киев.

Тяжелые войны сопровождались и внутренними неурядицами: народными смутами и религиозными распрями.

Царь Алексей Михайлович считался добрым царем, любимым народом, получил прозвание Тишайший, но в его царстве постоянно возникали бунты и акты неповиновения. Помимо Соляного бунта, о котором говорилось выше, 25 июля 1662 г. в Москве вспыхнул Медный бунт, одним из виновников которого опять оказался жадный до наживы царев тесть — боярин Илья Данилович Милославский, который за «посул» (взятку) покровительствовал тем, кто выпускал «воровские» (фальшивые и лишние) медные деньги, что привело к чудовищной инфляции и, как следствие, к бунту. По свидетельству Г. Котошихина, дело дошло до того, что медные копейки многие люди изготавливали на своих дворах по чеканам, которые сначала можно было купить у служителей Монетного двора, а потом по их образцам народные умельцы стали их изготавливать в большом количестве и продавать всем желающим. «Воровские» медные деньги чеканили и на царском Монетном дворе. Под покровительством Милославского на царский Монетный двор стали привозить не только необходимую партию меди, но и дополнительную, всю медь чеканили, а потом одну часть отправляли в казну, а другую развозили по своим дворам.

Разразившийся Медный бунт, считал Котошихин, не был стихийным и подлинно народным. Его подготовили «воры», кото-

рые, используя сложившуюся ситуацию и недовольство народа, решили «замутить воду», чтобы свободно пограбить дома богатых бояр. Ночью они расклеили по заборам листки, в которых обвинили в падении цены медных денег тестя царя, боярина И.Д. Милославского, гостя Шорина, богатый дом которого уже грабили при Соляном бунте, думного дьяка и думного дворянина Матюшкина, женатого на родной сестре матери Алексея Михайловича — царицы Евдокии Лукьяновны. В сущности, обвинение было правильным, только оно не было послано, как тогда полагалось, в челобитной царю, как «слово и дело государево», а имело целью возбудить народ на бунт. Прочитав эти подстрекательские листки, народ, естественно, возмутился и, предводительствуемый ворами-заговорщиками, двинулся к царю, который в это время пребывал в Коломенском. Во время пути к царю к ним примыкали люди со всех сторон, так что к Коломенскому царскому дворцу подошла уже пятитысячная толпа. Царь выслушал народ, обещал разобраться. Но так как заговорщики знали, что в Москве остались их соучастники и что они в это время, не дожидаясь царского разбирательства, уже грабили дом гостя Шорина, стали грубо разговаривать с царем. И тогда Алексей Михайлович возмутился и отдал своим охранникам и подошедшим к Коломенскому стрельцам расправиться с толпой. Разбегаясь от расправы, многие ни в чем не повинные люди погибли: одни потонули в Москве-реке, других зарубили и закололи пиками стрельцы. Погибло очень много народа. Котошихин, рассказав эту историю, с грустью заключил, что воров-то было всего 200 человек, не более, а погибли почти пять тысяч.

11 июня 1663 г. царь отменил медные деньги и приказал их все переплавить, но «воры» (фальшивомонетчики), спрятав от переплавки медные монеты, стали натирать их ртутью, лудить и серебрить и выдавать за серебряные, что еще более усугубило финансово-экономическую ситуацию в стране. Царь вынужден был провести дознание, а затем решительными и жестокими мерами, вплоть до скорой казни, сумел расправиться с «ворами» и привести денежную систему страны в относительный порядок.

Особенно тяжелыми переживаниями для религиозного и богобоязненного Алексея Михайловича оказались распри, связанные с деятельностью и поведением патриарха Никона, которого царь считал своим ближайшим сердечным другом, верил ему и сделал его патриархом «всеа Руси». А начиналось все с того, что в 1652 г. игумен Кожеозерского монастыря Никон отправился в Москву и, как это было принято, явился с поклоном к молодому царю Алексею Михайловичу. Он понравился царю, был остав-

лен в Москве и в скором времени посвящен в архимандриты Новоспасского монастыря, где находилась родовая усыпальница Романовых и куда часто приезжал царь молиться за упокой душ своих предков. Там они встречались, и Никон был приглашен каждую пятницу являться к царю для беседы. Алексей Михайлович увидел в нем человека доброго, справедливого, духовно возвышенного и образованного, заботящегося о простых людях, обиженных и утесненных, за которых он постоянно просил царя заступиться. Царь поручил Никону принимать челобитные от людей, искавших царского заступничества и управы на неправду судей. Благодаря этой деятельности Никон занял в Москве исключительное положение и приобрел всеобщую славу и любовь. Через два года он был возведен в сан митрополита новгородского. Он примкнул к таким ревнителям благочестия, как царский духовник Стефан Вонифатьев, протопоп Аввакум, Лазарь, Неронов и другие, которые также ратовали за более близкое общение пастырей с паствой. Продолжая проявлять свои сердобольные качества, Никон часто просил у царя средства, на которые открывал богадельни, а во время голода организовывал раздачу пищи неимущим. Выпрашивал он и жалованные грамоты на льготы и привилегии для Новгородского, а позже и других монастырей. Несмотря на все эти богоугодные деяния, новгородцы не любили своего митрополита за его властолюбие и однажды даже избили его. Алексей Михайлович в этом конфликте принял сторону Никона, которого он знал только с благоприятной стороны. Царь вел с Никоном переписку, советовался с ним и в письмах называл его «возлюбленным своим и содружebником», «избранным крепкостоятельным пастырем» и даже «великим солнцем сияющим». С детства лишенный близких людей, Алексей Михайлович искренно и сильно привязался к Никону. В 1652 г., после смерти патриарха Иосифа, Церковный собор по царскому желанию избрал Никона патриархом «всера Руси». Но Никон стал отказываться от патриаршего сана, и тогда Алексей Михайлович в Успенском соборе, перед мощами св. Филиппа, в присутствии бояр и народа поклонился Никону в ноги и со слезами умолял его принять сан патриарха. Тогда только Никон согласился, но поставил условие, чтобы все почитали его как верховнейшего архипастыря, его решению подчинялись беспрекословно и без обсуждений и дали бы ему возможность устроить церковь по его усмотрению, а царь чтобы не вмешивался ни в какие духовные дела. Тем самым Никон оказался первым, кто сделал попытку отделить церковь от государства. Царь, духовенство и бояре поклялись ему в исполнении его требований, не предполагая, что

за этим последует утверждение главенства церкви над царской, государственной властью.

Шесть лет правил Никон как безраздельный владыка Русской церкви и привел Россию к расколу, горькие плоды которого дошли и до наших дней в виде разделения Русской церкви на истинно православную и старообрядческую. Непосредственной причиной раскола явились пересмотр духовных книг и их исправление, в том числе и символа веры, и во время крестного знамения вместо двуперстного сложения пальцев правой руки трехперстное на том основании, что Бог триедин. И это вопреки тому, что на всех иконах Иисус и все святые благословляют верующих двумя перстами.

Весной 1654 г. Церковный собор и царь приняли никоновские церковные нововведения, но большинство верующих не могло их принять. Монахи Соловецкого монастыря прямо заявили, что они подчиняются царю, но установления Никона и Собора принять не могут, потому что не могут отказаться от символа веры и двуперстного крещения, ради которых приняли свой крест страдавший русские святые.

В 1656 г. Церковный собор принял решение об отлучении старообрядцев от церкви. Тогда соловецкие монахи объявили, что они не подчинятся решению Церковного Собора. Это был бунт. На усмирение соловецкого бунта были посланы войска, но за трехметровыми стенами монастыря с хорошими продовольственными запасами и при наличии пушек монахи не были доступны войску. Восемь лет (1668—1676) сопротивлялись монахи Соловецкого монастыря, но под напором значительных военных сил вынуждены были сдаться.

Поведение Никона, требовавшего титулования его «великим государем», как в прошлом именовался Филарет, не только патриарх, но и отец царя, никоновское вмешательство во внутреннюю и внешнюю политику государства привело к конфликту его с царем и оставлению Никоном патриаршества. В 1666 г. Церковный собор, на котором присутствовали византийские патриархи, низложил патриарха Никона, за чем последовал его арест и ссылка в Ферапонтов Белозерский монастырь. Алексей Михайлович переписывался с Никоном, бывшим в заточении, посылал ему сладости и подарки. Никон пережил царя на пять лет. Он был похоронен в построенном им Воскресенском монастыре («Новом Иерусалиме»), на пути к которому он скончался. На этом же Церковном соборе 1666 г. было осуждено старообрядчество и сослан Аввакум Петров, описавший впоследствии гонения и страдания его за старую веру в книге «Житие протопопа Аввакума».

В 1670—1671 гг. на долю царя Алексея Михайловича выпало еще одно тяжкое испытание — восстание под предводительством казачьего атамана Степана Разина. Только при помощи довольно значительного количества войск удалось подавить это восстание, поймать и казнить Разина.

29 мая 1676 г. «Божію милостию царь и великий князь Алексій Михайлович всеа великіа и малыа и белыа Росіи самодержец» скончался.

Если к титулу Михаила Феодоровича было прибавлено «всеа великіа Росіи самодержец», при Алексіи Михайловиче в царский титул впервые были включены наименования частей Росіи — Великоросіа, Малоросіа и Белоросіа: «всеа великіа и малыа и белыа Росіи самодержец». Полный титул царя Алексея Михайловича был таков:

«Великий Государь, Царь и Великий князь, Алексій Михайлович, всеа Великіа и Малыа и Белыа Росіи Самодержец, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский и Великий князь Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий князь Новгорода, Низовской земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский и всеа Северной стороны Повелитель и Государь, Иверской земли, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинской земли, Черкесских и Горских князей, и иных многих Восточных и Западных и Северных владений и земель, Отчич и Дедич и Наследник, Государь и Обладатель».

Ввиду того что старшие сыновья Алексея Михайловича от Марии Ильиничны Милославской — Дмитрий и Алексей — умерли (первый в 1649 г., когда ему было около одного года от роду, а второй 16-летним юношей в 1670 г.), на трон взошел третий его сын Феодор Алексиевич, объявленный наследником 1 сентября 1674 г., еще при жизни Алексея Михайловича.

18 июня 1676 г. в Успенском соборе Кремля 16-летний Феодор Алексиевич был венчан на царство по традиционному чину с возложением барм и шапки Мономаха, с вручением скипетра и державы как символов царской власти и массивного нагрудного креста на шею как символа охранителя православной веры.

Феодор Алексиевич, несмотря на свои юные годы, был человеком широкообразованным. Первым учителем и наставником царевича Феодора был подъячий Посольского приказа Памфил Белянинов, который обучил его грамоте, чтению и письму. А затем Феодор Алексиевич, как уже говорилось выше, стал учени-

ком и воспитанником Симеона Полоцкого (Симеона Петровского Ситиановича), энциклопедиста, писателя, драматурга, ритор, явившегося в то же время как бы образцом для будущего домашнего учителя XVIII—XIX вв., который должен полностью передать свои знания ученику. Молодой царь знал латынь, хорошо говорил и писал по-польски, был знаком с основами истории и географии Европы и России, изучил философию, астрономию и риторику, имел навыки стихосложения той поры и помогал своему учителю в создании трагедий для царского театра. Естественно, он желал своему отечеству развития просвещения, наук и государственного справедливого порядка. Его единомышленниками были его родная сестра царица Софья и боярин князь Василий Васильевич Голицын, которые часто навещали его в личных его покоях, так как царевич Феодор с трудом передвигался и редко покидал дворцовые палаты. Он был сыном Марии Ильиничны Милославской, у которой почему-то почти все сыновья рождались больными и рано умирали. Феодор Алексеевич был болен неизлечимыми болезнями, а младший его брат Иван признавался не только больным, но и слабоумным.

Приняв царство, Феодор Алексеевич должен был сразу приступить к решению трех очень трудных задач внешней политики, унаследованных им от отца: окончание дела с украинским гетманом Дорошенко; урегулирование отношений с Польшей, заявившей притязание на буквальное исполнение Андрусовских перемирных статей; ведение войны с Турцией за Крым и Правобережную Украину.

Первый, малороссийский вопрос относительно гетмана Правобережной Украины (со столицей Чигирин) П.Д. Дорошенко, не желавшего приносить присягу русскому царю, а склонявшемуся больше к Турции и Крымскому ханству и имевшему большие надежды на захват им Левобережной Украины, окончился благополучно, но потребовал для решения этого вопроса двух Чигиринских походов.

Польский вопрос решился 3 августа 1678 г., когда был заключен с Польшей договор о продлении Андрусовского перемирия на 13 лет. Россия вынуждена была передать Польше города Невель, Себеж и Вележ, но зато приобрела Киев.

В 1676 г., в год венчания Феодора Алексеевича на царство, началась война России с Турцией за Крым и Правобережную Украину. Она продолжалась почти пять лет и окончилась заключением в Бахчисарае перемирного договора между Турцией, Россией и Крымским ханством сроком на 20 лет. По Бахчисарайскому договору Россия уступала Турции разоренное и опустошенное

Заднепровье, но получала признание ее воссоединения с Левобережной Украиной и Киевом. Запорожские казаки признаны были подданными русского царя.

Шестилетнее царствование Феодора Алексиевича (1676—1682) проходило в обстановке тяжелой вражды Милославских с Натальей Кирилловной Нарышкиной, второй женой Алексея Михайловича, и ее родственниками. Слабый здоровьем, добрый и доверчивый, Феодор Алексиевич не мог самостоятельно править государством и постоянно находился под чьим-то влиянием. Сначала это были его родственники Милославские, среди которых ведущую роль играла царевна Софья, постоянно находившаяся рядом с ним и вникавшая во все государственные дела. Потом его любимцами стали постельничий Иван Максимович Языков и комнатный стольник Алексей Тимофеевич Лихачев. С ними он советовался и в государственных, и в личных делах.

Когда в 1676 г. Феодор Алексиевич стал царем и у власти оказались Милославские, они прежде всего сослали в Пустозерск (на Белом море) воспитателя царицы Натальи Кирилловны и бывшего ближайшего друга царя Алексея Михайловича — боярина А.С. Матвеева. А патриарха Никона, на основании состряпанной Милославскими челобитной келаря из Ферапонтова монастыря, где он пребывал, перевели в Кирилло-Белозерский монастырь с более суровыми условиями содержания. Когда же царь Феодор под влиянием своей жены Агафьи Семеновны Грушецкой смилостивился над ним и освободил его, Никон уже был настолько больным и старым, что не перенес поездки и умер в дороге.

Полностью расправились Милославские и с Артамоном Сергеевичем Матвеевым: распущенные ими слухи возбудили стрелецкий бунт в Москве, во время которого только что вернувшийся в Москву из ссылки Матвеев был сброшен разъяренными стрельцами с высокого кремлевского крыльца на стрелецкие пики, а затем изрублен.

Помимо внешней политики, Феодор Алексиевич вместе с Думой, Церковным собором и ближайшими советниками занимался и внутренними делами государства, что принесло определенные плоды, а именно:

— вместе с царевной Софьей и боярином В.В. Голицыным в 1681 г. был разработан проект Славяно-греко-латинской академии;

— в связи с запутанностью в делах по владению боярами и дворянами вотчинами и поместьями, что вызывало множество зло-

употреблений и на их почве конфликтов, был принят ряд мер для их устранения, в том числе предпринято межевание вотчинных и помещичьих земель;

— были запрещены откупа на продажу вина и на таможенные сборы;

— упразднены должности губных старост и целовальников ввиду их злоупотреблений, в некоторых местах даже были сожжены губные избы;

— все уголовные дела были переданы в ведение Разбойного приказа;

— окончательно был упразднен Холопий приказ;

— в связи с тем что во время войн с Турцией и Польшей стало еще более очевидно отставание российских войск и в организации полков, и в вооружении, 12 января 1682 г. был созван Собор «для устроения и управления ратного дела», на котором боярин князь В.В. Голицын с воеводами, выполняя поручение царя и обсуждая положение дел в армии, доложили царю и Собору, что укоренившаяся местническая практика назначения полковых командиров и воевод не по их опыту, подготовленности, знаниям и уму, а по месту их родовитости далее существовать не может, а потому необходимо уничтожить местничество, то есть порядок распределения служебных мест в зависимости от родовитости предков. В тот же день царь Феодор назначил чрезвычайное «сидение» с боярами в присутствии патриарха, архиереев и выборных игуменов монастырей. Феодор Алексиевич поставил вопрос о местничестве и привел ряд примеров этого порочного обычая, губительного для любого серьезного государственного дела. Неожиданно горячо его поддержал патриарх Иоаким. Напомнив собранию о попытках уничтожить местничество царями Михаилом и Алексием и о своих собственных стараниях уничтожить это зло, царь Феодор приказал принести разрядные книги, узаконивающие местничество, и сказал: «Для совершенного искоренения и вечного забвения все эти просьбы о случаях и записки о местах изволяет предать огню, чтоб злоба эта совершенно погибла и вперед не поминалась и соблазна бы и претыкания никто никакого не имел. У кого есть разрядные книги и записки, тот пусть присылает их в разряд, мы все их повелим предать огню». И приказал немедленно развести огонь в передних дворцовых сенях и бросить в него местнические разрядные книги и записки. Присутствовавшие на «сидении» бояре подписали акт об уничтожении местничества.

Конечно, в ту пору это показательное сожжение разрядных книг было необходимо, но в наши дни понятно, что тогда сгорели

бесценные исторические документы, и этот акт сожжения оказался для исторической науки невосполнимой утратой.

В том же 1682 г. был созван Церковный собор, на котором были образованы новые епархии и определен ряд мер по искоренению безнравственности среди духовенства. Особое внимание было уделено борьбе с расколом, решено было призвать светские власти к решительному противодействию раскольническому движению. Решения Церковного собора были приведены светскими властями в действие. 1 апреля 1682 г. в Пустозерске, в низовье реки Печоры, были сожжены на костре: глава раскольнического (старообрядческого) движения Аввакум Петров, страстный борец за старую веру, и его сподвижники — «за великие на царский дом хулы».

Царь Феодор Алексиевич был дважды женат. Его первая жена с 18 июля 1679 г. — Агафья Семеновна Грушецкая — пребывала в браке всего два года и умерла от родовой горячки, родив сына Илью, который тоже умер, прожив на свете всего 10 дней. Вторая жена — Марфа Матвеевна Апраксина — носила титул царицы с 15 февраля по 27 апреля 1682 г., дня упокоения царя Феодора Алексиевича, то есть немногим более двух месяцев.

Феодор Алексиевич умер бездетным, оставив претендентами на титул царя двух своих братьев: единокровного Иоанна Алексиевича Романова (от Марии Ильиничны Милославской) и брата по отцу — Петра Алексиевича Романова (от Натальи Кирилловны Нарышкиной). Иоанну было тогда неполных 17 лет, а Петру неполных 10 лет. И хотя Иоанн был вполне в возрасте, но все знали, что он слаб и умом, и здоровьем, а потому обоих царевичей называли малолетними. Сначала здравый смысл заставил избрать первым царем Петра, но происки более сильных Милославских, а особенно привлечение ими к решению вопроса стрельцов, с их подачи поднявших бунт в мае 1682 г., вынудили бояр наречь старшим (первым) Иоанна, а младшим (вторым) Петра. На этот боярский приговор стрелецкий бунт повлиял потому, что стрельцы захватили Кремль и убили в основном тех бояр, кто держал сторону Петра: троих Нарышкиных — Афанасия Фомича, Ивана Фомича и родного брата царицы — Ивана Кирилловича; князей Михаила и Юрия Долгоруковых; Артамона Сергеевича Матвеева; Ивана Максимовича Языкова, любимца и советника царя Феодора Алексиевича; князя Григория Ромодановского, известного своими ратными победами в предыдущих царствованиях, и других.

Прямым образом стрелецкий бунт оказал влияние и на другое важное событие: он дал возможность Милославским 29 мая 1682 г.

объявить царевну Софью правительницей (регентшей) при малолетних государях Иоанне и Петре.

25 июня 1682 г. в Успенском соборе состоялось венчание на царство сразу двух царей — Иоанна V и Петра I, занявших один трон.

Став регентшей, царевна Софья Алексиевна, родная сестра Иоанна V и сестра по отцу Петра I, фактически правила страной семь лет — с 29 мая 1682 г. до 7 сентября 1689 г.

В первых числах сентября 1689 г. 17-летний Петр I неожиданно ночью получил от двух стрельцов сообщение (впоследствии оказавшееся недостоверным), что Софья приказала его убить. Петр в страхе бежал в Троице-Сергиев монастырь, куда стеклись и те, кто держал его сторону. Сторонники Петра показали свою военную мощь, и 7 сентября 1689 г. царевна Софья была заточена в Новодевичий монастырь, а 21 октября пострижена в монахини под именем инокини Сусанны. Одновременно были устранены ее сподвижники: казнен глава Стрелецкого приказа Федор Леонтьевич Шакловитый и сослан на север боярин князь Василий Васильевич Голицын. В 1691 г. был казнен также писатель и деятель просвещения Сильвестр Медведев. 17 сентября 1699 г. инокиня Сусанна приняла схиму (высшую монашескую степень, требующую особого аскетизма) под прежним своим именем Софьи. Умерла царевна Софья в монастыре 3 июля 1704 г.

Летом и осенью 1695 г. «младший» царь Петр I предпринял первый Азовский поход против турок и крымских татар в надежде завоевать выход к Черному морю. Надо было доказать также всем: то, что при Софье не удалось сделать в двух походах ее фавориту, главному воеводе князю Голицыну, он, 23-летний Петр, выполнит с первого раза. Он не пойдет по безводной пустыне, теряя ратников и лошадей по дороге, а спустится к Азову по рекам на легких стругах с движущейся рядом пешей ратью. Но крепостные укрепления Азова оказались «не по зубам» военной экспедиции, организованной наспех, с молодым задором, не предусмотревшей больших судов для осады Азова с моря.

Поняв, что без флота завоевывать выход к морю по крайней мере странно, Петр зимой 1695/96 гг. начал в Воронеже строительство больших кораблей. И летом 1696 г. он предпринял второй Азовский поход. Теперь Азов был осажден и с суши, и с моря. 18 июля 1696 года русские войска под командованием Ф.А. Головина, Ф.И. Лефорта, Ф.Я. Гордона и скромного бомбардира Петра Михайлова (Петра I) взяли считавшуюся неприступ-

ной турецкую крепость Азов. Победа была отпразднована в Москве со всей торжественностью: при великом стечении народа, под артиллерийские салюты и взрывы фейерверка, войска во главе со своими командирами, в том числе и с бомбардиром Петром Михайловым, прошли через специально построенные триумфальные ворота.

Пока «младший» царь Петр был занят строительством флота в Воронеже, 29-летний «старший» царь Иоанн V Алексеевич тихо и незаметно 29 января 1696 г. ушел из жизни.

После смерти царя Иоанна Алексеевича Петр почувствовал себя полновластным хозяином Российского царства. Теперь титул царя принадлежал только ему одному, и в краткой, и в средней, и в полной форме с перечислением «Великия, и Малыя, и Бела Руси» и всех входящих в состав России царств и княжеств.

Царь Петр I уже смолodu был фигурой неординарной: умный, пылкий, нетерпеливый, нервный, необыкновенно работоспособный, решительный и упорный в достижении поставленных целей, он обладал невероятной энергией и сильнейшей энергетикой, заражавшей людей, сотрудничавших с ним. Петр, выделявшийся среди монархов тем, что он и воевал, и трудился бок о бок наравне с простыми мужиками, за что и приобрел наименование «царь-плотник», «царь-работник», всю свою жизнь подчинил одной идее — поднять Российское государство и его население до европейского уровня. Он выдвигал на командные посты людей незнатных и даже вообще худородных, но умных, знающих и работоспособных, и требовал от них в буквальном смысле подвигов. За ратные победы, за отличное исполнение государственных заданий царь Петр награждал своих подданных со всей страстью широкой натуры. Не довольствуясь традиционными наградами — землями и деньгами, он учредил первый на русской земле орден св. апостола Андрея Первозванного и составил проект учреждения ордена св. Александра Невского, он приказывал отливать медали в честь побед, одержанных в Северной войне и награждал ими только за подлинные подвиги и заслуги, даже если речь шла о нем самом. О его скромности в отношении заслуг и наград в народе ходили легенды. И действительно, например, орден св. Андрея Первозванного он получил только шестым, притом за настоящий подвиг — взятие двух шведских судов в устье Невы. Рассказывают, что чин контр-адмирала, на которое царь претендовал, Сенат присвоил не ему, а тому, кто, с точки зрения его членов, был более достоин, и Петр радовался, что сенаторы рассудили по правде, а не по лести перед царем.

Но в то же время царь Петр I был очень жесток и страшен в своем гневе. Он был способен своими руками рубить головы взбунтовавшихся стрельцов, он беспощадно отправлял на плаху, на виселицы, сажал на кол тех, кто нарушал российские законы: будь то казнокрады, взяточники, несправедливые судьи, фальшивомонетчики, бунтовщики, предатели или люди нерасторопные в делах, а то и просто случайно оказавшиеся вместе с виновными. В назидание другим он не разрешал по несколько месяцев снимать с виселиц повешенных, с кольев — отрубленные головы. Последний русский государь с титулом царя по жестокости недалеко ушел от первого русского царя Иоанна IV Грозного. Как и Иоанн Грозный, он убил своего сына, расправился со своей женой Евдокией Лопухиной и так же, как и он, не оставил достойного наследника, поставив Россию перед тяжелым выбором нового главы государства.

Желая добиться, казалось бы, благородной цели — поднять Россию до уровня европейских стран, провести реформирование всех сторон ее жизнедеятельности, царь Петр I в силу своей неуправляемой энергии и нетерпеливости проводил свои нововведения варварскими способами, не считаясь ни с русскими традициями, ни с людьми, и в грош не ставя человеческую личность, да и вообще человеческую жизнь. Он все делал чрезмерно, с особой яростью: и радовался, и гневался, и казнил, и награждал, и работал, и предавался кутежам.

Таков был Петр, получивший после смерти Иоанна Алексеевича все права единодержавного русского царя и к этому времени уже отвоевавший у осман считавшуюся неприступной крепость Азов.

Надо было закреплять азовскую победу. В 1697 г. Петр заключил с Австрией и Венецией наступательный союз против Османской империи сроком на три года. Но союз этот не был ни сильным, ни надежным, а потому решено было укрепить его вовлечением в него других европейских стран. С этой целью в том же году было предпринято в Западную Европу Великое посольство, во главе которого были Ф.Я. Лефорт, Ф.А. Головин, П.В. Возницын и другие. В составе посольства был и царь, но инкогнито, под именем Петра Михайлова. Находились при посольстве и волонтеры, молодые дворяне, отправленные для обучения военному делу и кораблестроению. Управление страной на полтора года было доверено дяде царя Л.К. Нарышкину, князю Ф.Ю. Ромодановскому, князю Б.А. Голицыну и князю П.И. Прозоровскому. Царица Наталья Кирилловна, которой некоторые историки приписывают общее руководство этим правительством, не могла

его осуществлять в 1697 г.: она скончалась за три года до того — 25 января 1694 г.

Дипломатических целей Великое посольство не достигло, так как союзники Австрия и Венеция намеревались заключить с Османской империей сепаратный мир, а Англия и Голландия не были заинтересованы в войне, потому что вели с Турцией обширную торговлю. Чтобы сохранить заключенный с Австрией и Венецией союз, Петр летом 1698 г. прибыл в Вену, предполагая затем посетить и Венецию, но получил известие из России о стрелецком бунте, а потому поспешил домой.

Реальными результатами посольства было овладение Петром I и некоторыми его волонтерами знаниями по кораблестроению, полученными сначала в Голландии, а затем в Англии. И, кроме того, знакомство с польским королем Августом, с которым Петр заключил союз против Швеции, после чего устремился к завоеванию выхода не к Черному, а к Балтийскому морю.

Вернувшись в Москву, Петр начал розыск по стрелецкому бунту, подозревая здесь руку Софьи, хотя она находилась в заточении в Новодевичьем монастыре. Несмотря на то что следствие по стрелецкому бунту было уже закончено и виновные наказаны, Петр заставил вернуть из ссылки участников бунта и устроил новые казни на Красной площади. Илья Репин наглядно показал нам это событие в полотне «Утро стрелецкой казни»: Петр на коне с лицом жестокого тирана всем своим видом показывает невозможность снисхождения и прощения, а стрельцы, не прося о милости, прощаются с женами и невестами и со свечами в руках покорно, а иные и гордо, с вызовом, идут на казнь.

За реформирование, по сути, всего уклада жизни России царь Петр, как только оказался единоличным правителем, принялся сразу по всем направлениям и внешней, и внутренней политики, и даже быта.

Обычно считается, что все в России началось с Петра: и строительство морского флота, и завоевание выхода к морю, и реформирование армии, и административное деление государства, и преобразования в городском управлении, и самоуправление, и стрижка бород, и замена одежды на европейское платье, и командирование молодых дворян за границу на обучение, и многие другие новшества. И потому в истории укоренилось деление на времена допетровские, петровские и послепетровские. Особенно наглядно это представлено в советских толковых словарях русского языка.

На самом деле царь Петр I был не столько преобразователем и основателем, сколько талантливым и энергичным продолжате-

лем дел, начатых царями до него, особенно царями Романовыми, его дедом, отцом и братом.

Так, выход к южным морям через завоевание Азова не раз пытались осуществить и до Петра, и даже Азов был взят запорожскими казаками, но был возвращен Турции, потому что не позволила политическая ситуация. Да и сам Петр, взяв Азов, отдал его обратно: тоже вынудила политическая обстановка. Завоевать выход к Балтийскому морю намеревались и Иоанн Грозный, и царь Алексей Михайлович, но и тот, и другой отложили этот вопрос тоже из-за неблагоприятно сложившейся ситуации и за недостаточностью военных сил.

Строительство флота на Руси началось, конечно, не с ботика, найденного юным Петром в сарае Измайловской царской вотчины, и не с ботика, построенного им на Плещеевом озере. Вспомним, на чем же приплыл князь Олег к Цареграду, чтобы прибить щит на его воротах? И на чем плавал Стенька Разин со своею ватагою? Конечно, можно сказать, что это были утлые суденышки, вроде разинских стругов, но на них и Олег, и Степан ходили по морю, один — к византийским, другой — к персидским и турецким берегам. А военный флот начал строить в Дединове еще Алексей Михайлович, но не смог этого сделать по причине своей кончины.

Реформирование армии по европейскому образцу тоже начал Алексей Михайлович, а продолжил Федор Алексеевич. По указанию Алексея Михайловича был создан в качестве эксперимента рейтарский конный полк по европейскому образцу, который, правда, был разбит неприятелем, во-первых, из-за офицеров-иностранцев, имевших плохой языковой контакт с подчиненными, а во-вторых, из-за измены воеводы Шеина с сотоварищами, впоследствии казненных. Но идею реформирования армии по европейскому образцу продолжал воплощать царь Федор Алексеевич.

Царь Петр не был первым, кто начал посылать русских дворян за границу на обучение. Первым это стал делать в 1551 г. Иоанн Грозный, пославший молодых людей за границу учиться греческому языку, а затем царь Борис Годунов. Правда, посланные ими русские дворяне, выучившись, домой не вернулись, но попытка создать ценные кадры была. Посылал дворян на учебу за границу и царь Федор Алексеевич, и притом без скандалов и жестоких наказаний, которые практиковались у царя Петра.

Преобразования в городском управлении начались тоже до Петра. В царствование Федора Алексеевича были упразднены губные избы и даже кое-где сожжены как наносившие вред насе-

лению. Городское самоуправление было установлено задолго до Петра посадским населением.

Что касается бород и кафтанов, то Н.И. Пыляев в книге «Старое жительство» говорит, что еще во времена татарского ига на Руси появился обычай брить бороды, и великий князь Василий III Иоаннович последовал этому обычаю. Но в царствование его сына, Иоанна IV Васильевича, духовенство воспротивилось бритью бород, считая, что это отступление от дедовских православных установлений, и потому на Церковном соборе, получившем наименование «Стоглав», оно вынесло решение о неблагословении тех, кто не сохранял бороды и брился. Царь Борис Годунов, старавшийся ввести в русский быт многие немецкие обычаи, приказывал боярам брить бороды, но церковь не поддержала его распоряжения и потому оно не выполнялось, хотя сам Годунов носил только усы, а бороду брил. В Смутное время, когда в Кремле сидел польский ставленник Лжедмитрий I, а затем когда «Семибоярщина» присягнула польскому королевичу Владиславу, многие русские люди, близкие ко двору, переняли польскую моду и ходили с бритыми лицами и в польской одежде. Царь Феодор Алексеевич под влиянием своей первой супруги, царицы Агафьи Семеновны из польского рода Грушецких, велел стричь волосы, брить бороды и носить не старинные охабни, а польские кунтуши. Да и сам Феодор Алексеевич по молодости своей не носил такой окладистой бороды, как его дед и отец. И передовые люди середины XVII в. уже стригли бороды и носили иностранную одежду, такие, как, например, боярин князь В.В. Голицын, европейски образованный человек, который имел подстриженную бородку а la Людовик XIV и носил польский кунтуш, свидетельством чему служит его портрет; и боярин Борис Петрович Шереметев, который, вернувшись из посольской поездки в Европу, посчитал уместным еще до петровского указа о бритии бороды и ношении иностранной одежды явиться к Петру для доклада без бороды и во французском платье.

Словом, движение русских людей от бород и терликов к бритым лицам и европейским кафтанам началось задолго до царствования Петра I. Это движение тормозилось духовенством, не одобрявшим и не благословлявшим его, но оно уже давно началось.

В отличие от предыдущих царей, Петр вводил все «новшества» и преобразования с такой неумолимой силой и с таким напором, что создавалось впечатление, что все это начал именно он и никто другой.

В 1699 г. Петр издал указ, по которому всем, кроме крестьян, монахов, священников и дьяконов, надлежит брить бороды. Ис-

полнение указа вызвало сопротивление, а потому в 1705 г. последовал другой указ, которым предписывалось платить за бороду пошлину: царедворцам и чиновникам — 60 рублей, купцам 1-й гильдий — 100 рублей, купцам 2-й и 3-й гильдий, торговым и посадским людям первой статьи — 60 рублей, боярским людям средней и меньшей статьи, ямщикам, извозчикам, церковнослужителям (исключая священников и дьяконов) и всем прочим, кроме крестьян-хлебопашцев, живущих в деревне, — по 30 рублей в год. Оплатившим бородовую пошлину выдавался специальный медный знак, который через год отбирался. М.И. Пыляев отмечает, что «с этого времени у нас стали употреблять прическу волос, пудру, помаду, носить парики, и в это же время вошли в моду шляпы и картузы».

В 1699 г. вышел также указ, которым велено было всем, кроме священников, дьяконов, монахов и крестьян, носить платье европейского фасона. Сначала было повеление носить платье венгерского фасона, но потом Петр отменил его и приказал мужчинам носить верхнее платье саксонское и французское, а камзол и нижнее белье — немецкое, а женщинам — немецкое платье. За ослушание на городских заставах взимался штраф: с пеших по 40 копеек, а с конных — по 2 рубля с человека. Кроме того, было повеление в лавках русского платья не продавать, а портным такое платье не шить, в противном случае виновных ждало строгое наказание. «С этого также времени, — пишет М.И. Пыляев, — вошли в моду галстуки и манжеты, а между женщинами — кофты и юбки».

Издавая специальные указы, предписывавшие внешние формы поведения, царь делал все, чтобы правила принятого им этикета, опубликованные в книге «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов», соблюдались строго. Тем более что в эти годы царь старался сделать все, чтобы дворянство — и мужчины, и женщины, и юные девы — не сидели по домам, а принимали участие во всех празднествах в честь побед над шведами и посещали бы введенные им ассамблеи — вольные всесословные собрания для лиц обоего пола. Указ царя об ассамблеях впервые был опубликован петербургским обер-полицмейстером Девнером 29 ноября 1718 г. В указе говорилось:

— Желающий иметь у себя ассамблею должен известить о том каждого прибитым к дому билетом.

— Ассамблеи начинать не ранее четырех или пяти часов пополудни, а оканчивать не позже десяти.

— Хозяин не обязан ни встречать, ни провожать гостей или почему-либо для них беспокоиться; но должен иметь на чем их посадить, чем потчевать и чем осветить комнаты.

— Каждый может приходить в ассамблею, в котором часу ему угодно, сидеть, ходить, танцевать или играть.

— В ассамблеи могут приходить чиновные особы, все дворяне, известнейшие купцы, корабельные мастера и канцелярские служители с женами и детьми.

— Слугам отвести в доме особые комнаты, чтобы в покоях ассамблеи было просторнее.

— Преступивший сии правила подвергается наказанию осушить кубок *большого орла*.

Ассамблея была собранием не только лиц обоего пола, что уже было большим новшеством и многих бояр просто шокировало, но собранием людей без различия принадлежности их к сословиям: и бояр, и дворян, и купцов, и корабельных мастеров низшего сословия. А это вообще до того было неслыханно!

Подытоживая вышесказанное, можно сделать вывод, что царь Петр не все преобразования начал с чистого листа, а явился прежде всего продолжателем дел, начатых в основном царями Романовыми. А вот в табакокурении он не только не подтвердил их законы, запрещавшие категорически, вплоть до смертной казни, продавать табак и курить его, а, наоборот, и сам курил, и других поощрял, и выписывал табак из-за границы, чем нанес большой вред русскому народу.

Все нововведения Петра приписываются ему одному, без учета его окружения, а между тем ближайшими его соратниками были люди умные, талантливые и в большинстве своем образованные, преданные не столько царю, сколько России, те, кого впоследствии Пушкин называл «птенцы гнезда Петрова». Известно, что в формировании мировоззрения Петра большую роль сыграл Франц Лефорт, а ближайшими советниками, друзьями и соратниками царя были также Ф.А. Головин, Ф.Я. Гордон, А.А. Вейде, Б.П. Шереметев, А.Д. Меншиков, Ф.М. Апраксин, Я.В. Брюс, князья А.И. Репнин, М.М. Голицын, И.Ю. Трубецкой и другие, так или иначе влиявшие на взгляды царя, творчески, «не жалея живота своего», исполнявшие его волю. И надо сказать, царь Петр на первых порах с уважением относился к своим единомышленникам и не давил на них своим царским величеством.

Почти все свои реформы и преобразования Петр провел в течение 25 лет (с 1696 по 1721 г.), имея официальный титул царя. Только в 1721 г. он был провозглашен императором, но импера-

торский титул носил всего около четырех лет, до своей кончины в 1725 году.

25-летняя деятельность царя Петра была направлена прежде всего на завоевание выхода к Балтийскому морю и строительство военного морского флота. Эта задача была выполнена, но на осуществление ее потребовалось более 20 лет изнурительной Северной войны.

Отказавшись от завоевания Черного моря, Петр 3 июля 1700 г. заключил с Турцией 30-летнее перемирие и уже 19 августа того же года объявил Швеции войну, напрасно надеясь на помощь своих союзников. Неудача не только не сломила, но даже укрепила упорство Петра и, как это было после первого похода на Азов, заставила его более тщательно подготовиться к новому натиску на врага. И тогда медленно, но верно русские войска стали одерживать над шведами одну победу за другой. 29 декабря 1701 г., будучи еще воеводой, Б.П. Шереметев выиграл сражение со шведами у дер. Эрестфер близ Дерпта. 25 августа 1702 г. был взят Мариенбург, а через два месяца, 10 октября, — Нотебург (Орешек, впоследствии Шлиссельбург — Ключ-Город). Май 1703 г. ознаменовался победой над крепостью Ниеншанц. 7 мая сам Петр совершил подвиг в устье Невы, захватив шведский бот «Гедан» и шняву «Астрильд». Через девять дней был основан город-порт Санкт-Петербург, первыми названиями которого были Санкт-Питер-Бурх, Питер-пол, Петрополь. Одновременно шло строительство военных кораблей, и в августе 1703 г. на воду был спущен первый корабль Балтийского флота — «Штандарт». Чтобы обезопасить новый город-порт, в устье Невы была построена крепость Кроншлот (Коронный замок), к 1723 г. ставшая городом, получившим имя Кронштадт (Коронный город).

Северная война продолжалась. В 1704 г., 13 июля, был взят Дерпт, 7 августа — Нарва, но 16 августа того же года русские войска были вынуждены сдать шведам Ивангород. Карл XII перенес войну на сушу, и 28 сентября 1708 г. русские войска сошлись у деревни Лесная. Битва окончилась победой русских войск. Но шведский король упорно продолжал двигаться в глубь России, и был встречен под Полтавой 27 июня 1709 г. Полтавская битва принесла России большую мировую славу: шведские войска были полностью разгромлены, и Карлу пришлось бежать. Петр со всей пышностью и страстностью своей натуры праздновал победу, сначала пировал прямо в шатрах на поле полтавского боя, пригласив за праздничный стол своих бывших противников — шведских генералов, а затем и в Москве, и в Санкт-Петербурге с фейерверками, салютами и награждением отличившихся в бит-

ве специально отлитыми в честь победы золотыми и серебряными медалями. А дальше, в 1710 г., шли победы одна за другой: были завоеваны Рига (4 июня), Ревель (29 сентября), Выборг (6 июня), Кексгольм (7 сентября). Таким образом, Прибалтика была присоединена к России: выход к Балтийскому морю был осуществлен.

Карл XII бежал под защиту турецкого султана, и его пребывание в Турции незамедлительно сказалось на русско-турецких отношениях: 20 ноября 1710 г. Турция объявила войну России с требованием вернуть Азов и уничтожить русский азовский флот, а значит, перекрыть торговые морские пути в Европу и на Ближний Восток. Петр не мог с этим согласиться и весной — летом 1711 г. двинулся в Прутский поход, захватив с собой и любимую жену Екатерину. Но поход оказался весьма неудачным: русская армия была окружена турками, Петру грозил позорный плен. Помочь мог только подкуп алчного турецкого визиря. Екатерина с самоотверженностью любящей женщины отдала все свои бриллианты и другие драгоценности, и турки выпустили из окружения русского царя и его армию. 12 июля 1711 г. был подписан мирный русско-турецкий договор, по которому крепость Азов возвращалась Турции и выход к Черному морю для русских закрывался.

А между тем Северная война со Швецией продолжалась, и русские, правда, с большими задержками и трудностями в снабжении войска все же шли вперед, одерживая победы. В 1713 г. была взята крепость Гельсингфорс (Хельсинки), а затем город Або (Турку), отделенный от Швеции всего лишь небольшим проливом. Крупнейшей победой русского флота над шведским была морская битва при мысе Гангут. Она показала, что Россия может победить морскую державу, что русский флот окреп и утвердил свои позиции на Балтийском море, а Россия вошла в ряды прибалтийских европейских стран. В честь этой столь значимой победы, уже традиционно торжественно отмечаемой, были отлиты золотые медали для генералов, серебряные для офицерского состава победителей и медные для солдат. На одной стороне медали в честь победы при Гангуте был портрет царя Петра, а на другой — морской бой.

Петр не забыл самоотверженного поступка Екатерины, спасшего его от плена в Прутском походе, и 24 ноября 1714 г. в память об этом событии учредил орден Свобождения (Освобождения), наградив им единственного человека — свою жену Екатерину. Впоследствии орден Освобождения стал называться орденом св. Екатерины.

Северная война длиною в 21 год сильно подорвала экономику России; русские люди изнывали под бременем налогов; не хватало средств на широкое строительство, развернутое Петром, нетерпеливо желавшим сделать и получить все сразу. Петр желал закончить войну со Швецией. С этой целью он принял участие в Аландском конгрессе (май 1718 г. — октябрь 1719 г.). Однако заключить мирный договор не удалось: 30 октября 1718 г. при осаде норвежской крепости Фредрикстен погиб Карл XII, и это явилось одной из причин продолжения войны. И тогда Петр активизировал наступление на шведов. В июле 1719 г. русские войска высадили казачий десант на шведском берегу. Развернув военные действия, казаки подошли к окраине шведской столицы Стокгольму. Одновременно русский флот одержал победу над шведами у острова Эзель (Сааремаа). В июле 1720 г. русским флотом была одержана еще одна победа над шведами — у острова Гренгам. И тогда Швеция, потерпевшая поражения и на суше, и на море, напуганная появлением казачьего десанта под стенами Стокгольма, сама стала искать мира с Россией. 30 июня 1721 г. Северная война окончилась — был заключен Ништадтский мир. Итогом этой войны для России явилось присоединение Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии (Ижорские земли), части Карелии с городом Выборг и части южной Финляндии. А главное и важнейшее — открытое для торговли и судоходства Балтийское море.

В ходе Северной войны Петр провел реформирование армии, начатое еще до него его дедом, отцом и братом, которые пытались преобразовать русскую армию по европейскому образцу, но сумели создать только несколько рейтарских полков. Царю Петру достались в наследство войска дворянского ополчения, стрелецкие полки и рейтары — все не обученные военному делу и с устаревшим оружием. Пехота делилась на пекинеров (с пиками) и мушкетеров (с мушкетами на поставцах). О дворянском ополчении русский публицист XVII—XVIII вв. И.Т. Посошков в 1701 г. в письме генералу Ф.А. Головину отозвался так: «...а если на конницу посмотреть, то не то что иностранцам, но и самим на них смотреть зазорно. ...сабли тупые, клячи худые... ружьем никаким владеть не умелые. Истинно, государь, я видел, что иной дворянин и зарядить пищаль не умеет, а не то что ему стрелять по цели хорошенько». Не удивительно, что такая конница 19 ноября 1700 г. была разгромлена под Нарвой шведской армией короля Карла XII.

Ядро армии Петра составляли бывшие его «потешные» полки — Преображенский и Семеновский, обучавшиеся иноземны-

ми офицерами и проверенные на стойкость в маневрах. Однако и эти полки в первом Азовском походе показали недостаточную подготовку и вооружение в сравнении с европейскими странами, особенно с военными образцами армий Франции, Швеции и Великой Римской империи. Изучив положение в русской, а затем в европейских армиях, Петр начал создавать войско нового типа — русскую регулярную армию и регулярную кавалерию. И строить военный флот. Это было передовое слово в военной науке, так как и французскую, и немецкую армии составляли в основном наемники. Уже 17 ноября 1699 г. Петр издал первый указ о наборе рекрутов. Было предусмотрено обучение рекрутов, прежде чем они пойдут в бой. Франц Лефорт и Патрик Гордон привели в порядок два полка дворянского ополчения, которыми они командовали. Петр хотел иметь универсальную конницу, которая была бы способна действовать одинаково умело и в пешем, и в конном строю. Такой кавалерией стали русские драгуны.

Драгуны (от фр. dragon — дракон), названные так потому, что на их знаменах был изображен дракон, — это средняя кавалерия, созданная в середине XVI столетия французским маршалом де Бриссаком, который дал этому виду кавалерии и название, закрепившееся за ней и распространившееся по всему миру. Европейские драгуны участвовали в сражениях только конными.

В декабре 1700 г., через три месяца после объявления войны Швеции, то есть начала Северной войны, Петр поручил князю Б.А. Голицыну сделать перепись российского дворянства и, опираясь на эти данные, создать дворянскую кавалерию — драгунские полки. В тот год комиссия, называвшаяся «Золотая палата», сформировала девять драгунских полков. Еще четыре драгунских полка были набраны в Новгороде и Пскове. В 1705 г. драгунская конница составляла уже 37 полков. Так как для формирования следующих драгунских полков дворян не хватало, то в драгуны стали зачислять и дворовых людей, и мещан, и даже вольных крестьян. Надо заметить, что в Полтавском сражении (27 июня 1709 г.) участвовало 60 драгунских полков. Русские драгуны отличались от европейских тем, что участвовали в бою как кавалеристы, а затем спешивались и, как пехотинцы, бросались врукопашную.

Поразительно, но Петр в кратчайший срок сумел создать хорошо обученную и хорошо вооруженную регулярную армию, умевшую взаимодействовать с флотом, способную выйти победителем в схватке с образцовыми шведскими полками.

Второй по значимости задачей царя Петра было административное реформирование России, как территориальное, так и уп-

равленческое. Уже 18 декабря 1708 г. Петр издал указ «об учреждении первых 8 губерний (Московской, Ингерманландской с центром в Санкт-Петербурге, Смоленской, Киевской, Азовской, Казанской, Архангелогородской, Сибирской) и росписании к ним городов». 22 февраля 1711 г. последовал указ об учреждении Правительствующего Сената, заменившего Боярскую думу. В 1718—1721 гг. вместо приказов было создано 11 коллегий. Еще раньше, в 1699 г., Петр провел городскую реформу, возродившую прежде существовавшее городское самоуправление.

В январе 1721 г. Петр, преодолев сопротивление духовенства, настоял на учреждении Синода, заменившего патриаршество на Руси. Его основным аргументом явилось то, что коллегиальное решение церковных проблем лучше, чем единоличное патриаршее. И в пример приводился патриарх Никон, из-за личных решений которого произошли церковная смута и раскол.

Продолжая начатое задолго до него, еще в 1582 г. при царе Иоанне Грозном, расширение российской территории на восток, на сибирские земли, а теперь, правда, путем освоения Дальнего Востока и Средней Азии, царь Петр I в 1697 г. одобрил снаряжение экспедиции на Камчатку сибирского казака Владимира Васильевича Атласова (1661 (?)—1711, убит). Результатом этой двухлетней экспедиции было первое описание Камчатки и Курильских островов, сделанное Атласовым. За присоединение Камчатки к России Атласов получил в 1701 г. чин казачьего головы. В 1716 г. была предпринята экспедиция, во главе которой стоял князь Александр Бекович Черкасский, в Хиву и Бухару. Экспедиция окончилась плачевно: князь Черкасский в 1717 г. был убит в Хиве. Но первый шаг к началу присоединения Средней Азии к России был сделан.

Очаровавшись европейским бытом, царь Петр страстно желал привить русским людям европейскую культуру, видеть россиянина в образе европейского гражданина: в немецком кафтане, без бороды или с маленькой подстриженной бородкой типа эспаньолки, умеющего галантно раскланиваться и соблюдать французский этикет. Но так как неимоверная энергия заставляла нетерпеливого монарха все задуманное видеть здесь и сейчас, то и насаждение этого идеального образа, как уже говорилось выше, приобрело варварские черты насилия над человеческой личностью. А между тем в сельских местностях, куда не достигал царский глаз, русские мужики по-прежнему ходили в армяках и азямах, подпоясанных кушаком, в лаптях и шапках-колпаках с меховой оторочкой, потому что указ касался их только тогда, когда они приезжали в крупный город.

Н.И. Костомаров в своем труде «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» заметил, что Петр, не сознавая того, привил русским людям внешнее подражание европейской культуре. К сожалению, эта тенденция наблюдается и по сей день.

А ведь Петр искренне хотел повысить культуру русских людей и ратовал за просвещение, за развитие искусства, науки, за открытие медицинских учреждений.

Для более тесных связей с Европой Петр привел в порядок календарь. 20 декабря 1699 г. (по современному календарю) он издал указ о введении нового календаря, по которому Новый год начинается не с 1 сентября, как это было, а с 1 января, а исчисление лет не от сотворения мира, а с Рождества Христова. Церковный Новый год и новый учебный год оставались 1 сентября, и эта традиция дошла до наших дней. К сожалению, духовенство уговорило Петра ввести Новый год по юлианскому календарю, который на две недели отстает от григорианского, принятого во всех европейских странах, так что и поныне у нас два Рождества (христианских исповеданий и православное) и два Новых года (новый, всемирный, и старый, церковно-православный), что для русских православных людей, исполняющих Рождественский пост, приносит определенные трудности и соблазны.

Развитие экономики и промыслов требовало новых кадров, и Петр начинает заниматься учреждением учебных заведений. Шла война, велась реорганизация армии, и потому первыми стали учреждаться военные учебные заведения.

В 1701 г. была открыта в Москве, в здании Сухаревой башни, школа математических и навигационных наук, так называемая Навигацкая школа; в том же году — Артиллерийская школа, в 1712 г. — Инженерная.

Война во множестве плодила раненых и больных. Полевые госпитали с необученным и в какой-то степени даже невежественным персоналом способны были возвратить в строй не более одного-двух из десяти к ним поступивших. Петр претворил в жизнь указ брата, царя Феодора Алексиевича, от 1682 г. о создании в Москве больницы, «где бы больных лечить и лекарей учить было можно». Брат Феодор не осуществил свой проект: он умер в апреле этого года. А при Петре Алексеевиче в 1707 г., 21 ноября, было освящено и приняло первых пациентов первое государственное лечебное учреждение — Лефортовский госпиталь. При нем было открыто Медицинское училище, готовившее лекарей для своего госпиталя и других больниц и госпиталей. Тогда же в Москве был открыт госпиталь с психиатрическим отделением для контуженных или имевших ранение в голову матросов — «Матросская ти-

шина». В те же годы была создана и городская сеть цифирных школ, где дети изучали арифметику и начала геометрии, а преподавали им выпускники Навигацкой школы. В 1714 г. были открыты цифирные школы в губерниях. Так что к концу царствования Петра I в губерниях насчитывалось 42 цифирные школы, где обучались 2000 человек. Детей духовенства обучали в 46 епархиальных школах; а детей солдатских — в гарнизонных школах. На Урале и в Олонецком крае при металлургических заводах были открыты первые в России горные школы, которые готовили специалистов горнорудного дела.

Естественно, для обучения необходимы были учебные пособия. Фактически существовал только один учебник, изданный в Москве в 1648 г., в царствование Алексея Михайловича, — «Грамматика» Мелетия Смотрицкого. При Петре в 1701 г. был выпущен «Букварь словенскими, греческими, римскими письмены учатися хотящим», написанный Федором Поликарповым, учителем Славяно-греко-латинской академии. В 1703 г. Леонтий Магницкий выпустил учебник «Арифметика, сиречь наука числительная».

В декабре 1702 г. — январе 1703 г. начала издаваться для граждан первая в России печатная газета «Ведомости». (При царе Михаиле Федоровиче с 1621 г. стала выходить рукописная газета «Куранты», но она предназначалась только для государя и особых лиц государева двора.)

С 1708 по 1710 г. была проведена реформа русского алфавита (азбуки): был введен удобный для чтения и письма «гражданский» шрифт, исключены буквы «омега», «пси», «юс малый» и «юс большой», введены новые буквы «Э» и «Я».

В 1719 г. был открыт в Петербурге первый музей в России — Кунсткамера, в которой были собраны всякие диковины: например, ребенок с двух головах и другие редко встречающиеся аномалии.

Петр первым из государей русских стал посылать за границу комиссионеров для приобретения произведений искусства. Существует легенда, что Петр послал за границу одного из дьяков с поручением купить и привезти статую Венеры Милосской. Через довольно длительное время дьяк прислал царю письмо, в котором сообщал, что «тую Венерку» он не нашел, но зато купил другую, гораздо лучше: «с руками, и намного дешевле».

Дикость нравов россиян возмущала Петра, хотя сам он тоже обладал таким же диким, неводержанным нравом. Но особенно его раздражали неопрятность и пренебрежение к этикету, о котором русские люди не имели никакого понятия. «Домострой»,

составленный Сильвестром и изданный в середине XVI в., будучи руководством для воспитания русского христианина, основное внимание уделял духовной чистоте человека и учил вести хозяйство. Это не устраивало царя Петра, и по его указу в 1717 г. было составлено новое руководство для воспитания поколения XVIII в. — «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов». Книга эта была составлена Императорской Академией наук, учрежденной царем Петром по проекту его брата, царя Феодора Алексеевича. В ней тоже давались молодым дворянам советы в благочестии и исполнении закона Божьего, но в основном говорилось о том, как вести себя в обществе, чтобы иметь успех в жизни и, главное, при царском государевом дворе. Молодым людям рекомендовалось, в соответствии с этикетом, говорить между собою на иностранном языке, следить за своей внешностью: мыть руки, обрезать ногти, «да не явится яко бы оные бархатом обшиты», громко не сморкаться, «яко труба трубит», не чихать, собравшись для беседы, «в круг не плевать», «перстом носа не чистить», с пожилыми людьми «вежливу быть». «Ибо вежливу быть на словах, а шляпу держать в руках неубыточно, а похвалы достойно, и лучше, когда про кого говорят: он есть вежливый, смиренный кавалер, — нежели когда скажут: он есть спесивый болван». Девушкам рекомендовалось быть целомудренными, застенчивыми, опрятно и красиво одетыми.

29 ноября 1718 г. петербургский обер-полицмейстер Девиер распространил по городу афишки, в которых было опубликовано распоряжение царя об открытии ассамблей — вольных всесословных (!) собраний, на которых требовалось веселиться, танцевать, играть в шахматы, ухаживать за дамами.

И все же особого веселья на ассамблеях не наблюдалось, так как поведение гостей регламентировалось до мелочей. В указах царя в грубой форме давались различные рекомендации, например: «Замечено, что жены и девицы на Ассамблеях являются, не зная политесу и правил одежды иностранной, яко кикиморы одеты бывают: одев робу и фижмы из атласу белого на грязное исподнее — потеют и гораздо и отменно зело гнусный запах распространяют, приводя гостей иностранных в смятение и бегство. Указую: впредь перед Ассамблеей мыться мылом в бане со тщанием и не токмо за чистотой верхней робы, но и за исподнею также следить усердно, дабы гнусным видом и вонью не позорить жен российских».

Переодевая своих подданных в европейское платье, Петр в то же время не терпел излишних щегольских заграничных одежд,

не соответствовавших установленному им регламенту. Так, 5 апреля 1719 г. он издал указ, в котором говорилось: «Нами замечено, что на Невской перспективе и на Ассамблеях недоросли отцов именитых, в нарушение этикету и регламенту штиля, в гишпанских камзолах и в панталонах с мишурой щеголяют предерзко. Господину полицмейстеру Санкт-Петербурха — указую: впредь оных щеголей с рвением вылавливать и сводить в Литейную часть и бить кнутом изрядно, пока от гишпанских панталон зело похабный вид не окажется. На звание и внешность не взирать, а также и на вопли наказуемого».

При Петре проводилось много праздников, гуляний и морских прогулок, с фейерверками, пушечными салютами, народными угощениями. Ассамблеи, куртаги, балы и маскарады стали устраиваться при русском государевом дворе, начиная с царствования Петра I.

Подводя итог сказанному выше, можно, на наш взгляд, заключить, что Петр I был не столько преобразователем России, сколько продолжателем дел, начатых его предшественниками, особенно царями Романовыми, его дедом, отцом и старшим братом, но продолжателем таким талантливым и энергичным, что все сделанное им по масштабам своим настолько грандиозно, настолько велико, что, казалось бы, не может вписаться ни в какие мыслимые рамки. Простым людям — крестьянам, посадским — были известны не значительные преобразования царя Петра в строительстве, промышленности, культуре, а его штрафы и насильные действия относительно бород, одежды, общего уклада жизни. А тем из них, кто был привлечен к строительству кораблей, верфей, военных сооружений, госпиталя, больницы для матросов и других строящихся объектов, где, находясь в тяжелейших условиях, люди гибли сотнями и тысячами, — все эти преобразования казались происками антихриста. И все же время Петра стало тем рубежом, перейдя который Россия стала иной, не европейской, конечно, но более близкой к европейскому уровню державой.

22 октября 1721 г. группа сенаторов во главе с А.Д. Меншиковым подала царю Петру прошение о принятии им нового титула «Отца Отечества, Императора Всероссийского Петра Великого». И титул этот был принят и утвержден Сенатом. С этого времени Петр Великий стал императором. Но титул **царь** народом отменен не был. Все по-прежнему и в разговоре, и даже в печатных изданиях продолжали называть императора царем. И это наименование русских императоров царями стало исторической традицией вплоть до наших дней.

Молятся царь и кладет земные поклоны. Смотрят на него звезды в окно косячатое, смотрят светлые, притуманившись, — притуманившись, будто думая: «Ах ты гой еси, царь Иван Васильевич! Ты затеял дело не в добрый час, ты затеял, нас не спрашаючи: не расти двум колосьям в уровень, не сравнять крутых гор со пригорками, не бывать на земле безбоярщине!

А.К. Толстой. «Князь Серебряный»

Молодой казак глядел на них, затаясь за кустом орешника. Вдруг рядом затрещали ветви и прямо в лицо ему фыркнула лошадь...

— Что ж ты, пес, не кланяешься его величеству государю царю Алексею Михайловичу? Кто ты есть, что, как волк, из кустов выглядаешь?! — крикнул над Стенькою молодой дворянин, который наехал на куст вместе с двумя слугами».

С.П. Злобин. «Степан Разин»

— Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего, благочестивейшего государя императора Александра Первого всея России! — слышалось надгробное пение, и никто не удивлялся, что царя называют рабом.

Д.С. Мережковский. «Александр I»

Гирс задрожал.

— Ваше величество, это может вызвать вооруженное столкновение с Англией.

— Хотя бы и так, — отвечал Император. Новая угрожающая нота пришла из Англии. В ответ на нее Царь отдал приказ о мобилизации Балтийского флота».

Великий князь Александр Михайлович. «Книга воспоминаний»

Идучи домой с Иваном Ивановичем Пуцциным, напомнил я ему, как наместник Грибоедов звал нас в церковь: «В храмах Божиих, — говорит, — собираются русские люди, думают и молятся по-русски. Мы — русские только в церкви». Пуцин задумался. «Что ж, — говорит, — а ведь это, пожалуй, и правда?» — «Какая правда? Вы-то сами, — говорю, — в церковь ходите?» — «Хожу». — «И за царя молитесь?» — «Нет; да ведь это не главное». — «Как же не главное. когда царь — глава церкви?» — «Не царь, а Христос». — «У кого Христос, а у нас царь». — «Почему у нас?» — «А потому что **государи российские суть главою церкви**». — «Вы это откуда?» Я сказал откуда. Удивился он: «Чудно. Как же этого никто не знает?» — «Да, — говорю, — самодержавие свергаем, а на чем оно стоит, не знаем».

Д.С. Мережковский. «Александр I»

А потом царицы гробы пошли смотреть, и даже Ивана Грозного! Гробы огромные, накрыты красным сукном, и крест золотой на каждом.

И.С. Шмелев. «Лето Господне»

Чины государева двора

БОЯРИН, -а, м., мн. — бояре, бояр

Прил. «боярский», -ая, -ое

В Древней и Московской Руси — это представитель высшего, правящего сословия, которое занимало в русской истории главенствующее место в течение почти восьми веков (IX—XVII вв.); в Московской Руси и централизованном Российском государстве — разрядный чин при государевом дворе, член Боярской думы (XV—XVII вв.).

В Древней Руси, которая находилась под властью князей, боярином (болярином) называли феодала, получившего от князя за свою службу в его дружине земли, так называемые вотчины. Боярин был «болий», то есть наибольший в княжеской дружине, он был советником и сподвижником князя, весьма уважаемым человеком среди дружинников.

В более поздние времена — это крупный землевладелец, свободный в своем выборе сюзерена, служивший у князя по своему выбору и желанию. В своей вотчине он был полным хозяином и зачастую имел свою дружину.

В Московской Руси, когда удельные князья потеряли свою независимость, подчинившись великому князю московскому, власть великого князя стала опираться не только на князей, но преимущественно на боярство. Была создана Боярская дума, и «боярин» стал самым высоким думным чином, который нужно было заслужить, пройдя более низкие придворные чины от стольника до окольничего. Звание по наследству не передавалось, что породило сословную группу под названием «дети боярские».

В Московском государстве князья оставались правящим сословием, но уже не играли первостепенной роли: князь должен был заслужить боярский чин. Для князей наиболее почетным стало звание «боярин князь».

Происхождение слова «боярин» неясно. Одни ученые считают, что оно произошло от слова «бой» (воитель), другие — от слова «болий» (большой), тем более что более древняя форма была «болярин», а третьи — от тюркского «bajar» (что значит вельмо-

жа, господин, богатый муж) в сочетании с «болий», что и создало форму «болярин».

Чин «боярин» позволял лицу, получившему этот сан, занимать место в высшем законодательно-совещательном совете при великом князе — Боярской думе, а с 1547 г. в Боярской думе при царе — в Царской думе.

Боярин мог быть ближайшим советником царя, вхожим в царские покои, занимать чины разных отраслей (путей) государственного управления, например, быть начальником Конюшенного или другого какого-нибудь приказа, или царской охоты, или Оружейной палаты.

Так как сан боярина по наследству не передавался, молодой человек, даже очень знатного происхождения, даже старший боярский сын, должен был заслужить этот сан, иногда годами проходя установленную лестницу чинов.

Считалось особой привилегией миновать при выслуге лет чин окольного и сразу из стольников получить боярский чин.

В XVII в. юноши только 16 родовитейших фамилий имели право стать боярином «в совершенных» годах, минуя чин окольного.

Боярином можно было стать несколькими путями: быть пожалованным государем за особые заслуги, получить этот сан за военные подвиги, за дипломатические заслуги перед государством и государем, а также просто пользуясь родством с царицей или став фаворитом государя.

Бывали случаи, когда сан боярина жаловали из дипломатических государственных соображений. Например, когда Наталья Кирилловна Нарышкина выбирала невесту для царевича Петра, ей представлялось наиболее разумным породниться с родовитыми Лопухиными. Тем более что сын родоначальника Лопухиных — Михаил Юрьевич Сорокоум — еще в XIV в. был боярином при великом князе московском Иоанне Калите.

Однако отец невесты Евдокии Лопухиной — Илларион (в боярах Федор) Авраамович Лопухин — был в то время всего лишь окольным. Поэтому в 1689 г., в связи с объявлением его дочери царской невестой, он был возведен в сан боярина.

По той же причине получил боярскую шапку, то есть стал боярином, его брат, дядя царской невесты, — Петр Авраамович Лопухин Большой.

А когда Евдокия стала царицей, то по этой же причине получил и Петр Авраамович Лопухин Меньшой.

В 1691 г. цари, Иоанн V и Петр I Алексиевичи, пожаловали в бояре еще одного дядю царицы Евдокии Феодоровны — Василия Авраамовича Лопухина.

Боярский сан и звание государь мог пожаловать, мог и отобрать, а затем снова пожаловать, сменив гнев на милость.

Такой случай был, например, в конце XVII столетия, когда жил и служил сначала при государевом дворе царя Алексия Михайловича, затем царя Феодора Алексиевича, потом при дворе правительницы Софьи и малолетних царей Иоанна V и Петра I боярин князь Андрей Иванович Голицын (ум. 1706).

Судьба его была такова. В 1672 г. он был пожалован в стольники, через два года стал выборным стольником, затем был послан воеводой в Казань (1682) и в Киев (1683), а затем уже получил боярский чин.

В 1690 г. за какую-то незначительную провинность, которой Голицын прогневил царя Петра, он был лишен боярского звания и вместе со своей супругой отправлен в ссылку.

Через два года Петр простил его и, сменив гнев на милость, вернул ему боярство, а в 1694 г., еще через два года после этого, пожаловал дворовым воеводой, то есть поручил Голицыну весьма ответственный пост личной царской охраны.

Так как боярский чин надо было заслужить, постепенно поднимаясь по иерархической служебной лестнице Государева двора, то в принципе получить боярскую шапку мог каждый, кто верой и правдой служил государю, будучи к нему приближен, — и князь, и дворянин, и боярский сын, и даже жилец.

Однако удавалось это далеко не всем. Даже если это было честное и верное служение.

Так, например, князь Леонтий Илларионович Лопухин, начавший придворную службу в 1648 г. жильцом, то есть служителем, живущим при государевом дворе, в 1657 г. стал стольником при царе Алексии Михайловиче. В 1678 г. стольник Лопухин получил должность второго судьи в Земском приказе. В составе свиты царя Алексия Михайловича он участвовал в походах против Польши и Литвы. За проявленные им мужество и усердие в сражениях за Смоленск, Вильну и Брест был отмечен царским указом. Кроме того, царь Алексей Михайлович пожаловал ему новые вотчины. Однако боярского чина князь Леонтий Илларионович Лопухин так и не получил. И о причине этой странности история умалчивает.

В XIV—XVI вв. словами «боярин», «бояре» люди низшего социального называли всех богатых людей, независимо от того, боярин это, князь или простой дворянин.

Такое обращение к князю было понятно, потому что некоторые князья были возведены в чин боярина, так что официально к такому лицу полагалось обращаться «боярин князь».

В связи с принятым обращением к высокому лицу — «боярин», «бояре», постепенно, с течением времени, эти слова преобразовались в формы: «барин», «баре».

Интересно, что с боярином связано возникновение Москвы. Началось все с вотчины боярина Степана (Стефана) Ивановича Кучки, который одним из первых поселился на берегу реки Москвы.

В 1147 г. приехавший в зажиточные села боярина Кучки суздальский князь Юрий Владимирович Долгорукий был пленен красотой и богатством этого места и задумал завладеть этой прекрасной землей. Он приказал умертвить боярина Кучку за какую-то якобы дерзость, а его прелестную дочь-красавицу насильно выдал замуж за своего сына Андрея.

На этом высоком месте, на холме у Москвы-реки Долгорукий заложил город, названный Москвою.

Грустно, но приходится признать, что, по преданию, Москва основана на крови боярина и насилии над его красавицей дочерью, которая впоследствии вместе со своими братьями Кучковичами, мстя за отца, приняла участие в коварном убийстве своего мужа Андрея Боголюбского.

В царствование Иоанна IV Грозного многие бояре подверглись опале и унижениям. Проводя свои реформы по созданию единого Русского государства, царь нанес удар по сильному боярскому сословию, более всего обеспокоенному местничеством и потому мешавшему ему в проведении его политики. А чтобы не мешали, Грозный создал опричнину и окружил себя «худородными» людьми.

Эти реалии русской жизни отражены в русской литературе. Стоит только вспомнить поэму М. Ю. Лермонтова «Песня про купца Калашникова», нарисовавшую картину бесправия в царствование Иоанна Грозного.

Жизнь и быт боярина, его отношения с опричниками и царем Иваном Грозным, его гибель на виселице по приказу царя прекрасно переданы в романе А. Н. Толстого «Князь Серебряный», который даже особое имя подобрал своему главному персонажу — «Дружина», чтобы подчеркнуть тем самым, что боевые подвиги боярина за Русь Святую стоили подвигов целой дружины.

Вот как рисует Толстой боярина Дружину Андреевича Морозова:

«Правда, не молод был боярин; но господь благословил его и здоровьем, и дородством, и славою ратною, и волею твердою, и деревнями, и селами, и широкими угодьями за Москвой-рекой, и кладовыми, полными золота, парчи и мехов дорогих. Лишь одним не благословил господь Дружину Андреевича: не благословил его милостью царскою».

Царская немилость возникла из-за женитьбы боярина Дружины Андреевича на боярской дочери Елене Дмитриевне, опередившей царских свах, прочивших его невесту за князя Вяземского.

Разгневался царь Иван Васильевич и на пиру повелел посадить боярина Морозова за стол ниже князя Вяземского и не имевшего высокого сана Бориса Федоровича Годунова.

Не стерпел такого унижения боярин Морозов, встал из-за стола, считая, что «невместно-де Морозову быть меньше Годунова!».

Еще больше опалившись гневом, царь приказал боярину «понести повинную голову» Годунову, но Морозов, посетивший вроде бы с этой целью Годунова, в результате обругал его, назвав «щенком».

«И, узнав о том, царь вошел в ярость великую, приказал Морозову отойти от очей своих и отпустить седые волосы, доколе не сыметсЯ с него опала. И удалился от двора боярин; и ходит он теперь в смиренной одежде, с бородою нечесаною, падают седые волосы на крутое чело. Грустно боярину не видать очей государевых, но не опозорил он своего роду, не сел ниже Годунова!»

Тяжелое это было боярское бремя — «честь и место», местничество, из-за которого погибло много упрямых бояр.

Боярская вотчина и быт бояр во времена правления царевны Софьи представлены в романе М.Н. Загоскина «Брынский лес».

При Петре I окончил свое существование чин боярина. Собственно какого-нибудь указа, отменяющего боярство, Петр I не издавал.

В 1722 г. Петр I, ставший в предыдущем году императором, учредил Табель о рангах, в которую не вошли в качестве чинов бояре, князья и дворяне.

Не войдя как чин в Табель о рангах 1722 г. и утратив статус думного чина (Дума при Петре I была заменена Сенатом), боярское звание оказалось ненужным, лишним и прекратило свое существование.

Бояре, князья и дворяне стали принадлежностью единого дворянского сословия. Бояре, как и князья, стали аристократической частью дворянства, и боярство, влившись в дворянское сословие, вместе с ним составило новое правящее сословие Российской империи.

Нельзя забывать, что бояре на протяжении почти четырех веков служили Русскому государству, и многие из них остались в истории нашего Отечества как герои или как люди, сыгравшие важнейшую роль в становлении и развитии Московского государства.

Отдадим им дань благодарной памяти и вспомним наиболее значительных и ярких из них.

С конца XVI до середины XVII в. жил и служил боярин и воевода Федор Иванович Шереметев (до 1558—1650).

Федор Иванович Шереметев прожил долгую, почти столетнюю жизнь: он пережил пятерых царей и двух правителей, польских ставленников, занимал видное место в Боярской думе в период Смуты, был членом Семибоярщины и всегда служил верой и правдой своему Отечеству.

Детство свое Федор Шереметев провел при государевом дворе Иоанна Грозного. Его сестра, Елена Ивановна Шереметева, была женой царевича Иоанна Иоанновича, сына Иоанна Грозного, впоследствии убитого во гневе царем. Когда их отец Иван Шереметев погиб в Ливонской войне 1558—1560 гг., Елена взяла на себя заботу о младшем брате.

По-видимому, в качестве близкого родственника Федор часто бывал у сестры в государевых палатах и близко общался с Грозным, потому что есть свидетельства, что Иоанн IV подарил ему шапку погибшего царевича Иоанна.

18 марта 1584 г. скоропостижно скончался Иоанн IV Васильевич Грозный. Из пяти его сыновей остались в живых только двое: Феодор Иоаннович от Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой и малолетний царевич Димитрий от последней жены Грозного — Марии Нагой. Царем Русского централизованного государства стал 27-летний Феодор Иоаннович, а наследником престола — царевич Димитрий.

Федор Иванович Шереметев начал службу при государевом дворе царя Феодора Иоанновича в 1591 г. Этот год был ознаменован тем, что тогда погиб в Угличе царевич Димитрий, и тем, что был совершен набег на Москву крымского хана Казы-Гирея, который дошел со своей ордой почти до стен московского Данилова монастыря, но 4 июля был обращен в бегство.

Федор Иванович занял при дворе особое место: он считался царским родственником, а потому быстро получил чин боярина и сан воеводы. Его всегда приглашали в царский дворец на все праздники и на приемы иностранных гостей.

Он участвовал как воевода в войне со Швецией, которая завершилась Тильзитским миром 18 мая 1595 г.

Неполных семь лет пришлось ему служить Феодору Иоанновичу: царь умер 7 января 1598 г. на 34-м году от рождения, не оставив наследников.

Царский трон занял боярин Борис Годунов, сын боярина Федора Ивановича Кривого Годунова и Степаниды Ивановны, в иночестве Снандулии.

Ввиду того что на царский престол могли претендовать представители родов Романовых и Шереметевых, естественно, эти претенденты оказались в опале. Как всегда бывает в таких случаях, на Шереметевых поступил донос, что они якобы готовились волшебным зельем отравить царя Бориса. Но все же до кровопролития дело не дошло, однако все имущество Шереметевых было конфисковано, и они были удалены подальше от государева двора. Федор Шереметев оказался воеводой в далеком Тобольске, основанном отрядом казаков Данилы Чулкова всего лишь в 1587 г.

Не прошло и четырех лет службы Федора Ивановича в Тобольске и его участия в завоевании Сибири, как в 1604 г. объявился Лжедмитрий I, и царь Борис вызвал воеводу Федора Ивановича Шереметева в Москву для отражения нашествия. В разгар борьбы с Лжедмитрием I в 1605 г. внезапно умер царь Борис. С апреля 1605 г. русским царем всего два с половиной месяца был наследник Бориса Годунова — Федор Борисович Годунов, в июне этого же года убитый по приказу Лжедмитрия I.

Избранный царем на Земском соборе 19 мая 1606 г. боярин Василий Иванович Шуйский пригласил воеводу Федора Ивановича Шереметева для борьбы с Лжедмитрием II и войском Ивана Болотникова.

Около четырех лет царствовал Василий Шуйский. Все это время ему приходилось бороться с польско-литовским нашествием, с войсками Болотникова, осаждавшими Москву, с Тушинским вором — Лжедмитрием II.

Многие бояре были недовольны правлением и военными действиями Василия Шуйского, вследствие чего 17 июня 1610 г. царь Василий Иванович Шуйский был свергнут с престола и насильно пострижен в монахи. В сентябре этого же года бывшего царя выдали польскому гетману Жолкевскому, который вывез Шуйского в Речь Посполитую. По официальной версии, Шуйский умер в тюрьме Гостынского замка, по неофициальной — был в этом замке убит.

Интервенция польского короля Сигизмунда III, в результате которой был свергнут царь Василий Шуйский, подтолкнула

наиболее активных московских бояр и князей к созданию Правительства семи членов Боярской думы, которое получило в истории название «Семибоярщина». В первый состав этого правительства вошли пять бояр князей: Ф.И. Мстиславский, И.М. Воротынский, А.В. Трубецкой, В.В. Голицын, Б.М. Лыков-Оболенский — и два боярина: И.Н. Романов и Ф.И. Шереметев.

Ровно через месяц после свержения Василия Шуйского, 17 августа 1610 г., «Семибоярщина» заключила с поляками договор о признании русским царем королевича Владислава, сына короля польского Сигизмунда III.

«Семибоярщина» и многие бояре, князья и дворяне присягнули на верность Владиславу. Принес присягу Владиславу и боярин Ф.И. Шереметев.

И все же активным и верным сторонником польского правления в России Федор Иванович не был. Это ясно из всей его деятельности в период с 1610 по 1612 г.

Так, во время осады Кремля поляками Федор Иванович принял все меры, чтобы защитить старицу Марфу Ивановну и ее сына Михаила, будущего русского царя. Благодаря Шереметеву, большая часть царской казны была сохранена и не досталась полякам. Сумел он сохранить и шапку Мономаха.

Князь Дмитрий Иванович Пожарский, возглавивший второе ополчение против поляков, принял в качестве одного из организаторов этого ополчения боярина Шереметева. Созданный в то время «Совет всея земли» принял решение о возвращении боярину Федору Ивановичу Шереметеву его вотчин, отнятых у него Борисом Годуновым во время опалы.

Именно Федору Ивановичу Шереметеву было доверено возглавить боярское посольство к Михаилу Романову в Ипатьевский монастырь в Костроме, где тот скрывался от поляков, чтобы пригласить его занять российский престол.

Когда Михаил Феодорович стал русским царем, Федор Шереметев, естественно, занял при нем место «ближнего боярина», его ближайшего и вернейшего помощника, советчика и даже наставника. Первые свои шаги в управлении государством молодой царь делал под руководством своей матери, старицы Марфы Ивановны, и боярина Шереметева.

Когда Федор Романов (патриарх Московский и всея Руси Филарет) возвращался из польского плена, вместе с его сыном, царем Михаилом Феодоровичем, встречал его Федор Иванович Шереметев.

Шереметев служил своему царю и как воевода, и как дипломат, и как близкий друг и советчик, занимая при государевом дворе самое видное место.

Царь Михаил Феодорович умер 12 июня 1645 г. На престол взошел его сын и наследник Алексей Михайлович, получивший прозвание Тишайший. Но при его государевом дворе с его ближним боярином Морозовым, ревниво оберегавшим своего воспитанника, престарелому Федору Ивановичу места не нашлось.

По обычаю того времени Федор Иванович ушел в монастырь, принял постриг в Кирилло-Белозерском монастыре и в 1650 г., уже в очень преклонных годах, скончался.

Трагично сложилась судьба боярина Артамона Сергеевича Матвеева (1625—1682), жившего почти в то же время, что и князь В.В. Голицын, и тоже оставившего след в истории России.

Боярин Артамон Матвеев, весьма достойный гражданин своего отечества, прославился своими благородными деяниями в царствование Алексея Михайловича, длившееся с 1645 по 1676 г.

Известный просветитель XVIII в., первый крупнейший русский издатель Н.И. Новиков в своем предисловии к книге «История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева», изданной им в 1776 г. и переизданной в 1785 г., представил читателю героя книги следующим образом: «История наша весьма мало может нам представить ему подобных. Сей есть Артемон Сергеевич Матвеев, ближний боярин, наместник разных городов, царские большие печати и государственных посольских дел оберегатель, приказов стрелецкого, казанского и других, тако ж и Монетного двора главный судия. Сей муж неутомимыми услугами, верностию и преданностию к государю, беспредельною любовию к отечеству, милосердием к народу, мудростию и правосудием в делах политических и гражданских, храбростию и прозорливостию в делах воинских и, наконец, ученостию своею снискал себе славное название царского друга и благодетеля народа».

Почему боярин Матвеев снискал царскую милость, получил столь высокие посты и звание царского друга, догадаться нетрудно. В его доме воспитывалась и им была выдана замуж вторая супруга царя Алексея Михайловича — Наталья Кирилловна Нарышкина. Став ближним боярином, Матвеев проявил благородную верность, ум, знания и честное трудолюбие на пользу царю и отечеству, чем вызвал большую доверенность к нему царя.

А вот почему в царствование Алексея Михайловича боярин Матвеев пользовался большим уважением не только со стороны властей предрежащих, но и стрельцов и народа, на этот вопрос

отвечают прежде всего документы. Важно отметить и то, что личность Артамона Матвеева была настолько значительной, что через 100 лет после его гибели Екатерина II способствовала изданию Н.И. Новиковым книги о нем и даже предоставила Новикову для издания этой книги свой личный список документов, касающихся боярина Матвеева.

Н.И. Новиков написал к этой книге предисловие, в котором раскрыл особенности личности боярина Артамона Матвеева: его высокий культурный уровень, просвещенность, ум и знания, его приверженность к наукам и искусству.

Артамон Сергеевич Матвеев в царствование Алексея Михайловича был наместником — фактическим правителем многих русских городов. Ему подчинялись Стрелецкий приказ и другие приказы, а также Монетный двор, от которых зависело и отношение к стрельцам и работным людям, и выплата им жалованья, и наделение земель их семейств, и рассмотрение их личных дел в суде. Матвеев всюду навел порядок, пресек казнокрадство, приводившее к многомесячным невыплатам жалования, внимательно относился к челобитным со стороны народа, справедливо решал возникшие споры и конфликты. Все видели и знали, что Матвеев — человек честный: в отличие от других наместников, не грабит народ, относится к людям, что называется, по-человечески. Вот за это и любил народ боярина Матвеева. А что это действительно так, показал следующий случай, о котором рассказал в своем предисловии Н.И. Новиков.

Артамон Сергеевич жил в Москве, в небольшом домике, тесном для его большого семейства. Дом был расположен между улицами Покровка и Мясницкая. Для сана ближнего боярина это было более чем скромное жилье. Царь много раз предлагал Матвееву построить большие палаты, но Артамон Матвеевич не торопился с этим делом. И тогда Алексей Михайлович сказал, что сам прикажет построить ему большие палаты.

Стараясь избежать царской милости, чтобы не быть в долгу, Матвеев стал заготавливать строительные материалы, но тут выяснилось, что камень для фундамента в Москву давно не завозят. Слух о том, что боярин Матвеев не может построить себе дом за неимением камня для фундамента, быстро распространился по Москве. Тогда, посоветовавшись, московские стрельцы и народ решили подарить ему необходимый камень. Артамон Сергеевич долго отказывался от подарка, предлагая деньги за товар, но стрельцы и народ деньги не брали, уверяя, что они не могут продать этот камень, а могут только подарить. Матвеев обратился к царю за советом, и царь посоветовал ему взять подарок, считая,

что от изъявления народом такой любви отказываться нельзя. А камень этот действительно нельзя было продавать, потому что это были каменные плиты, снятые с могил родственников дарителей.

Как воспитатель царицы Натальи Кирилловны, ставшей матерью будущего Петра I Алексиевича, боярин Матвеев был вхож в царицыны покои. После смерти Алексия Михайловича в 1676 г., когда Наталья Кирилловна оказалась во враждебном окружении Милославских, Артамон Сергеевич вместе с ее братом Иваном Нарышкиным стал самым близким советником вдовствующей царицы, оберегателем ее и царевича Петра.

Когда воцарился Феодор Алексиевич, сын Алексия Михайловича от Марьи Ильиничны Милославской, и его, естественно, окружили многочисленные родственники семьи Милославских, враждебно настроенных против Нарышкиных, Наталье Кирилловне и особенно ее сыну, претенденту на престол, жить в Кремле стало небезопасно. Семья Нарышкиных поселилась в царской вотчине вблизи Москвы — селе Преображенском. Многочисленный и сильный клан Милославских занял активную позицию в борьбе с Нарышкиными за власть. Особенной злостью к мачехе Наталье Кирилловне и «братцу» Петру была исполнена царевна Софья. Она видела, что Феодор Алексиевич слаб здоровьем, долго, как и его умерший старший брат, не проживет, и мечтала о троне. Но на пути к власти стояли Наталья Кирилловна с царевичем Петром, наставляемые умным и просвещенным боярином Матвеевым. Чтобы ослабить силы противника, надо было избавиться от главного советчика — Матвеева. И вот тогда Милославские организовали несколько доносов на Матвеева, обвинив его, в частности, в том, что он вел подозрительную дружбу с иностранными учеными и своими западническими устремлениями хотел нанести большой урон отечеству.

Конечно, все эти обвинения не могли быть причиной заточения ближнего боярина, а затем его ссылки в Пустоозерск на долгие годы. И они звучали цинично, потому что внешняя политика царя Феодора Алексиевича склонялась к сближению с европейскими странами, а ближний его боярин и любимец Софьи — Василий Васильевич Голицын — открыто занимал прозападную позицию и так же, как и Матвеев, в своем доме принимал иностранных гостей.

Да, палаты Артамона Матвеева, истинного друга европейских ученых, были украшены по-европейски: там были картины, зеркала и даже часы — диковинка для русского быта.

Но и палаты боярина Василия Голицына были обставлены на европейский лад.

В палатах Матвеева давались театральные представления. Но на них в прошлом присутствовал сам царь Алексей Михайлович, а, кроме того, и при дворе Феодора Алексиевича разыгрывались театральные действия, пьесы для которых писала царевна Софья.

Как известно, все эти доводы ничего не могли значить для тех, кто желал одного: удалить умного советчика, оставить царскую вдову, имеющую право быть правительницей, регентшей в малолетство своего сына, без серьезной поддержки.

Артамон Сергеевич Матвеев, безвинно осужденный, провел в ссылке в Пустоозерске много лет. Он вернулся 12 мая 1682 г. Вероятно, облегчению его участи и его возвращению помогла Марфа Матвеевна Апраксина, крестница Артамона Сергеевича, ставшая 14 февраля 1682 г. царицей, второй женой царя Феодора Алексиевича, уже безнадежно больного.

15-летняя царица Марфа Апраксина стала вдовой буквально через два месяца после своей свадьбы. Царь Феодор Алексиевич скончался 27 апреля 1682 г. на 21-м году жизни, не оставив наследников. Претендентами на престол, как известно, были два сына царя Алексея Михайловича — царевич Иван от Марии Ильиничны Милославской, родной брат Феодора Алексиевича и царевны Софьи, и царевич Петр от Натальи Кирилловны Нарышкиной. Оба были малолетними и нуждались в регенте или регентше. Сначала выбрали на престол Петра как более здорового и проявляющего большие способности. И тогда, по логике вещей и уже бывшим прецедентам (например, Елена Глинская при малолетнем Иоанне IV), правительницей должна была стать Наталья Кирилловна Нарышкина. Но этого не могла даже в мыслях допустить властолюбивая царевна Софья Милославская. А потому и сама Софья, и ее сородичи Милославские стали распускать среди народа, и особенно среди стрельцов, слухи о том, какие беды им грозят в случае прихода к власти Нарышкиных.

15 мая, в день памяти убиенного царевича Димитрия, сторонники Милославских пустили по стрелецким полкам слух о том, что Нарышкины убили царевича Ивана и что виновен в этом три дня назад вернувшийся из ссылки боярин Матвеев. Стрельцы, и без того недовольные поборами и злоупотреблениями своих полковников, в тот же день в полдень бросились в Кремль для расправы. Они потребовали выдачи Матвеева. Несмотря на то что на крыльцо кремлевского дворца вывели целого и невредимого царевича Ивана в доказательство лживости слуха о его убийстве,

разъяренные стрельцы уже не слушали никаких доводов. Они схватили Артамона Сергеевича и сбросили его с высокого крыльца на стрелецкие пики.

Так погиб 15 мая 1682 г. безвинно осужденный боярин Матвеев, без вины проведенный в ссылке около шести лет и без вины и без суда бесчеловечно казненный стрельцами. Он пробыл на воле после своего освобождения всего три дня.

Из знаменитых бояр последним был боярин и воевода, а затем граф и генерал-фельдмаршал русской армии Петра I, прославивший Россию многими победами, сподвижник царя в создании регулярного войска Борис Петрович Шереметев (1652—1719).

Сын киевского воеводы Петра Васильевича Шереметева Большого, Борис Петрович Шереметев был представителем одного из древних и весьма почитаемых российских родов, ведущего свое начало от Андрея Ивановича Кобылы, родоначальника многих княжеских фамилий. Потомок Андрея Ивановича Кобылы стал основателем царского, а затем императорского рода Романовых. Родство с царями имели и предки Бориса Петровича Шереметева: в царствование Иоанна Грозного Елена, сестра Федора Ивановича Шереметева, была женой царевича Ивана, сына Грозного, убитого царем во гневе. К слову сказать, по преданию, она и была причиной царского гнева. Войдя неожиданно в теремную половину дворца, Иоанн Грозный застал ее лежащей на лавке в домашнем одеянии, по его понятиям, полураздетой, что считалось по теремным законам весьма неприличным. Она была беременна, но царь набросился на нее с кулаками, избил ее до полусмерти, в результате чего она потеряла будущего ребенка: у нее случился выкидыш. Заступничество царевича Ивана стоило ему жизни.

Борис Петрович Шереметев родился 25 апреля 1652 г. в Киеве, где служил воеводой его отец. Там же он провел свои юные годы, там он, по преданию, учился в Киевской коллегии при Киево-Печерской лавре. Он получил хорошее образование, воспринял европейскую культуру благодаря связям его отца с иностранцами, в основном с поляками, которые бывали в доме известного киевского воеводы. Он хорошо говорил по-польски, знал и другие иностранные языки и отличался европейским мировоззрением и культурным поведением.

Службу свою Борис Петрович начал в 1661 г. стольником при дворе Алексея Михайловича. Как стольник, он выполнял самые различные поручения. Он не только прислуживал за столом в дни больших приемов и пиров, но и стоял рындой возле царя, и сопровождал, как рында, царя Алексея Михайловича

в различных его поездках: по царским селам, по монастырям. Он, конечно, должен был быть знаком с возницей царя — Василием Васильевичем Голицыным, который имел сходное мировоззрение.

В 1676 г. скончался царь Алексей Михайлович, и на царство венчался его сын Феодор Алексеевич. Через три года служения при государевом дворе нового царя Шереметев получил назначение товарищем (заместителем) воеводы Большого полка. В 1681 г. он был пожалован должностью и званием воеводы Тамбовского разряда.

Фактически Борис Шереметев в то время еще никаких выдающихся поступков не совершил, а потому, вероятно, причиной возведения его в боярский чин в 1682 г. более всего стали его культура и знания, европейское мировоззрение, а главное — знакомство с боярином князем Василием Васильевичем Голицыным, фаворитом царевны Софьи. Официально это именовалось: «по случаю восшествия на престол царей Петра и Ивана», но вероятнее всего, по случаю избрания царевны Софьи правительницей при малолетних царях.

Чин боярина открыл Шереметеву путь в Боярскую думу, к управлению государственными делами. Первым его назначением было участие в делегации, во главе которой стоял Василий Васильевич Голицын, для переговоров в Москве с польскими представителями о продлении Андрусовского мирного договора 1667 г., срок которого истекал в 1668 г. Тогда делегации удалось договориться с поляками о передаче России Киева и Левобережной Украины, но взамен пришлось обещать разорвать мирный договор с Османской империей и пойти войной на Крым. Удачно проведенные переговоры и значительный вклад в это дело со стороны Шереметева были отмечены царевной Софьей, и Шереметев получил звание «ближнего боярина и наместника Вятского». Следующим поручением ему было — в составе посольства получить в Варшаве от польского короля ратификационную грамоту, а затем с тем же посольством уведомить в Вене короля Леопольда о заключении «вечного мира» с Речью Посполитой.

Чуть более одного года Борис Петрович исполнял должность воеводы Белгородского разряда, задачей которого было ограждать русские земли от набегов крымских татар.

В 1688 г. в составе 150-тысячной армии под предводительством Василия Васильевича Голицына, выполнявшей условия договора с Польшей, Шереметев, как воевода, принял участие во втором походе против крымских татар. Как и первый поход 1687 г., этот поход тоже был неудачным для всех его участников. Не ми-

новало это и Шереметева. Хоть он и проявлял храбрость и старание, но талант полководца тогда в нем еще не пробудился. В сражениях в Черной и Зеленой долинах его войско потерпело полное поражение. Налет крымской конницы был таким стремительным и жестким, что его войско обратилось в бегство.

По возвращении из крымского похода Шереметев продолжил охрану южных границ государства, но уже в должности воеводы в г. Белгороде.

Как умный политик и тонкий дипломат, Шереметев понимал, что с возмужанием Петра правлению Софьи и Голицына приходит конец. А потому, когда в 1689 г. обострилась борьба между Софьей и Петром, он, несмотря на свою прежнюю близость к Голицыну, принял сторону Нарышкиных и одним из первых бояр и князей пришел к царю Петру, чтобы стать в ряды его верных соратников.

Петр I принял это изъявление преданности со стороны Шереметева и, помня о его дипломатических успехах, поручил ему дипломатическую миссию установления дружеских связей молодого царя Петра с государями европейских стран, а также миссию тайную, с разведывательными целями: посетить Мальту и выяснить, насколько силен мальтийский флот и подготовлен к войне мальтийский орден.

Шереметев выехал в Европу с огромным обозом, нагруженным соболями, куницами, золотыми и серебряными изделиями, — подарками для европейских государей. Борис Петрович должен был расположить Европу к новому русскому царю.

Задание Петра I Шереметев выполнил блестяще. И о Мальтийском ордене смог дать полную информацию. Всюду посланника Петра I с богатыми дарами встречали радушно, выражая тем самым признание нового русского царя. На Мальте Шереметев был очень тепло принят и даже награжден командорским мальтийским орденом.

Ко двору Петра I Борис Петрович возвратился в европейском обличье: с бритым лицом и во французском наряде. На Петра это произвело сильное впечатление. С этого времени началась его борьба против боярских бород и за ношение немецких кафтанов и панталон.

Еще несколько лет оставался Шереметев воеводой в Белгороде и только в 1695 г. был вызван в Москву. На этот раз Петр I решил воспользоваться военным опытом Шереметева и поручил ему сформировать 120-тысячную армию для предполагавшегося азовского похода. Шереметев выполнил порученное ему задание, сформировал армию из дворянской конницы и казаков. Петр I,

возглавивший полки нового строя и московских стрельцов, двинулся к Азову, а Шереметев со своей армией направился к низовьям Днепра с целью отвлечь на себя внимание крымчаков. Теперь удача сопутствовала опытному воеводе. Его армии удалось взять крепость Кизы-Кермень на Днепре, и это так испугало турок, что они оставили без боя еще три хорошо укрепленных городка.

Воевода Шереметев отличался некоторой осторожностью и осмотрительностью и тщательной подготовкой в военных делах, что со стороны казалось медлительностью и нерешительностью. А потому, несмотря на явную удачу, не пошел на Крым, а направился на Украину. Эта осторожность, нежелание рисковать часто сопровождали Шереметева, который заботился о своих солдатах и берег их. Но иногда она оборачивалась нежелательной стороной. Так, получив приказ Петра I соединиться с боевыми силами гетмана Мазепы и двигаться на Очаков, Борис Петрович снова не стал рисковать. Но оказалось, что тем самым он упустил возможность овладеть Крымом, где в то время не было основных сил татарских войск.

И все же Петр I ценил полководческий талант Шереметева. Он увидел, что Шереметев, соприкасаясь с противником, не использует старые приемы, что в его действиях заметны устремления к использованию новой военной стратегии и тактики, что проявилось во взятии Кизы-Керменя. А потому по возвращении Шереметева из похода Петр I торжественно встретил своего полководца и хорошо его наградил. Теперь Шереметева называли генералом. О его чине боярина и звании воеводы никто уже не вспоминал.

Шел 1700 год. Карл XII напал на русский разъезд у Вириэла. Силы были неравными, и разъезд вынужден был отступить. Но пришедший ему на помощь Шереметев разбил шведский отряд, взял в плен двух шведских офицеров и отошел к Пихиношу. Карл XII стал его преследовать, но осторожный Шереметев не принял сражение и отошел к Нарве.

На следующий день началось Нарвское сражение, в котором шведам удалось прорвать русский фронт. Помогали шведам и погодные условия: снег бил в лицо русским солдатам. Конница Шереметева не выдержала натиска хорошо обученного войска Карла XII, стала в панике отступать, и на переправе через Нарву понесла огромные потери: по некоторым сведениям, до 90 тысяч человек.

Эта неудача Шереметева не смутила Петра I и не изменила его отношения к своему генералу. Петр прекрасно понимал, что

русской армии противостоит сильное, хорошо обученное войско Карла XII, что это поражение не только одного Шереметева. Надо обучать русских солдат и переходить на новую тактику ведения боя. Ведь перед ними самая сильная, непобедимая армия в Европе.

В 1701 г. Петр I приказал Шереметеву идти в шведские земли, в Эстляндию, против генерала Шлиппенбаха, губернатора Восточной Прибалтики.

В начале сентября у Репниной мызы Шереметев вместе с сыном Михаилом одержал первую победу над шведами. В декабре того же года была одержана крупная победа над шведами при Эрестфере. Эта победа развеяла миф о непобедимости шведской армии. И первым доказал, что русские могут победить шведов, Борис Петрович Шереметев.

Петр I приказал отметить эту победу генерала Шереметева и в Пскове, куда вернулись русские войска, и особенно пышно и торжественно — в Москве. В честь победы Шереметева звонили колокола, стреляли из пушек, устроили фейерверк и угощали народ бесплатно вином и пивом. Для обозрения были выставлены трофейные шведские знамена.

За победу при Эрестфере, когда Шереметев взял в плен 150 шведов, 16 пушек и все обозы с фуражом и продовольствием, Петр I наградил своего генерала только что учрежденным орденом св. Андрея Первозванного и произвел его в чин генерал-фельдмаршала, в высший чин инфантерии.

Следующей победой фельдмаршала Шереметева был полный разгром 7-тысячного шведского отряда при Гуммельсгофе 18 июля 1702 г.

Далее войскам Шереметева удалось захватить крепость Мензу, а 14 августа 1702 г. штурмом взять крепость Мариенбург, где пленницей Бориса Петровича оказалась Марта Скавронская, будущая императрица Екатерина I.

В конце сентября Шереметев получил приказ царя овладеть крепостью Нотебург, которую русские называли Орешек.

В результате штурма и 13-часового боя Нотебург сдался. Это была победа, но со слезами на глазах: русские потеряли 564 человека убитыми и 928 ранеными.

Петр I переименовал крепость Нотебург в Шлиссельбург («ключ-город»). Эту победу отметили парадом в Москве.

Триумф фельдмаршала Шереметева продолжался. 16 мая 1703 г. им был взят Ниеншанц, возле которого и был заложен Санкт-Петербург.

А далее перед войсками Шереметева капитулировали Копорье и Ям.

Таким образом, войска Шереметева, руководившего целой кампанией в Прибалтике, к 1703 г. завоевали земли древней Ингрии, которые имели выход к Балтийскому морю.

В апреле 1704 г. Петр I направил войска Шереметева для взятия Дерпта. Желая тщательно подготовиться к этому походу и дать хоть кратковременный отдых солдатам, Шереметев только в июне подошел к Дерпту. Осада Дерпта затянулась. В ставку Шереметева прибыл царь, и обстрел крепости стал более интенсивным. В ночь на 13 июля начался штурм, и крепость капитулировала.

Одновременно с осадой Дерпта русскими велась осада Нарвы. Петр после взятия Дерпта вызвал Шереметева к Нарве, но фельдмаршал, которому в то время шел уже 53-й год, был болен и не смог сразу прибыть под Нарву. И все же после его прибытия 9 августа 1704 г. в результате стремительного штурма город пал к ногам победителей.

Казалось бы, царь высоко ценил своего фельдмаршала, но близости с ним у него не было. Слишком разные по характеру они были. Обстоятельный, осторожный Шереметев, заботившийся о своих солдатах, считавший необходимым тщательно подготовиться и к походу, и к осаде, и к штурму осажденного города, не мог соответствовать стремительному, нетерпеливому Петру, не считавшемуся ни с чем: ни с людьми, ни с обстоятельствами — во имя исполнения своей воли и поставленной им задачи. Вначале, когда Петру не из кого было выбирать полководцев, он проявлял терпимость к Шереметеву, но с годами, когда появились и другие «птенцы гнезда Петрова», его стала раздражать «медлительность», как он считал, фельдмаршала, его долгая подготовка к походу, нежелание быстро подчиниться воле царя.

В некоторой степени это так и было. Шереметев хотел добиться порядка в армии, бесперебойного и своевременного снабжения армии боеприпасами, фуражом и снаряжением. А это приводило к конфликтам. Так, осенью 1704 г. Петр I приказал Шереметеву возглавить конный корпус и двинуть его в Литву против корпуса генерала Левенгаупта. На пути в Литву, в Витебске, Шереметев обнаружил, что в магазинах для него не оставлен фураж и лошадей кормить нечем. Он решил, что на голодных лошадях далеко не уедешь, а тем более победы не одержишь, и стал ждать прибытия фуража.

Петр посчитал такое поведение фельдмаршала возмутительным и приказал Меншикову доставить Шереметеву указ о пере-

даче части его войска вновь принятому на русскую службу фельдмаршалу Георгу Огельви.

Создавшееся двоевластие затруднило подготовку к походу, так что наступление на корпус Левенгаупта войско Шереметева началось только весной 1705 г. Сражение с корпусом Левенгаупта не принесло Шереметеву победы, а причина его поражения, казалось бы, крылась в том, что офицеры стали проявлять инициативу, не ставя Шереметева в известность, а драгуны увлеклись грабежом шведских обозов. На самом деле неудача Шереметева состояла в том, что из-за наличия второго фельдмаршала, двоевластия Шереметев не имел уже прежнего непрерываемого авторитета.

После подавления восстания стрельцов в Астрахани в 1706 г. Борис Петрович вернулся в армию и вместе с царем участвовал в операциях против войск Карла XII, вторгшихся в пределы России.

На военных советах предложения и мнение Шереметева постоянно сталкивались с противоположным мнением и предложениями царского фаворита А.Д. Меншикова, что приводило к конфликтам и взаимной неприязни.

Мелкие победы над незначительными силами противника не устраивали Петра, и он отобрал у Шереметева Преображенский полк и передал его Меншикову.

27 июня 1709 г. произошла знаменитая Полтавская битва, в которой не последнее участие принял фельдмаршал Шереметев. Петр оценил вклад Шереметева в дело победы и пожаловал его деревней Царская Грязь.

После небольшого перерыва и отдыха Шереметев получил от царя приказ о взятии Риги. При подготовке к осаде города началась эпидемия, унесшая почти 10 000 человек. Осаду фельдмаршал начал в октябре 1709 г. Но в декабре Шереметев отвел свой корпус на зимние квартиры, передал часть войск под командование князя Репнина, а сам уехал в Москву.

Шереметев считал, что для войска Репнина он оставил значительный запас провианта, о чем и доложил царю. Но по истечении всего двух месяцев пришло известие, что в войске начался голод. Петр потребовал от Шереметева письменного объяснения, послав к нему его сына Михаила, который воевал вместе с отцом. Царь приказал фельдмаршалу до окончания расследования полностью подчиняться Меншикову, посланному под Ригу.

Но в русском лагере началась чума, и Меншиков тотчас же уехал из лагеря, оставив Шереметева самому справляться со страшной болезнью в войсках и в осажденной Риге. Шереметев

вступил в переговоры с комендантом Риги, жестко потребовав от него немедленной капитуляции.

4 июля 1710 г. Рига капитулировала.

К осени того же года Петр I стал готовиться к войне с Турцией, о чем известил и Шереметева. Россия не могла допустить, чтобы Турция способствовала воцарению в Польше ставленника Карла XII — Станислава Лещинского.

В ноябре 1710 г. турецкий султан объявил войну России. Царь со своим войском выступил в поход, получивший название Прутского похода 1711 г. Шереметеву он приказал остаться под Ригой и обеспечить голодавший гарнизон продовольствием. Это была трудная задача, но фельдмаршал с ней справился.

Отправиться со своим войском вслед за армией Петра I ему удалось лишь 11 февраля 1711 г., а переправиться через Днестр только 30 мая.

Турки двигались навстречу русским войскам.

Борис Петрович был недоволен тем, в каком состоянии были войска, отправившиеся в поход: солдаты устали от непрерывных походов и сражений 1709—1710 гг., не все полки были укомплектованы, имелся недостаток в продовольствии, боеприпасах, не было достаточного количества подвод и лошадей. Шереметев, бывший участник второго турецкого похода под командованием Василия Голицына, знал, по какой жаркой пустыне придется идти русским войскам, какие почти неразрешимые проблемы будут с продовольствием, фуражом, с водой.

Приводя эти доводы, Шереметев до начала похода пытался возражать царю, но нетерпеливый Петр хотел ускорить события. Считая Шереметева медлительным, он приставил к нему гвардии подполковника князя Василия Владимировича Долгорукова.

И вот теперь, когда подошли к Пруту, опасения Шереметева, некогда высказанные им государю, полностью оправдались. Не хватало хлеба, его приходилось заменять кониной, что в условиях жары плохо сказывалось на самочувствии солдат. Остро ощущался недостаток в фураже, а расчет на подножный корм не оправдался: трава была выжжена солнцем. Но главное — не хватало воды, а когда находили какой-нибудь источник, вода в нем оказывалась непригодной для питья.

Войска великого визиря, соединившись с конницей крымских татар, были готовы к встрече с противником. Но войска Петра I были явно не подготовлены к такой встрече: еще не подошли к Пруту дивизии генералов Вейде и Репнина, не прибыли гвардейские полки, не было сведений о количестве войск противника.

Мало того, радужные известия господаря молдавского князя Кантемира о том, что турки испугаются и побегут, а христиане поддержат русского царя, были приняты Петром I, но не оправдались. Численность турецкого и крымского войск превосходила силы русских.

Турки начали генеральное сражение неожиданно. Весь день 8 июля, день именин Петра I, и полдня 9 июля продолжался тяжелый для русских бой. Меняя невыгодную позицию, русские полки оказались в долине реки Прут и фактически были окружены. Турки почти вплотную подошли к русскому лагерю. Положение было весьма опасное: русский царь мог оказаться в плену. Тогда Петр I направил вице-канцлера П.И. Шафирова для переговоров о перемирии. Все понимали, что без крупного выкупа переговоры не могут быть успешными. И тогда супруга Петра — пока еще не коронованная Екатерина I, участвовавшая в походе вместе с мужем, — отдала все свои бриллианты, все свои драгоценности, чтобы великий визирь выпустил русское войско из западни.

Переговоры, подкрепленные весомыми дарами, были успешными. Великий визирь потребовал прибытия в его лагерь вместе с вице-канцлером Шафировым сына фельдмаршала — Михаила Борисовича Шереметева. Чтобы повысить статус Михаила Шереметева, Петр I срочно произвел его из полковников в генералы, выдал жалованье на год вперед и пожаловал ему свой портрет, осыпанный бриллиантами. А далее Михаил Борисович Шереметев был отправлен в Стамбул для поддержания и укрепления русско-турецких отношений.

12 июля 1711 г. был подписан Прутский мир, весьма невыгодный для России: русские должны были уничтожить крепости Таганрог и Каменный Затон, вернуть туркам крепость Азов, обеспечить беспрепятственный проезд Карла XII из Бендер в Швецию и не вмешиваться в польские дела.

В тот же день армия Петра I двинулась в Москву. Войско фельдмаршала осталось на Украине, чтобы обеспечить беспрепятственный проезд Карла XII из Бендер в Швецию и проследить, чтобы шведский король не проезжал через Польшу, где он мог способствовать нежелательному для России восстановлению Станислава Лещинского на польском престоле.

За участие в Прутском походе царь пожаловал Борису Петровичу дом в Риге.

Не забыл Петр и поступок Екатерины, спасшей его и русскую армию от плена и позора. Восхищенный своей супругой, не пожалевший для его спасения драгоценностей, Петр I в 1714 г. учредил высший дамский орден, который вначале назывался орде-

ном Свобождения (Освобождения), а затем стал именоваться орденом св. Екатерины. Он имел две степени: большого креста и меньшего, или кавалерственного. Орденский девиз был написан на восьмиугольной звезде, усыпанной драгоценными камнями. Он гласил: «За любовь и отечество». А на знаке ордена — овальном медальоне с изображением св. Екатерины, держащей в руках белый крест, начертаны буквы DSFR — «Domine, salvum fac Regem» — «Господи, спаси царя». На оборотной стороне орденского знака на финифти изображены чета орлов, истребляющая змей, за ними — гнездо с птенцами на руинах башни и надпись «Aeguant munia komparis» («Трудами сравнивается с супругом»).

Девиз ордена и обе надписи, конечно, имели в виду Екатерину I.

Собираясь отбыть за границу, Петр I предоставил фельдмаршалу Шереметеву полную свободу действий во всех делах. Но такая «свобода» испугала стареющего фельдмаршала: он привык выполнять приказы. А потому, как только появилась возможность вернуться домой (а это случилось в марте 1712 г.), Шереметев отправился к царю с просьбой отпустить его на покой. Он мечтал вернуться в Киево-Печерскую лавру, где он провел свои юные годы, и в тишине и покое провести остаток своих дней, а может быть, и принять схиму. Но Петр, имевший большие военные планы, не отпустил фельдмаршала, принесшего ему столько побед.

Чтобы внушить Шереметеву, что он еще молод, Петр женил овдовевшего к тому времени Бориса Петровича на вдове своего дяди Льва Кирилловича Нарышкина — Анне Петровне Нарышкиной, урожденной Салтыковой.

Брак этот оказался счастливым: Анна Петровна, подтверждая молодость своего супруга, родила ему четверых детей.

Но спустя два года после свадьбы Шереметева ждал тяжелейший удар: его сын, его первенец, участник его походов, с которым его связывала не только отцовская и сыновняя любовь, а и дружеская привязанность друг к другу соратников, боевых товарищей, возвращаясь из Стамбула, заболел в дороге и умер в Киеве.

Этого удара Борис Петрович не смог пережить до конца своих дней. Похоронил он своего сына в дорогой его сердцу Киево-Печерской лавре.

Несколько месяцев Борис Петрович так тяжело переживал свое горе, что не в состоянии был приняться за дела. Но царь был настойчив, в феврале 1714 г. приказал ему двигаться с войсками в Померанию для участия в составе Северного союза в новой кам-

панию против шведов, и фельдмаршалу пришлось отправиться в армию.

Это был очень тяжелый период в жизни фельдмаршала Шереметева. Путь его войск проходил через Польшу. Русские послы в Берлине и Копенгагене требовали, чтобы Шереметев с войсками быстрым маршем прошел через Польшу и как можно скорее прибыл к Штральзунду, который был осажден соединенной армией Пруссии и Дании. В противном случае, предупреждали они, армия Шереметева не получит от союзников продовольствия. Кроме того, пребывание русских войск в Польше нарушало условия Прутского мира, что могло отрицательно сказаться на русско-турецких отношениях.

По многим причинам Шереметев не мог продвигаться по Польше «быстрым маршем», а потому, пока он двигался, войска Северного союза овладели островом Рюген, и необходимость его пребывания в Померании отпала. Союзники сообщили ему, что он может оставаться в Польше.

Желало этого и польское общество, опасавшееся активизации сторонников Станислава Лещинского.

И та, и другая стороны обвиняли Шереметева в медлительности и нерешительности. А он действительно не знал, что делать. Кроме того, его войска, не получая на территории Польши продовольствия от Дании и Пруссии, начали голодать. Чтобы улучшить положение, Шереметеву приходилось буквально изворачиваться в поисках продовольствия, рассредоточивать свои войска, чтобы как-то, хоть частями, накормить солдат.

Наконец-то сам царь разрешил тревоги фельдмаршала — приказал, ввиду желания прусского короля, корпусу Шереметева оставаться в Польше.

Чтобы укрепить дружеские связи с Пруссией, Петр I приказал также Шереметеву отправить в подарок прусскому королю для его гвардии 100 самых высоких и красивых гренадер из его корпуса. Борис Петрович выполнил приказ своего государя, и в ответ Петр получил в дар от прусского короля Янтарную комнату, знаменитую для нас еще и тем, что она была похищена во время Великой Отечественной войны нацистами и не найдена до сих пор.

Война Северного союза с Карлом XII в середине 1715 г. пришла к концу: Карлу XII удалось бежать из Штральзунда, осажденного союзниками, и эта последняя крепость в Померании сдалась.

Польский король Август II, вернувшись в Варшаву, наградил русского фельдмаршала орденом Белого Орла и просил русские войска покинуть Польшу. Согласен был с этим реше-

нием и русский военный совет. Казалось бы, дорога в Россию была открыта. Это было так важно для уставшего и уже больного фельдмаршала. Но царь приказал немедленно идти с войсками в Померанию. И для скорейшего исполнения приказа к Шерметеву снова был прислан князь Василий Владимирович Долгоруков.

С февраля 1716 г. Шереметев со своим корпусом находился в Померании. Сам Петр теперь руководил кампанией, привлекая Шереметева для обсуждения стратегии и тактики ее проведения.

Силы фельдмаршала, подорванные горем в связи со смертью сына и постоянными без отдыха походами, таяли. И когда в июне 1718 г. государь призвал его в Петербург для участия в суде над царевичем Алексеем Петровичем, больной Шереметев, страдавший водянкой, отказался от поездки.

Не веря в его болезнь, а подозревая, что Шереметев хитрит, чтобы не участвовать в суде, царь все же разрешил ему отправиться на лечение на воды. Но и ехать на воды Шереметев отказался, он был уже смертельно болен.

Нетерпеливый и вспыльчивый Петр I приказал обер-коменданту Москвы И. Измайлову силой привезти Шереметева в Петербург. Но когда Измайлов с каретой и подводами приехал в дом Шереметева, он увидел умирающего фельдмаршала.

Сообщение Измайлова о состоянии Шереметева успокоило царя: Шереметев остался верен ему до конца. Больше уже Петр не тревожил своего фельдмаршала.

Боярин, воевода, а затем граф и генерал-фельдмаршал русских войск Борис Петрович Шереметев умер в Москве 17 февраля 1719 г.

Он просил в своем завещании похоронить его рядом с сыном Михаилом в Киево-Печерской лавре, но Петр I хотел, чтобы могила первого российского генерал-фельдмаршала находилась в Петербурге, во вновь основанной Александро-Невской лавре. Недавно построенную и освященную Лазаревскую церковь Александро-Невской лавры Петр мыслил в дальнейшем сделать усыпальницей, пантеоном для захоронения тех, кто прославил Россию, кто своими воинскими доблестями или гражданскими трудами внес большой вклад в развитие своего Отечества.

Отдавая должные почести первому российскому генерал-фельдмаршалу, прах которого открывал в Лазаревской церкви пантеон русской славы, царь Петр устроил торжественные и пышные похороны Шереметева, и сам шел за его гробом.

Боярин Дружина Андреевич, телом дородный, нрава крутого, несмотря на свои преклонные лета, недавно женился на первой московской красавице.

А.К. Толстой. «Князь Серебряный»

Тут был боярин князь Михайло Репнин. Он заплакал с горести. Царь давал и на него личину надевать. «Нет, — сказал Репнин, — не бывать тому, чтобы я посрамил сан свой боярский!» — и растоптал личину ногами. Дней пять спустя убит он по царскому указу во храме божием!

А.К. Толстой. «Князь Серебряный»

— Князь, — сказал Морозов, — это моя хозяйка, Елена Дмитриевна! Люби и жалуй ее. Ведь ты, Никита Романыч, нам, почитай, родной. Твой отец и я, мы были словно братья, так и жена моя тебе не чужая. Кланяйся, Елена, проси боярина! Кушай, князь, не брезгай нашей хлебом-солью! Чем богаты, тем и рады! Вот романя, вот венгерское, вот мед малиновый, сама хозяйка на ягодах сытила!

А.К. Толстой. «Князь Серебряный»

Другой день прошел почти так же, как первый, с тою только разницей, что поутру боярин тешил своего гостя соколиной охотой и за обедом не рассказывал уже о своем местничестве с князем Пронским, а продолжал позорить мещовского воеводу и подарил серебряный алтынник Тришке за то, что этот догадливый шут, на боярский вопрос, хочет ли он познакомиться с Федькой Токмачевым, отвечал: «Нет, Максимыч! Я со своей братьею, дураками, не знаюсь».

М.Н. Загоскин. «Брынский лес»

БОЯРЫНЯ, -и, ж.; др.-рус. (от «боярин»)

мн. боярыни, боярынь

Прил. «боярынин», -а, -о

Жена или вдова феодала-землевладельца — боярина; представительница высшей знати в Древней Руси и Московском государстве (IX—XVII вв.), а также высший чин царицына дворового чина. Люди «низшего» сословия «боярынями» называли всех богатых женщин — и боярынь, и княгинь, и дворянок. С течением времени для этой категории лиц слово преобразовалось в «барыня», «барыни».

При слове «боярыня» у большинства наших современников сразу возникает словосочетание «боярыня Морозова». По-видимому, это связано с впечатлением от незабываемой картины В. Сурикова, где изображена боярыня Ф.П. Морозова (вторая жена боярина В.В. Морозова), которую везут в ссылку. С иступленным лицом, с поднятыми двумя перстами над головой, она всем своим видом, всем своим обликом заявляет, что она не смирилась, что ее старообрядческая вера не поколебалась даже в условиях

тюремных мучений, ссылки и позора, что она до конца готова к борьбе за свою веру, за свои убеждения. Последовательница протопopa Аввакума, близко знавшая его и состоявшая с ним в переписке, она так же, как и он, до конца своих дней, невзирая на уговоры самого царя и патриарха, несмотря ни на какие пытки, унижения и муки, продолжала отстаивать принципы старой веры, не признавая «никонианской ереси», не желая иначе сложить персты для крестного знамения, как только два. Вот каких боярынь знает наша русская история!

О боярынях обычно знают и то, что жили они в боярском тереме-светелке, куда вел особый вход и куда пройти можно было по отдельной лестнице, по которой разрешалось ходить только женщинам.

Боярыня приглядывала за хозяйством, именно приглядывала, контролировала, ведь у нее был целый штат прислуги: и ключницы, и поварихи, и скотницы, и швеи, и личные, светличные девушки, одевавшие и причесывавшие свою боярыню, и песенники, и сказительницы, и сенные девушки, развлекавшие ее, как могли.

На Руси принято было часто и помногу молиться, не пропуская ни заутреню, ни часы, ни молебен, ни обедню, ни вечерню. В некоторых, особенно богатых боярских дворах ставились свои церкви, где и молились по всем правилам со священником, которому платили жалованье. В боярских хоромах средней статьи устраивались моленные комнаты, нанимался за плату поп и отправлялись все службы, кроме обедни, на которую обязательно надо было идти в церковь. Боярин, особенно если он думный, мог и пропустить службу, но боярыня должна была отправлять все службы по чину.

Нельзя сказать, что боярыня сидела в своем тереме, в светелке, взаперти. Может быть, какой-нибудь ревнивый муж боялся отпускать жену из дома, но в основном боярыни чувствовали себя достаточно свободно в рамках принятых обрядов и обычаев и довольно часто выезжали из дома. Бывало, что с мужем, детьми и челядью или с охранниками, детьми и челядью боярыня отправлялась на богомолье, в дальние монастыри. По дороге заезжали и в другие монастыри, так что эта поездка становилась настоящим путешествием. Кроме того, было принято, чтобы московские высокородные боярыни в день своих именин, по обычаю, приезжали к царице в Кремль с именинными пирогами и дарами для царя, царицы, царевичей и царевен.

Вместе с мужем боярыня выезжала и в гости по приглашению то к родственникам, то к знакомым боярам, а то и в государевы палаты.

В церковные праздники, в свадьбы, в именинные, родинные, крестильные дни в боярском доме устраивались пиры. Котошихин свидетельствует, что на этих пирах подавалось по 50, а то и по 100 блюд. За приготовлением пира, конечно, следила боярыня.

Перед началом пира, когда приезжали гости, боярин вызывал свою жену, она вставала «в большом месте» (по-видимому, в красном углу, под образами), а гости оставались у дверей. По обычаю, боярыня кланялась гостям «малым обычаем» (по-видимому, в пояс), а все гости кланялись ей земным поклоном. Потом хозяин кланялся гостям тоже в землю и бил им челом, чтобы они изволили целовать его жену. По просьбе гостей первым целует боярыню ее муж, хозяин дома, а затем каждый гость, поклонившись хозяйке в землю, целует ее, а она кланяется каждому гостю «малым обычаем». Затем боярыня начинает подносить гостям по чарке вина, а хозяин — кланяться каждому гостю земным поклоном и бить челом, чтобы изволили пить подносимое его женою вино. По просьбе гостей сначала это вино пьет боярыня-хозяйка, потом боярин-хозяин, а потом гости, выпив чарку вина, возвращают чарку назад и кланяются. После этого боярыня, поклонившись гостям, уходит в свои покои, где ее ждут гости — боярыни, жены приехавших гостей. Для них пир устраивается отдельно, потому что пировать мужчинам и женщинам вместе полагалось только во время свадеб.

Но не все боярыни жили в своих боярских домах. Были и боярыни, прежде всего московские, которые служили в царицыном дворежном чине и жили при государевом дворе, состоя как бы в придворном штате царицы. Если боярин служил великому государю в царевом дворежном чине, то и боярыня служила великой государыне, занимая главенствующее место в ее дворежном чине.

Первыми среди боярынь были **дворовые**, или **верховые**, боярыни. Верховыми их называли потому, что жилые палаты царицы помещались наверху, в тереме, на втором или даже на третьем этаже, и туда допускались очень немногие даже из царицыной дворежной obsługi. Как в чин боярина возводили особым царским указом, так же царским указом утверждался чин дворежной, или верховой боярыни и проводился обряд оповещения ее об этом важном в ее жизни событии. По-видимому, царский дворецкий или дьяк в присутствии царицы и других дворежных боярынь торжественно зачитывал этот указ. Чин боярыни могла получить не только супруга или вдова боярина, но и вдова окольничего, стольника, спальника или кравчего, не выслужив-

ших боярского чина. Об этом мы узнаем из разрядной книги XVII в., куда иногда вносился указ о пожаловании в верховые боярыни.

И.Е. Забелин приводит одну из таких записей в разрядной книге за 6 июля 1675 г.: «пожаловал в. Государь в *верховые* боярыни стольника Федорову жену Григорьева сына Кокорева *вдову* Марью Иванову дочь, а по отце Акифьевых. А указано ей быть по указу в. Государя в *светлице* у мастериц и указано ей ведать мастериц всех». Верховая боярыня в зависимости от поручаемого ей дела могла быть *мамою, светличной, кравчей* или *судьей*.

Были и другие боярыни, составлявшие как бы более низкую ступень в иерархии царицына дворового чина. К ним прежде всего относились *казначей*, в ведении которых находилась вся казна, все вещи, деньги, уборы, драгоценности, личные вещицы членов семьи, кресты, церковная утварь и прочее. Казначей была у каждого члена семьи, у царевичей и царевен, а у царицы было даже две казначей.

Мелкие споры и раздоры между боярынями, между мастерицами и другими служительницами и служителями царицына дворового чина разрешали боярыни-судьи.

По сану на уровне казначей были *учительницы* царевичей и царевен. Иногда их называли *мастерицами*. В том же примерно равенстве были *псаломщицы*. Но не все они имели чин боярыни.

Особое место занимала *приказная боярыня* хамовного двора, в котором производилась так называемая «белая казна»: холсты, полотна, скатерти и прочие хамовные изделия. Хамовный двор находился в слободе Кадашове, отчего боярыню, которая заведовала хамовным делом, называли еще и *кадашовской боярыней*.

Верховым боярыням за их труды полагалось вознаграждение: денежное жалованье (от 10 до 50 рублей в год), размер которого зависел от достоинства боярыни и значения ее дела; получали они также продукты, напитки и так называемые «подачи» с царского стола (особые деликатесы: пироги, фрукты, сладости), которые выдавались во дворце.

Главными верховыми боярынями были *мамы*, воспитательницы, охранительницы, ответственные за весь обиход малолетних царевичей и царевен. Более высокий ранг имели мамы царевичей, причем старшинство мамы зависело от возраста царевича: мама первенца в царской семье считалась старшей, то есть выше всех других мам. Мамы царевен занимали более скромное положение, особенно мама младшей из царевен.

Избирались мамы из числа родственниц царицы и жен или вдов приближенных к царице или царю. Естественно, это были пожилые и опытные в воспитании детей княгини и боярыни. В основном это были вдовы из царицына родства, но были и избираемые в мамы по заслугам, после долгих лет службы в царицыном дворе в чине боярыни-казначей, светличные или даже кормилицы.

Боярыни-мамы жили во дворце, пользовались всем дворцовым содержанием и еще получали жалованье, которое могло быть вдвое, а то и втрое больше, чем жалованье других боярынь царицына дворового чина. Назначалось жалованье мамам в зависимости от занимаемого ею положения: мама старшего царевича получала больше, чем мама младшего царевича, и гораздо больше, чем мама младшей царевны.

Служба мамы заканчивалась с совершеннолетием или смертью царевича или царевны, и тогда боярыня-мама, как правило, уходила в монастырь. Мамы царевен иногда оставались во дворце и при великовозрастных своих воспитанницах, продолжая их пестовать и заведовать всем их обиходом в тех случаях, когда царевна не выходила замуж и продолжала жить во дворце. Если же за какую-либо провинность царевна была отправлена в монастырь, то и мама отправлялась вместе с нею, чтобы и там быть рядом и по-прежнему обслуживать ее.

История сохранила некоторые сведения о том, кто персонально был мамою у царевичей и царевен, но эти сведения в основном касаются дворового чина XVII столетия, когда стали составляться списки боярынь, служивших в царицыном дворе в чине. Однако известно, например, что с 25 августа 1530 г. к родившемуся в этот день великому князю Ивану Васильевичу (Иоанну Грозному) была приставлена мамою возведенная в верховые боярыни Аграфена Федоровна Челяднина, в девичестве Овчина-Телепнева-Оболенская, родная сестра Ивана Федоровича Овчины-Телепнева-Оболенского, фаворита Елены Глинской, матери младенца. Аграфена была замужем за государевым дворецким Челяднинным, не имевшим боярского чина, хотя его отец и брат в 1496—1518 гг. служили конюшими при государевом дворе, то есть были вторыми в государстве лицами. Этот факт, сам по себе незначительный, наводит на размышления, почему Елена Васильевна выбрала мамою именно Челяднину, в близком родстве с нею не состоявшую.

Елена Глинская вышла замуж за великого князя, «государя всеа Руси» Василия III Иоанновича 21 января 1526 г., через

несколько месяцев после отправления его первой жены Соломонии Юрьевны Сабуровой в монастырь. Четыре с половиной года у Глинской тоже не было детей, но наконец-то она подарила Василию Иоанновичу наследника. Знакома ли была Елена Васильевна с Иваном Овчиной прежде, еще при жизни великого князя? Безусловно, ведь Иван Овчина служил при государевом дворе в детях боярских, охране государя и государыни. Он был любимцем великого князя, который пожаловал Овчине после смерти его отца чин боярина и конюшего. После смерти великого князя Василия Иоанновича он стал фаворитом великой княгини Елены Глинской. Из-за него начались распри в семье Глинских; вероятнее всего, из-за него была отравлена Елена Васильевна Глинская. Из-за своей близости к Елене погиб и он сам. Невольно напрашивается вопрос: когда Иван Овчина-Телепнев-Оболенский стал близким человеком для Елены, так долго вымаливавшей у Господа наследника? И был ли способен к деторождению Василий III, не имевший детей от первой жены и так долго не имевший детей от второй? И не связаны ли эти вопросы с третьим: почему к младенцу Ивану IV была избрана мамою Аграфена Челяднина, родная сестра Ивана Овчины, помогавшая осуществлять любовные встречи Елены и Ивана?

Иоанн IV Васильевич всю жизнь боялся потерять трон в связи с тем, что прошел слух о рождении у Соломонии Сабуровой сына, который имел право на трон больше, чем сын второй жены и младший по возрасту, в чем Иоанн косвенно, намеком, сознается Андрею Курбскому в письме к нему. А может, он, зная о давних отношениях матери с Овчиной (а не зная этого он в условиях дворцовых сплетен не мог), понимал, что он и вовсе не имел никакого права на трон, а потому и искал постоянно заговорщиков и претендентов на свое место и казнил, казнил, казнил всех подряд, в основном по подозрению.

Но все это скрылось в темных глубинах прошлого, и теперь никто не может этого ни отрицать, ни утверждать.

Однако вернемся к боярыням-мамам царевичей XVII в.

Как уже говорилось, у царицы Евдокии Лукьяновны Стрешневой, (ум. 18.08.1645), было 10 детей: три сына и семь дочерей. Для царевича Алексия, родившегося 9 марта 1629 г. и ставшего впоследствии царем, сначала мамою была избрана Орина Никитична Годунова, жена боярина Ивана Ивановича Годунова, а затем Ульяна Степановна Собакина, жена боярина Сергея Степановича Собакина, которая с 1628 г. служила при царице крайчею, а потом была переведена в мамы.

У царевича Ивана, который прожил всего около шести лет (1633—1639), мамою была Анна Константиновна Стрешнева. Царевич Василий родился и умер в 1639 г., так что, видимо, его маму не успели даже внести в список боярынь-мам.

У царевен мамами были боярыни-княгини: у царевны Ирины (1627—1679) — Марья Ивановна Хованская, жена, а вернее, в то время уже вдова Ивана Федоровича Хованского, умершего в 1615 г.; у царевны Анны (1630—1693), в иночестве Анфисы, — Ульяна Васильевна Троекурова, жена Романа Федоровича Троекурова; у царевны Татьяны (1636—1706) — Марья Ивановна Пронская, жена Василья Романовича Пронского.

Мамы царевен Пелагеи (1628—1629), Марфы (1631—1632) и Софьи (1634—1636) не были внесены в список боярынь-мам в связи с кончиною царевен во младенчестве.

Царице Евдокии Лукьяновне служили боярыни, все из в ту пору среднезнатных фамилий, видимо, потому, что, как отметил Котошихин, из очень знатных боярских семей из уважения к ним на службу в терем приглашать было не принято. Это были боярыни Ульяна Степановна Собакина, бывшая до 1628 г. крайчей, а затем переведенная в мамы царевича Алексия; Екатерина Ивановна Бутурлина, жена Василья Матвеевича Бутурлина; княгиня Мезецкая Соломонида Петровна, крайчая; княгиня Авдотья Федоровна Коркодинова, светличная; Соломонида Васильчикова; Федора Заболотская, постельница; Анна Борисовна Травина; Анна Пушкина; Анна Андреевна Колычева, вдова Ивана Федоровича Колычева; Татьяна Скобелцына; княгиня Анна Ивановна Одоевская, вдова боярина Ивана Ивановича Одоевского, умершего в 1829 г.; Марья Елизарьевна Туренина, жена Василья Ивановича Туренина.

Царица Мария Ильинична из рода Милославских, супруга царя Алексия Михайловича, имела 13 детей: пятерых мальчиков (Дмитрий, Алексей, Федор, Симеон, Иван) и восемь девочек (Евдокия, Марфа, Анна, Софья, Екатерина, Мария, Феодосия, Евдокия).

В мамы к своему первенцу, наследнику царевичу Дмитрию Мария Ильинична пригласила свою мать, боярыню Катерину Федоровну Милославскую, но эта опека, казалось бы, такая надежная, не помогла: царевич Дмитрий прожил всего около года (1648—1649). Царевич Алексей (1654—1670), доживший до 16 лет, был опекаем двумя мамами — княгиней Ариной Григорьевной Катыревой-Ростовской и княгиней Анной Андреевной Мещерской. У царевича Феодора (1676—1682), ставшего впоследствии царем, тоже было две мамы: княгиня Прасковья Борисов-

на Куракина и Анна Петровна Хитрая. Царевич Симеон (1665—1669), хоть за ним и ухаживали три боярыни-мамы: княгиня Авдотья Михайловна Хованская, Аксинья Алексеевна Кологривова и княгиня Ульяна Петровна Голицына, — прожил всего около четырех лет. У царевича Ивана (1682—1696), ставшего царем Иваном V, мамою была княгиня Анна Фирсовна Ухтомская.

Мамами царевен были: у царевны Евдокии (1650—1712) с 28 декабря 1651 года княгиня Фетинья Володимировна Сицкая, затем княгиня Аксинья Хилкова и Пелагея Ивановна Ивашкина; у царевны Марфы (в иночестве Маргариты) (1652—1707) — боярыня Ульяна Петровна Шереметева, которая ухаживала за своей царевной 24 года, до 4 апреля 1676 г., до самой своей смерти. Царевну Софью (1657—1764), в дальнейшем правительницу России, с 1659 г. опекала мама княгиня Анна Никифоровна Лобанова-Ростовская; царевну Екатерину (1658—1718) — Настасья Федоровна Шереметева, Афросинья Демидовна Зубова и Анисья Юрьевна Лодыженская; царевну Марию (1660—1723) — со дня ее рождения — Дарья Тимофеевна Смайлева, а затем Марья Ивановна Ильина; царевну Феодосию (1662—1713) — Зиновия Степановна Головина, а с 22 марта 1666 г. — Дарья Силична Мясново.

После смерти Марии Ильиничны, последовавшей 3 марта 1669 г., и женитьбы Алексея Михайловича на Наталье Кирилловне Нарышкиной 22 января 1671 г., многие боярыни продолжали служить при государевом дворе, но теперь уже новой царице. Так, боярыни княгини: Пронская Мария Ивановна, которая служила во дворце около шести лет, с 1647 по 1653 г.; Коркодинова Авдотья Федоровна, светличная, а затем мама царевича Феодора; Хованская Авдотья Михайловна, бывшая боярыней-мамой царевны Ирины у царицы Евдокии Лукьяновны, а затем мамой царевича Симеона у царицы Марии Ильиничны. Анна Петровна Хитрая, появившаяся впервые в 1630 г. у царицы Евдокии Лукьяновны как боярыня-казначей царевны Ирины Михайловны, после смерти царицы Евдокии Лукьяновны и пересмотра Царицына дворового чина в феврале 1646 г. была отставлена от двора и должна была по ее челобитью постричься в монастырь, но каким-то образом в 1658 г., почти через 12 лет, была возвращена в царицын терем и пожалована в дворовые боярыни царицы Марии Ильиничны, став третьей мамой царевича Феодора, а после смерти царицы в 1669 г., видимо, опять осталась в числе дворовых боярынь. Ее имя можно найти и в списке боярынь при царице Наталье Кирилловне, и в списке дворовых боярынь за 1680—

1682 г. у цариц Агафьи Семеновны и Марфы Матвеевны, жен царя Феодора Алексиевича. Как мама царевича Феодора, который после смерти его старшего брата царевича Алексея в 1670 г. становится наследником престола, а затем в 1676 г. и царем, Анна Петровна Хитрая занимает среди боярынь первенствующее место. Ей удается приблизиться и к царице Наталье Кирилловне, несмотря на то что Хитрая была приверженницей царицы Марии Ильиничны Милославской и противницей новой царицы и много потрудились, чтобы досадить царице Наталье. Но 30 мая 1672 г. она, как приближенная царицы Натальи Кирилловны боярыня-кравчая, стоит у родильного стола царевича Петра, а через два года — у родильного стола царевны Феодоры, а затем присутствует на пиру в честь ее крещения.

При жизни царя Алексея Михайловича у царицы Натальи Кирилловны мамами царевича Петра, будущего Петра Великого, были боярыня княгиня Ульяна Ивановна Голицына, которая при царице Марии Ильиничне была мамою царевича Симеона, и Матрена Романовна Леонтьева.

Мамою царевны Натальи (1673—1716) была княгиня Прасковья Ивановна Ромодановская, а царевны Феодоры (1674—1677), умершей в трехлетнем возрасте, — княгиня Анна Львовна Львова, жена стольника князя Андрея Ивановича Львова. После смерти Марии Ильиничны остались малолетними царевна Мария и царевна Феодосия, девяти лет и шести лет соответственно. Их мамами были назначены Ульяна Петровна Шереметева, княгиня Анна Никифоровна Лобанова и Настасья Федоровна Шереметева.

Некоторые боярыни умудрялись оставаться в царицыном дворцовом чине десятками лет. Так, в списках чина боярынь за 1680—1682 гг., то есть в царствование Феодора Алексеевича, у цариц Агафьи Семеновны Грушецкой и второй жены царя Марфы Матвеевны Апраксиной продолжали работать: княгиня Ухтомская Анна Фирсовна, бывшая мама царевича Ивана (Ивана V), находившаяся в царицыном дворцовом чину с 1651 г., ставшая позже боярыней у царицы Прасковьи Федоровны, супруги царя Ивана V, и умершая на своем посту 20 марта 1688 г., прослужила при государевом дворе 37 лет. Анна Андреевна Мещерская, с 1654 г. бывшая мамой царевича Алексея у царицы Марии Ильиничны, а затем ее верховсѣй боярыней, в царицыном дворцовом чине пребывала около 30 лет; и, конечно, Хитрая Анна Петровна, бывшая мама царевича Феодора, которая стала ближайшим человеком у царя Феодора Алексеевича ввиду его частых болезней, не позволявших ему порой даже выходить из сво-

ей опочивальни. Это положение делало ее почти полной хозяйкой, исполнительницей важной и постоянной должности боярыни-кравчей в комнатах царя Феодора. И.Е. Забелин высказал предположение, что она пользовалась поддержкой своего родственника, любимца царя Алексея Михайловича — дворецкого Богдана Матвеевича Хитрово, при помощи которого она и попала во дворец. Ее имя упоминается и в списках за 1698 г., когда на престоле уже полностью воцарился Петр I и царицей с 28 января 1689 г. стала Евдокия Феодоровна Лопухина. Около 70 лет Хитрая была боярыней царицына дворового чина, прослужив в царицыных хоромаш поочередно у семи цариц.

Конечно, каждая царица набирала в свой дворцовый чин и новых женщин, так что штат этот, например, в 1626—1645 гг. состоял из 17 верховых боярынь: и мам, и светличных, и крайчих, и постельниц, и судей, в 1648—1669 гг. — из 34 боярынь. В 1680—1682 гг. он насчитывал 24 боярыни; в 1691—1700 гг. — уже 49 боярынь.

Все правила и обычаи мужской половины государева двора находили свое отражение в царицыном дворцовом чине. И прежде всего местничество, «честь и место», которое соблюдалось боярынями и всем дворцовым чином с таким же усердием и ревностью, как между дворовыми и недворовыми чинами государя.

Так, например, в 1627—1630 гг. — княгиня Ульяна Васильевна Троекурова, жена князя Романа Федоровича Троекурова, была определена в верховые боярыни к царице Евдокии Лукьяновне мамою царевны Анны. Ей было определено жалование такое же, как и боярыне Катерине Ивановне Бутурлиной, жене Василья Матвеевича Бутурлина. Троекурова тотчас подала челобитную царю Михаилу Феодоровичу, что ей с Катериною Бутурлиной быть в равенстве невозможно: «по вашей государской милости, по нашему отечеству, прадед родной Вас. Бутурлина и его деды и дед его родной и дядя большой везде в пятых и в шестых товарищах с дядею моим да и с отцом в ваших государственных разрядах». В качестве доказательства она привела «случаи», показавшие первенство Троекуровых перед Бутурлиными, а в заключение просила: «милосердный государь, пожалуй меня рабу свою, не вели мне быть в ровенстве с Бутурлиною, и вели по своим разрядам на Бутурлина в нашем отечестве свою царскую боронь учинить, чтоб родству нашему тем вперед позорным от Бутурлиных не быть. Царь государь смилуйся!» В результате рассмотрения разрядных списков для решения этого местнического вопроса княгиня Ульяна Троекурова в царицыных списках стала упо-

минаться прежде Катерины Бутурлиной. По-видимому, это было распоряжение государя.

Местнические споры между боярами и другими разрядными людьми, возникая чаще всего по поводу назначения на должность, велись иногда годами и тогда в «случай» ставилась не только мужская часть родословной, но вспоминались «честь и место» дворовых боярынь. Были случаи, когда бояре тягались в местничестве по поводу чести и места своих родственниц, бывших в дворовых боярынях. Такой случай приводит И.Е. Забелин: «в 1602 году, при царе Борисе Годунове, велено быть у царицы Марьи Григорьевны в дворовых боярынях княгине Марье Лыковой, матери Бориса Лыкова, а у царевны Ксении Борисовны княгине Марье Пожарской — матери Дмитрия Михайловича. Пожарский стал бить челом царю Борису и писал в челобитной, что «по царской милости и по своему отечеству, его матери, княгине Марье, быть меньше княгини Лыковой неместно, а можно его матери больше быть княгини Лыковой многими месты и государь бы его пожаловал, велел ему с кн. Мих. Львовым в отечестве дать суд и счет». Князь Дмитрий Михайлович Пожарский, считая себя выше не только Бориса Лыкова, но и его отца Михаила, фактически боролся за более высокое место в царицыном дворовом чине для своей матери (быть дворовой боярыней у царевны ниже, чем быть дворовой боярыней у царицы) и в то же время для всего своего рода, потому что это более низкое положение в царицыном дворовом чине впоследствии могло быть в местническом споре рассматриваться как «случай» не в пользу Пожарских.

Местнические споры боярынь возникали даже во время свадебных пиров. В феврале 1623 г. царь Михаил Феодорович на свадьбе царевича Михаила Кайбуловича, женившегося на Марье, дочери Григория Ляпунова, приказал быть сидячими и боярам, и боярыням, их женам, Настасье Семеновне Плещеевой и княгиням Катерине Матвеевне и Марье Михайловне Гагариным. Так как Плещеева была больна, ее дочь, в замужестве Вельяминова, должна была представлять на этой свадьбе свою мать, почему ее на свадьбе называли не ее именем, а именем ее матери. И тотчас возник местнический спор. Бояре согласились сидеть ниже Плещеева, но их жены не пожелали признавать Вельяминову, считая, что ниже ее им сидеть неместно.

Не только бояре проводили свою политику при государевом дворе, но и боярыни, особенно верховые, которые десятилетиями находились при царице, царевичах и царевнах и по-женски знали все и о всех, создавали негативную атмосферу не только в

царицыных покоях, но порой весьма ощутимо влияли на политику всего государева двора. Так, уже упоминавшаяся Анна Петровна Хитрая, за семь десятков лет служения в царицыных палатах изучила не только весь царский домашний обиход, но и характеры и царей, и цариц, и царевичей, и царевен, и всю подноготную верховых боярынь и прислужниц «верха». И.Е. Забелин, цитируя высказывание Андрея Артамоновича Матвеева, так характеризует эту особу: «Под фарисейским видом только постылица, пустой лицемерной бабьей святыней только устами полная, Хитрая, по прозванью и по истине хитрая видом, нравом и самым делом, она ушничеством и ложным наговором, быть может, больше, чем другие другими средствами, успела родовую вражду в царском доме довести до печальной стрелецкой трагедии». Здесь речь идет о вражде между Милославскими и Нарышкиными после женитьбы царя Алексия Михайловича на Наталье Кирилловне Нарышкиной и о стрелецком восстании в мае 1682 г. как результате этой вражды, когда на стрелецких копьях погиб боярин Артамон Сергеевич Матвеев, были убиты Афанасий Фомич, Иван Фомич и Иван Кириллович Нарышкины, князя Михаил и Юрий Долгоруковы, Иван Языков, князь Григорий Ромодановский и другие разрядные люди, поддерживавшие царицу Наталью Кирилловну с ее сыном Петром.

Каждая боярыня имела какую-нибудь цель: возвышение своего рода, получение сыном или братом боярского чина, а то и царского трона, передачу через царицу челобитной о помиловании родственника, находящегося в опале, а может, и под стражей, и многое другое. И в соответствии со своей целью эта боярыня вела политику в тереме.

Так что политику при государевом дворе вели не только бояре, но и верховые, и высокородные боярыни. Не их ли рук дело — отравление цариц Анастасии Романовны и Елены Васильевны Глинской, смерти молодых цариц Марфы Васильевны Собакиной и Марии Владимировны Долгоруковой, не проживших во дворце и года, и странные болезни царских невест, становившихся в ссылке здоровыми? Не бояре, вход которым в царицын терем был заказан, а верховые боярыни ближе всех общались с царской семьей, имели возможность и яд подсыпать, и настои из «чудодейственных» трав предложить.

В русской литературе боярыне посвящено очень мало страниц. Пожалуй, наиболее полно быт боярыни, как ни странно, тоже Морозовой, описан А.К. Толстым в романе «Князь Серебряный». А.К. Толстой был настоящим знатоком русской старины. Он глу-

боко изучал быт, нравы и обычаи Древней Руси и Московского государства. Ему, автору многих исторических сочинений, в том числе и знаменитых драм «Иоанн Грозный» и «Царь Феодор Иоаннович», можно вполне доверять: его описания старинных обычаев, одежды и быта исторически достоверны. Вот как рисует он в романе «Князь Серебряный», посвященном событиям середины XVI в., времени правления Иоанна Грозного, боярыню Елену Дмитриевну Морозову, дочь окольного Плесеева-Очина, убитого под Казанью.

Одна из первых московских красавиц, Елена стала женой боярина Дружина Андреевича Морозова не по любви, а в сложившихся обстоятельствах, в страхе перед домогательствами опричника князя Афанасия Вяземского. Но сердце ее принадлежало князю Никите Серебряному. И потому она была постоянно грустна и часто плакала. Дружина Андреевич, старше Елены не на один десяток лет, любил ее не только как жену, но и как дочь своего умершего друга, а потому старался сделать все, только бы она была счастлива и весела.

А.К. Толстой подробно рассказал в романе, как проводила время боярыня Елена. Пока муж отдыхал в опочивальне, «Елена с сенными девушками сидела под липами на дерновой скамье, у самого частокола». Толстой детально описывает ее одежду: «На ней был голубой аксамитовый летник с яхонтовыми пуговицами. Широкие кисейные рукава, собранные в мелкие складки, перехватывались повыше локтя алмазными запястьями, или зарукавниками. Такие же серьги висели по самые плечи; голову покрывал кокошник с жемчужными наклонками, а сафьянные сапожки блестели золотою нашивкой».

Как же коротала время боярыня Морозова? Девушки давали ей примерять то запястья, то монисты. Когда ей это надоедало, то ей предлагали поиграть в горелки или в камешки, рыбку покормить или на качелях покачаться. А если и это не подходило, то одна из девушек пела ей песни, то грустные, то веселые. И вели девушки с боярыней беседы о русалках, о праздниках Ивана Купала и троицы, о всяких чудесах, подшучивали друг над другом, над желанием некоторых из них сменить косу на кокошник, то есть выйти замуж.

Рассказал в своем романе А.Н. Толстой и о принятом в боярских домах обычае потчевать хозяйкой-боярыней дорогих гостей.

Когда ко двору боярина Морозова приехал князь Вяземский с опричниками, чтобы увести силою Елену Дмитриевну, ничего не подозревавший Дружина Андреевич после предложения Вяземского выпить за здоровье молодой боярыни не мог пренебречь

обычаем и велел слугам привести Елену, чтобы она сошла потчевать дорогих гостей из своих рук. А когда Елена обошла с чаркой всех гостей, Морозов обратился к гостям.

«— Дорогие гости, — сказал он, — теперь по старинной русской обыкности, прошу вас, уважили б вы дом мой, не наложили б охулы на мое хозяйство, прошу вас, дорогие гости, не побрезгали бы вы поцеловать жену мою! Дмитриевна, становись в большом месте и отдавай все поцелуи, каждому поочередно!

Гости благодарили хозяина. Елена с трепетом стала возле печи и опустила глаза.

— Князь, подходи! — сказал Морозов Вяземскому.

— Нет, нет, по обычаю! — закричали гости, — пусть хозяин первый поцелует хозяйку! Пусть будет по обычаю, как от предков повелось!»

Роман А.К. Толстого — это литературное произведение, и Елена Дмитриевна — вымышленное лицо, но описание боярского быта, обычаев исторически верно.

О другой боярыне, Марфе Борецкой, историческом, не вымышленном лице, написал в своей повести «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода» Н.М. Карамзин, автор «Истории государства Российского». Н.М. Карамзин посвятил свою повесть известной исторической личности — русской боярыне Марфе Борецкой, или Марфе Исаковой, как было принято в XV в. называть супругу, мужа которой звали Исак. Н.М. Карамзин изобразил Марфу Борецкую сильной духом, крепкой идеей свободы Новгорода, нежеланием изменить заведенный в Новгороде уклад, а потому покориться русскому царю. Это было время, когда московский великий князь Иоанн III в процессе собирания русских земель в единое Русское государство решил в 1470 г. присоединить к Московской Руси Новгород, знаменитый своей независимостью и демократическим укладом жизни. Послав в Новгород своего представителя и получив от новгородских бояр отказ войти в состав Московской Руси, великий князь московский двинул на Новгород свои войска. Разумеется, новгородцы не были согласны терять свою вольность и оказали сопротивление иоанновым войскам. В повести говорится: «Они сражались за древние уставы и права, данные им отчасти самими великими князьями, например, Ярославом, утвердителем их вольности».

Марфа Борецкая (? — после 1467), которую Карамзин называет «посадницей», потому что она была к тому времени вдовою новгородского степенного посадника Исака Борецкого и, естественно, сохранила свое наименование по мужу, славилась среди новгородцев своим умом и красноречием. И потому, когда из Мос-

квы в Новгород прибыл боярин московский от Иоанна III и на новгородском вече почти уговорил новгородцев не сопротивляться и перейти под власть московского великого князя без кровопролития, Марфа выступила на этом вече со страстной речью, горячим призывом отстаивать свою независимость. Обращаясь к народу, она воскликнула: «Будь всегда достоин свободы, и будешь всегда свободным!» Воодушевленные ее речью, новгородцы вместе с иноземными гостями (купцами), вооружившись, отправились на бой с войсками великого князя московского. Это было кровопролитное сражение, в котором новгородцы потерпели полное поражение, а Марфа сначала лишилась погибшего в бою старшего сына — Дмитрия Исаковича Борецкого, затем потеряла избранного ею предводителя войска, который только что обвенчался с ее дочерью Ксенией, и двух своих юных сыновей.

Официальная, историческая версия вины Марфы Борецкой — ее измена, желание передать Новгород под власть польского короля Казимира. Однако Карамзин отвергает это обвинение и в своей повести рисует сцену прихода к боярыне Марфе Исаковой Борецкой польского посланника, от имени Казимира предложившего военную помощь против войск Иоанна, за что «благодарные новгородцы» должны были «признать в Казимире своего благодетеля — и властелина». Разгневанная этим предложением, Марфа ответила ему: «Лучше погибнуть от руки Иоанновой, чем спастись от вашей!»

В романтической карамзинской повести боярыня Марфа-посадница казнена сразу же, по торжестве иоанновой победы. Исторические документы показывают, что она была арестована в 1467 г. и сослана, после чего следы ее теряются. А потому смерть ее может быть датирована «после 1467 года».

В предисловии к своему повествованию Карамзин замечает: «И летописи и старинные песни отдают справедливость великому уму Марфы Борецкой, сей чудной женщины, которая умела овладеть народами, хотела (весьма некстати!) быть Катонем своей республики».

Как бы там ни было, но история оставила нам удивительный образ русской боярыни, владелицы огромных земельных угодий, смелой посадницы, пожелавшей сыграть политическую роль в истории России.

Боярыня еще не ложилась. На голове ее уже не было кокошника. Густая, полураспущенная коса упала на ее белые плечи. Летник был на груди растегнут. Елена готовилась раздеться, но склонила голову на плечо и забылась.

А.К. Толстой. «Князь Серебряный»

Когда Софья Алексеевна объявила желание свое взять меня в паж и когда, на вопросы боярынь, объяснила им, что такое паж, все упрашивали ее исполнить это поскорее и не оставить своего милостью пригожего, разумного сироту (так угодно было им называть меня).

И.И. Лажечников. «Последний Новик»

— Что ты, боярыня, грех какой! Заплесть тебе косу по-девичьи! Боже сохрани! Да неравно узнает Дружина Андреич!

— Не узнает, девушки! Я опять кокошник надену!

— Нет, боярыня, грешно! Власть твоя, а мы этого на душу не возьмем!

А.К. Толстой. «Князь Серебряный»

БОЯРЫШНЯ, -и, ж.; др.-рус. (от «боярыня» — «боярин»)

«боярышни» — мн. «боярышен»

Прил. «боярышнин», -а, -о

Титул незамужней дочери боярина и боярыни, представительницы старой русской родовитой знати в Древней и Московской Руси (IX—XVII вв.); служительница при государевом дворе в царицыном дворном чине.

После замужества боярышня приобретала тот титул, которым владел ее муж. В случае выхода ее замуж за князя она становилась княгиней, за боярина — боярыней, а высокородная красивая и статная боярышня имела шанс стать царицей. Если же она выходила замуж за худородного простолюдина, то теряла и свой титул, и свой сословный статус. Для боярской семьи такой исход дела представлялся совершенно нежелательным, даже трагичным, потому что нарушал для всех членов семьи «честь и место» при государевом дворе, а следовательно, помимо позора (лишения чести) был «случаем», который опускал их по местнической лестнице и лишал доходных должностей и повышений по чину. В связи с этим боярышню старались охранять от чужих глаз и оберегать от каких-либо поползновений со стороны знакомых, но не высокородных молодых людей.

По законам Древней и Московской Руси, боярышня должна была жить в особом помещении — тереме, притом не внизу, а на втором или даже на третьем срубе, или, как бы мы теперь сказали, — на втором или третьем этаже. Окруженная мамками, няньками и санными девушками, она большую часть времени проводила в молитвах, в чтении священных книг, за пядями, вышивая зачастую целые полотна на библейские и евангельские темы, чтобы принести их в дар храму.

Ее светскими развлечениями были беседы с воспитательницей-мамой, кормилицей, санными девушками, слушание сказок и пе-

сен-былин, примерка новых платьев, лент и драгоценных украшений, зимой — катание с горок на санках во дворе дома, а летом — качание на качелях в боярском саду, хороводы с сенными девушками и другие забавы, но тоже в пределах боярского двора. Да и прогулки ее были в основном только в домашнем саду. Фактически жизнь боярышни протекала большей частью в затворничестве: редко когда ей удавалось выйти за пределы боярского двора. Однако, если она была не очень богатых родителей, то вместе с матерью и прислугой каждый день должна была выходить в близлежащую церковь к обедне и обязательно на службу в великие праздники. Боярышня богатых родителей, у которых была своя домовая церковь со своим священником, этой радости выхода из дома не имела. Но были выезды на богомолье в далекие монастыри, когда путешествие растягивалось не на один день.

Боярышни московские могли приезжать в Кремль, в царицыны хоромы, к царевнам. Тогда они в своем каптане (повозке) или в возке останавливались у ворот Кремля и просили служителей узнать, могут ли их принять. Если царевны были заняты, то боярышня уезжала домой, если нет, то ее пропускали в царицыны палаты.

Несмотря на все предосторожности, случалось, что боярышня влюблялась в какого-нибудь молодца из ближнего окружения боярина, ее отца. Однако замуж приходилось выходить за нелюбимого, избранного для нее боярина, боярского сына или окольного. С ее чувствами никто не считался, и жизнь ее за нелюбимым мужем бывала весьма горькой, тем более что и выйдя замуж, некоторые из боярышен из-за ревности мужа оставались по сути в неволе.

В Русском государстве с древнейших времен было принято царевен и великих княжон выдавать замуж за иностранных королевичей, а боярышень — за бояр, князей или боярских детей. В XIV—XV вв. законом было предусмотрено, что приданое ее при замужестве сохранялось за ней до конца ее жизни и в случае смерти мужа становилось ее «вдовьей долей».

При государевом дворе в царицыном дворовом чину существовал «чин» боярышня-девица. Это была как бы третья ступень в иерархической лестнице женских дворовых чинов, следовавшая за боярынями-казначейми. Боярышни-девицы избирались из ближнего окружения царицы: из родственниц и свойственниц царя и царицы, из близких родственниц или знакомых верховых боярынь. Чаще приглашались царицей дочери не очень знатных бояр, даже девушки из дворянского сословия, но непременно или близкие ей люди, или по рекомендации близких людей. Чужих ко двору не приглашали, опасаясь незнакомых людей, а потому боярышни-девицы были или родственными или свойственными

особами, родословная которых была хорошо известна и царице, и верховым боярыням, а потому царица с разрешения царя брала к себе в комнаты такую девушку, которую она захотела взять. Григорий Котошихин отметил в своем труде «О России, в царствование Алексея Михайловича»: «а которого боярина или окольничего и думного и ближнего человека, дочь девица, или вдова, понадобится царице или царевнам, для житья взять себе въ домъ, и имъ то вольно, кроме самыхъ большихъ бояръ дочерей».

Получив чин боярышни-девицы, избранная царицей девушка поселялась в комнатах царицы или царевен. Как сверстницы или старшие подруги царевен-подростков, они служили для игр, всякого рода забав, бесед, а потому должны были быть развитыми, грамотными девушками, умеющими и рассказать какую-нибудь историю, былину или сказку, быть находчивыми и веселыми.

Число боярышен-девиц в палатах царицы было неограниченным и зависело, может быть, только от количества царевен-девушек и царевен-отроковиц, к каждой из которых могли пригласить не одну, а двух или трех боярышен.

Старшинство боярышни-девицы зависело от возраста царевны, к которой она была приглашена, так что в женском дворежном чине различались старшие, младшие и меньшие по чину боярышни-девицы.

Боярышне-девице отводился угол для ее постели, стольничала она с царевнами, одежду, обувь, головные уборы и всякие украшения она получала от царицы, а потому чиновного годового жалованья ей не полагалось.

Правда, в конце XVII в. этот порядок изменился и боярышням-девицам стали выдавать окладное годовое жалованье. Старшие стали получать по 7 рублей в год, младшие — по 5 рублей, а меньшие по чину — 3 рубля.

Когда приходило время женить молодого царя, то обычно ему подбирали невесту из числа боярышен.

По установленным правилам, полагалось из каждой местности привозить к наместнику своих дочерей «без утайки» как кандидатов для избрания царской невесты.

Наместник и его ближнее окружение, состоявшее из именитых людей, выбирали из представленных им боярышен наиболее, по их мнению, красивую, здоровую и родовитую девушку, достойную стать царской невестой.

Отобранных таким образом на местах боярышень привозили к царскому двору, где отбор продолжали царица-мать и ближние бояре и боярыни.

И только после этого в выборе царской невесты принимал участие и сам молодой царь. Так что боярышня могла стать царской невестой, а затем и царицей.

Главными требованиями при выборе царской невесты были красота, дородность, хороший цвет лица, подобающий рост (для чего давалась мерка). Но для царицы-матери и ближних бояр важную роль играли также и всякие политические соображения. Так как каждый из боярских родов стремился через это родство приблизиться к власти, боярышня оказывалась в центре жесточайшей борьбы.

В результате такого отбора стала женой Иоанна Грозного и царицей боярышня Анастасия, дочь боярина Романова, первая из древнего московского рода Романовых достигшая царского трона. Правда, потом понадобилось почти полстолетия, прежде чем Романовы стали царствовать на Руси: Анастасия Романова приходилась прабабкой царю Михаилу Романову.

Анастасия скончалась совсем молодой. Известно, что сам Иоанн Грозный и многие другие считали, что она умерла в цветущем возрасте из-за происков бояр, ее отравивших. В своей покаянной речи перед собором Грозный, прося разрешения вступить в четвертый брак, говорил об Анастасии, что он прожил с ней любовно тринадцать с половиною лет, «но вражьим наветом и злых людей чародейством и отравами царицу Анастасию извели».

Некоторые боярышни были погублены из-за этой боярской борьбы за власть или в самом процессе отбора царской невесты, или как только она стала царицей. Такой жертвой оказалась Марфа Васильевна Собакина, которая заболела, как только стала невестой Иоанна Грозного, и после свадьбы (28.10.1571), не прожив и месяц, умерла в тяжелых мучениях 13 ноября 1571 г.

Иоанн Грозный женился семь раз, и потому, что он был страстный и жестокий женолюб, и из-за происков бояр и особенно верховых боярынь, умевших известить любого человека. Ведь бывало и так, что бедная боярышня, уже выбранная царем невеста, падала в обморок во время брачной церемонии от непосильной тяжести венца и нарядов, специально надетых на нее боярынями, а затем объявлялась «порченной» и больной. Были случаи, когда в ожидании свадьбы царская невеста вдруг начинала болеть и чахнуть, что, конечно, тоже было поводом отвергнуть ее как больную.

Но бывало и такое, когда после тщательного отбора, тяжелого для нее и морально, и физически, царица неожиданно для всех начинала болеть и умирала, как это было с боярышней-княжной Марией Владимировной Долгорукой, дочерью Владимира (Пет-

ра) Тимофеевича Долгорукого, первой женой царя Михаила Феодоровича, обвенчавшейся с царем 19 сентября 1624 г., а умершей 6 января 1625 г., то есть менее чем через четыре месяца. Предположительно (следствие тогда не проводилось), она умерла, отравленная кем-то из царицына дворового чина.

Был, правда, и такой случай, когда Грозный через три года после свадьбы заключил свою четвертую жену (Анну Колтовскую) в монастырь, и история до сих пор не знает о причине такого решения царя. А для нее, может быть, это была лучшая участь, чем доля царицы в условиях нелюбви царя и враждебного царицына терема.

Был случай, когда в 1626 г. неожиданно для всех избрана была царской невестой и стала царицей боярышня Евдокия Лукинична Стрешнева, которая и не претендовала на роль царской невесты, а была прислужницей у богатой и родовой боярышни, но полюбилась царю Михаилу Феодоровичу и он, несмотря на нежелание старицы Марфы, его матери, настоял на своем и женился на ней. Почти 20 лет Евдокия Лукьяновна жила с Михаилом Феодоровичем в любви и согласии и родила ему 10 детей.

Первой женой царя Алексея Михайловича была боярышня Мария Ильинична Милославская, ставшая матерью царей Федора Алексиевича, Ивана V Алексиевича, правительницы царевны Софьи и бабушкой царицы Анны Иоанновны. Вторая жена царя Алексея Михайловича, избранная им боярышня Наталья Кирилловна Нарышкина, подарила России Петра Великого.

Царица Наталья Кирилловна избрала для своего сына Петра в жены боярышню Евдокию Лопухину, участь которой тоже не была завидной: Петр сослал ее в монастырь, где она провела почти всю свою жизнь, и только на закате ее дней ее внук, император Петр II, так рано скончавшийся, порадовал признанием в ней достоинства царицы. Евдокия Лопухина была последней боярышней, ставшей царицей.

Начиная с императора Петра Великого, российские императоры женились на иностранках, правда, в отличие от своего великого предка, на европейских принцессах, а не на «воспитанницах» пастора Глюка.

Уже при царе Алексии Михайловиче, когда европейская культура стала более открыто заявлять о себе, затронув и «верх» государева двора, порядки терема были значительно смягчены и жизнь царевен, а тем более боярышен стала более свободной. Когда же к власти пришел молодой царь Петр I, то по его приказанию боярышни должны были появляться на ассамблеях в немецких открытых платьях и танцевать с мужчинами.

Но вот Петр I стал императором и в 1722 г. учредил Табель о рангах, в которой чин боярина предусмотрен не был, а в результате этого чины и звания «боярин», «боярыня» и «боярышня» ушли в прошлое, а боярские роды вместе с князьями и дворянами составили шляхетское (дворянское) сословие. Бывшие бояре старинных родов, особенно княжеских, стали титулованными дворянами. Боярышен стали величать или княжнами, или графинями, а тех, кто потерял свое богатство, барышнями: так уж повелось в Российском государстве, что с течением времени «боярышнями» стали называть городских девушек, и постепенно слово «боярышня» стало звучать как «барышня» и приобрело совершенно иное значение.

Боярыни и боярышни, хотя и в немецких, но по-русскому тяжелых — до пуда весом — платьях. Без украшений — драгоценности в то время были запрещены, — но нарумяненные, как яблоки, и с густо насурмленными в одну линию черными бровями, неловко держась за своих кавалеров, скакали и высоко подпрыгивали по воценому полу, в общем кругу танцующих.

А.Н. Толстой. «Петр Первый»

— Да и прилично ли, сударыня, русской боярыне или боярышне находиться вместе с немцами-табачниками да с их работницами?

А.С. Пушкин. «Арап Петра Великого»

КОНЮШИЙ, -его, м., сущ. ст.-слав.

(от «конь-конюх-конюшня»)

(«начальник конюшни», «начальник Конюшенного приказа»)

В Российском централизованном государстве XV — начала XVII в. — придворный разрядный чин (сан) и должность начальника Конюшенного приказа при Конюшенном дворе, а также почетный свадебный чин, самый главный на великокняжеской и царской свадьбе.

Первое упоминание слова «конюший» в значении должностного лица встречается в русском источнике 1496 г., когда правил страной Иоанн III Васильевич. Употребление слова «конюший» в значении сана (чина) в службе при государевом дворе Иоанна III достоверно подтверждено документами 1499 г.

Однако, по свидетельству С.М. Соловьева, еще с 1457 г., когда великим князем московским был Василий II Васильевич Темный, в жалованных грамотах великих князей литовских, выдаваемых русским дружинникам, поступавшим к ним на службу, в числе

бояр, окольничих, стольников, чашников, тиунов и дворских упоминается и конюший.

Выдача жалованных грамот великими литовскими князьями русским дружинникам государева двора Василия Темного связана с тем, что в литовских землях с 1457 г. великий князь Казимир Ягеллович дал своим князьям, боярам и панам право выезжать в чужие земли (кроме неприятельских) для увеличения своего состояния. Литовцы приезжали и в Русию и, чтобы осуществить свои планы обогащения, нанимали русских дружинников для охраны или, как бы мы теперь сказали, совместного «бизнеса», а в качестве договора выдавали им жалованные грамоты.

По мнению Неволлина, уже при Иоанне III для управления делами в Московском государстве учреждаются приказы: Разрядный, Холопий, Житный, Большого двора (заведовал московскими землями), Казенный, Постельный и Конюшенный.

В письменном источнике слово «приказ» в значении учреждения для управления каким-либо «путем» встречается только в 1512 г. в грамоте великого князя Василия III Иоанновича, направленной им Владимирскому Успенскому монастырю.

В конце XVI в. был образован Конюшенный двор, в состав которого вошел и Конюшенный приказ. Г. Котошихин свидетельствует: «Конюшенный двор; а в нем приказ, при прежних царях сидели и ведали тот приказ и двор конюшей боярин, а с ним товарищи, яселничей, да дворянин, да два дьяка. А кто бывает конюшим, и тот первой боярин чином и честию; и когда у царя после его смерти не останется наследия, кому быть царем, кроме того конюшего иному царем быть некому, учинили бы его царем и без обирания» (избрания).

Чин конюшего считался высоким боярским чином, и придворный государева двора, получивший этот чин, занимал место второго лица в государстве.

На эту должность мог быть назначен только боярин. Так, Борис Годунов, с 1576 по 1579 г., имевший при государевом дворе царя Иоанна Грозного чин крайчего (кравчего), в 1580 г. получил боярский чин. При царском венчании с Марией Нагой в августе 1580 г. он был пожалован знатным саном конюшего и званием ближнего великого боярина и наместника царств Казанского и Астраханского.

В ведении конюшего находились царские конюшни, табуны лошадей, земли, отведенные для содержания царских табунов, конные заводы, деревни, поставлявшие корм лошадям, штат коннозаводчиков, служителей-конюхов, мастеров каретного и колы-

мажного дела, изготовителей конной упряжи и других служителей при Конюшенном приказе.

С XVI в. в обязанности конюшего входило также формирование конного войска.

В его подчинении находился ясельничий, бывший как бы его заместителем, но впоследствии ставший главой конюшенной части государева двора, да дворянин и два дьяка, оформлявших деловые бумаги и отчетность.

Конюшенный приказ во главе с конюшим, а в XVII в. уже во главе с ясельничим, ведал, как уже упоминалось, всякого конюшенного чина людьми. Главными из них были столповые приказчики, в обязанности которых входило бережение седельной, санной, каретной и колымажной «казны», приемка и раздача овса и сена для лошадей, надсмотр и бережение царских лошадей во время походов и поездок царя. Котошихин называет 15 человек столповых приказчиков, которые ежегодно попеременно посылались, кроме того, в города и села, на конские площадки, видимо, чтобы закупить корма и произвести ремонт (замену отбракованных лошадей новыми).

У столповых приказчиков помощниками (товарищами) были задворные конюхи. Они помогали столповым приказчикам принимать, хранить и раздавать «всякую казну», и овес, и сено, ездили на конские площадки, смотрели за царскими лугами-пастбищами и за пасущимися там лошадьми. Сопровождали они царя и в его поездках по монастырям и по церквам, имея поручение носить лошадиный покровец (попону) и обитую бархатом скамеечку, помогавшую царю садиться на лошадь и сходиться с нее. Задворных конюхов бывало до 40 человек.

К конюшенным чинам относились и стремянные конюхи, которые ходили с царем в поход, ездили с ним по монастырям и церквам, а по царскому приказу — и на конские площадки для сбора пошлин с купли-продажи лошадей и с записи сделки в специальной книге, в которой записывались и сведения о лошади — ее масть и возраст. Отсутствие при купле-продаже записи в этой книге каралось пеней (штрафом) по рублю с человека (с продавца и покупателя), потому что штрафные деньги шли на жалование конюшенного чина людям и подъячим, оформлявшим сделку. Обязанностями стремянных конюхов было также принимать из-под царя коня и держать его, подводить коня к царю, ходить возле стремени, ездить возле саней и карет, в которых путешествуют царь и царица или вся царская семья. Они должны были смотреть за лошадьми, а потому и дневать и ночевать в конюшне, по четыре или пять человек в сутки. Все стремянные конюхи

(50 человек) были разделены на две группы, которые попеременно жили в Москве, обслуживая конюшни государева двора и исполняя приказы царя.

Стряпчие конюхи при государевом дворе в Москве и в царевых походах должны были ухаживать за лошадьми: чистить их, поить, кормить, выгуливать. А когда царь собирался в поездку, седлать коня или впрягать лошадей в кареты или в сани. Из числа стряпчих конюхов выбирали и возниц. Всего стряпчих конюхов насчитывалось до 200 человек.

Столповые приказчики, стремянные, задворные и стряпчие конюхи обслуживали не только царя, но и царицу с царевичами, царевнами и верховыми боярынями царицына дворового чина. Котошихин отметил, что «все те вышеописанные чины люди честные, и пожалованные годовым денежным жалованьем, и поместьями, и вотчинами».

Однако кроме них в ведение Конюшенного приказа во главе с конюшим входили еще 200 человек стадных конюхов, которые на пастбищах у городов и сел пасли лошадей, да 100 человек ремесленных людей: каретников, седельников, шлейников, кузнецов, сыромятников, колесников, коновалов.

По свидетельству Г. Котошихина, на царских конюшнях государева двора содержалось огромное количество лошадей: царский выезд насчитывал примерно 150 лошадей, царицын выезд — 50 лошадей; 100 лошадей служили для посольских выездов, для съездов и свадеб бояр, для нужд приказных конюшенных чинов; 3000 лошадей составляли добрые береженные лошади как резерв для ремонта, для подарков зарубежным правителям и других особых случаев; 40 000 лошадей были предназначены для дворовых и конюшенного чину людей в царевых походах, на царской охоте, на всякой работе в городах и селах, для стрелецкого войска. Если же учесть, что ко все этим обязанностям в XVI в. прибавилось еще и формирование конного войска, то количество содержащихся лошадей возрастет еще втрое.

Конюшенный приказ ведал также царской зимней и летней охотой, и звериной, и птичьей. Охотились на лося, на оленя, на медведя, на волка, на лису, на зайца, используя тенеты и травя зверя собаками. Известно, что царь Алексей Михайлович любил птичью охоту и даже сам написал специальный уряд (порядок), как бы сценарий проведения этой охоты. Царскую охоту обслуживали около 100 человек потешников, ловцов, сокольников, подсокольников и псарей. Для царской охоты содержались лесные рощи, а в них дворы (охотничьи домики). Они находились в

ближнем и дальнем Подмоскowie, в 7, 10, 15 и более верстах от Москвы. И все это хозяйство тоже входило в ведение конюшего.

Придворный государева двора, имея чин конюшего или какой-нибудь другой чин (окольничего, кравчего, стольника, спальника и др.), не мог ограничиваться только одним порученным ему делом. Он должен был выполнять любые поручения царя.

Конюший был активным участником дипломатической и военной деятельности государства, фактически возглавлял Боярскую думу, а временами и правительство.

При Иоанне III разрядный чин конюшего довольно долго занимали братья Челяднины, Андрей и Иван Андреевич.

Василий III, женись на Елене Васильевне Глинской, избрал свадебным конюшим боярина князя Федора Ивановича Телепнева-Овчину-Оболенского, который вместе с сыном Иваном как главный распорядитель был на свадьбе великого князя. Ему «велено быти у государева коня и ездити весь стол и вся ночь круг подклети (спальни новобрачных) с саблею голою или с мечем». Сын его, Иван Федорович, тоже охранял царя и молодую царицу в их брачную ночь. Он находился в числе детей боярских четвертым у брачной постели вместе с верховыми дворовыми боярынями, вдовами бояр Челяднинных, Еленою и Аграфеною. Аграфена, по мужу Челяднина, была дочерью Федора Ивановича Телепнева-Овчины-Оболенского, родной сестрой Ивана. Ивану Овчине тогда было поручено «колпак держать великого князя и спати у постели и в мыльне мыться с великим князем».

Перед смертью великий князь московский Василий III возвел князя Ивана Федоровича Телепнева-Овчину-Оболенского в боярский сан и назначил его конюшим государева двора. Остался он конюшим и во времена правления Елены Глинской (1533—1538), матери Иоанна IV Грозного. Будучи связан с ней сердечными узами, ее фаворитом, он возглавил Боярскую думу и правительство, как главный воевода ходил в военные походы, занимал первое место при государевом дворе малолетнего великого князя Ивана Васильевича.

После смерти Елены Васильевны Глинской и гибели Ивана Федоровича Телепнева-Овчины-Оболенского при молодом царе Иоанне IV конюшим был Михайла Васильевич Глинский, родной дядя царя.

Во времена царствования Феодора Иоанновича (1584—1598) фактически правил страной боярин Борис Годунов, имевший тогда, как уже говорилось выше, сан конюшего, а впоследствии, как известно, ставший царем.

Последним конюшим был возведенный в этот сан Лжедмитрием I М.Ф. Нагой, дядя царевича Димитрия, сына Иоанна Грозного от Марии Нагой. После Смутного времени, в первые годы XVII в., Конюшенный приказ полностью перешел в ведение ясельничего, а чин конюшего был упразднен. Котошихин объяснил упразднение чина конюшего тем, что бывший конюший Борис Годунов убил царевича Димитрия и стал царем. Так чтобы этого больше не было, решили, что чин конюшего не нужен, поэтому после смерти царя Бориса Годунова и окончания Смутного времени чина конюшего при царях Михаиле Феодоровиче и Алексии Михайловиче не было.

В царствование Петра I, когда приказы были заменены коллегиями, а государев двор императорским двором, обязанности конюшего и ясельничего стали исполнять придворный III класса по Табели о рангах — обер-шталмейстер и его заместители — шталмейстеры (IV класс).

Назывался конюшим и главный конюх, ведавший конюшнями и конюхами у какой-нибудь знатной владетельной особы. Так как придворный чин конюшего был упразднен еще в начале XVII в., наименование это стало употребляться именно в последнем значении — главный конюх во владении знатной особы.

В сказке «Конек-Горбунок» П.П. Ершова главный герой Иван случайно становится конюшим у царя и испытывает много неприятностей и трудностей из-за доносов на него спальника, бывшего прежде конюшим. Разумеется, крестьянин Иван мог стать царским конюшим только в сказке, на самом деле он был всего лишь конюхом на царской конюшне.

Наименование «конюший» было принято и на конских заводах. Так называлась должность начальника конюшен, в подчинении у которого находились конюхи, отвечающие за состояние конюшен и за содержание лошадей.

конюший боярин, князь Михайла Васильевич Глинский, родной дядя царский, был в это время с матерью во Ржеве, полученном от царя в кормление; но брат его, князь Юрий, был в Москве и стоял вместе с боярами на Кремлевской площади.

С.М. Соловьев. «История России с древнейших времен»

Борис Федорович в последние годы пошел быстро в гору. Он сделался шурином Царевича Федора, за которого вышла сестра его Ирина, и имел теперь важный сан конюшего боярина.

А.К. Толстой. «Князь Серебряный»

Донесу я в думе царской,
Что конюший государственной —

Басурманин, ворожей,
Чернокнижник и злодей;
Что он с бесом хлеб-соль водит,
В церковь божью не ходит,
Католицкий держит крест
И постами мясо ест.

П.П. Ершов. «Конек-Горбунок»

Поликей смолоду был в другой деревне на конном заводе. Конюший, к которому он попал, был первый вор по всему околотку: его на поселенье сослали.

Л.Н. Толстой. «Поликушка»

КРАВЧИЙ, -его, м., сущ. (от «кроить»)

а также **КРАЙЧИЙ**, -его, м., сущ.

Прил. «кравческий», -ая, -ое

а также «крайческий», -ая, -ое

Почетная должность, придворный чин (сан) в Московском государстве, учрежденный в начале XVI в. Василием III Иоанновичем.

Кравчий служил царю за столом во время торжественных обедов, в его обязанности входило наливать вино в чашу государя, резать («кроить») жаркое, пироги. В его ведении были столы, которые командовали слугами, подававшими к столу вина и разные блюда. Кроме того, в дни торжественных обедов при государевом дворе на кравчего возлагались обязанности по рассылке боярам и другим разрядным чинам, в том числе и царицыным верховым боярыням, так называемых «подач» — еды и напитков с царского стола.

При царе, царице и царевичах были личные их кравчие, служившие в «верху», в царских комнатах. У царя и царевичей — кравчие из мужского разрядного чина, у царицы и царевен — боярыни-крайчие из царицына дворового чина.

Должность и чин кравчего, в которые назначались не более чем на пять лет, а на самом деле на год-два, могли получить только представители наиболее знатных фамилий, так как этот чин, следующий по рангу перед окольниковым, был ближайшей ступенью, ведущей к получению боярства. Так, в 1576—1579 гг. служил кравчим при государевом дворе Иоанна IV Грозного Борис Годунов. В августе 1580 г. на свадьбе царя с Марией Нагой он получил чин свадебного боярина, что равнялось получению боярского чина. Правда, в большей степени этому способствовала его женитьба на дочери Малюты Скуратова-Бельского, но чин

кравчего, имевшийся у Бориса Годунова, позволил Грозному пожаловать ему «боярскую шапку» как бы на законных основаниях.

Чаще всего кравчий выбирался из стольников, однако все зависело, конечно, от воли государя, и в кравчие мог быть пожалован и тот, кто не был до этого ни стольником, ни спальником.

В 1676 г. царем Алексием Михайловичем в кравчие был пожалован князь Василий Федорович Одоевский (ум. 1686), причем пожалован «в кравчие с путем», «и велено писать его выше окольных». А это означало, что ему доверено ведение какой-то отрасли хозяйства, причем весьма важной. В 1680 г. царь Федор Алексиевич пожаловал князя Василия Федоровича Одоевского в бояре и доверил ему управление приказами Большого Дворца, Денежного сбора, Хлебным и Судным, а также отдал в его ведение Оружейную, Золотую и Серебряную палаты. Вероятно, князь Василий Федорович Одоевский славился честностью и неподкупностью, если ему были доверены такие важные хозяйственные отрасли.

Служил князь Одоевский и во времена правления царевны Софьи Алексиевны при малолетних царях Иване и Петре.

С 1685 г. боярин князь Василий Одоевский получил чин дворецкого. Но в следующем году он скончался.

Князь Борис Алексеевич Голицын (1654—1714) с 1676 г. был комнатным стольником. Ему было поручено быть дядькой-воспитателем царевича Петра (Петра I), которому в то время было всего четыре года.

В 1682 г. князь Голицын получил чин (сан) кравчего. Через год его назначили судьей Астраханского и Казанского приказов.

После кончины царя Федора Алексиевича, последовавшей в 1682 г., князь Борис Алексеевич Голицын проявил себя как один из главнейших сторонников провозглашения на трон царевича Петра: в 1689 г. князь Голицын активно вел борьбу на стороне партии Нарышкиных против царевны Софьи за приход к власти царя Петра I. И в те времена, когда у России было два царя — Иоанн V и Петр I с правительницей Софьей во главе, и с приходом Петра к полной власти, к единоличному царствованию, князь Борис Голицын — всегда верный слуга и единомышленник, один из первых помощников молодого царя.

Во время пребывания Петра I за границей в 1697 г., во время Азовских походов царя 1695—1696 гг., а также во время Великого посольства Петра I князь Б.А. Голицын вместе со Львом Кирилловичем Нарышкиным, дядей Петра I, и князем-кесарем Фе-

дором Юрьевичем Ромодановским управлял государственными делами России.

В 1694—1695 гг. Борис Алексеевич сопровождал царя Петра в его поездках на Белое море.

В 1698 г. Голицын был в числе следователей по делу о восстании стрельцов. И всегда князь Голицын, доверенное лицо, рядом с царем Петром. Но вот в 1705—1706 гг. произошло восстание в Астрахани, области, подведомственной князю Голицыну как судье Астраханского приказа. Князь Голицын не сумел вовремя предотвратить народное волнение. Положение князя после этого инцидента перестало быть таким доверенным и прочным, как это было прежде. По-видимому, это обстоятельство очень мучило Голицына, и в 1713 г. он постригся в монахи под именем Боголепа.

В следующем, 1714 г., боярин князь Борис Алексеевич Голицын окончил свою земную жизнь. Он был последним из князей Голицыных, получившим достоинство боярина.

Князь Алексей Петрович Прозоровский в 1682—1690 гг. был кравчим при государевом дворе сначала в годы правления царевны Софии Алексеевны, а затем с сентября 1689 г., после заточения Софьи в Новодевичий монастырь, — в царствование Петра I и Иоанна V Алексиевичей.

В 1697—1699 гг. князь Прозоровский служил воеводой в Азове, а в 1700—1701 гг. — на Северной Двине, где по указанию Петра I проводил укрепление Архангельска и Холмогор для отражения возможного нападения шведов. В июне 1701 г. на острове Бревенике Прозоровский заложил крепость Ново-Двинку. 20 июня этого же года шведские корабли сделали попытку штурма побережья, но были отбиты. Во время отступления два шведских корабля сели на мель, и команда покинула их. По распоряжению князя Прозоровского корабли были подняты и приведены в Архангельск. По этому поводу, как говорится в Русском биографическом словаре (СПб., 1895—1913), Петр I писал адмиралу Ф.М. Апраксину: «Зело чудесно!.. Сим нечаемым счастьем поздравляю вас. Где чего нечаяли, Бог дал!»

Прозоровский за свой подвиг был награжден. Крепость Ново-Двинка была достроена через четыре года.

Последним кравчим при царском дворе был Кирилл Алексеевич Нарышкин (ум. 1723), любимец Петра I и его родственник по линии царицы Наталии Кирилловны Нарышкиной, матери Петра I, отчего иностранцы впоследствии называли Нарышкиных принцами крови. С 1686 г. Кирилл Алексеевич был комнатным

стольником царя Петра. В 1691—1692 гг. он исполнял почетную должность кравчего.

Кирилл Алексеевич Нарышкин верно служил своему царю и императору, ему поручались важные дела. В 1695—1696 гг. он участвовал в Азовском походе Петра, вернувшись из похода, в звании ближнего кравчего получил назначение воеводой в Псков. В 1702 г., после взятия крепости Нотебург (Шлиссельбург), Петр поручил ему руководство возведением укреплений этой крепости. В следующем году Нарышкин руководил строительством среднего бастиона Петропавловской крепости. Этот бастион был назван его именем — Нарышкинский бастион.

В 1704—1710 гг. он служил псковским и дерптским обер-комендантом. В круг его обязанностей входило отправление в Петербург полков и подвод с продовольствием и боеприпасами, устройство оборонительных линий, составление их чертежей, поставка судов и лодок в Нарву и Юрьев.

В 1710 г. Петр назначил Кирилла Алексеевича Нарышкина первым комендантом г. Петербурга, и Нарышкин оставался на своем посту до января 1716 г. 24 января 1716 г. он получил временное назначение московским губернатором в связи со следствием по делу занимавшего этот пост боярина Алексея Петровича Салтыкова, обвиненного в лихоимстве. В ходе следствия Салтыков был оправдан, но получил другую должность, а Кирилл Алексеевич Нарышкин остался на посту московского губернатора и служил в этой должности до 8 апреля 1719 г. При губернаторе Нарышкине в Москве велись большие градостроительные и промышленные работы. Были построены новые кирпичные заводы, парусная фабрика на Клязьме, суконовальная мельница на Москве-реке, восстановлена плотина у Всехсвятского моста для более продуктивной работы суконовальной мельницы. Исполняя указ царя, Нарышкин организовал обучение молодых мастеров из Архангельской губернии на городских кожевенных фабриках. Образцы кож, изготовленных на них, отправлялись в Петербург. В 1717 г. начали камнями мостить Красную площадь для установки там пушек и мортир.

Московский губернатор Нарышкин отвечал также за поставку в Петербург работных людей на строительство новой столицы, а также садовников из Измайловских, Коломенских и Васильевских садов к архитектору Леблону для устройства парков и садов в Петербурге.

Царь Петр высоко ценил энергию и исполнительность Нарышкина, его умение кратко и ясно излагать свои мысли. Однако с Сенатом у Кирилла Алексеевича отношения не сложились, и се-

наторы завели на него дело. В 1719 г. он вынужден был оставить пост московского губернатора, а в 1723 г. его не стало.

С учреждением Табели о рангах в январе 1722 г. все прежние чины государева двора упразднялись. Был упразднен и чин кравчего. Вместо него был учрежден с некоторыми изменениями в обязанностях чин обер-шенка (виночерпия), а в XIX в. в Табелю о рангах вошел еще один чин — обер-форшнейдер («главный разрезатель»), который восполнил вторую половину старинных обязанностей кравчего (крайчего) — «кроить», то есть резать кушанья для царя и царицы. А кравчими в XIX столетии стали в шутку называть всех, кто в веселом застолье разливал вино.

Двор его (Василия III) был великолепен. Василий умножил число сановников, прибавив к ним оружничего, ловчих, крайчего и рынд. Крайчий был то же, что ныне обершенк.

Н.М. Карамзин. «История Государства Российского»

Напротив Серебряного сидел один старый боярин, на которого царь, как поговаривали, держал гнев. Боярин предвидел себе беду, но не знал какую и ожидал спокойно своей участи. К удивлению всех, кравчий Федор Басманов из своих рук поднес ему чашу вина.

— Василий-су! — сказал Басманов, — великий государь жалует тебя чашею!

Старик встал, поклонился Иоанну и выпил вино, а Басманов возвратился к царю, донес ему:

— Василий-су выпил чашу, челом бьет!

А.К. Толстой. «Князь Серебряный»

Шел пир небывалый за круглым столом,
Блистали в шелках паладины,
И кравчие в кубки огромным ковшом
Цедили шипящие вина.

В.Я. Брюсов. «Похищение Берты»

Они разом выпили, свистнули и бросили чары на серебряный поднос, который держал перед ними один из кравчих.

— Подавай кругом! — вскричал Замятня. Кравчий повиновался.

Н.А. Полевой. «Повесть о суздальском князе Симеоне»

ЛОВЧИЙ, -его, м., суц.
(от «ловить»)

В Древней и Московской Руси первоначально это местная, а позже, в процессе становления государева двора, — дворцовая почетная должность как чин (сан), который возлагался на придворного, ведавшего великокняжеской, а в Московском централизованном государстве — царской охотой.

Впервые должность ловчего упоминается в середине XV в. (ок. 1455 г. по новому летосчислению), в княжение (1425—1462 с перерывами) великого князя московского Василия II Васильевича Темного. Но так как охота была княжеским делом издревле, считалась для князя и его дружины как бы школой ловкости, смелости, отваги, владения оружием и хорошей физической подготовки, то, вероятно, управляющие княжеским охотничьим хозяйством и организаторы охоты, ловчие, были уже и в X, и в XI вв.

В княжение (1462—1505) Ивана III Васильевича, объявившего себя великим князем, структура государственного двора приобрела уже довольно четкие очертания. При его сыне, Василии III Ивановиче, великом князе московском с 1505 по 1533 г., государев двор пополнился еще тремя придворными, среди которых первым был утвержден в 1509 г. разрядный чин (сан) ловчего. Только что закончилась война с Литвой, и наступило время, когда можно было получить удовольствие от звериной охоты, для организации которой нужен был ловчий. По-видимому, тогда же был учрежден и особый Ловчий приказ, возглавляемый ловчим. Этот приказ существовал долго, более 100 лет, вероятнее всего, до первой половины XVII столетия. Позже царская охота, и звериная, и птичья, была передана в ведение Конюшенного приказа. Во всяком случае, Г. Котошихин о царской охоте говорит как о входящей в ведение Конюшенного приказа: «Да въ томъ же Приказе ведомо царская зимняя и летняя потеха на звери: лосинная, оленье, межвежье, волчья, лисья, заечья, тенеты и псами; и устроены для той потехи под Москвою лесные рощи, а в нихъ дворы, отъ Москвы по 7 и по 10 и по 15 и по 20 верстъ и болши. А для ловлей техъ зверей и для потехи устроены потешники и ловцы, псары, со 100 человекъ, да псов со 100 жъ. А ловятъ техъ зверей тенеты, ночью порою, и отъ Москвы верстъ по 30 на все стороны никому въ своихъ лесахъ и угодьяхъ такихъ зверей ловити и бити не велено, и заказано подъ жестокимъ наказаниемъ и пенею; а будетъ кто в техъ заповедныхъ лесахъ про свой обиходъ сечь лесъ, и такому поймавъ бываетъ жестокое наказание и пеня».

В Древнерусском, в Московском, а тем более в централизованном Русском государстве лучшие охотничьи угодья принадлежали князьям. Эти угодья называли ловчими путями, а так как ловчие пути были в разных местах, то они носили название по тому уезду, в котором находились. Например, московский ловчий путь, рязанский ловчий путь и т.п. Каждым ловчим путем управлял ловчий. На порученной ему территории ловчего пути он

обладал большими полномочиями на правах, равных правам волостеля (правителя волости). В связи с этим бывали случаи, когда должности волостеля и ловчего совмещались и передавались одному лицу.

Для более четкой организации царской охоты ловчие пути делились на станы, в которые входили несколько деревень и починок. Станом заведовал становой ловчий, который находился в подчинении у ловчего, например, московского пути.

На великокняжеских и царских ловчих путях местному населению было категорически запрещено охотиться, вырубать и выжигать лес. Однако местное население нарушало этот закон. Поэтому в подчинении у ловчего находились два его помощника: тиун (судья местного значения), который разбирал дела о нарушениях, и доводчик, который проводил дознание и сыск по преступлениям на территории стана ловчего пути.

С возвышением Московского государства и подчинением ему удельных княжеств должность ловчего московского пути, естественно, становилась самой высокой среди других должностей ловчих, а сам он — главным ловчим московского великого князя, придворным государева двора. Потому с течением времени должность ловчего московского пути стала одним из разрядных чинов (санов) государева двора, особенно после того, как российский великий князь Иоанн IV Грозный получил титул «великого князя и Царя, государя всея Руси».

Ловчий московского ловчего пути — это охотник, спутник великого князя и царя на охоте, организатор охоты, управлявший охотниками, загонщиками зверя, псарями, специальными конюшными с лошадьми, предназначавшимися для царской охоты. Ловчий ведал также и земельными угодьями, на которых паслись охотничьи кони. В его ведении до 1550 г., когда Иоанном Грозным был учрежден чин (сан) сокольничего, была и царская птичья охота. Ему подчинялись и «все чины сокольничья пути» — сокольничий, подсокольничий и начальные люди.

При первом Романове, царе Михаиле Феодоровиче, начиная с 1619 г., всеми царскими охотами руководили ловчий и псовник (глава псарей) с помощью охотников ловчего пути.

Несмотря на то что придворный чин ловчего великий князь и царь жаловал иногда людям невысокого рода, ловчий являлся доверенным лицом великого князя или царя и так же, как окольничие, стольники, чашники и другие придворные государева двора, должен был исполнять самые различные поручения своего государя, вплоть до дипломатических. Поэтому некоторые лов-

чие впоследствии возвышались, получали чин думного дворянина, окольничего или даже боярина.

Примером могут служить Нагие и Пушкины, служившие при великокняжеском дворе ловчими и достигшие боярского звания.

Русские князья, любившие охоту и имевшие охотничьи угодья, по примеру великого князя или царя тоже назначали ловчих из своих подчиненных.

Бояре и помещики, которые также держали специальных лошадей для охоты и большую псарню, называли ловчим своего главного пса.

Чин (сан) ловчего был упразднен Петром I вместе с другими чинами государева двора, его обязанности с добавлением некоторых других поручений стали исполнять при императорском дворе обер-егермейстер и егермейстер.

Различные угодья на княжеских землях... ведались особыми сановниками — чашиником, стольником, ловчим.

В.О. Ключевский. «Курс русской истории»

Царь кричит на весь базар: «Ахти, батюшки, пожар! Эй, решеточных сзывайте! Заливайте! Заливайте!» — «Это, слышь ты, не пожар, Это свет от птицы-жар», — молвил ловчий, сам со смеху, надрываясь.

П.П. Ершов. «Конек-Горбунок»

НАМЕСТНИК, -а, м.; др.-рус.

(от «наместо» — вместо)

Прил. «наместнический», -ая, -ое,

а также «наместников», -а, -о

Звание, сан и должность одного из чинов государева двора, которому великий князь или царь передал свои полномочия в управлении княжеством, уездом или городом. А также звание, сан настоятеля монастырской обители.

Наместничество как явление было принято еще в Древней Руси, когда киевские великие князья передавали свои полномочия в управлении уделом сыновьям, братьям или другим близким родственникам, поручая им сохранять порядок на вверенной им территории, собирать дань и различные пошлины, вершить суд и назначать наказания за преступления. Так, киевский князь Святослав перед отъездом в болгарские земли разделил Древнюю Русь между своими сыновьями, передав им свои полномочия в уделах, сделав их своими наместниками. Только

после его смерти его сыновья, став самостоятельными удельными князьями, начали борьбу за киевский стол. Так же, как Святослав, поступил и его сын, великий князь Владимир Святославич, когда почувствовал приближение старости. Он раздал земли своим сыновьям, передал им свои полномочия править этой землей, собирать дань, вершить суд, но не как полноправным хозяевам земли, а как наместникам, которые должны были две трети собранного с населения денег передавать ему, великому князю, а себе «на кормление» оставлять только одну треть. Один из его сыновей (от Рогнеды), Ярослав Владимирович, впоследствии названный Мудрым, получив от отца Новгород, в 1014 г. отказался посылать в Киев 2 тысячи гривен, как он должен был это делать как наместник. Великий князь Владимир Святославич разгневался настолько, что хотел пойти на сына войной, но смерть помешала ему осуществить это намерение.

Великие князья, отправляясь в поход, оставляли вместо себя наместников из числа ближайших родственников или бояр. То же предпринимали и удельные князья, когда им нужно было отправиться с каким-либо делом к великому князю или в поход, а в монгольский период жизни Руси — когда они отправлялись в Золотую орду к хану.

Надо сказать, что во времена татаро-монгольского владычества и великие князья, которым хан (за большие деньги и подарки) давал ярлык на княжение, и удельные князья, стремящиеся купить ярлык на великое княжение, получив от хана ярлык, а с ним полномочия на управление принадлежащей им территории, на сбор дани и выплаты большей части ее хану, по сути дела выполняли роль наместников золотоордынских ханов.

Великий князь всея Руси Иоанн III Васильевич, значительно расширив территорию Московского государства, стал направлять своих князей, бояр, окольничих — придворных государева двора — на вновь присоединенные земли в качестве наместников. Удельные князья в XV веке, передав власть великому князю московскому и всея Руси, зачастую оставались наместниками в своих прежних княжествах.

Наместник в бывшем княжестве, в уезде или городе исполнял административные и судебные функции, опираясь на городского воеводу и местную администрацию. Территориально-административное деление Руси того периода составляли уезды с городами, волости (районы) и станы. Наместник получал в кормление уезд, а его помощники: волостель в волости и становой в стане — были в его подчинении. Звание и должность наместника были весьма желаемы многими князьями и боярами, потому что наме-

стник получал не только часть собранных им налогов и пошлин («кормленческий доход»), но и полагающиеся ему судебные пошлины (так называемый «присуд»). Чем больше налогов и пошлин собирал наместник, тем больше был его доход.

Помимо сбора дани, налогов и пошлин, наместник вершил суд над провинившимися людьми из местного населения не только в городах, но и в селах удельных князей.

До середины XVII в. наместник на вверенном ему месте руководствовался в судебных делах Уставными грамотами и Судебником 1497 года, в котором в общих чертах была определена компетенция должностных лиц местной администрации, установлены процессуальные нормы и наказания за особо опасные злодеяния (убийства, разбои, грабежи).

В середине XVII в., в царствование Алексея Михайловича, было создано «Уложение» (1649 г.), в котором были подробно представлены процессуальные нормы, определена компетенция должностных лиц и царя и закреплены очень жесткие формы наказания: «нещадно бить батогами», «бросить в тюрьму», «казнить смертью» — не только за особо опасные злодеяния, но и за взяточничество, за фальшивомонетничество, за оговоры невинных людей.

На должность и звание наместника назначались представители известных княжеских и боярских фамилий. Так, в правление Иоанна III Васильевича, в 1463 г. был наместником и воеводой в Пскове князь Звенигородский, Иван Александрович Большой; в 1497 г. наместником и воеводой в Муроме был назначен князь и боярин Федор Иванович Одоевский. В царствование Иоанна Васильевича Грозного, в 1576 г., наместником в Рославле был назначен князь Григорий Васильевич Звенигородский, который и позднее, в 1587 г., получил наместничество и воеводство в Брянске.

Князь Иван Иванович Одоевский Меньшой (ум. 1628) служил при государевом дворе стольником. В 1612 г. получил звание воеводы Вологды, где прослужил до 1614 г. С 1620 по 1621 г. он нес государеву службу первым воеводой Пскова. По-видимому, царь Михаил Феодорович был доволен его службой, потому что в 1622 г. пожаловал князя Одоевского Меньшого из стольников в бояре. В 1625 г. боярин князь Иван Иванович Одоевский Меньшой был послан воеводой в Новгород в сане наместника Костромского.

В XVII в. звание наместника считалось высоким саном, на уровне титула. Когда было необходимо придать значимость послу, то его возводили в сан наместника. Так, в 1656 г. князь Иван Ива-

нович Лобанов-Ростовский был послан на съезд в Вильно, но так как он еще не имел думного чина боярина, то ему присвоили сан — наместник Рязанский.

Наместничество существовало и в Российской империи вплоть до 1917 г., притом звание наместника присваивалось так же, как в Древней и Московской Руси, чинам, только теперь уже императорского двора.

Русская православная церковь использует звание наместника и по сей день. Наместником называется игумен, настоятель крупной монастырской обители. Патриарх всея Руси назначает наместником какого-либо монастыря лицо из числа черного духовенства в сане архимандрита.

«— ... Поздравляя меня, Некомат, наместником владимира и Суздаля! — прибавил он, обращаясь к Некомату, который дожидался его возвращения и низко кланялся ему, стоя подле дверей. — Садись, поговорим о деле».

Н. Полевой. «Повесть о суздальском князе Симеоне»

ОКОЛЬНИЧИЙ, -его, м., суш.

(от «около» князя, царя)

Придворный чин (сан) и думная должность в Русском государстве с XIII — до начала XVIII в.

Впервые окольныйчій упомянут в документах 1284 г. Владимиро-Суздальской Руси, во время правления великого князя перяславского Димитрия Александровича.

Первоначально окольныйчій, по-видимому, занимался устройством и обеспечением всем необходимым великого князя во время его поездок, а также принимал участие в переговорах с иностранными послами.

Само название сана, или чина (от слова «около»), показывает приближенность лица, имевшего этот сан, к великому князю, а в более позднее время — к царю.

С XIV в., в правление Василия III, окольныйчій вошел в состав только что учрежденной Боярской думы и стал думным чином, вторым после боярского.

Помимо участия в работе Боярской думы, он должен был выполнять и другие поручения великого князя и царя. Он мог получить назначение ведать одним, а то и несколькими приказами, во время военных действий стать полковым воеводой правой или левой руки, мог оказаться в составе посольства в какую-либо страну, мог получить поручение служить в приграничных, околь-

ных местах. При великокняжеском, а затем царском государевом дворе он должен был участвовать в придворных церемониях, в том числе и в приеме иностранных послов.

Г. Котошихин (Кошихин) в своем труде «О России в царствование Алексия Михайловича», перечисляя существовавшие в то время приказы, показал, кто ведал этими приказами — бояре, окольничие или думные дьяки. На долю окольничих выпадало много приказов, притом весьма важных. Вот, например, «Розрядной приказъ; а въ томъ Приказе сидятъ околничей, да думной дьякъ, да два дьяка. А ведомы въ томъ Приказе всякие воинские дела, и города строениемъ и крепостьми и починкою и ружьемъ и служивыми людьми; также ведомы бояре, околничие, и думные и ближние люди, и столники, и стряпчие и дворяне Московские, и дьяки, и жилцы, и дворяне городовые, и дети боярские и казаки и салдаты, всякою службою; и кого куды лучится послати на службы, въ войну и въ воеводства въ города и во всякие посылки, и за службы о жалованье и о чести и о прибавке жалованья указъ въ томъ же Приказе, также о сыску чести и бесчестии и о наказании, какъ о том писано выше сего; а кого царь куды посылаетъ и что кому за службы бываетъ чести и жалованья и бесчестия, и то записываютъ въ книги. А доходовъ въ тотъ Приказъ, с небольшихъ городовъ и судныхъ делъ пошлинъ, соберется въ годъ мало болши 1000 рублей».

Другими словами, окольничий всего лишь с тремя помощниками вел в специальных книгах учет воинской повинности всех разрядных чинов государева двора и всех воинских служб, фиксировал все назначения, поручения и выполнение их, писал указы о жаловании, о прибавке жалованья, о результатах разбора дел о чести, бесчестии и наказании, — то есть производил огромную работу, которую теперь мы называли бы работой отдела кадров.

Сидел окольничий и в Приказе Большого дворца, которым ведал боярин, «честию... подъ конюшим первой», и дворецкий, думный дворянин да два или три дьяка. «...а когда дворецкого не бываетъ, и тогда ведаеть околничей».

Поместный приказ тоже возглавлял окольничий с думным дьяком да двумя дьяками. «А ведомо въ томъ Приказе всего Московского государства земля, и что кому дано поместья и вотчинъ, или кто у кого вотчину купить и кому вновь что дадутъ, указъ и записные книги въ томъ Приказе». В Поместном приказе определялись денежные и поместные оклады. Бояре, окольничие и думные люди получали денежный оклад по 200 рублей в год, притом выплаты шли в сравнении с другими чинами в первую очередь. Поместный оклад был определен в 1000 четей на человека. Для сравнения —

городовые дворяне и дети боярские получали, «смотря по чину и чести», — от 50 до 6 рублей в год, а их поместный оклад считался — с каждого рубля денежного оклада по 5 четвертей в поле.

Доверялся окольниковому с двумя дьяками в помощь и приказ, который носил название Большой Приход. Этому приказу поручался сбор налогов и пошлин «на Москве и съ иныхъ городовъ, съ лавокъ, и съ гостиныхъ дворовъ, и съ погребовъ, и съ меры, чемъ всякие товары и питья меряють, а также и таможенные пошлины, и мыто, и перевозъ, и мостовщина; и соберется тое казны въ годъ болши 500,000 рублей». Эти деньги шли на содержание послов из разных стран; иностранцев, находившихся на службе у русского царя, персидских и греческих купцов, «греческих властей» (византийское высокое духовенство), на оплату переводчиков и толмачей, на жалованье донским и запорожским казакам; московским послам, посланникам и гонцам в другие государства, на торговый флот на Москве-реке и Волге и другие подобные надобности.

Одному и тому же окольниковому поручалось ведение сразу трех приказов: Приказ Новая четверть, который ведал сбором налогов с кружечных дворов и кабаков; Оружейный приказ, в котором ведали производством ружей, казенной оружничей палатой и работой мастеров «ствольного и ложного и замочного и иного дела»; Приказ золотого и серебряного дела, который собирал мастеров из Москвы и других городов и ведал изготовлением серебряной и золотой посуды для царского обихода и церковной утвари.

Челобитный приказ тоже находился в ведении окольного. После рассмотрения челобитен царем и боярами часть решений по челобитным читалась на площади перед царским двором всем людям, а часть отсылалась в этот приказ для передачи челобитчикам.

«Разбойный приказ» по царскому указу мог возглавлять боярин, но иногда в его ведение назначался окольный со стольником или дворянином и двумя дьяками. «А въ томъ приказе ведомы всего Московского государства разбойные, и татинные, и приводные дела, и мастера заплечные; а будет техъ мастеров на Москве съ 50 человекъ, и дается имъ годовое жалованье».

Во всех приказах суд правила те бояре или окольные, которые возглавляли приказ и которым «ведати приказано, всемъ вместе и безъ единого и единому безъ всехъ, въ правду, по святой Еуангельской заповеди Христове, не стыдися лицъ силных (понеже по Писанию божественному вкупе богатъ и убогъ), и другу не дружити, а недругу не мстити ни для чего, и по посуломъ и по поминкомъ не делати; а кто будетъ судья возметъ посулъ и дело учнетъ делать по посуломъ, а про то сыщется, и о такихъ судъ-

яхъ о наказании подлинно писано въ Уложенной Книге». (Посулом и поминками в те времена называли взятки.)

Полагалось окольным и представлять власть на местах. Г. Котошихин отметил, что в Великом Новгороде, в царствах Казанском, Астраханском, Сибирском; в государстве Псковском, в княжествах Смоленском и Полоцком с их пригородами и уездами для решения всяких государственных, земских и земельных дел специально посылались «воеводы, бояре и окольные, а с ними товарищи, с боярами окольные и стольники и дьяки, а с окольными стольники и дьяки». Все полномочия по выполнению государственных и земских дел им давались Разрядным приказом, а указы по этим делам они составляли в соответствии с «Уложенной Книгой» (Соборным Уложением 1649 года), «не описываясь царю». Они не могли решать только важные и спорные дела. В таких случаях они должны были писать в Москву к царю, чтобы он издал указ по этому вопросу, «а без указа великихъ дель делати и докончати не смеють». К таким важным делам относились прежде всего «казни смертию» воров, разбойников, татей и иных «злочинцев», и если это был дворянин, мурза, князь или «нарочитый знатный человек», то без царского на то указа их казнить было нельзя, а «Рускихъ середнихъ людей, и Татаръ и Чувашу и Черемису» можно было казнить и без царского указа. Тогда воевода должен был обязательно после казни написать в Москву царю, кого казнили, за что и какою смертию.

Окольные участвовали и в дипломатических делах. Царь волен был послать окольного в составе посольства в любую страну, с которой имелись дипломатические или торговые связи. Г. Котошихин в своей книге отмечает, что полномочия посла получали прежде всего бояре, а окольные в основном выступали как посланники. При этом он всегда оговаривается, какой боярин получает назначение великим послом, первой или второй статьи рода. То же различие отмечает он и у окольных, и у думных дворян. Например, «къ цесарскому величеству Римскому», посылаются «посланники роду среднего, которые бывають въ думныхъ дворянхъ и въ окольныхъ». «Къ королевскому величеству Свейскому» (Шведскому) в качестве великих послов назначаются «окольные другой статьи родовъ, которые въ боярехъ не бывають». Поэтому на посольские съезды направляются «бояре изъ первые статьи родовъ», а окольные в этом посольстве выступают как товарищи, помощники.

Видимо, большое внимание Россия уделяла Польше, потому что к Польскому королю великими послами отправлялись «бояре болшихъ родовъ первые статьи, которые ниже всехъ, или и другие жъ статьи родовъ бояре жъ, или окольные, которые

бываютъ въ боярехъ; и с боярами посылаются товарищи, околничие, и думные дворяне, и столники, и дьяки, а с околничими думные жъ дворяне, и столники, и дьяки. А на посолство на съезды посылаются бояре первые статьи родовъ, пятого или шестого роду человекъ; а с нимъ товарищи бояре жъ таковы, каковы посылаются в Польшу, также и околничие, и думные дворяне, и думные простые дьяки».

К английскому, датскому королям, к важным персонам Голландии, к турецкому султану, к крымскому хану и калмыцким тайшам, а также «къ христианскимъ потентатомъ» окольничих царь не посылал, ограничиваясь в посольствах к ним уровнем стольника. А к персидскому шаху отправлялись и окольничие.

Таким образом, окольничие не были однородной массой. Одни из них были выходцами из рода, в котором уже имелись бояре, что открывало путь к получению боярского сана и для других представителей этого рода; другие — из рода, в котором достигали только чина окольничего.

Все молодые люди при государевом дворе, даже те, кто был родом из знатнейших семейств, должны были для получения боярского сана проходить службу при дворе, начиная с низших званий, по крайней мере со стольника.

Чтобы получить чин окольничего, стольник должен был прослужить много лет при государевом дворе, выполняя различные поручения государя.

А в звании окольничего можно было тоже служить много лет, добиваясь «боярской шапки». Поэтому в XVII в. княжеские роды Прозоровских, Воротынских, Голицыных, Куракиных, Одоевских, Репниных, Трубецких, Черкасских и др. (всего 16 фамилий) добились особой привилегии — почти безусловного права на получение боярского сана их молодыми отпрысками, вошедшими «в совершенные лета», без службы в чине окольничего.

При выслуге определенного количества лет для получения боярства имели право миновать этот чин молодые люди еще четырех боярских родов: Морозовых, Шеиных, Шереметевых и Романовых.

Указывая на эту привилегию для перечисленных здесь знатных княжеских родов, Г. Котошихин отмечал, что в сани окольничего служить призваны менее знатные роды: «Роды жъ, которые бываютъ въ думныхъ дворянехъ и околничихъ, изъ честныхъ родовъ, и изъ середнихъ, и изъ дворянъ; и те роды болши тое чести не доходятъ. Есть потомъ и иные многие добрые и высокие роды, толко еще в честь не пришли, за причиною и за недослужениемъ».

Таким образом, сан окольничего являлся светлой мечтой для дворян, многие из которых, получив его, становились родоначальниками знатных фамилий.

Таким, например, был окольничий и воевода Василий Иванович Ноздроватый, который стал родоначальником князей Ноздроватых-Звенигородских. Таким был и Михаил Иванович Булгаков, по прозвищу Голица (ум. не ранее августа 1554 г.), четвероюродный брат царя Иоанна IV Грозного, родоначальник князей Голицыных, который служил окольничим при дворе великого князя Василия III Иоанновича.

В дальнейшем его потомки, князья Голицыны, добились права получения чина боярина в сане стольника, минуя чин окольничего. Но их родоначальник прослужил в этом чине несколько лет.

Великий князь Василий III пожаловал Голицу чином боярина. При царе Иоанне IV Грозном Михаил Иванович был уже ближним боярином.

В битве под Оршей в 1514 г. боярин Булгаков-Голица попал в плен и пробыл в Польше 38 лет, до 1552 г. После возвращения домой он ушел в монастырь иноком под именем Иона. Примерно, через 1,5 года он умер.

Имел чин окольничего и сын Булгакова-Голицы — Юрий Михайлович Булгаков-Голицын (ум. 1560). Службу свою при государевом дворе он начинал с рынды — стоял в торжественных случаях, а также при приеме иностранных послов возле трона государя в белой одежде с серебряным топориком в руке. Через несколько лет получил Булгаков-Голицын разрядный чин кравчего, а потом и окольничего. В 1537 г., когда правительницей Московского государства при малолетнем царе Иоанне IV была его мать Елена Глинская, Голицын был возведен в боярский сан.

Боярин Юрий Михайлович Булгаков-Голицын был, по всей видимости, крупным государственным деятелем, о чем свидетельствует его послужной список. Так, в 1551 г. Иоанн Грозный назначил его послом к венгерскому королю Фердинанду. В следующем, 1552 г., он был послан воеводой в Казань. Тогда он явился основателем города Свияжска. В 1557 г. Голицын стал наместником в Пскове. В том же году он скончался.

Трагичной оказалась судьба Ивана Васильевича Голицына (ум. 1626), сына боярина и воеводы Василия Васильевича, одного из кандидатов на вакантный в ту пору русский престол.

Иван Васильевич Голицын в 1592 г., когда на троне Русского государства сидел царь Феодор Иоаннович, прозванный Блаженным, получил чин окольничего. Царь Феодор Иоаннович возвел его в боярский чин, а затем в сан думного боярина.

Надо сказать, что акт пожалования думным чином — окольничего или боярина — при государевом дворе совершался торжественно, по большим праздникам. Так, Г.К. Котошихин в книге

«О России в царствование Алексея Михайловича» приводит цитату из царского указа: «а жалуетъ царь въ бояре, и въ окольничие, и въ думные люди, хотя кого на Москве не бываетъ, въ Новое лето сентября въ первый день, на светлое Христово Воскресенье, на день рождения празднества его».

Князь Голицын, став думным боярином при царе Феодоре Иоанновиче, был таковым и при Борисе Годунове, и при Лжедмитрии I, и при Василии Шуйском, и во времена «Семибоярщины», и при царе Михаиле Феодоровиче Романове. Служил он и главным судьей Владимирского приказа.

Казалось бы, ничто ему не угрожало. Но вот на свадьбе царя Михаила Романова, состоявшейся 19 сентября 1624 г., чем-то не угодил царю боярин Иван Васильевич Голицын и за «ослушание» прямо со свадьбы был отправлен в ссылку, в Вятку. Приблизительно года через полтора он скончался.

Стать окольничим было не так просто, особенно для городских дворян Московского государства. Сначала нужно было поступить в жильцы, в один из разрядов служилого люда. Служба в жильцах давала шанс стать московским дворянином и получить дальнейшее продвижение по службе.

Интересно проследить, как складывалась карьера, например, Бориса Васильевича Горчакова, который в царствование Михаила Феодоровича Романова начал службу жильцом. В 1653 г., уже в царствование царя Алексея Михайловича, он был пожалован в стряпчие.

В 1658 г., через пять лет службы, Горчаков стал стольником. Только в 1673 г., то есть через 20 лет, считая со службы стряпчим, он стал спальным стольником, что приблизило его к царской семье, так что в следующем, 1674 г., он был пожалован в стольники к царевичу Феодору Алексиевичу, будущему царю. Еще через 15 лет Горчаков добился, имея чин стольника, назначения воеводой в Нижнем Новгороде, а в 1679—1680 гг. — во Владимире, поближе к Москве, что тоже имело немалое значение.

Наконец, в 1681 г., уже в царствование Феодора Алексиевича, Борис Васильевич Горчаков, как бывший стольник царя, за многолетнюю усердную и верную службу был пожалован в чин окольничего. Таким образом, для достижения этого чина ему понадобилось более 35 лет.

В 1682 г. князь Горчаков служил воеводой в Киеве. Он был участником Собора, на котором было принято решение об уничтожении местничества.

По-видимому, окончил свою жизнь Борис Васильевич Горчаков воеводой в Астрахани, где он служил с 1687 г., уже при ца-

рях Иоанне V и Петре I Алексиевичах, фактически в правление царевны Софьи.

Путь к чину окольного мог быть и иным, может быть, менее долгим, но не менее трудным.

В царствование Иоанна IV Грозного заслужил пожалование в окольные князь Юрий Иванович Звенигородский. Он начал службу в 1556 г. воеводой в Дедилове, затем был воеводой в Туле, в 1559—1560 гг. служил воеводой в Шацке, в 1563—1564 гг. — в Невеле, затем был послан с войсками на помощь Великим Лукам, осажденным поляками.

По-видимому, это был талантливый военачальник, наделенный к тому же и дипломатическими способностями. Так, в 1570 г., когда Иоанн Грозный после разорения Новгорода двинулся на Псков, Юрий Иванович устроил ему такую почетную встречу, что довольный приемом царь не пошел на Псков войной, что спасло Псков от разгрома. Командуя артиллерией, князь звенигородский отбил у поляков Изборск.

В 1572 г. Иоанн Грозный, признав в князе верного, умного и талантливого полководца, вверил ему охрану Москвы на случай нашествия Девлет-Гирея, а в 1573 г. возвел его, наконец, в чин окольного. Это был результат 17-летней тяжелой военной службы. Казалось бы, это не такой большой срок, однако жизнь князя звенигородского, проведенная в боях и походах, фактически уже прошла, и через пять лет, в 1578 г., князь отошел в мир иной, так и не заслужив чина боярина.

Служили окольными и другие князья звенигородские — Василий Андреевич и Федор Андреевич Меньшой. Василий Андреевич начал службу в 1576 г. на военном поприще — полковым головой в сторожевом полку. В 1579—1581 гг. он служил воеводой в Ровно, в 1583 г. — первым воеводой в Мценске, а затем в Новосилях.

В 1588—1589 гг. Василий Андреевич служил воеводой на Двине. Видимо, к своему воеводству он относился со всем старанием, потому что не только занимался обычными воеводскими делами, но и составил первое обстоятельное описание Двинской земли.

В 1591 г., при царе Феодоре Иоанновиче, во время нашествия крымских татар на Москву князь Василий Звенигородский командовал артиллерией.

В следующем, 1592 г., он был назначен вторым воеводой сторожевого, а затем большого полка.

И только в 1610 году, после 34 лет военной службы, король Сигизмунд возвел воеводу Василия Андреевича Звенигородского в сан окольного, что не делало ему чести, потому что показало его услужение полякам в Смутное время.

В 1613 г. окольный Василий Андреевич Звенигородский получил воеводство в Нижнем Новгороде, а в 1615—1616 гг., уже при царе Михаиле Феодоровиче, — воеводство в подмосковной Коломне.

Его брат, Федор Андреевич Звенигородский Меньшой тоже был возведен в чин окольного польским королем Сигизмундом и так же, как его брат, в этом чине служил воеводой. В 1584 г. он был вторым воеводой в Туле.

Трудность достижения чина окольного, а затем необходимые годы службы в этом чине для достижения самого высокого звания — боярина — и явились причиной того, что высокородные семьи добились права получения боярского чина для своих сыновей и внуков без службы в этом чине.

В 1711 г. Петр I отменил чин и само наименование «окольный», как, впрочем, были отменены и все другие чины государева двора, замененные, кроме чина боярина, новыми наименованиями на иностранный лад, которые стали придворными «чинами» императорского двора.

Образец обещал испросить для них у Ивана Васильевича милость, пустить их в передовые, с тем чтобы они, вместе с государевыми окольными и путным, очищали путь от всякого недоброго человека и случая.

И.И. Лажечников. «Басурман»

По избрании Романовых на царство четверо Пушкиных подписались под избирательною грамотою, а один из них, окольный, под соборным деянием о уничтожении местничества (что мало делает ему чести).

А.С. Пушкин. «Опровержение на критики»

— Что такое? — вскричала княгиня Ирина, глядя брату в глаза. — Андрей Александрович Горбунов, сын стольника Александра Семеныча, племянник окольного Ивана Семеныча, не из дворян? В своем ли ты уме, батюшка?

А.О. Корнилович. «Андрей Безыменный»

ОРУЖНИЧИЙ, -его, м., сущ. (от «оружие»)

Придворный разрядный чин и должность при государевом дворе великого князя или царя, учрежденный, по-видимому, великим князем московским Василием III Иоанновичем, так как упоминание об этом чине и должности появляется лишь в начале XVI в. Оружничий возглавлял Оружейный приказ, который ведал изготовлением огнестрельного оружия (кроме пушек).

Об Оружейном приказе середины XVII столетия Котошихин пишет так: «А ведомо въ томъ Приказе дворы, где делаютъ ружье, и

казенная оружничья палата, и ствольного и ложного и замочного и иного дела мастера. А емлютъ къ тому делу мастеровъ, на Москве и изъ городовъ и изъ монастырей кузнецовъ, и всякихъ того дела промышленныхъ людей, погодно, по переменамъ, и даютъ имъ за работу поденной кормъ изъ царские казны; а уголье на то дело, и на Денежный и на Кормовой дворы, емлютъ Московского уезду съ монастырскихъ и вотчинниковыхъ крестьянъ, по указу; и на заводъ того дела, и на всякой расходъ, и на жалованье мастеровымъ людемъ, денги емлютъ изъ Новыя Четверти; да ружье же, карабины, и пистолы съ олстры, и мушкеты, и банделеры, на царской обиходъ покупаютъ въ иныхъ государствахъ, где прилучится».

Котошихин указывает и на то, что оружничий вместе с окольничим и двумя дьяками ведал Приказом Новая Четверть, который собирал деньги с кружечных дворов (кабаков) до 100 000 рублей. Часть этих денег шла в Оружейный приказ, возглавляемый оружничим. К слову сказать, Котошихин называет оружничего «оружейничим».

Оружничему было доверено также пополнение великокняжеского и царского личного арсенала оружия, которое, по его свидетельству, покупалось в других государствах, а также уход за ним, его оберегание и хранение. Он нес ответственность также за государеву Оружейную палату, которая первоначально имела значение помещения, где хранилось оружие.

И в Древней Руси, и в Московском государстве оружие, особенно изготовленное для важной персоны, а потому богато украшенное, ценилось очень высоко.

Великие князья, цари, родовитые бояре и князья заказывали, покупали или приобретали в бою, а также получали в дар оружие, которое имело особую ценность. Это были искусно выполненные замечательными мастерами палаши, палицы, шестоперы, кинжалы, сабли, пищали, мушкеты, ружья, пистолеты. Они украшались золотыми и серебряными узорами, насечками, червленьем, драгоценными камнями.

Сам государь, или боярин, или князь, или окольничий — владелец такого оружия — не только дорожил, но и гордился им, а потому на торжественных выездах появлялся на великолепно убранном коне в боевых доспехах с богатым оружием. Драгоценное оружие было всегда с государем и на охоте, и в военных походах.

Оружничий должен был непременно присутствовать на торжественных выездах, на царской охоте, участвовать вместе с государем в военном походе.

В системе государева двора он занимал место среди лиц, по роду своих обязанностей приближенных к царской персоне. Он вхо-

дил в категорию придворных чинов, верховых людей, то есть допущенных в «верх», в палаты царя, наряду с конюшим (а затем ясельничим), дворецким, постельничим, кравчим, комнатными стольниками и спальниками, стряпчим с ключом.

Как и все придворные чины государева двора, он мог получить от государя поручение, которое не входило в круг его обязанностей.

После нескольких лет служения царю оружничий, даже из незнатного рода, мог получить чин думного дворянина, а то и окольничего. Все зависело от желания государя. Но более всего продвижение в чине зависело от того, был он из знатного или незнатного рода. Персоны знатного рода жаловались в бояре или окольничие, а из незнатного — в думные дворяне.

Чаще всего сан и придворную должность оружничего получали наиболее близкие к царю люди из боярских или княжеских семейств. Правда, иногда царь назначал на придворные должности незнатных своих фаворитов. Это давало возможность в дальнейшем продвинуть полюбившегося человека до пожалования высоким думным чином окольничего, а то и боярина. Больше всего это практиковалось в царствование Иоанна IV Грозного, но и в последующие царствования такое возвышение незнатного человека тоже имело место.

Возвышение оружничего до высоких думных чинов зависело, прежде всего, от царской воли. Вопрос о том, кого и когда пожаловать в более высокий чин или придворное звание, царь решал сам, а Боярская дума, как правило, подтверждала решение царя.

Обычно это придворное звание и должность получали те, кто уже имел чин окольничего. Так, в «Толковом словаре великорусского языка» В.И. Даля приведен такой пример к слову «оружничий»: «Окольничий и оружничий Богдан Иванович Хитрой на аргамаке, в пансыре и в зеркале».

При государевом дворе чин оружничего был единственным. Но со второй половины XVII в., когда на престол были возведены два царя — Иван и Петр, — государев двор стал разрастаться количественно, так как фактически сформировалось два государевых двора: один вокруг Петра, а другой — вокруг Ивана. Тогда, возможно, появилось два оружничих.

Чины государева двора, а особенно бояре и окольничие, должны были нести государственную службу, причем не только придворную, но и военную, посольскую, административную и судебную, придворные чины использовались и в других сферах деятельности.

Как и другие придворные, оружничий, имевший чин окольничего, мог получить назначение полковым или городовым вое-

водой. Он мог быть назначен царем наместником или получить поручение по посольским делам. Так, в царствование Феодора Иоанновича оружничим был боярин Б.И. Бельский. В ноябре 1593 г. он вместе с князьями Щербатовым и Ф.Я. Хворостинным был отправлен в Ливны для переговоров о вечном мире с ханским уполномоченным Ахмет-пашою.

За службу при государевом дворе полагалось царское жалованье. Оно было двоякого рода — поместный оклад (пожалование земель, поместьями) и денежный. Пожалование земель за службу у князя велось с незапамятных времен, но, конечно, никаких норм и размеров этих пожалований не было. И только во второй половине XVI в. был определен размер поместного оклада.

В XVII в. размеры и поместного, и денежного окладов были уже твердо установлены.

В 1687 г., в период правления царевны Софьи, была регламентирована величина подмосковных поместных окладов, а затем подтверждена Соборным Уложением. Таким образом, многие высшие придворные чины — бояре и окольничие — увеличили количество своих вотчинных земель, доведя их до вновь установленной нормы. У них были родовые земли, полученные по наследству, были в некоторых случаях и купленные. К ним добавлялись и выслуженные, то есть жалованные царем поместные оклады. С этих вотчин и велась военная служба, потому что поставка служилых людей в полки исчислялась с количества земель и живущих на них крестьян.

Низшие придворные чины и звания получали только поместный оклад — количество земли, установленное в 1687 г.

Регламентированы были и денежные оклады. Если оружничий имел чин окольничего, то он получал 200—300 рублей. Если же звание оружничий получал боярин князь, то денежный его оклад составлял 400—500 рублей. По желанию царя эти оклады могли увеличиваться за счет различного рода прибавок. И с течением времени оклады, благодаря прибавкам, значительно возросли. Так, при первом Романове, царе Михаиле Федоровиче, наибольший оклад был у боярина князя И.Б. Черкасского. Он составлял 800 рублей. При царе Алексии Михайловиче самый большой оклад был уже 1260 рублей. Такой оклад имел князь Ю.А. Долгорукий. Царевна Софья наибольший оклад пожаловала, естественно, своему фавориту, главному воеводе, боярину князю Василию Васильевичу Голицыну. Этот оклад составлял 1450 рублей.

Необходимо отметить, что денежный оклад выдавался не как регулярно выплачиваемое жалованье, а как выделение денежных средств на выполнение тех или иных повелений государя. Но даже

и в таком случае служить при государевом дворе было делом выгодным.

В русской исторической литературе сану оружичего уделено мало внимания. И только в повести «Князь Серебряный» о временах Иоанна Грозного А.К. Толстой нарисовал образ Афанасия Ивановича Вяземского, бывшего оружничим при государевом дворе Иоанна IV. В этой повести А.К. Толстой как бы осуждает царского оружичего, боярина князя Вяземского, изменившего боярству и ставшему опричником. Примечательно, что в повести царь казнил не только боярина Дружину Морозова, чью жену опозорил Вяземский, но и своего любимого оружичего Афанасия Вяземского, поверив обвинению его в измене царю.

И князь Никита Серебряный, входивший вместе с Алексеем Адашевым, Сильвестром и князем Андреем Курбским в состав «Избранной рады», и князь Афанасий Иванович Вяземский — лица исторические. Об Афанасии Вяземском нам известно, что он был любимцем царя Иоанна Грозного, пользовался его неограниченным доверием, особенно после того, как были подвергнуты страшной царской немилости Адашев и Сильвестр.

В 1565 г., когда Иоанн IV основал опричнину, князь Вяземский стал одним из самых главных советников царя; ему, как оружичему, была поручена организация опричных полков.

Князь Афанасий Вяземский всегда был рядом с царем, вместе с Малютой Скуратовым участвовал во всех его кровавых оргиях. И казалось, что его положение при государевом дворе весьма прочно. Но при государевом дворе, да и среди опричников, шла постоянная внутрисословная борьба, дававшая повод для царского гнева и бесконечных казней. Боярин князь Афанасий Иванович Вяземский, отпрыск знатной семьи, ведущей свой род от князя Ростислава-Михаила Мстиславича смоленского, внук Владимира Мономаха, ближний боярин в покоях царя, не мог не вызывать зависти, особенно у худородных опричников. К тому же, видимо, и многие бояре, относившиеся к Вяземскому как к изменнику боярства, мечтали отомстить ему за своих родственников, загубленных, как им казалось, не без его помощи.

В 1670 г. царю Иоанну Грозному поступил донос на князя Вяземского, обвинявшегося в сговоре с новгородцами. Царь, отличавшийся особой подозрительностью, жестокий и быстро входивший во гнев, не пожалел своего бывшего любимца и верного ему оружичего, поверил лживому доносу. Князь Вяземский был арестован и прошел в застенках все муки ада. Дознание с пытками велось почти три года. В 1573 г. во время пыток князь Афанасий Иванович Вяземский умер.

— Государь, — отвечал Морозов, продолжая стоять на коленях, — непригоже тому рядиться в парчу, у кого дом сожгли твои опричники и насильно жену увезли. Государь, — продолжал он твердым голосом, — бью тебе челом в обидах моих на оружничего твоего, Афоньку Вяземского!

А.К. Толстой. «Князь Серебряный»

(Борис Годунов — князю Серебряному) — А ты, когда поступил бы на место Вяземского да сделался бы оружником царским и был бы в приближении у ивана Васильевича, ты бы этим всей земле послужил. Мы бы с тобой стали идти заодно и опричнину, пожалуй, подсекли бы!

А.К. Толстой. «Князь Серебряный»

ПОДСОКОЛЬНИЧЬИЙ, -его, м., сущ. («подчиненный сокольничему»)

Чин, звание и должность при великокняжеском и царском государевом дворе. Подсокольничий был помощником сокольничего, находился под его началом, что отразилось и в наименовании должности. В самом начале XVII в., по разным версиям в 1605 или 1606 г., в связи с упразднением Сокольничего приказа и чина сокольничего, подсокольничий хотя и сохранил свое наименование, но стал главным начальником в иерархии чинов сокольничьего пути.

Но пока он был помощником сокольничего, сокольничий, как глава Сокольничего приказа, отвечал за материальное обеспечение, организацию и проведение царской соколиной и вообще птичьей охоты, а в обязанности подсокольничего прежде всего входила ответственность за работу сокольников, за приручение и обучение соколов, кречетов и других птиц, использовавшихся на охоте. Кроме того, он должен был организовать уход за птицами, содержание птиц и их сохранность, а после охоты, в случае если птица не возвращалась к охотнику, отыскать ее и доставить на место. Непосредственно подсокольничему подчинялись сокольники, поддатные, мастера сокольничего дела (изготовители атрибутики для птиц, одежды для охотников и др.), а также различные прислужники сокольничего дела.

Подсокольничий обязан был присутствовать на царской охоте вместе с сокольниками в полном охотничьем облачении, и, как помощник сокольничего, помогать ему в проведении обязательного охотничьего ритуала: принять сокола или кречета от сокольника и передать его сокольничему, участвовать в обязательном диалоге перед началом «веселия», следить за лётом птиц, отдавать приказание сокольникам и поддатным, когда птица вышла из-под контроля.

Эту должность и звание занимали окольничие, московские дворяне, чаще всего уже имевшие при государевом дворе разрядный чин: стольника, постельника, стряпчего и прочих, может быть, и незнатного происхождения, но зато любителя и ценителя птичьей охоты, знатока особенностей и повадок хищных птиц, хранителя церемониала и правил царской птичьей охоты.

Если во время царской охоты птица, обученная сокольником под надзором подсокольничего и принесенная для охоты, проявляла себя в деле хорошо, то есть доставляла добычу, и царь был доволен результатами охоты, сначала сокольничий, а потом и он получали награду. Обычно подсокольничему доставались какие-нибудь не очень дорогие царские вещи. Цари высоко ценили подсокольничих именно как участников царской птичьей охоты, а потому не заботились об их продвижении на иные должности, тем более что среди подсокольничих были верховые, имевшие доступ на «верх», в царские дворцовые палаты, а это было уже достаточно высокое положение в иерархии государева двора.

Василий III учинил царской охоте чин и порядок, учредив чин ловчего и Ловчий приказ и под начало ловчего определивший и звериную, и птичью охоту. Его сын Иоанн Грозный, большой любитель птичьей охоты, выделил ведение птичьей охотой из Ловчего приказа в отдельный Приказ сокольничего пути, или Сокольничий приказ.

В 1605—1606 гг. Приказ сокольничего пути, а с ним и чин сокольничего, были упразднены. По одной версии, это было в последний год царствования Бориса Годунова, по другой — в начале царствования Василия Шуйского. Как бы там ни было на самом деле, это произошло в годы Смутного времени, когда перед страной стояла задача освободиться от нашествия Лжедмитрия I и Лжедмитрия II, поляков, шведов, бесчинствующих и разорявших Россию, разбойных отрядов казаков, а потому «веселие птичьей охоты» перестало быть востребованным, как прежде.

В 1612 г. на русский престол был избран царь Михаил Феодорович Романов. В пострадавшей от нашествия стране нужно было наводить порядок во всех сферах жизни. Царская охота, в том числе и птичья, была передана в Конюшенный приказ. В царствование Алексея Михайловича, по свидетельству Г.К. Котошихина, царская охота продолжала находиться в ведении Конюшенного приказа. Главным начальником птичьей охоты был подсокольничий.

В распоряжении подсокольничего были избы и казна сокольничего чина, в которые входило все пышное убранство изб, охотничья одежда сокольников и поддатней, да и самого подсокольничего, убранство для птиц и весь охотничий снаряд, включавший все необходимые вещи для содержания, обучения птиц и их охоты.

Царь Алексей Михайлович, видимо, страстный охотник, поэтически относившийся к птичьей охоте, считая, что «...зело потеха сия полевая утешает сердца печальныя, и забавляет веселием радостнымъ, и веселитъ охотниковъ сия птичья добыча», сам взялся за устройство птичьей охоты и создал в 1668 г. труд под названием «Книга глаголемая урядник: новое уложение и устройство чина сокольничья пути», или сокращенно «Урядник сокольничья пути». Благодаря Н.И. Новикову, великому просветителю XVIII в., опубликовавшему эту книгу в «Вивлиофике», мы можем прочитать этот уникальный труд русского царя и получить сведения о царской птичьей охоте, о ее главе — подсокольничем и о его подчиненных и помощниках.

Алексий Михайлович в предисловии к книге объяснил, почему он взялся за этот труд: «Государь, Царь и Великий Князь, Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержец, указал быть новому сему образцу и чину, для чести и повышения его Государевы красныя и славныя птичьи охоты, Сокольничья чина.

И по его Государеву указу никакой бы вещи безъ благочиния и безъ устройства уряженаго и удивительнаго не было; и чтобы всякой вещи честь и чинъ и образецъ писаниемъ предложень былъ, по тому: хотя мала вещь, а будет по чину честна, мерна, стройна, благочинна; никто же зазритъ, никто же похулитъ, всякий похвалитъ, всякий прославитъ и удивится, что и малой вещи честь и чинъ и образецъ положен по мере. А честь и чинъ и образецъ всякой вещи большой и малой учиненъ по тому: честь утверждать и укрепляетъ крепость; урядство же уставляетъ и объявляетъ красоту и удивление; стройство же предлагаетъ дело; безъ чести же малится и не славится умъ, безъ чина же всякая вещь не утвердится и не укрепится; безстройство же теряетъ дело и возоставляетъ безделье».

Обращаясь к читателям и охотникам, Алексей Михайлович пишет: «Всякий же читателю почитай, и разумевай, и узнавай, а нас слагателя похваляй, а не осуждай». И далее: «Молю и прошу васъ премудрыхъ и доброхвальныхъ охотниковъ, насмотритесь всякаго добра; вначале благочиния, славочестия, устройства, уряжения Сокольничья чина начальнымъ людямъ, и птицамъ ихъ, и рядовымъ по чину же; по томъ на поле утешайтесь и наслаждайтесь сердечнымъ утешениемъ во время. И да утешатся сердца ваша, и да пременяются, и не опечалются мысли ваши от скорбей и печалей вашихъ».

Из «Книги Урядник сокольничья пути», которая явилась не только прославлением птичьей охоты, но и неким подробным

сценарием сокольничего чина на примере обряда перевода Сокольников из рядовых в Начальные Сокольники. Отметим весьма демократичный подход царя к этому вопросу: «и кого Подсокольничий и Начальные Сокольники приговорятъ быть въ Начальныхъ Сокольникахъ, того Государь и пожалуетъ».

Из книги, содержащей 14 статей, а также список сокольников и вверенных им птиц и в заключение — «роспись охотничьему снаряду», мы узнаем, что главным верховым подсокольничим в то время был Петр Семенович Хомяков, по-видимому, из дворянского рода, не очень знатного. Начальные сокольники, находившиеся в подчинении у подсокольничего, имели ранги по заслугам, но более всего, видимо, по выслуге лет: сокольником первой статьи был Парфентий Яковлев сын Табалин; второй статьи — Михей Федоров сын Табалин; третьей статьи — Леонтий Иванов сын Григоров; четвертой статьи — Терентий Максимов сын Тулубьев. Пятым новым начальным сокольником, государевым указом пожалован «на Игнатиево место Кельина» Иван Гаврилов сын Ярыжкин.

Рядовые сокольники также имели ранги — «статьи», и главным у них был рядовой первого сокольника первой статьи Кирсан Собакин. Заметим в скобках, что Собакины были родовитыми боярами: одной из цариц, жен Иоанна Грозного, была Марфа Собакина, умершая через месяц после свадьбы. По рангам распределялись и поддатни, и первым был поддатень начального сокольника первой статьи и рядового сокольника первой статьи.

В подробностях книга передает весь чин посвящения нововыборного в начальные сокольники, вплоть до того, где должен стоять подсокольничий и сокольники, что каждый из них должен сделать, наряжая кречета нововыборного и самого нововыборного в пожалованное ему платье, как должен подсокольничий отступить и как приблизиться к государю и нововыборному, что должен сказать государь и что должны говорить подсокольничий, сокольники и поддатень сокольника первой статьи, то есть каждый из действующих лиц. Все действия старшего подсокольничего, как ведущего обряд, комментируются словами, как, каким образом он должен все это делать. Например: «И Подсокольничий пооправся и поучинся, и перекрестя лице свое, принимаетъ у Начальнаго Сокольника четвертыя статьи у Терентия Тулубьева, челига, нововыборного статьи премудровато и образцовато: и велить ему отступить на прежнее свое место къ наряду и принявъ кречета, подступает къ Царю благочинно, смирно, урядно; и станеть поодаль Царя и Великого Князя челолично, тихо, бережно, весело, и кречета держить честно, явно, опасно, стройно, подправительно, подъявительно къ видению челолическому и ко красоте кречатей».

Сначала действо, которому посвящено две статьи, происходит без царя, до его «пришествия», потом в 12 статьях дается подробная инструкция, что нужно делать в присутствии царя, притом, в статьях определены и речь царя, и ответ подсокольничего, и речь нововыборного. Все действо выглядит театрально и весьма красочно: все действующие лица в ярких парадных костюмах, действие происходит в убранных наподобие декораций комнатах.

Так, до прихода государя старший подсокольничий велит переднюю избу сокольничаго пути нарядить ко государеву пришествию: «послать коверъ диковатый, и положить на коверъ сголовье (подушку. — *И.В.*) поласатое бархатное: а пухъ въ немъ изъ дикихъ утокъ (...) И противу Государева сголовья и золотого ковра велить поставить четыре стула нарядные, а на нихъ велить посадить четыре птицы... А промежъ стуловъ велит сена наслатъ и покрыть попоною, где наряжаши нововыборного». Это место на попоне называют «поляново», здесь и совершается посвящение в пятые начальные сокольники.

В обряде участвует и «верховный ихъ Соколенный подъячий, Василий Ботвиньев», который, взяв у нововыборного с перевязи бархатный четырехугольник с вышитой на нем райской птицей Гамаюн и вынув оттуда письмо, в присутствии государя читает письмо, написанное государем и адресованное нововыборному. В нем государь объявляет Ивану Гаврилову сыну Ярыжкину и о своем пожаловании его «платьемъ, прибавкой къ денежному жалованью, да тебежъ жалуюемъ, в приказъ, сукна светлозеленаго четыре аршина, тафта, кирпичной цветъ, четыре аршина, пара соболей. И велели тебя писать полнымъ именемъ; да тебяжъ жалуючи, велели положить на столъ, для чина, золотые ефимки, дороги».

Участником этого действа является и спальник, Петр Иванович Матюшкин, который приглашает всех других действующих лиц во главе со старшим подсокольничим войти в переднюю избу и сесть за стол «по чину и по росписи». А затем все по чину наряжают челигу кречатью нововыборного и кормят его.

Вероятно, после этого царь, ушедший на время в свои царские хоромы, возвращается, и за этим столом в передней избе начинается пир. На это указывает название еще одной статьи — «О ястве и речахъ», которая отсутствует. В комментарии издателя говорится: «О ястве и речахъ описания в подлиннике не находится».

При Петре I, когда при вновь учрежденном императорском дворе были введены новые наименования должностей и званий с уточнением их обязанностей, на должность подсокольничего это повлияло лишь в том, что он стал подчиняться егермейстеру. В Табель о рангах чин подсокольничего не вошел.

Сокольничий, в красном бархатном кафтане с золотою нашивкой и золотою перевязью, в парчовой шапке, в желтых сапогах и в нарядных рукавицах, слез с коня и подошел к Иоанну, сопровождаемый подсокольничим, который нес на руке белого кречета, в клубучке и в колокольцах. Поклонившись до земли, сокольничий спросил:

— Время ли, государь, веселью быть?

— Время, — отвечал Иоанн, — начинай веселье!

Тогда сокольничий подал царю богатую рукавицу, всю испещренную золотыми притчами, и, приняв кречета от подсокольничего, посадил его государю на руку.

А.К. Толстой. «Князь Серебряный»

ПОСАДНИК, -а, м.

(от «посадить»)

Прил. «посадничий», -чья, -чье

В Древней Руси — должностное лицо, ставленник князя, «посаженный», то есть назначенный для управления городом и даже областью. Особую роль играл посадник в Новгородской и Псковской землях, где он был лицом выборным.

Сначала в Новгороде так же, как и в других городах, посадник назначался князем и целиком подчинялся ему во всех делах. Но в XII в., после ссоры с князем Всеволодом Мстиславичем (ум. 1138), новгородцы сделали должность посадника выборной, и посадник, прежде подчиненный князю, превратился в главного управителя Новгородской феодальной республики, «Господина Великого Новгорода», как величали свою республику новгородцы.

В этот период никто из князей не имел права без посадника управлять городом, судить, водить в поход новгородцев. Бывали случаи, когда он управлял городом самостоятельно, без князя. У него была «Новгородская печать посадника», которую он прикладывал ко всем новгородским грамотам. Посадник мог созывать вече (хотя созыв вече мог исходить и от граждан), быть предводителем войска, вести работы по укреплению города и его окрестностей, проводить переговоры с соседними землями, передавать вместе с тысяцким (начальником новгородской «тысящи») управление новгородской церковью новому владыке.

Новгородцы избирали посадника из наиболее знатных бояр, доверяя ему управление на неопределенный срок, но с условием, что по решению народного вече он может быть смещен со своего поста в любое время.

Избранного боярина новгородцы называли «степенным». После окончания его полномочий он продолжал называться «посадник»,

но с эпитетом «старый». Старые посадники продолжали занимать в Новгороде видное место, нередко переходя, как мы теперь говорим, «в оппозицию». Таким образом, на одной территории бывал не один посадник, а несколько: главным из них был степенный посадник, в руках которого была сосредоточена вся власть, а другие были старыми, то есть бывшими посадниками, к мнению которого должен был прислушиваться степенный посадник. Если же между ними возникали противоречия, то вопрос выносился на вече.

Степенный посадник всегда выражал интересы высшей боярской аристократии, к которой он принадлежал. К боярской аристократии принадлежали и старые посадники. Поэтому больших разногласий между ними не могло быть.

Забота о низших слоях населения, о «земле» входила в обязанности тысяцкого, или тысяцкого, который, хотя тоже избирался из числа бояр, но избирался «землею» помимо князя и бояр.

Отличительным знаком посадника была золотая медаль с цепью, которую носили на груди, надевая цепь на шею.

Псковские посадники вплоть до XV в. получали назначение из Новгорода. Но с течением времени они тоже стали выборными, имеющими почти те же права, что и новгородские. Отличием псковского посадника от новгородского было, во-первых, то, что в Пскове деятельность его более строго контролировало вече; во-вторых, то, что псковичи избирали посадника не только из боярской аристократии. Кроме того, в Пскове со второй половины XV в. срок пребывания на посту был ограничен одним годом.

Было и другое, весьма существенное отличие. Если в Великом Новгороде до самого его покорения Москве главным в управлении городом и пригородами был посадник, то в Пскове власть была сосредоточена в руках вече, и поэтому посадник не имел такого первенствующего значения, как у новгородцев.

В 1471 г. великий князь Иоанн III Васильевич силой оружия подчинил Новгород и Псков Московскому государству. Для новгородцев, которые не желали подчиниться воле великого князя и выступили с оружием против войска Московского княжества, это обернулось трагедией с расправой и казнями. Великий князь московский потребовал от Новгорода упразднения должности и звания посадника, а также и веча. Чтобы не повторилось такого открытого неповиновения, Иоанн III многих бояр новгородских переселил на московские земли, а их владения отдал московским дворянам и детям боярским.

Пскову, где события оказались не столь трагичными, было предписано отказаться только от веча, а о посаднике, который не играл там ведущей роли, в указе великого князя даже не упоми-

налось. И это было не случайно. С 1460 г. псковичи, после изгнания принятого ими на княжение князя Чарторыжского по требованию московского великого князя, стали принимать у себя князьями наместников московского государя. Так что во второй половине XV в., в правление великого князя московского Иона III Васильевича, вместо посадников, землями стали управлять наместники, волостели, становщики и околичники, составив как бы иерархию управления во главе с наместником, потому что отличались они друг от друга обширностью и важностью территорий, которые им были доверены для управления.

Это насаждение наместников вместо посадников осуществляло полное подчинение российских территорий Москве и, безусловно, не могло пройти мирным путем, особенно в тех областях, где бояре и купечество привыкли сами управлять своими делами.

Такое нежелание подчиниться Москве описал Н.М. Карамзин в замечательной исторической повести «Марфа-посадница, или Покорение Новагорода». В ней рассказывается о трагедии Великого Новгорода, о восстании новгородцев, не желавших расстаться со своей свободой и подвигнутых на сопротивление московскому великому князю героической женщиной Марфой-посадницей, вдовой новгородского посадника Исака Борецкого, и об ужасных последствиях этого сопротивления.

Степенный посадник распустил вече. Толпа редела.

Н.М. Карамзин. «Марфа-посадница, или Покорение Новагорода»

Передовой отряд московского войска нанес новгородскому войску сильное поражение на берегах реки Шелони; в числе пленников, доставившихся победителям, находился сам посадник Борецкий, которого Иоанн велел казнить.

С.М. Соловьев. «Учебная книга русской истории»

Там, против древнего дому Ярославова, уже собрались посадники с золотыми на груди медалями, тысяцкие с высокими жезлами, бояре, люди житые со знаменами и старосты всех пяти концов новгородских с серебряными секирами.

Н.М. Карамзин. «Марфа-посадница, или Покорение Новагорода»

ПОСТЕЛЬНИЧИЙ, -его, м., суц.
(от «постель»)

Одна из придворных должностей и старинный придворный чин (сан) при государевом великокняжеском и царском дворе в Русском государстве XV—XVII вв.

Первое письменное упоминание о постельничем датируется 1495 г. Историки считают, что этот чин при государевом дворе был учрежден в правление великого князя Иоанна III Васильевича. Вместе с чином был учрежден и Постельный приказ, который ведал всей постельной казной государева двора. В боярских книгах Постельный приказ упоминается только с 1573 г., когда царствовал Иоанн Грозный, хотя фактически эта придворная должность существовала при великокняжеских дворах значительно раньше. Только назывался постельничий **покладником** (от глагола «класть»).

Постельничий был ближайшим слугой князя, а в Московском государстве — великого князя и царя. Он ведал «государевой постелью» и всей «постельной казной». Этот чин не был, как бы мы теперь сказали, престижным, да к тому же он налагал материальную ответственность, так что, по-видимому, родовитые бояре не стремились получить это место, стоявшее в иерархии разрядных чинов и придворных должностей далеко не на первом месте, а потому этим чином государь жаловал в основном дворян невысокого звания.

В книге П.Н. Петрова «История родов русского дворянства» (СПб., 1886) иерархия чинов в московской царской службе представлена таким образом: кравчий, оружничий, ловчий московского пути, казначей и только затем постельничий. А уже за ним — сокольничие, ясельничие, шатерничий и другие. Однако эта иерархия чинов не была постоянной. Так, в царствование Алексея Михайловича чин постельничего считался на уровне окольничего.

Чин и должность постельничего чаще всего давались комнатным стольникам или спальникам, как наиболее приближенным к царю.

Постельничего называли постельником государя, а также главным спальником, потому что в его подчинении находились спальни и приставленные к нему стряпчие, которые вели бухгалтерский учет. Он управлял личными хоромами царя, отвечал за охрану царских покоев, особенно во время сна государя. В его обязанности, помимо ответственности за врученные ему «материальные ценности», то есть за царев гардероб, за личные вещи царя и за его бумаги, входило почти полное бытовое обслуживание государя.

Постельничий назначал дежурных спальников охранять государя в его опочивальне, в особых случаях и сам оставался с государем в одной комнате, ходил с ним в баню, во время торжественных приемов следил, чтобы под рукой государя было все, что ему необходимо: перо, бумага, столик, скамеечка и другие нужные вещи.

Постельничий заведовал «постельной казной». Это значит, что он отвечал за состояние и сохранность постельных принадлежностей государя: одеял, покрывал, подушек, перин, постельного белья, — а также икон, крестов, золотой и серебряной посуды, нижнего белья, платья, обуви и других личных вещей царя, находящихся в его опочивальне. Он должен был следить за пошивом, обновлением государева платья и белья, а потому под его наблюдением находились также пошивочные мастерские. Постельничий устанавливал, кто из спальников будет нести ночное дежурство возле государевой опочивальни, и сам нес такое дежурство. Куда бы ни следовал государь — на богомолье ли, в военный поход ли, — постельничий всюду следовал за ним, устраивая его быт, удобства его передвижения. Выполнял он и личные приказания государя.

Несмотря на домашнюю близость к государю, постельничему подняться по служебной лестнице чинов до звания боярина было нелегко. Делали карьеру и достигали боярского сана в основном только так называемые «ближние люди», к числу которых относились далеко не все постельничие.

За столетия существования этого придворного чина из постельничих возвысились только Волынские и Годуновы, да И.М. Языков, который впоследствии был пожалован чином окольничего, а затем получил и боярскую шапку.

Служивший при государевом дворе Иоанна Грозного Иван Михайлович Аничков (ум. 1650) был воеводой в Порхове, затем стряпчим с ключом, и в 1645 г. получил пожалование в постельничие, но верхом его карьеры оказался разрядный чин думного дворянина.

В XVII в. постельничими при царе Алексии Михайловиче служили представители рода Ртищевых. Михаил Алексеевич Ртищев (ум. 1677) был воеводой, главой Приказа Новой чети, постельничим, дослужился только до чина окольничего. Его сын Федор Михайлович-Большой (1626—1673), известный просветитель, воспитатель царевича Алексия Алексиевича, благотворитель, был пожалован царем Алексием Михайловичем в постельничие. Федор Михайлович, пользуясь поддержкой царя и патриарха Николая, построил Спасо-Преображенский монастырь и учредил в Москве, на Никольской улице, училище, которое затем явилось основой для Славяно-греко-латинской академии, открытой сыном Алексия Михайловича, царем Феодором Алексиевичем. Несмотря на близость к царю и свою выдающуюся деятельность, Федор Михайлович-Большой чин боярина не получил.

Также и Григорий Иванович Ртищев (ум. 1671), тоже имевший чин постельничего, достиг только чина думного дворянина и звания воеводы.

Князь Андрей Дмитриевич Щербатов (ум. 1737) с 1674 по 1676 г. служил при Государевом дворе Алексея Михайловича постельничим, или главным спальником. Напомним: он и его жена Ксения Борисовна были одними из самых приближенных лиц к царю и царице. Князь Андрей Щербатов сопровождал царя в походах, на охоте, в поездках по монастырям, всюду обеспечивая спокойный сон государя и налаживая его походный быт. Но царь Алексей Михайлович не возвел его в боярский чин.

После смерти Алексея Михайловича он верой и правдой служил царю Федору Алексиевичу. В 1683 г., в правление царевны Софьи, князь Щербатов был участником Троицкого похода. В 1696 г. во втором походе на Азов Петра I он был помощником воеводы А.С. Шеина. В 1708—1709 гг. Андрей Щербатов принял участие в Донском походе Петра I. Однако ни боярского чина, ни звания воеводы Щербатов удостоен не был.

Среди постельничих были и выдающиеся личности, вошедшие в историю русского государства. Так, например, в царствование Иоанна IV Грозного постельничим при государевом дворе был Алексей Федорович Адашев (?—1561), личность неординарная и в истории России весьма заметная.

Впервые в официальных документах имя Адашева упомянуто в 1547 г. в связи с присутствием его на свадьбе Иоанна IV в числе спальников. Его отец, Федор Адашев, был «ближним человеком» государя, а потому Алексей фактически с детства был знаком с царем Иоанном, и не удивительно, что, став спальником, он быстро сделал блестящую карьеру, войдя в правительственные круги. Через полтора года после упоминания о нем в официальном документе, в феврале 1549 г., на первом Земском соборе, когда царь и бояре, покаявшись друг перед другом в обидах и опалах, приняли приговор об освобождении провинциальных служилых людей от суда наместников по многим вопросам, Иоанн Грозный провозгласил новый политический курс, который он должен был проводить вместе с своим новым «наставником» священником Сильвестром и дворянином, бывшим спальником Адашевым. А еще через год, в 1550 г., в Тысячной книге Алексей Адашев отнесен к числу дворян «первой статьи». А таким дворянам полагался поместный оклад в 200 четвертей. Спустя три года Алексей Адашев, сын Федора Адашева, в том же году ставшего боярином, получил при дворе чин окольничего. По-видимому, постельничим он стал в следующем, 1554 г., когда В. Вешняков был переведен из постельничих в ратные воеводы.

Постельничий Алексей Федорович Адашев ведал личной государственной казной, которую в те времена называли «постельничей»,

повседневным обиходом государя, спал и дежурил в его покоях, управлял личным царским обозом в походах царя, царской канцелярией, возил с собой «путную (походную) государственную печать для скорых и тайных его царских дел». Адашев сопровождал царя Иоанна Васильевича в походах к Коломне в 1555 г. и второй раз — в 1557 г., в Серпухов — в 1556 г.

Но прославился Адашев и в Московском государстве, и в Европе не как постельничий, а как крупный государственный деятель, которого европейские дипломаты называли русским канцлером.

После Земского собора 1549 г. царь назначил Адашева главой Челобитенного приказа, который рассматривал жалобы на работу других приказов и местных властей. О его работе в Челобитенном приказе в качестве руководителя и казначея сохранились записи о выдаче им в 1553 г. жителям Перми уставной грамоты, которая должна была регулировать их отношения с наместниками. Тогда же он подписывал жалованные грамоты монастырям.

В 1555 г. Адашев готовил новые законы о «разбойном деле», а затем составлял дополнительные законы к Судебнику 1550 г. В документах 50-х годов XVI века нередко можно встретить имя Алексея Адашева. Так, в «Дворцовой тетради» за 1552 г. имеется запись об отставке служилых людей от государева двора с пометой «по приказу Алексея Федоровича», что говорит об участии Адашева в распределении на службы чинов двора Иоанна Грозного. Сохранилась и запись об участии Адашева вместе с членами Боярской думы в розыске по делу князя Семена Ростовского, пытавшегося бежать в Литву.

Разумеется, до нас дошли только отрывочные сведения о деятельности Адашева, но все они свидетельствуют о его значительном вкладе в решение ключевых задач как внутренней, так и внешней государственной политики страны. Известна работа Адашева на дипломатическом поприще. Алексей Федорович с юности приобрел опыт дипломатических отношений. Еще в 1538—1539 гг. по поручению великого князя московского Иоанна III, он вместе с отцом в составе русского посольства присутствовал на переговорах при дворе турецкого султана. И потому в 50-е годы, когда судьба дала ему в руки некоторую власть, он постоянно был занят дипломатической работой: то уговаривал в 1551 г. казанских послов принять на ханский престол Шигалей (Шаха-Али), то в 1553 г. договаривался с Ногайской ордой о принятии царем в Астрахани Дербыш-Али, тоже, как и Шигалей, служившего Москве. Вместе с Иваном Михайловичем Висковатым (? — 1570), знаменитым русским талантливым дипломатом XVI в., Адашев вел дипломатические переговоры с датскими и

ливонскими послами накануне ливонской войны и во время войны. В этих переговорах они занимали жесткую позицию в отношении Ливонского ордена, стараясь поставить его в зависимое от Москвы положение.

В январе 1554 г. Алексей Федорович вместе с Иваном Михайловичем Висковатым имел честь участвовать в торжественном приеме капитана и купца Ричарда Ченслера, посланца английского короля Эдуарда, а затем и в переговорах, проведенных в Посольском приказе.

Возвышение Алексея Адашева, его ум, его талант, признание его политики и значимости в Боярской думе и при государевом дворе, и на Западе не могли понравиться властному, обидчивому и мстительному царю Иоанну Грозному. В 1559—1560 гг., придравшись к несогласию с ним Адашева и Сильвестра в отношении политики с Ливонией, которую царь желал захватить полностью, а они не советовали вызывать на себя этим действием борьбу не только с Ливонией, но и с Польшей, Данией, Швецией, Иоанн Грозный отстранил Адашева от всех его дел в правительстве и отправил вместе с его братом Даниилом воеводами в Ливонию, в крепость Феллин. О дальнейшей судьбе талантливого русского человека Алексея Адашева в официальных документах ничего не говорится. И только Андрей Курбский в своей «Истории о великом князе Московском» сообщает, что царь собрал «суд» над Адашевым и священником Сильвестром, который к тому времени уже стал монахом, и обвинил их в колдовстве, погубившем царицу Анастасию. «Суд» заочно приговорил Алексея Адашева к ссылке в Юрьев (Дерпт) «под стражу», что означало тюремное заключение. По свидетельству Андрея Курбского, в 1561 г. в Юрьевской тюрьме и умер русский государственный деятель Алексей Адашев от «огненного недуга». Расправился царь и с Сильвестром, сослав его в Соловецкий монастырь, где он умер после шести лет мучений. Не миновал царской «милости» и крупнейший дипломат русского государства И.М. Висковатый. Обвиненный царем Грозным в подстрекательстве султана к походу на Астрахань и Казань, а хана к набегу на московские земли, Висковатый был четвертован 25 июля 1570 г. на московской рыночной площади, прозванной народом «Поганая лужа».

В царствование Иоанна Грозного был учрежден Постельничий приказ, известный в боярских книгах с 1573 г. По-видимому, главой этого приказа был постельничий. К середине XVII в. об этом приказе уже нет упоминаний, вероятно, он уже был упразднен.

Однако в царствование первых Романовых, и Михаила Феодоровича, и Алексея Михайловича, чин постельничего существовал. Г.К. Котошихин в труде «Россия в царствование Алексея Михайловича» в главе о царских чиновных людях, пишет: «Постельничей; и того постельничего чинъ таковъ: ведаеть его царскую постелю, и спитъ съ нимъ въ одномъ покою вместе, когда съ царицею не опочиваетъ; также у того постельничего для скорыхъ и тайныхъ его царскихъ делъ печать. А честию тот постельничий против окольничего». Придворный разрядный чин постельничего был отменен Петром I, но обязанности постельничего сохранились. Они были переданы вновь учрежденному придворному чину обер-гофмейстера. Фактически ничего не изменилось, просто постельничий Государева двора был переименован в обер-гофмейстера императорского двора.

Это был Ф.М. Ртищев, ближний постельничий, как бы сказать обер-гофмейстер при дворе царя Алексея Михайловича, а потом его дворецкий, т.е. министр двора.

В.О. Ключевский. «Добрые люди Древней Руси»

...Небогатый — приставник добрый, услужливый и между тем строгий в исполнении наставлений, данных великим князем, как стеречь внука. (Надо знать, что в это время он же, за болезнью Дмитриева, казначея и постельничего, исполнял их должности.) Честь честью князю, хотя и заключенному!..

И.И. Лажечников. «Басурман»

РЫНДА, -ы, м.; др.-рус.

(от «рынди́к» — здоровяк, молодец)

Рында — это почетное звание оруженосца и телохранителя придворной охраны государева двора великих князей и царей Московской Руси и Российского централизованного государства XIV—XVII вв.

Первое употребление слова «рында» зафиксировано в Никоновской летописи от 1380 г., то есть в период, когда главой Русского государства был великий князь Дмитрий Иванович Донской.

Вопрос о происхождении древнерусского слова «рында» для лингвистов остается нерешенным.

Известный немецкий лингвист Макс Фасмер в своем «Этимологическом словаре русского языка», переведенном с немецкого языка и дополненном О.Н. Трубачевым, называет это слово «трудным» и «явно иноязычного происхождения». Отвергая предпо-

ложения других лингвистов о произведении этого слова из древнеисландского языка (Тернквист), из датского языка (Маценауэр) и немецкого языка (Круазе ван дер Коп), М. Фасмер видит его заимствование из древне немецкого слова *ridder*. Причем он исходит не из слова «рында», а из приведенного в словаре Даля со ссылкой на Наумова слова «рындель» (знаменосец) и рассуждает, что *ridder* аналогично «рыдель» с последующим появлением носового Н (риндель), явлением, которое можно обнаружить в болгарском (!) языке. А в комментарии к слову «рындель» добавляет: «Сюда же, вероятно, и *рында*».

Такое этимологическое объяснение не звучит убедительно. Тем более что в словаре В. Даля приводится еще одно древнерусское слово — «рындик», что означает «здоровяк, молодец». И, пожалуй, это слово больше объясняет происхождение наименования оруженосца и телохранителя при государевом дворе, чем другие, особенно иностранные слова.

Образование слова «рында» от «рындик» вполне объяснимо как сокращение по типу «дылда», слова, обозначающего здорового русского парня, молодца высокого роста. По-видимому, таких парней в полках отбирали в качестве знаменосцев — рындалей, сокращенно — рынд. А когда в XIV в. начал формироваться государев двор, здоровых красавцев-парней — рынд стали набирать в отряд оруженосцев и телохранителей великого князя. Возможно, телохранители и оруженосцы-рынды имелись при великих князьях и раньше, но в письменном источнике это слово впервые встречается только под 1380 г.

Рында был личным телохранителем и оруженосцем московского великого князя, а затем и царя. В его обязанности входило сопровождение государя в его выездах со двора, в его поездках на богомолье, в другие города. Сопровождал он государя и в его военных походах. Возможно, в обязанности входила и охрана государыни, жены великого князя или царя при ее выездах из дворца без супруга.

Самым почетным для него было стояние в карауле вокруг государева трона во время приема иностранных послов.

В белоснежных кафтанах с золочеными пуговицами и шнурами на груди, в белых сапожках и белых шапках, отороченных горностаем, с серебряными «посольскими» топориками в руках стояли рынды вокруг государева трона, как бы готовые броситься на всякого, кто без разрешения приблизится к государю. «Посольские серебряные топорики», вооружение рынды, изготовлялись из булата и декорировались золотой и серебряной насечкой.

Для этого почетного звания отбирали самых красивых и статных молодых людей из князей, детей боярских и московских дворян, чаще всего из тех, кто уже служил при государевом дворе.

Для церемонии приема иностранных послов и гостей царь иногда временно назначал в рынды молодых людей из числа наиболее доверенных придворных. Это назначение ценилось при государевом дворе как проявление особой милости царя, его особого доверия. Но были и такие молодые люди, которые не один год служили при государе в этом звании.

С течением времени рында мог получить другое придворное звание, а затем чин окольного и в этом чине мог быть назначен воеводой в какой-нибудь город или получить дипломатическое поручение. У некоторых бывших в звании рынд судьба складывалась так, что они дослуживались до самого высокого чина боярина и становились «ближними людьми» государя.

Приведем для примера судьбу князя, бывшего рындой при царе Алексии Михайловиче.

Князь Сергей Петрович Львов (ум. 1659) с 1625 г. служил при дворе царя Михаила Феодоровича Романова стольником. В чине окольного был направлен воеводой в Воронеж.

Его дядя, князь Алексей Михайлович Львов, боярин с титулом «ярославский князь», выполнял с 1635 г. в Литве весьма важное дипломатическое поручение царя Михаила Феодоровича — официальное оформление отказа короля Владислава IV от прав на русский престол. В 1638 г. боярин князь Алексей Михайлович Львов устроил своего племянника Сергея Петровича «посылочным» воеводой для связи с Москвой.

В 1646 г. князь Сергей Петрович Львов, к тому времени получивший чин окольного, назначен был рындой при государевом дворе царя Алексия Михайловича. Этот факт показывает, что звание было временным, могло быть дано придворному, имевшему уже определенный чин, и стояло вне иерархии чинов государева двора. Подтверждает это мнение и то, что в одно время с князем Львовым были назначены в рынды и князья Хилковы, с которыми Сергей Петрович затеял местничество.

Назначение окольного князя Львова рындой было временным, так как в том же году он был послан служить воеводой в Белгороде, а в 1647 г. — в Ливнах.

В 1657 г. во время праздничного обеда в честь дня ангела первой жены царя Алексия Михайловича — царицы Марии Ильиной (Милославской) князь Сергей Петрович затеял местнический спор. Он не хотел сесть «ниже» боярина Ильи Даниловича

Милославского и «бил челом» царю на боярина, говоря, что ему быть меньше Милославского «невместно».

Царь Алексей Михайлович разгневался: во-первых, была нарушена торжественная обстановка праздничного обеда, а во-вторых, князь Львов затеял местничество с отцом царицы (!). Он приказал князю Львову сесть там, где «ему указано», а местничеством заниматься в другое время и в другом месте. Через несколько дней царь объявил Львову, что тот «бил челом» не по делу, и отправил его в тюрьму.

Но когда в результате воссоединения Украины с Россией в 1654 г. началась война с Польшей, которая продолжалась 13 лет, князь Львов, несмотря на обиду, принял в ней участие.

В 1659 г. князя Львов и Пожарский, преследуя польское войско Выговского, попали в засаду к крымским татарам и были взяты в плен.

После тяжелых пыток хан казнил князя Пожарского, а князя Львова оставил в живых. Но князь Сергей Петрович не пережил этой трагедии. Он тяжело заболел и умер.

При Петре I, когда государев двор был преобразован в императорский двор, почетное звание рынды вместе с обрядом стояния вокруг трона государя было упразднено.

— А этот молодой, черноглазый, в конце стола, с таким приветливым лицом? Черты его мне знакомы, но не припомню, где я его видел?

— Ты видел его, князь, пять лет тому, рындаю при дворе государя; только далеко ушел он с тех пор и далеко уйдет еще; это Борис Федорович Годунов, любимый советник царский.

А.К. Толстой. «Князь Серебряный»

Около царя стояли рынды в белоснежных шелковых кафтанах.

В.И. Костылев. «Иван Грозный»

Прежде чем торопливые рынды успели поймать золоченое стремя, Дмитрий соскочил с седла и пошел к реке.

С. Бородин. «Дмитрий Донской»

СОКОЛЬНИЧИЙ, -его, м., сущ.
(от «сокол-сокольник»)

С середины XVI до начала XVII в. — при государевом царском дворе чин и должность главы царской птичьей охоты и Сокольного приказа.

В Московском централизованном государстве сокольничий считался одним из высших разрядных чинов в придворной служебной иерархии.

Наименование чина произошло от словосочетания «сокольничий старшой», или «сокольничий начальник (глава)», то есть начальник над сокольниками, осуществлявшими птичью, в основном соколиную охоту.

Первое письменное упоминание о сокольничем датируется 1550 г., временем правления Иоанна IV Грозного. Тогда же был учрежден Сокольничий приказ, главой которого был назначен сокольничий. Учреждение чина и Сокольничего приказа не означало, что до этого при государевом дворе не было птичьей охоты. Она, конечно, была, притом была известна издревле, ею увлекались и великие, и удельные князья.

Великие московские князья Иоанн III Васильевич и особенно Василий III Иоаннович любили и звериную, и птичью охоту. Василий III в 1509 г. учредил чин ловчего при государевом дворе и одновременно Ловчий приказ, главой которого был назначен ловчий. В обязанности ловчего входила организация царской охоты, и звериной, и птичьей. Иоанн Грозный, смолоду увлекавшийся охотой, выделил сокольничий чин из Ловчего приказа, возглавлявшегося ловчим, и учредил, как уже говорилось выше, чин сокольничего и Приказ сокольничего пути, или Сокольничий приказ.

Сокольничий был придворным, разрядным чином государева двора и имел высокий сан: он стоял во главе приказа, обслуживавшего царскую птичью охоту, и прежде всего соколиную охоту. Обычно в составе приказа, кроме его главы, боярина или сокольничего, находились его товарищи (помощники) — стольник или спальник — и два дьяка. В подчинении сокольничего находился не только штат приказа, но и весь сокольничий чин: его заместители подсокольники, затем сокольники, и начальные, и рядовые, а за ними поддатни.

Обязанности сокольничего тесно переплетались с обязанностями ловчего, отвечавшего за звериную охоту: так же нужна была подготовка к охоте, обеспечение ее материальной части — конями, специальной одеждой для участников охоты — подсокольничего, сокольничих, поддатней — соблюдение правил соколиной охоты и проч. В его ведении, как и в ведении ловчего, тоже находилось большое охотничье хозяйство, только птичье. Место, где располагалась охотничья птичья база, где находились сокольники и поддатные со своими птицами, в Москве до сих пор называется Сокольники. Птичий охотничий двор состоял не только из

соколов, он содержал и других хищных птиц: ястребов, челигов, кречетов и других.

Надо заметить, что четких требований к тем или иным должностям в Древней и Московской Руси не было. Все зависело от воли государя, а он мог давать любые поручения своему слуге, невзирая на его сан и исполняемые им обязанности по должности.

В чин сокольничего назначались в основном бояре, но мог быть и окольный, главное, чтобы был любитель птичьей охоты, а в товарищах у него могли быть люди и из стольников, и из чашников, и из постельников, из детей боярских и дворян. Должность и чин сокольничего открывали большие возможности. Тот, кто смог заслужить этот сан, мог стать потом думным боярином, а окольный стать воеводой, а если окажется любимцем государя, то мог быть пожалован и в боярский чин. В награду за верную и усердную службу государь мог пожаловать угодившему ему сокольничему не только «милостивое слово», но и шубу со своего плеча, а то и поместье с крестьянами или прибавку к окладу.

Но если царь был недоволен соколиной охотой, то сокольничий мог попасть в большую беду, особенно во времена царствования Иоанна Грозного.

В подчинении у сокольничего был подсокольничий, возглавлявший целый штат сокольников. А сокольникам помогали подданные, которые выгоняли уток из их укрытия на добычу соколам и кречетам. Соколиная охота имела свой чин ее проведения. И сам царь, и его сокольничий, и весь штат помощников — все знали свои роли и исполняли их, стараясь не нарушать священного чина соколиной охоты.

Для птичьей охоты сокольничий имел специальную богатую и яркую одежду. Соколиной охотой, как спортом и отдыхом, увлекались почти все русские цари, она считалась большим праздником, «весельем», а потому царь и придворные, его окружавшие, являлись на соколиную охоту в блестящих парадных одеяниях, с дорогими доспехами, на богато украшенных конях.

Вот как рисует убранство сокольничего и чин птичьей охоты во времена Иоанна Грозного А.К. Толстой в романе «Князь Серебряный»:

«Сокольничий, в красном бархатном кафтане с золотою нашивкой и золотою перевязью, в парчовой шапке, в желтых сапогах и в нарядных рукавицах, слез с коня и подошел к Иоанну, сопровождаемый подсокольничим, который нес на руке белого кречета, в клубучке и колокольцах.

Поклонившись до земли, сокольничий спросил:

— Время ли, государь, веселью быть?

— Время, — отвечал Иоанн, — начинай веселье!

Тогда сокольничий подал царю богатую рукавицу, всю испещренную золотыми притчами, и, приняв кречета от подсокольничего, посадил его государю на руку.

— Честные и доброхвальные охотники! — сказал сокольничий, обращаясь к толпе опричников, — забавляйтесь и утешайтесь славною, красною и премудрою охотой, да исчезнут всякие печали и да возрадуются сердца ваши!

Потом, обратясь к сокольникам:

— Добрые и прилежные сокольники, — сказал он, — напускайте и добывайте!

Тогда вся пестрая толпа сокольников рассеялась по полю. Иные с криком бросились в перелески, другие поскакали к небольшим озерам, разбросанным как зеркальные осколки между кустами.

Вскоре стаи уток поднялись из камышей и потянулись по воздуху.

Охотники пустили соколов».

На самом деле этот обряд, присылаемый времени Иоанна Грозного, был взят А.К. Толстым из собственноручно написанной царем Алексием Михайловичем книги, озаглавленной «Книга глаголемая урядник: новое уложение и устройство чина сокольничья пути». Только в книге Алексия Михайловича по его сценарию все слова открытия птичьей охоты произносит не сокольничий, а подсокольничий Петр Семенович Хомяков. В середине XVII в., в царствование Алексия Михайловича, в чинах сокольничья пути сокольничий уже не числился, а его обязанности выполнял подсокольничий. Не было уже и Сокольничего приказа, о чем свидетельствует Г. Котошихин, который в своем труде «Россия в царствование Алексия Михайловича» показал, что царская охота, звериная и птичья, в эти времена находилась в ведении Конюшенного приказа.

Некоторые историки считают, что с 1606 г., с начала царствования Василия Шуйского, назначения в сан и на должность сокольничего прекратились. По-видимому, в то время был упразднен Приказ сокольничья пути, или Сокольничий приказ. А с упразднением приказа были упразднены чин и должность главы этого приказа. Однако есть мнение, что чин этот был упразднен в конце царствования Бориса Годунова, скончавшегося в 1605 г. Как бы там ни было, ясно одно: в Смутное время было не

до царской охоты, нужно было спасать Российское государство от Лжедмитриев, от нашествия поляков и шведов, от разбойных казацких отрядов, от всего разлада и неустройства, охвативших страну.

Последним сокольничим в Смутное время был Гаврила Григорьевич Пушкин (ум. 1638), получивший этот чин и ставший думным дворянином при Лжедмитрии I. Впоследствии он служил при дворе Михаила Феодоровича, получил звание и должность воеводы в Вязьме, а затем был назначен судьей Разбойного приказа.

И все же царская охота, в том числе и соколиная, была возрождена и продолжала существовать и при Романовых. Если царь Михаил Феодорович Романов, в связи с государственной разрухой после Смутного времени и нашествия поляков, только к 1619 г. смог обратиться к вопросу о возрождении царской охоты, хоть сам и не был заядлым охотником, то сын его, царь Алексей Михайлович очень любил охоту, особенно птичью, кречетью и соколиную. Его государев двор в Измайлове содержал в своем составе все чины царской охоты, и Алексей Михайлович часто приезжал из Преображенского в Измайлово и в Сокольники, чтобы «повеселиться» на соколиной охоте. По преданию, даже рождение в Измайлове царевича Петра Алексиевича, будущего императора Всероссийского Петра I, было связано с приверженностью царя к охоте. Отправившись на охоту в Измайлово, Алексей Михайлович заболел, и Наталья Кирилловна, несмотря на то что была уже на сносях, забеспокоилась и отправилась в Измайлово спасать своего супруга. Но от волнения и тяжелой тряски в карете по неровным дорогам по приезде в Измайлово у нее начались роды, результатом которых явился младенец, впоследствии перевернувший всю российскую жизнь.

В своей книге, называемой «Книга глаголемая Урядник: новое уложение и устроение чина сокольничья пути», Алексей Михайлович поэтически воспел птичью охоту, отдавая дань не только охотникам, но и птицам: «Молю и прошу вас премудрых, добrorодных и доброхвальных охотников, насмотритесь всякого добра; вначале благочиния, славочестия, устроения, уряжения Сокольничья чина начальным людям, и птицам их, и рядовым по чину же; потом на поле утешайтесь и наслаждайтесь сердечным утешением во время. И да утешатся сердца ваша, и да переменятся, и не опечалятся мысли ваши от скорбей и печалей ваших».

И зело потеха сия полевая утешает сердца печальныя, и забавляет веселием радостным, и веселит охотников сия птичья добыча. Безмерно славна и хвальна кречатья добыча. Удивительна же

и утешительна и челига кречатья добыча. Угодительна же и потешна дермлиговая перелазка и добыча. Красносмотрителен же и радостен высокова сокола лет. Премудра же челига соколя добыча и лет».

Заядлыми охотницами были императрицы Анна Иоанновна и Елизавета Петровна, но их императорские дворы тем более уже не содержали наименования чина сокольников. Всей царской охотой заведовали у них егермейстеры: при Петре I чин сокольников с некоторым расширением его обязанностей трансформировался в придворный чин обер-егермейстера (VI класс Табели о рангах 1722 года), отвечавшего за всю императорскую охоту, и надворного егермейстера (IX класс Табели о рангах 1722 года), его помощника. Позже в Табель о рангах вошли чин обер-егермейстера (II класс) и двух егермейстеров (III класс). Однако традиции прежних сокольников и подсокольников продолжали свою жизнь в царских птичьих охотах, особенно в соколиных.

Эта увлекательная птичья охота, столь поэтически воспетая царем Алексием Михайловичем, не может быть позабыта людьми, потому что Алексей Михайлович завещал нам, потомкам: «Будите охочи, забавляйтесь, утешайтесь сею доброю потехою, зело потешно и угодно и весело, да не одолеют васъ кручины и печали всякия. Избирайте дни, ездите часто, напускайте, добывайте, нелениво и безскучно, да не забудутъ птицы премудрую и красную свою добычу».

А потому и в наше время есть энтузиасты, современные, можно сказать, «сокольниковые», которые стараются возродить былое «устройство чина Сокольниковья пути», тем более что птичья охота теперь стала модной во многих странах Европы, Азии и Америки.

Утро было прекрасное. Сокольниковый, подсокольниковый, начальные люди и все чины сокольниковья пути выехали верхами, в блестящем убранстве, с соколами, кречетами, челигами на рукавицах и ожидали государя в поле.

А.К. Толстой. «Князь Серебряный»

Рукунов был уже очень немолод. Он был последним сокольниковым и рассказывал, что присутствовал на последней соколиной охоте при императрице Елизавете Петровне. Он очень любил рассказывать, как нужно вынашивать соколов для охоты; много было интересного в его разговоре и воспоминаний о разных случаях на охоте, но это все я так давно слышала, что все перезабыла.

«Рассказы бабушки»

Сокольниковый, потеряв надежду достать Адрагана, поспешил подать царю другого кречета. Но царь любил Адрагана и припечалился, что пропала его лучшая птица. Он спросил у сокольника, кому из рядовых указано держать Адрагана. Сокольниковый отвечал, что указано рядовому Тришке.

Иоанн велел позвать Тришку. Тришка, чуя беду, явился бледный.

— Человеке, — сказал ему царь, — так ли ты блюдеши честника? На что у тебя вабило, коли ты не умеешь наманить честника? Слушай, Тришка, отдаю в твои руки долю твою: коли достанешь Адрагана, пожалуй тебя так, что никому из вас такого времени не будет; а коли пропадет честник, велю, не прогневайся, голову с тебя снять, — и то будет всем за страх; а я давно замечаю, нет меж сокольников доброго строения и гибнет птичья потеха!

При последних словах Иоанн покосился на самого сокольничего, который, в свою очередь, побледнел, ибо знал, что царь ни на кого не косится даром.

А.Н. Толстой. «Князь Серебряный»

СПАЛЬНИК, -а, м.; др.-рус.

(от «спать», «спальня»),

а также **СПАЛЬНИЧИЙ**, -его, м.; др.-рус.

Прил. «спальников», -а, -о

Придворный чин и должность при великокняжеском, а позднее — при царском государевом дворе Московского государства с XV до начала XVIII в.; дежурный, охранявший покой государя в опочивальне, спальне.

Надо заметить, что во многих толковых словарях русского языка спальник назван придворным чином. Конечно, в Московском государстве не было таких чинов, которые затем вошли в петровскую Табель о рангах, это был скорее сан, звание, а не чин.

Носивший звание стольника при государевом дворе принадлежал к особой категории лиц, приближенных к особе государя, наиболее доверенных придворных из числа «ближних людей».

Начальником над спальниками, одним из высших придворных чинов Московского государства, был постельничий, или главный спальник. Спальники, а их при дворе было иногда более десятка человек, должны были выполнять поручения постельничего, который заведовал всеми вещами в государственной опочивальне: постельными принадлежностями, гардеробом государя, его одеждой, обувью, золотой и серебряной посудой, крестами, иконами, личными, дорогими государю вещами.

Заступая на дежурство, он принимал личную ответственность за вещи, находящиеся в государственной спальне. Он отвечал за назначенный ему участок в обширном хозяйстве опочивальни, включающем, как уже говорилось, постельные и другие принадлежности спальни, а также личные вещи государя и все то, что должно было удовлетворять бытовые нужды государя.

Чин спальника государь жаловал молодым людям знатного происхождения — из князей, детей боярских, московских дво-

рян, иногда и из жильцов — провинциальных дворян, прибывших к Государеву двору для службы.

Как уже отмечалось выше, спальник относился к числу «ближних людей» государя. Как приближенный великого князя или царя, он, охраняя царский покой, или дежурил около опочивальни, или даже спал в государственной опочивальне (откуда, по-видимому, и наименование чина), помогал великому князю и царю одеваться и раздеваться, мылся вместе с ним в мыльне (бане), в особых случаях оказывал ему и посильную медицинскую помощь, короче — почти полностью обеспечивал государев быт.

В его обязанности входило не только дежурство в спальном комнате царя, забота об одежде и обуви государя, но и сопровождение его во время поездок и даже во время военных походов. Иногда его обязанности, в зависимости от воли государя, препоручались комнатному стольнику.

Сан и должность спальника были не только при государях, но и при царевичах. В женской половине государева двора, в «тереме», все обязанности при опочивальне исполняли спальницы.

Считалось, что при повышении в чине спальник должен был, в соответствии с установленной иерархией дворцовых должностей, получить сан постельничего. В.И. Даль в «Толковом словаре великорусского языка» к слову «спальник» приводит пример: «Из спальников встарь жаловали в постельники». Конечно, теоретически, возможно, это было и так: при повышении в чине он должен был стать постельничим, который заведовал спальниками. Но все зависело от воли государя, и спальник мог возвыситься до кравчего, до сана окольничего, а то и до боярского чина. А мог быть и отправлен в другой город или вообще на окраину государства с каким-нибудь поручением. Иерархия чинов при государевом дворе не была четкой и устойчивой, и придворный не имел закрепленных за ним определенных обязанностей, он был просто придворным, зависящим от воли государя.

Так, Иван Иванович Голицын Большой (ум. 1686), по прозвищу Лоб, был в 1676 г. стольником, затем в 1681 г. спальником царевича Петра Алексеевича (Петра I), а через четыре года, в 1685 г., был возведен в боярский чин и стал Казанским воеводой. Правда, в таком высоком достоинстве ему довелось прожить всего один год.

Придворное звание спальника имел и брат его, Иван Иванович Голицын Меньшой (ум. 1686). Он тоже начинал службу при государевом дворе вместе с братом в 1676 г. стольником, но спальником стал на два года позже, в 1683 г. Затем царь пожаловал его

в комнатные стольники, а затем возвел и в бояре (1686 г.). Иван Иванович Меньшой умер в один год со своим братом, Иваном Ивановичем Большим.

Как уже говорилось выше, спальник мог получить самые разнообразные поручения и, как все служившие при дворе, должен был выполнять любые повеления государя.

Так, в начале 1697 г. по велению царя Петра 50 спальников и стольников из лучших московских фамилий были отправлены учиться морскому делу в Европу.

Интересно в связи с этим проследить жизненный путь князя Андрея Дмитриевича Щербатова, который служил спальником при дворе царя Алексея Михайловича с 1674 по 1696 г. Он и его жена, княгиня Ксения Борисовна, как говорится в родословной князей Щербатовых, были одними из самых приближенных лиц к царю Алексею Михайловичу. После смерти царя в январе 1676 г. князь Щербатов, еще 20 лет оставаясь в сане спальника, в 1683 г. участвовал в Троицком походе, в 1696 г., уже при Петре I, — в Азовском походе. Далее он окончательно выполняет поручения военного характера, и в 1708—1709 гг. участвует, как помощник воеводы А.С. Шеина, в Донском походе, целью которого было подавление казачьих волнений и возвращение беглых крестьян, нашедших приют у донских казаков. Умер князь Андрей Дмитриевич Щербатов в 1711 г.

Таким образом, служащие при государевом дворе в чине спальника не ограничивались служением царю только в царской спальне, но принимали участие и в царских военных походах, где не только обслуживали царя, отвечая за его быт, но и отличались в боевых действиях русского войска.

Князь Федор Иванович Троекуров (ум. 1695), сын Ивана Борисовича Троекурова, боярина с 1678 г., начальника Стрелецкого приказа с 1689 г., служил при государевом дворе стольником, а затем спальником. Боярский сын Федор Иванович полюбился царю Петру I. В 1693 г. царь сделал его бомбардиром в своем войске. Вместе с Петром I спальник Федор Иванович участвовал в Азовском походе. В бою под Азовом он был убит.

Ввиду того что князья Троекуровы — это русский княжеский род, отрасль князей ярославских, Федор Иванович был похоронен в своей вотчине — в Ярославле. Петр почтил его память и приехал на его похороны в Ярославль.

Чин спальника вместе со всеми другими чинами государственного двора перестал существовать при Петре I, когда государь возложил на себя титул императора и, упразднив государев двор, учредил императорский двор с его придворными чинами, носящими в ос-

новном немецкие наименования. Бывшие спальники, а теперь придворные служители при спальне императора в Табель о рангах не вошли, а стало быть, соответствующего чина не получили.

Вот неделей через пять
Начал спальник примечать...
Надо молвить, этот спальник
До Ивана был начальник
Над конюшней надо всей,
Из боярских слыл детей;
Так не диво, что он злился
На Ивана и божился
Хоть пропасть, а прищелца
Потурить вон из дворца.

П.П. Ершов. «Конек-Горбунок»

СТОЛЬНИК, -а, м.; др.-рус. (от «стол»)

Прил. «стольников», -а, -о

Старинный русский придворный чин и придворная должность, известные с XIII в. Название произошло от слова «стол», так как стольник первоначально должен был служить только за столом великого князя, подавая ему блюда и наливая напитки в чаши. Обязанности у государева стола постепенно были разграничены, и разливание вина по чашам было поручено так называемым чашникам. Но, освободив стольника от разливания вина за столом, ему стали поручать самые разнообразные дела не только при дворе, но и вне его.

Стольники служили не только при государевых палатах. Было 3 категории стольников: государевы, царицыны и патриаршие. Их общее количество в иные времена приближалось к 1000. Так, в царствование Михаила Феодоровича государевых стольников насчитывалось 275 человек, патриарших — 455 человек, около 200 стольников обслуживали царицу.

Молодые князья, дети боярские и московские дворяне начинали служить при государевом дворе в юном возрасте — с десяти-двенадцати лет. А потому им поручались дела, не только связанные со столом, но и всякие прочие: что-либо передать кому-нибудь из вещей, записок или устно; что-нибудь принести или отнести и прочее. Фактически это были «мальчики на побегушках». В более взрослом возрасте стольники служили во время торжественных, церемониальных застолий; они должны были «столы сказывать», то есть приглашать к столу, стоять за стулом

государя, подавать ему принесенные блюда и вина, иногда тут же пробовать их в целях предохранения государя от отравления. Они обслуживали весь стол государев, а именно: «ближних людей» великого князя или царя и приглашенных гостей, своих и иноземных. Кроме того, они разносили «подачи» с государева стола придворным чинам и иноземным послам и посланникам по их домам.

Вот как описывает царский пир и участие в нем стольников В.О. Ключевский в книге «Сказание иностранцев о Московском государстве» в главе «Прием иностранных послов в Москве»:

«После раздачи хлеба стольники выходили и приносили водку, которую обыкновенно пили перед обедом, потом жареных лебедей, составлявших первое блюдо на государевых обедах, когда не было поста. Государю подносили трех лебедей, и он пробовал ножом, который лучше. Выбранный тотчас выносился, разрезывался на части и на пяти тарелках приносился опять государю. Отрезав по частичке от разных кусков, государь давал прежде отведать их стольнику, потом отведывал сам и посылал на тарелках послу и кому-нибудь из остальных гостей в знак особой милости, причем повторялась прежняя церемония вставаний и поклонов, доводившая непривычного иностранца до утомления».

Количество стольников во время государевых приемов было довольно большим, так как подачей каждого блюда (а их за государевым столом было множество!) заведовал специально для этого отряженный стольник.

Например, в 1664 г. торжественный обед царя Алексея Михайловича в честь посла Чарлза Говарда обслуживали 144 стольника.

Нужно учесть, что были еще стольники царицына чина, которые обслуживали царицу, царевен, обитателей терема, женской половины царских палат, а также стольники патриарха. Так, например, Василий Алексеевич Благово был стольником царицы Натальи Кирилловны, супруги царя Алексея Михайловича, матери Петра I. Благово Петр Васильевич служил стольником царицы Прасковьи Феодоровны, супруги царя Ивана V Алексеевича, недолго царствовавшего совместно с Петром I. С 1686 г. у царицы Прасковьи Феодоровны служил стольником князь Михаил Матвеевич Оболенский, который в 1687 году в связи с возрастом (стольником царицы мог быть только отрок с 10 до 15 лет) был переведен в комнатные стольники царя, где и служил до 1692 г.

Афанасий Федорович Благово в 1627—1629 гг. в качестве стольника служил у патриарха Филарета (Феодора Никитича Романова), отца первого из царей дома Романовых — Михаила Феодоровича.

Как уже говорилось выше, стольник — из числа молодежи родовитых боярских фамилий, служивших при дворе для получения боярского звания, выполнял самые различные поручения.

Так, во время официального приема послов наиболее красиво и статному стольнику поручалось быть рындой и стоять с серебряным топориком возле государева трона. Младшие стольники несли службу в «полку государевом» и по городам при воеводах. Кроме того, стольник мог быть назначен в один из приказов или послан то по судебным делам, то для «осмотра служилых людей» и т.д.

Стольник, который служил государю непосредственно в покоях его, назывался ближним, или комнатным. Зачастую ему поручалось исполнение обязанностей постельника при государевой опочивальне или сокольника в птичьей царской охоте.

В иерархии «служилых людей» стольники занимали 5-е место после бояр, окольничих, думных дворян и думных дьяков. За чином стольника шел чин стряпчего.

В Московском государстве XV—XVII вв. служба стольником была первой ступенью в иерархической лестнице, ведущей к ее вершине — сану боярина, чину думного боярина.

Молодые представители высшей аристократии, например, князья Прозоровские, Волконские, Барятинские, Куракины, Голицыны, Репнины и другие, стремясь к высокому боярскому сану, начинали свою службу при дворе в этом звании. Одним из них удавалось добиться боярского чина, другие получали только лишь чин окольничего, а третьи проводили свою жизнь в военных походах, становясь военачальниками — головами, а в лучшем случае воеводами.

Для примера расскажем о судьбе князя Бориса Ивановича Прозоровского (ок.1654 — после 1705), боярского сына. Сначала Борис Прозоровский жил с родителями в Астрахани (1668—1670), где его отец, боярин Иван Семенович Прозоровский, в те годы был воеводой.

В 1670 г. Астрахань осадили отряды Степана Разина, и воевода Прозоровский возглавил оборону города.

Как известно, Разину с его ватагой удалось взять Астрахань. Тяжелораненый боярин князь Иван Семенович Прозоровский по приказу Разина был сброшен с башни городской стены и погиб. В то время его сыну Борису Ивановичу было 16 лет.

Разин начал допытываться у юноши, где можно найти таможенные деньги, которые собирались с торговых людей в пограничной Астрахани, и высказал предположение, что воевода Прозоровский или завладел ими, или вложил их в свои промыслы

(свой бизнес). На это князь Борис Иванович ответил, что отец его никогда этими деньгами не пользовался, и разъяснил Разину, каков был порядок следования таможенных денег.

В 1672 г. царь Алексей Михайлович призвал смелого юношу Бориса Прозоровского в Москву и возвел его в сан стольника, а в 1674 г. назначил его комнатным стольником царевича Феодора Алексиевича, будущего царя. В 1682 г. князь Борис Иванович Прозоровский получил боярский чин. В том же году он участвовал в Соборе, который принял решение об уничтожении местничества.

В 1692—1697 гг. боярин князь Борис Иванович Прозоровский служил воеводой в Нижнем Новгороде.

Когда он в 1697 г. вернулся в Москву, молодой царь Феодор Алексиевич пожаловал своего бывшего комнатного стольника саном ближнего боярина.

Еще пример. Князь Иван Петрович Барятинский (1615—1701), сын воеводы Петра Романовича (ум. 1648), начав с чина стольника, тоже дослужился до «боярской шапки». Начиная свою карьеру при царе Михаиле Федоровиче в 1636 г. Через 25 лет верной службы, в 1661 г., уже при царе Алексии Михайловиче, князь Барятинский был возведен в чин окольничего. Еще через 15 лет, в 1676 г., он стал боярином.

Все эти годы он верой и правдой служил своим государям. В 1649 г. был воеводой в Крапивне. В 1656—1657 гг. участвовал в походе против Риги. В 1661 г. в чине окольничего и звании наместника Рязанского возглавил русское посольство и заключил мир со Швецией. После этого царь направил его посланником в Стокгольм.

Вернувшись на родину из Стокгольма в 1663 г., князь Барятинский стал служить в разных приказах.

Царь Алексей Михайлович имел к окольничему, князю Ивану Петровичу Барятинскому такое доверие, что в 1663 г. при отъезде из Москвы оставил город на его попечение.

В 1666—1671 гг. Иван Петрович исполнял повеление царя быть воеводой в Якутске. В 1677—1680 гг., уже при царе Феодоре Алексиевиче, боярин князь Барятинский служил воеводой в Енисейске.

В 1682 г. боярин Барятинский подписался под постановлением Собора об уничтожении местничества.

Князь Барятинский был женат, имел детей, но потомства не оставил: все его дети умерли еще при его жизни.

В 1697 г., примерно за четыре года до своей кончины, боярин князь Иван Петрович Барятинский постригся в Даниловом монастыре под именем Ефрема.

Но не все Барятинские были столь удачливы в службе.

Князь Осип Федорович Барятинский начинал карьеру при дворе в 1661 г. с должности стряпчего. Через два года он был переведен в стольники. Он тоже участвовал в походе против Риги в 1656—1657 гг.

В 1671 г. царь Алексей Михайлович направил князя Осипа Барятинского на подавление восстания под предводительством Степана Разина.

В 1675—1676 гг. по велению царя Алексея Михайловича стольник князь Барятинский служил воеводой в Великих Луках.

В 1680 г. царь Федор Алексеевич направил его воеводой в Севск.

Несмотря на свою многолетнюю службу, князь Осип Федорович Барятинский боярского чина не получил.

Не стал боярином и князь Михаил Васильевич Барятинский, начавший службу при дворе стряпчим, а затем стольником (с 1686 г.).

Так же, как Осип Федорович Барятинский, он участвовал в подавлении восстания под руководством Степана Разина в 1671 г. Затем был участником Чигиринского похода 1678—1679 гг., потом второго Крымского похода 1689 г. под водительством боярина Василия Васильевича Голицына. Принимал участие в Азовском походе Петра I.

Настало время царствования Петра I, и потому пожалования в старинные придворные чины уже не практиковались.

В 90-е годы XVII в. Петр I направил в европейские страны на обучение молодых дворян московских из числа придворных — комнатных стольников.

Для них была написана дошедшая до наших дней специальная инструкция, которая называлась «Инструкция Государевым комнатным стольникам, направленным в 1697 году в Европу для обучения морскому делу».

Каждый стольник, посланный на обучение, должен был исполнить все предписания инструкции и по возвращении предъявить государю так называемые «Свидетельствованные листы» об успехах в изучении теории морского дела и о прохождении практики на морском судне, подписанные иностранными мастерами.

Одним из таких посланных Петром I на обучение за границу был Петр Андреевич Толстой, благодаря которому до нас дошли подлинные и Инструкция, и Свидетельствованные листы.

Комнатный стольник Петр Андреевич Толстой в течение двух лет обучался морскому делу в Венеции и получил два Свидетельствованных листа. Один лист об успехах в теории морского дела за подписью «майстера и профессора, ксендза Петра Луцияния Венета», а другой лист — от капитана Георгия Раджи, удостоверяющего прохождение практики господином Петром Андрееви-

чем на корабле «Святые Елисаветы» (как перевел на русский язык название корабля Петр Толстой).

С учреждением Петром I российского императорского двора по образцам европейских стран все бывшие чины государева двора были упразднены. Однако почти все они, получив иностранные наименования, с некоторыми изменениями в обязанностях и назначении на самом деле соответствовали новым чинам при вновь учрежденном императорском дворе. Бывшие стольники в большинстве своем нашли себе применение в военных делах молодого царя.

А в та поры стольный владимир-князь
Не имел у себя стольников и чашников,
Наливал сам чару зелена вина,
Не велика мера — в полтора ведра,
И проведывает могучего богатыря,
Чтобы выпил чару зелена вина
и турий рог меду сладкого.

Былина «Михайло Казарин»

И боярин нагнулся к Серебряному, желая, вероятно, рассказать ему подробнее про вяземского, но в это время подошел к ним стольник и сказал, ставя перед Серебряным блюдо жаркого: — Никита-ста! Великий государь жалует тебя блюдом с своего стола.

А.К. Толстой. «Князь Серебряный»

... Вы знаете, София Алексеевна домогалась во что бы то ни стало венца и таки надела его, чтобы, однако ж, вскоре сложить и вступить в чин простой инокини. Вот она и хотела, когда удалось ей править государством, иметь при себе миловидного пажика, не в счету стольников царицына чина.

И.И. Лажечников. «Последний Новик»

Беспрестанно то проходили офицеры в невиданном еще немецком платье, то пробегал стольник в красном кафтане за какой-нибудь царской посылкой, то боярин в собольей атласной шубе и шапке выходил на крыльцо келы и приказывал, что-то кричал громким голосом.

Л.Н. Толстой (неоконченный роман о времени Петра I)

СТРЯПЧИЙ, -его, сущ. м.; др.-рус.

(от «стряпня», «стряпать» — готовить, управлять, заботиться)

В Московском княжестве (XV в.), а затем в Московском царстве (XVI — до начала XVIII в.) — должность и чин при государевом дворе.

Наименование «стряпчий» произошло от слов «стряпня», «стряпать», которые в славянских языках, в том числе и в древнерусском, обозначали «работать по хозяйству, управлять хозяйством, заботиться о чем-либо». В современном русском языке «стряпать, состряпать» значит «готовить, варить какую-нибудь пищу», а в переносном смысле, притом негативно, — «плохо сделать какое-нибудь дело, а также не по правде, не по закону возбудить дело против кого-то». Слово «стряпня» в наши дни воспринимается также в значении «плохо приготовленная пища или плохо сделанное дело».

А вот основной обязанностью стряпчего, служившего при государевом дворе, была стряпня в ином понимании: «работа по дворцовому хозяйству». При государевом дворе был не один стряпчий. В иные годы их было до 800—900 человек. Однако, по свидетельству Г.К. Котошихина, это количество стряпчих было разделено пополам, и при дворе полгода находилась одна половина, а другая половина стряпчих или была как бы в отпуске, которая до определенного срока могла по желанию даже отъехать в свою деревню, или была посылаема государем в другие города для выполнения работы при городовом воеводе.

По роду придворной службы стряпчие делились на стряпчего с ключом, стряпчего с платьем, стряпчего с путем.

Стряпчий с ключом заведовал дворцовым хозяйством, хранил царскую утварь, среди которой были самые драгоценные вещи царя. Он был ближе к государю, а потому считался выше других стряпчих.

Через столетия Екатерина II с целью продолжения русских дворцовых традиций сделала ключ стряпчего символом камергерской службы. Серебряный ключ на муаровой ленте камергера высочайшего императорского двора носил сзади, на фалде своего мундира.

С 1627 г. известен особый, тайный приказ — Царская мастерская палата. Ее возглавлял стряпчий с ключом, у которого в помощниках был дьяк. Этот стряпчий имел высокий ранг, приравнивался к чину окольничего, но в отличие от него в Думе не заседал. Возглавляя царскую мастерскую палату, стряпчий с ключом отвечал за изготовление и хранение драгоценного царского одеяния. В его ведении находились мастера пошива и украшения одежды царя. Как известно, царское одеяние изготовлялось из дорогих тканей: парчи, аксамита, рытого бархата — и богато украшалось драгоценными камнями, жемчугом, золотой и серебряной канителью. Для пошива царской одежды стряпчий с ключом выдавал мастерам дорогие, часто привозные тка-

ни, золотые и серебряные украшения и пуговицы из золота, серебра, жемчуга и драгоценных камней, драгоценные изделия и должен был строго следить, чтобы ничто не потерялось и не было украдено. Ежедневно из царской мастерской палаты выдавали под расписку царскую одежду, которую потом принимали обратно на хранение, а если надо, на чистку и починку. Вход в эту палату посторонним был строго воспрещен. Входить туда имели право только царь, стряпчий с ключом и служители этой палаты, в основном мастеровые. Царская мастерская палата существовала по крайней мере более 100 лет. По-видимому, она была создана в царствование Михаила Феодоровича, при дворе которого были необходимы блеск и пышность, чтобы после тяжелых лет Смутного времени укрепить престиж русского двора и, следовательно, Российского государства. В труде «О России в царствование Алексея Михайловича» Г.К. Котошихин упоминает этот приказ как действующий, возглавляемый стряпчим с ключом. Последнее упоминание о ней относится к 1709 г., когда правил страной царь Петр I, который, как известно, не носил пышных и дорогих одежд, а одевался в европейское платье. Надо заметить, что в те же годы существовала и царицына мастерская палата, но она была в ведении не стряпчего с ключом, а казначеи-боярыни.

Стряпчий с платьем заведовал государевым повседневным гардеробом и отвечал не только за сохранность верхней одежды государя и царевичей-отроков, но и за ее починку, чистку, а также за пошив новой одежды. Царевны и малолетние царевичи жили в покоях царицы, и их гардеробом, как и гардеробом царицы, ведали казначеи-боярыни и боярыни родовые. Нижнее платье государя находилось в ведении постельничего.

Стряпчий с путем отвечал за какое-нибудь направление или отрасль дворцового хозяйства. Обычно ему поручалось ведение царской конюшней, изготовлением конной упряжи и уборов для царских лошадей, особенно для царского коня, а также изготовлением драгоценного оружия и воинских доспехов.

В ведении стряпчих находились, помимо Конюшенного приказа, как у стряпчего с путем, и царской мастерской палаты, как у стряпчего с ключом, также и другие, относящиеся к дворцовому хозяйству, например, Приказ Большого дворца, Дворцовый, Казенный, Приказ золотого и серебряного дела, Кормовой, Хлебный, Сокольничий, Ловчий, Постельничий и другие. Как и все другие придворные, стряпчий мог получить от государя самое неожиданное поручение. Например, поручение, которое давалось и стольникам, и рындам, и другим второстепенным чинам: во время выхода царя в церковь, или в думу, или на обед, нести перед

ним скипетр, в церкви держать царскую шапку и платок, а если царь отправлялся «на потеху» — на звериную или птичью охоту, то везти его панцирь, саблю и саадак. Стряпчий мог быть отослан и в дальнюю «посылку» (командировку) куда угодно, кроме воеводства и посольства в качестве посла, мог получить поручение быть гонцом при посольском выезде.

В иерархии государева двора стряпчие занимали невысокое место. Если считать, что бояре, окольничие и думные дворяне составляли как бы первый класс, то стряпчие, стольники, чашники, дворяне московские относились ко второму классу. Наравне со стольниками и московскими дворянами стряпчий занимал позицию при государевом дворе как бы на ранг выше городских дворян и жильцов, являвших собой переходную ступень к дворянам московским. Однако чин стольника считался на ранг выше стряпчего, о чем свидетельствует тот факт, что многие из них после одного-двух лет служения переводились, как бы с повышением в чине, в сан стольника.

В грамоте царя Бориса Годунова (1601) стряпчие наряду с другими придворными чинами второго класса именуются как «Большого дворца дворовые люди».

Стряпчие не были людьми бедными. Среди них были не только московские и городские дворяне, но и представители боярских и княжеских родов. В Государственном историческом музее (в филиале «Измайловский остров») хранится серебряная позолоченная братина с чеканкой и резьбой, на которой по ее венцу имеется надпись: «БРАТЫНА ВАСИЛЬЯ ЛАВРЕНТИЕВИЧА ПУШЕЧНИКОВА». Василий Лаврентиевич Пушечников в 1658—1676 гг. был стряпчим при государевом дворе царя Алексея Михайловича. Эта вещь, да еще и с именной резьбой, стоила, судя по всему, немало денег, но он имел достаточно средств, чтобы заказать для себя именную братину из серебра и с позолотой.

Не были стряпчие и людьми неграмотными. Среди них были и такие, кто радел о пользе Русского государства и даже рисковал, донося царю о не порядках и злоупотреблениях.

Нижегородская ученая архивная комиссия опубликовала в 1909 г. найденный ее учеными архивный материал — «Государево дело» стряпчего Бутурлина о злоупотреблениях в Московском государстве». Суть «государева дела» была такова: в 1634 г., когда воеводами в Можайске были герой Смутного времени князь Дмитрий Михайлович Пожарский и князь Дмитрий Михайлович Черкасский, в Можайске по дороге в Литву остановились послы царя Михаила Феодоровича — боярин Федор Иванович Шереме-

тев с товарищами. К ним в «съезжий шатер» явился стряпчий Иван Андреевич Бутурлин и объявил им «государево дело». Проведя с ним беседу, послы направили в Москву сообщение об этом деле, и по царскому указу Можайские воеводы Д.М. Пожарский и Д.М. Черкасский направили Бутурлина в Москву, где он был допрошен князем Сулешевым. На допросе Бутурлин рассказал о злоупотреблениях в Можайске, в которых, с его точки зрения, были замешаны и воеводы. Речь шла о покровительстве людям, которые тайно заводят кабаки. Он хорошо отзывался о воеводе князе Д.М. Черкасском, так что кабацкое дело пало на Д.М. Пожарского. Хорошо отзывался он и о воеводах ратных — князе Прозоровском и о Нагом, но ратных воевод Шеина и Измайлова назвал изменниками. Бутурлин отметил, что в полках Пожарского и Черкасского творится неразбериха: люди по полкам спутаны, не знают, кто в каком полку; головами назначают и молодых людей, и средних лет, в то время как нужно и голов, и есаулов, и знаменщиков назначать не по возрасту, а лучших людей, как это делается в Москве. Он указал как на государственных недоброхотов на некоторых палатных, комнатных и приказных людей, в том числе и на родного своего дядю Федора Бутурлина, видя их проступки в дурном исполнении воеводских обязанностей, плохом управлении приказами, что влечет за собой волокиту и «обида населению». Бутурлин предостерегал царя, рассказав о постоянном бегстве окраинных служилых людей к казакам, что весьма опасно ввиду наступлений литовцев на русские земли. Но главное, что, по-видимому, привело Ивана Андреевича Бутурлина к решению объявить «государево дело», — это его реформаторские предложения. Он предложил разобраться со многими людьми из служилого сословия, выяснить, почему молодые и неопытные люди получают назначение воеводами, что наносит вред населению. Есть и такие, которые разъезжают по приказам, создавая видимость работы, а на самом деле «избывают» от службы. Бутурлин считал, что в рейтарском полку слишком много начальников, и предлагал сократить их количество. Он считал, что для рейтарского полка достаточно одного полковника на 11 рот; по одному ротмистру, поручику, хорунжему и окольниковому для обоза на одну роту, полагал, что надо сократить число капралов и подзнаменщиков, и вообще комплект низших начальников в каждой роте довести до пяти. С точки зрения стряпчего Бутурлина, не нужно назначать по одному подьячему на роту. «Один хороший дьяк за ту же плату справится с делопроизводством всех 11 рот. А прибыль составит 20 тысяч рублей».

Бутурлин предлагал учредить постоянный земский собор из выборных московских чинов людей, давно служащих и не раз бывавших окладчиками, равно из городов из служилых людей по одному человеку, да из черных — по одному человеку, привести их к крестному целованию, чтобы они доводили до сведения царя всякие обиды населению. Они должны быть поселены в Москве, и их состав должен меняться или ежегодно, или в иной срок, удобный для выборщиков.

«Государево дело» 1634 г. для многих не имело последствий: стряпчий Бутурлин был возвращен на службу в Можайск, Д.М. Пожарский, обвиненный Бутурлиным в мздоимстве, в 1635 г. был назначен главой Судного приказа, а дядя стряпчего, окольный Федор Васильевич Бутурлин, якобы недоброхот царя Михаила Феодоровича, по велению государя Алексея Михайловича в 1654 г. был назначен ратным воеводой и вместе с боярином Б.П. Шереметевым руководил войсками, направленными в помощь украинскому гетману Б. Хмельницкому, на Переяславской раде провозгласившему воссоединение части Украины с Россией, а спустя три года был послан царем как доверенное лицо уладить с Б. Хмельницким возникшие разногласия. Однако были и пострадавшие: за поражение и капитуляцию русского войска в войне с Польшей (за возвращение Смоленска) воеводы Михаил Борисович Шеин и А.В. Измайлов, обвиненные Бутурлиным в измене, 28 апреля 1634 г. были казнены.

Благодаря этому ставшему известным «государеву делу», мы можем познакомиться с реально существовавшим стряпчим времени царствования Михаила Феодоровича — Бутурлиным Иваном Андреевичем.

Бутурлины — графский и дворянский род. По всей видимости, Иван Андреевич был представителем дворянской ветви рода Бутурлиных. Его отец, окольный Андрей Васильевич Бутурлин, в 1637 г. руководил строительством Белгородской засечной черты, в 1655 г. был отправлен царем Алексием Михайловичем на Украину с заданием наблюдать за действиями украинского гетмана Богдана Хмельницкого. Его брат, Федор Васильевич Бутурлин, о котором говорилось выше, был тоже государственным человеком, так что неудивительно, что сын и племянник государевых людей, Иван Андреевич Бутурлин тоже имел государственный подход к службе, а потому и решился на «государево дело».

В XVI в. чином стряпчего жаловали прежде всего выходцев из удельных князей. Несмотря на второстепенность чина, многие княжеские семьи не считали непrestiжным служение при госу-

даревом дворе в этом чине. Князья Барятинские, Шаховские, Лобановы-Ростовские, Мышецкие, Ухтомские, Горчаковы, Засекины и другие начинали свой служебный путь стряпчими при государевом дворе. И при этом делали большую карьеру, прежде всего становясь воеводами.

Например, князь Барятинский Петр Романович (ум. 1648) начинал свое служение при дворе царя Михаила Феодоровича Романова, пожаловавшего ему чин стряпчего. В 1621 г. князь Петр Романович получил назначение воеводой. Далее он назначался то полковым воеводой (1632 г.), то городским воеводой в г. Калуге (1633—1635 гг.), то первым воеводой сторожевого полка в Кривине (1643 г.), то воеводой в Туринске (1645—1647 гг.).

Из князей Барятинских всех трех ветвей рода стряпчим и начинали свою карьеру при государевом дворе князья Дмитрий Михайлович (с 1643 г.), Федор Семенович (с 1652 г.), Осип Федорович (с 1661 г.), Петр Иванович (с 1668 г.), Иван Федорович (с 1671 г.), Семен Федорович (с 1677 г.), Михаил Васильевич (с 1682 г.), Афанасий Васильевич (с 1682 г.), с 1686 г. еще один Семен Федорович (третьей ветви князей Барятинских). Все они, кто через год, кто через два года получили чин стольника, и многие из них были участниками походов: Чигиринского под командой князя Г.Г. Рамодановского, двух Крымских походов под предводительством боярина В.В. Голицына, Азовского с царем Петром I. Почти все заканчивали свою карьеру в звании воеводы.

Были случаи, когда князь, получив чин стряпчего, а затем чин стольника, по какой-то причине на этом и окончил свою карьеру. Так, князь Федор Васильевич Горчаков (1646—1699) в 1667 г., 22 лет от рождения, стал стряпчим, в следующем году был возведен в чин стольника и 30 лет прослужил в этом чине, не получив никакого повышения.

Бывали случаи задержки в карьерном росте. Например, князь Борис Васильевич Горчаков начинал свою службу жильцом при Государевом дворе царя Алексея Михайловича. В 1653 г. был пожалован чином стряпчего, что для жильца, надо сказать, было большим повышением. Только через пять лет он получил чин стольника, а еще через пять лет стал спальным стольником. В 1674 г., еще через 11 лет, Алексей Михайлович направил его стольником к царевичу Федору Алексиевичу. Еще через четыре года, в 1678 г., царь Федор Алексиевич наконец пожаловал стольника Бориса Васильевича Горчакова должностью воеводы в Нижнем Новгороде. Уже в следующем году князь Горчаков получил воеводство во Владимире. В 1681 г. царь Федор Алексиевич пожаловал его чином окольничего, и в 1682 г. окольничий

князь Горчаков назначен был вторым воеводой в Киеве. Борис Васильевич был одним из князей, подписавших решение Собора об уничтожении местничества. При правительнице Софье Горчаков закончил свою карьеру воеводой в Астрахани.

Может быть, читателю интересно будет узнать, что Никита Моисеевич Зотов (1645—1718), знаменитый «князь-папа», в начале царствования Петра I «всешутейший отец Иоаникит, пресбургский, кокуйский и всеузский князь-патриарх Сумасброднейшего, Всешутейшего и Всепьянейшего Собора», в 1710 г. возведенный царем Петром в графское достоинство, начинал свой служебный путь стряпчим при государевом дворе Алексея Михайловича.

Для дворянских родов чин стряпчего оказывался почетным верхом карьеры. Так, например, многие представители рода дворян Зиновьевых, которые вели свою родословную от Александра Зиновьевича, приехавшего из Литвы в 1392 г. и поступившего на службу к великому князю владимирскому Василию I Дмитриевичу, в дальнейшем продолжали служить и русским великим князьям, и царям. В XVII в. дворяне Зиновьевы, вошедшие в «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи», служили при государевом дворе «разные дворянские службы и жалованы были поместьями и чинами». Став дворянами московскими, Зиновьевы стали получать при государевом дворе «чины стольников и стряпчих», что для них было вершиной их карьеры.

По существовавшим при государевом дворе неписаным законам любой придворный, в каком бы он ни был чине, по велению государя мог получить поручение, не связанное ни с его чином, ни с его основными обязанностями, должен был беспрекословно его выполнять. А поручение могло быть весьма и весьма серьезным, и исполнение его могло происходить далеко от дома и быть опасным. Так, например, стряпчий Игнатий Волохов в 1668 г., в правление царя Алексея Михайловича, был послан с сотнею стрельцов под стены Соловецкого монастыря для усмирения бунта монахов, противников патриарха Никона, не желавших подчиниться решению Московского собора духовенства (1666 г.) и признавать церковные нововведения. Монахи Соловецкого монастыря заявили, что признают указы царя Алексея Михайловича, но повеления о символе веры, о сложении трех перстов вместо ранее принятых двух, об исправлении духовных книг принять не могут. Почти два года уговорами и предъявлением указа царя, грамот и наказа архиерейского собора пытались прекратить этот

бунт. Но монахи на все уговоры отвечали, что они знают предания святых чудотворцев и готовы за них пойти даже на смерть. Вот тогда царь и послал стряпчего Игнатия Волохова с сотней стрельцов, поручив ему, по сути дела, обязанности стрелецкого головы. Конечно, Волохов, имея такие малые силы, не мог справиться с бунтовщиками, тем более что монахи были защищены крепкими стенами монастыря, у них было 90 пушек, огромные продовольственные запасы, позволявшие выдержать длительную осаду, да еще тайные ходы, позволявшие пополнять эти запасы. Правительство не могло послать Волохову подкрепление, потому что в то же самое время вспыхнуло на Волге восстание Степана Разина.

Соловецкий монастырь отражал осаду царского войска в течение семи лет. И стряпчий Игнатий Волохов выполнял это военное поручение царя до июня 1672 г., когда он был заменен стрелецким головой Клементием Иевлевым.

Уже упоминавшийся выше Василий Лаврентиевич Пушечников, получив чин стряпчего в 1658 г., в следующем году получил поручение в качестве головы московских стрельцов участвовать в битве с поляками, в 1660 г. — в военных действиях против Сапеги, в 1669 и 1672 гг. — в противостоянии войскам Степана Разина в Астрахани. В 1676 г. он получил чин стольника. И в следующем году, оставаясь стольником, получил воеводство в Казани. В 1682 г. Пушечников присутствовал на церемонии венчания Ивана и Петра и в связи с этим событием был пожалован чином думного дворянина.

В связи с преобразованиями Петра I все чины государственного двора были упразднены. В январе 1722 г. вступила в действие Табель о рангах, в которой были указаны, в соответствии с классами, чины придворных вновь образованного императорского двора. Вместе со всеми прежними чинами были упразднены и чины стряпчих — с ключом, с платьем и с путем.

Но само слово, «стряпчий» в то время не исчезло из русского обихода. С XVIII до начала XX века оно стало употребляться в двух значениях: «поверенный в делах» (адвокат) и «чиновник ведомства прокурора, в обязанности которого входило наблюдение за правильным ходом дел». И только после Октябрьского переворота слово «стряпчий» стало историзмом.

— Что мой отец? Он служил стрелецким головою.

— Знаем, знаем! А все-таки он был родовой человек. Твоя покойная матушка родом Денисова, племянница князю Мышецкому, — ты сам теперь богатый помещик; так пригоже ли тебе, такому боярину, служить в стрелецком войс-

ке! Тебе бы давно ударить челом, чтоб тебя перевели в жильцы. Ведь от жильцов-то недалеко и до стряпчих; а там, глядишь, родненька твой, князь Мышецкий, замолвит за тебя словечко ближнему боярину, князю Голицыну, — так ты как раз и в стольники попадешь.

М.Н. Загоскин. «Брынский лес»

ЧАШНИК, -а, м.; ст.-слав., др.-рус. (от «чаша»),
а также **ЧАШНИЙ**, -его, сущ. м.; ст.-слав., др.-рус.

При дворах великих князей Владимиро-Суздальской и Московской Руси (XIV—XV вв.) — придворный, который был удостоен чести во время пира подносить напитки к великокняжескому столу и исполнять поручения великого князя — поднести чашу гостю. При государевом дворе в Московском государстве (XV—XVI вв.) чашник — придворный чин, которому поручалось подносить напитки к великокняжескому и царскому столу, заведовать дворцовыми погребами, обеспечивать царские приемы и пиры напитками.

В XVI—XVII вв. в централизованном Российском государстве при дворах великих князей, государей и при дворах русских царей чашник не только прислуживал государю во время торжественных обедов, но и ведал питейными делами, особенно доставкой напитков ко двору и для личных нужд государевой семьи, а также иностранным послам.

Главный чашник ведал даже разведением пчел, так как вино из меда — медовуха, горячий напиток сбитень, главной составной частью которого также был мед, всегда являлись самым любимым русским питьем.

Учреждения питейных дел, поставлявших напитки, дворцовые села и деревни, где жили бортники, добывавшие мед и поставлявшие его ко двору, — все это находилось в административном, хозяйственном и даже судебном отношении в подчинении чашника.

В XVI—XVII вв. административные функции чашника перешли Сытенному двору, и всеми питейными делами стал заниматься кравчий (крайчий), которому стал подчиняться чашник как один из стольников.

Так что у чашника осталась только почетная обязанность — прислуживать государю и его гостям во время званых обедов и праздничных пиров.

При государственном дворе, как правило, было несколько десятков чашников. Кроме основной обязанности — служения государю за столом, подавая ему питье и выполняя его поручение передать чашу с питьем кому-либо из гостей, он должен был отвозить напитки как «подачи с государственного стола» родственникам государя и государыни, думным боярам, дворянам и дьякам, знатым людям и послам иностранных государств. Как и все придворные государственного двора, он исполнял и отдельные поручения своего государя.

В иерархии придворных чинов и званий чашник занимал не последнее место. После нескольких лет служения при государственном дворе он получал чин окольничего и назначение воеводой или судьей. Некоторые чашники добивались своим служением и боярского чина.

Начинать служение при государственном дворе в звании стольника, а затем чашника было делом обычным для многих князей.

Князь Афанасий Васильевич Лобанов-Ростовский (ум. 1629) начинал свой служебный путь в 1611 г. со стольника. Через два года он получил звание чашника. Будучи в этом звании, он участвовал в том же году в избрании на престол царя Михаила Феодоровича Романова. В том же 1613 г. Афанасий Васильевич был назначен судьей Стрелецкого приказа. Через два года, в 1615 г., князь Лобанов-Ростовский стал боярином. С 1625 по 1629 г. боярин князь Афанасий Васильевич Лобанов-Ростовский служил воеводой в Свияжске. На этом посту он и умер в 1629 г.

Крупнейший государственный деятель России в период правления царевны Софьи Алексеевны — князь Василий Васильевич Голицын (1643—1714) начинал свое служение при государственном дворе в 1658 г., в царствование Алексея Михайловича, в звании стольника и чашника.

В 1666 г. царь Алексей Михайлович назначил его государевым возницей. 10 лет он возил царя, но при этом еще с 1667 г. по 1677 г. участвовал на Украине в обороне южных границ России. В 1676 г., когда умер царь Алексей Михайлович, князь Голицын был переведен в главные столы.

Царь Федор Алексеевич был особенно милостив к князю Василию Васильевичу и в том же 1676 г. пожаловал ему боярский чин, крупные земельные дачи и назначил его начальником Пушкарского и Владимирского судного приказов. Эти приказы князь Голицын возглавлял до 1680 г., и в следующем году опять был направлен на Украину для защиты южных границ Русского государства.

Князь Василий Васильевич был одним из образованнейших людей своего времени. Его дом носил многие черты европейской

культуры, в доме были картины, богатая библиотека. Не удивительно поэтому, что по его инициативе в 1682 г. Комиссия выборных дворян, которую он же и возглавил, внесла предложение об отмене местничества. В его государственных делах ему помогло то, что он являлся фаворитом правительницы Софьи Алексеевны, которая после смерти ее брата царя Феодора Алексеевича и после стрелецкого бунта 1682 г., завладев тронном при малолетних царях Иоанне и Петре, фактически передала князю Голицыну все руководство государственными делами, в том числе и различными приказами.

Князь Голицын развернул большую дипломатическую работу. В 1683 г. он добился подтверждения (продлонгации) Кардисского мирного договора 1661 г. со Швецией, а в 1686 г. содействовал заключению выгодного для России мира с Польшей. При этом Василий Васильевич обнаружил недюжинные дипломатические способности и знания.

Осуществляя положения договора с Польшей, князь Голицын предпринял два похода против Крымского ханства — в 1687 и 1689 гг. Оба похода обошлись без военных столкновений, но оказались мало результативными. Они лишь косвенно помогли союзникам России, помешав татарам выступить против Польши.

В 1689 г. Петр I стал единовластным царем. После свержения царевны Софьи и заточения ее в Новодевичий монастырь боярин князь Василий Васильевич Голицын, как ее фаворит и фактический правитель Русского государства, был лишен боярского (но не княжеского) достоинства, всех вотчин, поместий, всех привилегий и сослан в Архангельский край, где он и умер в 1714 г.

Родоначальник самой многочисленной третьей ветви князей Голицыных — князь Алексей Андреевич Голицын (1632—1694), — став «ближним человеком» при государе Алексии Михайловиче в 1651 г., на следующий год был назначен чашником, а затем в 1658 г. пожалован в стольники. В том же году он получил боярский чин. Боярин князь Голицын в 1664—1667 гг. служил воеводой в Тобольске, затем в 1676 г. — в Киеве, а в 1681—1683 гг. снова в Тобольске. Боярин и воевода князь Алексей Андреевич имел также титул наместника болгарского.

Родоначальник самой знатной, четвертой ветви князей Голицыных — князь Михаил Андреевич (1639—1687) — начинал службу при государевом дворе со стольника (1658), затем был переведен в чашники (1668). Царь Алексей Михайлович в 1674 г. направил его воеводой сначала в Белозерск, а затем в Смоленск (1675). Через 10 лет князь Михаил Андреевич был переведен в

комнатные стольники (1678). И в том же году получил назначение воеводой в Киев, где прослужил около года. В 1682 г. он служил воеводой в Курске. Через четыре года князь Голицын, минуя чин окольничего, получил «боярскую шапку», как тогда называли чин боярина.

Таких примеров возвышения князей (но не худородных дворян) от чашника до боярина на службе при государевом дворе можно привести много. Можно предположить, что неродовитые дворяне на той же придворной службе, начав со стольника и чашника, только в чрезвычайно исключительных случаях достигали боярского чина.

После введения Петром I в 1722 г. Табели о рангах бывший чин чашника при государевом дворе был упразднен, а вместо него в 1723 г., уже при императорском дворе, был учрежден чин обершенка (V класс Табели о рангах).

А в та поры стольный Владимир-князь
Не имел у себя стольников и чашников,
Наливал сам чару зелена вина
И турий рог меду сладкого.

Былина «Михайло Казарин»,
записанная Киршей Даниловым

Не скоро ели предки наши,
Не скоро двигались кругом
Ковши, серебряные чаши
С кипящим ливом и вином.
Они веселье в сердце лили,
Шипела пена по краям,
Их важно чашники носили
И низко кланялись гостям.

А.С. Пушкин. «Руслан и Людмила»

Предки Тетенькова доподлинно играли в истории роль: один был спальником, другой чашником, а у третьего была выщипана по волоску борода.

М.Е. Салтыков-Щедрин. «Благонамеренные речи. В дружеском кругу»

ЯСЕЛЬНИЧИЙ, -его, м., сущ.; др.-рус.

(от «ясли» — ящик с решеткой для корма лошадей,
а также место в конюшне для корма лошадей)

В Древнерусском и Московском государстве (XI—XVII вв.) — придворное звание и должность при великокняжеском или государевом дворе и дворцовом управлении.

Обязанностью ясельничего было содержание великокняжеских или царских конюшен и лошадей, ведение конюхами.

В Московском государстве сан ясельничего входил в особую категорию лиц государева двора, относился к числу «ближних людей», высших чинов двора, наряду с дворецким, московским ловчим, кравчим, постельничим, оружничим, сокольничим, казначеем, печатником, то есть лиц, непосредственно обслуживающих государя, а потому наиболее близких к нему.

Сначала ясельничий был в подчинении у конюшего, и потому его звание и должность не считались привлекательными для дворян и детей боярских, а уж тем более для бояр.

Но в XVI в. он вошел в состав Боярской думы и по рангу стал выше стольника. Поэтому в XVII в., в царствование Алексея Михайловича, в процессе реорганизации дворцового хозяйства и дворцового штата должность и звание конюшего были упразднены, и ясельничий возглавил Конюшенный приказ. С этого времени в его ведение как главы Конюшенного приказа вошли содержание табунов лошадей, земли для пастбищ и луга для заготовки сена, ответственность за конюшенные постройки, а также поставка лошадей для царского выезда и для царской псовой и птичьей охоты. В подчинении у него находился огромный штат работников и тех, кто осуществлял все эти работы (конюхи, строители конюшен, косари, заготовщики фуража для лошадей и т.п.), а также чиновники Конюшенного приказа.

В московской дворцовой службе придворный выполнял волю государя, а потому иногда он должен был исполнять и другие поручения, не связанные с его основными должностными обязанностями. Так, ясельничий, как думный чин, мог быть назначен в состав посольства в какую-либо страну, получить наместничество или управление воеводством. А во время войны мог стать воеводой в составе царского войска.

По традиции государь жаловал «ближних людей» после ряда лет службы каким-либо думным чином. Придворные из знатных родов получали сан боярина или окольничего, а из незнатных родов — думного дворянина.

Обычно на высшие придворные должности, в том числе и на должность ясельничего, царь зачастую назначал своих доверенных лиц, таким способом возвышая незнатных людей до пожалования их думным чином, то есть до возведения их в члены Тайной или Ближней думы. Особенно это практиковалось в царствование Иоанна Грозного.

В Московском государстве думные дворяне получали жалованье, их денежный оклад обычно составлял не выше 250 рублей.

После венчания царя Петра I в императоры государев двор был преобразован по европейскому образцу в императорский двор, а потому все чины государева, царского двора были упразднены. В том числе был упразднен и придворный чин ясельничего, а его должностные обязанности переданы вновь учрежденному придворному чину III класса Табели о рангах — обер-шталмейстеру.

За женихом шел ясельничий Никита Зотов, кому было поручено охранять свадьбу от порчи и колдовства и держать чин.

А.Н. Толстой. «Петр Первый»

Царицын дворový чин

ВЕРХОВАЯ БОЯРЫНЯ, -и, ж. (от «верх» и «боярин»),
а также ДВОРОВАЯ БОЯРЫНЯ, -и, ж. (от «двор» и «боярин»)

Самый высокий чин в царицыном дворежном чину. «Верховой» называли боярыню потому, что она служила при дворе царицы и была допущена на «верх», в царицыны теремные палаты.

Надо сказать, слово **верх**, в связи с тем что великие князья и княгини, и особенно цари с царицами, жили в верхних ярусах дворцов, стало уже в древние времена обозначать принадлежность к власти, и в этом значении употребляется и поныне. Недаром высший орган государственной власти в советское время назывался Верховным Советом, главным властным званием в армии у нас является Верховный главнокомандующий, а люди, когда хотят сказать о высшей власти, говорят: «там, наверху» и тычут пальцем вверх, повторяя то, что говорили и показывали люди на Руси еще в XII в.

Получить чин верховой боярыни у великой княгини или царицы было непросто, наверное, так же, как стать ближним боярином при государе. Для этого нужно было быть в родственных отношениях с царем или царицей, быть представителем какого-нибудь известного рода, близкого к царю, или долго и хорошо послужить в должности мамы царевича или царевны, казначеи, крайчей, светличной, постепенно поднимаясь по иерархической лестнице царицына дворежного чина. И во многих случаях нужна была все-таки рекомендация какого-нибудь доверенного лица. Но и, конечно, везде и всегда (как и в наши дни) великое значение имел его превосходительство случай. Недаром несколько столетий в России использовалось выражение: «войти в случай».

Кто же все-таки на самом деле достиг высокого чина верховой боярыни в царицыном дворежном чину при государевом дворе в разные его времена?

В XVI в. у царицы Анастасии Романовны, первой жены Грозного, верховыми боярынями были княгиня Волконская и Оксинья Губина.

Из челобитных известно, что у царицы Марьи Григорьевны Скуратовой-Бельской, супруги царя Бориса Годунова, во дворových боярынях служила княгиня Марья Лыкова, мать князя Бориса Лыкова, который местничал с князем Дмитрием Пожарским, а у царевны Ксении Борисовны — княгиня Марья Пожарская, мать князя Дмитрия Михайловича Пожарского, знаменитого полководца Смутного времени.

Когда в 1613 г. царем был избран Михаил Феодорович, царицыным двором стала править его мать, инокиня Марфа Ивановна. Настояв на женитьбе царя на княжне Марии Владимировне Долгорукой, Марфа Ивановна после свадьбы сына в сентябре 1624 г. пригласила в дворовые боярыни близких родственниц княжны — двух вдов Долгоруких, Татьяну Степановну и Прасковью. Первой было назначено жалованье 30 рублей в год, а второй — 28 рублей. Тогда же была принята в верховые боярыни Марья Юрьевна Головина с жалованьем 10 рублей. Вдовы Долгорукие пробыли в царицыном тереме всего около трех месяцев: царица Мария умерла, и они были отправлены в Вознесенский монастырь. На место Долгоруких в мае 1625 г. по указу Марфы Ивановны были приняты в царицын дворовой чин вдовы Катерина Ивановна Бутурлина с жалованьем 30 рублей в год и княгиня Авдотья Федоровна Коркодинова с жалованьем 28 рублей в год.

У царицы Евдокии Лукьяновны были записаны в Разрядную тетрадь 10 верховых боярынь, и среди них были жены придворных государева двора: Екатерина Ивановна Бутурлина — жена Василья Матвеевича Бутурлина; Анна Андреевна Колычова — жена Ивана Федоровича Колычова; княгиня Анна Ивановна Одоевская — жена боярина князя Ивана Ивановича Одоевского; княгиня Марья Елизарьевна Туренина — жена Василия Ивановича Туренина. И вдовы: Соломонида Васильчикова, Анна Борисовна Травина, Анна Пушкина, Татьяна Скобельцына.

В те времена женщину из незнатного рода записывали только по имени (Соломонида Васильчикова, Анна Пушкина, Татьяна Скобельцына), а из знатного рода — по имени и отчеству и с титулом. Боярынь из незнатных родов было меньше, чем из знатных княжеских и боярских. Род Васильчиковых впоследствии возвысился, возможно, в том числе и благодаря верховой боярыне Соломониде, службу которой у царицы, да еще и в самом высочайшем чине, могли ставить «в случай» ее потомки при местнических спорах.

Представители рода Васильчиковых стали служить при государевом дворе Иоанна Грозного с 1551 г. (Назарий Борисович и его брат Григорий Борисович). Дочь Григория Борисовича — Анна Григорьевна Васильчикова — стала пятой женой Иоанна Грозного. Правда, через несколько месяцев она чем-то не угодила царю, была отправлена в суздальский Покровский монастырь и насильственно пострижена в монахини. После этого и до самой смерти Грозного род пребывал в опале, и только в XVII в. стал восстанавливаться в своем служении при государевом дворе. В годы, в которые Соломонида Васильчикова была боярыней при дворе царицы Евдокии Лукьяновны, при государевом дворе служил некий московский дворянин Лукьян Григорьевич Васильчиков, который прославился тем, что составил переписную книгу Москвы. Возможно, он и был тем лицом, кто способствовал принятию на «верх» Соломониды Васильчиковой, вдовы одного из представителей рода Васильчиковых.

Известно, что в XVIII — XIX вв. многие из рода Васильчиковых имели высокие чины на военной и гражданской службах и служили при императорском дворе. Так, например, Василий Семенович Васильчиков был действительным камергером, а его брат, Александр Семенович Васильчиков, достиг самого «верха»: в 1772—1774 гг. он был фаворитом императрицы Екатерины II.

Другие роды, например род Травиных, род Колычевых, из которых были верховые боярыни Анна Борисовна и Анна Андреевна и которых, ввиду их знатности, писали с отчеством, наоборот, впоследствии угасли.

Чин (церемония) возведения в верховые боярыни был одинаков для всех, принятых в царицын дворовый чин, знатными или незнатными они были, вдовами или женами бояр, князей или окольных, служивших при государевом дворе. Выбирали из многих претенденток, отдавали царю на утверждение, царь издавал специальный указ, который иногда заносили в Разрядную книгу. В этом указе говорилось о том, чем этой верховой боярыне ведать в царицыном тереме. Затем в присутствии царицы и боярынь царицын дьяк торжественно читал царский указ о возведении вновь принятую в чин «верховой боярыни».

В этот чин принимали не только рекомендованных женщин, но чаще — своих, уже прослуживших в тереме царицы не один год и получивших одобрение за свою работу и нрав.

Так, у царицы Евдокии Лукьяновны были верховые боярыни, переведенные из мам, крайчих, казначей, светличных. Например, Ульяна Степановна Собакина, принятая в 1628 г. в крайчие,

была переведена в мамы, а затем в верховые боярыни; княгиня Соломонида Петровна Мезецкая была переведена в верховые боярыни из крайчих; княгиня Авдотья Федоровна Коркодинова — из светличных; Федора Заболоцкая — из постельниц. Всего у царицы Евдокии Лукьяновны было 19 верховых боярынь.

Двор царицы Марьи Ильиничны составляли: 15 верховых боярынь, 21 мама у царевичей и царевен и 9 боярынь у взрослых царевен. Царица, как и ее свекровь Евдокия Лукинична, тоже переводила боярынь из более низких чинов в высший чин. Так, маму царевича Феодора — Анну Петровну Хитрую, вдову Степана Тарасовича Хитрово, она из мам перевела в верховые боярыни (в списках царицыных дворовых чинов она значится на втором месте с 1658 г.). Однако надо сказать, что Анна Петровна до самой смерти царя Феодора Алексеевича пользовалась своим бывшим положением его мамы и, будучи уже верховой боярыней, а не мамой взрослого человека и царя, все равно почти все свое время проводила около больного в его комнатах до самой его смерти в 1682 г. Разумеется, эта близость к царю возвышала ее даже среди верховых боярынь.

Когда умирала великая княгиня или царица, ее двор, ее боярыни подвергались пересмотру. Одних отправляли в монастырь, других просто отставляли от двора, иногда и по их желанию, а третьи оставались, продолжая выполнять свои обязанности (особенно казначеи) или служить детям (кормилицы и мамы). Тогда правила царицыным двором старшая из царевен. И это продолжалось иногда не один год. Так, Евдокия Лукинична умерла в 1645 г., а Алексей Михайлович женился в 1648 г., и только тогда новой хозяйкой двора стала царица Марья Ильинична. А почти три года терем продолжал жить под руководством старшей царевны Ирины Михайловны.

Конечно, не все боярыни двора Евдокии Лукьяновны были приняты под начало новой царицы, потому что у нее была своя родня, и Стрешневых сменили Милославские; у нее были и свои подруги, которыми она желала себя окружить. В царицыном дворе все же остались от прежнего двора и продолжали служить новой царице Ульяна Степановна Собакина, княгиня Марья Ивановна Пронская, Авдотья Федоровна Коркодинова, Анна Борисовна Травина, а княгиня Марья Ивановна Хованская уступила место своей родственнице — Авдотье Михайловне Хованской.

Время шло, и верховые боярыни старели, уходили в монастырь, чтобы перед смертью замолить свои грехи, и умирали. На их место выбирали новых, но основной костяк царицына дворо-

вого чина оставался в тереме, переходя от двора одной царицы к другой, возвышаясь от мамы, казначей, крайчей или постельницы к чину верховой боярыни.

Перерыв после смерти Марьи Ильиничны и прихода в терем в январе 1671 г. новой царицы, Натальи Кирилловны Нарышкиной, был непродолжительным: прошел всего лишь год, но царевна Ирина, повзрослевшая и имевшая уже опыт руководства царицыным дворцовым чином, встретила новую царицу, равную ей по возрасту, весьма холодно и свысока, так что Наталья Кирилловна так и не смогла стать полноправной хозяйкой своего Кремлевского двора. Все боярыни были из состава царицына дворцового чина, все «очень любили» прежнюю хозяйку и не могли принять новую. В угоду царевне Ирине особенно горевала о Марье Ильиничне и плела козни против царицы Натальи Кирилловны уже упомянутая Анна Петровна Хитрая (Хитрово).

Сын боярина Артамона Сергеевича Матвеева, погибшего во время стрелецкого бунта на копьях стрельцов, был уверен, что во многом стрелецкую смуту, направленную против Нарышкиных, посеяла Анна Петровна Хитрая.

Виновицами многих смертей государынь через отравление (например, великой княгини Елены Васильевны Глинской, царицы Анастасии Романовны, царицы Марфы Васильевны Собакиной) вполне могли быть верховые боярыни, которые имели свободный доступ к еде и питью цариц.

Верховая боярыня жила на «верху», в теремном дворце царицы, имела не только жалованье, но и большие права и привилегии. Ее среднее жалованье равнялось 25 рублям, но порой для старших верховых боярынь исчислялось в 100 и выше рублей в год, что в те времена было большой суммой. Ей оказывалось большое уважение со стороны всех служителей терема, стоящих ниже ее по старшинству, и, конечно, тех, кто встречался с ней за стенами Кремля. Она имела право столоваться при тереме, получать «подачи», а по большим праздникам (на государеву свадьбу, на царские именины и дни рождения, на рождение царевичей и царевен, на Рождество Христово, Крещение, Пасху, Рождество Богородицы и другие христианские праздники, а также на свои именины) получать дорогие подарки. На государеву свадьбу верховая боярыня могла быть приглашена как сидячая гостья, и даже по свадебному чину могла сопровождать новобрачных, царя и царицу, в их опочивальню. Наутро избранные верховые боярыни сопровождали молодую царицу в мыльню, им поручалось путем осмотра постельного белья выяснить, «честна» ли, непорочна ли была до свадьбы молодая царица. Верховые боярыни

помогали царице при родах, участвовали в крещении царских детей и в пирах по случаю их рождения и крещения. А когда умирал царский ребенок, они горевали вместе с царицей, и присутствовали на его отпевании и погребении. Во время царицыной болезни они ухаживали за ней. В их теремные обязанности входило также выполнение всех поручений и личных просьб царицы.

Если к царице приезжала на обед какая-либо знатная боярыня-гостья, то эта гостья сидела за столом с верховыми боярынями (за одним столом с царицей имел право сидеть только сам государь). Когда стольник приносил еду для царской семьи с кухни государева двора, то он «обносился» через верховую боярыню, то есть его передачу принимала она, потому что мальчику-стольнику не полагалось видеть никого из царской семьи. Верховые боярыни сопровождали царицу в церковь на богослужение и обратно — в теремной дворец, ухаживали за ней во время ее болезни.

Во время паломничества царицы в монастыри, вместе с царем или без царя, как правило, почти все верховые боярыни обязательно сопровождали государыню.

Верховые боярыни могли быть в услужении у царевен, как больших, так и меньших. Так, княгиня Пронская Марья Ивановна, Собакина Ульяна Степановна, Травина Анна Борисовна, княгиня Щетинина Ульяна Михайловна (Тимофеевна) и другие были приставлены к большим царевнам Алексиевнам (Милославским). Ивашкина Пелагея Ивановна, Мертваго Аксинья Ал., Ильина Марья Ивановна, Мясново Дарья Сил(антьевна), Лодыженская Анисья Юр(ьевна) — у царевен меньших.

Одной из верховых боярынь бывало велено быть судьей. Она должна была разбирать различные конфликты среди женского царицына чина, делать выговор виновным, мирить поссорившихся, а если поступок требовал наказания, то передавать дело на решение царице.

Начиная с 1679 г., когда женился царь Феодор Алексиевич, в России оказались две царицы: Наталья Кирилловна и Агафья Семеновна Грушецкая. И у каждой был свой двор и свои верховые боярыни. В 1684 г. женился Иоанн Алексиевич, и в Кремле появилась еще одна царица — Прасковья Феодоровна со своим двором и дворовым чином верховой боярыни. В 1689 г. царь Петр женился на Евдокии Федоровне Лопухиной. Двор Натальи Кирилловны с ее верховыми боярынями слился с двором Евдокии Федоровны и ее верховыми боярынями; оба двора находились уже не в Кремлевских теремных палатах, а во дворце села Преображенское. А в Кремлевском теремном дворце воцарилась царевна Софья со своими сестрами-царевнами и целым штатом верховых боярынь, служивших у каждой из царевен.

Весьма показательно, что по водворении царевны Софьи в Новодевичий монастырь все ее верховые боярыни последовали за ней. Когда в суздальском Покровском монастыре была пострижена в монахини царевна Марфа под именем Маргариты и царевна Мария Алексиевна по приказу царя Петра оказалась под стражей, их верховые боярыни, верные теремным традициям и своей службе, которой они во время возведения в почетный чин присягали письменно и устно, разделили участь своих царевен, продолжая им служить верой и правдой. Продолжали служить Софье ее верховые боярыни и тогда, когда она была пострижена в монахини под именем Сусанны.

Царицын двор с его верховыми боярынями в преддверии XVIII в., разделяясь на дворы цариц Натальи Кириллиловны и Евдокии Феодоровны (в Преображенском), Прасковьи Феодоровны и ее дочерей-царевен (в Измайлове), по сути, уже доживал свой век и окончил свое существование, когда Петр I оформил свой брак с Мартой Скавронской, возвел ее в царицы, потом короновал как императрицу Екатерину I и реорганизовал государев двор в императорский.

Первое мѣсто в женскомъ чину принадлежало боярыням, которыя именовались дворовыми или верховыми...

И.Е. Забелин. «Домашний быт русских цариц в XVI—XVII столетиях»

БОЯРЫНЯ-МАМА, -и, -ы, ж.; др.-рус.,
а также **МАМА**, -ы, ж.; др.-рус.,
или **МАМКА**, -и, ж.; др.-рус.

Почетный сан и должность в царицыном дворовом чину. Для каждого царевича и царевны подбиралась боярыня-мама, которой доверялись жизнь ребенка и его воспитание. На эту должность избиралась, как правило, вдова князя, боярина или окольничего, которая или была в числе близких к царю или царице родов, или была рекомендована царице одной из верховых боярынь царицына дворового чина. Зачастую в этот чин переводилась в порядке повышения в должности хорошо зарекомендовавшая себя крайчая, светличная или постельница.

До XVII в. при государевом дворе регистрации боярыни, в том числе и боярыни-мамы, не велось. Поэтому сведения о царицыном дворовом чине имеются только начиная с царствования Михаила Феодоровича и его супруги царицы Евдокии Лукьяновны.

В XVII в. порядок приема в царицын терем боярыни-мамы был таков: сначала подбиралась кандидатура на эту должность, за-

тем кандидатура избранной представлялась царю, а после утверждения ее царем она записывалась в Разрядную книгу царицына дворового чина, ей назначалось жалованье, определялось содержание при тереме царицы (питание, одежда и пр.), а после этого при царицыном дворе в присутствии царицы и верховых боярынь ей объявлялось о присвоении ей чина боярыни-мамы, о денежном вознаграждении и о привилегиях, которые она должна иметь при царицыном дворе. Она получала поздравления со вступлением в должность, и ее знакомили со всеми боярынями царицына дворового чина.

В тереме первой русской царицы Анастасии Романовны, которая произвела на свет трех царевичей и трех царевен, было шесть боярынь-мам. Но так как четверо из детей умерли во младенчестве, то в тереме оставались служить только две боярыни-мамы — у царевича Иоанна Иоанновича и Феодора Иоанновича. Несмотря на обилие жен у царя Иоанна Грозного, детей в тереме почти не было: единственный сын царицы Кученей-Марии — Василий — родился и умер в 1563 г., а царевич Дмитрий от Марии Нагой был отправлен в Углич в двухлетнем возрасте. Остальные жены и наложницы Иоанна Грозного не успевали не только родить, но даже оглядеться в тереме, как бывали изгнаны с государственного двора. В тереме не было детей, а следовательно, и боярыни-мамы тоже не было. У царевича Дмитрия в Угличе была такая боярыня-мама, что лучше бы таких наставниц и воспитательниц не было совсем. Боярыня-мама так хорошо смотрела за царевичем Дмитрием, что, когда он погиб, не могла ответить на простой вопрос: сам он зарезался, играя с ножичком, или его зарезали?

У царевны Феодосии, дочери Феодора Иоанновича и царицы Ирины Феодоровны, была боярыня-мама, но только два года: царевна Феодосия умерла. У Годуновых было по крайней мере две боярыни-мамы — у царевны и царевича. А у царя Василия Ивановича Шуйского две дочери-царевны от первого брака умерли во младенчестве. В таком случае боярыня-мама должна была покинуть царицын терем. Обычно боярыня-мама умершего царевича или царевны уходила в монастырь. Уходила в монастырь и боярыня-мама взрослых детей царицы. Но чаще всего хорошо проявившая себя боярыня-мама снова получала назначение на эту должность к другому царственному ребенку и от одной царицы после ее смерти переходила к детям другой царицы. Ввиду того что на должность боярыни-мамы избиралась женщина уже в возрасте, иногда она умирала на своем посту, тогда к ребенку, за которым она ухаживала, назначали другую боярыню-мату.

Царицын дворовый чин до Романовых имел боярыню-маму только на короткое время, а практически терем пустовал и подолгу детским криком не оглашался. Как уже говорилось, в те времена боярыни царицына дворового чина не регистрировались в Разрядных книгах, и кто был боярыней-мамой у царевичей и царевен, история умалчивает.

Но с приходом к власти Романовых все изменилось. В тереме царицы Евдокии Лукьяновны для рожденных ею 10 детей нужны были не одна-две боярыни-мамы, а целый штат. Вот тогда и стали записывать боярынь, и верховых, и мам, и казначей, и крайчих, и светличных, и постельниц и прочих в Разрядные книги, тогда и появился чин (церемония) объявления сана в присутствии царицы, а иногда и царя. Эти записи в Разрядных книгах дают возможность определить, кто была боярыня-мама у того или иного царевича или царевны.

Боярыня-мама для царевича избиралась особенно тщательно. Так, мамой царевича Алексея (будущего царя Алексея Михайловича) стала его бабушка, тетка царя Михаила Феодоровича, родная сестра его отца, патриарха Филарета, — Ирина Никитична Годунова, вдова окольничего Ивана Ивановича Годунова, убитого в 1610 г. по приказу Лжедмитрия II.

После ее смерти боярыней-мамой царевича Алексея была избрана Ульяна Степановна Собакина, вдова Сергея Степановича Собакина из известного псковского рода. (Как известно, одной из жен Иоанна Грозного была царица Марфа Васильевна Собакина.)

Мамой царевича Ивана (1633—1639) была назначена родственница царицы Евдокии Лукьяновны — вдова Анна Константиновна Стрешнева.

К царевнам приглашались в боярыни-мамы вдовы менее знатных, но близких к царю или царице родов. Так, у царицы Евдокии Лукьяновны к царевне Ирине Михайловне была избрана княгиня Марья Ивановна Хованская, жена князя Ивана Федоровича Хованского. К царевне Анне Михайловне — княгиня Ульяна Васильевна Троекурова, а к царевне Татьяне Михайловне — княгиня Марья Ивановна Пронская, жена Романа Федоровича Пронского.

В царицыном дворовом чину царицы Марьи Ильиничны у царевича Дмитрия мамой была Катерина Федоровна Милославская, жена Ильи Даниловича Милославского, мать царицы. Но служба ее продолжалась недолго — ребенок погиб в годовалом возрасте в результате несчастного случая. К царевичу Алексею Алексеевичу была избрана княгиня Арина Григорьевна Катырева-Ростовская, а затем ее заменила княгиня Анна Андреевна Мещерская, в 1663 г.

удостоенная чина верховой боярыни. Анна Андреевна была женой князя Лаврентья Мещерского, служившего в чине окольничего при государевом дворе Алексия Михайловича. Царевич Алексей умер в 1670 г., когда ему было 16 лет.

Для царевича Феодора была избрана княгиня Прасковья Борисовна Куракина, а сменила ее на этом посту Анна Петровна Хитрая, известная своими происками и сплетнями, но твердо державшаяся в царицыном дворцовом чину.

У царевича Симеона, который прожил всего около четырех лет, мамами были княгиня Авдотья Михайловна Хованская, Акси́нья Алексеевна Кологривова, а затем княгиня Ульяна Ивановна Голицына. К царевичу Ивану в 1667 г. была приглашена княгиня Анна Фирсовна Ухтомская.

У царевен мамами были менее знатные особы. Для царевны Евдокии Алексиевны была избрана 28 декабря 1651 г. княгиня Фетинья Володимировна Сицкая; ее сменила княгиня Акси́нья Хилкова, а затем Пелагея Ивановна Иванкина. У царевны Марфы Алексиевны мамой была Ульяна Петровна Шереметева, которая умерла 4 апреля 1676 г., царевне тогда было уже 24 года, и, конечно, другую маму ей не назначали. Царевна перешла в светлицу, которой заведовала светличная.

Царевну Софью, будущую правительницу России, с 1659 г. пестовала княгиня Анна Никифоровна Лобанова-Ростовская. Мамами царевны Екатерины были Настасья Федоровна Шереметева, Афросинья Демидовна Зубова, Анисья Юрьевна Лодыженская. К царевне Марье Алексиевне была в 1660 г. приставлена Дарья Тимофеевна Смуйлова, а затем Марья Ивановна Ильина. За царевной Феодосией ухаживали мамы Зиновия Степановна Голвина, а с 22 марта 1666 г. Дарья Силична Мясново.

У царицы Натальи Кирилловны при жизни царя Алексия Михайловича были мамами царевича Петра княгиня Ульяна Ивановна Голицына и Матрена Романовна Леонтьева. У царевны Натальи — княгиня Прасковья Ивановна Ромодановская, а у царевны Феодоры — княгиня Анна Львовна Львова, жена стольника князя Андрея Ивановича Львова. А после смерти царя мамами при дворе Натальи Кирилловны были у царевича Петра — княгиня Прасковья Ивановна Ромодановская, княгиня Домна Никитична Волконская и Прасковья Борисовна Ордына-Нащокина, которые по возмужании царевича Петра были переведены к царевне Наталии. Кормилицей царевны Наталии была княгиня Лукерья Гавриловна Ухтомская, жена окольничего Ивана Юрьевича Ухтомского. 19 июля 1694 г. она была возве-

дена в боярыни царевны на место умершей княгини Домны Никитичны Волконской.

У царицы Евдокии Федоровны Лопухиной мамой царевича Алексея Петровича была Прасковья Алексеевна Нарышкина, а затем переведенная из казначей боярыня Авдотья Семеновна Нестерова.

Такое подробное перечисление боярынь-мам у цариц дома Романовых, на наш взгляд, бесполезно, потому что, во-первых, дает представление об очень важной части царицына двора, связанной с воспитанием царских детей, а во-вторых, через их фамилии мы узнаем о том, как возвышались или угасали те или иные роды, представительницы которых занимали высокую должность при царицыном дворе чине — существенной части государева двора.

КАЗНАЧЕЯ, -еи, ж. (от «казна»)

Один из дворových чинов (санов) царицына терема при государевом дворе. Этот сан присваивался государевым указом с указанием быть казначеей у царицы, царевича, царевны большой или царевны меньшей. В царицыном дворovém чине она занимала вторую ступень среди верховых боярынь. Само наименование этого сана показывает, что это хранительница и оберегательница казны в царицыных хоромах. В ее обязанности входило сбережение царицыной казны: денег, драгоценностей, дорогих уборов, икон, крестов, личных вещичек для домашнего обихода. Казначей должна была знать грамоту и счет, потому что была обязана также вести приход и расход всей казны.

При царицыных палатах была не одна казначей, а несколько: каждый член семьи — и царевичи, и царевны жили в отдельных покоях и имели как бы отдельное хозяйство, а потому при каждом из них была своя казначей. У царицы были две казначеи: одна отвечала за денежную казну, а вторая — за ларцы (сундуки) и их содержимое. В ларцах хранились шубки, платья, телогреи, головные уборы, шали, обувь и другие дорогие вещи. В комнатах царевичей и царевен у каждого из них была только одна казначей, которая отвечала за все, в том числе и за ларцы.

В XVII в. у царицы, помимо двух казначей при ее хоромах и казначей при комнатах малолетних царевичей и царевен, больших и меньших, была еще главная боярыня-казначей. Она была правой рукой царицы и главным исполнителем всех ее приказ-

ний, касающихся материально-финансовых дел. Боярыня-казначей отвечала за особый приказ — царицыну мастерскую палату, где изготовлялась и хранилась парадная, драгоценная одежда для царицы, царевен и царевичей. Предполагают, что царицына мастерская палата была учреждена царицей Анастасией Романовой в середине XVI в., но первое упоминание о ней в документах датируется 1656 г., в царствование Алексея Михайловича и его первой супруги Марии Ильичны.

После 1701 г., когда царем был Петр I, царицына мастерская палата уже не упоминается. По-видимому, Петр, не признававший царской и боярской одежды, да к тому же в процессе подготовки к замене приказов коллегиями, эту палату упразднил.

Ответственность за царицыну мастерскую палату была весьма велика, потому что царицына и царевнина одежда украшалась алмазами и другими драгоценными камнями, золотом и серебром. Вход в царицыну мастерскую палату полагался только царице, боярыне-казначее, дьяку, мастерам и мастерицам-изготовительницам. Парадные платья выдавались из палаты только на время пользования, а затем незамедлительно сдавались обратно на хранение.

По мнению Забелина, царицына мастерская палата служила также для изготовления «всякихъ домашнихъ, комнатныхъ, постельныхъ царицыныхъ обиходовъ».

Приказу «Царицынская мастерская палата» были подчинены Хамовные слободы (Хамовники), слободы Кадашево в Москве, Берейтово и Черкасско — по Ярославской дороге, в Твери — Константиновская слобода, которая потом была переведена в Москву. Эти слободы поставляли полотно к царскому двору. В Москве был открыт специальный двор, куда сдавали полотно для государева двора. Управляла этим двором верховая боярыня, которую принято было называть Кадашевской. Отчет держала Кадашевская боярыня перед самой царицей и ее главной боярыней — казначеей.

Обратим внимание, что царицына мастерская палата была единственным в России приказом, который возглавлялся женщиной, боярыней-казначеей царицына дворового чина.

Казначееми в царицыном дворе чину назначались в основном вдовы, дальние родственницы царя и царицы, а также завоевавшие доверие боярыни из кравчих, постельниц, светличных. Главной казначеей царицыной мастерской палаты и казначеей царицы выбирались из наиболее грамотных и доверенных дворовых боярынь.

Боярыня-казначей за свою службу получала жалованье. В среднем это жалованье составляло 25 рублей в год, но платили всем неодинаково. Главная казначей могла получать 100 руб-

лей и больше, царицыны казначеи 50—75 рублей. Казначеи цариц меньше, а казначеи царевен — еще меньше. В 1690-е годы жалованье увеличилось.

В связи с тем что казначеи жили при дворце, кормовые деньги им не полагались. Они питались за счет царской казны и получали «подачи», то есть сладости и особые блюда с царского стола. Слово «подача» в русском языке преобразовалось в слово «подачка» с оттенком презрительности и неодобрения и стало употребляться во фразеологизме «Не нужны нам (мне) подачки с царского (барского) стола».

За хорошую службу казначеи переводилась в верховые боярыни. Об этом свидетельствуют разрядные записи регистрации верховых боярынь. Так, например, верховой боярыней царицы Марии Ильиничны с 14 апреля 1648 г. значится Домна Семеновна Давыдова с пометкой «из казначей». Эти пометки дают основание установить, кто персонально служил казначеей при дворе цариц Романовых.

Так, в 1672 г. из казначей была переведена в верховые боярыни Матрена Васильевна Блохина. Ее перевели на место боярыни Еропкиной, по-видимому, умершей. Федосья Ивановна Неелова служила казначеей у царевича Феодора Алексеевича. Когда он стал царем, она получила статус верховой боярыни его супруги, царицы Агафьи Семеновны. В 1688 г., после смерти и царицы Агафьи, и царя Феодора, она ушла в монастырь и была пострижена в монахини.

В 1685 г. в верховые боярыни из казначей были переведены Дурная Афросинья Павловна и Карташова Соломонида Саввишна.

После 1691 г. в разрядных списках боярынь царицына дворцового чина значатся как переведенные из казначей Татьяна Ивановна Фустова, Авдотья Даниловна Горяинова, Акулина Васильевна Доможирова, боярыня Авдотья Семеновна Нестерова.

Ввиду того что казначеи, как и все боярыни Царицына дворцового чина, получали жалованье неодинаково, то среди них ревностно соблюдались «честь и место», а родственники в своих местных спорах тоже имели в виду, какое место занимала их бабка, мать или тетка на службе у царицы, и ставили это в «случай».

Сверх того боярынею же называлась и приказная Хамовного двора, на котором изготовлялась всякая белая казна, полотна, скатерти и т.п. Этот двор находился въ слободѣ кадашовѣ, отъ чего и боярыня, завѣдывавшая хамовнымъ дѣломъ, называлась *Кадашевскою боярынею*. Она, впрочемъ, не принадлежала къ чину дворovýchъ боярынь, а равнялась по должности казначеямъ.

И.Е.Забелин. «Домашний быт русских цариц в XVI — XVII столетиях»

КРАВЧАЯ, -ей, ж., сущ.,
а также КРАЙЧАЯ, -ей, ж., сущ.

Сан боярыни царицына дворового чина, занимавший четвертое место в иерархии чинов при дворе царицы. Первое место занимала верховая боярыня, затем боярыня-мама, за ней казначея, а затем кравчая и светличная. Все перечисленные боярыни фактически были верховыми, или дворовыми, потому что были допущены на «верх», в царицыны палаты, и служили при царицыном дворе.

Кравчая (крайчая) имела такое наименование потому, что она отвечала за «пиво», то есть за различные напитки, их наличие и ассортимент. При государевом дворе, при царе, тоже был чин кравчего (крайчего), но он имел большее значение, потому что он занимался поставками вина и напитков к государеву двору, в том числе и для царицына двора.

В обязанности кравчей входило также наливать и подносить царице или царевнам напитки по их требованию; она должна была ставить напитки на стол во время трапезы, охлаждать их или, наоборот, согревать. В ее ведении было хранение разного рода напитков, сбережение их от прокисания и брожения. Кроме того, она должна была следить за пополнением царицына погреба. Напитков было много, и притом разных: квас, различные морсы из разных ягод, ягодные настойки и наливки. Были и вина, которые царь выписывал из-за границы; особым почтением пользовалась мальвазия, которую в царицыном тереме в основном употребляли как лекарство.

В царицыном тереме была не одна кравчая. У малолетних царевичей, пока они жили в царицыном тереме, у царевен, и больших, и меньших, была своя кравчая.

Кравчим бывала у постели царицы и ее детей во время их болезни, чтобы подавать питье. Она должна была присутствовать при родах царицы, чтобы вовремя подать питья или воды.

Есть свидетельство, что во время родов царицы Натальи Кирилловны рядом с ней была как кравчая боярыня Анна Петровна Хитрово, которая после всех своих козней против Натальи Кирилловны сумела так хитро к ней подольститься, что стала ее кравчей и вместе с бабкой-повитухой в 1672 г. принимала у нее царевича Петра. В 1674 г. крайчая Хитрая опять стояла у родильного стола Натальи Кирилловны, когда родилась царевна Феодосия. Как боярыня-кравчая, она присутствовала на пирах по случаю рождения царевны Феодоры и по случаю ее крещения.

Правда, это не помешало ей после смерти Алексея Михайловича снова начать плести козни против царицы Натальи.

Анна Петровна Хитрая была кравчей у двух супругов царя Федора Алексиевича — сначала у Агафьи Семеновны Грушецкой, а затем у Марфы Матвеевны Апраксиной. При царицыном дворе доброй и скромной Марфы Матвеевны она заняла одно из первенствующих мест, исполняя важную должность ежедневно. И это понятно, потому что Анна Петровна была мамой царевича Федора Алексиевича и продолжала пестовать его и когда он стал царем, потому что он с детства был нездоровым и постоянно болел. И Анна Петровна в его комнатах была самым необходимым человеком, особенно после его женитьбы на Марфе Матвеевне.

У царицы Евдокии Лукьяновны с 1628 г. кравчей была Собакина Ульяна Степановна, которая потом была переведена в мамы, а затем стала верховой боярыней. Исполняла должность кравчей при дворе царицы Евдокии Лукьяновны также и княгиня Соломонида Петровна Мезецкая.

Кравчей у царицы Марьи Ильиничны с 30 марта 1638 г. была Вельяминова Анна Михайловна, урожденная Ртищева. У царевен больших, дочерей царицы Марьи Ильиничны, кравчей служила Мартюхина Марья Андреевна, а у царевен меньших — Зубова Афросинья Демидовна. В 1672 г., когда уже царствовала Наталья Кирилловна, Зубову у царевен меньших сменила Акси́нья Алексеевна Мертвая.

Кравчая занимала важное положение в царицыном дворцовом чину. Она постоянно находилась при царице и «была, такъ сказать, ея правою рукою во всѣхъ домашнихъ дѣлахъ ее обихода» (Забелин). Когда царица отправлялась на поклонение в какой-нибудь дальний монастырь, кравчие сопровождали ее и царских детей, были с ними неотлучно.

Кравчим полагалось жалованье. Но оклад назначался не всем одинаково. Средний и обычный оклад составлял 25 рублей. Оклад кравчей, служившей при царице, доходил до 50 рублей. У больших царевен кравчая получала меньше, чем царицына кравчая, а у меньших царевен кравчая получала меньше, чем та, что служила у старших царевен. Кормовых денег боярыням-кравчим не полагалось, потому что они жили в тереме и получали еду, «подачи» и питье во дворце.

Как все боярыни царицына дворцового чина, кравчая могла получить отпуск и отлучиться из дворца на день и даже на несколько дней по своим личным надобностям. Но для этого она должна была получить разрешение царицы. Причиной ее отсутствия могли быть свадьбы, похороны, поминки, родины и крестины у ее родни или

даже близких знакомых. Но если она оказывалась нужна царице, то за ней посылали, чтобы она срочно вернулась во дворец.

Стать боярыней-крайчей в царицыном дворцовом чину было почетно, и в обществе это высоко ценилось: в боярских и княжеских кругах она была весьма уважаема, и потому, попав в царицын терем, боярыня очень дорожила полученными по царскому указу чином и местом, а ее родня получала возможность в местных спорах использовать ее служение как «честь и место».

20. О царицыных чиновъ людехъ и о боярыняхъ. Въ чину ея бывають и живутъ въ верху, боярские, и околничихъ, и всякихъ чиновъ людей жены вдовы, и дочери вдовы жъ и дѣвицы и мужни жены. 1. Боярыни: казначея, крайчая, постельница, судья.

Г. Котошихин. «О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича»

Одна, главныйшая боярыня, была *кравчею*, находилась постоянно при царице и была, так сказать, ея правою рукою во всѣхъ домашнихъ делахъ ея обихода.

И.Е. Забелин. «Домашний бытъ русскихъ царицъ в XVI — XVII столетіяхъ»

ПОСТЕЛЬНИЦА, -ы, ж.

(от «постлать-постелить»)

Сан дворовой боярыни царицына дворового чина, занимавший шестое место в иерархии царицыных чинов. Этот сан при государственном дворе имел соответствие мужскому чину постельничего, в ведении которого была вся постельная казна государя и все спальни, обслуживавшие царя.

Царицына постельница отвечала за всю постельную, белую казну государыни; в ее ведении и под ее надзором были постельницы рангом пониже — постельницы царевичей и царевен, сначала старших, а затем меньших, а кроме того, мовницы или портомой (прачки), которые стирали белье (белую казну). Все постельное белье, куда помимо простынь, пододеяльников, наволочек, подзоров, простынок для бани и полотенец относилась и ночная одежда царицы, царевичей, царевен и боярынь, было под строгим учетом, так что ей приходилось сопровождать мовниц-портомой на реку для стирки белья и обратно во дворец, чтобы ничего не пропало. Г. Котошихин рисует эту картину так: «а когда прилучится имъ мыть платье, и то платье зимою и летомъ возять на рѣку въ саняхъ, въ сундукъ замкнувъ и запечатавъ, покрывъ краснымъ сукномъ; а за темъ платьемъ идетъ боярыня, для береженія».

Несмотря на то что полотно, из которого изготовлялись постельные принадлежности царицына терема, поставлялось из хамовных дворов специально для царского обихода, оно высоко ценилось и было очень дорогим. Поэтому с постельницы строго спрашивалось за каждую вещь, которая числилась в специальной описи постельного белья.

Г. Котошихин так определил роль боярыни-постельницы в теремном дворце: «4. Постельницы; которые постели постилають подъ царицу и подъ боярынь; а жены въ томъ чину дворовыхъ же всякихъ чиновъ людей; и те постельницы и мастерицы спятъ у царицы въ Верху, посуточно, по переѣмамъ». Из этого пояснения видно, что в постельницы брали жен и вдов не очень высоких чинов.

В царевом обиходе в его спальне для «бережения царя» спали спальники по переменам, посуточно. А у царицы спали постельницы и так же посуточно, попеременно. И сидели в сенях поденно, то есть меняясь по дням, и об их сидении свидетельствует запись от 1677 г., в которой говорится, что изготовлены «двѣ шубы песцовыя подъ стамедомъ, старыя, постельницамъ, въ чемъ сидѣть у царицы въ сѣняхъ».

Сколько же постельниц было в царицыном дворцовом чину? И.Е. Забелин отмечает: «При каждой комнатѣ, какъ-то у царицы, у каждого царевича и у каждой царевны находились свои особыя постельницы, число которыхъ не всегда было одинаково. У царицы ихъ бывало человекъ по 20 и по 25: в 1683 г. у царицы Марфы Матв. Апраксиныхъ ихъ было 30. У царевичей от 2 до 5; у царевенъ, старшихъ отъ 8 до 12, и больше; у младшихъ отъ 2 до 5 и больше. Окладного жалованья шло имъ въ годъ по 4 р. кормовыхъ, старшимъ по 6 денегъ, остальнымъ по 3 деньги на день».

Если представить себе реально всю эту картину присутствия такого количества народа в палатах царицы, то можно только удивляться, как царица все это выдерживала — сидение, хождение людей туда-сюда, разговоры. И ведь там были не только постельницы, но и комнатные бабы: две у царицы и по одной у царевен. И.Е. Забелин пишет, что их брали во дворец в качестве повивальных бабок, но потом они оставались как лекарки детей, которых они принимали во время родов. Они тоже получали жалованье по полтора рубля в год, по 4 рубля в день кормовых и хлеба по 6 четей ржи и овса.

А если еще вспомнить, что в царицыных комнатах присутствовали верховые боярыни, казначея, кравчая и другие, то становится ясно, что царица ни на минуту в своем доме не имела покоя.

О персональном составе постельниц в царицыных палатах сведений, можно сказать, почти нет. Среди верховых боярынь у царицы Евдокии Лукьяновны упоминается Федора Заболотская с пометкой «постельница». Вероятно, она была главной постельницей в палатах царицы. Можно найти упоминание о постельницах в челобитных. Например, в челобитной одного боярского сына, просившего принять его в дети боярские для службы у государыни царицы и выставлявшего в свою заслугу службу родственников при дворе, в частности, и своей матери: «а *матья* у тебя же, государя, во дворѢ, у государыни царевны Анны Мих. въ постельницахѣхъ».

Не все постельницы царицына дворового чина были безупречного поведения, хотя и ценили свою службу в царицыных хоромах. Архивные документы показывают, что иных приходилось крепко наказывать и отправлять в ссылку в дальний монастырь. Из таких документов мы тоже можем узнать имя постельницы. Так, 17 июня 1694 г. была сослана одна постельница с сопроводительной грамотой, в которой говорилось: «Въ Володимерь в Успенскій дѣвичъ монастырь игуменьѢ Феодисіи съ сестрами. Послана къ вамъ отъ насъ (государей) изъ комнаты царевны Маріи Альксѣевны подѣ началъ постельница Ирина Протопопова за еѢ безчинство и пьянство; и вамъ бы еѢ дать подѣ началъ въ келью старицѢ княжнѢ МаксимиллѢ Шеховской подѣ крѣпкой началъ, и велеть ей ходить къ церкви ко всякому пѣнію и въ кельѢ поклоны класть, как чинъ монастырской надлежитъ; и после церковного пѣнія быть у монастырской всякой работы; и съ монастыря еѢ неспускать и хмѣльнова ничево не давать; а буде она въ чемъ не послушна будет и еѢ смирять, какъ чинъ монастырской надлежитъ».

Четвертую степень царицыныхъ чиновъ занимали постельницы и комнатныя бабы.

И.Е. Забелин. «Домашний быт русских цариц в XVI — XVII столетиях»

СВЕТЛИЧНАЯ, -ой, ж., суц.
(от «светлица»)

Сан боярыни царицына дворового чина, занимавший в иерархии дворовых чинов царицы пятое место после верховой боярыни, боярыни-мамы, казначеи и кравчей. Само название боярыни — «светличная» — говорит о том, что ее служба должна протекать в светлице.

Светлица располагалась на самом верхнем ярусе царицына теремного дворца, где было больше окон, а следовательно, и больше света. В светлице помещались с одной стороны комнаты для старших царевен, а с другой — комнаты, где находились мастерицы: швеи, вышивальщицы, белошвеи, золотошвеи и другие искусницы в создании разного рода вещей для домашнего обихода (ширинок-полотенец, вышитых салфеток и всякого приклада для украшения верхней и нижней одежды, а также постельного белья).

Фактически это было производство по изготовлению одежды и вещей для домашнего обихода, причем не только для нужд царской семьи, но и на продажу. Светлица была тесно связана с царицыной мастерской палатой, и часть изготовленных в светлице вещей сдавалось в этот приказ.

И.Е. Забелин пишет, что весь пошив царской одежды и белья осуществляла царицына мастерская палата. Однако есть и другое мнение, что приказ под названием Царицына мастерская палата выполнял только праздничную драгоценную одежду для царицы и царевен, почему и вход в нее был весьма ограничен, позволялось в нее входить только царице, боярыне-казначее, отвечавшей за сохранность одежды и всего приклада: золота, серебра, алмазов и драгоценных камней, и дьяку, осуществлявшему прием и выдачу царской одежды, а также небольшому количеству мастеров. Для царя и больших царевичей такую праздничную одежду, отделанную золотой и серебряной вышивкой и драгоценными камнями, создавали в царской мастерской палате. Царская одежда хранилась в этих палатах, а когда ее брали оттуда по надобности, то оформляли это документально. Полагалось после использования этой одежды государыней и государем незамедлительно сдавать ее обратно, что тоже оформлялось документально.

Задача мастериц светлицы была более скромной: они шили повседневную одежду для царицы, царевен и малолетних царевичей, изготавливали всякого рода вещицы для обихода царицына терема, а также различные покрывала, подзоры и постельное белье. Изготавливались в светлице и всякого рода подарки для гостей на случай свадьбы, дней рождения, родин и крестин в царской семье.

Надзор за работой мастериц и ответственность за получение и сохранность материалов для пошива и вышивок (бархатные, шелковые и шерстяные ткани, разных цветов и оттенков, простые, шелковые и шерстяные нитки, пряжа, стеклярус, бисер, пугови-

цы и прочий приклад) и изготовленных в светлице вещей возлагались на боярыню — светличную.

Созданные в светлице вещи большей частью использовались в домашнем обиходе, часть оставлялась для подарков, а часть отправлялась на продажу для пополнения царицыной казны. Это распределение товара, передача его боярыням-казначейм царицы, царевен и малолетних царевичей, а также дьяку или дворецкому на продажу тоже входило в обязанности светличной.

В светлице не только работали, но и обучали мастерству рукоделия молодых работниц. Обучались в светлице у лучших мастериц и царевны. Организация такого обучения и надзор за этими своеобразными курсами рукоделия тоже возлагались на светличную.

Чтобы выполнять обязанности светличной нужно было, во-первых, самой быть хорошей мастерицей, способной оценить степень мастерства той или иной мастерицы, во-вторых, быть достаточно грамотной, чтобы вести по сути бухгалтерский учет производимой продукции и ее сдачи по назначению, а в-третьих, уметь ладить с мастерицами, находящимися в ведении боярыни-светличной.

Если количество казначей и кравчих зависело от количества членов царицыной семьи, то светличных было не менее двух. Мастерицы работали в светлице посуточно, посменно, а потому и ведающие ими светличные работали тоже посуточно и посменно.

К сожалению, персональных сведений о них почти не сохранилось. Однако из списков верховых боярынь и из записей царских указов в разрядных книгах известно, что у царицы Евдокии Лукьяновны была боярыней-светличной Коркодинова Авдотья Федоровна, у царицы Натальи Кирилловны в 1675 г. — Марья Ивановна Кокорева, а в 1680 г. — Настасья Ивановна Кокорева; у царицы Агафьи Семеновны — Арина Федоровна Вельяминова.

Дворовые боярыни в своем сане утверждались царем специальным указом. Иногда этот указ вносился в Разрядную книгу. И.Е. Забелин в книге, посвященной домашнему быту русской царицы, цитирует такую запись от 1675 г.: «іюля 6 пожаловалъ в. государь въ верховыя боярыни стольника Федорову жену Григорьева сына Кокорева вдову Марью Иванову дочь, а по отце Акифьевыхъ. А указано ей быть, по указу в.государя въ свѣтлицѣ у мастерицъ и указано ей вѣдать мастерицъ всѣхъ».

Как все боярыни царицына дворового чина, светличная получала за свой труд жалованье, которое в разное время (у разных цариц) было различным: от 25 до 100 рублей в год. При назначении жалованья принимались во внимание и родовитость, и сан ее мужа, и значительность при государевом дворе поручителя за нее.

Если светличная жила во дворце, то она не получала кормовых денег, потому что пользовалась всем дворцовым содержанием. Но если она во дворце не столовалась, то ей платили кормовые деньги. Помимо этого она получала «подачи» и непременно подарки ко дню ее именин и ко всем христианским праздникам, особенно к Пасхе и Рождеству Христову.

Получить сан светличной в Царицыном дворцовом чину было большим счастьем для вдовы окольничего, стольника или служивого начальника. Но еще большим счастьем для нее было получение за хорошую и долголетнюю службу сана верховой боярыни при царице, что было связано не только с получением более близких контактов с царицей, но и с повышением жалованья и других дворцовых благ.

НИЗШИЕ ЖЕНСКИЕ ЧИНЫ, -ов, мн.

Помимо верховых боярынь, казначей, кравчих, светличных и постельниц, имевших полный доступ на «верх», царицын двор имел и много всяких служительниц более низкого уровня, как бы на ступень ниже казначей, и еще более низших чинов, допускаясь в царицын теремной дворец, но имевших право входить в него только через определенное крыльцо, а внутри дворца по определенному для них маршруту.

По определению Забелина, чинами, находившимися «в некотором равенстве с казначеями», были учительницы, кормилицы, псаломщицы, боярышни-девицы, или сенные боярышни. Их число определялось наличием меньших царевен и новорожденных царевичей и царевен.

Учительница, которую также называли мастерицею, своей обязанностью имела обучение грамоте меньшей царевны. Она учила ее читать, считать, знать молитвы наизусть. У каждой меньшей царевны была своя учительница.

За свою работу учительница-мастерица получала годового жалованья по 8 рублей в год, кормовых — по 6 денег или по 3 копейки в день.

С 1665 по 1691 г. учительницами меньших царевен были Авдотья Пыпина, Варвара Лгова, Федора Петрова. Они обучали меньших царевен Милославских — Екатерину, Марию и Феодосию, а также царевну Наталию, дочь царицы Натальи Кирилловны. Еще раньше царевну Татьяну Михайловну обучала грамоте мастерица Марья.

Количество учительниц-мастериц при царицыном дворе зависело от количества меньших царевен. Так, при дворе царицы Евдокии Лукьяновны, имевшей пять дочерей, которых надо было обучать, и учительниц должно было быть пять.

У царицы Марии Ильиничны шесть царевен-дочерей получали первоначальное обучение на занятиях с учительницами, которых тоже должно было быть шесть. Правда, две старшие царевны — Евдокия и Марфа — обучались раньше, а четыре царевны: Софья, Екатерина, Мария и Феодосия, как младшие, позже на 6—8 лет.

Учительницы-мастерицы принимали участие в паломничестве царицы по монастырям. Г. Котошихин отметил, что они сопровождали царицу верхом на лошадях, «иноходцах», «а сидят на лошадях не противъ того, какъ въ иныхъ государствахъ Ыздать женской поль...», то есть они сидели на лошади не как наездники, а как амазонки.

Кормилица царевичей и царевен. Царице не полагалось кормить грудью своих детей, поэтому к новорожденному приглашалась кормилица. Рекомендовали царице кормилицу обычно женщины, служащие при царицыном дворе. Она должна была отличаться хорошим здоровьем и обилием у нее молока. Ее жалованье равнялось жалованью учительницы, но если она оставалась жить при дворе, то там и столовалась, а потому кормовых денег ей не платили. Несмотря на то что меньше чем через год царевич или царевна переходили на попечение боярыне-матери, кормилица оставалась при дворе до самого своего ухода в монастырь или до самой своей смерти. И при этом она продолжала получать все свои оклады как бы в виде пенсии. Если вскормленный ею царевич становился царем, она приобретала при дворе большой вес и уважение. Таковы были кормилица царевича Алексия Михайловича старица Анисья и кормилица царевича Феодора Алексиевича — Анна Ивановна.

Псаломщица во время домашних молитв читала полагающиеся к данному дню отрывки из Библии и Евангелия, пела псалмы (почему и называлась псаломщицей), кондаки и тропари. У царицы и каждой царевны была своя псаломщица. Это должна была быть грамотная женщина, а потому должность эту зачастую исполняла, как самая грамотная, казначея. Так, казначея Василиса Пятово, которая была принята в дворцовую службу в 1646 г. в качестве казначеи царевны Ирины Михайловны, стала казначеей и псаломщицей у царевны Татьяны Михайловны. После смерти Василисы Пятово в 1690 г. на ее место велено было заступить Татьяне Мартиновой.

Боярышня-девица, сенная боярышня избиралась из дворянского сословия. Число их было не ограничено. Царица приглашала к себе на «верх» боярышен из знакомых ей семейств (из ее родства или родства ее верховых боярынь) для проживания в ее комнатах и комнатах царевен для разных услуг, в основном для игр, забав, собеседований. Боярышни-девицы были как бы подругами царевен, вместе с ними питались, играли, поверяли друг другу свои мысли, мечты и желания. Они жили в царицыном тереме на полном содержании, таком же, как и царевны, а потому жалованья не получали. Все, что им было нужно, они получали от царицы — платья, обувь, украшения. Но в конце XVII в., когда образовалось несколько царицыных дворов, они тоже стали получать чиновное окладное жалованье. Старшие — 7 рублей в год, младшие — по 5 рублей в год, а самые меньшие в чину, только что принятые, — по 3 рубля в год.

По разрядным записям 1682 г., старших боярышен-девиц, получавших оклад по 7 рублей, было 11 человек, тех, кто получал по 5 рублей — 36 человек, а по 3 рубля — 4 человека. В 1691 г. получавших по 7 рублей было 12 человек, по 5 рублей — 38 человек.

Боярышни-девицы при царицыном дворе явились предтечей фрейлин императорского двора.

Еще ниже в иерархии царицына дворового чина стояли **комнатные бабы, мастерицы и ученицы** и самую последнюю ступень царицыных чинов занимали **мовницы, или портомой (прачки)**.

Комнатные бабы состояли при каждой комнате у царицы и царевен. У царицы их было две, а у царевен по одной. По мнению И.Е. Забелина, «это были собственно лѣкарки и поступали во дворецъ изъ принимальныхъ, или повивальныхъ бабокъ, оставаясь здѣсь по всему вѣроятію, послѣ каждаго родина при комнатѣ ребенка, которого онѣ повивали и принимали». Однако при таком объяснении присутствия комнатных баб возникает вопрос: почему у царицы, которую ни одна из этих баб не повивала и не принимала, их было даже две?

Их жалованье составляло 1,5 рубля в год, помимо которого они получали еще кормовых от 6 до 3 денег в день и хлеба по 6 четей ржи и овса.

Мастерицы и ученицы мастериц, «золотныя и бѣлыя», шили платья и изготовляли всякие вещицы для дворцового употребления и вышивали их золотой и серебряной канителью, разноцветными шелками, шерстяными нитками, бисером и стеклярусом, украшали вышивки жемчугом и камнями. Те мастерицы и их

ученицы, которые шили золотом и серебром, назывались «золотными», то есть золотошвеями, а те, которые шили белое платье и белье (из белой казны — полотна) и его украшали вышивками, назывались белошвеями.

По свидетельству Г. Котошихина, в этот чин принимались жены, вдовы и девицы из «честныхъ и середнихъ чиновъ дворовыхъ людей». Они принадлежали светлице и находились в ведении боярыни светличной. Так как мастерицы и ученицы обслуживали каждого члена царицына семейства, то количество их зависело от состава царской семьи, которая с годами росла у каждой царицы. В 1626 г., когда в царский терем пришла молодая царица Мария Ильинична, золотных мастериц было 15 человек, а белых — 11 человек. В 1682 г., когда было уже несколько цариц, имевших свои дворы, в светлице стало 59 золотошвей и белошвей и 22 ученицы, всего 81 человек. В 1691 г. светличное производство расширилось, и в нем уже работали 87 человек. Оплата их труда была разной, смотря по мастерству, прилежанию, а следовательно, качеству и количеству продукции, создаваемой мастерицей. Ученицы, естественно, оплачивались значительно скромнее, чем мастерицы. Жалованье назначалось в соответствии со степенью (статьей), которая присваивалась работнице. Таких степеней (статей) было пять. Так, в 1627 г. при дворе царицы Евдокии Лукьяновны мастерицы первой статьи (первостатейные) получали жалованья по 4 рубля в год, по 5 или 6 кормовых денег в день и по 7 или 8 четей хлеба, ржи и овса. Мастерицы второй статьи — по 3 рубля в год, кормовых по 4 деньги в день, хлебного, ржи и овса, по 5 и 6 четей; третьей и четвертой статей — 2,5 рубля в год жалованья, кормовых по 5 или 6 денег в день и хлебного, ржи и овса, по 4 чети; пятой статьи — самые младшие мастерицы, только что переведенные из учениц, жалованья по 2 рубля в год, кормовых по 3 деньги в день и хлебного, ржи и овса, по 3 чети; а ученицы получали по полтине в год, кормовые 2 деньги в день и хлебного, ржи и овса, по 3 чети. Хлебное жалованье получали не все: тем, у кого было поместье, его получать не полагалось.

Хорошие мастерицы заносились в списки, а так как число занесенных в списки обычно равнялось 30, то их называли *тридцатницами*. Выслужиться так, чтобы записали в список тридцатниц, было большой честью, потому что это означало получение первой степени мастерства и, естественно, самого высокого для мастериц жалованья.

Мастерицы работали в светлице десятилетиями. В 1680 г. после проверки как бы «выслуги лет», выяснилось, что в основном мастерицы имели 20-летний стаж, но были и такие, которые

служили в светлице более полувека. Их имена дошли до нас. Катерина Темирева, Татьяна Перепечина служили по 50 лет, а Анна Лукьянова Маслова — 58 лет. Другие светличные мастерицы имели стаж по 40, 36, 33 и 27 лет.

Мовницы, или портомой (прачки). В XVII в. их называли «мовницами» от слова «мыть» (стирать), а в начале XVIII столетия они получили наименование «портомой» от слов «порты» (штаны) и «мыть-моют». Это были жены дворовых людей невысоких чинов. Они стирали белье и одежду на реке зимой и летом. И это была нелегкая работа. Стиркой белья и платья ведали боярыни-постельницы. Они отвечали за сохранность платья и белья, которое «мыли» мовницы-портомой, а потому поочередно «для береженья» сопровождали мовниц с этим бельем в сундуке, закрытом на замок, да еще покрытым красным сукном, на реку и обратно. Между мовницами и постельницами постоянно возникали споры и ссоры из-за слишком тесного общения во время сопровождения и вопроса качества стирки.

В начале XVII столетия, когда царицыным теремом правила инокиня Марфа, матушка царя Михаила Феодоровича, мовниц было всего восемь человек, но после второй женитьбы царя на Евдокии Лукьяновне Стрешневой семья стала расти ежегодно, и число мовниц царицына дворцового чина стало увеличиваться. Увеличилось оно и при царе Алексии Михайловиче, так что в конце столетия стало доходить до 30 человек.

Мовницы-портомой получали жалованья по 3 рубля в год, кормовых по 6 денег в день и хлеба, ржи и овса, по 15 четей с осьминою.

При царицыном дворе проживали и «женские лица неслужебного чина», как их определил И.Е. Забелин, которые выполняли в основном развлекательную роль, но и были объектом милосердия царицы, царевен и боярынь. Это были дурки-шутихи, странницы-богомолницы, юродивые, девочки-сиротинки, арапки, калмычки и другие подобные. Одну из них царевны избирали себе на попечение и заботились о ней. Так, царевна Ирина Михайловна пригрела у себя дурку, а ее сестра, жалостливая царевна Татьяна Михайловна, приласкала безногую девочку-сиротинку. Все эти «лица неслужебного чина» находились на полном дворцовом содержании: их кормили, поили, одевали, и они получали все необходимое для личного обихода.

Низшие чины царицына дворцового чина, получавшие кормовые деньги, устраивались на проживание в царицыной слободе возле Кремля, которая носила название Кисловка.

МУЖСКИЕ ЦАРИЦЫНЫ ЧИНЫ, -ов, мн.

Царицын дворцовый чин включал и мужские чины как дополнительный обслуживающий персонал. Мужские царицыны чины И.Е. Забелин условно разделил на шесть категорий: приказный, крестовый, стольничий, походный, истопничий и мастерской.

К приказному чину Забелин отнес дворецкого и дьяка.

Дворецкий, по мнению Забелина, с помощью дьяка управлял всем ведомством царицына двора, то есть Приказом царицыной мастерской палаты. Г. Котошихин чин дворецкого не упоминает, считая, что царицыной мастерской палатой ведала боярыня-казначей, а делопроизводство этого приказа было обязанностью дьяка. Забелин считает, что внутренними делами — изготовлением платья для царицы, царевичей и царевен, поставками белой казны из деревень на московский Кадашевский двор ведала боярыня-казначей: «В вѣдѣніи дворецкаго оставалась такъ сказать внѣшняя, наружная сторона дѣла, т.е. всѣ распоряженія, касавшіяся служебныхъ лицъ, разбирательство ихъ споровъ, судъ надъ ними и т.д., и потомъ всякое царицыно дѣло, производимое или устроиваемое внѣ хоромъ царицы, а также и всякія сношенія съ другими вѣдомствами». Вероятно, Забелин имел в виду суд и разбирательство у мужских чинов царицына двора, потому что разбирательством споров у женских чинов ведала верховая боярыня-судья.

Дворецким у царицы бывал ее родственник или близко знакомый человек. Например, у царицы Евдокии Лукьяновны Стрешневой дворецким был ее дядя Федор Степанович Стрешнев, а затем другой ее родственник — Василий Иванович Стрешнев. Царица Мария Ильинична Милославская в дворецкие взяла Прокопия Федоровича Соковнина, потом Василия Михайловича Еропкина, а в последние годы ее жизни дворецким был сын Прокопия Соковнина Федор Прокопьевич Соковнин — люди, близкие к царской семье. У царицы Натальи Кирилловны дворецким было велено быть Авраму Никитичу Лопухину.

С точки зрения Забелина, должность дворецкого по значению равнялась званию окольничего, поэтому и лица, занимавшие ее, постепенно из простых дворян возводились в думные дворяне, а потом в окольничие. Таким образом, получается, что должность дворецкого для родственников и близких людей царицы являлась неким трамплином для получения думного чина окольничего, дававшего право на боярский чин. А что касается обязанностей дворецкого, то они оказываются весьма расплывчатыми, потому

что в царицыной мастерской палате всем заправляли боярыня-казначей и дьяк, который, выражаясь современным языком, вел всю бухгалтерию — приход и расход — и своею подписью (а не подписью дворецкого) утверждал движения казны, денежные и материальные, составлял описи поступившей казны, списки мастеров, работавших в приказе, росписи их чиновных окладов. Можно сказать, это был главный бухгалтер, или казначей, царицы. Он выдавал парадную одежду для царицы, царевен и царевичей под расписку или отмечал в книге выдачи и принимал выданное обратно тоже под расписку или запись. Боярыня-казначей и дьяк отвечали за все: за поступление новой одежды, за сохранность всей одежды, особенно праздничной, за поступление золотого, серебряного, жемчужного приклада, за драгоценные камни, за поступление из хамовных сел белой казны, за пошив из нее скатертей, салфеток и постельного белья и прочая, и прочая. Дьяк отвечал еще и за выдачу жалованья мастерам.

Жалованье дьяка равнялось жалованью боярынь-мам, которое для старшей мамы исчислялось 25 рублями в год, но могло доходить и до годовых 100 рублей.

В царствование Феодора Алексиевича в царицыной мастерской палате служили два дьяка, и у них в подчинении были сначала два подьячих, но с течением времени число подьячих достигло пяти. Старшие из них получали жалованье, равное среднему жалованью верховой боярыни, то есть 25 рублей в год. Канцелярия дьяков царицыной мастерской палаты ведала и мужским мастерским чином, то есть теми мастеровыми людьми, которые изготовляли царскую одежду, обувь, головные уборы, постельные принадлежности и прочее для царицына дворowego обихода. Это были портные, главными среди которых были закройщики. Были и другие мастера: чеботники (сапожники), шалочник, шляпочник, каптурник (мастер по металлу), кружевник, белильник, игольник.

Мастера-мужчины обслуживали также светлицу, где работали рукодельницы. Это были знаменщики — художники, которые рисовали всякие узоры, картины и даже иконы для вышивания, и светличный писец, который составлял рисунки надписей тоже для вышивания. Служил при светлице также светличный столляр, или плотник, который для нужд мастериц изготовлял пяльцы и другие приспособления для вышивания и плетения.

Мастера получали жалованье неодинаково. Портным и закройщикам платили по 10 рублей годовых и по 5 денег в день кормовых. Остальные мастера получали по 7 рублей в год и по 3 деньги кормовых. Светличные знаменщик и писец имели жалованье по

15 рублей в год и кормовых по 6 денег. А светличный столляр (плотник) получал в год 2 рубля жалованья и 6 денег в день кормовых.

Царицына мастерская палата и светлица представляли собой производства, которые не только обслуживали обиход царицына двора, но и приносили доход, пополнявший царицыну казну.

Постоянную связь царицыных палат с государевыми палатами осуществляли царицыны стольники. По свидетельству Котошихина, у царицы служили около 20 стольников, и в этот царь чин принимали детей бояр, окольных или ближних людей. Забелин не согласен с тем, что мальчики были из знатных фамилий. По его мнению, сами фамилии царицыных стольников говорят о том, что это «были вообще дворяне рядовые, нисколько не знатные и вступавшие во дворец лишь по дворцовымъ же связямъ, особенно по свойству и родству съ царицею или с приближенными къ ней людьми». Но что такое «знатные»? Став родственником или свойственником царицы, человек становился знатным, ему полагались «честь и место». И если мы внимательно посмотрим на приведенный Забелиным список стольников у царицы Евдокии Лукьяновны «Стрешневых», то увидим, что из 10 мальчиков пятеро носят фамилию Стрешневых, а далее находим Годунова, Бутурлина, князя Ромодановского — в то время знаменитые фамилии. Остаются только два стольника — Волков и Безобразов, действительно, по-видимому, рекомендованные верховыми боярынями или их родственниками из чинов государева двора.

В списке стольников царицы Марьи Ильиничны «Милославских» значится 48 человек. Но если они были разделены на две группы и дежурили при дворе попеременно, как это было принято в то время, то в каждой группе и было около 20 человек. Здесь действительно многие стольники имели фамилии, говорящие, что они являются ставленниками верховых боярынь, боярынь-мам, казначей, кравчих и светличных. Но имеются и знатные фамилии. Не говоря о Милославском, можно отметить двух Ртищевых, Колычова, Долгорукова, Собакиных — фамилии, известные при царском дворе еще с XVI в. Встречаются стольники из известных при дворе Алексея Михайловича фамилий. Например, сын (или внук) главы одного из приказов — Траханиотова, который вместе с Милославским, отцом царицы, и Морозовым, воспитателем царя, при государевом дворе вошел в силу и стал знаменитым. Его фамилию тоже можно считать для того времени знатной. Правда, потом царь вынужден был казнить Траханиотова за его мошенничество и утеснение народа.

Обычно для обслуживания терема брали мальчиков примерно 10-летнего возраста, а когда им исполнялось 15 или 16 лет, их переводили к царю в стольники или в спальники. Забелин, вслед за Котошихиным, пишет, что они стольничали за столом царицы, когда у нее обедал царь и 2—3 человека из бояр или ближних людей. Это были редкие случаи, потому что в основном стольник, принося еду или какое-нибудь сообщение от царя к царице, не смел входить в палаты, а «обносился», как тогда говорили, то есть передавал все через верховую боярыню. Мальчики-стольники были подобием пажей, но на русской почве: им не полагалось лицезреть царицу, а тем более царевен.

В обязанности стольника входило выполнение всех поручений царя и царицы, осуществление связи между ними. Ведь тогда не было телефона, потому каждое утро стольник прибегал к дверям царицыных палат и передавал через боярыню, что царь спрашивает о здоровье царицы и детей, а царица, тоже через боярыню, отвечала, что все — слава Богу! — здоровы. И так в течение дня, если царь не смог прийти к царице, стольники бегали от царской половины дворца — к царицыной половине. Так же и царица посылала приветы царю через стольников.

Когда при государевом дворе появилось несколько цариц, каждая царица имела свой дворцовый чин, в который входили и стольники. Естественно, количество стольников значительно возросло. А когда Петр I стал приискивать молодых людей для отправки их на учение за границу, дети знатных фамилий потянулись в царицыны стольники, только чтобы остаться дома и никуда не ехать. В 1688 г. при Измайловском дворе царицы Прасковьи Феодоровны, супруги царя Иоанна Алексиевича, стольников числилось 263 человека. Когда Петр затребовал в Москву, в Разряд, для смотра всех этих стольников, к нему явилось только 62 человека, остальные разбежались и спрятались по деревням. При дворе супруги царя Петра, царицы Евдокии Феодоровны Лопухиной, находилось 76 стольников, все они были присланы в Разряд на смотр, но были признаны малолетними и оставлены для службы в царицыном дворцовом чину.

Царицыны стольники не получали чиновного жалованья, их вознаграждали платьем, которое выдавалось или готовым, или куском ткани с прикладом и деньгами на пошив, что составляло примерно 17 рублей с небольшим.

К походному чину Забелин отнес царицыных детей боярских. При государевом дворе были отряды охранников-телохранителей, которых называли «детьми боярскими», хотя там служили и сыны окольных, и московские дворяне. Они охраняли не толь-

ко царя, но и царицу. Для охраны царицы были наряжены специальные отряды детей боярских, человек 100 или более. При дворе царицы дети боярские служили обычно поочередно, по три месяца в году, а затем менялись. Когда одни несли службу при царице, другие в это время жили в своих поместьях.

Г. Котошихин их службу определил так: «и тѣхъ дѣтей боярскихъ служба такова: посылають боярыни во всякіе посылки, и Ъздать съ царицею въ походъ, и спать у царицы въ Верху, для сторожи и обереганія въ низкихъ мѣстѣхъ, посуточно, по перемѣнамъ».

В царицыных поездках дети боярские сопровождали не одну царицу, а весь ее двор, который выезжал с нею вместе: все верховые боярыни, и мамы, и казначеи, и кравчие, и постельницы, и сенные боярышни, и учительницы-мастерицы, и даже мовницы — всех более 300 человек. Этот поезд Котошихин описывает так: «А когда царицѣ лучится куды Ъхать, и въ то время съ нею въ корѣтахъ, или въ колымагахъ и въ каптанахъ и съ царевичами меньшими и съ царевнами, сидятъ боярыни... а мастерицы, и постельницы, и мовницы Ъздать верхами на иноходцахъ...» Дети боярские обязаны были охранять всех этих людей и днем, в пути, и ночью, на станах.

Кроме чиновного годового жалованья дети боярские получали и поместный оклад (земельный надел). Годовое денежное содержание старших детей боярских равнялось 14 или 15 рублям, а поместный оклад составлял от 400 до 500 четвертей или от 200 до 250 десятин земли. Средний оклад был 10—13 рублей и 300—350 четвертей поместного оклада. Младшим полагалось получать 7—9 рублей годовых и поместья 150—250 четвертей.

Повышение оклада, как денежного, так и поместного, зависело в основном от срока службы, но и от разного рода заслуг.

В царицыном дворежном чину состоял также **истопничий**, должность весьма ответственная, особенно зимой. Само наименование чина свидетельствует, что истопничий отвечал за отопление царицыных палат и хором, но в его обязанности также входило наблюдение за чистотой полов и их подметание. В его подчинении находились **мовные** и **сенные истопники** и **сторожа**, которые обязаны были, как замечает Котошихин, «и у дверей для отворянія стоять, человекъ со сто, люди честные и пожалованные помѣстьями и вотчинами; и жить на Москвѣ по полугоду, человекъ по 50». Следовательно, при царицыных палатах истопничий чин служил как бы в две смены; 50 человек работали, а 50 истопников отдыхали в своих поместьях или вотчинах, а через полгода они менялись, но жалованье получали за год.

Истопничему была подчинена **Истопничья палата**, куда приходили все подчиненные ему истопники и сторожа для получения наряда на работу. Там хранились разные рабочие материалы и всякого рода вещи, необходимые для выполнения обязанностей. За эту истопничью казну отвечал главный истопничий. Он получал жалованья 30 рублей в год.

Мовные истопники топили и готовили мыльни у царицы и царежен. Они получали по 9 рублей в год. **Мовные сторожа** следили за чистотой этих мылен и охраняли их. Они получали жалованья по 5 рублей в год.

Количество истопников год от года менялось. В 1682 г., когда к власти пришла царица Софья, мовных истопников было два, а мовных сторожей четыре.

Сенные истопники топили палаты и хоромы царицына дворца и следили за их чистотой, мели полы у дверей и печей. Они также работали во дворце по полгода, сменяя своих сотоварищей, и также по полгода жили в своих поместьях. Они получали жалованья по 7 рублей в год.

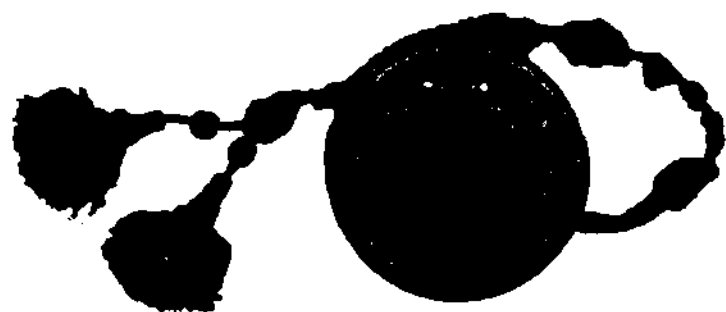
Сенные сторожа оберегали покой царицына терема во дворах, на крыльцах, в сенях и на лестницах. Жалованье их было 3 рубля в год. Для работы их распределяли по разным местам, крыльцам и палатам. Есть сведения, что в 1646 г., когда главной в царицыном тереме была царица Ирина, царицыну мастерскую палату сторожили четыре человека, в Светлице было три сторожа, в портомоине — четыре.

Крестовый чин представляли **крестовые дьяки**, один из которых назывался **уставщиком**. Крестовыми их называли, потому что они служили у крестов во время обычных повседневных молений царской семьи. Они читали Библию, Евангелие и псалтирь, пели тропари и кондаки. Уставщиком называли того, кто был знатоком церковного устава и управлял порядком чтения и пения. Одновременно он был и регентом. Уставщиков в царицыном тереме было не более двух, а крестовых дьяков могло быть более 20. Так, при дворе царицы Натальи Кирилловны было два уставщика и 26 человек крестовых дьяков.

Уставщик получал 25 рублей в год и кормовые деньги по 6 рублей. Крестовые дьяки 1-й статьи — по 25 и 20 рублей в год и кормовых по 4 рубля. Они получали также так называемые *славленные, или праздничные, деньги* по 2 рубля, затем *причастные*, то есть за причастие царской семьи в посты Великий и Успенский уставщик получал по 6 рублей, остальные — по 3 рубля и, кроме того, за сукна на рясы по 5 рублей каждый.

Мужские царицыны чины жили в царицыной слободе, называемой Кисловкой, рядом с Кремлем. В этой части Москвы Кисловка оставила свой след в названиях переулков Большой Кисловский, Средний Кисловский и Малый Кисловский, которые соединяются с Большой Никитской улицей и Воздвиженкой.

Воинские звания

ВОЕВОДА, -ы, м.; др.-рус.

(от «вой»-воин и «водить-вести»)

Прил. «воеводин», -а, -о,

а также «воеводский», -ого, -ой

В Древнерусском, Московском, Русском централизованном государствах и в России царей Романовых до петровского времени, то есть примерно с X до начала XVIII в., — это предводитель войска, военачальник, главнокомандующий, так называемый полковой, или ратный, воевода. В XVI столетии, в царствование Иоанна Грозного, была учреждена новая должность воеводы — управителя городом и его округой и защитника его населения, получившая наименование **городовой воевода**.

Полковые воеводы появились в Древней Руси, по мнению многих историков, примерно, в X столетии. Но вполне возможно, что они существовали значительно раньше, в дохристианский период. В тяжелые времена защиты своей земли или далекого похода в чужие земли князь, а в более поздние времена — великий князь и даже удельные князья, имевшие дружины, поручали князьям и боярам вести за собой «воев», ополчение из местных жителей. Встав во главе воев, князь, боярин или боярский сын становился их водителем, вождем — **воеводой**.

В Древней Руси, как известно, своей дружиной командовал сам князь, а его помощниками были бояре (бояре). Использование ополчения, состоявшего из воев, бывало нечасто. Но уже начиная с X—XII вв., когда Северо-Западную Русь стали завоевывать крестоносцы, а затем меченосцы, целью которых было подчинить себе так называемых поморских славян и их земли, князья не могли противостоять этим силам только одной своей дружиной, а потому стали постоянно привлекать к борьбе и местное ополчение (воев). Угрозой на северо-западе с первой половины XII в. стали орден меченосцев, преобразованный затем в Ливонский орден, и соединившийся с ним Тевтонский орден, вместе имевшие тесные связи с датскими феодалами и со шведами. Летом 1240 г. в устье Невы вошли шведские суда, которыми командовал Биргер. Новгородский князь Александр Ярославич со своей дружиной

бросился на защиту своей земли и разбил противника. Но это были небольшие шведские силы, так как поход шведов носил, возможно, лишь разведывательный характер. Князь Александр защищал новгородскую землю не только с одной дружиной, ему помогли отряды местного населения, так что в этой битве он выступил как воевода. В том же году рыцари-крестоносцы захватили псковскую крепость Изборск, а затем с согласия псковских бояр в самом Пскове немецкие «тиуны» (судьи) стали судить местное население. В следующем году крестоносцы снова вторглись в новгородские пределы, где княжил Александр Ярославич. Двадцатилетний князь, укрепивший свой авторитет победой над шведами в устье Невы, захватил крепость Копорье, а зимой 1242 г. стремительным броском изгнал крестоносцев из Пскова. Александр соединился с владими́ро-суздальской дружиной, подключил новгородское ополчение, установив внутреннюю систему деления войска, поставив во главе тысячи воеводу-тысяцкого, сотни — сотского голову, десятка — голову десятского, а сам, став главным воеводой над всем войском, двинулся к Чудскому озеру, на льду которого 5 апреля 1242 г. и произошло знаменитое Ледовое побоище, которое закончилось полным поражением рыцарей-крестоносцев. Князь Александр Ярославич, за эту победу получивший наименование Невский, применил в сражении новую военную тактику, выстроив своих воинов в непобедимое каре. В 1236 г. на русские земли Рязанского княжества напали татаро-монгольские рати Батыя. Монгольские войска издавна имели четкую военную организацию, которую укрепил Чингизхан. Все войско делилось на десятки, десятки объединялись в сотни, сотни — в тысячи, десять тысяч составляли один тумен, который русские окрестили «тьмой». Разобщенные междоусобицами, русские удельные князья и бояре с небольшими дружинами не смогли противостоять нашествию, и Русь оказалась под ордынским игом. Стало еще более ясно, что для отражения татарского нашествия необходимо выступать не в одиночку с дружиной, а собирать объединенные войска и четко их организовывать под началом воевод и голов. В августе 1380 г. темник Мамай — начальник над тьмой (тумен — 10-тысячное войско) — двинулся на Русь. Ему навстречу под водительством главного воеводы — великого князя владимирского и московского Дмитрия Ивановича, получившего впоследствии почетное и памятное наименование Донской, двинулись объединенные русские рати численностью до 100 тысяч воинов, организованные в тысячи (полки), сотни, десятки, предводительствуемые также тысяцкими и головами, сотниками и десятниками. Они встретились с Мамаевым войском за Доном, при впадении в него реки Непрядвы, на Куликовом поле.

Русское войско было поделено на полки, каждым полком командовал полковой воевода, назначенный из князей. Сеча произошла 8 сентября 1380 г. Войско Мамай было разбито. Это была первая крупная победа русских, выступивших против татарского ига.

Тактика проведения сражения, расстановки полков на поле боя выработала систему рангов и назначения полковых воевод. Появились различные звания воевод:

— **главный воевода**, главнокомандующий, начальник над всем войском;

— **полковой воевода передового полка**, занимавший со своим полком центральное положение на поле боя. Обычно передовым полком становилось ополчение;

— **воевода передового полка конной рати**;

— **воевода правой руки**, размещавший свой полк справа от передового полка. Обычно это была дружина, которую берегли, а потому прятали в укрытии до решающего момента боя;

— **воевода левой руки**, полк которого должен был находиться слева от передового полка, тоже в укрытии;

— **засадный воевода** стоял со своим полком в засаде и включался в бой в нужный момент. Иногда засадный полк использовался как разведывательный. В более позднее время в пограничных областях стали строить небольшие укрепления, в которых располагался полк, которым руководил засадный воевода.

Воеводы имели заместителей, и тогда именовались так: **первый воевода передового полка**, а его заместитель — **второй воевода передового полка** и так далее.

В походе это могли быть **первый воевода большого полка**, **второй воевода большого полка**. В походе Иоанна III на Казань в 1485 г. в его войске был и **четвертый воевода**, должность которого исполнял боярин Иван Васильевич Теляш из рода князей Ромодановских.

При осаде какого-нибудь города назначался **осадный воевода**. Для охраны пограничных областей служил **первый воевода сторожевого полка**, заместителем которого был **второй воевода сторожевого полка**. Воевода, охранявший, например, Москву и потому совершавший объезды ее территории, именовался **первым объездным воеводой**, вместе с которым служил и **второй объездный воевода**. Помощник воеводы носил также звание **товарища**. Например, **товарищ полкового воеводы**.

Представители почти всех известных княжеских фамилий служили воеводами, защищая русское государство от нашествия врагов и предпринимая походы в соседние земли.

Из князей Одоевских Иван Семенович Сухорук в 1502 г., в великое княжение Иоанна III Васильевича, участвовал в отраже-

нии атаки Ливонского ордена на Псков, где он был вторым воеводой передового полка. В 1508 г., в княжение Василия III Иоанновича, во время войны с Литвой, он имел звание воеводы большого полка, направленного на помощь князю Михаилу Глинскому. В 1527 г. князь Иван Семенович Одоевский (Сухорук) участвовал в походе против Крыма как воевода передового полка.

Его брат, Василий Семенович по прозвищу Швих (ум. 1534) в битве с Ливонским орденом в 1502 г. стоял во главе полка как первый воевода правой руки. В 1513 г. в походе на Смоленск он был воеводой большого полка. По-видимому, Василий Семенович был талантливым полководцем, о чем, во-первых, говорят его высокие звания воеводы, а во-вторых, ратные дела: в 1507 г. он разбил отряды крымских татар, сделавших набег на г.Одоев, в 1528 г. на р. Угре отразил нападение царевича Ислама.

По велению великих князей, а с середины XVI в. — царей, полковыми воеводами назначались представители князей как из родов Рюриковичей, так и из родов Гедиминовичей. Правительница Софья дважды назначала главным воеводой для походов в Крым своего фаворита, князя Василия Васильевича Голицына. При Петре I отличился воевода Шеин, которому молодой Петр, придя в восторг от его подвига, присвоил звание генералиссимуса, когда это звание официально еще не было утверждено, а только ко значилось в первом варианте Военного устава.

Должность полкового воеводы существовала до начала XVIII столетия. С созданием регулярной армии Петром I и с учреждением им Табели о рангах в 1722 г. наименования командиров в армии стали иными, и звание полкового воеводы так же, как и полкового или стрелецкого головы, было упразднено.

Как уже упоминалось выше, звание и должность городского воеводы появилось в середине XVI столетия, в правление царя Иоанна IV Васильевича Грозного. Городовой воевода назначался царем для административно-хозяйственного управления городом и его уездом, но в то же время, так как он имел и военные силы, мог и противостоять нападению внешнего врага, и подавить смуту. Социальное положение городского воеводы, управителя городом и его округи, было, по-видимому, выше, чем положение полкового воеводы. Оно давало ему неплохое кормление и потому было гораздо выгоднее, чем предводительство войском, полное опасностей, особенно в военное время.

Звание и должность городского воеводы не давались просто. Сначала молодые люди служили своему государю при дворе в качестве нижних чинов — стольников, стряпчих, чашников, постельников и проч., но некоторые из них бывали посылаемы и в походы. После получения ими военного опыта их назначали вто-

рым, а то и третьим полковым воеводой под начало главного или первого воеводы. А уже после службы в походах или на сторожевых постах можно было получить государево назначение городовым воеводой сначала в какой-нибудь маленький городок, а уж потом в большой город. Разумеется, такая схема выдерживалась не всегда, потому что все зависело от воли государя и от «господина случая», повлиявшего на государево волеизъявление.

Назначенный царем городской воевода был представителем высшей власти на вверенной ему территории. В его обязанности входило все: и защита вверенной ему территории от нашествия врагов, и охрана границ, и предотвращение смуты, и обеспечение безопасности граждан в городе и уезде, то есть ограждение их от разбоя и воровства. Воевода во вверенном ему городе и его уезде отвечал за все отрасли хозяйства так же, как царь во всем государстве.

Во многих исторических изданиях говорится, что городской воевода был практически бесконтрольным и потому он имел власть безграничную. Но есть среди историков и другое мнение, высказанное, например, Л. Тихомировым, который считал, что если власть царя была самодержавной и безусловной, то власть городского воеводы таковой не была, потому что она была ограничена, с одной стороны, властью царя и его чиновников, а с другой стороны, властью представителей общественного самоуправления во вверенной ему местности. Конечно, при условии дальности вверенного пространства от центра (например, воеводство в Сибири, Астрахани, в Терских областях), да еще при слабости представителей местной власти или сговоре с ними, городской воевода мог присвоить всю полноту власти на месте и позволить себе вершить единолично суд, расправу и грабеж жителей, накладывая на них непомерные налоги и вымогая взятки. Если такое случалось в XVI—XVII вв., то продолжаться могло недолго, потому что местные жители быстро передавали в высшую администрацию «государево дело» на такого воеводу с просьбой заменить его другим. И тогда присылалась комиссия, и в случае подтверждения истинности «государева дела», такого воеводу лишали воеводства и строго наказывали, вплоть до казни. Случаи такого воеводства были, а потому и распространилось мнение, что власть воеводы безгранична.

На самом деле власть воеводы не была безусловной. Так, например, в 1666—1667 гг. Г.К. Котошихин писал о подчиненной власти городских воевод в царствование Алексея Михайловича, что воеводы «ведаютъ всякие государственные и земские дела и указъ по нимъ чинять, которые мочно имъ чинить и вершить по наказамъ ихъ, каковы имъ даются изъ Разрядного Приказу и по Уложенной Книге, и не описываясь къ царю; а которыхъ великихъ и

спорныхъ делъ вершити будетъ за чемъ не мочно, и о такихъ делахъ о указе пишутъ къ Москвѣ къ царю, а безъ указу великихъ делъ делати и докончати не смеютъ». Такимъ было ограничение правъ воеводы со стороны царской власти и законодательства. Но и местная администрация, земская, не позволяла воеводе вступаться во все «мирские дела». Например, воевода не могъ вмешиваться въ дела земского старосты и земской избы, которые занимались распределениемъ податей среди населения, выборами окладчиковъ и целовальниковъ, заведовали городскимъ хозяйствомъ, разверсткой (распределениемъ) земли, ведали все нужды посадскихъ и уездныхъ людей. Земский староста избирался городскимъ и уезднымъ населениемъ. Въ помощь ему избирались такъ называемы **выборные**, то есть представители отъ уездныхъ крестьянъ. Это были его советники, которые составляли такъ называемую **земскую избу**. Воевода не могъ отклонять решения земской избы, не могъ выступать противъ избраннаго окладчика или целовальника, не могъ предлагать для избрания своего человека. Земская изба докладывала воеводе только о самыхъ важныхъ делахъ и въ спорныхъ случаяхъ писала въ Москву.

Не менее важнымъ лицомъ въ городе и его округѣ былъ **губной староста**, который ведалъ уголовные дела. Это было выборное лицо, которое избиралось, по мнѣнию Л. Тихомирова, дворянами и боярскими детьми. Съ другой точки зрѣнія (Платоновъ, Ключевскій, Беляевъ), въ выборахъ губнаго старосты участвовало все население, в томъ числѣ и крестьяне. Такимъ образомъ, «судъ и расправу» творилъ не одинъ воевода, а и губной староста, съ которымъ надо было считаться. А главное, казнить кого-либо даже за самыя тяжелыя и дерзкія преступленія безъ государева указа воевода не имѣлъ права. Только в дальнихъ областяхъ, такихъ какъ сибирскія, астраханскія и терскія, съ которыми не было быстрой письменной связи съ царемъ, воевода, по свидѣтельству Котошихина, могъ казнить за тяжкія преступленія, но не всехъ, а «русскихъ среднихъ людей, и Татаръ и Чувашу и Черемису и безъ царскаго указа», то есть предварительно не испросивъ у царя на то разрѣшенія ввиду невозможности быстрой переписки. А вотъ «дворянъ, и мурзъ, и князей, и нарочитыхъ знатныхъ людей, — пишетъ далѣе Котошихинъ, — безъ указу царскаго казнити не велено; а кого они казнятъ, и имъ воеводамъ для объявленія велено писать къ Москвѣ, кто за что казненъ и какою смертію».

Въ царствованіе Алексія Михайловича воеводы (бояре и окольничіе) посылались, по свидѣтельству Котошихина, в города Великаго Новгорода, царствъ Казанскаго, Астраханскаго, Сибирскаго, государства Псковскаго, княжествъ Смоленское и Полоцкое, то есть в окраинныя области русскаго государства. В большіе города этихъ царствъ и княжествъ воеводами посылались бояре, а в малые города — окольничіе. У воеводъ-бояръ были товарищи (помощники) —

окольничие, стольники и дьяки, а у воевод-окольничих в маленьких городах — стольники и дьяки, а иногда даже вместо дьяков только подьячие. Воевода малого, уездного города, как второй или даже третий воевода, подчинялся воеводе большого города, первому воеводе, согласовывал с ним свои действия, а решение особо важных дел передавал в его ведение. В Москву имел право писать только главный, или первый, воевода. И получал грамоты и указы из Москвы прежде всего главный воевода. Эти грамоты и указы составлялись по установленному порядку, например, таким образом: «От Царя и Великого Князя Алексия Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белаы России самодержца, боярину нашему и воеводам князю Якову Куденетовичу Черкасскому» или «князю Ивану Алексеевичу Воротынскому с товарищи», а потом дело.

По-иному складывалось сообщение Москвы с отдаленными областями, например с Сибирью, куда долгое время не отправлялись воеводы в боярском чине, а только окольничие. В документе «Записки, к сибирской истории служащие», опубликованном Н.И. Новиковым в «Вивлиофике», говорится: «Первые воеводы присланы въ Сибирь от Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа России, въ старую Кучумскую Сибирь, къ Ермаку Тимофееву съ товарищи, съ Государевымъ многимъ жалованьемъ, и съ ратными людьми, на Воеводство, въ 1583 году, князь Семень Болховской, да Иванъ Глуховъ, со многими ратными людьми; и съ ними прислано было Атаману Ермаку съ товарищи, Государское многое жалованье, и милостивое слово за ихъ къ нему Государю многую радетьельную службу, и за пролитие крови ихъ».

В том же году, зимой, князь Семен Болховской и многие пришедшие с ним ратные люди умерли от голода и болезней.

Вторым по счету воеводой был отправлен в Сибирь в 1584 г. Иван Мансуров, тоже не имевший боярского чина. На этом посту он продержался до 1586 г. И только 14-й городской воевода в Тобольске — князь Иван Семенович Куракин и его товарищ (заместитель) князь Григорий Иванович Гагарин, присланные в Сибирь в царствование Михаила Феодоровича Романова (1613—1645), имели боярские чины. Но это было время, когда уже отстроено было много сибирских городов и острогов, и воеводство в этих краях стало завидным.

В XVII в. должность городского воеводы была введена во всех городах Русского государства, и количество городских воевод настолько возросло, что контролировать их стало практически невозможно, что, естественно, открывало большие возможности для всякого рода нарушений. Вот и пришло время, когда в руках городского воеводы сосредоточилась вся полнота власти на вверенной ему территории.

В 1719 г., до введения Табели о рангах, Петр I учредил должность провинциального (уездного) воеводы, который выполнял такие же обязанности, что и городской воевода. Таким образом, количество воевод в России непомерно увеличилось, настолько же увеличив и бесконтрольность воевод. Городовые и провинциальные воеводы, понимая бесконтрольность, а следовательно, и безнаказанность своих действий, не только не заботились о безопасности народа и его благоденствии, о прибыли государственной казны, но заодно со сборщиками налогов «забыв крестное целование, корыстовались и в таможенном сборе и в питейной продаже, притесняли и грабили торговых людей и ясачных иноземцев, а служилых людей разоряли, не выдавая им положенного жалования, и безвинно наказывали».

В 1775 г., проводя административные реформы, Екатерина II, «чтоб зло пресечь», упразднила должности городских и провинциальных воевод. На смену им пришли сначала «городничие», великолепно обрисованные Н.В. Гоголем в поэме «Мертвые души», и особенно в «Ревизоре», а затем «градоначальники», а в крупных городах — «губернаторы» и «генерал-губернаторы». Однако и этими мерами искоренить «зло» не удалось.

— Я очень завидую товарищам, которые идут с нашим воеводою на подмогу к Троице. — Кто же здесь останется воеводой ?

— Кому быть, кроме старшего князя Ситского...

А.А. Марлинский. «Изменник»

Через неделю после свадьбы, на самый Покров, Соколову сказано: быть воеводой в сибирском городе Колывани.

П.И. Мельников-Печерский. «Настенька Боровкова»

— дай-то бог, чтобы князь Михаила оставили у нас засадным воеводою!

А.А. Марлинский. «Изменник»

Царь Аарон был ласков до народа,
Да при нем был лютый воевода.

Н.А. Некрасов. «Сказка о добром царе, злом воеводе и бедном крестьянине»

ГОЛОВА, -ы, м.; др.-рус. («главный»)

В Русском государстве в XVI, XVII и до начала XVIII в., то есть вплоть до времени петровских преобразований, это было звание и должность военного или административно-финансового начальника, причем ввиду многочисленности начальственных должностей,

это наименование употреблялось только в словосочетании, определявшем, в какой области деятельности находился этот начальник.

В продолжение этих двух веков сложилась система военных званий и должностей головы, к которой относились:

- войсковой голова — предводитель войска;
- полковой голова — начальник полка (со второй половины XVII в. получил название «полковник»);
- сотенный голова — начальник сотни в дворянском ополчении, куда входили иногда и жильцы;
- стрелецкий голова — начальник Стрелецкого приказа (полка), которого со второй половины XVII в. также стали называть полковником;
- пушкарский голова — начальник артиллерии;
- осадный голова — начальник специального отряда, который подготавливал город к длительной осаде со стороны противника;
- казачий голова — начальник в казачьих войсках (со второй половины XVII в. также стал именоваться полковником);
- засечный голова — начальник, ведавший защитными сооружениями и преградами;
- станичный голова — начальник пограничного отряда, расположенного в станице;
- стоялый голова на поле — начальник сторожевой службы на окраинах государства, на форпостах в степи.

На военные должности головы назначались в основном князья, дворяне и дети боярские.

Так, в 1575—1576 гг., в годы царствования Иоанна IV Васильевича Грозного, полковым головой был князь Дмитрий Данилович Друцкой. Он служил под началом воеводы Бориса Васильевича Шеина, а затем — воеводы князя Григория Андреевича Куракина в походе под Колывань, где он был назначен сторожевым головой. В 1585 г. в Торопце князь Д.Д. Друцкой служил осадным головой. Позже он стал воеводой.

Князь Михаил Васильевич Волконский (Жмурка) в царствование Феодора Иоанновича в 1591 г. в Новосиле был войсковым головой, потом стал вторым воеводой и в последующие годы исполнял службу воеводы в Пронске (1592), в Туле (1593), в Астрахани (1600) и Ливнах (1603—1604).

Князь Петр Иванович Барятинский, в период правления Иоанна IV Грозного, в 1571 г. был сотенным головой царского полка. Через три года он был назначен вторым воеводой в Смоленске. В 1575 г. он стал наместником пронским и был вторым лицом в посольстве, направленном на реку Сестру для встречи и переговоров о перемирии со шведскими посланниками. В 1576 г. князь Барятинский служил воеводой в Туле. В 1580 г. при защите

Псковской области от нашествия войск Стефана Батория князь Барятинский был войсковым головой. В следующем, 1581 г., он получил назначение первым воеводой в Холме. При падении города был взят в плен, но вскоре выкуплен. В 1587 г. при дворе царя Феодора Иоанновича князь Барятинский служил стольником. Через три года Барятинский — второй воевода передового полка. В походе под Новгород он местничал по вопросу о старшинстве с князем Ф.В. Долгоруковым, за что был посажен в тюрьму на три дня. В 1598 г. князь П.И. Барятинский поставил свою подпись на грамоте об избрании на царство Бориса Годунова.

Роман Семенович Мосальский в 1544 г. был первым стоялым головой сторожевого полка. Его брат Петр Семенович в 1549 г. служил вторым полковым головой полков левой руки.

Дворяне Голенищевы-Кутузовы Федор Большой и Федор Меньшой нераздельно служили в качестве сотенного головы новгородских дворян при встрече крымского посла в 1638 г., в царствование Алексея Михайловича.

Звание «голова» носили и лица, исполнявшие административно-финансовые обязанности в различных сферах государственной деятельности. Это были:

- письменный голова — руководитель, ведавший канцелярскими делами товарища (заместителя, помощника) воеводы в Астрахани и в городах Сибири;

- соляной голова — начальник, отвечавший за государственную добычу соли на озерах Эльтон и Баскунчак;

- объезжий голова — начальник карательных отрядов (полицейских) в Москве и других крупных городах Русского государства;

- таможенный голова — начальник таможни, отвечавший за сбор пошлины с привозимых товаров;

- кабацкий голова — руководитель ведомства, собиравшего пошлины с кабаков, аустерий, шинков, корчем;

- сельский голова — начальник, отвечавший за сбор пошлин и за исполнение сельских повинностей: ремонт дорог и мостов вокруг села, копанье рвов и проч.

В повести Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» («Майская ночь, или Утопленница») изображен сельский голова в казачьей станице: «О, этот голова важное лицо на селе. (...) Все село, завидевши его, берется за шапки; а девушки, самые молоденькие, отдают *добридень*. Кто бы из парубков не захотел быть головою! Голове открыт свободный вход во все тавлинки; и дюжий мужик почтительно стоит, снявши шапку, во все продолжение, когда голова запускает свои толстые и грубые пальцы в его лубочную табакерку. В мирской сходке, или громаде, несмотря на то, что власть его ограничена несколькими голосами, голова

всегда берет верх и почти по своей воле высылает, кого ему угодно, ровнять и гладить дорогу или копать рвы».

Разумеется, сельским головой избирался наиболее активный житель села, отличившийся в каком-либо деле. Так, гоголевский голова «давно, еще очень давно, когда блаженной памяти великая царица Екатерина ездила в Крым, был выбран он в провожаемые; целые два дни находился он в этой должности и даже удостоился сидеть на козлах с царицыным кучером».

Ответственные административно-финансовые должности занимали, как правило, дворяне и боярские дети, среди них были и такие, которые стали впоследствии родоначальниками княжеских фамилий. Наиболее ответственные должности головы занимали и князья.

Звание и должность военного головы имел князь Иван Иванович Лобанов-Ростовский, по прозвищу Козий Рог (ум. 1639). В начале своей государевой службы в 1611 г. он был стряпчим с платьем, затем стал стольником. Князь И.И. Лобанов-Ростовский в 1613 г. подписался в грамоте об избрании на царство царя Михаила Феодоровича Романова.

В 1629—1631 гг. Иван Иванович служил воеводой сторожевого полка в Крапивне, затем воеводой передового полка в Дедалове (1637 г.). В следующем, 1638 г., он был назначен сотенным головой московских дворян при встрече крымского посла. В 1639 г. князь Лобанов-Ростовский нес службу письменного головы в Томске, где он и умер в том же году.

Князь Александр Иванович Лобанов-Ростовский (ум. 1677) нес службу при дворе Алексея Михайловича стольником, стоял рындой при приеме разных иностранных послов в 1647—1649 гг., затем был назначен воеводой в Великих Луках (1650—1651 гг.), затем служил есаулом в государевом полку. В Польском походе 1654—1656 гг. был полковым головой у дворян и жильцов. С 1676 г. был окольничим на дворцовой службе, но навлек на себя гнев царя Феодора Алексеевича и был казнен 26 сентября 1677 г. Предположительно, поводом для царского гнева послужило участие князя Александра Ивановича Лобанова-Ростовского в заговоре.

Екатерина II, издав Жалованную грамоту городам в 1785 г., ввела должность городского головы, отвечавшего за хозяйственный порядок, сбор пошлин с городских жителей, за наряды жителей на различные городские работы, за выполнение повинностей горожан в Москве, С.-Петербурге и других крупных городах Российской империи.

С этого времени в крупных городах городской голова выполнял обязанности на уровне местного самоуправления. От городского головы, возглавлявшего управу и являвшегося председате-

лем городской думы, за исцелю, будет ли город строиться и развиваться как в социальном, так и в культурном отношениях или будет разрушаться по всем статьям.

Городской голова, как выборная должность при Городской думе, существовал и в XIX в., и в начале XX в., вплоть до октябрьского переворота.

В Москве, например, в 1885—1893 гг. снискал известность своей плодотворной деятельностью на благо москвичей городской голова Николай Александрович Алексеев, из семьи купцов-промышленников Алексеевых, к которым принадлежал и его двоюродный брат Константин Сергеевич Алексеев (Станиславский), создатель Московского Художественного театра. Николай Александрович Алексеев был государственным мужем с практической сметкой торгового коммерческого человека, а потому его деятельность в качестве московского городского головы на ниве самоуправления отличалась четкостью, разумностью, экономичностью.

25-летний купец Н.А. Алексеев начал свою общественную карьеру, когда был избран гласным по московскому уездному земству. Его неутомимая, кипучая энергия охватила широкий круг общественной жизни: создание общества Красный Крест, Русского музыкального общества при консерватории, санитарного попечительства, организация Всероссийской художественно-промышленной выставки 1882 г. Он устраивает коронационные праздники, заседает в земской управе, участвует во многих комиссиях губернского земства. Его деятельность была общественностью Москвы замечена и оценена по достоинству.

В 1885 г. этот энергичный, умный, образованный человек, свободно говоривший на трех языках, был избран московским городским головой.

Алексеев построил свою работу с решения первоочередных социальных проблем: он реформировал сиротский суд, чем помог сотням сирот, которые не могли прежде добиться поддержки со стороны властей. Буквально в семь дней открыл на сокольнической даче Ноева временную психиатрическую больницу, о необходимости которой перед этим и в земстве, и в управе толковали несколько лет. А затем учредил постоянную психиатрическую больницу, которая была известна как Канатчикова дача.

Будучи одним из крупнейших успешных капиталистов, Николай Александрович переносил приемы коммерческого дела в дела общественные, а потому купечество и богатое мещанство доверяли ему и вкладывали средства в развитие Москвы, в градостроительство, в социальные нужды москвичей.

Алексеев умел собирать деньги на благие дела, потому что первый жертвовал крупную сумму на нужное дело, так что присут-

ствующие не могли отстать от него. На собранные средства он построил Боевский дом призрения, богадельни, здание Городской думы, известное нам как музей В.И. Ленина, разбил Александровский сад на месте, где был заболоченный пустырь со свалками, построил 10 больниц, 30 училищ, проложил в Москве первые метры асфальта, провел водопровод и начал прокладку канализации.

Как душеприказчик С.М. Третьякова, Алексеев настоял на том, чтобы Третьяковская галерея была передана в городское управление, что сделало Москву центром русского изобразительного искусства.

Приводя в порядок Москву, Алексеев развернул широкое строительство, поглощавшее ветхие дома, грязные сараи и свалки. Восемь лет он жил и, что называется, дышал одною жизнью с Москвой. Работал он совершенно бескорыстно, притом в убыток себе, отдавая городу огромные суммы. Он и благотворительность понимал не как мелочную подачку человеку, а как широкое поле деятельности по устройству нуждающихся людей, что, конечно, требовало больших вложений. Его единственным жалованьем, зарплатой была честь служить Москве и ее жителям. А потому, устраивая представительские праздники, которые он оплачивал из своего кармана, Алексеев утверждал престиж Первопрестольной в глазах иностранных гостей, а стало быть, и Европы.

Перед самыми очередными выборами городского головы Москвы, в марте 1893 г., Николай Александрович Алексеев, кандидатура которого была непрерываемо первой, был смертельно ранен выстрелом из пистолета психически больным человеком в здании Городской думы, в строительство которой Алексеев вложил столько труда. 13 марта 1893 г., несмотря на усилия самых лучших врачей, Алексеев скончался. Ему шел тогда 42-й год. Это была трагедия даже для тех, кто не любил Алексеева за его темперамент и резкость обращения, особенно с теми, кто любил больше разглагольствовать, чем что-нибудь делать.

В последующие годы, вплоть до октябрьского переворота 1917 г., уничтожившего систему управления городским хозяйством страны на основе самоуправления, каждый очередной московский городской голова, принимаясь за какое-нибудь новое дело, обнаруживал, что оно уже стояло в планах и имело теоретическую и финансовую разработку у бывшего легендарного московского головы Николая Александровича Алексева.

С 1897 по 1905 г. московским городским головой был князь Владимир Михайлович Голицын (1847—1932). Ввиду успешности его деятельности в звании городского головы, Владимир Михайлович дважды избирался на эту должность. В течение этих восьми лет Москва при содействии городского головы князя В.М. Голицына получила многомиллионные пожертвования от

семьи Бахрушиных, которые были использованы на строительство больницы в Сокольниках, школы на Смоленском бульваре и нескольких ремесленных училищ. В те же годы на пожертвование К.Т. Солдатенкова была построена больница, которая ныне известна как Боткинская. Князь Голицын, как прежде Алексеев, умел собирать пожертвования и использовать собранные деньги на строительство и ремонт школ, больниц, приютов, вдовьих домов. Москва обязана Владимиру Михайловичу устройством Рублевского водопровода. Заслугой его был и пуск первого московского трамвая кольца «А».

Владимир Михайлович, человек разносторонних знаний, ученый, естественно, всегда поддерживал культурные учреждения, а потому являлся одним из попечителей картинной Третьяковской галереи, был председательствующим в комитете по управлению Политехническим музеем, председателем Общества имени А.Н. Островского, товарищем председателя Толстовского Общества. Будучи ученым-ботаником, автором многих научных исследований и переводов научных немецких и французских трудов, а также произведений Бальзака и «Фауста» Гете, князь Голицын в 1895 г. председательствовал на созванном в Москве Всероссийском съезде деятелей по техническому и профессиональному образованию, одной из главных целей которого была разработка плана распространения этих знаний в народных массах. Этот съезд положил начало учреждению московского общества «Знание», которое и в наши дни, правда, несколько в ином качестве, но существует, располагаясь, как и прежде, в здании Политехнического музея.

Московская городская Дума по заслугам оценила деятельность городского головы князя Владимира Михайловича Голицына и присвоила ему высокое звание потомственного Почетного гражданина города Москвы.

— Ого!.. Так ты этак-то поговариваешь, Дмитрий Афанасьевич?.. Да чему и удивиться!.. Ведь ты не наш брат: ты стрелец только по имени. Отец твой Афанасий Ильич Левшин...

— Что мой отец? Он служил стрелецким головою.

М.Н. Загоскин. «Брынский лес»

Голова вдов, но у него живет в доме свояченица, которая варит обедать и ужинать, моет лавки, белит хату, прядет ему рубашки и заведывает всем домом. На селе поговаривают, будто она совсем ему не ростовенница; но мы уже видели, что у головы много недоброжелателей, которые рады распускать всякую клевету.

Н.В. Гоголь. «Вечера на хуторе близ Диканьки. Майская ночь, или Утопленница»

Среди судей сидел, задумчиво поглаживая щеку, городской голова, солидный мужчина.

А.М. Горький. «Мать»

СОТНИК, -а, м. (от «сотня»)

Прил. «сотников», -а, -о

В войске Русского государства XIV—XVII вв., а с XVI в. и в стрелецких полках, — звание воинского должностного лица, командира сотни, начальника войсковой единицы, состоявшей из ста человек ратных людей или стрельцов. С XVII в. — воинское звание командира кавалерийской сотни в казачьих войсках, находившихся на службе у русского царя.

Впервые звание и воинская должность сотского (сотенного головы) появилась в 1242 г., когда новгородский князь Александр Ярославич (Невский) в борьбе против нашествия рыцарей-крестоносцев и шведских захватчиков, соединив свою дружину с владими́ро-суздальской и присоединив к ним новгородское ополчение, собрал многотысячное войско и создал внутреннюю военную систему его организации. Он возглавил все войско как **главный воевода**, во главе каждой тысячи воинов поставил **воевод-тысяцких**, каждую тысячу разбил на сотни, во главе которых поставил **сотенных голов**, или **сотских**, а сотню разделил на десятки, командирами которых стали **десятские**.

Войско с такой четкой и строгой организацией позволило князю Александру Ярославичу применить новую тактику ведения боя («непобедимое каре») и одержать блестящую победу над рыцарями-крестоносцами в сражении, получившем в истории название Ледового побоища. Сам князь Александр Ярославич с этих пор стал именоваться князем **Александром Невским**.

Правильность организации войска, осуществленной Александром Невским, через 100 с лишним лет подтвердили и дальнейшие события — нашествие татаро-монголов на Русь, многотысячное войско которых имело точно такую же четкую военную организацию, которой не могли противостоять небольшие дружины, предводительствуемые удельными князьями, не считавшими нужным объединяться в одно организованное войско. Ценой этого нежелания было трехсотлетнее татаро-монгольское иго на Руси.

В 1380 г. великий князь московский Дмитрий Иванович собрал многотысячное войско против татаро-монголов, применив к нему военную организацию, более ста лет назад созданную Александром Невским, и на Куликовом поле одержал победу над войском темника Мамай. В этой битве погибло много русских воинов, среди них и много **войсковых**, или **полковых**, **сотников**.

Когда царь Иоанн Васильевич Грозный создавал стрелецкое войско, он применил к нему несколько иную схему военной орга-

низации, потому что оно мыслилось не как многотысячное войско, а как охранное войско царя, а также Москвы, других городов и пограничных окраин. И только в случае военных походов — как часть многотысячного войска. Поэтому московское стрелецкое войско имело главного начальника — стрелецкого воеводу, а затем сотенного голову, или стрелецкого сотника.

Поступившие на службу к русскому царю казаки в своем войске, разделенном на кавалерийские сотни, тоже учредили военную должность и звание казачьего сотника.

Разумеется, основным хозяином всех воинских подразделений был царь. По его велению полки направлялись на войну, на подавление бунта, на охрану городов и пограничных областей. Служивые люди, которые набирались в войско по их челобитным, могли подать челобитную и с какой-нибудь просьбой о месте своей службы. Особенно тогда, когда проходил набор в новое войско для охраны дальних окраин Российского государства. Есть свидетельства, что в XVII в. полковые сотники служили в сибирских городах у казаков, куда их направляли по их челобитью.

Сотники стрелецкие назначались из московских дворян и природных детей боярских. Полковыми сотниками назначали городских дворян.

В царствование Алексея Михайловича сотник занимал высокое место среди служивых людей наравне с боярами-воеводами, окольничими, ближними и приказными людьми. Особо почетными были сотники московских стрельцов. О том, как они ценились, говорит такой факт: издавна в Московском государстве ежегодно собирались деньги со всех городов на выкуп полоняников, так называемые полоняничные деньги, отправлявшиеся в Посольский приказ. На выкуп из плена сотника московских стрельцов нужно было заплатить «по сороку рублей» полоняничных, на выкуп стрельца — «25 рублей», а на выкуп человека из городского посада — «20 рублей».

За свою службу сотник получал денежный оклад и поместный оклад, то есть землю. Уложение 1649 года, созданное при непосредственном участии царя Алексея Михайловича, регламентировало обладание землей, особенно в Московском уезде. Сотник московских стрельцов мог получить от 60 до 50 четвертей земли на каждого члена его семьи.

За челобитную к царю бралась печатная пошлина (за печать), и в некоторых случаях немалая. Сотник московских стрельцов от такой пошлины освобождался. Освобождались от печатной пошлины и его стрельцы, когда подавали челобитные через своего сотника, который затем передавал их царю через своего воеводу. Однако если челобитная касалась судебных дел со сторонни-

ми людьми или о землях, то сотник должен был оплачивать печатную пошлину.

Сотник московских стрельцов и его стрельцы имели и другие льготы: они освобождались от тягла за торговые промыслы, от уплаты налогов мытного, мостового судебных пошлин и за свои долги не отдавались «головою до искупа за долги» (не становились холопами кредитора до погашения своего долга).

В своем воинском (полковом, стрелецком, казачьем) подразделении сотник, как командир, имел немного прав, но много обязанностей. Его подопечные подавали ему челобитные, которые он обязан был передавать по инстанции. О всех случившихся «винах» или даже преступлениях он обязан был доложить воеводе для решения вопроса о наказании. Особенно о наказании за побег, о чем в Уложении 1649 года было сказано четко: за первый побег бить плетью нещадно, за второй — бить плетью нещадно и заключить в тюрьму. Но сотник тоже отвечал за побег каждого своего казака или стрельца. Если из его сотни кто-нибудь сбежал, то сотник должен был заплатить за каждого из сбежавших по 20 рублей. За полковых служивых он не платил, потому что этот штраф накладывался на того землевладельца, который прислал этого человека на службу.

Царь Алексей Михайлович боролся со взяточничеством, процветавшим в его государстве. Уложение предписывало строжайшее наказание тем сотникам, которые без санкции воеводы, незаконно, за «посулы и поминки», то есть за взятки, отпускали своих ратных людей или московских стрельцов, или казаков даже в кратковременный отпуск. За такое преступление сотник подвергался тяжелому наказанию: объявив его вину «при ратныхъ многихъ людехъ», его били батогами, а затем бросали в тюрьму, «чтобы на то смотря инымъ сотеннымъ головамъ неповадно было так делати». Надо заметить, что такое жестокое наказание сотника, младшего в иерархии воинских чинов-званий, сразу определялось законом, но если это касалось бояр и воевод, то решение о наказании передавалось на усмотрение царя.

Однако Уложение (гл. VII, ст. 12) устанавливало жестокое наказание тем служивым людям, которые в своих челобитных выдвигали ложное обвинение бояр, воевод, голов и сотников в получении взяток. Эта статья давала возможность взяточнику «выйти сухим из воды», потому что обычно все происходило без свидетелей и челобитчику доказать факт получения взятки было совершенно невозможно.

Уложением запрещалось приходить, грабить и избивать воевод, как и государевых бояр, окольных, думных и ближних людей, сотников и приказных людей (служителей в приказах).

И за такое действие предписывалось «казнить смертью безо всякия пощады». Однако за ложное показание одного из перечисленных выше о якобы нападении на него, и это будет подтверждено розыском, полагалось «чинить жестокое наказание, что государь укажет».

В результате реформаторской деятельности Петра I, создания им регулярной армии с другой внутренней военной организацией пехотных войск, чин сотника не вошел в Табель о рангах и был упразднен.

Но в казачьих войсках традиционное воинское подразделение — сотня — сохранилось. А потому сохранилось и наименование командира сотни — сотник. Не изменилось оно и тогда, когда казачьи войска были введены в состав регулярной армии Российской империи и когда в 1798 г. Павел I включил казачьи воинские чины в Табель о рангах.

Чин сотника в Табеле о рангах был определен как офицерский чин XII класса. Петровские законы давали сотнику дворянское достоинство.

В подчинении у казачьего сотника были и рядовые казаки, и урядники, и хорунжие, имевшие в то время чин XIV класса. В XII классе чину сотника соответствовали: в армейской пехоте и армейской кавалерии, а также в артиллерии и инженерных войсках чин поручика, в гвардейской пехоте — чин прапорщика, в гвардейской кавалерии — чин корнета, а в гражданской службе — чин губернского секретаря.

В 1884 г., в ходе проведения реформы чинопроизводства при императоре Александре III, чин казачьего сотника был перенесен в X класс и стал соответствовать чинам поручика в армии, подпоручика и корнета в гвардии, мичмана в военно-морской службе, коллежского секретаря — в службе гражданской.

Принятым общим титулованием сотника в императорской армии было «Ваше благородие».

Через службу в чине сотника прошли многие легендарные герои-казаки. Например, генерал-адъютант Его Величества императора Александра I, граф Василий Васильевич Орлов-Денисов, герой Лейпцигского сражения; походный атаман Донских казачьих полков на Кавказе, генерал Яков Петрович Бакланов; генерал, атаман Черноморского войска на Кубани Алексей Данилович Безкровный и другие.

Казачий чин сотника оставался в X классе Табеля о рангах без изменений вплоть до 1917 года, когда были отменены все чины, звания и титулы Российской империи. С этих пор слово сотник перестало существовать как наименование воинского звания или чина, в русском языке оно стало историзмом.

А будет кто учнет искать на ком ни будь иску на пятьдесят рублей, а с суда в том иску учнет слатися на стольников, и на стряпчих, и на дворян московских, и на городских дворян, и детей боярских, и на голов стрелецких, и на гостей, и на дьяков, и на жильцов, и на дворовых людей, и на сотников стрелецких, и на подьячих по имяном на десять человек, а ответчик в том иску на тех людей слатися не учнет, или на тех людей ответчик учнет слатися, а истец слатися не учнет, и тому отводу не верити, тех людей, которые будут в ссылках, допрашивать по государеву крестному целованию и вершить дело по скаске тех людей, на кого в том будет ссылка.

Соборное уложение 1649 года, глава X, ст. 158

Навстречу от ворот монастырских вышел урядник стрелецкий и, узнав, кто приехал, побежал в калитку, вывел за собой сотника и вместе с ним вышел в калитку. (...) Сотник подошел к окну (кареты) и, сняв с лисьей опушкой суконную шапку, в пояс поклонился.

Л.Н.Толстой. (Роман о времени Петра I)

Ергушов был тот самый казак, который пьяный спал у избы. Он только что, протирая глаза, ввалился в сени. Лукашка в это время, встав, спралял ружье.

— Да скорей идите, — сказал урядник. И, не ожидая выражения согласия, урядник затворил дверь, видимо, мало надеясь на послушание казаков. — Кабы не приказано было, я бы не послал, а то, гляди, сотник набежит. И то, говорят, восемь человек абреков переправилось.

Л.Н. Толстой. «Казаки»

ТЫСЯЧКИЙ, -ого, м., суц.; др.-рус.

(от «тысяща» — тысяча)

В Древней Руси — древний сан предводителя тысячного подразделения дружины, а также предводителя войска в тысячу воев городского ополчения, которое составлялось из населения в особых случаях, для отражения нападения врагов; военачальник.

Постоянно действующей военной силой Древней и Московской Руси была княжеская дружина. Дружина великого князя набиралась из особо отличившихся витязей. В случае нападения врага на Русь или на великокняжескую волость ему на помощь собирались подручные князя со своими дружинами, и тогда тысячные подразделения возглавлялись тысячными. Но этого войска бывало недостаточно. Поэтому великий князь набирал ополчение, земское войско из числа жителей своих городов и из уделов подручных ему князей. Ополченцы носили наименование **воев**. Земское войско было значительной силой, помогавшей одержать победу над врагом. Так, например, Александр Невский в 1240 г., отражая нападение шведов, призвал на помощь новгородское ополчение, чем и достиг победы. Так же он поступил и в Ледовом побоище против немецких рыцарей в 1242 г., одержав тогда блестящую победу.

Ополчение, земские полки, подразделялось на десятки воев (командир десятский, или десятник), сотни (сотский, или сотник) и тысячи (тысяцкий, или тысячный). Ополчение было в основном пешим, вооружение и доспехи у ополченцев были более слабыми, чем у дружинников, хотя многие горожане, участвовавшие в ополчении, приобретали себе и доспехи (кольчуги, шлемы, щиты), и оружие (мечи, копья, луки со стрелами, ножи, сабли). Великие князья обычно помогали воям вооружиться. Были и наемные войска: печенеги (конница), варяги (пехота) и другие. Общее войско, как правило, возглавлял великий князь или князь, на вотчину которого было совершено нападение. Князь, главный предводитель многотысячного войска, назначал тысяцких обычно из числа своих бояр или представителей знатных фамилий.

В некоторых городах, например в Новгороде, Пскове и других, существовало вечевое управление, на основе которого все властные должности избирались на вече — народном собрании. Наряду с избранием посадников, волостелей и других на важные должности, избирался и тысяцкий, обычно сроком на один год. При этом тысяцкий считался помощником посадника.

Тысяцкий, находящийся на должности, назывался так же, как и находящийся на должности посадник, **степенным**. Когда срок его избрания заканчивался и вече избирало другого тысяцкого, он оставался при своем звании тысяцкого, но с добавлением **старый тысяцкий**, тоже в соответствии с наименованием посадника, оставившего должность.

В городах, где все решало вече, а роль князя и его наместника не была главной, демократия была кажущейся: хоть должность тысяцкого и была выборной, но избирали тысяцкого из числа бояр или знатных горожан. Считалось, что посадник, тоже избравшийся из боярских фамилий, был выразителем интересов высшей аристократии, а тысяцкий, в противовес ему, хоть тоже был боярином, главной своей обязанностью имел заботу о низших слоях населения, являясь представителем «черных людей». Естественно, тысяцкий был на вече весьма влиятельным лицом, потому что имел поддержку со стороны городских низов. Он вместе с посадником был основным организатором вече, открывал вече, вел его, устанавливал на вече порядок для выступающих.

Основной обязанностью степенного тысяцкого было предводительство городским ополчением совместно с посадником и князем. В целях безопасности города тысяцкий должен был наблюдать за состоянием городского укрепления и в случае необходимости, особенно после набегов не только внешних врагов, но и русских князей во время междоусобиц и просто грабежа с

целью пополнить свою казну, приводить эти укрепления в порядок.

Проявляя заботу о нуждах низов городского населения и наблюдая за порядком, тысяцкий самостоятельно вел судопроизводство, иногда выступая и в роли третейского судьи.

Вместе с князем и степенным посадником он являлся участником переговоров с представителями соседних государств. Участвовал он и в подписании мирных договоров между великим князем и вечевыми городами. Так, например, в 1456 г., когда великий князь Василий II Васильевич Темный выступил с войском в поход на Новгород и новгородское войско потерпело поражение, новгородцы ударили в вечевой колокол и, собравшись на вече, били челом владыке Евфимию, чтобы он вместе с посадниками, тысяцкими и житыми людьми (богатыми купцами) ехал к великому князю просить о мире. Тогда при участии тысяцких был заключен Яжелбицкий мирный договор, ознаменовавший начало потери Новгородом самостоятельности.

Должность тысяцкого в вечевых городах был оплачиваемой: каждый тысяцкий получал доходы с определенной области, которая была ему официально приписана для кормления. Как представитель городской администрации, тысяцкий имел свою печать.

В городах без вечаевого управления, таких как Владимир, Москва и другие, тысяцкий, тоже из бояр или родовитой фамилии, назначался князем. Должность тысяцкого при князе была весьма почетной: история Руси знала примеры подлинного героизма тысяцкого. Например, тысяцкий Вышата во время похода на греков по велению князя Владимира Ярославича, когда корабль с его воинами-дружинниками был выброшен бурей на берег, почитал постыдным для себя оставить свое войско, находящееся в опасности. Он сошел к ним на берег и при этом, как говорит предание, сказал: «Если буду жив, то с ними; если погибну, то с дружиною». Этот поступок стоил ему зрения: перед тем как отпустить пленных, греки ослепили их.

Постепенно должность тысяцкого приобрела характер наследственный. Тысяцкий, становясь старым тысяцким, передавал свою должность (разумеется, с согласия великого князя) своему старшему сыну. Понятно, что должность военачальника, предводителя тысячного войска, мог исполнять не каждый, а потому сын, которому тысяцкий передавал свою должность, мог быть совершенно не способным ее отправлять. В XIV в. в Московском и других княжествах предводителями войска стали воеводы (воевводящие), которых назначал на эту военную должность великий князь.

В XIV в. русские войска в сражениях располагались тремя отделениями: прямо перед врагом большой полк («чело»), его составляли наемники или земские полки, которыми командовал воевода большого полка; с левого фланга — дружина для неожиданного и решительного нападения, которой командовал князь-воевода левой руки; с правого фланга — тоже дружина во главе с князем-воеводой правой руки. Расчет был таков: если наемники или земские полки, не выдержав натиска врага, побегут, то полки воевод левой и правой руки, грянув с двух сторон на вражеские полки, возьмут их «в клещи», а затем, отрезав им попятный путь, устроят «котел», в котором и начнут их полностью уничтожать с помощью вернувшегося большого полка. Эта тактика применена была князем серпуховским Владимиром Андреевичем в августе 1378 г. в разгроме мурзы Бегича на реке Воже; такая же тактика принесла русским победу на Куликовом поле.

В связи с развитием системы воеводства, появлением различных наименований воевод — по их значимости (главный воевода, воевода передового полка), по месту их нахождения во время битвы (воевода правой руки, левой руки), по их назначению (засадный воевода, объезжий воевода), тысяцкие стали терять свое значение, уступая князьям-воеводам и наместникам, которым было поручено командование войсками, а потому звание «тысяцкий» постепенно перестало широко употребляться. Это звание закрепилось за одним лицом — главным воеводой при великом князе.

Великий князь Дмитрий Донской решил упразднить звание и должность тысяцкого. Сын покойного Василия Васильевича Вельяминова, Иван Васильевич, видя, что должность тысяцкого по наследству, как это было раньше, ему не получить, обиделся на великого князя и вместе со своим другом, богатым купцом Некоматом, бежал в Тверь, к великому князю тверскому Михаилу Александровичу, который считал себя врагом Дмитрия Донского и к этому времени уже два раза домогался получения ярлыка на великое княжение владимирское и московское, но Дмитрий Иванович не давал ему реально осуществить его желание. Этот побег к врагу был предательством.

Великий князь тверской радушно встретил беглецов и отправил их в Орду с заданием получить для него у хана ярлык на великое княжение владимирское. Иван Вельяминов и Некомат купили Михаилу тверскому ярлык, а тот, надеясь на помощь Орды и Литвы, где великим князем литовским был его зять Ольгерд, поспешил объявить Москве войну.

Великий князь Дмитрий московский собрал войско, к которому присоединились новгородцы, желавшие отомстить князю

тверскому Михаилу за разграбление и сожжение им Торжка, и собрались все подручные ему князья: трое князей суздальских, князь серпуховский Владимир Андреевич, трое князей ростовских, двое князей ярославских, князья смоленский, моложский, белозерский, кашинский, оболенский, стародубский, брянский, новосильский и тарусский.

Литовцы, пришедшие на помощь князю тверскому Михаилу, обнаружив такое огромное войско, не вступая в бой, ушли обратно в Литву. Ордынцы вообще не появились. Великий князь тверской Михаил, видя, в какой оборот он попал, запросил у Дмитрия Ивановича мира. По мирному договору он обязался признавать великого князя московского «своим старшим братом», вместе с ним идти на войну и участвовать в обороне при нападении врага. Он вернул Новгороду и Торжку все им награбленное и обещал жить с ними в мире. Ивана Вельяминова и Некомата он изгнал из Твери, а их села передал Дмитрию Ивановичу в его московскую казну. Некомату удалось скрыться, а Иван был схвачен и обезглавлен в Москве, на Кучковом поле (где теперь Сретенский монастырь). По другой версии, казнен был вместе с Иваном и его «содружник» Некомат.

Эта история предательства внутри Московского княжества окончательно решила судьбу звания и должности тысяцкого: этот важный древний сан вечевой Руси и военный сан невечевых городов был упразднен.

Князья одобрили решение великого князя. В вечевых городах тысяцкий избирался земским населением, не считаясь с мнением князя; он предводительствовал земскою ратью, ополчением, и от него во многом зависело, как поведет себя ополчение в трудную для князя минуту; он был представителем земской силы, следовательно, опорой вечевого строя. Н.И. Костомаров считал, что «эта старинная должность с ее правами стояла вразрез с самовластными стремлениями князей; она также не по сердцу была боярам, которые окружали князя, хотели быть его единственными советниками и управлять с ним землею, «не обращаясь к воле народной громады».

Однако слово «тысяцкий» долго не уходило из обихода русской речи. Сохранив свое прежнее значение важного лица, предводителя, оно стало употребляться в качестве одного из значительных действующих лиц в царском свадебном обряде. Свидетельство этому мы находим в труде Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича». Когда царь Алексей Михайлович решил жениться на Марии Ильиничне Милославской, он, призвав своих ближних бояр, стал составлять свадебный чин и ду-

мать, «кого изъ бояръ и изъ думныхъ и изъ ближнихъ людей, и изъ ихъ женъ, обрати въ какой свадебный чинъ, во отцово и въ материно место, и въ сидячие бояре и въ боярыни, и въ поезжаня, въ тысяцкие и въ бояре и въ дружки, и въ свахи, и въ свещники и въ коровайники и въ конюшенной чинъ и въ дворецкие, также и съ царевнину сторону сидячихъ бояръ и боярынь и дружекъ и свахъ».

Какое же место занимал тысяцкий среди свадебных чинов? Читаем: «съ царскую сторону первой чинъ, отецъ, мать, сидячие, которые бываютъ за царского отца и мать; второй чинъ поезжаня, протопопъ съ крестомъ, **тысяцкой, — и тотъ тысяцкой въ поезде болшимъ человекомъ...**» (выделено мной. — *И.В.*). Значение тысяцкого на свадьбе подчеркивается еще и тем, что «...дружка, поддружье — чинъ ихъ таковъ: на свадьбу созываютъ гостей, и в свадьбе **отъ тысяцкого и отъ царя говорить речи...**» (выделено мной. — *И.В.*).

Важность свадебного чина тысяцкого определялась и росписью очередности поднесения свадебных даров: «...въ то же время предъ царемъ стоитъ на столе, на болшомъ блюде, хлебъ да сыръ, и тотъ хлебъ и сыръ начнутъ резать и класть на торелки, да сверхъ того хлеба и сыра на те же торелки кладутъ дары, ширинки отъ новобрачной, по росписи, и подносятъ напередъ священнику, да отцу и матере невестинымъ да тысяцкому, потомъ царю и поезжанамъ и сидячимъ боярамъ и боярынямъ, и дружки себе и свахамъ и конюшему и дворецкому и чиномъ ихъ, по росписямъ же...».

Вот так звание тысяцкого, упраздненное в середине XIV в., продолжало жить, правда, в ином качестве, и через 300 лет — в середине века XVII.

Библиография

ГОСУДАРЬ ДВОР ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ И ЦАРЕЙ

(Основные библиографические источники)

Васильева Л.Н. Жены русской короны. Кн. I, II. М.: Атлантида XXI век, 1999.

Горский С. Жены Иоанна Грозного. Симферополь, 1990.

Государев двор в России (конец XV — начало XVIII в.). Каталог книжной выставки. М., ГПИБР, 1997.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. М. Изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.

Дворянские роды Российской империи. Т. I и II. Князья. СПб., 1993.

Дитрих М.Н. Русские женщины великокняжеского времени. СПб., 1904.

Добряков А.В. Русская женщина в домонгольский период. СПб., 1864.

Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. I. М., 1872.

Забелин И.Е. Женщина в допетровском обществе. СПб., 1901.

Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1872.

Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 1869.

Иконникова А. Царицы и царевны дома Романовых (Исторический очерк). Киев, 1914.

История России с древнейших времен до 1861 года / Под редакцией Н.И. Павленко. М.: Высшая школа, 1998.

Кабанов А.К. «Государево дело» стряпчего Бутурлина / Сб. статей, сообщений, описей документов / Действия Нижегород. учен. архивн. комиссии. Нижний Новгород, 1909.

Карамзин М.Н. История государства Российского. М., 1988.

Карнович Е.Л. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1886.

Ключевский В.О. Курс русской истории. Т. I — V. М., 1989.

Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: ЭКСМО, 2004.

Котошихин Г.К. Россия в царствование Алексея Михайловича. М., 1906.

Лихачев Д.С. Женщина на Руси не была униженной // Наука и религия. 1991. №3.

Московский журнал. История государства Российского. (1999—2008). № 1—12.

Московский летописец: Сборник. Вып. 1. М.: Московский рабочий, 1988.

Новиков Н.И. Древняя российская вивлиофика. Т. I — IV. 1773.

Павлов-Сильванский Н.И. Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства. СПб., 1898.

Панченко А.М. Я эмигрировал в Древнюю Русь: Россия: история и культура. СПб.: Звезда, 2005.

Пресняков А.Е. Книжное право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.

Пчелов Е.В., Чумаков В.Т. Правители России от Юрия Долгорукого до наших дней. 4-е изд., испр. и доп. М.: Грант, 2000.

Сергеевич В.И. Вече и князь. СПб., 1867.

Соборное уложение 1649 года. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1987.

Советская историческая энциклопедия. Т. 1—16. М., 1961—1976.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Соч.: 18 кн. М., 1988—1995.

Соловьев С.М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847.

Тысячелетие Российской империи. Энциклопедический справочник. СПб.: ИД «ВЕСЬ», 2004.

Федорченко В.И. Дворянские роды, прославившие отечество. Энциклопедия дворянских родов. Красноярск: БОНУС; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М.: Прогресс, 1967.

Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз, А.И. Эфрон. Кн. 1—82. СПб., 1890—1904.

Литературно-публицистическое издание

*Все изображения, использованные
в книге, являются фотографиями репродукций*

Воскресенская Ирина Васильевна

**РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
ПОЛНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
ГОСУДАРСТВ ДВОР ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ И ЦАРЕЙ**

Книга издана в авторской редакции

Ведущий редактор *С.М. Киктев*
Компьютерная верстка *И.В. Соколова*
Корректор *Н.В. Антонова*

Подписано в печать 22.03.10. Формат 70х100/16.
Усл. печ. л. 42,57. Тираж 3 000 экз. Заказ № 1045.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.2009 г.

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, проезд Ольминского, 3а

ООО «Агентство «КРПА Олимп»
115191, Москва, а/я 98
www.rus-olimp.ru
E-mail: olimpus06@rambler.ru

Издание осуществлено при техническом участии
ООО «Издательство АСТ»

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Полиграфиздат»
144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна, д. 25

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ ПОЛНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДВОР
ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ И ЦАРЕЙ

Эта книга — первая полная энциклопедия военных и гражданских чинов и званий допетровской Руси. Автор также подробно рассказывает о принципах устройства всех слоев общества тех лет. Книга, несмотря на масштаб охвата темы и глубину затрагиваемых вопросов, написана живо и увлекательно. Быт и привычки низших слоев и повседневная жизнь обитателей государственного двора — от царевен до воеводы. Подробности биографий таких ключевых в истории России фигур, как Александр Невский, Дмитрий Донской, Алексей Михайлович, также найдет любознательный читатель на страницах этой книги. Перед вами — полная летопись жизни допетровской Руси.

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-271-26554-9

9 785271 265549